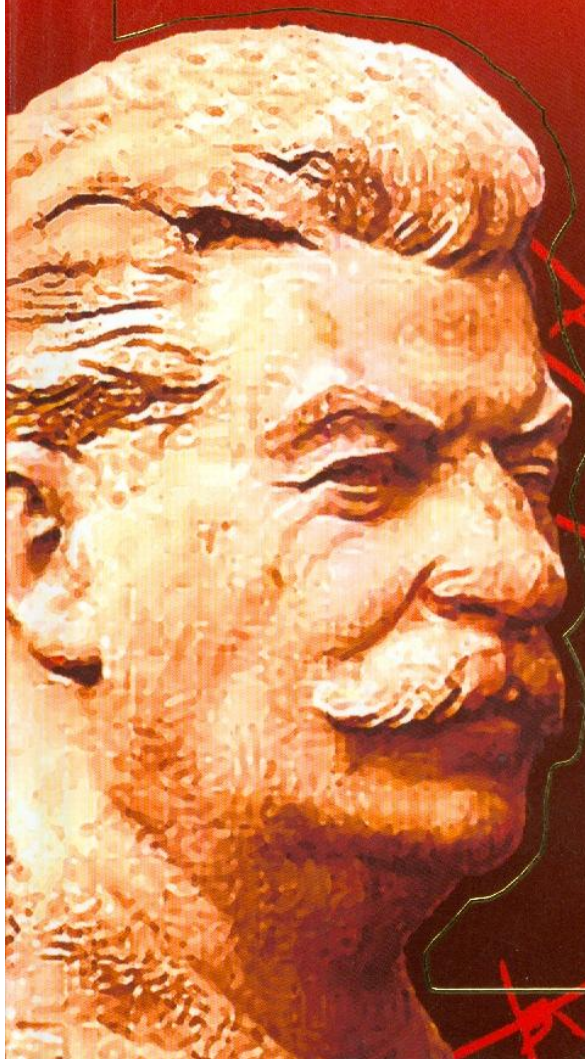

**«Если бы не
СТАЛИНСКИЕ
РЕПРЕССИИ!»**

Константин РОМАНЕНКО

**Как
Вождь
спас СССР**

Романенко К. К. «Если бы не сталинские репрессии!» Как Вождь спас СССР /

Константин Романенко. — М. : Яуза- пресс, 2011. — 576 с. - (Сталинист).

«ЕСЛИ БЫ НЕ СТАЛИНСКИЕ РЕПРЕССИИ!» - это любимая присказка всех антисоветчиков и врагов России: мол, не истреби «кремлевский тиран» «цвет интеллигенции», «детей Арбата» и «элилу Красной Армии», наша история могла пойти по другому, куда более благоприятному сценарию, и войну мы выиграли бы гораздо меньшей кровью...

Новая книга ведущего историка-сталиниста не оставляет от этих мифов камня на камне, неопровержимо доказывая: **сталинские репрессии были совершенно оправданы и необходимы, а чистка Красной Армии являлась обязательным условием ее модернизации.** «Обезглавил» ли при этом Сталин вооруженные силы? Разумеется, нет! Строго говоря, до 1937 года у СССР вообще не было боеспособной армии. Создававшаяся не для защиты собственных границ, а как инструмент «Мировой революции», РККА была заражена троцкизмом и «бонапартизмом», превратившись в рассадник заговорщиков и врагов народа. Сталинисты хорошо усвоили уроки Февральской революции, продемонстрировавшей, что нелояльные к власти вооруженные силы из опоры государства превращаются в его могильщика. И если бы Вождь не очистил Красную Армию от троцкистской нечисти, заговорщиков и иуд - СССР вряд ли устоял бы в 1941 году. Если бы вовремя не «обезглавил» военную оппозицию - все эти тухачевские, блухеры и якиры вполне могли обрушить фронт, как это случилось в 17-м. **Не будь сталинских репрессий - не было бы и Великой Победы!**

«Антисталинизм» - это фальсификация истории СССР сталинского периода. Он основан на исторических фальсификациях и лжи... Существуют три основных источника антисталинистской лжи: Лев Троцкий, Никита Хрущев и Михаил Горбачев.

*Профессор госуниверситета Монклер (США)
Гровер Ферр*

Пятнадцать человек на сундук мертвеца,
Ио-хо-хо - и бутылка рома!
Пей - дьявол тебя доведет до конца,
Ио-хо-хо - и бутылка рома!

Пиратская песня

ОТ АВТОРА

Я начинал работать над этой книгой в 2010 году. Тогда телевизор за моей спиной передавал информацию о взрыве поезда «Невский экспресс» на маршруте Москва- Петербург, потом - в московском метро, и, по странному стечению обстоятельств, пишу эти строки вновь под аккомпанемент траурной музыки. Теперь уже о жертвах террористического акта в аэропорту Домодедово. Но когда президент Д.А. Медведев сделал печальное заявление, что «в мире, к сожалению, еще никому не удалось снять террористическую угрозу в своей стране», мне захотелось воскликнуть словами Ленина: «Есть такая партия!» Точнее сказать: было такое государство, в котором еще накануне войны товарищ Сталин устранил террористическую угрозу, - это Советский Союз.

Однако я не стану ставить восклицательный знак. Потому что знаю: политики России не любят сравнений с Вождем. Более того, большинство из них делало все для того, чтобы вообще вытравить из сознания народа даже память о нем. Так, празднование юбилея Великой Победы прошло под знаком тупого «молчания ягнят» с телевизионных каналов. Но еще накануне «правозащитники» устроили визгливую истерику по поводу желанья вывесить в столице десяток плакатов, напоминавших о Генералиссимусе Победы и Верховном Главнокомандующем.

И некий Михаил Федотов - «демократический комиссар» образца 1991 года - вообще выдвинул идею «десталинизации». А другой военный «историк», Марк Солонин, призвал: «Без оговорок, без экивоков... безусловное признание Сталина создателем и главарем антинародной *тоталитарной диктатуры*. Диктатуры преступной, совершившей бесчисленные и ужасные по своей жестокости массовые преступления *против русского* (курсивы мои. — К. Р.) народа, *против других народов СССР*, совершившей столь же жестокие преступления против народов *других стран мира*.

Я считаю уместным и правильным, ничуть не противоречащим нашей Конституции, если будет установлена *уголовная ответственность* за публичное

восхваление, публичную апологетику этого преступного режима, его руководителя Иосифа Сталина и его приспешников. Режим Сталина должен быть определен как агрессивный и преступный, ничуть не лучший, чем *фашистский режим Гитлера*».

Впрочем, антисталинизм не изобретение нового столетия. Первая антисталинская кампания была организована еще Троцким. Потерпевший во время дискуссий 20-х годов поражение, он был выслан за границу, где стал сочинять пасквилы, порочащие Советского Вождя. С тех пор «все антикоммунистические пропагандисты»-«ученые» пользуются ложью Троцкого о Сталине и СССР. И дело заключалось не в том, что Лейба Бронштейн был несогласен со Сталиным в возможности «построения социализма в отдельно взятой стране». Им руководила неистовая обида и страстное желание отомстить. Вознесенный революцией на вершину власти, он оказался повержен и в отместку пытался организовать заговор. Он жаждал реванша.

Вторую волну антисталинизма поднял Никита Хрущев. Этот бывший троцкист и любитель кукурузы приписал Сталину «культ личности», причем одновременно насаждая собственный культ. Распространяемые им инсинуации были примитивны, но именно это делало их убедительными для недалеких людей. Следующую волну антисталинизма взбудоражили Горбачев и его приспешники. При этом «историки» его периода тоже «опирались на Троцкого и особенно — на Хрущева». Фальсификации автора «нового мышления» продолжились и при самодуре Ельцине.

Но что характерно? Никто из этих четырех авантюристов не принес стране ничего позитивного. Абсолютно ничего! Ни одного из них нельзя причислить к созидателям Государства Российского. Их деятельность негативна и деструктивна. Она была вредна и реакционна. Все они старательно раскачивали государственный корабль, а поскольку последний «капитан» был еще и алкоголиком, корабль наскочил на рифы и дел течь. И жаждавшая наживы пиратская команда разбрелась по «Острову коммунизма» в поисках сталинских сокровищ.

А сокровища действительно были. Да еще какие! Земля, которую Вождь и советский народ отстаивали в схватке с агрессором, промышленность, способная поднимать в космос корабли, строить города и заводы, использовать пашни и леса, добывать минералы, газ и нефть. Но главное — люди: на июнь 1991 года в СССР проживало 293 047 571 человек, которым принадлежало это богатство.

Но вот что странно: все эти антисталинские кампании, прокатившиеся друг за другом по СССР и России, были наполнены не только пеной лжи и инсинуаций, но и гротескным преувеличением числа «жертв» репрессий. Если Хрущев говорил о 10 миллионах, то позже начали называть 60. И как резонно пишет П. Краснов: «хотя даже не было необходимости врать — достаточно было просто открыть архивы». Но об этих гротескных преувеличениях стало известно только сравнительно недавно.

Причем при такой шизофренической сталинофобии никто даже не задумывался, а как же Вождь в одиночку смог «репрессировать» такую уйму

народа? И кем были люди, непосредственно творившие произвол? Но и сегодня пропаганда не называет «опричников» террора: «доносчиков», следователей, судей и прокуроров. И самое главное — пропаганда не говорит о том, что именно Сталин остановил чиновников, злоупотребивших властью.

Более того, процесс сталинофобии изменил свою идеологическую форму. Он даже сменил имя, возложив вину за случившееся на «тоталитарный» строй и каких-то абстрактных «большевиков». Но олицетворением строя по-прежнему называется Сталин. Представляемая читателю книга является своеобразным исследованием мифа об уничтожении «великих полководцев». И автор извиняется за чрезмерное злоупотребление цитированием документов, но разве можно вести следствие без вещественных доказательств? Но начнем с «обвинения».

Вступление. Мифическое наследие Троцкого

После смерти Вождя, скрыв исторические документы, Хрущев и конъюнктурная пропаганда запустили в употребление миф об «уничтожении» накануне войны «40 тысяч великих полководцев». В действительности автором этой инсинуации был еще Троцкий. Спустя пять дней после расстрела заговорщиков 17 июня 1937 года в «Бюллетене оппозиции» он опубликовал статью «Обезглавливание армии». Он писал: «После того как Сталин *обезглавил партию и советский аппарат*, он приступил к *обезглавлению армии* (курсивы мои. — **К.Р.**).

11 мая *прославленный маршал* Тухачевский был неожиданно смещен с поста заместителя Народного Комиссара Оборона и назначен на незначительный пост в провинцию. В ближайшие дни перемещены были командующие военными округами и другие *выдающиеся генералы*. (...) 16 мая опубликован был декрет, восстанавливающий Военные Советы во главе округов, флотов и армий. Стало очевидно, что правящая верхушка *вступила в серьезный конфликт с офицерским корпусом*. (...)

После смещения Тухачевского каждый посвященный спрашивал себя: кто же будет отныне руководить делом обороны? Призванный Тухачевскому на смену маршал Егоров, подполковник великой войны, — *расплывчатая посредственность*. Новый начальник штаба Шапошников — образованный и исполнительный офицер старой армии, но *без стратегического дара и инициативы*. А Ворошилов?

Не секрет, что «старый большевик» Ворошилов — *чисто декоративная фигура*».

Так язвительно «развенчав» двух бывших царских и прославленного «первого красного офицера» без всяких доказательств, Лейба Бронштейн заявлял: «*Действительными руководителями армии за последние годы были два человека:*

Тухачевский и Гамарник. Ни тот, ни другой не принадлежали к старой гвардии. Оба выдвинул- (и) -сь во время гражданской войны, *не без участия автора этих строк*».

Но, напомнив подзабывшим сторонникам о себе, любимом, как о полководце, Троцкий уже не спешил делиться лавровым венком Гражданской войны со своим ставленником. Он писал: «Тухачевский, несомненно, обнаружил выдающиеся стратегические таланты. Ему *не хватало, однако, способности оценить военную обстановку со всех сторон. В его стратегии всегда был явственен элемент авантюризма*».

И чтобы у читателя не возникло подозрений в проявлении авантюризма у самого Троцкого, он отмечает: «Мне приходилось также подвергать критике попытки Тухачевского создать «новую военную доктрину» *при помощи наспех усвоенных элементарных формул марксизма.* Не забудем, однако, что Тухачевский был в те годы *очень молод* и совершил *слишком быстрый скачок* из рядов гвардейского офицерства в лагерь большевизма».

Троцкий не упоминает, что и сам он вместе с «межрайонцами» совершил «скачок» в ряды большевиков только в августе 1917 года. То есть лишь на полгода раньше, чем его подопечный. И хотя не только историку, но и политику «не положено гадать, что было бы», Троцкий чисто гипотетически предопределяет возможную полезность «расстрелянного маршала»:

«С того времени он, *видимо, прилежно учился...* Удалось ли ему приобрести необходимое *равновесие внутренних сил,* без чего нет *вообще великого полководца,* могла бы, пожалуй, *обнаружить только новая война,* в которой Тухачевскому заранее отводилась роль *генералиссимуса.*

Ян Гамарник, выходец из еврейской семьи на Украине, уже во время гражданской войны выделился политическими и административными способностями, правда, *в провинциальном масштабе.* В 1924 г. я слышал о нем, как об украинском «*троцкисте*». Личные связи с ним у меня уже оборвались. (...)

Десять лет Гамарник занимал ответственные посты, в самом центре партийного аппарата, в повседневном сотрудничестве с ГПУ, — мыслимо ли при этих условиях вести две политики: одну — *для внешнего мира,* другую — *для себя?* (...) Почему же оба эти руководителя вооруженных сил попали под удар? (...) Тухачевский никогда не был троцкистом. Гамарник прикоснулся к троцкизму в такой период, когда его имя никому еще не было известно. И почему Гамарник сейчас же после таинственной смерти попал в список «врагов народа»? (...)

Гамарник принимал руководящее участие во всех чистках армии, делая при этом все, чего от него требовали. Но там дело шло, по крайней мере, об оппозиционерах, о недовольных, о подозреваемых, следовательно, об интересах «государства»».

Однако Троцкий тоже не признается в собственных связях с заговорщиками. Это не входило в его интересы. Наоборот, отметив, что «*за последний же год* понадобилось *выбрасывать* из армии ни в чем не повинных людей», он

продолжает: «Со многими из этих командиров Гамарник, как и Тухачевский, были связаны узами товарищества и дружбы. Как начальник ПУРа, Гамарник не только должен был выдавать своих сотрудников в руки Вышинского, но и участвовать в фабрикации ложных обвинений против них. Весьма вероятно, что он вступил в борьбу с ГПУ и жаловался на Ежова... Сталину. Этим одним он мог подвести себя под удар».

Даровав Тухачевскому статус несостоявшегося «генералиссимуса», автор уже не жалеет слов для возвеличивания и других расстрелянных заговорщиков: «овечьими легендой герои гражданской войны, даровитые полководцы и организаторы, вожди армии». Чем же Троцкий подтверждает свое утверждение? Только занимаемыми ими постами в чиновничьей армейской иерархии. Он пишет:

«Если Тухачевский из царского офицера (всего лишь подпоручика. - *К.Р.*) стал большевиком, то Якир из молодого туберкулезного студента стал красным командиром. Уже на первых шагах он обнаружил воображение и находчивость стратега: *старые офицеры не раз с удивлением поглядывали на тщедушного комиссара, когда он спичкой тыкал в карту.* Свою преданность революции и партии Якир имел случай доказать *с гораздо большей непосредственностью, чем Тухачевский.*

...Авторитет, которым он пользовался, был велик и заслужен. Рядом с ним можно поставить *менее блестящего*, но вполне испытанного и надежного полководца гражданской войны Уборевича. Этим двум поручена была охрана западной границы, и они годами готовились к своей роли в будущей войне. Корк... с успехом командовал в критические годы *одной из армий*, затем Военным Округом, наконец, был поставлен во главе Военной академии, *на место Эйдемана...*

В последние годы Эйдеман стоял во главе Особиахима, который *осуществляет активную связь гражданского населения с армией.* Путна - образованный молодой генерал, *с международным кругозором.* В руках Фельдмана сосредоточивалось *непосредственное наблюдение над командным составом:* это одно дает меру доверия, каким он пользовался. Примаков был, несомненно, самым выдающимся, после Буденного, *начальником кавалерии.*

Можно сказать без преувеличения, что во всей Красной армии *не остается ни одного имени*, кроме того же Буденного, которое могло бы по своей популярности, не говоря уже о талантах и знаниях, равняться с именами неожиданных преступников. *Разрушение руководства* Красной армии произведено, таким образом, с полным знанием дела!»

Вроде бы хорошо сказано?! Но если отбросить словесную шелуху, то получается то, о чем уже говорилось ранее. Гамарник вместе с Фельдманом, осуществлявшим непосредственное «наблюдение над командным составом», «выбросили» из армии царских офицеров», назначив на командные посты своих ставленников. Таких как «туберкулезный студент», поражавший «старых офицеров» умением тыкать спичкой в карту.

В чем таланты других «полководцев»? По словам Троцкого, в том, что Корк командовал в Гражданскую «одной армией», Путна обладал «международным кругозором», Эйдеман осуществлял связь «населения с армией», а Примаков был вторым выдающимся кавалеристом «после Буденного». Не маловато ли таких качеств для «легендарных полководцев»?

Но, «увекочив» таким образом расстрелянных заговорщиков, Троцкий выходит на тропу голых предположений: «Каковы, однако, действительные причины истребления лучших советских генералов? Об этом можно высказаться лишь гипотетически, на основании ряда прямых и косвенных симптомов. (...)

Тухачевский и его сторонники, видимо, *переоценили свои силы*. (...) Если допустить, что Тухачевский действительно придерживался до последних дней прогерманской ориентации (я в этом не уверен), то, во всяком случае, не как агент Гитлера... Некоторые из генералов должны были к тому же чувствовать себя *лично связанными* своими предшествующими дружественными заявлениями по адресу Германии».

То есть в принципе Троцкий не исключает прогерманской ориентации Тухачевского, но, изложив свои версии произошедшего, он признал хилость своей аргументации: «В наших соображениях о причинах обезглавления армии есть и *элемент догадки*».

Статья Лейбы Бронштейна завершалась рассуждением: «Бонапартизм всегда имеет тенденцию принять форму открытого господства сабли. Независимо от *действительных или мнимых амбиций Тухачевского, офицерский корпус должен все больше проникаться сознанием своего превосходства над диктаторами в пиджаках*. Сталину эти наслоения яснее, чем кому бы то ни было. Он считает поэтому, что после удушения массы и истребления старой гвардии *спасение социализма - в нем одном*.

Дело не просто в личном властолюбии или жестокости. Сталин не может не стремиться к юридическому закреплению своей персональной власти, в качестве ли пожизненного «вождя», полномочного президента или, наконец, венчанного императора. Он не может в то же время не бояться, что из среды *самой бюрократии и особенно армии* возникнет противодействие его планам цезаризма.

Это значит, что *прежде, чем свалиться в пропасть — с короной или без короны*, Сталин попытается истребить *лучшие элементы* государственного аппарата. Красной армии он нанес, во всяком случае, страшный удар. ...Она сразу стала ниже на несколько голов. Морально армия потрясена до самых основ. Интересы обороны принесены в жертву интересам самосохранения правящей клики. После процесса Зиновьева и Каменева, Радека и Пятакова процесс Тухачевского, Якира и др. *знаменует начало конца сталинской диктатуры*».

Троцкий, как всегда, ошибался: «Большая чистка» не завершилась падением Сталина. Наоборот, укрепив армию, именно она позволила стране и ее народу

победить в Великой войне, но даже после этого запущенный Троцким миф об «обезглавливании армии» продолжает бытовать до сегодняшнего времени.

Глава 1. «На запад... на Варшаву - марш!»

Наиболее одиозной фигурой жертв репрессий в армии является Тухачевский. И это при том, что, возводимый апологетами Троцкого в ранг потенциальных «военных гениев», он фактически не имел сколько-нибудь приличного военного образования. В 1914 году он закончил за два года лишь пехотное училище, что по советским меркам не тянуло даже на обучение в пресловутом ПТУ, дававшем рабочие профессии.

Молодой подпоручик не приобрел сколько-нибудь серьезного практического опыта и оказавшись в начале осени на фронте. Однако «на войне» ни по чинам и ни по возрасту заносчивому младшему офицеру повезло. Он не был ни контужен, ни ранен; но самое главное — не убит и уже через полгода, при весьма подозрительных обстоятельствах, попал в плен. В снежную метельную ночь 19 февраля 1915 года, завернувшись в бурку, подпоручик гвардейской роты безмятежно спал в окопе, когда немцы прорвали фронт в Карпатах, атаковав 110-тысячную армию Сивера. Биографическая версия гласит, что, «когда началась стрельба, паника и немецкие крики, Тухачевский вскочил, выхватил револьвер, бросился бежать, стреляя направо и налево, отбивался от окружавших немцев. Но врывавшимися в окопы немецкими гренадерами был сбит с ног». Сообразив, что дело безнадежно, Тухачевский бросил свой револьвер, постыдно подняв руки, закричав по-немецки: «Мы сдаемся!» — велел сдаться и остаткам роты».

В этой заварухе он не получил ни одной царапины, а вот его начальник командир роты Веселаго, имевший Георгиевский крест за храбрость в Русско-японской войне, яростно сражался до конца. Пока четыре немецких гренадера не закололи его штыками. Позже на теле доблестного капитана насчитали более 20 пулевых и штыковых ран. О том, что 22-летний Тухачевский, мечтавший «в 30 лет выйти в генералы», не горел желанием умирать ни «за царя», ни «за Отечество», свидетельствуют и дальнейшие события.

Итак, пробыв в районе боевых действий менее 6 месяцев, он оказался в плену, где почти три года мировой бойни провел «в беседах» — не только с соотечественниками, но и галантными французами. Говорят, что, оказавшись в плену, он якобы «шесть раз (!) пытался бежать». Но такое утверждение не столько сомнительно, сколько смешно, поскольку на поверку выходит, что «гений военной мысли», как утверждают апологеты бывшего маршала, не смог организовать даже простой побег из плена. Как же он планировал боевые операции?

Нет, у него не было «охоты снова лезть в окопы, подставляя голову под снаряды и пули, и кормить своей кровью проклятых вшей». К тому же режим в крепости

отличался исключительным либерализмом. Пленных не гоняли на принудительные работы, они систематически получали посылки и даже устраивали праздники. Сидевший в Ингольштадте вместе с Тухачевским будущий генерал-лейтенант А.В. Благодатов вспоминал: «В день взятия Бастилии мы собрались в каземате французских военнопленных. На столе появились бутылки с вином и пивом, полученные к празднику нашими французскими друзьями. Каждый стремился произнести какой-нибудь ободряющий тост. Михаил Николаевич поднял бокал за то, чтобы на земле не было тюрем, крепостей, лагерей»¹. Хорошая мысль; но, видимо, позже, организовывая с Троцким военные трибуналы, он забыл о своих либеральных намерениях.

Условия плена у австрийцев были почти курортными, а «если пленный давал подписку, скрепленную честным словом» не совершать побега, то комендатура Ингольштадта «разрешала и прогулки вне лагеря». Однако когда в России прошумела февральская революция, то, нарушив слово и поправ честь, молодой подпоручик «со странно выпуклыми глазами» бежал. После этого случая прогулки для пленных были запрещены, поэтому англичане и французы посчитали его поступок «неслыханным неджентльменством». Но что такое «честное слово» перед возможной карьерой и свободной жизнью - «понятие, предназначенное специально для того, чтобы нарушать его перед дураками».

Вместе с Тухачевским бежал и капитан Генерального штаба Чернявский. Шесть суток «беглецы скитались по лесам, а на седьмые наткнулись на жандармов. ...Тухачевский удрал от преследователей, а Чернявский был водворен обратно в лагерь»². Он благополучно перебрался в Швейцарию и вернулся в Россию только в сентябре 1917 года. Чем он занимался после побега, скрыто туманом. По свидетельству сестры Тухачевского, ее брат не любил рассказывать о деталях своего бегства.

Его сестра вспоминала: «Дни, проведенные им с семьей, были для нас днями беспредельного счастья и бесконечных расспросов. Мы дознавались, как он бежал, как скрывался, чем питался в пути, каким образом шел ночами по незнакомым местам. Михаил не очень охотно вспоминал обо всем этом — слишком много перенес. На *привезенных им из Швейцарии фотографиях* он походил на мумию и был страшно оборван»³. Но если тщеславный военный не любил даже вспоминать об обстоятельствах своего авантюрного приключения, то зачем он запечатлел себя на снимках, говорящих о его жалком положении?

Что он хотел документально засвидетельствовать? Легенду? Или сам факт побега?

О причинах, по которым молодой подпоручик примкнул к красным, написал его друг капитан Н. Ганецкий. Сын полковника, закончивший Пажеский корпус, он познакомился с Тухачевским в октябре этого же года. И когда Тухачевский

¹ Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей. М., 1965. С. 23.

² Там же. С. 25.

³ Там же. С 14-15.

признался новому приятелю о решении пойти в Красную Армию, тот с удивлением спросил: «Как ты можешь идти туда?» На что последовал ответ: «Я ставлю на сволочь...»⁴ О том, почему Тухачевский вдруг переменял «цвета», свидетельствовал и еще один из его знакомцев. «Я спросил его, — рассказывал впоследствии капитан Д. Голумбек, — что же он намерен делать?» Он ответил: «Откровенно говоря, я перехожу к большевикам. Белая армия ничего не способна сделать. У нас нет вождя».

К красным Тухачевский подался весной, когда на картах Гражданской войны уже обозначились контуры противостоящих фронтов. И все-таки, «не успев толком подчитать марксистские формулы», он сделал верный ход, обеспечивший всю его последующую карьеру. В апреле 1918 года по совету своего приятеля музыканта Н. Кулябко, участвовавшего в формировании института военных комиссаров, он вступил в РКП(б). Это позволило ему занять должность инспектора формирования Красной Армии в военном отделе ВЦИКа, а в мае он стал комиссаром Московского района Западной завесы, приняв участие в обучении младших командиров.

В конце июня Тухачевского командировали в распоряжение главкома Восточного фронта - «лихого эсера и отчаянного авантюриста» Муравьева, и поскольку в войсках красных не хватало профессионалов, то бывший царский полковник сразу назначил 25-летнего «подпоручика с партбилетом» командующим 1-й армией. Более того, когда через две недели, во время начавшегося восстания эсеров против Советской власти, Муравьева застрелили, то Тухачевский стал исполнять обязанности командующего фронтом! Правда, без особого успеха. За десять дней его командования белые взяли Сызрань, Бугульму, Мелекесс, Сенгилей и даже Симбирск. Прибывший на фронт новый командующий Вацетис, тоже бывший полковник, отыскал Тухачевского в Пензе. Потребовав, чтобы юноша «поменьше шлялся по тылам», он оставил его при себе.

Тем временем положение на Восточном фронте становилось катастрофическим, и наводить порядок сюда явился Троцкий. Как писал Гуль: «Желчный, желтый, больной, совсем не такой, каким изображают его в шишаке и стрелецкой шинели бравые плакаты. Троцкий тогда еще... был по горло в крови... 4-й латышский полк не хочет сражаться, и 29 августа Лев Давыдович из купе салон-вагона приказывает: расстрелять членов полкового комитета в присутствии полка. По приказу Троцкого 29 августа на берегу Волги, на глазах латышей, расстреляли трех коммунистов, членов полкового комитета, «не сумевших дисциплинировать полк». Когда из Пермской дивизии к белым перебежали четыре офицера, то «в припадке военно-канцелярского террора Троцкий требует сообщить ему местожительства офицерских семей, которые тоже будут расстреляны». По его приказу расстреляли командира, комиссара и каждого десятого в отступившем Петроградском полку.

⁴ Гуль Р. Я унес Россию. Том II. Россия во Франции. С. 228.

«Предупреждаю, — сообщал Троцкий в приказе, — если какая-нибудь часть отступит самовольно, первым будет расстрелян комиссар, вторым командир». Но «разговорами о дисциплине и трибуналах» коммунист-подпоручик Лейбе Бронштейну понравился. Поэтому позже нарвоенмор писал ему письма, обещая помощь и поддержку, а вот с Вацетисом у Тухачевского отношения не сложились.

Причиной стало то, что командарм-подпоручик сначала сдал Симбирск, а затем потерял Казань вместе с находившимся там золотым запасом России. В литературе часто появлялась характеристика его действий с эпитетом «блестящая». Смотрится почти комично, но впервые такой эпитет появился под «пером» самого Тухачевского. Через две недели после назначения на должность командующего, телеграфируя 8 июля 1918 года Кулябко, рекомендовавшего его в партию, о своей деятельности на Восточном фронте, он без тени скромности сообщил: «Тщательно подготовленная операция Первой армии закончилась *блестяще*. Чехословаки разбиты, и *Сызрань взята с бою*. Командарм 1-й Тухачевский».

Однако, как свидетельствует энциклопедия (ЭГВ), на самом деле Сызрань была взята Красной Армией не 8 июля, а *лишь 3 октября!*⁵ Наоборот, та же ЭГВ отмечает: «В июне — июле 1918 г. войска Восточного фронта *вели оборонительные действия* против мятежных чехословацких и белогвардейских войск... попытка перехода в августовское наступление Восточного фронта 1918 года *не имела успеха*». Впрочем, Симбирская, Сызрань-Самарская, Бугурусланская, Златоустовская, Челябинская и Петропавловская операции тоже были разработаны не Тухачевским, а командованием Восточного фронта. Бывший подпоручик участвовал в них лишь в качестве командующего — сначала 1-й, а затем 5-й армиями.

Причем Симбирск был взят его частями только с третьей попытки, и это неслучайно. Успех сопутствовал молодому командиру лишь в том случае, если он имел над противником превосходство в силах либо когда тот отступал. Поэтому, попадая в критические ситуации, Тухачевский постоянно «требовал подкреплений», и командованию фронтом приходилось бросать ему на выручку войска с других участков. Так, после ранения Ленина в результате покушения 30 августа Тухачевский пообещал Троцкому взять Симбирск. В результате тяжелых боев 9 сентября части 1-й армии «с *большим трудом* заняли подсимбирские деревни Тетюшское, Елшанка, Шумовка». А при захвате села Баратевка Тухачевский узнал, что командарм 5-й армии бывший поручик Славин «общим приступом *уже взял древнюю татарскую столицу Казань*».

Впрочем, к этому времени почти все чехословацкие войска *были выведены из боев*, и, спеша получить свой кусочек славы, 11-го числа Тухачевский попытался взять Симбирск с ходу — по еще не разрушенному мосту. Но поскольку операция началась без предварительной разведки, то противник сразу же погнал его части

⁵ Советская Энциклопедия. Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1987.

назад. «Зелёного» командарма спасло то, что после освобождения Казани командование фронтом перебросило войска правобережной группы 5-й армии Славина по Волге к Симбирску, а белогвардейцы направили свои главные силы против 3-й армии красных в районе Перми. Симбирск оказался окруженным с трех сторон. Поэтому к полудню 12 сентября белым не оставалось ничего иного, как по единственной оставшейся в их распоряжении переправе через Волгу начать отвод своих сил.

Но в том, что войска противника сами оставили город, никакой полководческой заслуги 25-летнего военного не было. Характерно, что на Восточном фронте Тухачевский не задерживался на одном посту долго. При этом все его перемещения обрастали «радужным хвостом склок и жалоб», в который регулярно втягивалось много лиц, включая и высшее командование. Одним из конфликтов стали его «противоречия» с комиссаром 20-й Пензенской дивизии Медведевым. Дело заключалось в том, что 26-летний «вундеркинд» окружил себя своеобразной челядью - приживалками, приживальцами и родственниками жены, жившими в его вагоне. Особыми привилегиями «полководца» пользовались и лица, приближенные к штабу, который стал напоминать двор мелкопоместного феодала.

И когда комиссар осудил такие барские замашки, то командарм стал писать жалобы в Реввоенсовет фронта, требуя убрать строптивного политработника. Выглядит комично, что все его претензии были почти гастрономическими. Он утверждал, что Медведев «подрывает авторитет командарма, а именно - отменяет разрешенную командармом командировку помощнику - зав. *разведотделом армии*, которому, как главное, *поручено закупить и привезти для должностных лиц штаба на праздник масло, поросят, муку...*»

Разбираться в ситуации поручили комиссару О.Ю. Калину, и, опровергая демагогические обвинения со стороны Тухачевского в адрес Медведева, проверяющий сообщил: «Причиной обострения взаимоотношений политкомармов с командармом является следующее. С развитием армии развивался и штаб армии, а также все управление, но только по количеству и штату, но не по качеству. Замечался скрытый саботаж, халатное отношение, кумовство. ... *Из высших должностных лиц и командарма образовался кадр, который оградил себя китайской стеной от влияния и контроля политкомармов*».

Неприязнь к барствующему «вундеркинду» росла, и, хотя Троцкий не упускал из поля зрения своего любимца, в конце 1918 года, когда положение любителя «поросятины» в 1-й армии стало невыносимым, его откомандировали «командовать» 8-й армией на Южный фронт. Здесь Тухачевскому вновь повезло. К этому времени ситуация на Южном фронте для сил Красной Армии складывалась благоприятно. В результате третьего разгрома под Царицыном разложившиеся войска Краснова беспорядочно отступали, и армия Тухачевского не встречала сопротивления казаков. Кроме того, с февраля в Донецкий бассейн вступили войска Добровольческой армии. Самовольно повернув 8-ю армию на

Миллерово и не добившись ощутимых успехов, Тухачевский застрял у Донца. Однако и здесь он почти сразу повздорил с командующим Южфронтом Гиттисом. Поэтому через два месяца командования его вернули на Восточный фронт, но уже не в 1-ю, а в 5-ю армию.

Второе пребывание Тухачевского на Восточном фронте тоже едва не закончилось изгнанием. Уже в мае он вступил в очередной конфликт. На этот раз с командующим фронтом, бывшим царским генералом А. А. Самойло. В 1958 году Самойло писал, что с «резким конфликтом между мной и командующим 5-й армией Тухачевским *из-за неправильных его донесений о действиях своих дивизий*» усложнилось и положение самого комфронта. Сторону Тухачевского принял член РВС Республики Гусев, но когда Самойло обратился к Главкому Каменеву, то «получил разрешение отстранить командарма-5». Правда, осуществить это разрешение «*по условиям оперативной обстановки*» комфронта «не счел возможным».

Самойло тактично умолчал о том, что в своих карьеристических устремлениях бывший подпоручик «широко пользовался приемом, присущим выскочкам - в своих донесениях он *преувеличивал* собственные успехи, а неудачи *переводилка счета других*». Воевавший наскоком и нахрапом, не заботясь о резервах и тылах, не умевший организовать связь и взаимодействие частей, Тухачевский побеждал лишь тогда, когда имел численное превосходство над неорганизованным противником. Сталкиваясь с сопротивлением, он сразу же просил подкрепление и обычно его получал.

Известность Тухачевскому принесла почти партизанская война с Колчаком. Не добившись покорения Москвы, с полностью разложившейся армией, «Верховный правитель» России стал отступать в Сибирь. Вслед за откатывающейся армией ударившегося в бегство Колчака устремилась 5-я армия. Естественно, что отступление колчаковцев не могло продолжаться бесконечно. В августе 1919 года, при подходе красных к Петропавловску, белые оказали сопротивление. Сковав части 5-й армии с фронта, они перешли в контрнаступление. «Корпус сибирских казаков атамана Иванова-Ринова опрокинул войска Тухачевского и погнал их назад, к Тоболу». Отступая со своими частями, Тухачевский в панике бежал, переправившись через реку. От полного разгрома «пятоармейцев» спас очередной командующий Восточным фронтом красных, бывший царский генерал В. А. Ольдерроге, ударивший во фланг белых. В себя бывший подпоручик пришел только к 29 октября, когда пополнил дивизии из резерва фронта.

Впрочем, то, что он «постоянно пренебрегал пополнением материальных запасов и подтягиванием тылов, бросал в бой сразу всю массу своих войск, не оставляя резервов», вообще являлось особенностью «полководческого почерка» Тухачевского. Поэтому командованию фронта постоянно приходилось прилагать значительные усилия для восстановления положения. Еще одной особенностью войны в Сибири являлось и то, что «ряд городов — Самара, Кузнецк, Томск,

Челябинск — был освобожден партизанами или восставшими рабочими еще до того, как к ним подходили войска» 5-й армии. Однако слава «победителя» доставалась Тухачевскому.

Впрочем, эта приписанная ему «слава» преувеличивает степень значимости его участия в военных действиях. В действительности его воинские заслуги более чем скромны. Три года империалистической войны он провел в плену. 23 дня (с 28 декабря 1918 по 19 января 1919 г.) он помощник командующего войсками Южного фронта. Командующий 8-й армией Южного фронта с января по март 1919 года, затем, с апреля по ноябрь, возглавлял 5-ю армию. После этого более двух месяцев он находился за штатом, и лишь с 31 января 1920-го по 28 апреля 1920 года (т.е. неполных четыре месяца) он был временно командующим войсками Кавказского фронта.

Но в анналах истории не запечатлено ни одной операции Тухачевского, которая могла бы стать образцом военного искусства, способной служить примером для потомков. Впрочем, получив звание маршала лишь в конце 1935 года, первым заместителем наркома обороны СССР он стал только в апреле 1936 года и находился в этой должности всего 13 (!) месяцев.

Зато самой позорной неудачей «полководца» стал провал польско-советской войны. К весне 1920 года Польша имела хорошо вооруженную странами Запада 200-тысячную армию. Только Франция предоставила в ее распоряжение 1494 орудия, 350 самолетов, 2500 пулеметов, 327 тыс. винтовок. Боевой подготовкой легионеров занимались французские инструкторы. В этот период вся Красная Армия состояла из 500 тыс. человек, разбросанных на фронтах от Амура до Финского залива. 25 апреля 1920 года 65-тысячная польская армия совместно с войсками Петлюры начала наступление на Россию. План наступления разрабатывался под руководством французского маршала Форша, при непосредственном участии главы французской миссии в Варшаве генерала Анри. На украинском направлении антисоветским силам противостояли 12-я и 14-я советские армии, насчитывающие всего 20 тыс. штыков и сабель. 26 апреля польско-петлюровские националисты заняли Коростень и Житомир, 27-го числа оккупировали Казатин, а 6 мая захватили Киев. Одновременно 79 тысяч польских легионеров начали наступление на Белоруссию.

Для Сталина агрессия поляков не стало неожиданностью. Еще 26 февраля командование Юго-Западного фронта - Сталин и Егоров - представили Москве доклад, в котором отмечалось: «С поляками, безусловно, придется драться... Полагаем, что при будущих действиях против поляков нельзя ограничиться главным ударом на участке Западного фронта, а необходимо его поддержать со стороны Юго-Западного фронта в направлении Ровно - Брест». Поэтому еще в марте Реввоенсовет Республики принял решение о переброске Конной армии Буденного на Западный фронт. Вначале эта переброска планировалась по железной дороге, но, по мнению Буденного и Ворошилова, передислокация огромной

многотысячной кавалерийской армии могла занять несколько месяцев, затруднив боевую подготовку бойцов. Руководители конармейцев предложили совершить рейд походным порядком.

Однако Главком Каменев, начштаба Лебедев и начальник оперативного управления Шапошников воспротивились этому предложению. Приехавшие для решения этого вопроса в Москву Буденный и Ворошилов попросили приема у Троцкого, но нарвоенмор их не принял. Он небрежно велел передать через секретаря, что «занят делами IX съезда партии», и командиры Конной армии обратились к Сталину. Выслушав жалобу, он пригласил их на съезд, где организовал встречу с Лениным, и тот попросил Сталина передать Главкому, что «он согласен с мнением командования Конной армии».

С правого берега Кубани кавалерийские дивизии двинулись на Украину 11 апреля, и 28-го Политбюро рассмотрело план операции по отражению польско-петлюровского вторжения. Было принято решение: перебросить «все возможное» с кавказского направления и отправить на польский фронт, а 18 мая решением ЦК членом РВС Юго-Западного фронта утвердили члена РВС Республики Сталина. Он покинул Москву 26-го числа и на следующий день прибыл в Харьков, где размещался штаб фронта. Разобравшись в ситуации, он выехал в Кременчуг - ближе к наступавшим войскам.

В это время Юго-Западный фронт представлял собой странный симбиоз. Его южное, левое крыло противостояло войскам Врангеля, пока еще сидевшего в Крыму, а правое - образовало линию советско-польского фронта, протянувшегося через всю Украину. Такое построение обороны обещало бои на два фронта; причем с самостоятельными противниками, что являлось грубым просчетом Реввоенсовета Республики.

Прибыв на крымский участок, уже 29 мая Сталин сообщил Ленину о мерах, предпринятых им для отпора войскам белых, угрожавшим республике со стороны Крыма, а 31 мая он подписал директиву об обороне Одессы. К этому времени, совершив с 11 апреля по 25 мая невиданный тысячеверстный марш, Конная армия Буденного сосредоточилась на другом крыле Юго-Западного фронта, в районе Умани. Уже через день конармейцы вступили в бой с поляками, но еще днем раньше начала наступление 14-я армия фастовской группы красных. Однако начавшееся наступление не принесло успеха. Анализируя состояние дел на советско-польском фронте, 31 мая Сталин отмечает в письме Ленину: «Теперь, когда я ознакомился с положением фронта, могу поделиться с Вами впечатлениями. Основная болезнь Юго-Западного фронта - все три армии воюют без резервов... Конная армия, оставшаяся без серьезной поддержки со стороны пехоты, ослабнет, само наступление распылится на ряд мелких стычек...»⁶

⁶ Цит по: Семанов С. Сталин: уроки жизни и деятельности. М., 2002. С. 154.

Он объективно оценил ситуацию и поставил вопрос об усилении фронта, однако Ленин ему помочь не мог. 2 июня, направив телеграмму в Кременчуг с пометкой «Вручить только лично Сталину, для личного расшифрования», Ленин признается: «На Западном фронте положение оказалось хуже, чем думали Тухачевский и Главком, поэтому надо просимые дивизии *отдать туда*, а с Кавказского фронта взять больше нельзя, ибо там восстания и положение архитревожное...»⁷ Речь шла о том, что к правому флангу украинского участка Юго-Западного фронта, противостоящего полякам, на территории Белоруссии расположился Западный фронт. И еще 29 апреля в Смоленске на пост командующего его войсками заступил Тухачевский. Накануне, 28-го, Москва утвердила предложенный им план разгрома поляков.

Осуществляя свой план, 14 мая Тухачевский начал наступление на Свенцяны, Молодечно и Борисов, заняв эти города. Видимо, за этот успех 28-летнего бывшего подпоручика, во время службы в царской армии не командовавшего даже ротой и не кончавшего «академии», в разгар операции, 22 мая, наряду с С. С. Каменевым и А. И. Егоровым причислили к Генеральному штабу. Впрочем, «победы» Тухачевского продолжались недолго. Дело в том, что резервов у командарма «вундеркинда» не было, но их и не могло быть. Свое кредо в отношении ведения войны Тухачевский изложил еще 24 декабря 1919 года, прочтя в Академии Генерального штаба программную лекцию — «Стратегия национальная и классовая».

«Стратегические резервы, — самоуверенно провозглашал в ней подпоручик, - польза которых всегда была сомнительна (курсивы мои. — *К.Р.*), в нашей войне и вовсе неприменимы... Фронты армий громадны. Пути сообщений в полной разрухе. Вместе с тем операции развиваются со стремительной быстротой. Все это делает *употребление стратегических резервов с целью нанесения противнику удара в решительный момент совершенно излишним и вредным самоослаблением*»⁸.

Не нужно заканчивать военную академию, чтобы понять очевидную бредовость такого утверждения. Это рассуждения дилетанта, не понявшего азов военного искусства. И поляки уже вскоре преподнесли «гениальному» полководцу вразумляющий урок. Уже 30 мая они предприняли контрнаступление и не только отбросили войска Западного фронта назад, а создали угрозу их полного разгрома. Не имевший резервов и не умевший организовать оборону, Тухачевский ничего не мог предпринять. Его войска бессильно отступали. Только 15-я армия Корка из последних сил цеплялась за плацдарм в районе Полоцка. Окончательного краха Западного фронта не допустил Сталин.

Еще 2 июня, в Кременчуге, он провел переговоры с командованием 1-й Конной армии. Обсудив план ее действий, 3 июня 1920 года он подписал директиву РВС Юго-Западного фронта о разгрома киевской группировки белополяков. И в те дни,

⁷ Там же.

⁸ Соколов Б.В. Тухачевский. М., 2003. С. 91.

когда поляки погнали войска Тухачевского из Белоруссии, в соответствии с директивой Сталина 1-я Конная армия Буденного начала наступление под Киевом. Наступление развивалось стремительно. 5 июня красная кавалерия прорвала фронт и, опрокидывая хорошо вооруженные польские дивизии, углубилась в тыл противника, сея хаос и смятение в его рядах. 7 июня буденовцы взяли Житомир, откуда в панике бежал польский штаб, и город Бердичев.

На следующий день (8 июня), разгромив у Белополя кавалерию поляков, конармейцы перерезали пути снабжения киевской группировки польских войск, и те стали поспешно отходить от Днепра. В этот же день Буденный повернул на восток, на Фастов, двинувшись в сторону Киева. Для борьбы с Буденным Пилсудский срочно перебросил с фронта Тухачевского несколько дивизий, но разбить 1-ю Конную польским легионерам не удалось. Одновременно с буденовцами в наступление перешли 12-я и 14-я армии, а 12 июня Сталин доложил Ленину об освобождении Киева. Польский фронт на Украине начал разваливаться, и красные продолжали идти вперед.

То был триумф замысла Сталина. Продолжая громить поляков, 14-я армия Юго-Западного фронта 8 июля заняла Проскуров, а через день освободила Ровно. Успех под Киевом 1-й Конной и продолжавшееся наступление Юго-Западного фронта по освобождению от белополяков западной части Украины позволили Тухачевскому оправиться от майского поражения. Причем после передислокации части соединений легионеров на Украину польский фронт в Белоруссии оказался значительно ослаблен. Поэтому, получив серьезное подкрепление, в том числе 3-й конный корпус Гая, 4 июля Западный фронт тоже перешел в наступление на Минск. Теперь, под усилившимся нажимом, поляки стали быстро отходить, даже не вступая в соприкосновение с советскими войсками. Армии польского Северо-Восточного фронта отступали в беспорядке: «выкидывали публику с вокзалов, грабили и убивали население и поджигали город...»

Это позволило Тухачевскому две трети сил Западного фронта сосредоточить на узком участке в 90 километров. Не встречая особого сопротивления противника, 11 июля войска Запфронта заняли Минск, 14-го числа они вошли в Вильно (Вильнюс), а 19-го, форсировав Неман, наступали уже по территории Польши. Успехи на польском направлении вызвали эйфорию в РВС Республики и ЦК партии. Под впечатлением поспешного, панического отхода поляков многим уже казалось, что теперь путь на Варшаву открыт. Взятие Варшавы, как «пролог к мировой революции», грезилось и бывшему подпоручику - командарму Запфронта.

Уже примеряя лавровый венок победителя, Тухачевский издал известный приказ, призывавший устремить «взоры на Запад». «На Западе, - писал он, - решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши *лежит путь к мировому пожару*. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. *На Запад! ...на Варшаву - марш!*» В «Походе за Вислу» радужные перспективы польской и германской революции рисовались не только протеже Троцкого. Такие иллюзии

разделяли многие. Причем в историографии редко упоминается о том, что в этот период всеобщего торжества и упоения триумфом побед Сталин предостерегал Кремль от состояния эйфории в войне с Польшей. Человек, никогда не терявший трезвости ума, он оставался реалистом как в часы поражений, так и в дни побед.

Но, что было особо важно в межнациональной войне, он очень остро чувствовал и понимал психологические оттенки взаимоотношений и интересы населения разных народов. И его прогнозы всегда были политически безошибочны, поскольку они исходили из особенностей ситуации. Еще за день до отъезда на Юго-Западный фронт в своей статье «Новый поход Антанты в Россию», опубликованной 25 - 26 мая «Правдой», Сталин указал на ненадежность тыла польских белоокупантов, предпринявших интервенцию.

«Выдвигаясь за пределы Польши, - отмечал он, - и углубляясь в прилегающие к Польше районы, польские войска удаляются от своего национального тыла, ослабляют связь с ним, попадают в чужую им и большей частью враждебную среду. Хуже того, враждебность эта усугубляется тем обстоятельством, что громадное большинство населения Польши... состоит из непольских *крестьян*, терпящих гнет польских *помещиков*... Этим, собственно, и объясняется, что лозунг советских войск «Долой польских панов!» находит мощный отклик... крестьяне... встречают советские войска как освободителей от помещичьего ярма... восстают при первом удобном случае, нанося польским войскам удар с тыла»⁹.

Он с самого начала не скрывал своих скептических взглядов в отношении ведения войны на территории Польши. «Ни одна армия в мире, - указывал Сталин, - не может победить (речь идет, конечно, о длительной и прочной победе) без устойчивого тыла. Тыл для фронта - первое дело, ибо он, и только он, питает фронт не только всеми видами довольствия, но и людьми - бойцами, настроениями, идеями. Неустойчивый, а еще более враждебный тыл обязательно превращает в неустойчивую и рыхлую массу самую лучшую, самую сплоченную армию...»¹⁰

Однако, сделав такие выводы, Сталин предупреждает, что в случае вторжения советских войск на территорию Польши *ситуация изменится на диаметрально противоположную*. «Тыл польских войск, - пишет он, - в этом отношении значительно отличается от тыла Колчака и Деникина к большей выгоде для Польши, тыл польских войск является однородным и *национально спаянным*. Отсюда его единство и стойкость.

Его преобладающее настроение - «чувство отчизны» - передается по многочисленным нитям польскому фронту, создавая в частях национальную спайку и твердость. Отсюда стойкость польской армии. Конечно, тыл Польши неоднороден... в *классовом* отношении, но классовые конфликты еще не достигли такой силы, чтобы прорвать чувство национального единства... *Если бы польские*

⁹ Цит по: Емельянов Ю.В. Сталин. Путь к власти. М., 2002. С. 317.

¹⁰ Цит. по: Косолапов Р. И. Слово товарищу Сталину. М., 2002. С. 416-417.

войска действовали в районе собственно Польши, с ними, без сомнения, трудно было бы бороться»¹¹.

Практически уже в начале новой советско-польской войны, еще до побед под Киевом и Минском, еще до Варшавской катастрофы, он пророчески указал на политические и моральные факторы, которые и определяют дальнейшее развитие событий. Это были серьезные и важные предупреждения. Однако у коллег Иосифа Сталина по Политбюро имелась другая точка зрения. Троцкий писал, «что война... закончится рабочей революцией в Польше, в этом нет и не может быть сомнения, но в то же время нет никаких оснований полагать, что война начнется с такой революции...».

То есть Троцкий, с его умом международного авантюриста, предполагает принести такую революцию в Польшу на остриях красноармейских штыков. Впрочем, и сама Польша представлялась Троцкому лишь запалом революции в Европе: Германия, Австро-Венгрия, Франция, а там глядишь - и мировая революция. Иллюзии Троцкого разделял и Ленин. В речи на VI Всероссийском Чрезвычайном съезде, в ноябре 1918 года, он говорил: «... мы подходим к последней, решительной битве, не за русскую, а за международную социалистическую революцию!»

Таким образом, на заключительном этапе Гражданской войны тактико-стратегическая оценка Сталиным положения не совпадала ни с позицией Ленина, ни тем более с замыслами Троцкого. Среди когорты лидеров Октября он был одним из немногих, если не единственным, кто не поддавался всеобщему заблуждению, гипнотически завораживающей мечте. И когда под впечатлением убедительных успехов Юго-Западного фронта на Украине в правительственных и военных кругах возникло мнение о скором разгроме Польши, он осудил эти иллюзии.

Скрупулезно взвешивая шансы и возможности противостоявших государств, Сталин здраво оценивал состояние сил противника. В интервью корреспонденту УкрРОСТА, данном 24 июня в Харькове, он сказал: «Не надо забывать, что у поляков имеются резервы, которые уже подтянуты к Новгород-Волынскому и действия которых, несомненно, скажутся на днях». Учитывая как собственные возможности Польши, так и ее поддержку западными державами, Сталин предупреждал: «Мы воюем не только с поляками, но и со всей Антантой, мобилизовавшей все черные силы Германии, Австрии, Румынии, снабжающей поляков всеми видами довольствия».

Он не утратил трезвости суждений и оценок позже. 11 июля, когда войсками Западного фронта был занят Минск, он дал интервью корреспонденту «Правды». В нем утверждение о том, что «с поляками в основе уже покончено» и остается лишь совершить «*марш на Варшаву*», он вновь расценил как «*недостойное бахвальство*». Он отмечал: «Я не буду доказывать, что это бахвальство и это самодовольство

¹¹ Цит по: Емельянов Ю.В. Сталин. Путь к власти. С. 318.

совершенно *не соответствует* ни политике Советского правительства, ни состоянию сил противника на фронте».

То есть Сталин решительно и даже без комментариев отверг план наступления на Варшаву, который, по его мнению, не отвечал и политике Советской республики. Человек, обладавший политической и государственной ответственностью, он никогда не делал опрометчивых заявлений. Он знал, о чем говорит. Примечательно, что именно в этот день, 11 июля, в Москву поступила нота Великобритании за подписью министра иностранных дел Джорджа Керзона. Она предлагала заключение перемирия в польско-советской войне и признание в качестве восточной границы с Польшей линии, определенной еще в конце 1919 года Верховным советом Антанты. Знаменательно и то, что как раз этот рубеж, известный под названием «линия Керзона», после Второй мировой войны Сталин сделает границей Польши с Украиной и Белоруссией.

Однако в 20-м году откровенные предупреждения Сталина не были услышаны. О них мало кто вспомнил и после того, как последовавшие события полностью подтвердили правоту его точки зрения. О них долгое время «не вспоминали» и историки. Между тем его оценки и прогнозы уже вскоре стали сбываться с неумолимой последовательностью. Правда, свой авантюристический характер война получила не сразу. События стали приобретать опасный уклон 16 июля, когда ЦК ВКП(б) признал необходимым продолжать наступление, «пока Польша сама не обратится с просьбой о перемирии». Поэтому на следующий день нарком иностранных дел Чичерин ответной нотой известил правительство Великобритании, что Советская Россия готова к миру, но посредничество Лондона неприемлемо, поскольку он не может считаться нейтральным в советско-польском конфликте.

Но и этот шаг еще не означал катастрофу. В грех авантюры с «маршем на Варшаву» ввел правительство и Реввоенсовет Республики молодой «петушок» - Тухачевский. После того как, не встречая серьезного сопротивления поляков, 15 июля войска Западного фронта заняли Молодечно, Тухачевский продолжал наступление. Опьяненный победой, 27-летний подпоручик уже примерял на себя шляпу красного Наполеона. Предвкушая мировую славу, он предложил Главкому Каменеву план по захвату польской столицы.

Позже С. М. Буденный вспоминал: «Из оперативных сводок Западного фронта мы видели, что польские войска, отступая, не несут больших потерь. Создавалось впечатление, что перед армиями Западного фронта противник отходит, сохраняя силы для решающего сражения... Мне думается, что на М. Н. Тухачевского в значительной степени влиял чрезмерный оптимизм члена РВС Западного фронта Смилги и начальника штаба Шварца. Первый из них убеждал, что участь Варшавы уже предрешена, а второй представлял... главкому... ошибочные сведения о превосходстве сил Западного фронта над противником в два раза».

Трудно сказать, правомерно ли такое предположение Буденного? Но начальник штаба у Тухачевского был неслучайным человеком в армии. Бывший полковник

российского Генерального штаба, Шварц имел чин и образование повыше, и опыт побольше, чем командующий фронтом. Как бы то ни было, а предложение о захвате Варшавы исходило непосредственно от самого Тухачевского. Он не сомневался в успехе операции, а после того как 19 июля части Запфронта вошли в Барановичи и конный корпус Гая занял Гродно - на осуществление предложения «подпоручика» решился и Главком С. С. Каменев.

В этот же день Главком отдал Западному фронту директиву: овладеть Варшавой к 12 августа. Конечно, такое решение не могло быть принято без участия председателя Реввоенсовета Республики, и дело не в том, что Троцкий желал увенчать лаврами своего выдвиженца. Он тоже хотел увековечить прежде всего самого себя. В психологическом плане на нарвоенмора повлияло и то, что в этот момент, с 19 июля, в Москве начал работу II конгресс Коминтерна. Троцкий считал, что овладение Варшавой стало бы непререкаемым доказательством его военного таланта и способствовало бы укреплению его авторитета как выдающегося «революционного» стратега и лидера международной социал-демократии. Такой яркий триумф обещал ему славу вождя «мировой революции».

Впрочем, позже Троцкий сам пояснил, какие причины побудили его к Варшавской аванюре. «Мы вернули Киев, - признавал он. - Начались *наши* успехи. (Так Троцкий беззастенчиво перетягивает на себя успехи Сталина. — *К.Р.*) Поляки откатывались с такой быстротой, на которую я не рассчитывал...» Правда, задним числом Лейба Бронштейн был вынужден «осторожно» признать: «Но на нашей стороне, вместе с первыми успехами, обнаружилась *переоценка* открывающихся перед нами возможностей. Стало складываться и крепчать настроение в пользу того, чтоб войну, которая началась как освободительная, превратить в наступательную революционную войну. Принципиально я, разумеется, не мог иметь никаких доводов против этого».

Конечно, Троцкий хитрит. Именно по настоянию его и Тухачевского Реввоенсовет Республики решил провести Варшавскую операцию и «принести на штыках революцию в Европу». Сомнениями в собственной дальновидности Троцкий не страдал, и он убедил Ленина в осуществимости своих военных планов. Впрочем, председатель Реввоенсовета Троцкий и Главком Каменев дали указание Юго-Западному и Западному фронтам наступать на Варшаву по сходящимся направлениям еще 20 июля. И «процесс - пошел»...

Сталин заблуждения о легком захвате Варшавы не разделял. Он оказался прав и в оценке внутренних резервов Польши. Это подтвердилось уже вскоре. После вступления частей Тухачевского на территорию противника, польское правительство объявило мобилизацию, давшую армии 573 тысячи солдат и 160 тысяч добровольцев. Одновременно власти страны предприняли политические «контрмеры от революции». Уже в середине июля был обнародован закон об ограничении помещичьих имений и льготах крестьянским хозяйствам. А 24 июля в Варшаве, при участии социал-демократов, сформировали «рабоче-крестьянское»

правительство Витоса-Дашинского. Сталин не ошибся и в прогнозе о поддержке Польши Западом. 21 июля премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж без обиняков заявил, что «Франция и Англия могут предоставить все необходимое для организации польских сил».

И все-таки, являясь противником «марша на Варшаву», Сталин не мог не считаться с возможностью разгрома поляков, но его целью стала не Варшава. Учитывая успешное развитие боевых действий на Украине, Реввоенсовет Юго-Западного фронта 21 июля направил Главкому телеграмму с предложением перенести направление главного удара своих частей с Люблина на Львов. Вместо авантюристического наступления на Варшаву Сталин предлагал нанести удар под южный предел Польши. Свое стратегическое решение И. В. Сталин, А. И. Егоров и Р. И. Берзин обосновывали тем, что «поляки оказывают весьма упорное сопротивление на львовском направлении», а «положение с Румынией остается неопределенно напряженным».

В стратегическом отношении выбор такого направления был оптимальным. Заставляя поляков вести войну на два фронта, он отрезал поляков от нефтяного бассейна Дрогобыча, в последующем создавал угрозу Кракову, а затем грозил взятием Лодзи. Главком Каменев оценил достоинства этого предложения и 23 июля утвердил план РВС Югзапфронта. В принятии такого решения сыграло роль и то, что днем раньше, 22-го числа, с предложением Москве о перемирии обратились правительство Польши и ее генеральный штаб.

Своего негативного отношения к «маршу на Варшаву» Сталин не скрывал никогда. Он заявил об этом публично еще 20 июня, когда, вернувшись с фронта в Харьков, через три дня дал интервью корреспонденту УкрРОСТ. Рассказав о прорыве фронта белополяков под Киевом и успешном наступлении Юго-Западного фронта, он указал: «...Впереди еще будут бои жестокие. Поэтому я считаю неуместным то *бахвальство* и вредное для дела *самодовольство*, которое оказалось у некоторых товарищей: одни из них не довольствуются успехами на фронте и *кричат* о «марше на Варшаву», другие, *не довольствуясь обороной нашей Республики* от вражеского нападения, горделиво заявляют, что они могут помириться лишь на «*красной советской Варшаве*».

Между тем на северном крыле советско-польского фронта поляки продолжали почти панически отходить, и к концу августа войска Западного фронта вошли в Брест-Литовск. Как показали дальнейшие события, удовлетворись этим достижением Кремль, Красная Армия избежала бы позора поражения. Но политиков в соблазн ввел Тухачевский, который не был способен трезво взвесить обстановку. Он не видел в польской армии серьезного противника. Ему казалось, что лавровый венок победителя уже готов опуститься на его голову, и очертя голову он пошел на авантюру. Впрочем, даже позже Тухачевский утверждал, что в это время польские «войсковые части *потеряли всякую боевую устойчивость*. Польские

тылы кишели дезертирами. Все бежали назад, не выдерживали ни малейшего серьезного боя...».

Отсюда он сделал торопливый вывод: «При том потрясении, которому подверглась польская армия, мы *имели право и должны были продолжать наступление*. Задача была трудная, смелая, сложная, но робкими *не решаются мировые вопросы*» (курсив мой. — *К.Р.*). То есть он знал, что делал. На что шел. Считая себя способным решать «*мировые вопросы*», Тухачевский настаивал на взятии Варшавы.

Правда, в Москве еще не всем было ясно, что поставить во главу угла? Врангеля? Или белополяков? И 2 августа Политбюро собралось на заседание, чтобы рассмотреть дальнейшие военные перспективы Республики. Сталин на этом совещании не присутствовал. Накануне, 31 августа, в тот день, когда войска Тухачевского вышли к Бугу, он снова приехал в Лозовое - на крымский участок Юго-Западного фронта. Впрочем, участникам совещания его позиция была известна. Он давно и настоятельно добивался объединения операции на польском участке фронта под единым руководством, а борьбу с Врангелем, имевшую, по его мнению, первостепенное значение, предлагал выделить в самостоятельную кампанию. Стратегически план Сталина был беспроегрешным, поскольку для обеспечения решительной победы на первое место он ставил разгром белых на Юге. Свою позицию он определил четко и без недоговорок: «Только с ликвидацией Врангеля можно считать нашу победу над польскими панами обеспеченной».

Председатель РВС Троцкий (тоже стремившийся решать «*мировые вопросы*») поддержал предложение Тухачевского. При этом, оборотистый и хитроумный, он перехватил идею Сталина о разделении фронтов, при которой польская часть Юго-Западного фронта передавалась Западному. Однако, по настоянию Троцкого, все было сделано по принципу наоборот. Главной задачей совещание определило не разгром сил Врангеля, а захват польской столицы. Все перевернули с ног на голову, но Ленин, Каменев и Крестинский согласились с Лейбой Бронштейном.

Теперь предложение Сталина о первоочередном разгроме Врангеля отвергалось, и советский фронт против белых на Юге становился второстепенным, не имевшим ближайших перспектив. Политическую тонкость этой интриги составляло то, что, украв у Сталина идею реорганизации польского фронта, самого ее автора, с подачи Троцкого, Политбюро задвигало в тень. Беззастенчиво передернув карты, Троцкий намеревался сорвать банк в свою пользу. При таких расчетах отстранение Сталина, практически обеспечившего перелом в борьбе с поляками, от участия в предстоявшей операции по меньшей мере выглядело непорядочно. Это осознавали все, но неприятную миссию по сообщению этого решения, ущемлявшего самолюбие соратника, взял на себя Ленин.

В тот же день, 2 августа, он дипломатично телеграфировал Сталину: «Только что провели в Политбюро разделение фронтов, *чтобы Вы исключительно занимались Врангелем*. В связи с восстанием, особенно на Кубани, а затем и в Сибири,

опасность Врангеля становится громадной, и внутри Цека растет стремление тотчас заключить мир с буржуазной Польшей. Я Вас прошу очень внимательно обсудить положение с Врангелем и дать Ваше заключение. С Главкомом я условился, что он даст Вам больше патронов, подкреплений и аэропланов...»

Конечно, стремясь подсластить неприятную «пилюлю», Ленин лукавил. Еще полмесяца назад Советское правительство отвергло предложение Великобритании о мирных переговорах России и Польши. Сталин не мог не понять, что его тактично отстраняли от руководства действиями на западном направлении. Было ясно и то, что за дипломатией Ленина маячила и назойливая тень Троцкого, для усиления славы которого ему предлагали «таскать из огня каштаны». Но он воспринял сообщение спокойно, почти равнодушно. К тому же у него были более серьезные проблемы, чем ловить «лавровые листья» в тарелке политического супа. Решение Политбюро состоялось в тот период, когда войска Юго-Западного фронта, в том числе и 1-я Конная армия, подошедшая к Львову, уже вели упорные бои за город, а поддержку кавалеристов войсками Москва только обещала. Поэтому в ответе Ленину Сталин констатировал: «Жестокие бои продолжаются с возрастающей силой, должно быть сегодня потеряем Александровск. Вашу записку о разделении фронтов получил, *не следовало бы Политбюро заниматься пустяками*».

Но, не желая вступать в выяснение отношений, по существу, он подал в отставку: «Я могу работать на фронте еще максимум две недели, нужен отдых, поищите заместителя. *Обещаниям Главкома не верю ни на минуту, он своими обещаниями только подводит*. Что касается настроения ЦК в пользу мира с Польшей, нельзя не заметить, что наша дипломатия иногда очень удачно срывает результаты наших военных успехов».

Очевидно, что Сталин все-таки не смог сдержать эмоций. И его можно понять. Он проделал огромную работу, переломил ход войны в пользу Советской республики, и теперь, когда благодаря его действиям польская армия терпела поражение, его задвигали на второй план. Конечно, он был не лишен здравого честолюбия. Очевидное пренебрежение оскорбило его. Ленин тоже осознавал двуличие ситуации и, ощущая неловкость от того, что поддержал именно Троцкого, сделал вид, будто бы ему неясны причины недовольства Сталина.

«Не совсем понимаю, — запрашивает он 3 августа, — почему Вы недовольны разделением фронтов. Сообщите Ваши мотивы. Мне казалось, что это необходимо, раз опасность Врангеля возрастает. Насчет заместителя сообщите Ваше мнение о кандидате. Также прошу сообщить, с какими обещаниями опаздывает Главком. Наша дипломатия подчинена Цека и никогда не сорвет наших успехов, если опасность Врангеля не вызовет колебаний внутри Цека...» Ленин чувствовал свою неправоту по отношению к Сталину, но заманчивость замысла Лейбы Бронштейна уже очаровала его - цели мировой революции были выше психологической щепетильности. Пытаясь сгладить возникшую неловкость, он задает риторические вопросы, на которые не требуется ответа. И соглашается на «отставку» Сталина.

На следующий день, уже успевший «остыть», Сталин не стал обострять конфликт и ответил лишь по существу самой реорганизации. Его соображения были взвешенны и рациональны. Он предложил сохранить имущество и аппарат Юго-Западного фронта за новым Южным фронтом и указал, что передаваемые 1-я Конная и 12-я армии должны *«обслуживаться штабом Западного фронта в их нынешнем виде»*. В телеграмме Сталин подчеркнул, что такая комбинация *«дала бы возможность объединить все антипольские армии в единый Запфронт, чего я и добивался ранее...»*.

Следует обратить внимание и на то, что при этом совершенно не шла речь о посылке Первой Конной на Варшаву. Впрочем, вопрос о кавалерии Буденного в этот период и не мог стоять так — на львовском участке фронта конница уже участвовала в тяжелых боях с белополяками, и ее положение было сложным. Однако Ленин не хотел, чтобы у Сталина сохранилось мнение, будто бы глава партии пошел на поводу у Троцкого. Очередная телеграмма из Кремля ушла в Лозовую 4 августа. «Завтра, — сообщал Ленин, — в шесть утра назначен пленум ЦК. Постарайтесь до тех пор прислать Ваше заключение о характере заминок у Буденного и на фронте Врангеля, а равно и о наших военных перспективах на обоих фронтах. От Вашего заключения могут зависеть важнейшие политические решения».

Ленин недоговаривал. Более того, он не известил Сталина о том, что на пленуме будет решаться вопрос о приоритете наступления на Варшаву, а упоминание о «заминках у Буденного» звучало почти как упрек. Сталин почувствовал эту недосказанность. Отвечая в тот же день, он довольно сухо заметил: «... Я не знаю, для чего собственно Вам нужно мое мнение, поэтому я не в состоянии передать Вам требуемого заключения и ограничусь сообщением голых фактов без освещения».

Впрочем, ограничившись «ворчливой» репликой, он кратко, но с присущей ему взвешенностью изложил суть проблем: «Заминка Буденного временная, противник бросил на Буденного литовскую, луцкую и галицкую группы в целях спасения Львова. Буденный уверяет, что разобьет противника (он уже взял большое количество пленных), но Львов будет взят, очевидно, с некоторым опозданием.

Словом заминка Буденного не означает перелома в пользу противника. Что касается Врангеля, то мы теперь хотя и слабы, по причинам, изложенным выше, но все же сдерживаем противника; не позднее как через неделю мы пустим в ход 30 тыс. свежих штыков...»

Из этого чуть нервного обмена телеграммами между двумя членами ЦК совершенно очевидно, что *именно* Сталин предложил передать 1-ю Конную армию и 12-ю армию в подчинение штаба Западного фронта. Но при этом речь шла исключительно о действиях под Львовом и никоим образом не касалась вопроса о направлении этих частей к Варшаве. Конечно, в этот момент Сталин не мог знать планов польского руководства, но обратим внимание, что он своевременно и правильно оценил тактику Пилсудского. Практически он разгадал намерения

командования противника. Поляки не отказывались от продолжения борьбы на львовском участке фронта.

Поясняя свои действия, позже Пилсудский писал: «Моим стратегическим замыслом было: 1) Северный фронт (стоявший против сил Тухачевского. — *К.Р.*) должен только выиграть время; 2) в стране провести энергичную подготовку резервов — я направлял их на Буг, без ввязывания в бои Северного фронта; 3) *покончить с Буденным* и перебросить с юга крупные силы для контрнаступления, которое я планировал в районе Бреста. Этого основного замысла я придерживался до самого конца».

Подчеркнем, что речь идет о разгроме Буденного под Львовом, а не в предместье Варшавы. Однако в Кремле строили иные планы. Утром 5 августа Пленум ЦК рассмотрел вопрос о перспективах войны. Накануне Ленин запросил мнение военных. Ответ Реввоенсовета (читай: Троцкого) был категоричным и оптимистическим: «16 августа Красная Армия будет в Варшаве». Поэтому на пленуме вместо трезвой оценки военной ситуации и политической обстановки в Польше Троцкий изощрялся в ораторских экспромтах о «мировой революции». И хотя в отношении действий как на львовском, так и *врангелевском участках* фронта было принято решение: «Утвердить *предложенный тов. Сталиным вариант*, принимаемый РВСР», **основным** стало наступление на Варшаву.

Между тем, выполняя директивы Пилсудского, польские легионеры принимали все меры, чтобы «покончить с Буденным». И еще накануне того дня, когда Пленум ЦК одобрил предложенную Троцким операцию по захвату Варшавы, ситуация на львовском направлении резко изменилась. 5 августа Сталин получил информацию об упорном сопротивлении поляков у Брод, где 1-я Конная армия не сумела добиться успеха. Армия требовала передышки. О необходимости предоставления ей отдыха и пополнения Сталин немедленно телеграфировал в Москву.

«В связи с этим, - сообщил он, - Буденный со вчерашнего дня перешел от наступления к обороне, причем на занятие Львова в ближайшие дни нельзя рассчитывать». Как выяснилось позже, в действительности из боев «на отдых» армия смогла отозвать *лишь две дивизии из четырех*. Но обратим внимание еще на один существенный факт, который по странной «легкомысленности» выпал из поля зрения историков. Дело в том, что, ведя переговоры с Лениным и Реввоенсоветом, Сталин находился на юге страны. За сотни тысяч километров от Львова - на врангелевском фронте. Его связь с Буденным в буквальном смысле держалась лишь «на проводах». В условиях того времени уже само по себе это создавало определенные сложности для координации действий 1-й Конной.

Поскольку впоследствии в адрес Сталина бросались ничем не обоснованные упреки, будто бы безумный «марш на Варшаву» провалился чуть ли не по его вине, все эти детали существенны. Конечно, Сталин не причастен к последовавшим событиям. У истоков краха варшавской авантюры стояли другие фигуры. Приняв 2 августа решение о разделении фронтов на Южный, противостоявший Врангелю, и

Западный - польский, Политбюро и Реввоенсовет коренным образом меняли логику управления войсками.

Теперь все руководство, как операциями под Львовом, так и частями, предназначенными для наступления на Варшаву, *передавалось командующему Западным фронтом Тухачевскому*. Собственно, в этом и состоял главный смысл реорганизации: передать операции на советско-польском фронте в одни руки. То есть с этого момента не Сталин и Егоров должны были решать проблемы руководства действиями 1-й Конармии, 12-й и 14-й армий, сражавшихся под Львовом, а новый командующий. Однако Тухачевский не спешил взваливать на себя управление войсками нового участка фронта под Львовом, и для этого были объективные затруднения.

Позже Тухачевский объяснял это тем, что «болотистое Полесье не позволяло непосредственного взаимодействия Западного... и Юго-Западного (участков. - *К.Р.*) фронта... Когда... мы *попробовали осуществить это объединение, то оказалось, что оно почти невыполнимо в силу полного отсутствия средств связи*. Западный... (участок) не мог установить последней с Юго-Западным. Мы... могли эту задачу выполнить не скоро, не ранее 13-14 августа...» Говоря иначе: просто было на бумаге - да забыли про овраги. Осознав это, в переписке с Главкомом 8 августа Тухачевский предложил: «временно осуществить управление» армиями его южного участка Западного фронта «через оперативный пункт, созданный силами и средствами штаба (бывшего) Юго-Западного фронта».

Конечно, Егоров и Сталин возразили против такого легкомысленного решения. Они не могли дробить свой штаб, руководивший боевыми действиями против Врангеля. И, естественно, требовали, чтобы оперативный пункт создавался силами самого руководства Западного фронта. «Всякое другое решение вопроса, - телеграфировали они, - считаем вредным для дела вообще и, в частности, для достижения успеха над Врангелем».

«Новый» командующий, видимо, и сам понимал это. В телеграмме Главкому от 8 августа Тухачевский признал, что «создание оперативного пункта» по его схеме «повлечет за собой раздробление и дезорганизацию штабного аппарата (бывшего. — *К.Р.*) Юго-Западного фронта». Казалось бы, Тухачевский должен был обдумать решение и принять меры для обеспечения управления своими войсками на южном фланге, но «гениальный полководец» не задумывался над такими «мелочами». Легкомысленно бросив южный участок своего фронта на произвол судьбы, в этот же день он отдал приказ северной группе войск о форсировании **14-го числа Вислы**.

При такой ситуации армии на юге становились «бесхозными», и чем это закончится, гадать пришлось недолго. Но дело вовсе не в том, что Тухачевский заботился о львовском направлении польского фронта - ему самому эти проблемы были не нужны. Одержимый предвкушением победы и жаждой славы, он решал

«мировые вопросы»... Перед ним была цель — Варшава. И он не сомневался, что возьмет польскую столицу силами только *северной группы войск*.

Так считал и Реввоенсовет Республики. Главком С. С. Каменев вспоминал: «Перед нашим командованием, естественно, встал во всю величину вопрос: посилено ли немедленное решение предстоящей задачи для Красной Армии, *в том ее составе и состоянии, в котором она подошла к Бугу* (курсив мой. - К.Р.), и справится ли тыл». Главное командование решило, что посилено, и эти расчеты не были построены на песке. В августе 1920 года в составе Западного фронта Тухачевского числилось 795 тысяч человек¹². Правда, Пилсудский оценивает контингент частей, принявших непосредственное участие в Варшавском сражении, в ином соотношении. Он пишет: «силы Тухачевского в 130-150 тысяч бойцов, а противостоящие им польские войска - 120-180 тысяч»¹³. Но, так или иначе, а для победы Тухачевского были все основания - кроме полководческих...

Глава 2. Авантюрист и каратель

Приказ о взятии Варшавы Тухачевский издал 8 августа. Позднее вопрос сотрудника штаба РККА В. Н. Ладухина: «Не могу до конца понять, почему же вдруг в августе...», полководец-вундеркинд обрезал репликой: «На войне нередко случается «вдруг». Заметив исчезнувшее недоумение собеседника, он пояснил: «Командование Западного фронта, развивая наступление, имело все основания к концу лета двадцатого года *внести* некоторую *поправку в оперативный план* (курсивы мои. — К.Р.). Сергей Сергеевич Каменев не возражал против маневра армий Западного фронта севернее Варшавы. Он, как и я, вначале не особенно беспокоился за левый фланг Западного фронта...»

Нужны ли комментарии? Из этого пояснения видно: во-первых, оказывается, что первоначальный оперативный план был иным и его «*поправка*» исходила именно от Тухачевского, и, во-вторых, вряд ли он в тот момент вообще «беспокоился за левый фланг» западного участка своего фронта. Его приказ предусматривал: четыре армии — 3-я, 4-я, 15-я, 16-я — и вырвавшийся вперед корпус Гая наступают севернее Варшавы. Южнее польской столицы он направлял Мозырскую группу Т. Хвесина и 58-ю дивизию из 12-й армии. Поскольку в дальнейшем свое поражение Тухачевский объяснял отсутствием под Варшавой армии Буденного, то обратим внимание, что речь о 1-й Конной армии в приказе *опять не шла*.

Но скажем больше: в существовавших условиях строить расчет на армии Буденного было равнозначно желанию украсть коня с чужой шахматной доски для того, чтобы использовать его в своей игровой партии, а это уже прием из тактики известного Остапа Бендера. Между тем поляки не сбрасывали Буденного со счетов.

¹²Соколов В. Тухачевский. М., 2003. С. 129.

¹³Там же.

Еще 6 августа, утвердив директивой решение «принять генеральное сражение у Варшавы», польский штаб обязал своих командующих: «связать противника на юге, прикрывая Львов и нефтяной бассейн (в районе Дрогобыча)».

Для этого маршал Пилсудский приказал 6-й польской армии отходить к Львову. Маршал предусмотрел и возможность попытки Конной армии оказать помощь Тухачевскому: «Если же Буденный двинется на север, то вся наша конница и лучшая пехотная дивизия должна *немедленно пойти вслед за ним и любыми способами помешать его продвижению*». В целях защиты центра польского фронта, для сосредоточения было выбрано место, «защищенное сравнительно широкой рекой Вепш, с опорой левого фланга на Демблин». Этим маневром, вспоминал Пилсудский, прикрывались мосты и переправы через Вислу и Вепш.

Тухачевский и Главком такой маневр польских армий не принимали во внимание. Наоборот, когда 10 августа бойцы 1-й Конной перехватили приказ командования 3-й польской армии от 8 августа, в котором ставилась задача отойти для сосредоточения в район Вепша, то Тухачевский и Каменев сочли его за дезинформацию. Но обратимся еще к одному свидетельству. Главнокомандующий польскими войсками Пилсудский вообще считал ссылки Тухачевского на помощь со стороны 1-й Конной и 12-й армии необоснованными.

«Признаюсь, — пишет он в воспоминаниях, — что как во время самой войны, так... и при ее аналитическом разборе я не могу избавиться от впечатления, что г-н *Тухачевский* *вовсе не рассчитывал на взаимодействие с югом*, поэтому он и поставил себе такую далекую цель, как форсирование Вислы между Полоцком и Модлином... А достижение столь глубокой цели было бессмысленно связывать с действиями 12-й армии, робко переминающейся с ноги на ногу у Буга, *и с действиями потрепанной армии Буденного*, которая в течение нескольких дней после неудачи под Бродами не подавала признаков жизни. Если сосредоточение советских войск под Варшавой (что, кстати, я ожидал) отодвигало г-на Тухачевского от 12-й армии на Буге более чем на 200 километров, то «поход за Вислу» в ее *нижнем течении за Варшавой* (чего я совсем не ждал) добавлял к этому расстоянию еще добрую сотню километров, превращая *в полную иллюзию взаимодействие с оставшейся где-то далеко на востоке 12-й армией*».

Как показало дальнейшее, польский военачальник не ошибся в своих расчетах. Между тем С. С. Каменев все же пытался вывести Конармию из сражения под Львовом. Однако, как писал Буденный, «все попытки главкома сменить Конармию пехотой и полностью вывести ее в резерв начиная с 6 августа не имели успеха». Командование Конармии смогло оттянуть лишь две дивизии из четырех. Сталин не принимал участия в этих робких манипуляциях верховного командования. Фактически отстраненный от руководства польским направлением бывшего Юго-Западного фронта, объединенного в Западный, с 9 по 14 августа он находился за много сотен километров от Львова — на Крымском фронте.

И все-таки на военных рубежах Республики шла реальная война, а не маневры на глянце штабных карт. Поскольку Тухачевский так и не наладил связи с левым крылом переданного ему участка советско-польского фронта, то фактически боями под Львовом продолжал руководить командующий «Южным» фронтом Егоров. Контратаки поляков под Львовом не прекращались. И, придерживаясь существовавшего оперативного плана, Егоров и РВС фронта приказали 1-й Конной «в самый кратчайший срок» мощным ударом уничтожить противника на правом берегу Буга, форсировать реку и «на плечах остатков 3-й и 6-й польских армий захватить город Львов».

В стратегическом плане такое решение обещало серьезные преимущества. Во-первых, намеченная операция связывала польские войска под Львовом, не позволяла снять их для переброски на север — в помощь Варшаве. Но, что самое важное, она создавала предпосылки для развития наступления вглубь Польши. Конармия Буденного начала наступление рано утром 12 августа. Симптоматично, что даже после Гражданской войны Тухачевский не представлял во всей ее полноте ситуацию на советско-польском фронте. В своих «мемуарах» он доказывал, что под Львовом действовали лишь *полторы* польские кавалерийские дивизии и «украинские партизанские части». Иронизируя над автором сочинения, Пилсудский пишет: «В отношении наших действий у г-на Тухачевского есть еще одно недоразумение. Он утверждает, что мы вывели из Галиции почти все войска, оставив там только украинские формирования Петлюры и генерала Павленко с одной кавалерийской дивизией. ...Однако дело обстояло совершенно иначе. Из нашей 6-й армии была выведена только 18-я дивизия и небольшая часть конницы, а 12-я, 13-я и половина 6-й дивизии остались на месте. Кроме того, туда прибыла 5-я дивизия...»

Ситуация под Львовом оставалась напряженной, но даже при таком положении бывший царский полковник С. С. Каменев расценивал обстановку на варшавском направлении более трезво, чем бывший подпоручик Тухачевский. Видимо, у Главкома уже появились опасения за успех дела на севере. Накануне, 11 августа, он послал Егорову директиву о прекращении наступления на Львов и распорядился «в срочном порядке двинуть конную армию в направлении Замостье-Грубешев». Однако «*по техническим причинам*» (при передаче был искажен шифр) эта директива достигла штаба Юго-Западного фронта только 13 августа. И хотя Егоров и Берзин в этот же день отдали приказ о переподчинении Конной армии Западному фронту, «выдернуть» из ее боев не предоставлялось возможным.

В ответе Главкому Егоров сообщал: «Доношу, что ваши приказы №... только что получены и расшифрованы. Причина запоздания выясняется. Армии Югзапфронта выполняют основную задачу овладения Львовом, Равва-Русская и втянуты уже в дело... Изменение основных задач армиям в данных условиях считаю уже невозможным». Сталин тоже возразил. Он реалистически оценивал ситуацию и после переговоров с Буденным, убедившись, что конники уже втянулись в боевые

действия, телеграфировал Каменеву: «Ваша последняя директива без нужды опрокидывает сложившуюся группировку сил в районе этих армий, уже перешедших в наступление.

Директиву следовало бы дать либо три дня назад, когда Конармия стояла в резерве, либо позднее, по взятии Конармией района Львов. В настоящее время она только запутывает дело и неизбежно вызывает ненужную вредную заминку в делах. Ввиду этого я отказываюсь подписывать соответствующее распоряжение в развитие Вашей директивы»¹⁴.

Однако Главком настаивал на исполнении своей директивы. Подчиняясь этому давлению, командующий фронтом Егоров 13-го числа отдал приказ о выводе Конармии из боя. Приказ Егорова подписал только член РВС Берзин. Воспротивился этому решению и Буденный. Маршал пишет в воспоминаниях, что в этот же день, 13 августа, «разговаривая по прямому проводу с командующим Западным фронтом», он указал на предшествовавшую безуспешность попыток Главкома вывести конармейцев из боя и «заявил, что Конармия и сейчас *стоит перед стеной пехоты, которую ей до сих пор не удалось сокрушить*».

Примечательно и то, что в этот день и Тухачевский не стал настаивать на форсировании выполнения намерения привлечь буденовцев к операции под Варшавой. Что это — просчет? Проявление безволия? Или он все-таки не имел строго продуманного плана своей операции? Видимо, и то, и другое, и третье. Увлечшись, как ему казалось, победоносным наступлением к польской столице, он «забыл» о Первой конной. Он «вспомнил» о ней лишь 16 августа, когда под Варшавой его частям стало жарко.

Только в этот день, на правах командующего фронтом, Тухачевский наконец-то направил директиву о выводе 1-й Конной армии из боя и сосредоточении ее в районе Владимира-Волынского для удара в люблинском направлении. Но в этот момент такая задача стала еще более невыполнимой, чем пятью днями раньше. Тяжелые бои кавалеристов за Бугом продолжались до 20 августа. Сменить Конармию было некому.

Впрочем, идея использования в этот момент конницы с львовского участка фронта вообще была построена на песке. Буденный пишет: «физически невозможно было в течение одних суток выйти из боя и совершить стокилометровый марш, чтобы 20 августа сосредоточиться в указанном районе. А если бы это невозможное и произошло, то с выходом к Владимиру-Волынскому Конармия все равно «не смогла бы принять участие в операции против люблинской группировки противника, которая... действовала (значительно восточнее) в районе Бреста».

Казалось бы, все ясно. Но скажем больше: если бы Тухачевский действительно обладал полководческими талантами и предугадал возможный разворот событий, то и начинать Варшавскую операцию следовало бы не с действий на севере, а с

¹⁴ Цит по: Млечин Л. Иосиф Сталин, его маршалы и генералы. М., 2004. С. 152.

наступления против поляков «конной Буденного» на южном фланге. Отказавшись слепо подчиняться распоряжениям Каменева, с позиции военного искусства Сталин, безусловно, был прав. Тем не менее в связи с принципиальностью выражения своей позиции 14 августа он получил телеграмму из секретариата ЦК: «Трения между Вами и Главкомом дошли до того, что... необходимо выяснение путем совместного обсуждения при личном свидании, поэтому просим возможно скорее приехать в Москву». В тот же день он выехал в Харьков, а затем, 17 августа, отправился в столицу.

Между тем гибель армий Западного фронта была уже предрешена. Операцию по захвату Варшавы войска Тухачевского развернули 13 августа. Командующий-вундеркинд оставался верен своим принципам: вести боевые действия, не заботясь о резервах. Он считал, что, обладая *«моральным превосходством»* и имея *«против правого фланга польской основной группировки не менее 14... стрелковых дивизий и 3-й конный корпус»*, он одержит легкую победу.

Тухачевский продолжил наступление, но его план уже трещал по швам. Дело в том, что, начиная операцию, «гениальный стратег» пребывал в полной уверенности, будто бы почти вся польская армия находится в Варшаве и к северу от нее. Командующий фронтом ошибался. Это не соответствовало действительности. Кроме того, на этот раз поляки панически не бежали. Наоборот, уже на следующий день они перешли в наступление. Причем 14 августа его начала, по мнению Тухачевского, *«слабейшая по числу единиц и слабейшая духом»* 5-я польская армия, возглавляемая Сикорским. В ее составе числилось «четыре с половиной стрелковые и до двух дивизий кавалерии».

Против *«слабой»* армии поляков командующий Западным фронтом имел целых три армии. Рассчитывая сразу же разгромить Сикорского, Тухачевский отдал приказ своим «15-й и 3-й армиям на всем фронте встретить наступление противника решительным контрударом и отбросить его за реку Вкра; 4-й армии... всеми своими силами атаковать перешедшего в наступление противника во фланг и тыл в новогеоргиевском направлении из района Рационж-Дробин». Приказ был энергичным и риторически убедительным, но эпистолярной риторикой все и закончилось. Пожалуй, это был первый и последний приказ в начавшейся операции. *Единственная попытка комфронта управлять боевыми действиями.*

На деле все три армии Тухачевского не смогли разгромить «слабые» дивизии противника. Напротив, теперь инициатива оказалась в руках поляков. 5-я польская армия, «имея на фланге и в тылу у себя мощную (4-ю) армию (Тухачевского) из четырех стрелковых и двух кавалерийских дивизий, продолжала наступление против 3-й и 15-й армий» красных. Действия превосходящих сил Западного фронта оказались несогласованными и бестолковыми. Крушение плана Варшавской операции было предрешено, и этот исход стал закономерным. Дело состояло не в боевой неспособности войск красных.

«Войной» под Варшавой никто не руководил. Практически почти с первых часов начала сражений Тухачевский стал терять связь со своими армиями. Позже вундеркинд- подпоручик признавался, что со штабом 4-й армии он утратил связь еще 14-го числа, не восстановив ее до начала отступления. Не состоялся и мощный удар на севере, на который он так рассчитывал. В частях командующего Западным фронтом царили непонимание, растерянность и неразбериха. Об этом ярко свидетельствует сохранившаяся запись разговора между командующими армий Тухачевского.

В ночь с 15 на 16 августа Г.Д. Гай запросил по прямому проводу командарма 4-й Д.А. Шуваева: «Один полк вы выделили для взятия Страсбурга. Я не понимаю, для чего нам так срочно понадобился этот город? Еще один полк дивизии Томина по вашему же приказанию пытается прорваться в местечко Любич под городом Торн. Зачем, кому это нужно?»

...Надо принимать решение с учетом конкретной обстановки... Остальные части корпуса сконцентрированы по вашему требованию в двух отдаленных друг от друга местах для форсирования Вислы в районе городов Нешава и Влоцлавск. Разве можно при таком распыленном состоянии войск добиться успеха, ожидаемого от нас Тухачевским?»

Эта штабная перепалка заставляет задуматься, а был ли вообще у командующего «вундеркинда» какой-то целостный план? Какими осмысленными боевыми задачами руководствовались его командармы, — кроме лихого призыва: «На Запад!., на... Варшаву — марш!»?

В отличие от бывшего подпоручика у польского командующего Пилсудского такой план был. Он предусматривал разгром красных по частям, и это осуществлялось блестяще. Мозырская группа Тухачевского и 58-я дивизия 12-й армии были разгромлены в первый день польского наступления, начатого 16 августа с рубежа реки Вепш. Уже вечером этого дня «Мозырская группа... перестала существовать как оперативная единица». О том, что та же участь постигла находящуюся во фронтовом резерве 8-ю дивизию 16-й армии, Тухачевский узнал только 17 августа.

Едва вступив в соприкосновение с поляками, войска Тухачевского были вынуждены отступать. Чтобы избежать ловушки, командующий Западным фронтом отдал приказ частям своих северных армий, находящихся в Данцигском коридоре, начать отход. Но в это время он не знал, что Мозырская группа и 16-я армия, призванные задержать атаковую польскую группировку, фактически уже не существовали. Командарм 4-армии Шуваев директиву Тухачевского об отходе на юго-восток получил, однако он был уже не в силах собрать действовавшие далеко друг от друга дивизии и бригады. Не представляя положения на левом крыле, вместо отхода он приказал своим дивизиям и корпусу Гая продолжать операции по форсированию Вислы.

Это уже не имело смысла. Но демонстрацией верха нелепости, придавшей Варшавской операции характер трагикомедии, стало 16 августа, когда кавалерийский корпус Гая форсировал Вислу и занял Воцлавск. В этот день, не разобравшись в обстановке, Тухачевский послал в Москву ликующую телеграмму. В ней он сообщал, что *Варшава взята!*

Поражение и гибель армий Тухачевского предопределили не недостаток сил, не преимущества противника и не отсутствие на этой части фронта 1-й Конной армии. Причиной последовавшей трагедии стало профессиональное дилетантство командующего фронтом. Впрочем, самым ходом сражений своих армий Тухачевский практически не руководил. Дело в том, что, в отличие от Пилсудского, управлявшего Срединным польским фронтом из штаба, расположенного в Пулавах на правом берегу Вислы, Тухачевский наблюдал за операцией под Варшавой из Минска!

Даже апологетически относящийся к Тухачевскому (один из его ближайших сотрудников) Г. Иссерсон пишет: «Тухачевский по своей молодости и недостаточной еще опытности в ведении крупных стратегических операций в тяжелые дни поражения его армий на Висле не смог оказаться на должной высоте... Тухачевский со своим штабом находился далеко в тылу. Все его управление держалось на телеграфных проводах, и, когда *проводная связь была прервана*, командующий оказался без войск, так как не мог больше передать им *ни одного приказа*».

Как говорится, комментарии излишни. Между тем дивизии 3-й армии Западного фронта, вторгшись в Данцигский коридор, к 18 августа заняли Сольдау и Страсбург. Однако к этому времени перешли в решительное наступление силы польской ударной группировки, называемые Срединным фронтом. Теперь оказавшиеся в тылу противника войска Тухачевского утратили всякую боеспособность и управляемость. Об их трагикомическом положении свидетельствует сообщение Пилсудского генералу Сосновскому. В ночь с 19 на 20 августа польский командующий иронически писал военному министру:

«То, что здесь творится, трудно себе даже представить. Ни по одной дороге нельзя проехать спокойно — столько здесь *шляется* по окрестностям разбитых, рассеянных, но также и организованных отрядов (красных) с пушками и пулеметами. Пока что с ними справляется местное население и тыловые органы различных наших дивизий... если бы не вооружившиеся крестьяне, то завтра или послезавтра окрестности Седельца, наверное, были бы во власти разбитых и рассеянных нами большевиков, а я бы с отрядами вооруженных жителей сидел бы в укрепленных городах».

И все-таки: что же предпринимал Тухачевский, чтобы спасти положение? Организовал вывод своих частей?

Застрелился? Нет. Иссерсон признает: «Тухачевский... остался безучастным зрителем разгрома своих армий». В результате бездарных действий командующего

Западным фронтом произошла не только катастрофа под Варшавой, одновременно Красная Армия утратила то, что с большим трудом было завоевано Юго-Западным фронтом. Как это бывает у недалеких людей, потеряв способность управлять более чем 150-тысячной массой бойцов, Тухачевский схватился за соломинку. Он все-таки «выдернул» 1-ю Конную из-под Львова. Дилетантские импровизации продолжались. Теперь они разрушали южный фланг всего фронта. Возмущенный Ворошилов 21 августа телеграфировал Реввоенсовету: «...Снятие Конармии с Львовского фронта в момент, когда армия подошла вплотную к городу, приковав к себе до семи дивизий противника, является крупной ошибкой, чреватой значительными последствиями.

Я не буду говорить о том, какое моральное действие оказывает подобный подход на армию. Вы это учтете сами, если вспомните огромные наши потери в последних боях, но я должен сказать, что, продолжая бои за овладение Львовом, мы не только служили магнитом для противника, но в то же время были самой серьезной угрозой тылу его ударной группы, которой мы смогли бы через Люблин нанести сокрушительный удар...»

К Ворошилову не прислушались. Цепь трагических военных ошибок продолжала множиться. Выполняя приказ Тухачевского от 23 августа, после отхода от Львова 1-я Конная двинулась на Замостье. Совершив отчаянный и бессмысленный рейд, озлобленная и подавленная, здесь она с трудом вырвалась из окружения. Но еще хуже, трагичнее оказалось положение бойцов Западного фронта. Две армии отошли в Пруссию, где было интернировано более 40 тыс. красноармейцев, более 80 тысяч оказались в польском плену. Позже 40 тысяч из них погибли там в концентрационных лагерях.

Много лет спустя Иссерсон свидетельствовал: «...Уборевич спросил Тухачевского, почему он в эти критические дни на Висле не появился среди своих войск и не организовал лично их прорыва из окружения к северу от Варшавы. Уборевич сказал, что пробивался бы к своим войскам любыми средствами — на машине, на самолете, наконец, на лошади — и, взяв на себя непосредственное командование, вывел бы их из окружения... Подумав, Тухачевский ответил, что роль командующего фронтом он тогда понимал иначе...»

Что мог ответить потерпевший поражение «стратег»? Ему нечего было сказать в свое оправдание. Вся кампания, спланированная Троцким, самонадеянно и бездарно осуществленная Тухачевским и неосмотрительно поддержанная Лениным, была ошибкой. Конечно, разгром поляков под Киевом, а затем их отступление в Белоруссии создали впечатление легкого успеха. Это вскружило голову многим. И все-таки основным виновником Варшавской катастрофы являлся Тухачевский.

Осуществленная им операция была не продумана и не подготовлена. Она не учитывала возможных ходов противника. Ее замысел строился лишь на амбициях бывшего подпоручика. Командующий, которому едва исполнилось 27 лет, жаждал славы и все делал вопреки законам военного искусства. Все его планы были лишь

надеждами дилетанта. Тухачевский гнал войска вперед. Он оторвался от тылов и надеялся захватить Варшаву на одном энтузиазме красноармейцев. Отсидевшись со штабом в Минске, он потерял управление войсками и под конец этой авантюры бросил своих бойцов и командиров на произвол судьбы. В результате свыше 120 тысяч из них оказались в польском плену и в числе интернированных в Германии. Погибших в боях никто не считал.

Исторический абсурд в том, что, несмотря на вину Тухачевского за самое крупное поражение, допущенное военачальниками в Гражданской войне, существует точка зрения, будто бы расстрелянный позже «маршал» был чуть ли ни «гениальным полководцем». Не абсурд ли это? Правда, позже Тухачевский «успешно» подавил Кронштадтский и Тамбовский мятежи, но то была не война, а лишь карательные акции, да и здесь он блеснул не талантом «стратега-командира».

Волнения в Кронштадте начались 28 февраля 1921 года. В крепости, прикрывавшей подступы к Петрограду, потянуло «дымом» нового Февраля, и 1 марта на Якорной площади Кронштадта собралось около 15 тысяч матросов и горожан. Вчера на общем собрании команды линкора «Петропавловск» приняли резолюцию «за перевыборы в Советы, но без коммунистов и за свободу торговли». Ее поддержала команда линкора «Севастополь» и весь гарнизон крепости. Возбужденная толпа ждала, что скажет председатель ВЦИК Калинин, приехавший в крепость через покрытый льдом залив, но, хотя всесоюзного старосту встретили аплодисментами, долго слушать его не стали.

«Кончай старые песни! Хлеба давай!» — требовали тысячи глоток и «голоснули» еще раз: «За свободу всех левых партий и политическую амнистию, за выборы в новые Советы и против борьбы со спекуляцией». Освистанный и не услышанный возбужденной толпой, Калинин уехал, а в ночь на 2 марта мятежники арестовали руководителей Кронштадтского Совета и около 600 коммунистов, в том числе и комиссара Балтфлота Кузьмина. Одновременно горланившая «братва» образовала и временный революционный комитет.

Что же возбудило матросов? Может быть, им действительно не хватало хлеба? Нет, сами матросы не бедствовали. Ежедневный флотский паек зимы 1921 года включал: «1,5 — 2 фунта хлеба (1 фунт — 400 г), четверть фунта мяса, четверть фунта рыбы, четверть — крупы, 60 — 80 г сахара». Питерский рабочий получал в два раза меньше, а в Москве рабочие вообще имели в день 225 г хлеба, 7 г мяса или рыбы и 10 г сахара».

Считается, что мятеж получил поддержку потому, что на флот пришло значительное число новобранцев из крестьян, недовольных политикой Советской власти. Наверное, это так, но обратим внимание, что во главе бунта оказался старший писарь линкора «Петропавловск» Степан Петриченко. Он родился на Полтавщине и, побывав летом 1920 года на родине, «по возвращении одобрительно отзывался о движении батьки Махно». Среди митинговавших на Якорной площади было много и других выходцев с этой российской «окраины», убежденных в том,

что «Украина нам поможет!». И действительно, Нестор Махно продемонстрировал самую горячую поддержку мятежников. В Бухаресте приняли сообщение полевой махновской радиостанции, перепечатанное многими эмигрантскими изданиями: «Приближается час соединения *свободных казаков с кронштадтскими героями в борьбе против ненавистного правительства тиранов*».

Впрочем, что такое свободный украинский «майdan», убедительно показало и новое столетие. Известно и то, чем завершились, уже в новом веке, майdanские пляски в Киеве под одобрение демократического Запада. В описываемое время события в Кронштадте тоже отозвались эхом в кругах российской эмиграции. Уже 6 марта из Парижа в Гельсингфорс (с дальнейшим адресом на Кронштадт) поступила телеграмма: «Русские торгово-промышленные круги Парижа, получившие сведения о событиях в Кронштадте и Петрограде, немедленно приступают к снабжению восставших продовольствием и предметами первой необходимости. Решительные меры будут приняты немедленно. Снабжение Кронштадта можно считать обеспеченным».

Ее подписали: Финансово-торгово-промышленный союз в Париже, Всероссийский союз торговли и промышленности, Совет съездов Торговли и промышленности, то есть самые крупные организации бывших воротил русского капитала, бежавших за границу. По сообщениям эмигрантской печати, Торгово-промышленный союз ассигновал мятежному «ревкому» 100 тыс. франков. Коковцов перевел 5 тыс. фунтов стерлингов от имени Русского международного банка; от Русско-Азиатского банка — 200 тыс. франков; страховое общество «Саламандра» — 15 тыс.; Земско-городской комитет — 100 тыс. франков; от банка, «имя которого еще не оглашено», — 225 тыс. Передовая статья эсеровской газеты «Воля России» от 9 марта 1921 года начиналась словами: «Итак, что Советская власть падет, в этом никто не сомневался».

Днем 5 марта в Петроград прибыли Главком Каменев и командующий Западным фронтом Тухачевский. Последнему для ликвидации мятежа подчинили все войска Петроградского округа и предложили восстановить 7-ю армию. К 7 марта Северная боевая группа советских войск, сосредоточенная в районе Сестрорецка, насчитывала 3763 человека, Южная группа - 9853 человека¹⁵. Кроме того, она имела еще свыше 3 тысяч резерва. Артиллерийские силы насчитывали 27 батарей полевой артиллерии: 18 — на участке Южной группы и 9 — на участке Северной. В том числе — три батареи тяжелых орудий, но калибр их также не превышал шести дюймов. Поэтому они мало подходили для штурма крепости. Однако приехавший в Петроград Троцкий считал, что Кронштадт «выкинет белый флаг после первых же выстрелов...», не сомневался в успехе и Тухачевский. «Полководец», потерпевший крах под Варшавой, не утратил самоуверенности. Он опять решил «победить» с ходу и издал приказ о штурме крепости уже на утро 8 марта.

¹⁵ ЦГАСА. Ф. 25 888. Оп. 17. Д. 35. Л. 9.

Накануне он самоуверенно заявил газетному репортеру: «Все сообщения из Кронштадта подтверждают, что там полное разложение... Кронштадт испытывает голод... Наши боевые силы вполне закончили организационную работу и в *великолепнейшем настроении* стали на свои места... Разгром мятежников - *дело ближайших дней*». И, пожалуй, у «полководца» были все основания для оптимизма. При любом развитии событий он мог быть уверен, что его частям не придется бежать, как под Варшавой. Ибо противник не мог их атаковать, а командарм имел достаточный запас снарядов, позволявший, как в тире, осыпать оборонявшихся «дождем свинца». Уже 7 марта только Северной группой по Кронштадту было выпущено 2435 снарядов, а 8 марта — еще 2724.

Однако вести прицельный огонь ночью и в густом утреннем тумане артиллерии было сложно, поэтому почти вся эта масса металла оказалась израсходованной вхолостую. Днем восьмого авиаразведка донесла, что снаряды ложились у крепости с большим недолетом, а «в самом городе и на стоящих в гавани двух линкорах разрушений не обнаружено». Впрочем, командующий операцией, наверное, даже понимал, что снаряды полевой артиллерии не проломают стены фортификационных сооружений.

Тем не менее под аккомпанемент этой театрально-шумной артиллерийской канонады рано утром 8 марта началась атака крепости. Тухачевский кое-что извлек из опыта провала Варшавской операции и догадался разместить свой штаб не в городе на Неве, а в Ораниенбауме, поближе к наступающим войскам. С тем, чтобы «управляя» их действиями по телефону, наблюдать за наступающими колоннами с помощью *«медной подзорной трубы, некогда подаренной ему астрономом-революционером П.К. Штернбергом»*. Никулин вспоминал: «Михаил Николаевич с ней не расставался. Была она у него до последних дней жизни. И под Кронштадтом *он в нее все смотрел из Ораниенбаума на крепость...*»

Наверное, глядя в морскую подзорную трубу, Тухачевский ощущал себя Наполеоном, но что ему еще оставалось? Кроме того, как пялиться на Кронштадт в подзорную трубу? Ибо командующий опять оказался не у дел. По свидетельству Путны, руководившего колоннами, наступавшими на южную часть города, «телефонные провода, протянутые по льду залива, были *перебиты при первых же выстрелах...* А разработанная заранее система сигнализации с помощью разноцветных ракет не сработала *из-за отсутствия таковых в наличии...* *Связи с командармом не было в течение всей операции*».

В результате наступление провалилось, практически не начавшись. Незамеченным до Кронштадта дошел лишь небольшой отряд курсантов Северной группы. Внезапно атаковав мятежников, он ворвался в город, но без поддержки Южной группы успех развития не получил, и, понеся потери, курсанты были вынуждены отступить. Еще менее удачной оказалась атака самой Южной группы. Встретив сильный огонь мятежников, подразделения авангардной 187-й бригады и курсанты залегли, а затем отошли обратно; причем часть 561-го полка даже сама

сдалась в плен. Отступили и подразделения 32-й бригады, двигавшиеся во втором эшелоне. Объясняя впоследствии неудачи, Тухачевский утверждал, что «Южная группа состояла из частей *разнокалиберных, малоспаянных и недостаточно стойких*».

Около 11 часов все советские войска отошли на исходные рубежи. Причем возможность взять крепость была. Оказалось, что на линкорах не имелось достаточного количества осколочных снарядов и шрапнелей, чтобы нанести ощутимый урон пехоте. А тяжелые снаряды крепостной и корабельной артиллерии, пробивая лед, взрывались в воде, образуя лишь небольшие полыньи, малое число осколков и слабую ударную волну. Как сообщается в энциклопедии: «Первое наступление на Кронштадт, предпринятое 8 марта, *из-за слабой подготовки и недостатка сил* (около 3 тыс. чел.) окончилось неудачей...»

Но могла ли эта операция закончиться иначе?! Можно ли было штурмовать первоклассную крепость (где в распоряжении 17 тысяч мятежников находилось 2 линкора с мощной артиллерией, 140 береговых орудий и свыше 100 пулеметов!) без подготовки?! Для следующего штурма численность 7-й армии вместе с тыловыми и вспомогательными частями была доведена до 45 тысяч. Из них «24 тысячи при 433 пулеметах и 159 орудиях» были сконцентрированы непосредственно для штурма¹⁶. «Для цементирования» в части Красной Армии «было влито до 3 тысяч опытных в военном деле, закаленных в борьбе коммунистов». Включая и 300 делегатов съезда партии.

Но главное, Тухачевский наконец-то сообразил, что одним нахрапом Кронштадт не взять. Как пишут Н. Симанов и Ликвидац: «*Был сделан единственный и совершенно правильный вывод, что для взятия мощной крепости требуются большие силы и средства и лучшая подготовка наступления*». То есть, чтобы понять очевидное, «гению» военной мысли понадобилось понаблюдать в подзорную трубу за тем, как по его вине погибают бойцы.

Возросла не только численность войск. Усилилась и мощь артиллерии по обоим берегам Финского залива. На 14 марта по Южной группе насчитывалось уже не 18, а 40 батарей, не считая артиллерии на фортах. И пушки не молчали. Только 10 марта батареи Южной группы произвели 427 выстрелов *шрапнельными* снарядами из трехдюймовых орудий и выпустили 190 гранат того же калибра. Целью служили южные форты Кронштадта и линкоры, стоявшие в гавани. В тот же день артиллерия Северной группы с 8 часов утра до 8 вечера вела огонь по 6-му форту, выпустив 100 трехдюймовых и 500 120-миллиметровых снарядов. Ошарашенные такой бездумной пальбой, вороны гневно каркающими стаями кружили в окрестностях, но 11 марта авиаразведка донесла, что в Кронштадте «особых разрушений на фортах и в городе не обнаружено».

¹⁶ Борьба пролетариата, 1941, № 3. С. 115.

Но разве Тухачевский не понимал, что разрушить форты и нанести урон кораблям *шрапнелью* невозможно? Тогда для чего, подобно средневековым стратегам, осыпавшим города ядрами, он методично «долбил» мятежную крепость гранатами? Новое наступление началось в ночь на 17 марта, в расчете на то, что под покровом темноты удастся скрытно пройти большую часть расстояния от берега залива до фортов. В 5 часов 30 минут зеленая ракета известила, что атакующие ворвались в город. Мятежники отошли в центр, но около полудня советские части были вынуждены отступить назад к пристани. Ситуацию спасла подошедшая на помощь 80-я бригада сводной дивизии Дыбенко и комиссара Южной группы Ворошилова. В бою принял участие и кавалерийский полк 27-й дивизии. Войдя в город через Петроградскую пристань, кавалеристы оттеснили оборонявшихся, а команды обоих линкоров выкинули белые флаги.

Однако главарей мятежа не захватили. Бросив гарнизон во главе со старшим писарем Петриченко, они уехали в автомобиле в направлении Финляндии еще в 5 часов утра 17-го числа. Вслед за ними в числе первых покинули город большинство членов «ревкома» и офицеры. Бросая оружие, толпы матросов весь день шли к финскому берегу. Как сообщали газеты, первые беглецы из Кронштадта появились около полуночи 17 марта, и, воздав им почести, финляндское правительство интернировало их в лагерях. К утру 18 марта потерявшие свыше 1 тысячи человек убитыми и свыше 2 тысяч ранеными, мятежники в Кронштадте были разгромлены. В плен с оружием в руках попали 2,5 тысячи человек, а около 8 тысяч — бежали в Финляндию¹⁷. Войска Тухачевского потеряли 527 человек убитыми и 3285 ранеными.

Успех был скромнен, но после этой «победы» историки «навечно» зачислили Тухачевского в ранг великих полководцев. Но что бы он сделал, если бы штурмом фортов Кронштадта не руководили Дыбенко, Ворошилов и другие командиры, прошедшие все перипетии Гражданской войны? Если бы, подставляя свои головы под пули шрапнели, не шли в атаку военные курсанты и делегаты парт-съезда?

Как бы то ни было, а «полководца» с медной подзорной трубой оценили уже при жизни. Более того, спустя три месяца ему доверили покончить с кулацким восстанием банд Антонова в Тамбовской губернии. Прибыв на Тамбовщину, Тухачевский сделал вывод: «В районах прочно вкоренившегося восстания приходится вести не бои и операции, а, *пожалуй, целую войну*, которая должна закончиться *полной оккупацией* восставшего района.... Словом, борьбу приходится вести в основном не с бандами, а *со всем местным населением*». Вот так! Не больше и не меньше, а стратег оценил свою задачу как осуществление полномасштабной войны с оккупацией территории собственной страны. Поэтому и действовать он решил с «*жесточкой настойчивостью*». О масштабах карательной

¹⁷ ЦГАВМ. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 91. Л. 17.

«настойчивости» свидетельствует приказ № 171, подписанный Тухачевским и Антоновым-Овсеенко 11 июня 1921 года.

В нем людям, спрятавшим оружие или отказавшимся назвать свое имя, угрожал *расстрел на месте*. В деревнях, где подозревалось наличие спрятанного оружия, приказывалось *брать заложников и расстреливать их*, если оружие не сдадут. За укрывательство бандитов, их родственников или имущества крестьянская семья *выселялась, имущество конфисковывалось*, а старший работник в семье *расстреливался на месте без суда*. В случае бегства семьи бандита имущество раздавалось соседям, а дом сжигался. И все эти драконовские меры преподносились как способ «наиболее безболезненной, бескровной и скорой ликвидации эсеробандитизма».

Но много ли было «повстанцев», против которых «полководец» начинал вести целую войну? По официальным данным: «В октябре 1920 года в мятеже участвовало 15-20 тысяч человек (из них 2,5-3 тыс. имели оружие), в январе 1921 - 50 тысяч человек». То есть Тухачевскому противостояло «не более 6,5-7,5 тысячи вооруженных антоновцев, сведенных в две армии — 1-ю и 2-ю».

Против этих сил Тухачевский имел «32,5 тысячи штыков, 8 тысяч сабель, 463 пулемета и 63 орудия». Однако «великому стратегу» этого показалось мало. Он «потребовал броневиков, бронепоездов и авиации, а также привлечения к операции войск ВЧК, ВОХР и ЧОН». Но и при таком «огромном превосходстве в силах и средствах Тухачевский снова не смог решить военной задачи: 1-я армия мятежников 14 июня 1921 года ушла на Дон, и ее потом пришлось ликвидировать войскам Воронежской губернии». И хотя в докладной записке от 16 июля Тухачевский «горделиво сообщал, что в результате проведенной им операции кулацкий мятеж ликвидирован и Советская власть восстановлена повсеместно, заявление далеко не полностью соответствовало истине. Антонов с 1200 повстанцами действовал в Тамбовской губернии до 1922 года».

Впрочем, и на Тамбовщине реальную военную победу обеспечила бригада Котовского, непосредственно вступавшая в боевые схватки с вооруженными мятежниками. Тухачевский отличился в ином. Он применил «новую» тактику, добывая укрывавшиеся в лесах остатки мятежников отравляющими газами...

Глава 3. О «бронированном» тракторе

Почти абсурдно то, что не имевший высшего военного образования, в пух и прах разбитый под Варшавой, после «победы» на Тамбовщине бывший подпоручик уже в августе 1921 года был назначен начальником Военной академии. Кстати, таких самоучек, как Тухачевский, вышедших из низов военной иерархии царского периода, в Красной Армии было сотни тысяч, но «командование» академией сразу уравнило протеже Троцкого с высшими офицерами Генштаба. Уже первая лекция Тухачевского вызвала у старых профессоров, видных военных специалистов, шок.

Стратег, совсем недавно потерпевший поражение под Варшавой, заявил: «Наши русские генералы не сумели понять гражданскую войну, не сумели овладеть ее формами... Лишь на базе марксизма можно обосновать теорию гражданской войны, то есть создать классовую стратегию... Пока что опыт гражданской войны в академии *не анализируется и зачастую даже сознательно игнорируется старыми генералами*».

И, не испытывая сомнений в собственном опыте, он изобрел новую теорию - «*классовую стратегию*» ведения войны. Тухачевский утверждал, что достаточно Красной Армии нанести сильный удар по капиталистической стране, как в ней восстанет рабочий класс, свергнет власть угнетателей и под двойным натиском буржуазный строй падет. Правда, дилетант, закончивший всего два класса пехотного училища, уже через полгода был отстранен от «командования» академией и отправлен в Ленинградский военный округ. Однако Троцкий не забывал своего протеже. В 1924 году он назначил его заместителем начальника Штаба РККА.

Впрочем, потрясение ожидало и Троцкого. 6 января 1925 года Политбюро освободило его от должности наркомвоенмора и Председателя РВС. Для Лейбы Бронштейна это стало неожиданностью. Как пишет Радзинский, произнеся «громовую речь, он бросился к выходу. Он решил хлопнуть дверью. Но заседание происходило в Тронном зале дворца, дверь оказалась слишком тяжелой. Получилось смешно — жалкий человечек сражается с дверной ручкой». Летом новый нарком Михаил Фрунзе назначил своим заместителем легендарного героя Гражданской войны Котовского. Но вступить в должность Григорий Иванович не успел. 6 августа, во время отдыха в совхозе Чебанка, он был застрелен евреем Мейером Зайдером по кличке Майорик, а 6 ноября во время операции скончался и Фрунзе.

Пост наркома и Председателя РВС занял Клим Ворошилов. Новый руководитель Красной Армии был незаурядным человеком. Имевший горячий темперамент в бою, в обычной обстановке он располагал к себе «улыбчивостью и добродушием». Выходец из луганских рабочих, прошедший царские тюрьмы, Климент Ефремович начинал жизненный путь как революционер, участник подпольной борьбы и стачек. Вершиной его боевой славы стало руководство РВС в Первой конной армии Буденного, лавиной прошедшей по фронтам Гражданской. Военный опыт имели и заместители Ворошилова. В значительном смысле позиции этих людей зеркально отражали расстановку сил в Политбюро. Если Ворошилова откровенно поддерживал Сталин, то первым заместителем был назначен ставленник Зиновьева еврей Лашевич. Второй заместитель — один из организаторов органов безопасности, выходец из Польши Уншлихт — как бы символизировал армейских интернационалистов.

Примечательно, что если руководство армией представляли фигуры, выдвинувшиеся во время Гражданской войны, то среди сорока командиров,

составивших «генералитет» РККА, 22 являлись кадровыми офицерами царской армии. В их числе было 2 генерала; 10 старших офицеров — полковники, подполковники и 10 младших офицеров — от подпоручиков до капитанов. Причем среди этих «бывших», воевавших в Гражданскую в рядах красных, 19 человек были генштабистами царской армии.

Вместе с тем протеже Троцкого тоже остался на должности начальника Штаба РККА. Правда, уже вскоре Тухачевский почувствовал, что его полномочия стали значительно сужаться. 13 ноября из структуры штаба были выведены Инспекториат и Управление боевой подготовки, а затем изъяли 4-е (разведывательное) управление. Выражая недовольство этими реорганизациями, 31 января 1926 года в письменном докладе нарком Тухачевский просил возвращения «Разведупр» в его подчинение, намекая, что при неудовлетворении условий он намерен просить об отставке. Но в конце доклада обнаружилось, что главной причиной его демарша являлось обострение отношений начштаба с заместителем Ворошилова Уншлихтом. Впрочем, эта недружественность проявилась еще в начале 20-х, когда Уншлихт — член РВС Западного фронта и куратор разведки — встретил без особого пиетета назначение Тухачевского новым командующим. И хотя по поводу Разведуправления был достигнут определенный компромисс, функциональные возможности Тухачевского продолжали сокращаться. 26 февраля из Штаба РККА была изъята мобилизационная работа, а 22 июля передан в Главное управление РККА Военно-топографический отдел. Последнее обстоятельство вызвало новый конфликт. Теперь уже между Тухачевским и начальником ГУ С. Каменевым.

Еще один конфликт, а скорее идейное противостояние, перманентно возникал у Тухачевского с профессором А. Свечиным. Как уже говорилось, еще в годы Гражданской войны Тухачевский изобрел свою собственную стратегию. В мае 1925 года, выступая на 7-м Всебелорусском съезде Советов, командующий Западным военным округом провозглашал: «Мы уверены и Красная Армия уверена, что... Советская Белоруссия, послужит тем оплотом, *от которого пойдут волны революции по всей Европе... Да здравствует мировая революция!*»

Обосновывая боеготовность армии, Тухачевский утверждал: «В техническом отношении мы достигли западноевропейских государств... Танки мы имеем хорошие и в этом отношении можем состязаться с нашими соседями. Конница наша является лучшей конницей в мире... Наша авиация является одним из самых блестящих родов войск...» И, заключая выступление, он прямо потребовал: «Нам нужно только, чтобы Белоруссия поставила в порядок своего дня *вопрос о войне(!)*». Практически это был милитаристский призыв к войне с Польшей, но скорее Тухачевский просто произносил напыщенные слова. В действительности состояние армии в это время выглядело далеко не блестящим. На первое января 1926 года вся Красная Армия насчитывала всего 610 тысяч человек и имела на вооружении: 6987 орудий, 30 162 пулемета, 60 танков, 99 бронемобилей, 42 бронепоезда, 694

самолета¹⁸. Причем вся эта военная техника была на уровне допотопных образцов Первой мировой войны.

К числу тех, кто не разделял милитаристских взглядов амбициозного дилетанта, принадлежал и бывший царский генерал профессор Свечин, который в то время входил в число лучших профессоров Военной академии РККА (ныне Военная академия имени М. В. Фрунзе). В 20-30-е годы одно за другим вышли такие фундаментальные исследования Свечина: «История военного искусства» в трех частях (1922-1923), «Эволюция военного искусства» в двух томах (1927-1928), «Клаузевиц» (1935), «Стратегия XX века на первом этапе» (1937).

Основным трудом профессора стала книга «Стратегия», вышедшая двумя изданиями в 1923 и 1927 годах. В ней он тесно увязывал вопросы стратегии как с политикой, так и с *экономической стороной войны*, учитывая при этом и уровень социального и культурного развития общества. Свечин убедительно показал, что «современные войны ведутся *не только вооруженными силами воюющих сторон; но в них так или иначе участвует весь политический и экономический потенциал противоборствующих государств*». В 1937 году вышел еще один фундаментальный труд Свечина «Стратегия XX века на первом этапе».

В подготовке Красной Армии Свечин придерживался оборонительной доктрины. Она состояла в *отказе от «стратегии сокрушения»* и «выработке оборонительных навыков боевой подготовки». В изданной в 1927 году книге Свечина «Стратегия» на примерах германского наступления на Париж в 1914 году и Тухачевского в 1920 году — на Варшаву «*стратегия сокрушения*» подвергалась критике. Заочная дискуссия продолжилась, когда 1 мая 1927 года газета «Правда» поместила статью Свечина «Военное искусство в будущей войне». В этой работе автор вновь коснулся варшавской операции Красной Армии, оценив ее как «*злоупотребление революционными лозунгами*». Конечно, это было мягко сказано. Видимо, профессор постеснялся употребить термин «авантюризм».

Однако, несмотря на корректность высказывания, в ответ «подпоручик» безапелляционно заклеил генерала. «Свечин, - писал Тухачевский, - *марксистом не был и никогда не хотел им быть...* В теоретических своих положениях Свечин всячески восстает против возможности наступления Красной Армии против капиталистических стран. Сознательно или бессознательно он является *агентом империализма*».

Вот так просто — «подпоручик» навесил на генерала ярлык «агента»! Впрочем, Тухачевский участвовал не только в травле А.А. Свечина. В одном из документов Свечин писал, что «в 1930 году... Тухачевский, которого я неоднократно изобличал на диспутах, в литературе, на лекциях и совещаниях, выступил с обвинением старых специалистов в реакционности и в том, что они являются проводниками пораженческого движения и буржуазной агентурой в Красной Армии. Лично мне

¹⁸ Минаков С. Сталин и заговор генералов. М., 2005. С. 434. Источник: ГАРФ. Ф. 8418. Он. 16. Д. 3. Л. 434.

Тухачевский посвятил два доклада в Москве в комакадемии и один доклад в Ленинграде...»¹⁹

Между тем, регулярно вертевшийся возле трибун и на виду у корреспондентов, Тухачевский стал восприниматься как военный специалист. С 17 по 28 сентября 1927 года в районе Одессы командование Красной Армии провело большие маневры. Руководил ими начальник Штаба РККА Тухачевский, а в качестве его начальника штаба выступил В. Триандафиллов. На маневрах присутствовали глава правительства Рыков, наркомвоенмор Ворошилов, вся военная элита и иностранные представители. Давая интервью корреспонденту «Красной звезды», Тухачевский самодовольно сообщил:

«В качестве очередной большой задачи перед нами ставится вопрос о еще большем развитии смелости, решимости и инициативы в бою. Осуществление этой задачи поставит нашу армию по своей выучке и способности вести бой *в один ряд с лучшими современными европейскими армиями*. Такие громкие шапкозакидательские заявления и постоянное мелькание на парадно-вычурных военных маневрах станут своеобразным «фирменным» брендом Тухачевского. Пиаром, щекочущим сознание самовлюбленного военного. Он любил купаться в лучах славы, и это создавало ему популярность не только в стране, но и известность за рубежом. Именно в это время за границей и возник миф о полководческих талантах бывшего подпоручика. Так, в январе 1928 года в Париже вышла небольшая книга П. Фервака «Михаил Тухачевский — вождь Красной Армии». В ней герой книги был представлен как *антидемократ и поклонник Муссолини*, сторонник «Мировой революции», «революции на штыках», которую он жаждет внести в Европу. Поверила этому и русская белоэмиграция. В ее среде появилась «политическая формула Деникина» о «*двойной задаче Красной армии*», которая сначала разгромит внешнего врага, а затем *свергнет* большевистскую власть.

Но больше всех внимания словоохотливому военному уделяли поляки. Советский военный атташе в Польше

И. Клочко сообщил в Москву: «29 и 30 января вся польская пресса полна самыми фантастическими сообщениями о восстании в Красной армии; говорится о восстании 4-х дивизий во главе с т. Тухачевским, наступающим будто бы на Москву...» Информация о «восстании 4-х дивизий» появилась и в британской прессе. И хотя 23 февраля в опубликованной «Правдой» статье «Буржуазная армия и пролетариат» сам герой книги опроверг слухи о его «бонапартистских» намерениях, но жадная до сенсаций публика поверила в то, что она наблюдает восход «звезды нового «Бонапарта».

Озабоченность возможностью возникновения бонапартизма проявила и оппозиция. В 1927 году представители «группы Сапарова-Смирнова» заявили руководству: «Особо опасное положение создается в Красной Армии. Командный

¹⁹ Армия. 1993. № 1. С. 54.

состав ее... в значительной степени сформировался из старых офицеров и кулацких элементов крестьянства. ...В терчастях, особенно конных, преобладает зажиточное крестьянство, на низших должностях — главным образом кулачество. (...) При таких условиях Красная Армия грозит превратиться в удобное орудие для авантюристского пошиба».

Однако, в отличие от падкого на сенсации западного обывателя, в самом СССР Тухачевский не воспринимался как восходящая звезда. Еще в марте 1927 года в Военной академии им. Фрунзе состоялась дискуссия по диссертации В. Меликова «Марна, Висла, Смирна», в которой резкой критике подвергалась оперативно-стратегическая деятельность Тухачевского во время «похода на Вислу». Меликов обвинил начальника Штаба РККА в авантюризме и высказал сомнения в наличии у него полководческих способностей. Оппонируя диссертанту, Тухачевский утверждал: «Нельзя считать ошибкой нашей политики военную задачу в 1920 г. Несмотря на то что наши силы были на исходе, при рациональном их использовании, пожалуй, они могли бы дать необходимую победу. В кампанию 1920 г. мы наделали много ошибок. Мы не провели аграрной политики. Если бы польский ревком роздал крестьянам землю, то неизвестно, как бы сложилась обстановка».

То есть «великий полководец» руководствовался не знанием тактики, изложенной на военных картах, как полагается военному профессионалу, а языком доводов болтающего политика. Конечно, такой аргумент был шатким, но Тухачевский допустил еще один промах. Обратив внимание на ошибки польского ревкома, косвенным образом он, как всегда, перекладывал вину за свое поражение на других. И, в частности, на присутствовавшего в зале 1-го заместителя Председателя РВС Уншлихта, входившего в 1920 году в состав польского ревкома. Противоречия были настолько острыми, что дошло до открытого столкновения Тухачевского с «наступавшим» на него Меликовым.

«И тут, обратившись к Тухачевскому, который... сидел в президиуме, и подняв сжатые кулаки, участник Гражданской войны, учившийся в Военной академии им. Фрунзе, Тодорский высоким голосом выпалил: «Вас за 1920-й год вешать надо!..»²⁰ Дискуссию пришлось прервать. Но развернутая информация о результатах дискуссии 31 марта появилась в печатном органе Красной Армии — газете «Красная звезда». Опубликованный материал публично продемонстрировал несостоятельность военно-политической позиции начальника Штаба РККА, опровергая стратегическую «доктрину Тухачевского» и ставя под сомнение его военный авторитет.

Впрочем, бывший подпоручик воспринимался как дилетант не только в академической среде. Недовольство начальником Штаба проистекало из-за его элементарной неспособности организовать в своем ведомстве практическую

²⁰ Иссерсон Г. Судьба полководца. М., 1997. С. 176-177.

деловую работу. Проблема выпускника пехотного училища царской армии заключалась в том, что он никогда не обучался теории управления. Он не прошел академической школы, но у него не было и управленческой практики.

У молодого военачальника были и другие особенности характера. По воспоминаниям В. Н. Ладухина: «С утра обычно Тухачевский *ездил на всевозможные совещания, читал лекции, бывал в редакциях и издательствах.* Днем приезжал в штаб и зачастую тут же запирался в кабинете, вызвав ближайших сотрудников. Потом час или два — общий прием. Вечера и ночи — опять штабная работа или *доклад нарком*. День был расписан до минуты». А. Телятников тоже пишет: «Дня не хватало. *Он трудился по ночам...*» Однако родные и близкие начальника рисуют несколько иную картину — «рассеянную жизнь человека, державшего открытый дом, куда сходились художники и музыканты, где устраивались концерты, где засиживались за полночь за ужином, за чаем, светскими беседами об искусстве».

Г. Смирнов и Д. Зенин обращают внимание на то, что, казалось бы, «сверхзанятый начальник Генштаба *находил время, чтобы часами просиживать за изготовлением скрипок, показывать гостям свои коллекции, экспериментировать с облучением дерева ультрафиолетовыми лучами, с разработкой морилок и лаков.* Он даже собственноручно написал «Справку о грунтах и лаках для скрипок». Но и это не все. Личный врач Тухачевского Кагаловский с умилением вспоминал, что *он часами занимался гимнастикой в небольшом зале, пристроенном к его служебному кабинету* по совету врача, и *подолгу возился с прижившимся в кабинете мышонком.* «Михаил Николаевич приучил мышонка в определенное время взбираться на стол и получать свой ежедневный рацион. Тухачевский при случае любил даже похвастаться своими успехами в дрессировке...»

То есть если суммировать рабочее время «полководца», то после совещаний, чтения лекций, посещения издательств он успевал часами заниматься гимнастикой и дрессировать мышонка. При таком распорядке дня у него просто не было времени на работу. Фактически он забросил профессиональные дела. И этот порок не остался незамеченным. 16 апреля 1928 года командующий Белорусским военным округом А. Егоров, инспектор артиллерии РККА С. Буденный и начальник снабжения РККА П. Дыбенко направили письмо Ворошилову, в котором обвиняли Тухачевского «*в честолюбии, неработоспособности и некомпетентности*». Они предлагали заменить начальника Штаба РККА лицом с «*более высокими организаторскими способностями, а равно и с большим опытом*».

Их мнение поддержали 1-й заместитель Председателя РВС СССР и наркома Уншлихт, начальник ГУ РККА Левандовский и заместитель УВУЗ РККА Кузьмин. Ворошилов пригласил Тухачевского для беседы, но разговора не получилось, и 3 мая нарком подписал приказ о перемещении начальника Штаба на должность командующего Ленинградским военным округом.

Впрочем, Тухачевский оказался не единственным, кто лишился высоких постов. В 1928 году были переведены на преподавательскую работу и даже отправлены во временную отставку 16 командиров высшего звена. В их числе: сотрудники Штаба РККА Пугачев, С. Будкевич и С. Петренко-Лунев; ГУ РККА - Алкснис и Вольпе; командование «фронтовых военных округов»: Ленинградского - Корк, Кук, Кауфельд; Белорусского - Германович и Сергеев; Украинского - Нейман и Скок. Примечательно, что многие из смещенных военных участвовали вместе с бывшим командующим Западного фронта в его провалившемся походе на Варшаву и входили в круг его приятелей.

О смене военной стратегической доктрины «превентивной войны» свидетельствовало и то, что начальником Штаба РККА был назначен полковник царской армии и участник Первой мировой войны Б. М. Шапошников. В отличие от малообразованного Тухачевского, он имел высшее профессиональное образование, окончив в 1910 году Николаевскую военную академию. Основной задачей командования он считал систематическое строительство современной армии.

Итак, в кругах профессионалов, знавших Тухачевского не понаслышке, его не считали военным авторитетом. Между тем, раздувая из идеологических соображений культ Тухачевского, советская историография лживо приписывала ему авторство идеи о «войне моторов». Но и это не так. У пехотного подпоручика для этого не было достаточных знаний; как плагиатор, он лишь «перехватил» чужую идею. В действительности инициатором советского танкостроения и автором идеи «таранных ударов» стал заместитель начальника Штаба РККА Шапошникова - Триандафиллов.

В Первую мировую войну он дослужился до штабс-капитана, а в Гражданскую — командовал полком и бригадой и был награжден орденом Красного Знамени. Как военный теоретик он являлся автором книг «Характер операций современных армий» и «Вопросы подготовки войсковых штабов». Именно Триандафиллов 18 июля 1928 года представил в Реввоенсовет СССР разработанный им документ: «Система танко-, тракторо-, авто- и броневооружения РККА». Кстати сказать, что Тухачевский к этому времени командовал всего лишь Ленинградским военным округом.

Целостным обоснованием новых перспектив развития военного искусства, первой фундаментальной военно-научной работой стала вышедшая в 1929 году книга Триандафиллова «Характер операций современных армий». В этом академическом труде был изложен весь боевой опыт старой Русской армии в период 1-й мировой войны и Красной Армии — в Гражданской. Заявляя о будущей войне, как «войне моторов», В.К. Триандафиллов буквально «взорвал» образованную военную общественность и военную элиту. Именно его научная работа стала военно-теоретической предпосылкой для принятия Сталиным решений о принципиальной модернизации армии и упрочила его взгляды на необходимость развития мощной оборонной индустрии.

Обстоятельства не дали развернуться таланту Владимира Кириаковича. 12 июля 1931 года он погиб в автокатастрофе, и его с почестями похоронили у Кремлевской стены. Незадолго до гибели он передал в Штаб РККА свою работу «Основные вопросы тактики и оперативного искусства в связи с реконструкцией армии». В ней он сформулировал мысль, что победу в предстоящей войне принесет мощный удар танковым кулаком при поддержке артиллерии и штурмовой авиации.

Еще до гибели Триандафиллова, в развитие его идей, 15 июля 1929 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О состоянии обороны СССР». В соответствии с заданиями Политбюро к концу пятилетки армия должна была иметь 3000 танков, 3759 легких пушек, 798 тяжелых пушек, 120 орудий большой мощности, 1218 зенитных орудий среднего калибра и 712 малого калибра. Кроме того, намечалось поставить армии 150-180 тыс. автомобилей и необходимое количество тракторов.

Но мало иметь идею. Для реализации и осуществления самого умного замысла прежде всего нужно было иметь средства и необходимую техническую базу. Поэтому 5 декабря 1929 года Сталин рассмотрел на заседании Политбюро вопросы о производстве танков в комплексе. В постановлении «О выполнении танкостроительной программы» говорилось о налаживании производства брони, стали и моторов. Этот документ обусловил ту точку отсчета, от которой началась танковая промышленность. Но по праву будет заявить и то, что именно Сталин стал организатором советского танкостроения. Причем как великий менеджер, он прекрасно осознавал, что без изучения мирового опыта конструирования танков решить задачу на современном уровне отечественные разработчики не смогут.

В связи с этим решение Политбюро обязывало: «Командировать за границу авторитетную комиссию из представителей ВСНХ и Наркомвоенмора и возложить на них: а) *выбор и закупку типов и образцов танков*, б) *выяснение возможностей получения техпомощи и конструкторов* (курсивы мои. — К.Р.)».

В новом году советские специалисты выехали в Германию, Францию, Италию. Их задача состояла в заключении с ведущими компаниями контрактов на поставку образцов военной техники и технологий, необходимых для их производства. На закупки было выделено почти полтора миллиона долларов, по тем временам очень большие деньги. Но Сталин не ограничился этой суммой. Когда выяснилось, что состояние отечественных конструкторских организаций не могло в требуемые сроки обеспечить для РККА конструирование и производство новых систем артиллерийского вооружения, то по его указанию Высший Совет народного хозяйства (ВСНХ) выделил еще 75 тыс. долларов.

Эти средства предназначались для получения «из-за границы рабочих чертежей и готовых образцов орудий», но уже «*агентурным путем*». Конечно, это был военно-технический шпионаж. Но какое государство пренебрегало в то, да и в наше время такой формой получения необходимой информации? Легальными закупками тракторов, автомобильной техники, горного и другого оборудования в разных

странах еще с 20-х годов занимались филиалы Амторга - частные иностранные акционерные общества, созданные за границей для экспортно-импортных операций с Россией. В 1929 году для закупок боевой техники к Амторгу были прикомандированы и представители Наркомата по военным делам.

Таким образом, еще до начала коллективизации Вождь взял курс на подготовку целенаправленной кардинальной модернизации армии. Однако не обошлось без казуса. Осведомленный о начале осуществления танковой программы, Тухачевский поспешил вернуть утраченное реноме демонстрацией масштабности собственного «стратегического» мышления. 11 января 1930 года он направил на имя Ворошилова докладную записку. В ней, в присущей ему псевдонаучной манере, тяжелым и невразумительным слогом он писал: «На основе учета новейших факторов техники и возможностей массового военно-технического производства, а также *сдвигов, происшедших в деревне* (курсивы мои. - *К.Р.*), количественного роста различных родов войск *появятся новые пропорции*, новые структурные изменения...»²¹

Конечно, сложно понять, как на «основе учета новейших факторов техники...» и «сдвигов, происшедших в деревне» могут появиться «новые пропорции». Военный, по-видимому, не обременявший себя чтением художественной литературы, стремясь выглядеть интеллектуалом, формулировал свои мысли коряво-витиеватым языком: «Необходимо подойти к структуре РККА *реконструктивно, в полном соответствии с хозяйственными успехами*?!» И таким стилем написаны все его «работы».

Прочитывая эту очевидную «заумь», историк С. Минаков поясняет: «Тухачевский считал необходимым к концу пятилетки иметь Красную Армию в составе 260 стрелковых и кавалерийских дивизий, 50 дивизий артиллерии... а также обеспечить войска к указанному времени 40 тыс. самолетов и 50 тыс. танков». То есть «талантливый» полководец предлагал «к концу 1933 года» - в разгар коллективизации, при еще не снятой опасности повторения хлебного кризиса - численность только стрелковых и *кавалерийских* дивизий в мирное время довести до 11 миллионов человек. Но бросается в глаза, что накануне «будущего вооруженного столкновения» в числе решающих средств из «трех китов» армии на первое место Тухачевский ставил: «а) стрелковые войска с артиллерией и б) *стратегическую конницу*».

Странно, что историки, превозносящие талант пехотного подпоручика, не обратили внимания на то, что «гений военной мысли» не намеревался перед войной расстаться с «лошадью». Но основная абсурдность идеи Тухачевского заключалась в ином. Фактически в условиях начала зарождения в стране промышленности он предлагал выпустить уже «к концу 1933 года» армаду в 50 000 «кустарных танков». Лишь с пуленепробиваемой броней и двигателем, меньшей мощности, чем у

²¹ Цит. по: Минаков С. Сталин и заговор генералов. М., 2005. С. 615.

современного мотоцикла, и одновременно — 40 000 столь же примитивных самолетов.

Эта дилетантская «программа» встретила резкую критику Ворошилова и начальника Штаба РККА Шапошникова. 5 марта 1930 года Ворошилов написал Сталину: «Направляю для ознакомления копию письма Тухачевского и справку Штаба по этому поводу. Тухачевский хочет быть оригинальным. Плохо, что в КА (Красной Армии) есть порода людей, которая этот радикализм принимает за чистую монету. Очень прошу прочесть оба документа и сказать свое мнение».

Сталин резко и негативно оценил предложения командующего Ленинградским округом, указав, что принятие этой программы привело бы к ликвидации социалистического строительства и замене его системой «красного милитаризма». В ответе Ворошилову он отмечал: «Этот план нарушает в корне всякую мыслимую и допустимую пропорцию между армией, как частью страны, и страной как целым, с ее лимитами хозяйственного и *культурного порядка*. (Имеется в виду интеллектуальный, образовательный и технический потенциал кадров как в промышленности, так и в армии. - *К.Р.*) План сбивается на точку зрения «чисто военных людей», нередко забывающих, что армия является производным от хозяйственного и культурного состояния страны.

Как мог возникнуть такой «план» в голове марксиста, прошедшего школу Гражданской войны? Я думаю, что «план» т. Тухачевского является результатом увлечения «левой фразой», результатом увлечения бумажным, канцелярским максимализмом. Поэтому анализ заменен в нем «игрой в цифири», а марксистская перспектива роста Красной Армии - фантастикой.

Осуществить такой «план» — значит наверняка загубить и хозяйство страны, и армию. Это было бы хуже всякой контрреволюции. Отрадно, что Штаб РККА... ясно и определенно отмежевался от плана Тухачевского»²². Так же думали и военные специалисты. В докладе на расширенном Пленуме РВС, состоявшемся 13 апреля 1930 года, Шапошников аргументированно раскритиковал предложения Тухачевского. Одновременно на заседании было оглашено письмо Сталина. Видимо, не зная того, что Генеральный секретарь ознакомился с копией его докладной, Тухачевский попытался опровергнуть эту критику.

19 июня того же года в письме «лично Сталину» он писал:

«...Познакомившись с вышеупомянутым докладом Штаба РККА, я вполне понимаю Ваше возмущение фантастичностью «моих» расчетов. Однако должен заявить, что моего в докладе штаба РККА нет абсолютно ничего. Мои предложения представлены не в карикатурном виде, а в прямом смысле в форме *«записок сумасшедшего»* (курсивы мои. - *К.Р.*).

Я не собираюсь подозревать т. Шапошникова в каких-либо личных интригах, но должен заявить, что Вы были введены в заблуждение, что мои расчеты от Вас

²² РГАСПИ. Ф. 74 Оп. 2. Д. 38. Л. 58. И.В. Сталин - К.Е. Ворошилову, 23 марта 1930 г. Опубликовано: Советское руководство. Переписка. 1928-1941. М., 1999. С. 113.

скрыты, а под *фирмой* моих предложений Вам были представлены *ложные, нелепые, сумасшедшие цифры*».

Тухачевский признался: «В отношении танков и авиации... я подчеркивал, что *не имею возможности* произвести подсчетов постройки и содержания больших масс авиации и танков. «*Перехода от мирного к военному времени, соответствующих сроков и пр.*». (Я) ...повторно указывал, что не имею возможности «*точно определить сроки и последовательность осуществления этой реорганизации*»²³. Признание почти чистосердечное.

Но можно ли считать талантливым человека, занимавшего ранее пост начальника Штаба РККА, однако так и не научившегося выполнить элементарного подсчета для оценки реальности предложений по производству военной техники? Впрочем, опасность дилетантства Тухачевского состояла не только в его профессиональной военной неграмотности. Он был совершенно некомпетентен в технических вопросах.

Тухачевский писал: «Штаб РККА указывает на необходимость постройки многих крупных заводов, *что я считаю совершенно не правильным*. Военное производство может в основном базироваться на *гражданской промышленности...*» Фактически это был призыв к отказу от развития специальной оборонной промышленности, и даже трудно представить, к чему могло привести принятие его «плана».

«Офицер гвардейской пехоты, «гуманитарий» по ментальному настрою», Тухачевский не имел технической подготовки. Потому одновременно он оспаривал мнение как военных профессионалов, так и конструкторов. Он утверждал: «Необходимо иметь в виду, что в танковом вопросе у нас до сего времени подходят очень консервативно к конструкции танка, требуя, чтобы все танки были *специального военного образца*».

Но разве бывают танки не военного образца? Что же предложил «гений» военной мысли? «Оригинальную» идею! «Нам необходимо, — пояснял Тухачевский, - чтобы специальные военные танки составляли бы от общего числа около *одной трети*, для выполнения специальных задач, борьбы с противотанковой артиллерией и пр.

Остальные танки, идущие обычно во 2-м и 3-м эшелонах, могут быть несколько меньшей быстроходности, *большого габарита* и пр. А это означает, что такой танк может быть бронированным трактором (!)... что позволяет выставить бронетрактора в громадных массах»²³.

Таким образом, «полководец», причисленный историками к лику и «талантливых», совершенно не понимал и характера предстоявшей «войны моторов». Он предлагал к началу войны «развернуть» только «8-12 тысяч танков». Добиться побед он рассчитывал на 40 000 колхозных, колесных убудочных «танках *большого габарита*» (?! - К. Р.) - бронетракторах.

²³РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 446. Л. 6-18.

Гигант творческой мысли не ограничился словами: «с помощью рабочих Путиловского завода он переоборудовал один *колесный трактор Фордзон* в бронетрактор. На трактор, ничего в нем не меняя, навесили 70-миллиметровую противопульную броню». Получился *«танк»-каракатица*, вооруженный одним пулеметом и развивающий скорость 11 км/час. То была пародия даже на танки Первой мировой войны.

Кстати сказать, что в это время на вооружении всех армий состояли более быстроходные средства - броневики. И трактор, даже оснащенный «железом», не мог быть лучше броневика. Однако, стремясь выглядеть оригинальным, дилетант «изобретал» свой «велосипед». Сталин решительно отверг бредовые идеи Тухачевского о «бронированных» тракторах-уродцах и отказе от «необходимости постройки многих крупнейших заводов». Не имевший иллюзий, он понимал и то, что без привлечения мирового опыта обеспечить коренное перевооружение армии на современном уровне невозможно. И Вождь нашел способ «подтолкнуть» мысли конструкторов.

Как уже указывалось выше, Сталин выделил большие средства на закупку образцов военной техники в Европе. Однако с Америкой, до осени 1933 года, СССР дипломатических отношений не имел. Поэтому американский колесно-гусеничный танк «М-1931» конструктора Кристи купили действительно как «трактор» - без башни и пушки. В целом в изделии не было ничего выдающегося. Удачным оказался лишь один узел — колесно-гусеничный привод с подвеской. Находка оказалась настолько удачной, что все последующие конструкции советских танков, включая и знаменитый Т-34, использовали идею такой трансмиссии, названную подвеской Кристи.

На танк американского конструктора установили отечественную башню с пушкой и приняли на вооружение как БТ-2 (легкий быстроходный колесно-гусеничный танк). Изделие производилось на Харьковском паровозостроительном заводе им. Коминтерна. Позже в серии БТ появились: БТ-5, БТ-7, БТ-7М. Прообразом другого семейства советских танков стала британская машина «Виккерс», ее копия носила название Т-26. Конструкция оказалась слабой - двигатель быстро перегревался. Поэтому пятибашенный тяжелый танк Т-35, имевший три пушки, четыре пулемета и одиннадцать членов экипажа, военные охотно показывали на парадах, но изготовлено было лишь три машины.

Уже 13 июня 1930 года РВС СССР утвердил уточненный план строительства РККА на 1929-1932 годы. А 27 июня в докладе на XVI съезде ВКП(б) Сталин «объявил развернутое наступление социализма по всему фронту». Речь шла о темпах осуществления в стране индустриализации и коллективизации. 4 февраля 1931 года Сталин вообще поставил вопрос ребром. Он предупреждающе указал: *«Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».*

То были пророческие слова! И ведомая мудрой волей Вождя, страна прошла этот десятилетний марафон. Она создала мощную гражданскую и оборонную промышленность, крепкое колхозное сельское хозяйство, обеспечившие потребности государства на всем протяжении войны. Уже в 1932 году заводы страны выпустили три тысячи танков, а в 1935-м армия получила семь с половиной тысяч боевых машин. Безусловно, первые серии отечественных танков были несовершенны, но без их производства дальнейшее развитие танкостроения стало бы невозможным. На основе их освоения училась не только армия, приобретали опыт конструкторы, инженеры и рабочие, совершенствовался технологический процесс изготовления военной техники. Именно поэтому в 1936 году появились эскизы первых опытных образцов танка Т-34 конструкции Кошкина, Морозова и Кучеренко, а затем и тяжелого танка «КВ» - «Клим Ворошилов».

Конечно, не все шло гладко. В июне 1933 года заместитель наркома тяжелой промышленности Павлуновский докладывал Орджоникидзе: «За последние годы проделана большая работа по технологическому переоснащению оружейных заводов. Завезено громадное количество импортного оборудования, а такие заводы, как «Баррикады» и строящийся Сормовский, целиком оснащены новой техникой, основная проблема - отсутствие налаженного технологического процесса массового производства. Оружейные заводы производят продукцию в основном теми же методами, которыми орудия делались десятки лет назад». Но в этом не было вины Сталина. Технические кадры не успевали за требованиями времени.

Но только благодаря Сталину советская военная промышленность получила возможность развития. Вождь лично держал «оборонку» под своим контролем. В годы второй пятилетки активно наращивались и мощности авиационной промышленности. В 1937 году в стране насчитывалось 57 авиационных заводов, на которых было занято 249 тысяч рабочих и служащих. В предвоенные годы основные темпы роста производства военно-промышленных наркоматов составили 141,5% вместо 127,3%, предусмотренных третьим пятилетним планом. С развитием военной техники сильный импульс получили также научные исследования. Конструкторскими коллективами были разработаны: бронированный штурмовик ИЛ-2 (под руководством Ильюшина), скоростной пикирующий бомбардировщик Пе-2, истребители ЛаГГ-3, МиГ-3, Як-1. В начале 1941 года авиапромышленность полностью перешла на выпуск самолетов только новых конструкций. На 22 июня 1941 года их насчитывалось уже 17% от общего количества находившихся на вооружении самолетов.

В начале 1941 года к серийному выпуску Т-34 подключились все тракторные и сталелитейные заводы страны. Изготовленные в течение 1940 года и первой половины 1941 года 1225 танков Т-34 вместе с 636 тяжелыми танками «КВ» производства ленинградского Кировского завода составили около 10% от общего количества единиц бронетанковой техники, состоявшей на вооружении РККА. В середине 30-х годов происходил существенный количественный рост советских

Вооруженных Сил: с 600 тысяч человек в 20-е годы до 1433 тысяч человек в 1937 году. Возросло число военных академий для формирования высших командных кадров и военных училищ для подготовки офицерского состава - до 13 и 75 соответственно к концу второй пятилетки. Причем из 75 военных училищ 18 готовили авиаторов и 9 - танкистов.

По большому счету, коллективизация стала одной из главнейших мер, осуществленных Сталиным в процессе подготовки к «Великой войне». Из трех китов, на которых крепилось будущее Великой Победы, первыми двумя были: промышленность, созданная в результате индустриализации, и модернизированное сельское хозяйство, реформированное в результате коллективизации.

Логика исторического опыта заставляет сделать вывод, что Сталин в своей деятельности допустил единственную крупную ошибку. Она состоит в том, что расстрелять Тухачевского нужно было не в 1937-м, а еще в 1930 году. Или, по крайней мере, упрятать его в сумасшедший дом. Кстати, для этого был повод. 18 августа 1930 года ОГПУ арестовало бывшего соратника и ближайшего друга Тухачевского Н. Какурина. Царский полковник Николай Какурин, окончивший еще до Первой мировой войны академию Генерального штаба, в период Гражданской войны служил в Галицийской армии. На сторону красных он перешел после отступления деникинских войск с Украины. В конце декабря 1920 года командующий Западным фронтом Тухачевский назначил его своим 2-м помощником, а в следующем году они вместе участвовали в подавлении Тамбовского восстания.

Уйдя со строевой службы из-за болезни, в конце 1922 года Какурин устроился на должность старшего руководителя по тактике Военной академии РККА. А по совместительству - начальником отделения по истории Гражданской войны в Оперативном управлении Штаба РККА. Занявшись сочинением истории, Какурин стал главным творцом «образа и легенды Тухачевского» как выдающегося «полководца», вписавшего «блестящие» страницы в историю Красной Армии. Во время подавления Тамбовского восстания Тухачевский сошелся и с другим «историком», тоже бывшим подполковником Генерального штаба И.А. Троицким. В 1925 году, вернувшись из командировки в Турцию, Троицкий «восстановил связи с Тухачевским и Какуриным». Позже на допросе Троицкий показал: «У Тухачевского я сделался частым гостем. У него собирались почти каждый день. ... Я являлся агитатором достоинств Тухачевского. Восхвалял при всех удобных случаях его таланты»²⁴.

Приятелей командующего Ленинградским военным округом Какурина и Троицкого арестовали летом 1930 года. Сослуживцы рассматривали арест Какурина как следствие отношений с его любовницей - цыганкой Мелиховой-Морозовой. Ее подозревали в связях с иностранными разведслужбами и поговаривали, что ОГПУ

²⁴ Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. С. 192-193.

получила информацию о ней от ревнивой жены бывшего полковника. Обвинения в шпионской деятельности Какурин сразу отмел, но на допросе 23 августа признался, что его симпатии «склонялись теоретически к правому уклону». Спустя два дня арестованный сделал и другие признания. Рассказывая о круге почитателей и приверженцев Тухачевского, Какурин показал на допросе 26 августа:

«В Москве собирались у Тухачевского, временами у Гая, временами у цыганки (Мелиховой-Морозовой). В Ленинграде собирались у Тухачевского, лидером всех этих собраний являлся Тухачевский, участники: я, Колесинский (*поляк*, бывший поручик. - *К. Р.*), Эстрейхер-Егоров (*австриец*, бывший лейтенант австро-венгерской армии), Гай (*армянин*, настоящая фамилия Бижишкян, бывший штабс-капитан), Никонов (бывший подпоручик), Чусов (бывший подпоручик военного времени), Ветлин, Кауфельдт (*латыш*, бывший прапорщик)».

Пользуясь современной терминологией, все эти «бывшие» подпоручики, прапорщики, лейтенанты представляли собой неких диссидентов своего времени. Людей, не удовлетворенных своим служебным и общественным положением и поэтому охотно злословивших «на кухне» о власти и ее «политике». Однако Какурин свидетельствует, что рассуждения единомышленников не были безобидной болтовней. Военные фронтеры намеревались действовать; правда, еще не определившись, к какому краю примкнуть.

Какурин рассказывал, что в 1930 году, «в момент после XVI-го съезда было уточнено решение сидеть и выжидать, *организуясь в кадрах в течение времени наивысшего напряжения борьбы между правыми и ЦК*. Но тогда же Тухачевский выдвинул вопрос о политической акции как цели развязывания правого уклона и перехода на новую, высшую ступень, *каковая мыслилась как военная диктатура, приходящая к власти через правый уклон*. В дни 7-8 июля у Тухачевского последовали встречи и беседы вышеупомянутых лиц и сделаны *были последние решающие установки*. то есть *ждать, организуясь*»²⁵.

Как ни крути, а показания подследственного свидетельствуют чуть ли не о классическом заговоре. Правда, вялотекущем и нерешительном. Но в том, что заговорщики уже «точили ножи» и выбрали себе предводителем в диктаторы неудачника Варшавы, не может быть сомнений. Причем Тухачевский охотно и многозначительно ораторствовал в этом кругу. Какурин рассказывал следователю: «Далее Михаил Николаевич говорил, что, наоборот, *можно рассчитывать на обострение внутрипартийной борьбы*. Я не исключаю возможности, сказал он, в качестве одной из перспектив, что в пылу и ожесточении этой борьбы страсти и политические и личные разгорятся настолько, что будут забыты и перейдены все рамки и границы».

Тухачевский говорил, передавал его слова Какурин: «Возможна и такая перспектива, что *рука фанатика для развязывания правого уклона не остановится*

²⁵ Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. С. 629. Цит по: Военные архивы России. Выпуск № 1. С. 103.

и перед покушением на жизнь самого тов. Сталина. У Мих. Ник., возможно, есть какие-то связи с Углановым и, возможно, с целым рядом других партийных или околупартийных лиц, которые рассматривают Тухачевского как возможного военного вождя на случай борьбы с анархией и агрессией».

Из этого подследственный делал вывод: «Сейчас, когда я имел время глубоко продумать все случившееся, я не исключу и того, что, говоря в качестве прогноза о фанатике, стреляющем в Сталина, Тухачевский просто вуалировал ту перспективу, над которой он сам размышлял в действительности»²⁶.

Конечно, признания Какурина не могли не привлечь внимания Менжинского. 10 сентября, сообщая о его показаниях находившемуся в отпуске на юге Сталину, председатель ОГПУ писал: «Я доложил это дело т. Молотову и просил разрешения до получения ваших указаний держаться верши, что Какурин и Троицкий арестованы по шпионскому делу. Арестовать участников группировки поодиночке - рискованно.

Выходов может быть два: или немедленно арестовать наиболее активных участников группировки, или дождаться вашего приезда, принимая пока агентурные меры, чтобы не быть застигнутым врасплох. Считаю нужным отметить, что сейчас повстанческие группировки созревают очень быстро, и последнее решение представляет известный риск»²⁷.

Казалось бы, такое сообщение должно было вызвать у Сталина немедленную реакцию для принятия мер по пресечению подозрительных намерений командующего ЛВО. Однако он отреагировал поражающе спокойно и выдержанно. Не суетясь и не раздражаясь, он решил обсудить эту информацию с Орджоникидзе. Причем письмо ему, с приложением протоколов допросов, он послал ему лишь спустя две недели.

Сталин писал: «Прочти-ка поскорее показания Какурина и Троицкого и подумай о мерах ликвидации этого неприятного дела. Материал этот, как видишь, сугубо секретный: о нем знает Молотов, я, а теперь будешь знать и ты. Не знаю, известно ли Климу (т.е. Ворошилову. - К.Р).

Стало быть, Тухачевский оказался в плену у антисоветских элементов и был сугубо обработан тоже антисоветскими элементами из рядов правых. Так выходит по материалам.

Возможно ли это? Конечно, возможно, раз не исключено. Видимо, правые готовы идти даже на военную диктатуру, лишь бы избавиться от ЦК, от колхозов и совхозов, от большевистских темпов развития индустрии.

Как видишь, показания Орлова и Смирнова (об аресте Политбюро) и показания Какурина и Троицкого (о планах и «концепциях» Тухачевского) имеют своим источником одну и ту же питательную среду - лагерь правых. Эти господа хотели,

²⁶ Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. С. 629. Цит по: Военные архивы России. Выпуск № 1. С. 103.

²⁷ Военные архивы России. Выпуск № 1. С. 103.

очевидно, поставить военных людей Кондратьевым - Гротенам - Сухановым. Кондратьевско-сухановско-бухаринская партия - таков баланс.

Ну и дела... Покончить с этим делом обычным порядком (немедленный арест и пр.) нельзя. Нужно хорошенько обдумать это дело. Лучше бы отложить решение вопроса, поставленного в записке Менжинского, до середины октября, когда мы все будем в сборе. Поговори обо всем с Молотовым, когда будешь в Москве».

И все-таки ситуацию необходимо было прояснить. Вернувшись в столицу из отпуска, 14 октября Сталин принял в Кремле председателя ОГПУ Менжинского и начальника особого отдела К. Ольского. Они ознакомили его с дополнительными признаниями Какурина о заговорщиках. Но и после этого Сталин не стал торопить события. Лишь в период работы в Москве с 21 по 26 октября планового Пленума РВС СССР Сталин в узком кругу заслушал мнения Дубового, Якира и Гамарника по поводу необходимости ареста Тухачевского. Затем, в присутствии Сталина, Ворошилова и Орджоникидзе, в Кремле состоялась очная ставка между Н. Какуриным, И. Троицким и Тухачевским. Кандидат в «Бонапарты» лицемерил и юлил, но, хотя оба обвиняемых подтвердили свои показания, ему поверили.

В письме Молотову Сталин написал 23 октября: «Что касается Тухачевского, так он оказался чист на все 100%. Это хорошо». Более шести с половиной лет спустя, на заседании Военного совета при НКО в июне 1937 года, Сталин так прокомментировал эти эпизоды: «Мы обратились к тт. Дубовому, Якиру, Гамарнику. Правильно ли, что надо арестовать Тухачевского как врага. Все трое сказали, - нет, это должно быть какое-то недоразумение, не правильно... Мы очную ставку сделали и решили это дело зачеркнуть. Теперь оказывается, что двое военных, показывающих на Тухачевского, показывали правильно...»

Однако не все было «хорошо». Какурин и Троицкий не оговорили Тухачевского. Причины если не для ареста, то для удаления его из армии были. В 1937 году, 1 июня, Тухачевский собственноручно писал в своих показаниях, что летом 1930 года, «когда на XVI съезде партии Енукидзе имел со мной второй разговор, я весьма охотно *принимал его установки*. Енукидзе, подозвав меня во время перерыва, говорил о том, что хотя правые и побеждены, но они не сложили оружия, перенося свою деятельность в подполье. Поэтому, говорил Енукидзе, *надо мне законспирированно перейти от прощупывания командно-политических кадров к подпольной организации на платформе борьбы с генеральной линией партии за установки правых*».

Нет, Сталин не относился к робкому десятку. Вместе с тем как тонкий психолог он отнес «застольные» разговоры Тухачевского к разряду фрондерства, вызванного неудовлетворенностью собственным положением после отстранения от должности начальника штаба. И, по-видимому, еще не утратив надежды на его полезную деятельность, в июне 1931 года он назначил его заместителем Ворошилова и начальником вооружений РККА.

Вместо игры в государственный переворот Сталин предложил бывшему подпоручику широкое поле для продуктивной деятельности. Однако Тухачевский не оправдал возложенных на него надежд. За три с лишним года пребывания на новом посту он не добился реализации ни одного проекта, который бы принес реальную пользу для повышения обороноспособности армии.

Однако как человек, неспособный заниматься деловой работой, став заместителем наркома, Тухачевский увлекся показухой. В этот период своеобразным коньком его «творчества» стало проведение масштабных показательных маневров, с демонстрацией танковых «прорывов» и высадкой десанта с воздуха. Но, как показала последовавшая война, эти игры «в солдатики» не имели даже приблизительного отношения к условиям реального ведения боевых действий. Они впечатляли лишь любителей хроникальных кинолент.

Это понимали профессионалы. На одном из совещаний командного состава командующий Среднеазиатским военным округом Дыбенко так прокомментировал увлечение Тухачевского: «Если бы при высадке твоего десанта у противника стояло три-четыре пулемета, то этот незначительный десант пришлось бы прикрывать не меньше, чем ста самолетам с воздуха (смех в зале). Я имел возможность высаживать десант против неорганизованного противника, против басмачей, и то не расслаживался, как у тещи на именинах (смех в зале)».

Рекламное увлечение заместителя наркома вызвало раздражение и у Сталина. 27 сентября 1931 года в шифровке Кагановичу, Молотову и Ворошилову он писал: «Шумиха и блеск в нашей печати по поводу маневров наших войск приносит нам вред. *Нельзя ли прекратить немедленно?* Непонятно, откуда только берется у большевиков мещанское стремление к шумихе и показному блеску».

Впрочем, еще более порочная деятельность Тухачевского проявилась в других вопросах. Именно он не допустил постановку на вооружение ручного пистолета-пулемета В.А. Дегтярева, признанного самым лучшим на полигонных испытаниях! Образцов этого скорострельного вида оружия, обычно называемого автоматом, выпустили всего 300 единиц. Как писал конструктор Грабин, Тухачевский старался не допустить запуск в производство и его 76-мм пушек, во время войны оказавшихся незаменимыми для уничтожения танков. И только вмешательство Сталина позволило обеспечить войска ее модификациями в 1936, 1937 и 1942 годах. Но по вине Тухачевского к началу войны все виды артиллерии так и не получили эффективных прицелов, подобных немецким.

Вместе с тем совместно с заместителем наркома тяжелой промышленности Павлуновским Тухачевский «развернул кампанию по созданию универсальных полевых орудий - гибрида 76-мм дивизионной пушки и зенитки». Универсальная пушка не получилась. Их вообще не было ни в одной стране мира. Не дали результатов и его эксперименты с орудиями, стреляющими «полигональными» или нарезными снарядами. Они закончились тем же результатом, как и «при испытаниях таких же орудий в 1860-1871 гг. в царской России».

Еще одной авантюрой Тухачевского стали дорогие эксперименты с динамореактивными пушками Курчевского. Л. Курчевский родился в семье учителя рисования и закончил два курса физико-математического факультета Московского университета. С 1922 года руководил «мастерской-автолабораторией» при Комиссии по делам изобретений, но в 1924 году «за растрату казенного имущества и средств» был осужден на 10 лет. Однако, находясь в Соловецком лагере, он построил опытный вариант динамореактивной пушки и в начале 1929 года был досрочно освобожден.

С января 1930 года он стал главным конструктором ОКБ-1 ГАУ, а в начале 1934 г. для «изобретателя», пользовавшегося особой поддержкой Тухачевского, персонально было организовано Управление уполномоченного по специальным работам. Развернув бурную деятельность, Курчевский разработал несколько десятков типов динамореактивных пушек (ДРП), в том числе батальонных, авиационных и других типов.

Кроме того, при активном содействии Тухачевского и Павлуновского для Курчевского построили специальный истребитель, вооруженный 76-мм безоткатными пушками; 305-мм гаубицу устанавливали на автомобиль, 305-мм ДРП пристроили на эсминец, а 152-мм - на торпедный катер и т.д. Идеи сыпались из изобретателя, как труха из дырявого мешка. Среди разработок Курчевского имелись механический аппарат для метания гранат, полярная лодка-вездеход, трехосный вездеход на колесном и гусеничном ходу, крылатая торпеда и глиссер.

Но главной особенностью этого сумбурного творчества являлось то, что изготовленные по его проектам образцы орудий и вооружения имели огромное количество *неустранимых* недостатков, а их характеристики не соответствовали заявленным. Тяжесть последствий авантюрного разгула усугублялась тем, что начальник вооружений РККА Тухачевский пытался протолкнуть идею о необходимости сокращения артиллерии *в два раза*, обещая полностью перевооружить армию безоткатными орудиями. С 1931 года почти все артиллерийские заводы СССР работали по заданиям Курчевского. Пушки ДРП были запущены на поток. Однако «все авиационные, корабельные, танковые, горные, зенитные и др. пушки Курчевского оказались полностью небоеспособными». В 1937 году Курчевского, Павлуновского, а также почти все руководство АУ во главе с комкором Ефимовым арестовали и расстреляли.

Однако фантазии Курчевского и поддерживавшего его Тухачевского дорого обошлись стране. На производство его изделий были затрачены огромные суммы, но все выпущенные более 5000 орудий пошли в металлолом. И к началу Второй мировой войны Красная Армия «осталась без зенитных автоматов, без тяжелых зенитных пушек, без артиллерии особой мощности и т.д.»²⁸. До конца 1940 года

²⁸Мартирогян А. 22 июня. Правда Генералиссимуса. М., 2005. С. 337-338.

единственным средством ПВО сухопутных войск оставались 7,62-мм пулеметы «Максим».

Что это? Идиотизм неграмотного дилетанта? Или умышленное вредительство? Позже на следствии Тухачевский признался в последнем. Но и это было не все. Именно он затормозил производство всех типов минометов. Назвав этот вид вооружения «суррогатом артиллерийского орудия», он не допустил его производства в рамках пятилетнего плана. Поэтому позже Сталину самому пришлось исправлять положение, организовывая выпуск знаменитых 50-, 82-, 107-, 120-мм минометов, разработанных Шавыриным, но время было упущено.

Конечно, замаскированную вредительскую деятельность было трудно разоблачить. Позже Тухачевский в показаниях пояснял: «Центр антисоветского военно-троцкистского заговора проводил диверсионную работу *исключительно по линии существующих органов правления РККА*, не допуская никакого образования комиссий, групп и т.д. Вся работа должна была проводиться исключительно в системе текущей утвержденной работы, вкладываться в ее сметы, средства и сроки. Там, где вредительство велось удачно, там к концу года обычно оставались крупные неиспользованные кредиты»²⁹.

Иными словами, вредительские акции заговорщиков осуществлялись в рамках служебной деятельности. Кредиты, возможно, и оставались, но не приносили результата и израсходованные средства. Они тратились на бессмысленную экзотику, схожую с идеями фантастических романов. Так, пригретые Тухачевским разработчики строили установку, якобы способную с помощью сверхмощных магнитов *отклонять* вражеские снаряды. Будущий академик Иоффе изобретал «лучи смерти», чтобы ими «косить» пехоту. Был разработан проект танка Т-39 весом в 90 т с двумя 107-мм, двумя 45-мм орудиями и пятью пулеметами; «только из-за возражений Ворошилова это безобразие в металл не воплотилось».

Под крылом заместителя наркома Бекаури мечтал о мотоброневагоне «Ураган», который, ворвавшись в расположение противника, *выпускает облако отравляющих газов*. И хотя уже Первая мировая война показала бесперспективность применения газов, к ним у «маршала» оставалась особая слабость, как и к воздушным десантам. На военных маневрах 1935 года демонстрировалось транспортирование по воздуху танкеток Т-27, подвешенных к тяжелым бомбардировщикам ТБ-3 и сбрасываемых с малой высоты на землю. Одновременно исследовалась возможность транспортировки 4 истребителей на крыльях тяжелого бомбардировщика ТБ-3. Но, как и другие подобные эксперименты, эти затеи оказались игрушкой, ничего не давшей для предстоявшей войны.

Вместе с тем в это время не было создано самоходно-артиллерийских орудий, тягачей, вездеходов, ни одной машины для эвакуации и ремонта танков. Но самым главным результатом инфантилизма Тухачевского стало то, что в начале 30-х годов

²⁹ Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 года. Цит. по: *Сойма В.* Запрещенный Сталин. М., 2005. С. 157.

в армии совершенно не уделялось внимания радиосвязи. Поэтому к началу войны не только не успели создать современных и эффективных радиостанций и оснастить ими войска, но и не научили пользоваться радиосвязью, что стало важнейшей, если не главной причиной поражений 1941 года.

Глава 4. Арест Ягоды

1937-й начался как год А. С. Пушкина, и в этом обнаруживается некая мистическая символика. Подлый заговор, устроенный пришельцем из чужой земли - французским поручиком Дантесом, приемным сыном голландского посланника в Петербурге Геккерена, - оскорбил честь поэта. На письмо Пушкина от 26 января Геккерену француз Д'Аршиак принес ответ. Не читая его, поэт принял вызов, сделанный бароном от имени приемного сына. 27 января на дуэли Александр Сергеевич был ранен, пуля убийцы проникла в живот, и 29 января (10 февраля), в 14.45, скончался.

Дату гибели гения русской поэзии страна отмечала с почтительным благоговением. Торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня смерти великого русского поэта, состоялось в Большом театре 10 февраля. На собрании выступали академики, писатели, артисты и даже специально приехавший из Америки знаменитый певец Поль Робсон. Памяти Александра Сергеевича была посвящена и сессия АН СССР, прошедшая с 13 по 15 февраля, а на следующий день в Государственном Историческом музее начала работу Всесоюзная пушкинская выставка. Еще накануне распахнул свои двери Дом актера, ставший центром Всесоюзного театрального общества. 100-летию со дня смерти поэта был посвящен и пленум правления Союза советских писателей, открывшийся в Москве 22 февраля.

Документы свидетельствуют, что в начале 1937 года Сталин не намеревался разворачивать в стране чистку. Он понимал: после принятия новой Конституции страна нуждалась в успокоении. Порядок, спокойствие и стабильность - вот что требовалось народу. О желании усмирить партийных радикалов свидетельствует шифрограмма № 185/ш от 13 февраля 1937 года, отправленная Сталиным «секретарям крайкомов, обкомов, ЦК нацкомпартий, начальникам УНКВД». В ней говорилось:

«По имеющимся в ЦК материалам некоторые секретари обкомов и крайкомов, видимо, желая освободиться от нареканий, очень охотно дают органам НКВД согласие на арест отдельных руководителей, директоров, технических директоров, инженеров и техников, конструкторов промышленности, транспорта и других отраслей. ЦК напоминает, что ни секретарь обкома или крайкома, ни секретарь ЦК нацкомпартии, ни тем более другие партийно-советские руководители на местах не имеют права давать согласие на такие аресты. ЦК ВКП(б) обязывает Вас

руководствоваться давно установленным ЦК правилом, обязательным как для парт. сов. организаций на местах, так и для органов НКВД, в силу которого руководители, директора, технические директора, инженеры, техники и конструктора могут арестовываться *лишь с согласия соответствующего наркома*, причем, в случае несогласия сторон насчет ареста или не ареста того или иного лица, стороны могут обращаться в ЦК ВКП(б) за разрешением вопроса»³⁰.

В атмосфере общей приподнятой торжественности на следующий день после открытия съезда писателей начал работу Пленум ЦК ВКП(б), продолжавшийся по 5 марта. Одним из основных вопросов повестки дня стала тема о предстоявших выборах в партийных организациях страны, но значительно больше времени заняли дебаты о работе Наркомата внутренних дел. Николай Ежов, назначенный наркомом в ноябре 1936 года, сделал доклад о делах, расследованных органами госбезопасности в 1936 году.

Но только после рассекречивания в конце XX века материалов Пленума стало известно, что он сделал еще один доклад, в котором подверг критике работу аппарата своего предшественника. Все свидетельствовало о совершенно неудовлетворительной кадровой, агентурной и контрразведывательной деятельности системы госбезопасности. При обсуждении темы бывший глава НКВД Ягода в целом признал критику, но одновременно пытался переложить вину за провал работы руководимого им ведомства на обстоятельства. Однако это не нашло поддержки со стороны его сотрудников. Да и не только их.

С критики бывшего наркома начал выступление вышедший на трибуну на утреннем заседании 3 марта секретарь (с 1934 г.) Северо-Кавказского обкома ВКП(б) Ефим Евдокимов: «Здесь выступил Ягода. Как воспринимается его речь? Как гнилая, непартийная речь. Он говорит: «Я, видите ли, виноват, опоздал раскрыть эти дела - и вот жертвы». О каких жертвах говоришь? Эти люди, о которых говорили здесь по первому вопросу, - они жертвы, о них сожалеешь? Об одном надо жалеть, что поздно раскрыли их контрреволюционные дела и что потеряли С. М. Кирова. Вот о чем нам нужно жалеть. Не так нужно было выступать, т. Ягода. Нужно было сказать нам о том, *как ты руководил органами НКВД, как и почему получились провалы в работе органов НКВД*, а не изображать из себя ягненка. Знаем мы, что ты не ягненок. При чем тут разговоры об органах НКВД как о какой-то замкнутой организации и что они-де варились в собственном соку и прочее?»³¹

Чекистское ведомство Евдокимов знал не понаслышке. Он начал работу на руководящих постах в ГПУ-ОГПУ после Гражданской войны и даже был начальником Секретно-политического отдела. Поэтому он остановился на методах борьбы с диверсиями в предшествовавшие годы: «Вы помните 1926-27 годы. В

³⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 6. Л. 28.

³¹ Здесь и далее цит. по: www.krugosvet.ru/enk/istoriya/FEVRALSKO-MARTOVSKI 1937 g PLENUM VKPb. html

нашей стране на ряде крупных предприятий прошла полоса пожаров и аварий. Естественно, что мы, чекисты, задумались, как, каким способом вести борьбу, как нащупать врага. В Москве в 1927 г. ... в ОГПУ было совещание полномочных представителей ОГПУ, на котором был поставлен доклад на тему «Борьба с диверсиями».

...Соображение, которое я выдвинул в то время, что в качестве действующих на нашей территории диверсантов являются *ни только посланные из-за рубежа специальные агенты* (как бы слабо тогда не охранялась граница, но мы много брали шпионов, и не так-то свободно было гулять через границу), очевидно, полагал я, основные кадры диверсантов имеются внутри страны и сидят у нас непосредственно на предприятиях.

...Они действуют, говорил я, не торпедами, не плавающими минами, а и фугасами. Так что *диверсантов нужно искать среди людей, работающих на наших предприятиях.* (...) К этому времени... мы произвели *разоружение на Северном Кавказе, Чечне и Дагестане и добывали остатки бандитских шаек.* В этот период в стране восстанавливалось хозяйство, промышленность. Враг вначале не верил, что мы с этим делом справимся, но потом видит, что дела у нас идут успешно, он все свое понимание в борьбе с Советами сейчас же переключает на хозяйство. Борьба с бандитизмом отвлекала наше внимание от охраны промышленности. (...)

Когда я вернулся на Северный Кавказ... из Москвы, я собрал чекистов и поставил задачу... Нам нужно покрепче заняться изучением всех наших промышленных предприятий, особенно тех, *где аварии происходят.* (...) Когда мы занялись предприятиями, натолкнулись первым делом на срыв работы на предприятиях цветной промышленности - Кавцинке, на Садонских рудниках. (...) В 1927 г. - это совпало как раз с нотой Керзона - начались неполадки...

Одновременно по Осетии пошел хабар, что скоро Советская власть падет, придут англичане и прочие. (Голоса с мест: Что такое «хабар»?) Слово «хабар» у горских народов Северного Кавказа означает то же, что и в Средней Азии «узун кулак» - слухи. Факты, имевшие место на предприятиях Кавцинка, в связи с осетинским хабаром говорили нам о наличии контрреволюционной организации. Среди работников этих предприятий обнаруживаем чуждых и враждебных людей, связанных с эмигрантскими кругами за границей, в том числе и в Польше. Провели аресты. Среди арестованных оказались бывшие офицеры, жены расстрелянных и прочие».

Таким образом, проблема диверсионной деятельности на Северном Кавказе, руководимой из-за границы, возникла в России не в 90-е годы XX века, но то, что она была менее эффективной, чем в наше время, объяснялось не ограниченностью врагов Советской власти, а несовершенством средств для осуществления диверсионных и террористических актов. Говоря о кадровой политике в НКВД, Евдокимов пояснял: «Именно он, Ягода, культивировал ведомственную

замкнутость в аппарате. Именно он, Ягода, производил специфический подбор людей.

— *Ягода*: Кого я подбирал?

— Да вот взять хотя бы того же Молчанова - откуда он взялся?»

Речь шла о ближайшем подручном Ягоды - начальнике Секретно-политического отдела. Сын официанта, Григорий Молчанов работу в ВЧК начал в мае 1920 года на Северном Кавказе. С марта 1929 года он стал полпредом ОГПУ по Ивановской области, а в 1931 году был переведен в Москву и назначен начальником Секретно-политического отдела. Именно он руководил расследованием дел эсеров, меньшевиков, церковников, зиновьевцев, троцкистов и членов других оппозиционных групп. После прихода в НКВД Ежова 28 ноября 1936 года его перевели в Белоруссию наркомом внутренних дел и начальником особого отдела Белорусского военного округа.

Ягода: Еще кто?

Евдокимов: Сосновский.

Ягода: Это не мой.

Евдокимов: А чей же? Сосновский в аппарате работал с 1920 года. Ты же всегда выставлял себя основоположником органов. В 1930 г. при моем участии Сосновского с границы убрали по... причинам недоверия к нему, зачем ты его взял в заместители начальника особого отдела центра? Вверил ему охрану Красной армии? А теперь нам тут голову крутишь. Вот вам, товарищи, пример небольшевистского подбора т. Ягодой своих людей.

Политическое воспитание работников НКВД было в загоне, а сколько копий ломали мы в свое время... добиваясь организации широкого политического обучения чекистских кадров! Сила чекиста всегда заключалась в том, что наши аппараты постоянно пополнялись крепкими большевистскими кадрами. Все негодное и слабое отсеивалось.

Нельзя изображать дело так, что вот-де сидел Молчанов - отсюда и безобразия, которые мы имеем. Дело не только в этом. Канцелярско-бюрократический стиль работы, защита чести мундира, чванливость - моё-де превыше всего, подхалимство, благодущие, настроения - все в порядке и т.д. насаждал т. Ягода. Подбор таких жучков, как Сосновский, он производил. Надо только посмотреть на морду этого Сосновского - чужая морда! (Смех.)

Ежов: Четыре жены были - все иностранки и все шпионки. Об этом все знали.

Евдокимов: Вызывало недоумение, что Сосновский работает в органах, у вас ходит к тому же на больших ролях».

Комиссар госбезопасности 3-го ранга Игнатий Сосновский (наст. фамилия Добржинский), о котором говорил Евдокимов, родился в Риге. Еще гимназистом в Вильно он принимал активное участие в деятельности польских националистических групп. С 1918 года - член ППС, а с 1918 года служил вольноопределяющимся в корпусе генерала Довбор-Мусницкого (армия

Пилсудского) и являлся членом Польской организации войсковой. Под кличкой Сверщ он руководил разведывательной сетью 2-го отдела Генштаба Польши в России. В мае 1920 года Добржинского арестовали, но вместе со своими бывшими агентами он перешел на работу в ВЧК. С мая 1921 года он помощник начальника, а с 1922 года - начальник отделения Контрразведывательного отдела ОГПУ. С 1927 по 1929 год - секретарь Секретно-оперативного управления, в 1929-1931 годах - начальник КРО полномочного представительства по Белорусскому военному округу, затем — по Центрально-Черноземной области. В 1931 - 1935 годах - начальник отделения, зам. начальника Особого отдела ГУГБ НКВД. С мая 1935 года - зам. начальника Управления по Саратовскому краю.

Свое выступление Евдокимов закончил выводом: «Из того, что мы слышали здесь, на пленуме, о делах НКВД, из доклада т. Ежова и из выступлений товарищей совершенно ясно, что обстановка, создавшаяся за последние годы в органах НКВД, никуда не годится, и главным виновником этого является Ягода. Я думаю, что *дело не кончится одним Молчановым*».

На слова Евдокимова Ягода отреагировал репликой: «Что вы, с ума сошли?»

«Евдокимов: Я в этом особенно убежден. Я думаю, что за это дело экс-руководитель НКВД должен отвечать по всем строгостям закона... Надо привлечь Ягоду к ответственности. И надо крепко подумать о возможности его пребывания в составе ЦК. Снять с него звание генерального комиссара Государственной безопасности, хотя бы в отставке. Он его не оправдал. Фактически этот призыв и стал отправной вехой к возбуждению дела Ягоды.

Комиссар ГБ 2-го ранга Лев Миронов (наст. фамилия - Каган) начинал политическую деятельность с вступления в 1916 году в еврейскую социалистическую партию «Бунд». С февраля 1919 года 24-летний сын коммерсанта стал председателем Припятской уездной ЧК, а с апреля - заместителем заведующего Полтавским отделом юстиции и председателем коллегии обвинителей Полтавского ревтрибунала. В 1922-1923 годах он работал заместителем наркома юстиции Туркестана. В мае следующего года его назначили начальником 5-го отделения Экономического отдела ГУГБ. С февраля 1930 по апрель 1931 года он был полпредом ОГПУ в Средней Азии, но затем его вернули в Москву, где он занял пост заместителя, а с августа - начальника Экономического управления. С приходом в НКВД Ежова он занял пост начальника контрразведывательного отдела ГУГБ. Миронов-Каган был среди активных участников подготовки московских процессов над Зиновьевым и Каменевым, Рютиным, Радеком и другими оппозиционерами.

Поэтому свое выступление Миронов начал с обстоятельств расследования убийства Кирова, в котором он принимал непосредственное участие: «Я в это время был как раз в Ленинграде. ...Силами ленинградских работников и силами тех работников, с которыми я приехал туда из Москвы, были получены показания Бусыгина, Седых, Яковлева, Моторина и других. В этих показаниях были прямые

доказательства того, что Зиновьев и Каменев и троцкистско-зиновьевский центр в известном всем составе не только идейно-политически руководил той организацией, которая убила т. Кирова, но непосредственно практически осуществлял все мероприятия, вплоть до малейших деталей вел подготовку убийства т. Кирова.

Тогда в Ленинграде следствием было установлено, что Каменев приезжал на свидание с Яковлевым, ныне расстрелянным террористом, и инструктировал Яковлева. Было установлено, что Бакаев приезжал на свидание с Моториным и инструктировал его. Словом, *были получены прямые доказательства непосредственного участия Зиновьева и Каменева в убийстве т. Кирова.*

Берия: Куда же дели эти материалы?

- Это было в 1936 году. Этому предшествовала попытка свернуть дело. Даже на пленуме ЦК в июне 1936 года в своем докладе т. Ягода упустил этот важнейший момент. К тому времени протоколы были в Москве, протоколы были в ЦК, именно протоколы о том, что Зиновьев и Каменев причастны к убийству. И вот т. Ягода, выступая на пленуме ЦК и докладывая о ходе всех дел, «забывает» рассказать об этом главнейшем моменте, который, собственно говоря, открывает новую страницу в истории этого дела».

Как и другие выступавшие, Миронов резко критиковал деятельность Ягоды. Он говорил: «В вопросах организационных была такая неразбериха в органах Наркомвнудела, в особенности в органах Управления государственной безопасности, такая неразбериха, что трудно себе представить... Стоит ли повторять, что *мы идем к войне, и то, что раз мы подходим к войне, то эта подготовка изменяет и формы классовой борьбы... Это изменяет и формы борьбы иностранных разведывательных служб и германского рейхсвера, японских разведывательных органов и второго отдела польского генерального штаба, которые, готовясь к войне, очень усиленно насыщают нашу территорию многочисленным количеством резидентуры*».

Говоря о недостатках в работе органов госбезопасности, он указал: «Между прочим, в наших организациях совершенно *не было организовано контрразведывательного отдела.* (Голос с места: Кто его ликвидировал?) *С 1929 г. контрразведывательного аппарата нет, и мы его только сейчас создаем.* А что значит отсутствие контрразведывательного аппарата? Это значит, что *мы фактически в нашей работе подготовкой войны пренебрегли.*

Практически в борьбе это значило, что все разведывательные организации, которые действуют на нашей территории, они с нашей стороны *не встречают должного противодействия.* (...) Если бы у нас был настоящий контрразведывательный аппарат... то одно это дало бы огромное основание для раскрытия троцкистско-зиновьевских контрреволюционных организаций, потому что каждая из таких организаций имеет связь с заграницей, имеет связь с разведками иностранных государств. И если бы мы вели противоразведывательную

работу, то, несомненно, троцкистско-зиновьевские организации были бы раскрыты гораздо раньше».

Видимо, эта самокритичность станет причиной того, что 4 апреля 1937 года приказом Ежова Миронова направят во главе специальной группы работников НКВД в Сибирь и на Дальний Восток. Для «выявления и разгрома шпионско-вредительских троцкистских и иных групп на железных дорогах... и в армии». И, забегаая вперед, укажем, что именно Миронов с 1-м секретарем Западно-Сибирского крайкома партии инициируют проведение «уголовно-кулацкой операции». Однако 14 июня 1937 года Миронова неожиданно арестуют, а 29 августа 1938 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорит его к высшей мере наказания.

С времен «оттепели» одним из таких затасканных от употребления мифов была клевета, приписывающая прокурору Союза ССР Вышинскому тезис, будто бы *«лучшим доказательством вины подсудимого является признание обвиняемого»*. В действительности Андрей Януарьевич декларировал совершенно обратный принцип! Так, выступая на этом Пленуме, он говорил:

«Среди ряда в высокой степени важных вопросов, которые т. Ежов осветил в своем докладе... он справедливо остановился на том громадном значении, которое играет (агентурная) работа чекистских органов, а я должен к этому добавить - и в работе прокуратуры и судебных органов. Потому что судебная работа является в ряде случаев продолжением и завершением чекистской работы... Подобно тому, как судебное следствие опирается на предварительное следствие, качество которого решает судьбу судебного процесса, так качество предварительного следствия в значительной степени зависит от качества *агентурного материала*».

Развивая свою мысль, Вышинский продолжал: «...Основным недостатком, который имеется в работе следственных органов НКВД и органов нашей прокуратуры... является *тенденции построить следствие на собственном признании обвиняемого*.

Наши следователи очень мало заботятся *об объективных доказательствах, о вещественных доказательствах, не говоря уже об экспертизе*. Между тем центр тяжести расследования *должен лежать именно в этих объективных доказательствах*. Ведь только при этом условии можно рассчитывать на успешность судебного процесса, на то, что следствие установило истину. В подготовке процессов НКВД и прокуратура широко использовали экспертизу, и во всех этих случаях экспертиза давала самые положительные результаты. (...)

Так, экспертиза, проведенная по Кемеровскому делу, дважды выдержала испытание - и на Кемеровском процессе, и на процессе по делу антисоветского троцкистского центра. Но, повторяю, в большинстве случаев следствие на практике ограничивается тем, что главной своей задачей (следствие) ставит *получение собственного признания обвиняемого*.

Это *представляет значительную опасность*, если все дело строится *лишь на собственном признании обвиняемого*. Если такое дело рассматривается судом и

если обвиняемый на самом процессе откажется от ранее принесенного признания, то дело может провалиться. Мы здесь тогда оказываемся обезоруженными полностью, так как, ничем не подкрепив голое признание, не можем ничего противопоставить отказу от ранее данного признания. Это, Николай Иванович, и до последнего времени продолжается. Такая методика ведения расследования, опирающаяся только на собственное признание, — *недооценка вещественных доказательств, недооценка экспертизы и т.д.* — и до сих пор имеет большое распространение».

Приведа примеры недобросовестного ведения следствия, Вышинский остановился и на недостатках работы самой прокуратуры: «Задача прокуратуры заключается в том, чтобы, когда заканчивается агентурная разработка и дело уже переходит в стадию следствия, *проверить следственное производство и обеспечить направление в суд доброкачественных и полноценных следственных материалов.* Качество следственного производства у нас недостаточно, и не только в органах НКВД, *но и в органах Прокуратуры.* Наши следственные материалы страдают тем, что мы называем в своем кругу «*обвинительным уклоном*». Это тоже своего рода «честь мундира», если уж попал, зацепили, потащил обвиняемого, нужно доказать во что бы то ни стало, что он виноват».

Читая этот текст, нельзя не возмутиться. За что же тогда Андрея Януарьевича десятилетиями обливали грязью? По какому праву? Прокурор Союза ССР так пояснял психологию обвинительной тенденции: «Если следствие приходит к иным результатам, чем обвинение, то это считается просто неудобным. Считается *неловко прекратить дело за недоказанностью, как будто это компрометирует работу.* По крайней мере, среди прокуроров такой взгляд существует.... Если прокурор приходит к убеждению, что дело надо прекратить, он чувствует себя как будто бы оскандаленным, и ему неудобно перед другими товарищами. Засмеют или, во всяком случае, поставят ему прекращение дела в минус. «Ах, - скажут, - у тебя дело прекращено, а у меня нет прекращенных дел». В органах прокуратуры эта болезнь свила себе крупное гнездо, да и в органах НКВД она тоже существует.

Молотов: Опасная болезнь.

— Да, опасная болезнь. Благодаря таким нравам вместо действительного виновника на скамью подсудимых иногда попадают люди, *которые впоследствии оказываются или виновными не в том, в чем их обвиняют, или вовсе невиновными.* Ведь известно, что у нас около 40% дел, а по некоторым категориям дел - около 50% дел, кончаются прекращением, отменой или изменением приговоров. Против этой болезни и была еще в 1933 г. направлена инструкция 8 мая, о которой говорил т. Ежов.

В чем заключается основная мысль этой инструкции? Она заключается в том, *чтобы предостеречь против огульного, неосновательного привлечения людей к ответственности.* ...К сожалению, до сих пор инструкция 8 мая выполняется плохо. Недоброкачественные действия отдельных должностных лиц не встречали

должного отпора со стороны старого руководства НКВД и тогда, когда прокуратура об этом сигнализировала т. Ягоде. (...).

На вопрос с места: «Надзор есть ваш?» - Вышинский пояснил:

«Наш надзор ограничивается следствием. Мы *не можем осуществлять надзор за агентурой* и не осуществляем. ...Наш надзор очень слабый благодаря тому, что наш аппарат тоже засорен. Вячеслав Михайлович здесь сказал, что арестованных за связь с троцкистами и как троцкистов имеется 17 работников суда и прокуратуры. Я должен сказать, что их, к сожалению, больше... Одних прокуроров арестовано 20 человек... За последнее время благодаря материалам, которые мы получили от НКВД, мы увидели, что в рядах прокуратуры имеются троцкисты, предатели...

Таковы, например, бывший генеральный прокурор Украины, бывший наркомюст Михайлин, его помощник Бенедиктов, бывший киевский прокурор Старовойтов, бывший прокурор Днепропетровской области Ахматов, зам. прокурора АЗК Петренко и другие. Это все троцкистская агентура, сидевшая в нашем аппарате. И естественно, с такими людьми *не было никакой возможности правильно осуществлять надзор, правильно бороться за социалистическую законность*. Кроме того, есть у нас люди и другого рода - это люди благодушные, люди, которые привыкли жить в мире и дружбе с работниками НКВД, которые не хотят с ними ссориться, драться за дело, и таких немало».

В прениях по обсуждению работы органов госбезопасности выступил и секретарь ЦИК СССР с 1935 года Иван Акулов, ранее работавший около года в ОГПУ. Он говорил: «Я считаю, что в аппарате НКВД, как нигде у нас, — масса преданнейших партии людей, людей исключительной работоспособности, людей, прекрасно знающих свое дело, прекрасных оперативных работников. (...) Если бы они задавали тон, тогда не могло бы быть места Молчановым, Сосновским... Играли роль Молчановы, Сосновские, Шанины, Островские. (...) Я ни в одном учреждении, ни у одного руководящего работника не встречал такой ведомственности и исключительности, какая была присуща Ягоде. Ягода воспитывал этот дух ведомственности, исключительности и корпоративности... Сознание того, что чекисты — прежде всего большевики... прежде всего члены партии, это сознание аппарату не прививалось...»

В своем заключительном слове Ежов признал: «То, что говорил здесь т. Вышинский, все это правильно, я могу привести и более разительные факты. К сожалению, у нас в низовых аппаратах очень скверно дело обстоит. Люди сидят замечательные, но люди малограмотные. В этом не только мы грешим, но не меньше грешат и следственные органы. (...).

Теперь, товарищи, разрешите мне... сделать несколько замечаний. Можно ли было предупредить убийство т. Кирова, судя по тем материалам и по данным, которые мы имеем? Я утверждаю, что можно было.... Вина в этом целиком лежит на нас. Можно ли было после убийства т. Кирова во время следствия вскрыть уже тогда троцкистско-зиновьевский центр? Можно было. Не вскрыли, проморгали.

Вина в этом и моя персонально, обошли меня немножечко, обманули меня, опыта у меня не было, нюху у меня не было еще. (...)

Должен здесь сказать, что я встречал не только лояльные сопротивления, но иногда и прямое противодействие. Приведу факты. *Секретаря Центрального Комитета партии, назначенного Политбюро наблюдать за следствием, прямо обманывают.* Я сейчас только это дело обнаружил. Ольберг был известен с 1931 года. Когда дело со следствием подходило к концу, я говорил на узком совещании в ЧК, где присутствовали гг. Вышинский, Ягода, я и некоторые другие. Я говорю товарищам:

«Так как процесс на носу, процесс будет иметь огромное международное политическое значение, надо все до мелочей документировать, собрать исчерпывающие справки — есть ли такая гостиница или нет, есть ли такая вывеска или нет, есть ли такая улица и т.д. Справки были собраны. На одном совещании представили документ, который является письмами Троцкого к Ольбергу. На этом совещании присутствовали Вышинский, Молчанов и я. «Вот, - говорит (Молчанов), - письма есть Троцкого к Ольбергу, хорошо было бы пустить в процесс». Я схватился за это дело - замечательно. Троцкий - Ольберг, это будет очень хорошо.

Молчанов тогда говорит: «Нельзя никак этого делать». - «Почему?» - «*Агент, который добыл этот материал, он сидит в гестапо, это наш единственный агент, и мы его неизбежно провалим, мы идем на большой риск, он единственный сидит в гестапо.*» Оказывается, что эти письма, вернее, фотографии этих писем, они еще в 1931 г. были пересланы Коминтерном, Мануильский переслал как характеристику связи Ольберга с Троцким. Таким образом, меня прямо обманывали. *Молчанов говорил, что добыл эти письма его агент, сидящий в гестапо, что мы его провалим и т.д.* А на самом деле никакого агента не было.

Вышинский. И на этом основании письма не могли фигурировать на процессе.

— На этом основании письма не могли фигурировать на процессе. Что это значит, товарищи? Если люди идут на такие вещи, сознательно обманывают... А я еще сдуру, сейчас-то я понимаю, что меня обманывали, а я еще сдуру т. Сталину говорил, что вот, мол, письма есть, *но использовать жалко, нельзя, агента провалим.*

Ну и порешили не пользоваться письмами.

Эйхе. А как же такие письма Ягода не читал?

— Ягода знал об этих письмах. Ягода знал о том, что Мануильский после того, как процесс начался, увидел фамилии и написал мне письмо. Написал письмо: «Товарищи, мы еще в 1931 г. вас предупреждали о том, что Берман-Юрин, Лурье, Ольберг, затем этот самый Фриц Давид и четвертый, который на процессе не участвовал, - целый ряд других, что они такие-то и такие-то. Т. Ягода учинил следствие, собрал эти материалы, но ходу им никуда не дал».

Ягода. Они же все арестованы, Фриц Давид и другие.

— Я говорю не о Фрице Давиде, а почему вы скрыли, почему вы этих сволочей не арестовали, почему вы скрыли? Почему в аппарате у Гая говорили следователю: «Ты ничего об этом деле не знаешь и молчи». (Шум.) Своих людей надо было арестовать, а они эти дела скрывали - вот о чем речь идет. А Фриц Давид - это мы знаем - он не по вашей вине был арестован, а против вас.

Ягода: Неверно.

— Вы бы могли давным-давно арестовать Ольберга, три года тому назад могли бы арестовать *и не давать ему возможности три года безнаказанно организовывать террористические группы, ездить и в Германию и обратно.*

Голос с места. Это уже не отсутствие бдительности!»

Следует пояснить, что речь шла о группе троцкистов- интернационалистов, представших на открытом судебном процессе 19-24 августа 1936 года по делу «антисоветского объединенного центра». Ежов продолжал: «Вам всем памятно выступление т. Ягоды на Пленуме ЦК, когда он докладывал об этом, — такую чепуху порол о том, что Троцкий ни при чем и к Троцкому подойти никак нельзя. (...) *Это была ориентировка для аппарата.* При той дисциплине, которая существует в органах Наркомвнудела, при той чуткости аппарата, которая у работников есть, это уже был сигнал, что *значит сюда нельзя лезть, не лезьте в этом направлении к Троцкому.* Так маленькие люди и поняли. (...)»

Я вначале думал провести это дело на оперативных совещаниях, которые собирались у Молчанова. К сожалению, это дело у меня не вышло. Я тогда вызвал Агранова к себе на дачу в выходной день под видом того, чтобы погулять, и дал ему директиву: «Вот что, Яков Саулович, либо я сам пойду на драку, тогда тебе придется выбирать, либо ты должен пойти на драку, т.е. изволь - в Московской области сидят Дрейцер, Лурье, Фриц Давид и еще много других - это прямые кадровики Троцкого, если у кого есть связь с Троцким, то у Дрейцера, это его охранитель, его близкий человек, иди туда, седи в этом аппарате и разворачивай работу там всю, черт с ним». (...)»

После долгого разговора... - он пошел в Московскую область и вместе с москвичами они взяли Дрейцера и сразу же прорвалось. (...) Несмотря на то, что от меня это тщательно скрывали, никто не должен был знать о том, что происходит, а ведь у вас с Аграновым были объяснения.

Ягода: Я вам говорил по телефону.

— А по телефону вы мне говорили относительно показаний Фрица Давида о том, что он обманул нас. И ничего в этом страшного нет. Это другой вопрос. (...) Ну, словом, у вас было довольно крупное объяснение с Аграновым. Я это знал и без Агранова и без вас. Знал, какие у вас объяснения, и знал, что вы считали и показания Дрейцера, и показания Фрица Давида, и Лурье, и всех других - чепухой.

Ягода: Неправда.

— Нет, это так, есть люди, которые говорят, все чекисты, которые участвовали в этом деле, они все говорят. А кроме того, достаточно прочитать протокол с вашей

резолуцией, где прямо сказано: «*Чепуха, ерунда, не может быть*». Что это показывает? Вредительство или нет? Чепуха. Конечно, я ни в какой мере не могу поставить такой вины т. Ягоде. Но это политическая слепота, узковедомственное самолюбие. Почему без нас? Вдруг какой-то ЦК находится и начинает вмешиваться во все дела. Вот эта узколобая ведомственность, отсутствие политического чутья и большевистской партийности, это явилось следствием того, что мы, мол, сами с усами, без ЦК справимся. А тут ЦК пристал. Ну, что с ним, как-нибудь надо терпеть».

Бросается в глаза, что, оглашая эти, фактически компрометирующие бывшего наркома сведения, Ежов не предъявлял ему прямых обвинений в предательстве. Он обвинял его лишь в политической слепоте и ведомственности. Следующий вопрос, на котором остановился нарком, был вопрос о кадрах.

«Этот вопрос особенно почему-то беспокоит т. Ягоду... Подбор кадров - это одна из крупнейших ваших ошибок, и вам это надо учесть в новом ведомстве, потому что вы там также можете с треском провалиться при той системе подбора кадров, которая у вас существовала. Я назову вам многих, от которых вы, конечно, открещивались, а на самом деле эти люди ваши. У вас даже существовал такой термин: «Это мои люди».

А такие люди, как Сосновский, разве можно говорить: «Это мой человек, я его покровитель».

Ягода: Я его никогда не принимал. (...)

Ежов: Позвольте вам рассказать историю Сосновского, это чрезвычайно колоритная фигура. Сосновский одно время работал в центральном аппарате на побегушках. Затем его направили в Белоруссию. Из Белоруссии снимают и направляют в Воронеж по тем соображениям, что *он подозрителен по шпионажу и надо его послать во внутреннюю область*. Только он туда приехал, начальнику ПП говорят: «Ты глади за ним в оба». А когда началась драчка между Балицким, Ягодой и Аграновым, нелады, вдруг Сосновский появляется и назначается Ягодой, по просьбе Гая, заместителем начальника особого отдела ОГПУ.

Голос с места: Шесть месяцев продержали всего только. (...)

Ежов: Данные ярко говорят, что хотели Сосновского вытащить сюда, чтобы через него сострять какую-нибудь пакость, провалить в работе для того, чтобы свалить на негодных людей. Говорят так, я этому еще не верю. В частности, кое-кто говорил о Заложнове и что вы так построили дело о Заложнове, что и Сосновский не пострадал. Заложный - агент Сосновского, и его персонально направляют в гараж ЦИК, правительственный гараж, и Сосновский за это дело никак не пострадал. Вы стыдливо об этом говорили, но вывода из этого никакого не сделали.

Как же можно назначать Сосновского, этому человеку покровительствовать? Вы же сами говорили, что он нечист, даже с женами: что ни жена, то иностранка, что ни жена, то шпионка. Почему же этот самый заместитель начальника особого отдела ГПУ только в 1935 г. принимает русское подданство?

Голос с места: Неужели? - Да.

Балицкий: Первый раз слышу.

Ягода: Я не знал.

Ежов: Как же вы первый раз слышите, когда та выписка из президиума лежит, рапорт имеется, где вы написали: «Согласен. Г. Ягода, такого-то числа 1935 г.».

Затем второй - Венецкий, известный вам специалист, который *сидел на всей правительственной связи*. Вам говорили, что его подозревали в шпионаже. Кто его держал? Вы. (...) Кто его поддерживал персонально? Ягода. Ягода считал его крупным большим специалистом, а разве нельзя было найти другого, более подходящего человека? (...) Молчанова я не знаю, но товарищи говорят, что Молчанова на оперативных совещаниях Ягода всегда ставил в пример и говорил, что вот - человек вырос. И мне говорил о Молчанове. Мазепус - польский шпион. После того, когда уже ячейка подняла бузу, Ягода поручил проверить, и вынесли резолюцию - арестовать.

Ягода: Нет, я дал предложение дело расследовать, поручил Беленькому.

— Нет, вы на себя вину не берите. Вы дали поручение расследовать это дело и затем написали - арестовать. Ваши распоряжения - арестовать - никто не считал нужным выполнять, и в течение года этот человек продолжал работать. Этот польский шпион сидел в особом отделе, потому что это были люди Домбаля.

С Ильиничем - знаменитым - это же более чем позорное дело. Человек попался на воровстве. Фриновский его задержал, вызвал к себе и сказал: «Что ты, мол, брось воровством заниматься, если будешь заниматься, так я тебя...»

Ягода: Для того, чтобы арестовать.

Ежов: Ничего подобного. Никто его не арестовал. А на Ильинича были все документальные данные для того, чтобы его не только вышибить из аппарата, но и арестовать как польского шпиона. Как он вас обманывал, это просто поразительно!»

Далее Ежов остановился на бытовавших в НКВД противоречиях между центральным аппаратом и региональными управлениями на местах, проявлявшихся в корпоративности интересов: «Вообще была ревность, где хорошо работает ПП, казалось бы, надо радоваться, а как только начинает аппарат хорошо работать, то ревнуют. Первый ревнитель был - это Молчанов, который как только где-нибудь в ПП возникло дело, он опорочивал его (*Голос с места*. Он вредитель был.). Вредитель настоящий. И должен сказать, что в результате этого создалось такое положение, что вот такие феодальные князьки сидят, которые живут, как хотят...

Я забыл вам, товарищи, сообщить о Сосновском одну вещь, которая неизвестна и т. Ягоде. А именно о том, что на Сосновского еще в 1933 г., когда разворачивалось дело ПОВ на Украине, один из крупнейших руководителей ПОВ Михайлов-Лапинский, он дал прямые показания о том, что Сосновский является шпионом и представителем второго отдела польского генерального штаба.

Что же делается? Вместо того, чтобы, казалось бы, взять и расследовать это дело, самого же Сосновского направляют на Украину для того, чтобы расследовать

показания, данные Михайловым-Лапинским - на него же. Сосновский приезжает на Украину, поговорил с Михайловым-Лапинским, забрал его, и тут же Михайлова-Лапинского расстреляли...

Центральный Комитет партии и все мы должны учесть один политический вывод. Здесь дело не во всяких организационных провалах и не в других мелочах. Налицо политический крупнейший провал в этом важнейшем органе нашего государства. И так как у нас сроков очень ограниченное количество, воняет войной, товарищи, нам времени не дано для того, чтобы почесываться и потихонечку создавать агентуру, налаживать следствие, кадры подбирать и воспитывать, т.е. нам надо в относительно более короткий срок наверстать это дело во что бы то ни стало».

«Резолюция Пленума ЦК ВКП(б) по докладу т. Ежова, принятая 3 марта 1937 г., основными недостатками в работе органов Государственной Безопасности отмечала следующие:

а) Наркомвнудел СССР *не поставил на должную высоту агентурную работу*, которая является одним из главных рычагов в борьбе с контрреволюцией. (...) В особенности слаба была агентура среди троцкистов, зиновьевцев и правых, даже в местах их наибольшего скопления. *Не было также агентуры почти ни в одной из заграничных антисоветских организаций, в том числе и у троцкистов.* Руководящие оперативные работники Наркомвнудела, как правило, лично агентурой не занимались. Встречи с агентами и получение от них материалов проводились малоквалифицированными рядовыми сотрудниками.

В результате такого плохого руководства агентурой среди последней *оказалось много предателей.* В процессе следствия по антисоветскому троцкистскому центру только по одной Москве было выявлено 65 агентов предателей, которые *систематически дезинформировали органы государственной безопасности*, запутывали все дело, активно способствуя безнаказанной деятельности троцкистов.

б) Отсутствие квалифицированной агентуры и неумелое руководство имевшейся агентурой определило плохую постановку следственной работы. Следствие, не имея от агентуры достаточных уликовых материалов, часто находилось *в зависимости от преступника* и его доброй воли дать исчерпывающие показания или нет, т.е. *все следствие строилось в расчете на добровольное признание обвиняемого.* (...)

в) Во всей своей практике Наркомвнудел СССР проводил неправильную карательную политику, в особенности в отношении троцкистов и других врагов Советского строя.

Анализ арестов, произведенных в 1935-1936 гг., показывает, что главный удар органов Государственной безопасности был направлен не против организованных контрреволюционных формирований, а преимущественно *на отдельные случаи антисоветской агитации, на всякого рода должностные преступления, хулиганство, бытовые преступления и т.д.* Из общего количества

репрессированных в 1935-1936 гг. около 80% падает на всякого рода мелкие преступления, *которые являются по существу объектами работы милиции, а не органов Государственной Безопасности.*

г) Еще более нетерпимым является установленный Наркомвнуделом СССР тюремный режим в отношении осужденных, наиболее злостных врагов Советской власти - троцкистов, зиновьевцев, правых, эсеров и других. Все эти враги народа, как правило, направлялись в так называемые политизоляторы, которые были подчинены Наркомвнуделу СССР. Политизоляторы находились в особо благоприятных условиях и больше походили на принудительные дома отдыха, чем на тюрьмы.

В политизоляторах осужденные имели возможность тесно общаться друг с другом, обсуждать все политические события в стране, разрабатывать планы антисоветской работы своих организаций и сноситься с волей. *Арестованным предоставлялось право пользоваться литературой, бумагой и письменными принадлежностями в неограниченном количестве, получать неограниченное количество писем и телеграмм, обзаводиться собственным инвентарем в камерах и получать наряду с казенным питанием посылки с воли в любом количестве и ассортименте.*

д) Серьезнейшим недостатком в работе органов государственной безопасности является практика подбора, выдвижения и воспитания чекистских кадров. (...) Во многих случаях люди выдвигались не по признакам их преданности партии, способностям и знанию дела, а по признакам *угодничества и подхалимства.*

В результате этого в отдельные звенья органов государственной безопасности проникли *чуждые и преступные элементы.* Обнаружен ряд случаев, когда в органы государственной безопасности удалось проникнуть даже шпионам иностранной разведки (польские шпионы - Сосновский, Мазепус, польско-немецкий шпион Ильинич и др.). Эта же практика неделового отношения к выдвижению людей... создали условия, при которых на руководящей чекистской работе оказались прямые предатели-троцкисты.

Некоторые из них систематически информировали участников троцкистской организации об имевшихся в НКВД материалах об антисоветской деятельности последних (начальник Таганрогского горотдела НКВД - Баланюк, начальник Новочеркасского горотдела НКВД - Шаповалов, бывш. начальник СПО НКВД Украины - Козельский и др.). (...)

Однако запоздание с разоблачением антисоветской деятельности троцкистских бандитов объясняется не только этими общими недостатками работы органов государственной безопасности, но и конкретной преступной деятельностью отдельных ответственных работников ЧК и в особенности бывшего начальника Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР Молчанова.

Эта преступная деятельность выразилась прежде всего в том, что Секретно-Политический отдел уже в 1932-33 г. имел в своих руках все нити для того, чтобы

полностью вскрыть чудовищный заговор троцкистов против Советской власти. В 1932 г. Секретно-Политический отдел ГУГБ НКВД *располагал достаточными агентурными материалами*, в которых имелись прямые указания на существование возглавляемого Смирновым И.Н. троцкистского центра, о связях Смирнова с Троцким и его сыном Седовым и о террористических намерениях ряда крупных троцкистов. (...)

На основе этих агентурных материалов в начале 1933 г. возглавлявшаяся Смирновым группа троцкистов была арестована. Располагая такими агентурными материалами, *следствие имело полную возможность вскрыть до конца все организационные связи и всю преступную террористическую деятельность троцкистов и зиновьевцев*. Между тем следствие было проведено настолько халатно и преступно, что основные имевшиеся в деле агентурные материалы не были использованы. (...)

Совершенно беспримерным является дело секретного агента УНКВД по Московской области 3-на. Начиная с ноября месяца 1933 г. агент 3-н в целом ряде своих донесений сигнализирует о развернутой троцкистами антисоветской работе, о наличии руководящего троцкистского центра и об участии в активной работе центра Дрейцера, Муралова, Пятакова, Радека и других. В материалах агента 3-на прямо говорится о террористических установках троцкистов, указывается *на наличие тесной связи троцкистов с заграницей и на связь заключенных троцкистов с волей*. По материалам агента 3-на были арестованы активные троцкисты-террористы Хрусталева и Зильберман.

Однако бывший начальник Секретно-Политического отдела Молчанов повернул следствие таким образом, что в итоге активные троцкисты Хрусталева и Зильберман *были освобождены*, а агент 3-н *осужден по обвинению в провокации и сослан на 5 лет*. Между тем в лице Хрусталева был освобожден один из самых ярых врагов Советской власти, *хозяин явочной квартиры Московского троцкистского террористического центра*, из которой велось наблюдение за маршрутами товарища Сталина.

Расстрелянный по августовскому процессу 1936 г. эмиссар Троцкого террорист Ольберг В., как оказывается, был известен органам НКВД уже в 1931 г. Некоторое время за ним велось наблюдение, *затем это дело бросили* и дали возможность Ольбергу в течение трех лет безнаказанно создавать террористические группы, пытавшиеся осуществить убийство руководителей партии и правительства.

Наряду с сигналами, исходящими от агентуры, бывший начальник Секретно-Политического отдела ГУГБ Молчанов получал много материалов и от работников НКВД... Молчанов подозрительно слепо доверял своим агентам-двойникам, которые опутали аппарат Секретно-Политического отдела и отводили его работников от возможности своевременного вскрытия всей подлой антисоветской работы троцкистов. (...)

Больше того, Молчанов, будучи лично связан с троцкистом Фурером, систематически рассказывал ему об имевшихся в Секретно-Политическом отделе секретных данных об антисоветской деятельности троцкистов. (...) Таковы основные причины того, что НКВД не смог своевременно разоблачить чудовищный антисоветский заговор агентов немецко-японской разведки - троцкистов.

Пленум ЦК ВКП(б) постановляет:

2. Одобрить мероприятия ЦК ВКП(б), направленные к улучшению постановки работы в органах Наркомвнудела и, в частности, мероприятия по организационной перестройке аппарата ГУГБ и укреплению его новыми партийными кадрами. Одобрить мероприятия ЦК ВКП(б), направленные к оздоровлению аппарата органов государственной безопасности за счет выдвижения на руководящую работу новых большевистски проверенных чекистов и удалению из аппарата разложившихся бюрократов... позорящих славное имя чекистов.

Одобрить, в частности, *арест и предание суду* одного из главных виновников позорного провала органов государственной безопасности в борьбе с зиновьевцами и троцкистами бывшего начальника Секретно-Политического отдела ГУГБ Молчанова.

3. Продолжить и завершить реорганизацию аппарата Наркомвнудела, в особенности аппарата ГУГБ...»

Постановление предлагало реорганизовать транспортный отдел ГКГБ: «Освободить Транспортный отдел ГУГБ *от функций охраны общественного порядка* на железнодорожном транспорте, несения дежурств на вокзалах, борьбы с хищением социалистической собственности, хулиганством и детской беспризорностью.

Для охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью на железнодорожном транспорте *создать специальную железнодорожную милицию*, которую подчинить Главному Управлению Рабоче-Крестьянской Милиции НКВД СССР. (...)

6. Предложить Наркомвнуделу СССР добиться организации как внутри страны, так и за рубежом *квалифицированной надежной агентуры*, тщательно подобранной и целесообразно расставленной на тех участках, где проявляется наиболее активно деятельность врагов Советского строя. (...)

8. Обязать все Обкомы, Крайкомы и ЦК нацкомпартий уделять больше внимания работе органов Наркомвнудела, *оказывая им всемерную помощь* в их работе, для чего:

а) систематически укреплять органы Наркомвнудела лучшими проверенными кадрами партийных работников;

в) не загружать органы государственной безопасности и работников этих органов поручениями и заданиями, не имеющими прямого отношения к делу борьбы с контрреволюцией.

9. Предложить Наркомвнуделу СССР на основании настоящего постановления Пленума ЦК ВКП(б) составить письмо ко всем работникам органов государственной безопасности НКВД СССР об уроках и задачах чекистов, вытекающих из настоящего постановления»¹

Постановление было принято единогласно. Именно этот документ, подготовленный специальной комиссией ЦК, а не пресловутый «тезис об обострении классовой борьбы» стал руководством для активизации Наркоматом внутренних дел репрессивной политики по отношению к потенциальным противникам Советской власти.

Но пока в кипящем страстями кремлевском зале участники пленума вели острые дебаты, столица жила совершенно другими интересами, далекими от политики. Накануне завершения заседаний Центрального Комитета, 2 марта, в Государственной Третьяковской галерее открылась выставка народного творчества. В числе ее экспонатов были представлены резьба и роспись по дереву, резьба по кости, искусство Палеха, Мстеры и Холуя. В Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина начала работать еще одна выставка, посвященная 200-летию со дня рождения архитектора В.И. Баженова, а 24-го числа в доме на Кузнецком Мосту открылась 1-я выставка акварельной живописи московских художников.

Трудно сказать, много ли людей вспоминали в эти дни о двадцатилетнем «юбилее» с момента свержения в России самодержавия. Скорее москвичей больше взволновало то, что 27 марта было объявлено о снижении цен на апельсины и лимоны. Теперь крупный апельсин стал стоить 2 рубля 50 копеек, средний — 2 рубля, мелкий — 1 рубль 50 копеек. Соответственно — 2 рубля, 1 рубль 50 копеек и 1 рубль стали стоить и лимоны. В эти теплые весенние дни афиши столицы сообщали о выходе на экраны страны фильма «Депутат Балтики». Главную роль в нем исполнял любимец публики Николай Черкасов. 20-го числа был пущен в эксплуатацию новый участок метрополитена «Смоленская» — «Киевская» с величавым мостом через Москву-реку.

В начале марта еще одной сенсацией стало появление на улицах столицы первых автомобилей «ЗИС-101»; в потоке юрких машин они выделялись своеобразностью дизайна и тщательностью отделки. Остановившийся на улице первый комфортабельный советский лимузин немедленно окружали прохожие, но московских владельцев авто ожидала и весьма приятная неожиданность. В соответствии с постановлением правительства все легковые автомобили «ГАЗ» и не лимузины «Форд» в течение месяца следовало обменять на новые машины «М-1».

Новое заключалось в том, что после оценки старой машины технической комиссией и определения разницы в стоимости тут же «представитель Коммунального банка предоставлял владельцам машин необходимый кредит». Уже в первый день 8 мая было обменено семь автомашин. Нет, весна 1937 года не обещала никаких потрясений. Страна жила полнокровной, наполненной житейским

смыслом и трудовой активностью жизнью, которая опережала само время. 1 апреля газеты сообщили о выполнении плана 2-й пятилетки за 4 года и 3 месяца.

Но неожиданность произошла. Уже через день Президиум ЦИК СССР принял постановление, в котором говорилось, что «ввиду обнаруженных должностных преступлений уголовного характера Народного Комиссара Связи Г. Г. Ягода» снимается с поста, а его дело передается следственным органам. Е. С. Булгакова, жена автора «Мастера и Маргариты», 4 апреля записала в дневнике: «В газетах сообщение об отрешении от должности Ягоды и о предании его следствию за совершенные им преступления уголовного характера. Отрадно думать, что есть Немезида и для таких людей».

В докладе на февральско-мартовском пленуме Ежов сообщил об аресте 107 человек, работавших в НКВД, но в целом в списке «лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР», преданной им 27 февраля членам Политбюро, значилось 479 фамилии. И этими арестами дело не ограничилось. Уже 3 марта был арестован сотрудник Наркомата внутренних дел А. Лурье. Как и многие, он попал в Особый отдел ЧК еще в начале 20-х годов, правда, вскоре за мошенничество его отстранили от должности. Однако он остался на работе в НКВД, заняв место директора спортобщества «Динамо».

Причем Ягода использовал его для коммерческих сделок с бриллиантами, с целью приобретения иностранной валюты для оперативной работы. Выезжая за границу, через директора германской фирмы Ульриха «Борзинг», Лурье совершал их обмен на валюту, не упуская и своего прибытка, на этой почве он и попал в поле зрения нового наркома.

В работе на германскую разведку Лурье сознался уже на первых допросах. Странно, но Ежов не спешил с арестом наркома внутренних дел Белоруссии Г. Молчанова, ранее являвшегося начальником Секретно-политического отдела НКВД, о котором так много говорили на прошедшем Пленуме. Его арестовали только 7 марта, и лишь 22 марта был арестован следовавший в личном вагоне поезда из Москвы в Сочи заместитель начальника Оперативного отдела Волович.

Старший майор госбезопасности Захар Волович родился в Полтавской губернии в семье торговца. Участник Гражданской войны, с 1924 года он сотрудник ИНО ОГПУ. С февраля 1928 года работал в Турции, был резидентом в Париже, а с 1930 года - начальник отделения ИНО в Москве. С 1932 года он стал помощником, а с 1935 года - заместителем начальника Оперативного отдела.

Вскоре после окончания работы пленума НКВД произвел и ряд арестов и в среде военных. 11 марта 1937 года «чекисты» взяли командующего войсками Уральского военного округа комкора Гарькавого и его заместителя Василенко. 15 апреля наступила очередь начальника кафедры Академии Генерального штаба РККА комкора Алафузо. Через день арестовали заместителя начальника Автобронетанкового управления РККА комдива Ольшанского и помощника командующего войсками ЗакВО по материальному обеспечению комдива Тухарели.

Спустя еще день, 19 апреля, взяли командира 9-го стрелкового корпуса комдива Кутателадзе.

Советская историография традиционно относилась к жертвам репрессий Яна Гамарника, лукаво «забывая» о том, что кадровая политика в армии определялась не наркомом обороны, а в первую очередь Политуправлением РККА. Именно чиновники этого ведомства, с комиссарскими знаками отличия на рукаве, решали вопросы о назначениях и расстановке армейских профессионалов. И в связи с состоявшимися арестами на основании информации Гамарника 29 марта Политбюро постановило:

«Предложить Наркомату обороны уволить из рядов РККА всех лиц командно-начальствующего состава, исключенных из ВКП(б) *по политическим мотивам*». Одновременно Гамарник произвел и служебные перемещения политработников — по горизонтали.

Так, начальник Военно-политической академии армейский комиссар 2-го ранга Б. М. Иппо был назначен начальником политуправления *Среднеазиатского военного округа*. Армейский комиссар 2-го ранга А.С. Булин занял пост начальника Управления по командному и начальствующему составу РККА вместо комкора Фельдмана, который стал *заместителем у командующего МВО* И. П. Белова. Вместо Булина в Смоленск поехал из Куйбышева армейский комиссар 2-го ранга Август Мезис. Казалось бы, названные политработники вроде бы утратили престижные посты, но в действительности они получили властные полномочия в частях *действующих округов*.

О той логике, которой следовало руководство страны, говорит еще одно постановление, принятое 29 марта по вопросу НКО и НКВД: «1. Все осужденные по контрреволюционным преступлениям во время войны должны быть вывезены из Дальневосточного края.

2. Осужденные не за контрреволюционные преступления могут быть использованы в тылу действующей армии.

3. Отбывшие наказание без поражения в правах или восстановленные в правах призываются в армию на общих основаниях согласно закона об обязательной военной службе»³².

И хотя газеты сообщили о смещении Ягоды с поста 3 апреля, арест и бывшего наркома НКВД тоже состоялся еще 29 марта; одновременно в Киеве «взяли» начальника УШОСДОР НКВД СССР - старшего майора ГБ Иосифа Марковича Островского. Узнав днем по телефону об аресте Ягоды, вышел в туалет и там застрелился начальник управления УНКВД и лагерей в Горьковской области Погребинский, а на следующий день оказался в камере и бывший секретарь коллегии НКВД П. Буланов. В секретном циркуляре от 31 марта, адресованном всем членам ЦК и подписанном Сталиным, сообщалось:

³² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 6. Л. 34. Цит по: Фонд А.Н. Яковлева Док. № 44.

«Ввиду обнаруженных антигосударственных и уголовных преступлений наркома связи Ягода, совершенных в бытность его наркомом внутренних дел, а также после его перехода в Наркомат связи... Политбюро ЦК ВКП доводит до сведения членов ЦК ВКП, что ввиду опасности оставления Ягода на воле хотя бы на один день, оно оказалось вынужденным дать распоряжение о немедленном аресте Ягода. Политбюро ЦК ВКП просит членов ЦК ВКП санкционировать исключение Ягода из партии и ЦК и его арест»³³.

Арестом Ягоды руководил заместитель Ежова Фриновский. Обыск «в квартире бывшего наркома, кладовых по Милютинскому переулку, в Кремле, на даче в Озерках, в кладовой и кабинете Наркомсвязи СССР» длился с 28 марта по 5 апреля. Его проводила группа в составе: комбрига Ульмера, капитанов ГБ Бриль и Деноткина, старших лейтенантов ГБ Березовского и Петрова; результаты оказались впечатляющими и свидетельствовали о безбедной жизни еще вчера всеильного чиновника.

Среди 130 «вещей», внесенных в многостраничную опись: «денег советских 22 997 руб. 59 коп.; вин разных 1229 бут., большинство из них заграничные и изготовления 1897, 1900 и 1902 годов; коллекция порнографических снимков 3904 шт.; порнографических фильмов 11 шт.; костюмов различных заграничных 22 шт.; брюк разных 29 пар; пальто мужск. разных, большинство заграничных 21 шт.; различных заграничных предметов (печи, ледники, пылесосы, лампы) 71; посуда антикварная разная 1008 предметов; к. р. троцкистская, фашистская литература 524; чемоданов заграничных и сундуков 24; резиновый половой член 1».

Начальника Управления НКВД Восточно-Сибирского края комиссара ГБ 2 ранга Гая Марка Исаевича (Штоклянд Марк Исаакович), который с июня 1934 по ноябрь 1936 год был руководителем Особого отдела ГУГБ, арестовали 1 апреля. Профилактическая чистка началась и в республиках. В этот же день Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о кадрах НКВД Украинской ССР:

- «1. Согласиться с предложением НКВД СССР о мерах наказания работников Харьковского областного аппарата НКВД: тт. Говлича М., Каминского, Ширина и Лисицкого, принимавших участие в травле и неправильном обвинении т. Сухова.
2. Назначить первым заместителем Наркомвнудела УССР т. Иванова, освободив его от работы начальника УНКВД Донецкой области.
3. Освободить от должности заместителя Наркомвнудела УССР т. Кацнельсона, отозвав его в распоряжение НКВД СССР.

Использовать т. Кацнельсона по хозяйственной работе в НКВД.

4. Назначить на пост начальника УНКВД Донецкой области т. Соколинского.
5. Утвердить приказ НКВД СССР о перемещении т. Рахлиса с работы начальника СПО НКВД УССР и назначить вместо него т. Абугова»³⁴.

³³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 299. Л. 188.

³⁴ Цит по: Фонд А.Н. Яковлева. Лубянка. Док. № 49. РГАС-ПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 985. Л. 32-33.

Выполняя решения февральско-мартовского Пленума, требующие «продолжить и завершить реорганизацию аппарата Наркомвнудела, в особенности аппарата ГУГБ», в середине апреля 1937 года Ежов произвел важные рокировки в аппарате НКВД. Михаил Фриновский, являвшийся заместителем наркома с 16 октября 1936 года, 15 апреля был повышен в должности до 1-го заместителя. Одновременно его назначили начальником 1-го Главного управления госбезопасности. Занимавшего эти посты с 29 декабря 1936 года еврея Янкеля Агранова перевели начальником 4-го Секретно-политического отдела и понизили до заместителя наркома. Спустя месяц 17 мая Ежов направит его начальником управления НКВД по Саратовской области; однако арестуют Агранова только 20 июля 1937 года.

В тот же день 15-го числа заместителем наркома и заместителем начальника ГУГБ, и одновременно начальником 1-го отдела (охрана) стал комиссар госбезопасности 3-го ранга еврей В. Курский. Забегая вперед, отметим, что 14 июня, когда будет арестован Лев Миронов (Каган), оставаясь заместителем наркома, Курский возглавит еще и 3-й Контрразведывательный отдел. Но ненадолго - 8 июня 1937 года он застрелится в Москве.

О причинах назначения Курского руководителем охраны правительства стало ясно через день, когда 17 апреля был арестован комиссар ГБ 2-го ранга Паукер, занимавший этот пост с 25 декабря 1936 года. Сын еврея-парикмахера, Карл Паукер родился во Львове, находившемся тогда на территории Австро-Венгрии. Он получил домашнее образование, работал в парикмахерской отца. В австро-венгерской армии он дослужился до фельдфебеля, но во время Первой мировой войны попал в русский плен.

Как и многие его коллеги, на работу в ЧК он подался еще в 1918 году, а в двадцатом - стал уполномоченным ИНО Управления Особого отдела ВЧК. Позже работал начальником оперативного отдела ГПУ-ОГПУ и с приходом в НКВД Ежова в ноябре 1936 года возглавил 1-е отделение ГУГБ, занимавшееся охраной членов Политбюро и правительства.

Нет, Ежов не плел паутину, вылавливая «невинные» жертвы. Получив на февральско-мартовском Пленуме карт-бланш, он фактически шел по уже проложенному следу, возвращая действие к тому моменту, на котором в начале 1935 года Сталин прервал дело «Клубок». И когда в кабинетах лубянских следователей начались «застольные беседы» комиссаров ГБ со своими бывшими коллегами, советская столица продолжала жить далекой от тайных проблем жизнью. 14 апреля в Большом театре прошла премьера оперы Глинки «Руслан и Людмила». Через неделю во МХАТе состоялся первый показ пьесы «Анна Каренина» в постановке В. И. Немировича-Данченко, а в Московском городском Доме учителя на Пушкинской улице открылась выставка работ художников-педагогов столицы и членов художественной студии.

Своими вопросами занимался в это время и советский Вождь. 23 апреля Политбюро приняло постановление о выведении из подчинения шести крайкомов

(Северо-Кавказского, Сталинградского, Саратовского, Свердловского, Ленинградского и Восточно-Сибирского) парторганизаций автономных республик - Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской, немцев Поволжья и др.

С 1 июня они подчинялись напрямую ЦК ВКП(б). Казахстанский крайком и Киргизский обком преобразовывались в ЦК КП(б) Казахстана и Киргизии, а вместо Закавказского крайкома создавались ЦК компартий Азербайджана, Армении и Грузии. Таким образом, число национальных компартий увеличивалось с 5 до 16. Фактически этим решением расширялась самостоятельность национальных союзных и автономных республик, переподчиняемых напрямую ЦК.

Еще одна реформа системы управления касалась усиления подготовки страны к возможной войне. 25 апреля решением Политбюро был упразднен «Совет труда и обороны при СНК». Взамен образовывался Комитет обороны под руководством председателя СНК Молотова. В его состав вошел Сталин и наркомы: путей сообщения Каганович, обороны Ворошилов, оборонной промышленности Рухимович, тяжелой промышленности Межулак и заместитель председателя СНК Чубарь. Кандидатами стали начальник Политуправления РККА Гамарник, секретарь ЦК Жданов, наркомы внутренних дел Ежов и пищевой промышленности Микоян.

26 апреля газеты опубликовали сообщение Центрального управления народно-хозяйственного учета Госплана СССР о досрочном выполнении второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. А на следующий день Политбюро утвердило постановление «О прекращении производства дел о лишении избирательных прав граждан СССР *по мотивам социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности*». На следующий день советские газеты опубликовали его как законодательный акт ЦИК СССР.

О том, что Сталин и его окружение отказывалось от узкой партийности, отдавая предпочтение интересам народа, свидетельствовал целый ряд последовавших решений. 28-го числа было принято постановление Политбюро и СНК СССР «О работе угольной промышленности Донбасса», направленное на искоренение недостатков в упорядочении зарплаты, улучшении условий труда и экономического состояния отрасли. Один из пунктов постановления гласил:

«Осудить применяемую некоторыми партийными и в особенности профсоюзными организациями практику огульного обвинения хозяйственников, инженеров и техников, а также практику огульных взысканий и отдачи под суд, применяемую и извращающую действительную борьбу с недостатками в хозорганах. Обязать Донецкий обком КП(б) Украины и Азово-Черноморский крайком... исправить допущенные в этом отношении ошибки. И разъяснить всем партийным организациям Донбасса, что их прямой обязанностью, наряду с выкорчевыванием вредительских элементов, являются всемерные поддержка и помощь добросовестно работающим инженерам, техникам и хозяйственникам».

Продолжением этой линии стало и то, что 5 мая в очередном постановлении Политбюро прокурору Союза ССР Вышинскому предписывалось: *«Пересмотреть судебные приговоры и снять судимость с инженеров и техников угольной промышленности Донбасса, осужденных по производственным делам без достаточных оснований или на протяжении последующей работы показавших себя добросовестными и преданными делу работниками».*

Существо и характер этой меры были раскрыты в опубликованном 15 мая «Правдой» интервью Вышинского «Что делает прокуратура в связи с решениями СНК и ЦК ВКП(б) о Донбассе». В нем прокурор говорил: *«Некоторые хозяйственники в порядке самостраховки увольняют с работы лиц, виновность которых не доказана, но даже не расследована».* Он указывал, что в ряде случаев из-за неудовлетворительного расследования хозяйственников и специалистов «осуждали без достаточных оснований».

Поэтому Вышинский извещал, что «прокуратура потребовала из Донбасса все дела лиц, осужденных по производственным преступлениям с 1934 по 37 гг. для сплошной проверки». Одновременно он сообщал, что при обнаружении отсутствия оснований для осуждения, а также в отношении лиц, которые «показали себя честными и добросовестными работниками, будет возбужден вопрос о снятии судимости».

Но если публиковавшиеся в печати сообщения Центрального Комитета и Прокуратуры свидетельствовали о либерализации общественных отношений, то в кабинетах Лубянки следователи заполняли листки протоколов информацией иного рода. И чтобы восстановить логику и взаимозависимость событий, повернем вектор времени назад.

Глава 5. Кухонный заговор

Авель Енукидзе был известной фигурой во властных верхах. Участник Февральской революции 1917 года, уже в июле следующего он стал секретарем Президиума ВЦИК, а с декабря 1922-го - Президиума ЦИК СССР. Однако он был не только одним из руководителей в системе законодательной власти. Именно он подбирал сотрудников аппарата Кремля, вплоть до библиотекарей и подавальщиц в столовой. Одновременно он контролировал все внутренние службы, включая его охрану. Непосредственно Енукидзе подчинялся и комендант Кремля Рудольф Петерсон, один из командиров латышских стрелков, который всю Гражданскую войну был начальником «поезда председателя Реввоенсовета» Троцкого.

Уже по служебному положению и давним партийным связям Енукидзе знал «всех», а «все» знали, что даже среди наиболее «барствующих» партийных чиновников он выделялся особой приверженностью к роскоши и широкой любвеобильностью. Между тем ситуация в Кремле была далеко не безобидна. В

начале 1935 года Сталин получил информацию от брата своей первой жены, А.С. Сванидзе, о том, что с целью отстранения от власти его (Сталина), Молотова, Ворошилова и Орджоникидзе в Москве составлен заговор.

Операцию по проведению расследования этого сообщения, получившую кодовое название «Клубок», Сталин поручил лично наркому внутренних дел СССР Ягоде, и развернувшиеся с 10 января 1935 года следственные мероприятия в конечном итоге вылились в «дело контрреволюционной группы в Кремле», называемое еще и «кремлевским делом». Однако начавшееся расследование сразу пошло по упрощенному пути. 20 января начальники СПО Г.А. Молчанов и оперативного еврей Карл Викторович Паукер провели первые допросы обслуживающего персонала. Затем к следствию подключились заместитель начальника СПО еврей Генрих Самойлович Люшков, начальник второго отделения еврей М. А. Каган и его заместитель С. М. Сидоров. 27 января «чекисты» арестовали племянника Каменева Б. Н. Розенфельда, работавшего инженером московской ТЭЦ, а через четыре дня — порученца коменданта Кремля А. И. Синелюбова.

В начале февраля Молчанов и Люшков провели допросы 36-летнего коменданта Большого Кремлевского дворца И. П. Лукьянова, его помощников Дорошина и Павлова, а также начальника административно-хозяйственного управления комендатуры Кремля Полякова. Из показаний Дорошина выяснилось, что в Кремле был практически дешифрован и стал известен всей охранной службе курсантов секретный «список 17-ти». Он включал в себя под номерами всех членов Политбюро и руководителей партийно-советского аппарата и использовался для фиксирования их времени прибытия и отъезда из Кремля. Но курсантам, знавшим членов руководства в лицо, не составляло труда «вычислить» зашифрованные номерами фамилии.

Ягода удачно воспользовался установлением этого факта, и уже 4 февраля по его представлению Политбюро утвердило решение «Об охране Кремля». Оно полностью меняло систему обеспечения безопасности проживавших на его территории руководителей страны. Кремлевский караул — внутренняя охрана Кремля и правительственных зданий — был выведен из подчинения ЦИК и Наркомата обороны. Он переводился в подчинение комиссариата внутренних дел; правда, внешняя охрана все же осталась в ведении комиссариата обороны.

Одновременно предусматривался вывод из Кремля многочисленных советских учреждений и Школы имени ВЦИК, насчитывающей 8 рот - полторы тысячи военнослужащих, являвшейся гарнизоном Кремля. Для замены охранявших Кремль курсантов Школы срочно стал готовиться полк НКВД специального назначения. Таким образом, теперь непосредственное руководство охраной от Петерсона переходило к А.И. Успенскому, ставшему заместителем коменданта Кремля и находившемуся в подчинении Ягоды.

В связи с выявившимися обстоятельствами — обнаружения «элементов разложения» и «нарушения обеспечения секретности» 1 февраля Политбюро

поручило Ежову вместе с заместителем КПК З.М. Беленьким «проверить личный состав аппарата ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР». Однако не имевший достаточного опыта Ежов тоже не совершил прорыва в работе следствия. Получив 17 февраля от Молчанова «Сборник № 1 протоколов допросов по делу Дорошина В. Г., Лукьянова И. П., Синелобова А. И., Мухановой Е. К. и других», он сделал лишь поверхностный вывод о «засоренности социально-чуждыми элементами» правительственной библиотеки и политической неблагонадежности комсостава Кремлевского караула.

В результате следственных действий было арестовано 25 человек. В числе подследственных оказались Л. Б. Каменев, его жена - сестра Троцкого и его брат Розенфельд. Однако «копать» глубоко следователи не стали; аресту подверглись лишь мелкие технические сотрудники аппарата Кремля, Президиума ЦИК и их жены. Это были «мелкие сошки». Основные фигуры заговора остались вне поля зрения службы госбезопасности.

Конечно, дело не обошлось совсем без последствий. Коменданту Кремля Петерсону председатель Комиссии партийного контроля Ежов объявил в протоколе лишь строгий выговор: «за отсутствие большевистского руководства подчиненной комендатурой... и неудовлетворительный подбор кадров». Правда, решение Политбюро от 9 апреля 1935 года оказалось строже. Петерсона сняли с должности коменданта Московского Кремля, которую он занимал с апреля 1920 года, и перевели помощником командующего войсками Киевского военного округа. Примечательно, что командующим, взявшим на службу проштрафившегося коменданта, был друг Тухачевского и Гамарника - Якир.

Практически не пострадал и Авель Енукидзе. 4 марта газеты опубликовали постановление ЦИК СССР: «В связи с ходатайством ЦИК ЗСФСР о выдвижении тов. Авеля Сафроновича Енукидзе на пост председателя Центрального исполнительного комитета ЗСФСР удовлетворить просьбу тов. Енукидзе... об освобождении его от обязанностей секретаря Центрального исполнительного комитета Союза ССР».

В «Сообщении ЦК ВКП(б) об аппарате ЦИК СССР и тов. Енукидзе», утвержденном Политбюро 21 марта 1935 года, говорилось о засорении «враждебными элементами», попустительстве созданию на территории Кремля сети террористических групп, растратах и «политико-бытовом разложении». Поэтому 13 мая Политбюро освободило Енукидзе с поста председателя ЦИК Закавказья, назначив уполномоченным ЦИК СССР по Минераловодческой группе³⁵.

Кремлевское дело стало предметом обсуждения и на Пленуме ЦК. Опираясь на материалы, полученные из НКВД, 6 июня 1935 года с докладом «О служебном аппарате ЦИК Союза ССР и товарище А. Енукидзе» выступил председатель КПК Ежов. В докладе отмечалось: «В начале текущего года стало известно, что среди

³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 963. Л. 37.

служащих правительственной библиотеки и сотрудников комендатуры велась систематическая контрреволюционная травля в отношении руководителей партии и правительства, особенно в отношении товарища Сталина, с целью его дискредитации».

В таком представлении событий роль Енукидзе сводилась на нет, и он охотно признал все выдвинутые против него обвинения. Факты зачисления в аппарат ЦИК «бывших людей» он объяснил «потерей бдительности». Решение гласило: «За политико-бытовое разложение бывшего секретаря ЦИК СССР А.Енукидзе вывести из состава ЦК ВКП(б) и исключить из рядов ВКП(б)».

Однако и мягкие меры наказания Енукидзе вызвали недовольство и кривотолки в среде партаппаратчиков. 7 сентября 1935 года Сталин писал по этому поводу Кагановичу, Ежову, Молотову из Сочи:

«Как Евдокимов, так и Шеболдаев утверждают, что назначение Енукидзе уполномоченным ЦИКа создало двусмысленное положение для партии, правительства и местных организаций в Кисловодске. Он исключен из партии и вместе с тем он выше местных организаций по положению, так как он является уполномоченным ЦИКа. Так как Енукидзе не сознает своего падения, а скромностью он не страдает, то он берется контролировать местные организации, дает им задание, распределяет отдыхающих ответственных товарищей по санаториям, дает им помещение и вообще действует так, как, например, Метелев в Сочи.

Люди, оказывается, поговаривают о том, что исключение Енукидзе из партии есть по сути дела маневр для отвода глаз, что он послан в Кисловодск для отдыха, а не для наказания, что он будет восстановлен осенью, так как у него в Москве «есть свои друзья». А сам Енукидзе, оказывается, доволен своим положением, играет в политику, собирает вокруг себя недовольных и ловко изображает из себя жертву разгоревшихся страстей в партии. Двусмысленность положения усугубилась тем, что Енукидзе ездил к Серго, гостил у него и беседовал «о делах», а Орахелашвили, будучи в Кисловодске, дни и ночи проводил вместе с Енукидзе.

Мне кажется, что назначая Енукидзе уполномоченным ЦИКа, мы не учли этих обстоятельств и допустили ошибку, ставящую партию в двусмысленное положение.

Я думаю, что надо немедленно ликвидировать допущенную ошибку, освободить его от занимаемой должности и назначить на другую, меньшую работу, скажем в Ростове, в Харькове, Новосибирске или в другом месте, но не в Москве и не в Ленинграде. Калинин и Шкирятов одобряют мое мнение. Сталин»³⁶.

В шифровке Кагановича от членов Политбюро, отправленной Сталину 10 сентября 1935 года, сообщалось: «Во исполнение Вашей телеграммы приняли сегодня следующее решение: а) Освободить Енукидзе А.С. от работы Уполномоченного ЦИК СССР по Кисловодскому курорту. б) Назначить Енукидзе

³⁶РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. 963. Л. 70. Цит: по Фонд А.Н. Яковлева. Лубянка.

начальником Харьковской конторы Цудортранса. в) Утвердить Уполномоченным ЦИК СССР по Кисловодскому курорту Ганштака. Каганович»³⁷.

Решение Политбюро было оформлено на следующий день. Однако пройдет немало времени, прежде чем Сталину станет известна скрытая подноготная «Кремлевского дела».

В 1935 году Сталин прервал расследование «Кремлевского дела» в тот момент, когда оно могло выйти на значимые фигуры в правительственных и армейских кругах. И его свертывание Сталиным было обусловлено «интересами внешней политики». Дело в том, что еще 13 января Гитлер провел в Саарской области плебисцит, позволяющий восстановить контроль над этим богатым угольным районом. 13 марта Германия объявила, что считает себя свободной от обязательств на запрещение обладания военной авиацией. А через два дня Гитлер подписал закон о введении всеобщей воинской обязанности и восстановлении Вермахта. Это было прямым нарушением Версальского договора, Лондон направил в Берлин министра иностранных дел, а 28 марта в Москву приехал лорд-хранитель печати Иден.

После вступления Советского Союза в сентябре 1934 года в Лигу Наций Советское правительство искало реальные пути для нормализации международной обстановки, урегулирования взаимоотношений государства с капиталистическими странами. Сталин принял Антони Идена на следующий день. Встреча прошла в Кремле, в кабинете предсовнаркома Молотова.

Кроме Сталина и Молотова, с советской стороны присутствовали нарком иностранных дел Литвинов и посол в Великобритании Майский. Великобританию представляли Иден и лорд Чилстон. Майский вспоминал: «Было заметно, что перед встречей Иден заметно волновался, в то время как Сталин «был спокоен и бесстрастен».

Он прямо поставил перед Иденом вопрос: «Как вы думаете, опасность войны сейчас больше или меньше, чем накануне 1914 г.?» Не ожидавший такого вопроса, Иден замешкался, но все-таки склонился к выводу, что в 1914 году опасность была больше.

На это Сталин возразил: «А я думаю, что сейчас эта опасность больше. В 1914 г. имелся только один очаг военной опасности - Германия, а теперь два - Германия и Япония». Подумав, Иден признал, что мнение Сталина имеет под собой серьезное основание»³⁸.

В качестве меры коллективного противостояния намерениям Гитлера на встрече шел разговор об образовании Восточного пакта. Результатом переговоров стало подписание совместного коммюнике. И хотя в нем указывалось на заинтересованность обеих стран в стремлении к укреплению европейской безопасности, впоследствии дальше этого Лондон не пошел.

³⁷РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 11. Д. 89. Л. 89.

³⁸ *Майский И.* Воспоминания советского дипломата. М., 1987. С. 317-318.

И все-таки эта встреча не оказалась безрезультатной. Она повлияла на то, что 12 апреля советские газеты опубликовали сообщение ТАСС о достижении соглашения с Францией по вопросу о конвенции безопасности. Спустя две недели в Париже был подписан советско-французский договор о взаимопомощи в случае нападения, а 16 мая в Праге аналогичный договор был подписан и с Чехословакией.

Конечно, в условиях подготовки оборонительного договора раскрытие заговора, в котором были замешаны важные фигуры в Красной Армии во главе с секретарем ЦИК, могли серьезно дискредитировать Советское правительство и самого Сталина. Поэтому «Кремлевское дело», начатое как формальный предлог для разработки иного дела - «Клубок», было срочно свернуто. Сталин решил, что о сути его истинной подоплеки не должен знать никто.

Первый допрос Ягоды в качестве обвиняемого состоялся 2 апреля 1937 года. Его провели: начальник отделения 4-го Секретно-политического отдела ГУГБ капитан ГБ Коган и оперуполномоченный 4-го отдела ГУГБ лейтенант Ларнер. Следствие началось с выяснения характера взаимоотношений бывшего наркома с его подчиненными Лурье, Воловичем и другими лицами из «чекистского» аппарата. В числе вопросов, которые интересовали Когана, были контакты подчиненных Ягоды с германскими фирмами «Борзинг» и «Лепаж», представители которых ранее «разрабатывались» ИНО как германские шпионы. На следующий день Ягоду арестовали, а 11-го числа под арестом оказался и бывший его заместитель Г.Е. Прокопьев.

Однако только 28 апреля Ежов направил Сталину обобщенный «Протокол допроса № 3» бывшего наркома НКВД Г. Ягоды: «Совершенно секретно СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

Направляю протокол допроса ЯГОДА Г. Г. от 26-го апреля с.г.

Настоящие показания получены в результате продолжительных допросов, предъявления целого ряда уликовых данных и очных ставок с другими арестованными.

ЯГОДА до сего времени не дает развернутых показаний о своей антисоветской и предательской деятельности, отрицает свою связь с немцами и скрывает целый ряд участников заговора. Отрицает также свое участие в подготовке террористических актов над членами правительства, о чем показывают все другие участники - ПАУКЕР, ВОЛОВИЧ, ГАЙ и др.

Следует однако отметить, что на последних допросах, под давлением улик, ЯГОДА все же вынужден был признать, что о связи с немцами и подготовке терактов некоторыми участниками заговора он был осведомлен. Допрос продолжается.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР ЕЖОВ».

Конечно, показания Ягоды имели для Сталина важное значение, поэтому при чтении он отмечал заинтересовавшие его подчеркиваниями. Приведем документ в сокращении.

Протокол начинался с заявления Ягоды: «В продолжение долгих дней допросов я тщетно пытался скрыть свою преступную, изменническую деятельность против Советской власти и партии. Я надеялся, что мой опыт работы в ЧК даст мне возможность либо совсем скрыть от следствия всю сумму моей предательской работы, либо, если это мне не удастся, свести дело к чисто уголовным и должностным преступлениям. Я надеялся также, что мои сообщники, в силу тех же причин, не выдадут следствию ни себя, ни тем более меня. (...)

Всю свою жизнь я ходил в маске, выдавал себя за непримиримого большевика. **На самом деле большевиком, в его действительном понимании, я никогда не был.** Мелкобуржуазное мое происхождение, отсутствие теоретической подготовки, - все это, с самого начала организации Советской власти, создало у меня неверие в окончательную победу дела партии.

Но собственного мировоззрения у меня не было, не было и собственной программы. Преобладали во мне начала карьеристические, а карьеру свою надо было строить исходя из реальной обстановки. Какова была эта обстановка? (...)

Взбираясь по иерархической лестнице, я в 1926 году дошел до заместителя председателя ОГПУ. С этого момента и начинаются мои первые попытки игры в «большой политике», мои представления о себе, как о человеке, который сумеет влиять на политику партии и видоизменять ее.

Это было после смерти ДЗЕРЖИНСКОГО, в период открытой борьбы троцкистов с партией.

Я не разделял взглядов и программы троцкистов, но я все же очень внимательно приглядывался к ходу борьбы, заранее определив для себя, что **пристану к той стороне, которая победит в этой борьбе.** Отсюда и та особая линия, которую я проводил в то время в борьбе с троцкизмом. (...)

...В карательной политике исходил из того, чтобы не озлоблять против себя троцкистов. Направляя троцкистов в ссылку, я создавал им там такие условия, при которых они могли бы продолжать там свою деятельность и не чувствовали бы себя осужденными.

Само собой разумеется, что когда полностью определилась победа партии над троцкистом, когда партия пошла за Центральным Комитетом, за СТАЛИНЫМ, я тоже поспешил показать себя, как непоколебимого сторонника ЦК, оставаясь, конечно, на своих позициях неверия в победу линии ЦК, оставаясь для ЦК в непроницаемой своей маске.

Если в какой-либо мере применим ко мне термин двурушник, то я являюсь образцом его, пожалуй, даже пионером двурушничества. (...)

Иначе обстояло дело, когда на арену борьбы с партией выступили правые. Здесь моя роль была более определенной: **с правыми я был организационно связан.** (...) Начало этим связям было положено в моих личных взаимоотношениях с РЫКОВЫМ, бывшим тогда Председателем Совета народных комиссаров.

Как зампред ОГПУ, я часто встречался с РЫКОВЫМ, сначала на заседаниях, а затем и дома у него. Относился он ко мне хорошо, и это мне льстило и импонировало.

Личные отношения у меня были также с БУХАРИНЫМ, ТОМСКИМ и УГЛАНОВЫМ (я был тогда членом бюро МК, а УГЛАНОВ - секретарем МК). Когда правые готовились к выступлению против партии, я имел по этому несколько бесед с РЫКОВЫМ.

Вопрос: Где, когда, какого характера беседы?

Ответ: Это было в 1928 году, у **РЫКОВА в кабинете**. О характере этого разговора у меня в памяти сохранилось, что речь шла о каких-то конкретных расхождениях У РЫКОВА, БУХАРИНА, ТОМСКОГО с Политбюро ЦК по вопросам вывоза золота и продажи хлеба. РЫКОВ говорил мне, что СТАЛИН ведет неправильную линию не только в этих вопросах. (...)

Вскоре после этого у меня был еще один разговор с РЫКОВЫМ. На сей раз более прямой. РЫКОВ изложил мне программу правых, говорил о том, что они выступают с открытой борьбой против ЦК, и прямо поставил мне вопрос — с кем я. (...)

Я сказал РЫКОВУ следующее: «Я с Вами, я за Вас, но в силу того, что я занимаю положение заместителя Председателя ОГПУ, открыто выступать на Вашей стороне я не могу и не буду. О том, что я с Вами, пусть никто не знает, а я, всем возможным с моей стороны, со стороны ОГПУ - помогу Вам в Вашей борьбе против ЦК». (...)

РЫКОВ говорил мне... что кроме него, БУХАРИНА, ТОМСКОГО, УГЛАНОВА на стороне правых вся московская организация, ленинградская организация, профсоюзы, из всего этого у меня создалось впечатление, что правые могут победить в борьбе с ЦК. А так как тогда уже ставился вопрос о смене руководства партии и Советской власти, об отстранении СТАЛИНА, то ясно было, что правые идут к власти.

Именно потому, что правые рисовались мне как реальная сила. Я заявил РЫКОВУ, что я с ними.

Вопрос: Вы не ответили на вопрос, почему вы конспирировали свое участие в организации правых?

Ответ: Я был зампредом ОГПУ. Если бы я открыто заявил о своих связях с правыми, я был бы отстранен от работы. Это я понимал. **Про себя я соображал таким образом: «А вдруг правые не победят. Я, сохраняя в тайне свою принадлежность к ним, остаюсь на своем месте».** Поэтому я и договорился с РЫКОВЫМ об особом своем положении среди правых. (...)

В 1928 году я присутствовал на совещании правых в квартире ТОМСКОГО. Там были лидеры правых и, кажется, УГЛАНОВ и КОТОВ. Были разговоры о неправильной политике ЦК. Конкретно, что именно говорилось, я не помню. (...)

На меня центром правых была возложена задача ограждения организации от полного провала. В разговоре с РЫКОВЫМ на эту тему я так определил свое положение: «Вы действуйте, Я Вас трогать не буду. Но если где-нибудь прорвется,

если я вынужден буду пойти на репрессии, я буду стараться дела по правым сводить к локальным группам, не буду вскрывать организацию в целом, тем более не буду трогать центр организации». (...)

Мне было ясно, что если в аппарате ОГПУ, в особенности в секретном отделе, не будет своего человека, то, вопреки моему желанию, организация правых может быть провалена. С этой целью мною и был назначен осенью 1931 года начальником Секретного отдела МОЛЧАНОВ. (На полях эта фраза подчеркнута И.В.Сталиным двумя чертами. - *К.Р.*)

Вопрос: Почему именно МОЛЧАНОВ?

Ответ: По двум причинам:

- 1) О МОЛЧАНОВЕ - начальнике Ивановского ГПУ мне было известно, что он связан с правыми, в частности с КОЛОТИЛОВЫМ, бывшим тогда секретарем Ивановского губкома ВКП(б);
- 2) МОЛЧАНОВ был лично мне преданным человеком, был в моих руках, и я смело мог располагать им. (...) Примерно, в году 1927 ко мне поступили материалы, компрометирующие МОЛЧАНОВА, речь шла о каких-то его уголовных преступлениях где-то на Кавказе. Я вызвал его из Иваново, сказал ему об этих материалах. МОЛЧАНОВ тогда же признал за собой эти грехи в прошлом и, уже в порядке исповеди, рассказал еще об одном своем грехе — о приписке себе партстажа. (...)

Общеизвестно, что 1931 год был чреват наибольшими трудностями в стране. Общеизвестно также, что в 1931 году возросла активность всех контрреволюционных элементов в стране. На фоне этих трудностей активизировалась и нелегальная работа правых. Это было мне известно, как по материалам ОГПУ, так и из личных встреч с лидерами правых.

В 1931 году впервые стал вопрос о блоке между правыми, троцкистами и зиновьевцами на основе борьбы за свержение Советской власти методами террора против руководства партии и массовыми восстаниями.

В связи с этим я однажды (это было летом 1931 года) был приглашен в Болшево на дачу к ТОМСКОМУ. Там я застал также ФОМУ (А.П. СМИРНОВА).

ТОМСКИЙ начал свой разговор с общей оценки положения в стране, что мы - правые - не имеем никакого права оставаться в роли простых наблюдателей, что момент требует от нас активных действий.

Меня, естественно, интересовали реальные планы и возможности борьбы, и я так и поставил вопрос. Присутствовавший ФОМА рассказал мне о намечающемся блоке с троцкистами и зиновьевцами, говорил о наличии довольно широко разветвленных группах организации в ряде городов Союза и в целом очень оптимистически охарактеризовал перспективы борьбы с партией. Надо признать, что и мне эти перспективы тогда рисовались также в оптимистических тонах. (...)

Вопрос: Все же ответьте, как произошло назначение МОЛЧАНОВА начальником СПО?

Ответ: Вот на этом-то совещании у ТОМСКОГО и был поднят вопрос о необходимости принять меры к тому, чтобы не провалить работу правых, чтобы обеспечить им со стороны ОГПУ полную возможность разворота их деятельности на новой, значительно расширенной и активизирующейся основе.

Стал вопрос о том, смогу ли я это сделать. Я ответил, что мне одному это трудно, что лучше всего было бы посадить на Секретный отдел своего человека.

И вот, не то ТОМСКИЙ, не то ФОМА сказал, что начальник Ивановского губотдела ГПУ МОЛЧАНОВ известен им как правый, и его именно не мешало бы посадить начальником Секретного отдела. Это предложение я принял, и МОЛЧАНОВ был назначен начальником СПО ОГПУ. (...)

Технически это было оформлено просто: я вызвал из Иванова МОЛЧАНОВА, сообщил ему о принятии организацией решения о назначении его в Москву начальником Секретного отдела, предупредил его, что он будет вызван БУЛАТОВЫМ для переговоров по этому вопросу. Чтобы он свое согласие дал, ни слова не говоря о разговоре со мною. А на практиковавшихся тогда совещаниях зампредов у МЕНЖИНСКОГО я выдвинул кандидатуру МОЛЧАНОВА на должность начальника Секретного отдела. Кандидатура МОЛЧАНОВА возражений не встретила, и он был назначен. (...)

Я думаю, что не стоит здесь перечислять все факты, связанные с моей и МОЛЧАНОВА предательской линией, они теперь известны всей партии, да вряд ли все и вспомнишь.

Известно, конечно, что если бы не наша предательская работа в НКВД - центры зиновьевцев, троцкистов и правых были бы вскрыты в период их зарождения - в 1931-1932 гг.

Агентурные материалы об их контрреволюционной деятельности поступали со всех концов Советского Союза во все годы.

Мы шли на удары по этим организациям только тогда, когда дальнейшее покрывательство грозило провалом нас самих. Так было с Рютинской группой, которую мы вынуждены были ликвидировать, потому что материалы попали в ЦК, так было с бухаринской «школой», ликвидация которой началась в Новосибирске и дело о которой мы забрали в Москву лишь для того, чтобы здесь его свернуть, так было с троцкистской группой И. Н. СМИРНОВА и, в конце концов, так продолжалось даже и после убийства КИРОВА. (...)

Вопрос. Каковы были эти Ваши личные планы?

Ответ: В 1932 году был окончательно оформлен блок троцкистов и правых. Вместе они, на мой взгляд, представляли собой довольно внушительную силу. В среде организации правых зрела мысль о дворцовом перевороте. Я лично в эти планы правыми не был посвящен. И мне было понятно почему: коль скоро речь шла о дворцовом перевороте, то здесь они могли обойтись без меня. Охрана Кремля тогда была не в моих руках.

Мне казалось, что ежели им удастся прийти к власти, меня могут обойти. Некоторое недоверие они ко мне всегда питали, да и я сам не особенно доверял им. (...)

Но в дальнейшем агрессивность заговорщиков росла прямо пропорционально победам партии. Не исключена была возможность их успеха. И вот, чтобы не оказаться в дураках, я пришел к выводу о необходимости застраховать себя на случай удачи заговора правых и троцкистов и заставить их считаться со мною, как с реальной силой. **И тогда я приступил к организации параллельного заговора против Советской власти в аппарате ОГПУ-НКВД.**

Вопрос: Порвав с правыми?

Ответ: Как сказать, и да и нет. Да, потому что от правых я скрывал эти свои планы, нет - потому, что продолжал им помогать. (...) Я говорю о двойственности моего собственного положения в организации правых. Я уже говорил выше, что боялся. Что они могут, придя к власти, попросту выгнать меня, и именно поэтому я организовал параллельный заговор».

В продолжение показаний на вопрос, кого из чекистов он завербовал в заговор, Ягода пояснил:

«О МОЛЧАНОВЕ я же Вам говорил, он был мною завербован давно. Кроме него, участниками организованного мною заговора против советской власти являлись:

- 1) ПРОКОФЬЕВ - заместитель наркома внутренних дел;
- 2) ПАУКЕР - начальник Оперода;
- 3) ВОЛОВИЧ - заместитель начальника Оперода;
- 4) ГАЙ - начальник Особого отдела;
- 5) БУЛАНОВ - секретарь НКВД;
- 6) ШАНИН - Начальник Транспортного отдела;
- 7) ОСТРОВСКИЙ - начальник Административно-хозяйственного управления.

Вопрос: Это все?

Ответ: Как непосредственные участники заговора - все. Все они были посвящены в планы и цели заговора и выполняли, по моему поручению, задания, связанные с подготовкой заговора. (...) К ним относятся:

- 1) ЛУРЬЕ - начальник Инженерно-строительного отдела НКВД;
- 2) ИВАНОВ - помощник секретаря НКВД;
- 3) ВИНЕЦКИЙ - сотрудник Оперода;
- 4) ПАКАЛН - начальник отделения Административно-хозяйственного управления НКВД;
- 5) ЧЕРТОК - помощник начальника ЭКО;
- 6) ПОГРЕБИНСКИЙ - начальник УНКВД в Горьковском крае. (...)

Вопрос. Но вы, надо полагать, вербовали людей для заговора индивидуально каждого и в определенных целях. Вот об этом вы ничего не сказали.

Ответ. При индивидуальной вербовке я исходил, в первую очередь, из того, чтобы во главе ведущих отделов ОГПУ-НКВД стояли мои люди, мне преданные, нужные мне для практического выполнения и обеспечивающие меня от провала.(...)

Вопрос. Целый ряд вопросов, которых вы коснулись выше, потребуют уточнения и детализации. Мы к ним вернемся впоследствии. Сейчас нас интересуют ваши планы заговора. Как конкретно вы мыслили себе его осуществление?

Ответ. Было несколько вариантов. Один из них заключался в том, что когда организация правых, совместно с блоком троцкистов и зиновьевцев, будет готова к захвату власти, они должны были дать мне об этом знать, и я осуществил бы это технически. Для этого имелся в виду арест моими силами членов Советского правительства и руководителей партии и создание нового правительства из состава заговорщиков, преимущественно из правых. В 1935 году это было вполне реально: охрана Кремля, его гарнизон были в моих руках и я мог бы это совершить. В этом направлении мною были приняты и соответствующие меры.

Вопрос. В чем они заключались?

Ответ. Я дал указания Паукеру приближать к себе командный состав Кремлевского гарнизона. Я сам вызывал к себе ряд командиров. Так как комендантом Кремля был Ткалун, не наш человек, назначенный Наркоматом обороны, я пытался и его также приблизить к себе. В отношении его Паукер также имел указания обхаживать его, приручить его к нам. И Паукер, правда не совсем умело, это делал, так как у них часто бывали стычки. Если бы не удалось Ткалуна завербовать, его легко было бы в нужный момент локализовать, убрать.

Вопрос. Ткалуна удалось завербовать?

Ответ. Нет. Но это имелось в виду в дальнейшем. Кроме указанных мероприятий в отношении Кремлевского гарнизона, я приказал Паукеру отобрать 20-30 человек из особо преданных ему и мне людей из Оперотдела, тренировать их в ловкости и в силе, не вводя их в курс дела, держать про запас.

Вопрос. Для каких целей?

Ответ. Я имел в виду использовать их в момент выполнения нами переворота, для непосредственного ареста членов правительства. Паукер докладывал мне, что людей таких он частично отобрал и с ними работает. (...)

Вопрос. В чем конкретно заключался ваш второй вариант захвата власти на случай войны?

Ответ: ...Мне казалось, что на случай войны СССР с Германией и Японией Советскому правительству придется столкнуться не только с военной силой своих противников, но и с крестьянскими восстаниями у себя в тылу. На фоне этого будут активизироваться контрреволюционные организации, и в первую очередь троцкисты, зиновьевцы и правые. Поражение СССР в войне мне казалось возможным. А поражение неизменно влекло бы за собой и перемену правительства, состав которого был бы продиктован победителями, в данном случае Германией. Вот почему, желая себя застраховать и играть определенную роль и в будущем

правительстве, я имел в виду наладить контакт с германскими правительственными кругами.

Вопрос. Вы не только думали наладить контакт, но и фактически уже установили его?

Ответ. Нет, личных связей с немцами у меня не было, но возможно, что немцы знали о моих планах.

Вопрос. Каким путем?

Ответ: Через Воловича, связанного с германской разведкой. Кроме того, о необходимости ориентироваться на немцев намекал мне Радек.

Вопрос. Когда и где вы поговорили по этому поводу с Радеком?

Ответ. Он приходил ко мне летом 1936 года.

Вопрос. Зачем он к вам приходил?

Ответ. Радек пришел ко мне в момент разворота операции по троцкистам и спросил меня, насколько я далеко пойду в ликвидации организации. Я сообщил Радеку, что положение таково, что придется далеко идти, возможно, и до полной ликвидации, и тут я ничем не смогу помочь, так как я нахожусь под строгим контролем Ежова. (...)

Протокол записан с моих слов верно, мною прочитан. Г. Ягода»³⁹.

Глава 6. План переворота

Напомним, что, практически отделавшись испугом, в 1935 году Авель Енукидзе избежал разоблачения. Его арестовали лишь в 1937 году 11 февраля. И хотя он сразу признал себя участником заговора после допроса Ягоды 26 апреля, на следующий день Енукидзе был допрошен вновь. Спецсообщение с показаниями бывшего секретаря ЦИК по Кремлевскому делу легло на стол Сталина в один день вместе с протоколом допроса бывшего наркома НКВД:

«28.04.1937 № 57008 Совершенно секретно

Только лично

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

Направляю при этом первый протокол допроса

А.С. Енукидзе от 27 апреля 1937 года.

Народный комиссар внутренних дел СССР

генеральный комиссар государственной безопасности ЕЖОВ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

А.С. Енукидзе от 27 апреля 1937 г.

³⁹ ЦА ФСБ.Ф.Н-13614. Т. 2. Л. 57-88.

Вопрос. Вы обвиняетесь в том, что являетесь участником контрреволюционной организации и вели организованную борьбу против Советской власти. Признаете ли Вы себя в этом виновным?

Ответ: Да, признаю себя виновным в том, что действительно принимал участие в нелегальной деятельности, направленной к устранению нынешнего руководства ВКП(б) и советского правительства, направленной в конечном итоге к захвату власти контрреволюционной организацией правых и входящей с ней в блок троцкистско-зиновьевской организацией.

Было бы, однако, неправильно, если бы я сказал, что являлся участником какой-либо из этих организаций: я знал о том, что с 1932 года осуществился блок между подпольной организацией правых и троцкистско-зиновьевской организацией; знал, что блок этих организаций подготавливает совершение террористических актов над руководителями ВКП(б), я был связан с некоторыми руководителями блока и вел работу по подготовке вооруженного переворота в Кремле, но формально ни в состав центра блока, ни в состав этих организаций я не входил.

Впервые о моем участии в этой нелегальной работе со мной говорил М. ТОМСКИЙ в 1930 г. от имени центра правых, а впоследствии от имени блока.

Вопрос. Почему же при Вашей формальной непричастности к нелегальной организации правых ТОМСКИЙ все же вел с Вами переговоры о вооруженном перевороте в Кремле?

Ответ: Это объясняется первую очередь тем служебным положением, которое я занимал до 1935 года. Мое пребывание на посту секретаря ЦИКа, **сосредоточение в моих руках руководства охраной Кремля** (подчеркивания в протоколе И. В. Сталина. - К.Р.) толкало сначала представителей центра организации правых, а затем блока перечисленных мною контрреволюционных организаций на сближение со мной, с целью привлечь и меня к их контрреволюционной деятельности.

Переговорам ТОМСКОГО со мной способствовало следующее: формально не принадлежа к правой оппозиции внутри ВКП(б), я все же по своим взглядам на некоторые существенные вопросы политики ЦК ВКП(б) и советского правительства, в частности, в вопросе об обложении крестьянства налогами, о ценах на сельскохозяйственные продукты и т.п. примыкал больше всего к правым. (...)

ТОМСКИЙ, РЫКОВ и БУХАРИН, и именно это они использовали для того, чтобы, начав с разговора со мной о том, что их незаслуженно отстранили от участия в руководстве ВКП(б) и советского правительства, с критики политики и мероприятий ЦК ВКП(б) и органов советской власти, перейти в дальнейшем к прямым переговорам о борьбе с нынешним руководством ВКП(б)».

Конечно, Енукидзе не спешил совать голову на плаху. Поэтому, отвечая на вопрос следователей о подробностях содержания разговоров на встречах с единомышленниками, он в основном представил реакцию на обиду за отстранение от значимых постов. Так, он, в частности, показал:

«А. И. РЫКОВ и его товарищи указывали, что если бы их не отстранили от руководства и дали бы возможность провести те мероприятия, которые они считают правильными, такого положения в стране не создалось бы.

Михаил ТОМСКИЙ, приходя ко мне, свои настроения и недовольство, в связи с изменением его положения в руководящих партийных и профсоюзных органах, выражал особо резко. *Он жаловался на то, что его не ценят, хотят свести к нулю все его прошлое* (здесь и далее курсивы мои. - К.Р.) и т.д. У меня создалось убеждение, что у ТОМСКОГО, по мере рассеивания надежд на поддержку его со стороны лидеров профсоюзных организаций, *возрастало недовольство* против существующего руководства ВКП(б). (...)

Поэтому ТОМСКИЙ в конце 1930 г. счел возможным в беседе со мной у меня на квартире в Кремле - заявить, что никаких надежд на привлечение правых к руководящей работе в условиях нынешнего руководства ВКП(б) нет. Он - ТОМСКИЙ, РЫКОВ и БУХАРИН могут рассчитывать, по его мнению, на приход обратно на руководящие посты *только в случае смены нынешнего руководства* ВКП(б).

Перечисленные мною выше беседы, а также целый ряд подобных им, которые мне трудно вспомнить сейчас в деталях из-за давности, фактически и явились переходом к переговорам ТОМСКОГО со мной о моем привлечении к борьбе против нынешнего руководства ВКП(б)».

В продолжение допроса Енукизе показал, что это предложение «в конце 1930 г.» Томский ему «сделал от имени центра правых», в который входили «Рыков, Бухарин и он».

«Вопрос: Что конкретно Вам предложил ТОМСКИЙ?»

Ответ: ТОМСКИЙ начал разговор с того, что возвращение его, ТОМСКОГО, БУХАРИНА и РЫКОВА на руководящие посты возможно только при смене нынешнего руководства ВКП(б).

Я возразил ТОМСКОМУ, что не только смена руководства, но и изменение состава руководящих органов возможно в нынешних условиях *только насильственным путем*. Я сказал ТОМСКОМУ: «СТАЛИН и его ближайшие соратники не такие люди, чтобы пойти на какие бы то ни было уступки и компромиссы, никакие силы не заставят их это сделать. Следовательно, если добиваться изменения состава или смены руководства, нужно иметь огромный перевес своих сил, своего аппарата и своего влияния в стране». (...)

В этом разговоре ТОМСКИЙ мне рассказал, что он, БУХАРИН, РЫКОВ и УГЛАНОВ *возглавляют нелегальную организацию, которая ведет большую организационную работу, стараясь распространить свое влияние на все важнейшие районы Советского Союза*.

ТОМСКИЙ рассказал, что после того, когда все легальные пути борьбы против существующего руководства ВКП(б) были испробованы и не дали никаких результатов, БУХАРИН, РЫКОВ и ТОМСКИЙ пришли к выводу, что вести дальше

открытую борьбу за свою политическую платформу по примеру того, как это делали троцкисты в 1927 г., нельзя, так как это неизбежно приведет к массовым репрессиям по отношению к правым, к разгрому кадров правой оппозиции и не даст никаких шансов на победу.

Поэтому не только сами РЫКОВ, БУХАРИН и ТОМСКИЙ декларировали свой отход от правых взглядов, но директиву об этом дали и своим единомышленникам, чем преследовалась одна определенная цель: сохраниться в рядах ВКП(б) и *вести подпольную организационную работу, двуручнически признавая* правильной политику ЦК ВКП(б). (...)

На мой вопрос, как же мыслит себе организация правых борьбу с руководством ВКП(б), ТОМСКИЙ от имени своего, БУХАРИНА и РЫКОВА развернул мне следующий план действий организации правых. Он говорил: «В условиях проводимой в настоящее время коллективизации, в условиях, когда деревенская масса недовольна политикой ЦК ВКП(б) по крестьянскому вопросу, в условиях, когда в ряде районов Советского Союза, в связи с проводимой ликвидацией кулачества, как класса, имеют место открытые выступления против советской власти, можно ожидать, что в ближайшее время - это недовольство деревенской части населения *выльется в массовое повстанческое движение.*

Это повстанческое движение не может не иметь своего отражения и на Красную Армию, и на ту часть рабочего класса, которая связана с деревней, и на определенные слои крестьянской молодежи. В этих условиях приобретает исключительно большое значение *сочетание нелегальной работы правых в стране с развертыванием работы по подготовке вооруженного переворота в Кремле.* Этот переворот в Кремле возможен при *соответствующей подготовке кремлевского гарнизона».*

ТОМСКИЙ заявил мне, что все предыдущие его разговоры со мной и мое отношение к ним правым дают ему основание считать, что я - ЕНУКИДЗЕ - приму участие *в подготовке переворота* и что... я, как человек, в руках которого сосредоточено руководство охраной, смогу приобрести пользу *в деле организации смены нынешнего руководства ВКП(б).*

Я потребовал от ТОМСКОГО еще более детального объяснения плана, намеченного организацией правых для захвата власти. ТОМСКИЙ мне заявил, что... общие линии, по которым пойдет деятельность организации правых, сводятся к следующему: организация правых через своих сторонников должна попытаться возглавить то повстанческое движение, которое неизбежно развернется по всему Советскому Союзу в результате краха политики ЦК ВКП(б) в деле коллективизации. Именно к моменту этих восстаний необходимо подготовить и осуществить вооруженный переворот в Кремле, арестовать руководителей ВКП(б) и советского правительства и **захватить власть в свои руки при помощи охраны Кремля и школы ВЦИК.**

ТОМСКИЙ мне повторил, что мое участие в этом деле имеет большое значение, и что он уверен, что я дам согласие и сделаю все от меня зависящее, чтобы *завербовать как среди кремлевской охраны, так и в школе ВЦИК необходимых людей, находящихся на важнейших узловых участках кремлевского гарнизона и тем самым обеспечу его выступление.*

Дав согласие на оказание помощи организации правых в подготовке *вооруженного переворота* в Кремле, я одновременно обратил внимание ТОМСКОГО, что он слишком оптимистически смотрит на возможность развертывания вербовочной работы среди кремлевского гарнизона для борьбы против существующего руководства ВКП(б) и советского правительства. (...)

Тут же ТОМСКИЙ просил меня подумать и найти лиц, которые бы могли постепенно поступить со своей стороны к подбору людей в кремлевском гарнизоне и выявлению их настроений, дабы привлечь их поодиночке или группами для выполнения заданий организации.

Я обещал ТОМСКОМУ к следующей встрече дать свои соображения о людях и о плане развертывания вербовочной работы.

Вопрос: Что Вы практически сделали в области подбора людей для вербовки?

Ответ: ...В этом отношении у меня были весьма обширные возможности, поскольку я получал из ОГПУ и от комендатуры Кремля сводки агентурных материалов об отрицательных настроениях среди состава гарнизона Кремля.

Первые же результаты такого моего ознакомления с политическими настроениями состава кремлевского гарнизона убедили меня в том, что вербовочную работу мне удастся развернуть только в том случае, если я смогу привлечь к этой работе *авторитетных лиц из командного состава гарнизона, повседневно соприкасающихся со средним составом последнего, (...)*

В первую очередь мое внимание обратилось к ПЕТЕРСОНУ - в то время коменданту Кремля, ГОРБАЧЕВУ - б. начальнику школы ВЦИК и его заместителю ЕГОРОВУ. Все эти лица по своему служебному положению, а также по своему личному авторитету среди подчиненных были, безусловно, подходящими для использования в вербовке кадров и подготовке вооруженного переворота. (...)

О ПЕТЕРСОНЕ я знал, что он бывший троцкист, знал, что **в Кремль его в свое время продвинул лично ТРОЦКИЙ**, знал, что он был в свое время исключительно преданным ТРОЦКОМУ человеком, но я знал и то, что после 1923 г. ПЕТЕРСОН никогда открыто, как троцкист, не выступал, а в разговорах старался показать, что после 1923 г. он с ТРОЦКИМ и троцкизмом окончательно порвал. Что касается ГОРБАЧЕВА и ЕГОРОВА, то ни о какой их причастности в прошлом к антипартийной деятельности мне известно не было. (...)

ТОМСКИЙ в беседах со мной в отношении ПЕТЕРСОНА сказал мне: «Если тебя смущает то, что ПЕТЕРСОН отошел от троцкизма, то я тебе могу сообщить, что многие троцкисты, отошедшие от троцкизма, вновь включались в организованную

борьбу и у нас, у правых, ведутся переговоры с троцкистами о контакте и совместной нелегальной работе».

Отвечая на вопросы следователей «об обстоятельствах вербовки Петерсона», Енукидзе показал:

«С ПЕТЕРСОНОМ, как с комендантом Кремля и ближайшим лицом по вопросам охраны и всех порядков в Кремле и притом лицом самым доверенным мне, я встречался ежедневно. (...) Подробное содержание всех моих разговоров с ПЕТЕРСОНОМ в течение 1931 года (когда я обрабатывал ПЕТЕРСОНА для вербовки его в организацию) мне трудно передать за давностью времени. Встречались ежедневно и в моем служебном кабинете и при моем ежедневном выходе в 8 часов утра на работу. Мы говорили на разные темы — касались всех событий внутренней и внешней жизни СССР. (...)

Однажды, во второй половине 1931 г., я рассказал ПЕТЕРСОНУ, что о нелегальной деятельности правых я знаю из своих разговоров с ТОМСКИМ... Через некоторое время я ему объяснил, что *существует центр правой организации, который развертывает подпольную работу во всей стране и хочет также найти в Кремле людей для такой работы.*

В конце 1931 г. я ему даже сообщил, что осведомлен от ТОМСКОГО о намечавшемся контакте у центра правых с троцкистами и зиновьевцами, что они все сошлись в вопросе борьбы против руководства ВКП(б) и советского правительства и путем ослабления или свержения этого руководства намереваются захватить власть в свои руки. После этого в начале 1932 г. я сделал ПЕТЕРСОНУ предложение принять участие в подготовке переворота в Кремле. После долгой беседы мне удалось заручиться его согласием. (...)

...Он указывал мне, что предлагает привлечь исполняющего обязанности начальника школы ВЦИК - ЕГОРОВА, открыто выступавшего в 1923 г. как троцкист. Я положительно отнесся к кандидатуре ЕГОРОВА... мои беседы о кандидатуре ЕГОРОВА происходили с ПЕТЕРСОНОМ в начале или середине лета 1932 г. т.е. в тот период, когда школа ВЦИК находилась в лагерях...

В конце 1932 г. ПЕТЕРСОНУ, по его словам, *удалось привлечь к нашей нелегальной деятельности ЕГОРОВА, который к этому времени был назначен начальником школы ВЦИК.* Кроме того, из работников комендатуры, как он мне сообщил, им завербованы СИНЕЛОБОВ, ДОРОШИН, ЛУКЪЯНОВ и ПОЛЯКОВ (белый). Не помню, когда именно ПЕТЕРСОН назвал мне, как завербованного, бывшего помполита ИМЯНИННИКОВА».

Енукидзе или забыл, или лукавит, утверждая, что вербовка Петерсона и Егорова относилась к 1932 году. Сами они в своих показаниях указывают 1931 год. Об этом же говорили на допросах Петерсон и Корт. Отвечая на вопрос: «Какие задачи ставил ПЕТЕРСОН перед вербуемыми?», Енукидзе пояснил:

«Что касается конкретных задач... то в этом отношении я был согласен с ПЕТЕРСОНОМ, что перед ЕГОРОВЫМ, как начальником школы ВЦИК, должны

быть поставлены несколько более широкие задачи, чем перед любым вербуемым из работников комендатуры.

И я, и ПЕТЕРСОН считали, что ЕГОРОВ должен будет самостоятельно развернуть в школе ВЦИК вербовочную работу, расставить их на соответствующие узловые пункты внутри школы и руководить ими непосредственно, не связывая ни с кем из нас.

Исходя из общего плана переворота в Кремле, ЕГОРОВ должен был обеспечить своевременное выступление всей школы ВЦИК с таким расчетом, чтобы благодаря наличию своих людей на соответствующих участках *основной курсантский состав школы не знал бы до поры до времени, для какой цели он используется.* (...)

Вопрос: Изложите подробно содержание плана переворота в Кремле.

Ответ: Как я уже показывал выше, ТОМСКИЙ, еще в 1931 г., в разговоре со мной говорил об общих линиях плана подготовки переворота в Кремле. Обсуждая в дальнейшем план осуществления переворота, мы считали наиболее реальным и выполнимым *арест руководителей ВКП(б) и советского правительства либо на каком-нибудь узком совещании в Кремле, либо ночью на их квартирах.*

В случае принятия варианта ареста на квартирах решено было арестовать следующих лиц: СТАЛИНА, МОЛОТОВА, КАГАНОВИЧА, ВОРОШИЛОВА, ОРДЖОНИКИДЗЕ.

Само собой разумеется, что *только арестом дело не ограничилось бы, судьба арестованных была бы решена в зависимости от исхода переворота.*

При любом из перечисленных мною вариантов необходимо было обеспечить, с одной стороны, выключение телефонной связи Кремля с городом и с другой - возможность для организаторов переворота в необходимый момент связаться по телефону с нужными им пунктами.

Об этом мы также говорили с ТОМСКИМ. Последний предложил следующий выход: РЫКОВ, в то время Нарком связи, через своих людей *организует аварию на городской телефонной станции.* Это не вызовет подозрений в отношении Кремля и даст объяснение, почему телефонная связь с Кремлем прервана.

На это я ответил ТОМСКОМУ, что такая авария не решает дела, так как в Москве кроме центральной ручной станции существует несколько автоматических.

Обеспечить захват телефонной связи в свои руки может лишь: выключение кремлевской автоматической станции (вертушки), выключение городских вводов на некоторые квартиры в Кремле, контроль во время переворота над работой коммутатора, где также имеется несколько городских вводов. Или, наконец, обрыв телефонных вводов в определенных квартирах. Все это можно обеспечить, если иметь среди связистов в Кремле 5-7 участников организации. Что касается телеграфа в Кремле, то его необходимо захватить в свои руки.

ТОМСКИЙ с этими моими соображениями согласился.

При обсуждении *первого варианта плана* переворота (ареста во время заседания) мы сходились на том, что этот план, с одной стороны, имеет положительную

сторону, так как, в случае удачи, обеспечивает захват власти в очень короткий срок. С другой стороны, в случае недостаточно тщательной подготовки он неизбежно приводит к провалу. Для нас было ясно, что необходимо выбрать узкое заседание, на котором было бы немного присутствующих и, вместе с тем, были бы налицо вышеперечисленные руководители ВКП(б) и советского правительства. Такие заседания нередко происходили в кабинете СТАЛИНА.

Основные трудности, которые мы видели при выполнении этого плана, были следующие, во-первых, заседания обычно происходили в дневное время, т.е. когда в Кремле большое движение. Это означало, что если не удастся без шума арестовать всех присутствующих на заседании, то о происшедшем в Кремле станет немедленно известно и вне его. Во-вторых, мы не исключали, что *у подлежащих аресту может оказаться при себе оружие*, и понимали, что эти люди не такие, чтобы сдаваться при любом положении. Это означало, что *может начаться перестрелка, которая привлекла бы внимание наружной охраны*. Если она не будет состоять из завербованных людей, то будет немедленно стремиться прорваться внутрь для того, чтобы помешать нашим действиям.

При обсуждении *второго варианта* (арест ночью на квартирах) мы приходили к выводу, что он более легко выполним, исходя из следующих соображений: доступ в квартиры вышеперечисленных руководителей, подлежащих аресту, был сравнительно свободным; часть вышеперечисленных лиц жила в общих жилых домах и ночью специальной охраны там не было.

Что касается квартиры СТАЛИНА, то в нее было труднее несколько пройти ночью, ибо вдоль здания в сквере ходила ночная охрана, но и это особых препятствий не представляло.

Вопрос: Каков был план дальнейших действий после ареста руководителей ВКП(б) и советского правительства?

Ответ: В те годы, когда блок рассчитывал еще на организацию переворота в Кремле, приурочивая его к моменту массовых выступлений в стране в результате краха политики ВКП(б) в области коллективизации, предполагалось действовать следующим образом: при удачном проведении арестов СТАЛИНА, МОЛОТОВА, КАГАНОВИЧА, ВОРОШИЛОВА и ОРДЖОНИКИДЗЕ намечалось выпустить по Советскому Союзу правительственное сообщение, в котором извещалось бы, что *старое руководство партии своей неправильной политикой себя скомпрометировало и тем самым вызвало недовольство во всей стране, что, в связи с этим, оно сейчас отстранено от руководства страной и что новый состав правительства примет все меры к тому, чтобы улучшить положение в стране*.

Вопрос: В тот период в Ленинграде находился член Политбюро тов. КИРОВ, а на Украине тов. КОСИОР. Какие у Вас были планы в отношении их?

Ответ: Плана в отношении их я не знаю, так как я интересовался работой внутри Кремля. По словам ТОМСКОГО, через своих людей на Украине, в Ленинграде и

других местах в момент организации переворота в Кремле будут приняты меры против руководителей соответствующих организаций.

Вопрос. Выше вы показали, что такой план действий у Вас намечался в первые годы Вашей нелегальной деятельности. Какие это годы?

Ответ: Как я ранее показал, что план относится к 1931 - 1932 гг.

Вопрос: А в последующие годы?

Ответ: Начиная со второй половины 1932 г. и в дальнейшем надежд на организацию вооруженного переворота в Кремле, в сочетании с массовыми выступлениями в стране, оставалось все меньше. ТОМСКИЙ это неоднократно подчеркивал в беседах со мной и указывал, что блок решил основную нелегальную работу вести по линии террора против руководителей ВКП(б) и советского правительства и что внутри Кремля надо вести работу так, чтобы иметь эту основную задачу в центре внимания. ТОМСКИЙ говорил, что среди завербованных для участия в подготовке переворота в Кремле лиц надо найти смелых и решительных людей, которые примут личное участие в организации *группового террористического акта*.

ТОМСКИЙ развивал следующий план действий: среди завербованных внутри Кремля подбирается небольшая группа лиц, которая либо ночью на квартирах, либо во время прогулок совершает террористический акт над СТАЛИНЫМ, МОЛОТОВЫМ, ВОРОШИЛОВЫМ И ОРДЖОНИКИДЗЕ.

В стране, в результате убийства перечисленных выше руководителей ВКП(б) и советского правительства, начинается замешательство и к руководству привлекаются лица, которые раньше состояли в этом руководстве.

Вопрос: Сколько человек вы считали необходимым иметь для осуществления переворота в Кремле?

Ответ: Человек 20-25.

Вопрос. А сколько у Вас было?

Ответ: Человек 15.

Вопрос. Кто персонально?

Ответ: Мне известны ПЕТЕРСОН, ЕГОРОВ, ДОРОШИН, ЛУКЪЯНОВ, ПОЛЯКОВ и СИНЕЛОБОВ. Кроме того, у ЕГОРОВА в школе ВЦИК было несколько человек, фамилии их я не помню, так как связаны они были непосредственно с ЕГОРОВЫМ, я с ними лично не сталкивался.

Вопрос. Намечались ли Вами сроки осуществления переворота?

Ответ: ТОМСКИЙ мне сперва говорил, что намечался переворот на лето 1933 года. В связи с тем, что внутри Кремля нам еще не удалось развернуть достаточной вербовочной работы и тем, что целый ряд лиц, подлежащих по плану устранению, в летнее время отсутствовал в Кремле, организация переворота была отложена на осень 1933 г.

Осенью 1933 г. началась подготовка 17 съезда партии, и поэтому сроки были изменены. Подготовка переворота была отложена для того, чтобы лидеры блока

смогли бы на 17 съезде двурушнически декларировать свою преданность ВКП(б) и ее руководству. **После 17 съезда ВКП(б) переворот намечался на осень 1934 г.**

Вопрос. Почему же осенью 1934 г. не приступили к осуществлению переворота?

Ответ: Мы условились с ТОМСКИМ, что я буду ждать от него указаний по этому поводу.

По словам ТОМСКОГО, руководство блока считало, что деятельность участников организации в Кремле не должна расходиться с деятельностью блока по всему Советскому Союзу. Я же указания от ТОМСКОГО приступить к осуществлению переворота не получал.

Вопрос: А если бы Вы получили это указание, Вы приступили бы к осуществлению переворота? *Ответ:* Да, приступил бы. Записано с моих слов правильно. А. ЕНУКИДЗЕ. Допросили: Пом. нач. 3-го отделения 4-го отдела ГУГБ ст. лейтенант государственной безопасности АЛЬТМАН Оперуполномоченный 6-го отделения 4-го отдела ГУГБ лейтенант государственной безопасности - ГЕЙМАН»⁴⁰.

По-видимому, Сталину надоело читать этот многостраничный и почти нудный протокол. Поскольку, еще не дойдя до первой половины текста, он прекратил делать пометки, подчеркнув лишь фразу о 17-м съезде. На первом листе сохранилась резолюция: «Послать остальным. (Не хватает 23 стр.)». «Советую познакомиться с показанием Енукидзе. И. Сталин». Однако он не забудет этих показаний и позже, на Военном совете, в ироничной форме интерпретирует изложенные в них варианты плана о том, когда лучше совершить переворот — «днем» или «ночью».

Глава 7. Следы ведут и в ГУЛАГ

Итак, картина дворцового переворота стала приобретать реальные контуры, и показания Енукидзе на допросе 27 апреля дали основания для ареста Рудольфа Петерсона. Бывший комендант Кремля был задержан в этот же день в Киеве, где с 1935 года, находясь в подчинении Якира, занимал пост заместителя командующего военным округом по тылу. Признание об участии в заговоре он сделал уже в день ареста, а 29 апреля, когда его доставили в Москву, он написал заявление на имя Ежова.

В нем он подтвердил, что «является участником контрреволюционной организации, в которую был вовлечен в 1931 году своим начальником по службе секретарем ЦИК Авелем Енукидзе». Петерсон признался, что «*по заданию правых он вел работу по подготовке вооруженного переворота в Кремле.* Одной из задач которого было уничтожение руководителей ВКП(б) и Советского правительства,

⁴⁰ АП РФ. Ф. 3 Оп. 24. Д. 302. Л. 96-124. Цит по: Фонд А.Н. Яковлева. Лубянка. Док. № 60.

переход власти к лидерам организации правых в лице Бухарина, Рыкова, Томского».

Одновременно он указывал, что план переворота предполагал «в назначенный день и час *арест руководителей партии и правительства*», и назвал 16 участников заговора, завербованных им лично.

В то же время, когда проводили арест Петерсона, на следствии давал показания о заговоре З. И. Волович — бывший заместитель начальника отдела охраны правительства и человек, близкий к Ягоде. Он, в частности, назвал имя Тухачевского. Но пока в связи показаниями Петерсона на следующий день был арестован бывший заместитель Петерсона по политической части, дивизионный комиссар М.А. Имянинников.

На допросе 21 июня Имянинников показал, что «в 1935 году комендантом Кремля Петерсоном была подготовлена группа сотрудников в составе: Тюрякова (заместителя коменданта по хозяйству), Колчина, Тренина (коменданта Дворца Советов и Мавзолея), Меньшикова (начальника спецотделения), Веркунич (секретаря коменданта Кремля), Никитина (начальника связи Кремля) и Травкина для совершения террористического акта над членами Политбюро».

Его должны были совершить с помощью ручных гранат в Особом кинозале Кремля в начале 1935 года, но поскольку Петерсон был в середине апреля 1935 года от должности освобожден, то он предложил Имянинникову взять на себя руководство участниками операции.

На том же допросе, 21 июня, Имянинников показал, что у Енукидзе и его единомышленников была идея совершить террористические акты путем опрыскивания квартир членов Политбюро ядом, который должен был изготовить профессор Либерман — начальник научно-исследовательского отдела Военно-химической академии. Следует сказать, что в 1932-1935 годах Имянинников работал помощником начальника именно этой академии. Сам Либерман на допросах 22 и 27 июня в свою очередь признался, что по заданию Имянинникова, он должен был изготовить отравляющие вещества, способные вызвать отравления членов Политбюро, при опрыскивании служебных комнат или помещений, в которых они проживали⁴¹.

Уже в конце апреля в поле зрения органов госбезопасности попали и профессионалы пресловутого солженицынского «архипелага». Семен Фирин был назначен начальником строительства Беломорско-Балтийского канала еще в 1932 году. На следующий год одновременно он стал заместителем начальника ГУЛАГа Д. Бермана, а после окончания строительства был переброшен в Дмитлаг. На январь 1937 года Дмитлаге числилось 146 920 человек. Фактически это было своеобразное закрытое поселение, в котором целая «рабочая» армия имела своих «военачальников» и «политруков». Можно ли исключить вероятность того, что эта

⁴¹ РГВА. Ф. 9. Оп.29. Д. 178. Л. 44. Цит по: *Черушев Н.* «Невиновных не бывает». М., 2004. С. 261-262.

трудовая армия «перековки», находившаяся в нескольких километрах от столицы, вдруг подняла восстание и совершила марш на Москву? Что тогда ожидало бы «дорогую столицу»?

В середине весны 1937 года работы на строительстве канала Москва-Волга близились к завершению. 17 апреля волжская вода заполнила канал на всем его протяжении, и 22-го стройку посетили Сталин, Ворошилов, Молотов и Ежов. Это был третий визит Вождя на трассу, но в отличие от двух первых посещений впервые вместо Ягоды его сопровождал новый нарком внутренних дел. Члены правительства осмотрели Икшинский узел, шлюзы, 3-ю и 4-ю насосные станции. Однако накануне празднования 1 Мая, «28 апреля, были арестованы начальник Дмитлага и заместитель начальника ГУЛАГа старший майор ГБ С. Г. Фирин и начальник 3 отдела Дмитлага комиссар ГБ 3 ранга С. В. Пузицкий»⁴².

На допросе 4 мая, рассказывая следователям о вербовке сообщников, Ягода показал: «В Дмитлаге был у меня завербован Пузицкий. Его я вербовал у себя в кабинете в 1935 году по тем же соображениям близости его места работы к Москве. У меня с ним произошел следующий разговор: «Мы с вами, Пузицкий, чекисты, нас осталось мало, за вами столько заслуг, немногие об этом помнят, а дело идет к тому, что в стране возможны всякие перемены, идет борьба. Мы находимся в таком положении, что должны будем выбирать между новым руководством и старым и, в зависимости от обстановки, должны будем решить, и если силы будут на стороне новых руководящих кругов, то мы примкнем к ним». Пузицкий спросил, какие это новые руководящие круги я имел в виду. Я прямо ему сказал, что правые могут прийти к власти, и наша задача помочь им в этом. Пузицкий дал мне свое согласие. Ему я поручил сколотить группу из преданных ему людей.

Вопрос. И он это сделал?

Ответ. Он мне докладывал, что уже создал группу, назвал мне, как им завербованы Кшанович и одного своего зама и пома, фамилий которых я не помню. Говорил он и о других, не называя их».

Однако спецсообщение, с приложением протокола допроса С. В. Пузицкого, Ежов предоставил Сталину только спустя месяц.

«29.05.1937 № 57478 Сов. секретно

Только лично

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

Направляю первый протокол допроса Пузицкого С. В. - бывшего начальника Дмитровского лагеря НКВД от 29 апреля с.г.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР ЕЖОВ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Пузицкого С.В. от 29 апреля с.г.

⁴² Петров Н. История империи «Гулаг» / www.pseudology.org/GULAG/Glava05.htm

Пузицкий Сергей Васильевич, 1895 года рождения, уроженец г. Ломжа (Польша), сын директора 2-й Московской гимназии, русский, дворянин, окончил юридический факультет Московского университета, член ВКП(б) с 1921 г. До дня ареста, с 1918 по 1921 г., следователь Трибунала, с 1921 г. в органах ЧК-ОГПУ.

Вопрос: Вами подано заявление о том, что будете давать следствию правдивые показания о своей антисоветской деятельности и о вашем участии в заговоре, к которому вас привлек ЯГОДА.

Расскажите, когда и при каких обстоятельствах вас привлекли к участию в заговоре?

Ответ: В середине 1935 года после ухода из Разведупра я был вызван ЯГОДОЙ к нему в кабинет. ЯГОДА сразу на меня накинулся с руганью, указав, что я занимаюсь беспробудным пьянством, совершенно не работаю и окончательно разложился, что он вынужден будет, в конце концов, принять по отношению ко мне решительные меры, вплоть до того, что передаст суду и поставит вопрос о моем пребывании в партии. Я начал просить его о том, чтобы он этого не делал, что я готов пойти на любую работу, куда он мне укажет, и готов выполнить любые его поручения.

ЯГОДА после этого перешел на несколько иные темы, начал мне рассказывать о том, что в стране создается очень тяжелое положение, обвиняя в этом руководство партии и правительства. Продолжая в таком же духе, ЯГОДА постепенно перешел к тому, что многое в советском строе нужно было бы изменить, что жизнь тогда потекла бы гораздо лучше и т.д.

Когда я задал ему вопрос, что именно он понимает под словами «нужно изменить», он задал мне в свою очередь встречный вопрос, согласен ли я буду выполнять те поручения, которые он мне даст, направленные к тому, чтобы изменить существующее положение вещей. Я немедленно и охотно дал согласие. ЯГОДА мне тогда рассказал о том, что существует контрреволюционный заговор, направленный против нынешнего руководства партии и правительства, что этот заговор возглавляется правыми, что в нем принимает участие целый ряд руководящих работников партии и правительства и что он сам является активным участником этого заговора.

Основной целью этого заговора, как сказал мне ЯГОДА, *является смена руководства партии и правительства какими угодно средствами.* На мой вопрос, о каких средствах идет речь, ЯГОДА сказал, что в случае необходимости по отношению к вождям будут применены самые крайние средства, вплоть до применения террора. Развивая эту мысль, он сказал, что можно с уверенностью сказать, что контрреволюционной организации для того, чтобы придти к власти, придется прибегнуть к этим крайним средствам, т.е. к применению террористических актов.

Вопрос: Что вам ЯГОДА сказал об участниках заговора?

Ответ: ЯГОДА мне фамилий не называл, отметив только, как я уже указал, что в нем принимают участие крупнейшие и виднейшие работники партии и правительства и что в заговор им привлечены целый ряд работников НКВД. Из числа работников НКВД, вовлеченных в заговор, он мне назвал ПРОКОФЬЕВА, БУЛАНОВА, ВОЛОВИЧА, ГАЯ и ФИРИНА.

Вопрос: Какие задачи ЯГОДОЙ были поставлены перед вами, как перед участником заговора?

Ответ: ЯГОДА дал мне задание подобрать на строительстве канала надежные группы лиц с боевыми качествами, как он выразился, которые могли бы выполнять любые его задания.

Вопрос: О каких заданиях шла речь?

Ответ: В одну из последующих бесед ЯГОДА мне сказал, что для осуществления задач организации, т.е. применения террористических актов, необходимо *подобрать группы террористов боевиков*, которые были бы мне беспрекословно преданы и которые в любую минуту были бы готовы *на совершение террористических актов*.

Вопрос: Что вы сделали во исполнение полученного вами от ЯГОДЫ задания?

Ответ: Я близко сошелся с работниками в 3-м отделе КШАНОВИЧЕМ и КОРОТКОВЫМ и постепенно их обрабатывал для использования в интересах заговора. Об этом я сообщил ЯГОДЕ при личной беседе с ним весной 1936 года.

Вопрос: Вы показываете неправду. Ответьте прямо на вопрос, кого вы привлекли для выполнения задания, полученного вами от ЯГОДЫ?

Ответ: Я выполнил задание только в части обработки и приближения к себе КШАНОВИЧА и КОРОТКОВА.

Вопрос: Следствию известно, что вы не только обрабатывали КШАНОВИЧА и КОРОТКОВА, но прямо посвятили их в существо заговора и создали вместе с ними в Дмитровском лагере группы лиц для выполнения террористических заданий ЯГОДЫ. Предупреждаем вас, что часть этих лиц нам известна и что ваши дальнейшие заpiresательства ни к чему не приведут.

Ответ: Я действительно старался смягчить показания в этой части. Обещаю следствию, что буду впредь давать только правдивые показания. КШАНОВИЧА и КОРОТКОВА я действительно завербовал как участников контрреволюционной организации. Сделал я это по следующим причинам. ЯГОДА, когда давал мне задания о вербовке лиц для привлечения в террористические группы, указал, чтобы я старался в первую очередь подбирать лиц чем-нибудь себя скомпрометировавших, для того, чтобы мог их держать в своих руках.

О КШАНОВИЧЕ я знал, что он морально разложившийся человек, были у него какие-то дела, когда он работал пом. нач. ОО Балтфлота, человек он был обиженный, считал, что он обойден, что ему дали маленькую работу и т.д. Кроме этого, у меня были материалы о том, что КШАНОВИЧ, уже будучи в лагере, совершил ряд преступлений, выразившихся в том, что он вступал в половую связь с

заклученными женщинами. Об этом, как мне, так и к ФИРИНУ, поступил целый ряд устных и письменных заявлений.

Я все эти материалы держал у себя и использовал их для постепенной обработки КШАНОВИЧА и для вербовки его в мою группу. Однажды, после одной из очередных пьянок, я вызвал его к себе и в резкой форме поставил перед ним вопрос о том, что на него поступили серьезные материалы о его преступлениях, совершенных им в лагере, о том, что мне и ЯГОДЕ известно об изнасиловании им женщин-заклученных. Я сказал КШАНОВИЧУ, что вопрос о нем сейчас стоит чрезвычайно остро, что все это для него может закончиться судом, что если учтут его преступления в ОО Балтфлоте, его будут судить и расстреляют. При этом я сказал КШАНОВИЧУ, что все зависит только от ЯГОДЫ, что в руках ЯГОДЫ вся его жизнь. КШАНОВИЧ страшно перепутался, начал меня умолять спасти его от суда. Я понял, что КШАНОВИЧ целиком и полностью находится в моих руках.

О КШАНОВИЧЕ я подробно доложил ЯГОДЕ. При моем очередном докладе я ему рассказал о том, что я подобрал на КШАНОВИЧА большой материал и что считаю возможным повести обработку КШАНОВИЧА. ЯГОДА это одобрил. По приезде в Дмитров я вызвал к себе КШАНОВИЧА, сказал ему, что я по долгу службы вынужден был доложить об имеющихся на него компрометирующем материале ЯГОДЕ и что ЯГОДА обещал это дело прикрыть и никаких репрессий в отношении него не принимать. КШАНОВИЧ этим был страшно обрадован, заявил мне, что он пойдет за ЯГОДОЙ в огонь и воду, что будет выполнять любые мои поручения.

КОРОТКОВА я завербовал таким же путем, как и КШАНОВИЧА. КОРОТКОВ - ближайший друг КШАНОВИЧА. Из Особого отдела Балтфлота он был выгнан как скомпрометированный и переведен на работу в Дмитлаг. Он морально разложившийся тип, в лагере пьянствовал, совершал ряд преступлений. С КОРОТКОВЫМ о его преступлениях я имел так же, как и с КШАНОВИЧЕМ, специальную беседу, выбрав для этого соответствующий момент. Я предупредил КОРОТКОВА, что в моем распоряжении имеется компрометирующий материал на него, что вопрос стоит об его аресте и предании суду, что обо всем знает ЯГОДА. КОРОТКОВ просил меня помочь ему и ходатайствовать перед ЯГОДОЙ за него. Я пообещал ему это. Через несколько дней я сказал КОРОТКОВУ, что только благодаря ЯГОДЕ мне удалось спасти его, и он обязан всем ЯГОДЕ. Таким образом, и КОРОТКОВ был полностью в моих руках.

Примерно в августе месяце 1936 года после ряда разговоров с КШАНОВИЧЕМ и КОРОТКОВЫМ я окончательно убедился в том, что их можно прямо привлечь к заговору и использовать для выполнения террористических заданий. ЯГОДА предварительно еще раз подробно расспросил меня об этих лицах, дал согласие на их прямую вербовку. Через несколько дней я в своем кабинете провел специальный разговор сперва с КШАНОВИЧЕМ, а затем спустя день-два и с КОРОТКОВЫМ.

В своей беседе, как с одним, так и с другим, я резко подчеркивал, что только благодаря ЯГОДЕ они спасены и работают на канале, что внимание ЯГОДЫ, оказываемое им через меня, дает им гарантию на будущее и перспективы хорошей жизни. (...)

После вербовки мною КШАНОВИЧА и КОРОТКОВА я провел с ними еще ряд дополнительных бесед, так сказать закрепил их, давал им несколько заданий — присмотреться и проверить отдельных людей в Дмитлаге — пригодных нам. (...)

Вопрос: Кого вы еще завербовали?

Ответ: Больше никого я не вербовал. Мне ЯГОДА предложил, чтобы помимо КШАНОВИЧА и КОРОТКОВА я наметил небольшую группу чекистов, работающих на канале, для использования их в террористической группе. Особое внимание ЯГОДА мне предложил обратить на обиженных, озлобленных, разложенных, исключенных из партии. Несколько таких людей я наметил и о них имел специальный разговор с ЯГОДОЙ.

Вопрос: Кто эти лица?

Ответ: 1) СУРНАКОВ Федор Александрович, начальник отделения 3-го отдела Дмитлага.

2) ДЗИНГЕЛЬ — начальник 3-го отделения Центрального района.

3) МАКЛЯРСКИЙ — начальник 3-го отделения Карамышевского района.

4) СЕМЕНОВ — комендант 3-го отдела Дмитлага и

5) КРИВОШЕЕВ — оперуполномоченный 3-го отдела Дмитлага.

Всех этих лиц я постепенно к себе приближал и обрабатывал. Все они являются близкими друзьями КШАНОВИЧА и КОРОТКОВА, морально разложившимися, подхалимами с преступным прошлым, с преступными действиями по Дмитлагу: МАКЛЯРСКИЙ — имел в прошлом взыскание за троцкистское выступление и за это был направлен на работу в Дмитлаг. КРИВОШЕЕВ — в прошлом судился, бывший заключенный. Кроме моей личной обработки этих лиц, я поручил КШАНОВИЧУ и КОРОТКОВУ следить за ними, освещать их через агентуру, постепенно обрабатывать их для использования в заговоре.

Вопрос: Вы говорите, что ФИРИН полностью знал о вовлечении вами КШАНОВИЧА и КОРОТКОВА в террористическую группу. Знал ли ФИРИН и о других пяти названных вами лицах?

Ответ: Да, знал. При моем назначении в Дмитров начальником 3-го отдела меня ЯГОДА специально предупредил, что ФИРИН является участником заговора, доверенным и близким человеком его — ЯГОДЫ и мне нужно во всей работе по заговору опираться на него. ЯГОДА впоследствии дал мне указание держать ФИРИНА и в курсе организации террористической группы на канале.

В июле 1935 года я вместе с ФИРИНЫМ был в кабинете ЯГОДЫ, здесь ЯГОДА связал меня лично с ФИРИНЫМ и еще раз указал на необходимость нам, как членам заговора, работать согласованно, а мне в деле подбора людей на канале для террористической группы держать ФИРИНА в курсе всего. Исходя из этих

указаний ЯГОДЫ, я ФИРИНУ сообщал об обработке и вербовке КШАНОВИЧА и КОРОТКОВА, а также о подборе мною других лиц. ФИРИН меня предупредил, чтобы я занимался только своей группой, работал над ними и добавил, что среди «тридцатипятников» (уголовники Дмитлага) я не должен работать, там он — ФИРИН все сделает.

Вопрос: Что же конкретно делал ФИРИН среди уголовников Дмитлага?

Ответ: ...В Дмитлаге имеется громадное количество «тридцатипятников», все это лица, неоднократно судившиеся за уголовные и бандитские дела и посланные в Дмитлаг на «перековку». (...) ФИРИН мне неоднократно говорил, что для выполнения заговорческих задач, поставленных ЯГОДОЙ, им проводится большая работа среди этого элемента, что им отобрана специальная группа среди крупных уголовников, которых ФИРИН тщательно обработал, выдвинул, приблизил к себе, окружил большим вниманием, создал им особые условия и привилегии на канале, особенно культивировал среди них непререкаемый авторитет ЯГОДЫ. (...)

С ФИРИНЫМ были очень близко связаны выдвинутые им на административные должности бывшие крупные уголовники ЛАЗАРЕВ на Волге, МИШКИН и КОВАЛЕВ в Центральном районе и ряд других лиц. ФИРИН мне говорил, что все эти люди целиком в его руках, что с ними он может делать все, что захочет — в самом широком смысле этого слова, имея в Дмитлаге во главе и в составе строительных отрядов своих людей, он их может использовать как боевые группы для террора. Мне ФИРИН прямо сказал, что он по указанию ЯГОДЫ, в случае необходимости, в момент переворота, двинет на Москву не менее 35 000 уголовников с канала, слепо идущих за ним.

Вопрос: Кого вы еще знаете из лиц, завербованных ФИРИНЫМ?

Ответ: С ФИРИНЫМ связан очень тесно командир Дмитровского отряда КРАВЦОВ, это беспредельно преданный ФИРИНУ человек, морально разложившийся. На него ФИРИН возлагал большие надежды по заговору, как на лицо, возглавляющее вооруженный отряд. Второе лицо — это начальник Волжского района БЫХОВСКИЙ. О нем мне ФИРИН говорил как о человеке, направленном к нему лично ЯГОДОЙ, надежном, беспредельно преданном ЯГОДЕ. Мне также известно, что ФИРИН и ЯГОДА прикрыли ряд преступлений БЫХОВСКОГО на канале. БЫХОВСКИЙ является личным другом ныне арестованного троцкиста, бывшего директора завода № 22 - МАРГОЛИНА.

Вопрос: Какие задания вам дал ЯГОДА после его ухода из Наркомвнудела?

Ответ: После ухода ЯГОДЫ из Наркомвнудела я почувствовал, при последней беседе с ЯГОДОЙ, а также и с ФИРИНЫМ, возможность провала заговора и некоторую деморализацию заговорщиков.

10 октября 1936 года, когда ЯГОДА выехал в отпуск, я выехал также в отпуск в Kislovodsk. В Kislovodsk я ЯГОДЫ не застал. Он, кажется, в это время был в Сочи. Через некоторое время ЯГОДА приехал в Kislovodsk, остановился на даче

«Кабот». Как только ЯГОДА приехал в Кисловодск, я немедленно пошел к нему. На даче находились доктор МАРИУПОЛЬСКИЙ, МАРКАРЬЯН с женой и КАННЕР Григорий.

Я решил посетить ЯГОДУ на следующий день. Я застал его одного и в разговоре с ним спросил, как мне действовать в дальнейшем, как мне быть с группой (КШАНОВИЧ и КОРОТКОВ), ЯГОДА ответил, что группу во что бы то ни стало надо сохранить, надо сохранить наши силы в Дмитлаге и предложил регулярно с ним поддерживать связь. Видя мое придавленное настроение, ЯГОДА мне заявил в ободряющем тоне, что им приняты меры, обеспечивающие его возвращение в НКВД. На мой вопрос, какие меры и насколько они реальны, он ответил, что они вполне реальны и что ЕЖОВА в НКВД не будет, чего бы это ни стоило, что Наркомом внутренних дел будет он — ЯГОДА. При этом он подчеркнул, что моя группа может играть в этом деле особо важную роль и ее роль нужно всячески сохранить.

Вопрос: Каким же путем ЯГОДА предполагал вернуться в НКВД?

Ответ: В разговоре на даче в «Кабот» ЯГОДА на мой вопрос, насколько реален план его возвращения в НКВД, уклонился от прямого ответа. Таким образом, я подробностей его плана не знаю.

Вопрос: Как вы должны были поддерживать связь с ЯГОДОЙ в Москве?

Ответ: Мы договорились, что я буду заходить к нему в Наркомсвязь.

Вопрос: Кого из участников заговора вы еще знаете, кроме названных уже вами ПРОКОФЬЕВА, БУЛАНОВА, ВОЛОВИЧА, ГАЯ и ФИРИНА?

Ответ: Прямо других участников заговора я не знаю. Но я знаю особенно близких лиц к ЯГОДЕ, его единомышленников, тесно связанных с ним на протяжении многих лет. По моим личным наблюдениям, по неоднократным моим разговорам с ФИРИНЫМ я твердо убежден, что они имеют отношение к заговору.

Вопрос: Кто эти лица?

Ответ: ПИЛЛЯР, ГОРБ и МИРОНОВ.

Вопрос: Почему вы убеждены в этом?

Ответ: В отношении ПИЛЛЯРА, с которым я связан много лет личной дружбой и совместной работой, я знаю, что он очень близкий человек ЯГОДЫ и личный друг. ПИЛЛЯР *исключительно дружен* с семьей АВЕРБАХА, особенно с Леонидом и Леопольдом.

Мне известно также следующее обстоятельство: в ноябре 1936 года в приемной Наркома я встретился с Игнатием СОСНОВСКИМ. Первый мой вопрос к нему был о ПИЛЛЯРЕ. Мне СОСНОВСКИЙ сообщил, что ПИЛЛЯР в Саратове, чувствует себя очень плохо, паникерствует, что у ПИЛЛЯРА сейчас очень острая и болезненная реакция на уход ЯГОДЫ и приход в НКВД ЕЖОВА, что ПИЛЛЯР проявляет нездоровые упаднические настроения и даже усиленно читает и прорабатывает польскую шовинистическую литературу.

В отношении ГОРБА я знаю, что этот человек был очень близок к ЯГОДЕ, выполнял особые его поручения в ИНО и за границей. ЯГОДА внешне к ГОРБУ относился довольно холодно, а по существу все делал для закрепления ГОРБА возле себя. Я знаю случай, когда в конце 1932 года, в момент приезда из Берлина СЛУЦКОГО, в денежном хозяйстве ИНО была обнаружена крупная растрата валюты: докладывали ЯГОДЕ о безотчетных расходах валюты, закупке разного рода вещей и проч., причем главную роль в этом играл ГОРБ, помогали ему ВОЛОВИН, ЛОЕВ, САМСОНОВ и БОГУСЛАВСКИЙ. Сумма растраты называлась тогда около 40 000 долларов. Когда вся эта растрата была обнаружена, расследование ЯГОДА поручил БУЛАНОВУ. Мне точно известно, что ЯГОДА приказал дело прекратить, а ГОРБА назначили пом. нач. ОО к ГАЮ. После назначения ГОРБА в Особый отдел мне известно, со слов САМСОНОВА, о том, что ГОРБА вызвал ЯГОДА и сказал ему, что он его перебрасывает в Особый отдел, а в отношении дела по растратам валюты — ЯГОДА якобы сказал ему: «Неужели вы могли подумать, что я вас не защищу».

В отношении МИРОНОВА я знаю, что он является одним из близких людей ЯГОДЫ, взаимоотношения между ними были самые близкие. Миронов был по существу советником у ЯГОДЫ во всех его делах, сильно влиял на него, был в НКВД при ЯГОДЕ одним из самых влиятельных людей.

Допрос прерывается.

Протокол записан с моих слов правильно и мною прочитан —

ПУЗИЦКИЙ

Допросили:

Нач. 2-го Отдела ГУГБ НКВД

комиссар государственной безопасности 3-го ранга

НИКОЛАЕВ

Нач. 3-го Отд. 2-го отдела ГУГБ НКВД

капитан государственной безопасности

ЯМНИЦКИЙ».

В целом по делу Фирина было привлечено 218 человек. Большую часть арестованных составляла уголовная «интеллигенция»: лагерные литераторы, художники, участники самодеятельности, которым Фирин покровительствовал. Всем инкриминировалось участие в контрреволюционной террористической организации, а самому Фирину предъявили еще и обвинение в работе на иностранные спецслужбы и сдаче сети резидентуры во время пребывания в Германии в качестве помощника резидента разведки.

Позже, на июньском (1937) Пленуме ЦК ВКП(б), Ежов подробно рассказал, какую роль должны были сыграть заключенные подмосковных лагерей. Замысел состоял в том, что «по поручению Ягоды» руководители Дмитлага Фирин и Пузицкий «должны были создать террористические группы в лагерях НКВД для совершения терактов при возможном посещении членами правительства»

строительных объектов. Для этого ими «вербовались в состав контрреволюционной организации наиболее контрреволюционные элементы из среды уголовников, содержащихся в Дмитровском лагере». Описывая сценарий захвата власти, Ежов цитировал показания Фирина:

«В плане захвата власти Ягода отводил ответственное место силам Дмитлага. Ягода указал, что в лагере надо создать крепкий боевой резерв из лагерных контингентов. Для этого следует использовать нач. строительных отрядов из авторитетных в уголовном мире заключенных, так называемых «вожачков», чтобы каждый «вожак» в любое время мог превратиться в начальника боевой группы, состоящей из основного костяка заключенных из его же строительного отряда. Ягода говорил, что боевые группы Дмитлага потребуются для террористических задач — захвата и уничтожения отдельных представителей партии и власти и, кроме того, должны составлять резерв для захвата отдельных учреждений, предприятий и т.п. боевых задач. Поэтому каждый начальник боевого отряда должен подчинить своему влиянию максимальное количество отборных головорезов-лагерников»⁴³.

После ареста Фирина и Пузицкого 29 апреля приказом НКВД № 651 пост заместителя начальника Дмитлага занял уже упоминаемый ранее бывший заместитель наркома НКВД Украины комиссар ГБ 2-го ранга Зиновий Кацельсон, который одновременно стал и заместителем начальника ГУЛАГа М. Д. Бермана. Этим же приказом 3-й отдел Дмитлага возглавил майор ГБ П. Ш. Симановский, являвшийся прежде начальником Особого отдела ГУГБ НКВД Московского военного округа — 5-го отдела УГБ УНКВД по Московской области.

Впрочем, Кацельсон недолго будет властвовать в Дмитлаге. Его арестуют 17 июля, а 25 августа новым начальником назначат А. Успенского. В январе 1938 года его направят на Украину, где вместе с Хрущевым комиссар ГБ 3-го ранга Успенский развернет кипучую деятельность по чистке республики от врагов народа.

Вызывает недоумение: почему показания Пузицкого легли на стол Сталина лишь накануне Первомайского праздника? Возможно, это было связано с загруженностью следователей аппарата НКВД. Помимо дел бывших коллег в апреле они усиленно разрабатывали «военную линию». И поэтому резонно вернуть на страницы повествования Тухачевского.

Глава 8. «Возвращение» комиссаров?»

Заместитель Ворошилова с 27 декабря 1936 года свыше трех месяцев находился в отпуске. Внешне это выглядит своеобразной «полуотставкой», и даже есть информация, что уже 31 декабря, на заседании Политбюро, Сталин сказал «о наличии компрометирующих маршала материалов». К исполнению обязанностей

⁴³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 305. Л. 8-23. Цит по: Фонд А.Н. Яковлева. Лубянка. Док. № 89.

Тухачевский приступил только в апреле 1937 года в связи с готовившейся в Великобритании коронацией нового английского короля Георга VI, на которой он должен был представлять Советский Союз. Однако на пышные торжества маршал не попал. 21 апреля в спецсообщении Сталину, Молотову и Ворошилову Ежов сообщил:

«Нами сегодня получены данные от зарубежного источника, заслуживающего полного доверия, о том, что во время поездки тов. Тухачевского на коронационные торжества в Лондон над ним по заданию германских разведывательных органов предполагается совершить террористический акт. Для подготовки террористического акта создана группа из 4 чел. (3 немцев и 1 поляка). Источник не исключает, что террористический акт готовится с намерением вызвать международное осложнение. Ввиду того, что мы лишены возможности обеспечить в пути следования и в Лондоне охрану тов. Тухачевского, гарантирующую полную его безопасность, считаю целесообразным поездку тов. Тухачевского в Лондон отменить. Прошу обсудить».

На сообщении сохранилась почти ироническая резолюция Сталина: «Членам ПБ. Как это ни печально, приходится согласиться с предложением т. Ежова. Нужно предложить т. Ворошилову другую кандидатуру». В постановлении Политбюро, принятом 22 апреля, отмечалось: «1. Ввиду сообщения НКВД о том, что т. Тухачевскому во время его поездки на коронационные праздники в Лондоне угрожает серьезная опасность... признать целесообразным отмену решения ЦК о поездке т. Тухачевского в Лондон. 2. Принять предложение Н[ар]к[омата] Обороны о посылке т. Орлова на коронационные праздники в Лондоне в качестве представителя СССР по военной линии».

Что же послужило основанием для отстранения маршала от поездки в Лондон? Дело в том, что на допросах арестованных комиссаров НКВД, проходивших между 22-27 апреля, в протоколах следователей стали появляться новые фамилии военных, причастных к антиправительственному заговору.

Так, бывший начальник Особого отдела Гай и заместитель наркома внутренних дел Прокофьев дали показания о «связях Тухачевского, Уборевича, Корка, Эйдемана и других с Ягодой». А 27 апреля показания на Тухачевского, «обеспечивающего поддержку этого заговора воинскими частями», дал арестованный 22 марта заместитель начальника Оперативного отдела ГУГБ старший майор ГБ З. Волович. По-видимому, причины отстранения Тухачевского от визита в Лондон и следует искать в скрываемых до сих пор документах о допросах названных сотрудников НКВД.

В личной записной книжке Ежова сохранилась запись: «Воловича особ, допрос», но биографические сведения о Захаре Ильиче Воловиче весьма скудны. Известно, что он родился в семье торговца. Как резидент ИНО ОГПУ, в Париже он работал

под именем Владимира Борисовича Яновича⁴⁴. Неизвестно даже, как его звали в действительности. В книге В. Кожина «Россия век XX» встречается фраза: «Ведь даже о заместителе начальника Оперативного отдела ГУГБ НКВД Зорахе Элиевиче Воловиче Корабельников с великой гордостью рассказывает: «Сам Волович меня заметил, иногда самолично вызывал и давал распоряжения такие, которые не мог доверить какому-нибудь пентюху»».

По утверждениям многих публикаций, празднование 0 Мая 1937 года прошло в нервной обстановке. Как вспоминал Василий Емельянов: «Во время парада среди присутствовавших на одной из гостевых трибун распространился слух, что вот-вот будет взорван Мавзолей, на котором находились Сталин и другие руководители страны». О бросившейся в глаза напряженности свидетельствует и другой очевидец. Английский журналист Ф. Маклин писал: «Члены правительства нервно ухмылялись, неловко переминаясь с ноги на ногу, забыв о параде и своем высоком положении. Лишь Сталин был невозмутим, а выражение его лица было одновременно и снисходительным и скупающе-непроницаемым».

О своеобразии ситуации писал и В. Кривицкий (Самуил Гинсбург) — агент НКВД, бежавший за границу: «Первым на трибуну, зарезервированную для военачальников, прибыл Тухачевский. Потом прибыл Егоров, не ответивший на приветствие маршала. Затем к ним присоединился молча Гамарник. Военные стояли, застыв в зловещем молчании. После военного парада Тухачевский не стал ждать начала демонстрации трудящихся».

На Военном Совете в июне 1937 года начальник ВВС РККА Алкснис, говорил, что перед уходом маршал хотел пригласить его «к себе»: «Недавно, когда был парад на Красной площади, Тухачевский стучает меня по плечу и говорит: тут холодно, зайдем на квартиру, закусим. Я не хотел, сказал, что мне некогда... Я к этой группировке никогда не примыкал».

Как следует из документов, представленных выше, у Сталина было достаточно оснований, чтобы ожидать какую-то провокацию. Однако и парад, и праздничная демонстрация прошли как всегда торжественно, но этим праздник не закончился. На следующий день толпы москвичей заполнили набережные Москвы-реки, от Крымского до Большого Каменного моста. Они с ликованием встречали подходившую к стенам Кремля первую флотилию судов, пришедших с Волги. Москва стала портом трех морей — Балтийского, Белого и Каспийского.

Итак, праздник в буквальном смысле прошел «безмятежно», и уже после состоявшихся торжеств, 4 мая, состоялся очередной допрос Генриха Ягоды. Он начался с вопроса: «После устроенных вам очных ставок с Паукером и Воловичем вы заявили, что дадите полные и исчерпывающие показания о своей предательской деятельности и, прежде всего, выдадите ваших сообщников».

⁴⁴ *Абрамов В.* Евреи в КГБ. Палачи и жертвы. М., 2005.

Ответ. Я уже показывал, что первым человеком, вовлеченным в заговор, был Молчанов. Это потому, что в ОГПУ НКВД он пришел уже участником организации правых, и, как вам уже известно, само назначение его начальником СПО было произведено по постановлению центра организации правых. Я показывал также о роли Молчанова как участника заговора. Она состояла главным образом в том, чтобы, будучи начальником СПО, создавая видимость борьбы с правыми и троцкистами, по существу, отводить от них удары и дать им возможность действовать».

Далее бывший глава НКВД рассказал о вовлечении в заговор сотрудников аппарата Штейна, Григорьева. Он пояснял, что «были люди и у Гая в Особом отделе... Гай говорил мне, что Уманский германский разведчик, и на этом Гай завербовал его в заговор. Уманского я затем использовал в своих целях. Об этом разрешите мне сказать в дальнейшем. (...)

Вопрос: А по другим отделам?

Ответ. У Паукера и Воловича своим человеком был Колчин, начальник отделения Оперода. Выполнял он их преступные поручения»⁴⁵.

Продолжительное время считалось, что первые показания на Тухачевского дал бывший начальник Управления ПВО Медведев, исключенный в 1934 году, за разбазаривание государственных средств, из партии. Действительно, арестованный 6 мая 1937 года, Медведев признал себя «участником военно-троцкистской организации, ставившей целью совершение военного переворота в стране». А на допросе 10 мая он показал, что «от комкоров Василенко и Смолина ему было известно о Тухачевском, Якире, Путне, Туровском и Примакове как о руководителях военно-троцкистской организации».

Но у следователей были и другие признания. В мае показания на военных стал давать и бывший комкор Примаков, содержащийся еще с 14 августа 1936 года в Лефортовской тюрьме. 8 мая в заявлении на имя Ежова он написал: «В течение девяти месяцев я запирался перед следствием по делу о троцкистской контрреволюционной организации и в этом запирательстве дошел до такой наглости, что даже на Политбюро перед т. Сталиным продолжал запираяться и всячески уменьшать свою вину.

Тов. Сталин правильно сказал, что «Примаков — трус, запираяться в таком деле — это трусость». Действительно, с моей стороны это была трусость и ложный стыд за обман. Настоящим заявляю, что, вернувшись из Японии в 1930 г., я связался с Дрейцером и Шмидтом, а через Дрейцера и Путну с Мрачковским и начал троцкистскую работу, о которой дам следствию полное показание».

Впрочем, на допросе 13 мая Ягода высказал другую версию причин длительного запираательства Примакова. Отвечая на вопрос: «Какие еще задания вы давали Воловичу?», Ягода показал:

⁴⁵ ЦА ФСБ. Ф. Н-13614. Т. 2. Л. 89-96.

«В конце 1935-го или в начале 1936 года Волович сообщил мне, что познакомился с Примаковым. Насколько я помню, это произошло через Лилю Брик, которая вместе с Примаковым пришла к Воловичу домой. Знакомство Воловича с Примаковым заинтересовало меня в плане возможности установления с ним организационной связи и привлечения его к заговору (я уже показывал, что искал связи среди военных). Поэтому я поручил Воловичу попробовать сблизиться с Примаковым, прощупать возможности его вербовки.

Вопрос. Вы знали, что Примаков является участником троцкистской организации и одним из руководителей военной группы этой организации?

Ответ. Давая задание Воловичу, я знал только, что Примаков — участник троцкистской организации. О его принадлежности к военной группировке я тогда еще не знал. Но об этом мне докладывал вскоре Волович.

Вопрос. Что именно он вам говорил?

Ответ. Волович сообщил мне, что, выполняя мое поручение, он несколько раз встретился с Примаковым. Говорил с ним более или менее откровенно по общеполитическим вопросам, и в результате всего этого Примаков сообщил о своей связи с группой военных-троцкистов.

Вопрос. Примаков назвал Воловичу участников этой группы?

Ответ. Нет, не называл, вернее, мне об этом Волович ничего не говорил. Но к этому времени, или немного позже, в протоколах следствия по делу троцкистской организации уже появились первые данные о наличии троцкистов в составе Шмидта, Зюка, Примакова и других. Вскоре я вынужден был пойти на аресты, сначала, кажется, Шмидта и Зюка, и в дальнейшем и самого Примакова. Таким образом, линия связи Примаков — Волович механически была оборвана. Примаков после его ареста долгое время не давал показания, даже после признания Шмидта и Зюка. (...) Когда мне об этом докладывали, причины запертательства Примакова были для меня совершенно ясны. Примаков знал, что в НКВД «свои люди», и он предполагал, что его как-нибудь выручат».

Эти показания прозвучат позже, но было ли совпадением то, что именно 8 мая, в тот день, когда Примаков заявил о готовности сделать откровенные признания, в кремлевском кабинете Сталина состоялось важное совещание. В числе присутствующих были Молотов, Ворошилов, Гамарник, Каганович, Ежов и Якир. На этом совещании и было принято известное решение — о восстановлении «во всех воинских частях» института военных комиссаров. В исторической литературе подчеркивается, что фактически это стало ликвидацией единоначалия в Красной Армии, лишавшей командиров возможности принимать решения в одиночку. Но на самом деле это решение было официально утверждено через день правительством и НКО носило более широкий смысл.

«ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СССР № 77, г. Москва 10 мая 1937 г.

1. Объявляю постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 10 мая 1937 г. «О создании военных советов военных округов и установлении института военных комиссаров в Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляют:

1. В отмену существующего положения об управлении военными округами (постановление ЦИК и СНК СССР от 22 ноября 1934 г.) создать в военных округах военные советы в составе командующего войсками округа и двух членов военного совета.

2. Установить институт военных комиссаров во всех войсковых частях (начиная с полка и выше), штабах, управлениях и учреждениях РККА.

3. Предложить Народному комиссару обороны СССР разработать и представить на утверждение Совета Народных Комиссаров СССР соответствующее положение о военных советах военных округов и военных комиссарах.

*Председатель
Центрального Исполнительного Комитета СССР
М. Калинин
Председатель Совета Народных Комиссаров СССР
В. Молотов*

2. С приказом ознакомить весь командный и начальствующий состав Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

*Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза К. Ворошилов».*

Конечно, такое кардинальное решение, как восстановление института военных комиссаров, не могло быть предпринято без инициативы со стороны 1-го заместителя наркома обороны и заместителя председателя РВС Яна (настоящее имя - Янкев) Гамарника. Еще 13 марта 1937 года, в дополнение к этим постам, он стал еще и уполномоченным Наркомата обороны при СНК. Являвшийся к тому же членом ЦК, как политический руководитель Гамарник имел в армии не меньший вес, чем нарком Ворошилов. Без него не могли быть совершены и никакие кадровые перестановки в командном составе РККА.

Разрешение наркома или начальника Политуправления обязательно требовалось и для ареста органами НКВД лиц начальствующего состава армии. Именно через Гамарника осуществлялась и связь между руководством Наркомата обороны и органами государственной безопасности; но теперь он получал еще большие полномочия для прямого влияния на ситуацию в армии, чем Ворошилов.

Однако руководство страны не ограничилось только реформированием системы управления в РККА. 10 мая прошло заседание комиссии по подготовке «вопросов секретного характера», созданной еще 14 апреля. Комиссия в составе Сталина,

Молотова, Ворошилова, Кагановича, Ежова, Чубаря и Микояна приняла другие важные решения. «Утвердить:

1. Первым заместителем народного комиссара обороны - Маршала Советского Союза т. Егорова А. И.

2. Начальником Генерального штаба РККА — командующего войсками Ленинградского военного округа командарма 1 ранга т. Шапошникова Б. М.

3. Командующим войсками Ленинградского военного округа — командующего войсками Киевского военного округа командарма 1 ранга т. Якира И. Э....

8. Командующим войсками Приволжского военного округа — Маршала Советского Союза т. Тухачевского М. Н. с освобождением его от обязанностей заместителя наркома обороны».

Изданный в связи с этим «Приказ Наркома обороны № 85, от 11 мая 1937 г.» гласил:

«I. Объявляю постановления Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 10 мая 1937 г. «Об освобождении Маршала Советского Союза т. Тухачевского М.Н. от обязанностей заместителя Народного комиссара обороны Союза ССР» и «Об утверждении Маршала Советского Союза т. Егорова А. И. первым заместителем Народного комиссара обороны Союза ССР».

II. Приказываю:

1. Маршалу Советского Союза т. Егорову А.И. вступить в исполнение обязанностей первого заместителя Народного комиссара обороны Союза ССР.

2. Маршалу Советского Союза т. Тухачевскому М.Н. сдать должность заместителя Народного комиссара обороны Союза ССР и отбыть к месту новой службы.

3. Исполнение донести.

*Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза К.
Ворошилов».*

Вместе с тем мало кто знает, что в этот же день, 8 мая, Политбюро рассмотрело еще один кадровый вопрос: «О начальнике УНКВД Дальневосточного края». В постановлении говорилось:

«1. Для усиления чекистской работы на Дальнем Востоке перевести т. Балицкого с должности Наркома Внутренних Дел УССР на должность начальника УНКВД Дальневосточного края.

2. Отозвать т. Дерибаса в распоряжение НКВД СССР. Вопрос о дальнейшей работе т. Дерибаса решить по приезде его в Москву.

3. Подчинить т. Балицкому посланную решением ЦК ВКП(б) на Дальний Восток группу чекистов во главе с т. Мироновым»⁴⁶.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 987. Л. 34.

⁴⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 6. Л. 34. Док. № 44.

Накануне войны Сибирь и Дальний Восток постоянно были в поле зрения Сталина. В годы пятилеток там появился ряд новых городов: Магнитогорск, Комсомольск-на-Амуре, Новокузнецк и др. Закономерно, что помимо вербовавшихся на стройки мигрантов в строительстве важных объектов принимали участие и отбывавшие наказание заключенные. Руководил этим контингентом комиссар госбезопасности 1-го ранга Дерibas. Кадровый чекист, он начал работу на Дальнем Востоке в качестве полпреда ОГПУ еще в декабре 1929 года. В июле 1934 года стал начальником краевого Управления НКВД и особого отдела Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии. В дополнение к этим обязанностям в октябре 1931-го ему поручили строительство Байкало-Амурской магистрали, которая в случае войны с Японией должна была стать важной транспортной артерией.

О том, что нападение Японии рассматривалось Сталиным как реальная угроза, свидетельствует тот факт, что еще 29 марта Политбюро рассмотрело вопрос «об использовании осужденных на период войны». В принятом постановлении НКО И НКВД предписывалось:

«1. Все осужденные по контрреволюционным преступлениям во время войны должны быть вывезены из Дальневосточного края.

2. Осужденные не за контрреволюционные преступления могут быть использованы в тылу действующей армии.

3. Отбывшие наказание, без поражения в правах или восстановленные в правах, призываются в армию на общих основаниях согласно закона об обязательной военной службе».

Очередной допрос Ягоды состоялся 13 мая. Его провели начальник 4-го отдела ГУГБ капитан ГБ Коган и уполномоченный 4-го отдела лейтенант ГБ Лернер. Он начался с вопроса: «На допросе 26 апреля вы показали, что Волович наряду с другими заданиями, которые он выполнял в плане заговора, организовал для вас возможность прослушивания правительственных разговоров по телефонам «ВЧ». Когда, как и в каких целях вы прослушивали правительственные разговоры? (...)

Ответ. Это была система окружения, обволакивание людей, близких к правительственным кругам, простая слежка за членами правительства и ПБ и прослушивание их разговоров. ...Паукеру я дал задание ежедневно мне докладывать не только передвижения членов правительства, но и доносить мне абсолютно все, что станет ему известно из личной жизни членов ПБ: кто к кому ходит, долго ли засиживаются, о чем говорят и т.п. Паукер все это мог выполнить через работников охраны членов правительства.

Вопрос. Значит, вы Паукеру и Воловичу давали прямые задания вести «особое наблюдение и слежку» за членами правительства?

Ответ. Да, это именно так.

Вопрос. Зачем вам это нужно было?

Ответ. Конечно, не из простого любопытства. Мне это нужно было в моих заговорщических целях. Во-первых, человеку (я имею в виду себя), реально готовившему государственный переворот, надо всегда быть в курсе дела личных взаимоотношений членов правительства... Во-вторых, пока дело до свержения правительства еще не дошло, путем повседневной слежки, подслушивания телефонных разговоров, подборов всяческих слухов из личной жизни членов правительства, на основе этого можно неплохо лавировать и вовремя реагировать там, где требуется.

Вопрос. Вы показываете, что подслушивание правительственных разговоров являлось составной частью всей вашей системы мероприятий «страховочного порядка». Как оно было организовано?

Ответ. Аппарат для прослушивания был по моему распоряжению куплен в Германии в 1933 году и тогда же был установлен у меня в кабинете инженером Винецким, работником Оперода. Распоряжение о покупке этого аппарата я дал Паукеру и Воловичу. (...) Особенно мне понадобилось подслушивание в дни после убийства С. М. Кирова, когда Ежов находился в Ленинграде. Но так как дежурить у подслушивающего аппарата в ожидании разговоров между Ежовым и Сталиным у меня не было никакой физической возможности, я предложил Воловичу организовать подслушивание переговоров Ленинград - Москва на станции «ВЧ» в помещении Оперода. (...)

Вопрос. Вы поручили Воловичу, немецкому шпиону, подслушивание правительственных разговоров не только потому, что эти разговоры интересовали вас, но и потому, что это требовала немецкая разведка. Вы признаете это?

Ответ. Я давал задание Воловичу подслушивания правительственных разговоров только по мотивам, о которых я говорил выше. Но несомненно, что Волович передал содержание этих переговоров и в германскую разведку.

Вопрос. По вашему поручению?

Ответ. Нет, по собственной инициативе. (...)

Вопрос: Связь с ранее завербованным Гаем германская разведка установила через Воловича?

Ответ. Да, через Воловича. (...)

Вопрос. Организацию системы прослушивания правительственных разговоров вы поручили Воловичу?

Ответ. Воловичу и Паукеру. (...)

Вопрос. Какую группу работников НКВД имел Волович? Какого характера связи у него были с ними?

Ответ. Волович являлся не просто германским разведчиком, он был резидентом германской разведки.

Вопрос. Откуда вы это знаете?

Ответ. Об этом мне сказал сам Волович.

Вопрос. Когда? Где?

Ответ. В 1934 году, когда Волович сообщил мне, что он должен по поручению германской разведки установить связь с Гаем, я спросил его, почему именно ему поручено это дело. Волович ответил мне, что он выполняет функции резидента германской разведки по НКВД.

Вопрос. А вы знаете, кто входит в резидентуру Воловича?

Ответ. По линии германской разведки с Воловичем были связаны Гай, Лурье и Винецкий.

Вопрос. Еще кто?

Ответ. Больше не знаю. Может, были и другие, но о них мне ничего не известно.

Вопрос. А откуда вы знаете об этих, которых вы назвали?

Ответ. О том, что Гай германский разведчик и связан по линии разведки с Воловичем, я уже говорил. О том, что Лурье германский разведчик, я узнал следующим путем. В продолжение ряда лет Лурье по моим заданиям выезжал в Германию продавать бриллианты. Сама по себе операция продажи бриллиантов являлась законной и легальной, но использовал я эту операцию в преступных целях, присваивая часть вырученных сумм в свой нелегальный фонд. Так вот, в целях наибольшей маскировки этих преступных махинаций с продажей бриллиантов Лурье установил связь с группой дельцов, среди которых были и немецкие шпионы (Френкель, Ульрих и др.). О том, что они шпионы, мне было известно из материалов ОГПУ-НКВД. Связь с этими шпионами Лурье шла значительно дальше продажи им бриллиантов, и я лично подозревал, что он завербован немецкой разведкой. (...)

Вопрос. Но откуда вы знаете, что Лурье связался по разведке с Воловичем?

Ответ. Дело было так. В 1932 или 1933 году Лурье попал в разработку Особого отдела, как подозрительный по своим шпионским связям. Мне об этом докладывал, кажется, Прокофьев (а может быть, Гай). Я вызвал к себе Лурье и прямо поставил ему вопрос, в чем дело, каков действительный характер его связей с этими шпионами. Лурье рассказал мне, что во время его ареста в Берлине он был завербован германской разведкой и сейчас работает на них. Я его выругал за то, что до сих пор он мне об этом не говорил. Лурье, он был уверен в моей осведомленности по материалам ИНО или Особого отдела. Примерно в 1934 или в 1935 году Лурье сообщил мне, что он, по указаниям германской разведки, связался с Воловичем и работает по его указаниям. (...)

Вопрос. А откуда вы знаете, что Винецкий являлся немецким разведчиком?

Ответ. Об этом мне докладывал Паукер и, кажется, Волович.

Вопрос. Когда это было и где это было?

Ответ. Это было в 1932 году, я обратился к Воловичу с предложением подыскать мне человека, который мог бы сопроводить мою жену в Германию, куда она ехала лечиться. Волович мне порекомендовал Винецкого, и на мой вопрос, почему именно Винецкого, он ответил, что Винецкий может гарантировать благополучный проезд и пребывание там моей жены не только потому, что он

имеет широкие связи в Германии, но и потому, что он связан с германской разведкой, которая ему многим обязана, и поэтому это наиболее подходящая кандидатура»⁴⁷.

Отвечая на вопрос следователя: как вы мыслили осуществление заговора? — Ягода пояснил: «В отношении Кремлевского гарнизона, я приказал Паукеру отобрать 20—30 человек из особо преданных ему и мне людей из Оперотдела, тренировать их в ловкости и в силе, не вводя в курс дела, держать про запас. (...) Я имел в виду использовать их... непосредственно для ареста членов правительства. Паукер докладывал мне, что людей таких он частично отобрал и с ними работает».

На следующий день состоялся допрос Примакова. На нем он показал: «Троцкистская организация считала, что Якир наиболее подходит на пост народного комиссара вместо Ворошилова... Считали, что Якир является строжайшим образом законспирированным троцкистом и допускали, что он — Якир лично связан с Троцким и, возможно, он выполняет совершенно секретные нам неизвестные самостоятельные задачи».

В этот же день Ежов писал в сопроводительном письме Сталину, Молотову, Ворошилову и Кагановичу: «Направляю первый протокол допроса Примакова от 14 мая с. г. Сообщаю: Гарькавый, Василенко, Туровский, Зюк, Гаврюшенко, Вележев, Савицкий, Смолин, Лапин и Ольшанский — арестованы. Прошу санкционировать арест: 1) Чанышева (командир 1-й Татарской дивизии); 2) Кошелева (начальник штаба 13 корпуса); 3) Кельбейна (командир 75 дивизии); 4) Казанского (бывший командир 5 стрелкового корпуса); 5) Бутырского (бывший начальник штаба КВО); 6) Клышейко (командир авиабригады); 7) Клочко (бывший военный атташе в Турции); 8) Зенека (начальник Ленинградской школы танковых техников)».

Примечательно, что уже в этот же день газета «Правда» опубликовала постановление, а на следующий день Наркомобороны издал ПРИКАЗ № 100 от 17 мая 1937 года.

«Объявляю постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 16 мая 1937 г.⁴⁸ «Об утверждении Положения о Военном совете округа (флота, армии) Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

«Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров СССР постановляют:

Утвердить Положение о Военном совете округа (флота, армии) Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

*Председатель ЦИК СССР М. Калинин
Председатель СНК СССР В. Молотов
Москва, Кремль*

16 мая 1937 г. Секретарь ЦИК СССР И. Акулов

⁴⁷ Протокол допроса № 5 Ягоды Генриха Григорьевича от 13 мая 1937 года. ЦА ФСБ. Ф. Н-13614. Т. 2.

⁴⁸ СЗ СССР. 1937. № 31. Ст. 127.

2. С приказом ознакомить весь командный и начальствующий состав Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

*Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза К. Ворошилов»⁴⁹.*

Фактически постановление ЦИК И СНК стало тем основным законом, который регламентировал систему управления территориальными формированиями вооруженных сил страны вплоть до начала Великой Отечественной войны. В Положении о Военном совете указывалось:

«1. Во главе военного округа (флота, армии) стоит Военный совет в составе командующего войсками и двух членов.

2. Командующий войсками округа председательствует на заседаниях Военного совета.

3. Военный совет округа (флота, армии) является *высшим представителем военной власти в округе (флоте, армии)*. Военному совету подчиняются все войсковые части и военные учреждения, расположенные на территории округа (флота, армии).

4. Военный совет округа (флота, армии) *несет полную ответственность за политико-моральное состояние, постоянную боевую и мобилизационную готовность войсковых частей и военных учреждений, расположенных на территории округа.*

5. Военный совет округа (флота, армии) подчиняется непосредственно Народному комиссару обороны СССР,

6. На Военный совет округа (флота, армии) возлагается:

а) руководство боевой и политической подготовкой войск округа (флота, армии);
в) изучение и подбор командных кадров частей и учреждений округа (флота, армии);

д) руководство по обеспечению частей и учреждений округа (флота, армии) всеми видами технического и материального снабжения;

е) руководство санитарным и ветеринарным обеспечением округа;

ж) организация противовоздушной обороны на территории округа, контроль и инспектирование работы по противовоздушной обороне всех гражданских учреждений и общественных организаций;

з) руководство военным обучением допризывных возрастов, рядового, командного и начальствующего состава запаса, учащихся гражданских вузов и контроль за военным обучением граждан, проводимым по линии общественных организаций;

и) руководство призывом граждан СССР на действительную военную службу и учебные сборы;

⁴⁹РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 15. Л. 157.

к) руководство оборонительным и необоронительным строительством на территории округа (флота, армии);

л) принимать активное участие в работе гражданских организаций по укреплению тыла.

7. Все приказы по округу (флоту, армии) *подписываются командующим войсками, одним из членов Военного совета и начальником штаба округа...*»

Таким образом, Военные советы, работающие под председательством командующих, становились коллективными органами руководства войсками во всех видах вооруженных сил: округах, армиях и флотах. Именно на них возлагалась ответственность за организацию, подготовку и содержание в боевой готовности подчиненных им воинских соединений. Причем такая форма управления войсками существует во многих странах до настоящего времени. Но в 1937 году в соответствии с данными им полномочиями именно Военные советы координировали кадровую чистку вверенных воинских формирований.

К середине мая расследование дела военных перешло в новую фазу. Начальник Военной академии им Фрунзе командарм 2-го ранга латыш Август Корк был арестован в ночь на 14 мая. На первом допросе он отверг обвинение в антисоветской деятельности, но уже 16 мая написал «на имя Ежова два заявления». В них Корк сообщал, что «в организацию правых он был вовлечен Енукидзе, а военная организация правых включала и троцкистскую военную группу Путны, Примакова и Туровского. С военной организацией правых был связан и Тухачевский». Далее Корк сообщил, что «*основная задача группы состояла в проведении военного переворота в Кремле. Возглавлял военную организацию правых штаб переворота; в составе его — Корка, Тухачевского и Путны*».

На состоявшемся в этот же день (16 мая 1937 г.) допросе Корк так характеризовал мотивы действий ее руководителя: «В суждениях Тухачевского совершенно ясно сквозило его *стремление прийти в конечном счете, через голову всех, к единоличной диктатуре...*

...Тухачевский... говорил мне: «Наша русская революция прошла уже через свою точку зенита. Сейчас идет скат, который, кстати сказать, давно уже обозначился. Либо мы — *военные будем оружием в руках у сталинской группы, оставаясь у нее на службе на тех ролях, какие нам отведут, либо власть безраздельно перейдет в наши руки.*

Вы спрашиваете «*майн либер Август*» (он так продолжал разговор, похлопав меня по плечу), куда мы направим свои стопы? Право, надо воздать должное нашим прекрасным качествам солдата, но знайте, солдаты не всегда привлекаются к обсуждению всего стратегического плана. Одно только мы с Вами должны твердо помнить: когда претендентов на власть становится слишком много — *надо, чтобы нашлась тяжелая солдатская рука, которая заставит замолчать весь многоголосый хор политиков*». Намек, который при этом Тухачевский делал на Наполеона, был так ясен, что никаких комментариев к этому не требовалось...

В качестве отправной даты надо взять здесь 1925—1926 гг., когда Тухачевский был в Берлине и завязал там сношения с командованием рейхсвера... Спустя два года после того, как Тухачевский был в Берлине, я был направлен в Германию, а в мае 1928 года в качестве военного атташе (я) сдал Тухачевскому командование Ленинградским округом.

Перед моим отъездом при сдаче округа Тухачевский говорил мне: «Ты *прощупай* немцев в отношении меня и каковы их настроения в отношении нас...» Бломберг передал Тухачевскому, что в Германии складывается сейчас такая ситуация, которая должна обеспечить национал-социалистам, во главе с Гитлером, приход к власти»⁵⁰.

Упомянутый Корком сын подполковника Вернер Эдуард Фриц фон Бломберг окончил военное училище в Гросс-Лихтерфельде, в 1907 году — и Военную академию. В 1907—1910 годах служил в Большом Генеральном штабе, а затем на штабных должностях. Участник 1-й мировой войны, офицер Генерального штаба, за планирование операций награжден орденом «*Pour le Merite*». До прихода к власти нацистов генерал пехоты курировал все связи Рейхсвера с Красной Армией и неоднократно приезжал в СССР. В то время он признавался, что стал «почти большевиком». Бломберг был амбициозен, но держал нос по ветру, и, под влиянием своего начальника штаба полковника фон Рейхенау, столь же легко он стал симпатизировать нацистскому движению.

При формировании Гитлером правительства 30 января 1933 года при активной поддержке П. фон Гинденбурга и Ф. фон Папена Бломберг занял пост министра обороны Рейха, а в августе получил звание генерал-полковника. Новый министр поддержал программу Гитлера по переустройству армии и ревизии Версальского договора. Его признание идеологии нацизма проявилось уже в том, что 15 мая 1933 года Бломберг издал приказ, обязавший военнослужащих отдавать честь членам нацистских вооруженных формирований, а 19 сентября — и одетым в партийную форму функционерам НСДАП. 25 февраля 1934 года он ввел ношение на гимнастерках и кителях имперского орла, держащего в лапах свастику.

Именно фон Бломберг, как министр обороны, подписал закон о провозглашении Гитлера Президентом Рейха. По своей сути это означало поддержку государственного переворота в Германии со стороны армии. 30 января 1936 года министр ввел изучение национал-социализма во всех военно-учебных заведениях.

⁵⁰ ЦА ФСБ РФ. АСД № Р-9000 на Тухачевского М.Н. и др. Т. «Судебное производство». Протокол допроса Корка А.И. от 16 мая 1937 г. Л. 111, 130-133.

⁵⁰ По приговору ВКВС расстрелян 12 июня 1937 года вместе с Тухачевским и Якиром на Бутовском полигоне.

⁵⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 304. Л. 74-88. Цит по: Фонд А.Н. Яковлева. Лубянка.

⁵⁰ ЦА ФСБ РФ. АСД № Р-9000 на Тухачевского М.Н. и др. Т. «Судебное производство». Протокол допроса Примакова В. М. от 21 мая 1937 г. Л. 155-156.

⁵⁰ Личный архив Ю. В. Хитрово. Письмо Н. И. Шишикина Е.Н. Арватовой-Тухачевской.

Своими симпатиями нацистам он даже вызывал недовольство высших армейских чинов, которые упрекали его за то, что он слишком «подлаживается» к партии. Выражая мнение военных, фон Рундштедт так характеризовал своего коллегу: «Бломберг всегда был немного чужаком среди нас. Он витал в других эмпиреях. Он вышел из школы Штейнера, человека теософского склада, и по правде сказать, никто его особенно не любил». Видимо, поэтому за Бломбергом закрепилось прозвище «Дутый Лев».

Будучи военным министром и главнокомандующим вооруженными силами, он подготовил планы ремилитаризации Рейнской области. И после введения туда войск в день своего рождения, 20 апреля 1936 года, Гитлер произвел фон Бломберга в генерал-фельдмаршалы. Обратим внимание, что между фон Бломбергом и Тухачевским существовало своеобразное родство душ, и не только в чрезмерных амбициях. Сын разорившегося дворянина, в юности Тухачевский лелеял мысль о родовитости своих иноземных предков и не отказался бы от какой-нибудь приставки у своей фамилии.

Тем не менее, примкнув к большевикам, подобно Бломбергу, солидаризовавшемуся с нацистами, он тоже демонстрировал себя как личность, рьяно приверженную к государственной идеологии, и даже «изобрел» «классовую стратегию войны». Он тоже «витал в других эмпиреях». Правда, в отличие от немецкого коллеги, не имея ни технического, ни академического военного образования, он увлекался фантастическими прожектками перевооружения армии и был уверен в своей способности вместе с немцами «диктовать свою волю миру»,

Однако для такой мечты существовало важное препятствие: если немецкий канцлер уравнил своего военачальника в звании с Тухачевским, то Сталин не предоставил последнему пост министра обороны, и это не могло не вызвать недовольства тщеславного маршала. Разве это не повод для совершения переворота?

Забегая вперед, укажем, что *спустя месяц и десять дней* после расстрела Тухачевского и его подельников, когда стало ясно, что *заговор по смене власти в СССР провалился*, 24 июля 1937 года фон Бломберг издал секретную директиву. В ней он указал на необходимость конкретизации двух планов войны — «Рот» (война на два фронта с сосредоточением основных усилий на Западе) и «Грюн» — с сосредоточением главных усилий на Юго-Востоке.

В середине мая следствие вернулось и к делу бывшего военного атташе в Великобритании литовца Витовата Путны, арестованного 20 августа 1936 года. С апреля 1937 года материалы на подследственных Примакова и Путны были переданы работнику Особого отдела НКВД Авсеевичу, а 14 мая, в связи с открывшимися новыми обстоятельствами, арестованного перевели из тюремной больницы Бутырки в Лефортовскую тюрьму. На допросе среди участников «военной антисоветской троцкистской организации» Путна назвал «Тухачевского и 9 других видных военных работников».

16 мая в спецсообщении Сталину, Молотову, Ворошилову и Кагановичу Ежов написал: «Направляю протокол допроса Путны В. К. от 15 мая с. г. Путна показывает, что в 1935 г. он вручил лично Тухачевскому письмо от Троцкого с прямым предложением принять участие в троцкистском заговоре. Тухачевский после ознакомления с этим письмом поручил Путне передать, что Троцкий может на него рассчитывать».

Путна называет как участников военной антисоветской троцкистской организации Примакова, Кузьмичева, Шмидта, Лапина — арестованы; Зенека — бывшего начальника Ленинградской военной школы танковых техников, Клочко — бывшего военного атташе СССР в Турции; Городзенского — бывшего начальника (хозяйственного) снабжения Приморской группы, Корнеля — бывшего работника ИНО ОГПУ и Адамовича — бывшего председателя СНК БССР».

К этому времени «заговорил» не только Путна. 18 мая Ежов писал Сталину, Молотову, Ворошилову и Кагановичу: «Направляю первый протокол допроса Примакова от 14 мая с. г. Сообщаю: Гарькавый, Василенко, Туровский, Зюк, Гаврюшенко, Вележев, Савицкий, Смолин, Лапин и Ольшанский — арестованы. Прошу санкционировать арест: 1) Чанышева (командир 1-й Татарской дивизии); 2) Кошелева (начальник штаба 13 корпуса); 3) Кельбейна (командир 75 дивизии); 4) Казанского (бывший командир 5 стрелкового корпуса); 5) Бутырского (бывший начальник штаба КВО); 6) Клышейко (командир авиабригады); 7) Клочко (бывший военный атташе в Турции); 8) Зенека (начальник Ленинградской школы танковых техников)».

Теперь перья секретарей, заносивших в протоколы показания подследственных, скрипели часами. 19 мая заместитель народного комиссара внутренних дел СССР, комиссар ГБ 3-го ранга (т.е. генерал-лейтенант) Курский и начальник Отделения ГУГБ капитан ГБ (полковник) Коган провели очередной допрос Генриха Ягоды.

Владимир Михайлович Курский родился в Харькове, в семье еврея-портного. В годы Гражданской войны был военкомом полка, дивизии, бригады. В 20-м году — член реввоен трибунала войск Донской области. С 1921 года работал в органах контрразведки ГПУ: сначала на Правобережной Украине, затем по Северо-Кавказскому краю. С июля 1934 года — начальник УНКВД Западно-Сибирского края. После перевода в ноябре 1936 года в Москву занял пост начальника СПО, а вскоре начальника 4-го отделения ГУГБ НКВД. С 15 апреля 1937 года занимал должности начальника 1-го отделения, заместителя нач. ГУГБ НКВД СССР; одновременно он являлся заместителем наркома внутренних дел СССР.

Допрос Ягоды начался с исследования его взаимоотношений с Рыковым, Томским и Енукидзе. На вопрос, в чем же заключались планы правых, бывший глава НКВД показал:

«Ягода: Планы правых в то время сводились к захвату власти путем так называемого дворцового переворота. Енукидзе говорил мне, что он лично по постановлению центра правых готовит этот переворот. По словам Енукидзе, он

готовит людей в Кремле и в его гарнизоне (тогда еще охрана Кремля находилась в руках Енукидзе).

Вопрос: И он назвал вам своих людей в гарнизоне Кремля?

Ягода: Да, назвал. Енукидзе заявил мне, что комендант Кремля Петерсон целиком им завербован, что он посвящен в дела заговора. Петерсон занят подготовкой кадров заговорщиков — исполнителей в школе ВЦИК, расположенной в Кремле, — и в командном составе Кремлевского гарнизона.

«При удачной ситуации внутри страны, — говорил Енукидзе, — как и в международном положении, мы сможем в один день без всякого труда поставить страну перед свершившимся фактом государственного переворота. Придется, конечно, поторговаться с троцкистами и зиновьевцами о конструкции правительства, подерутся за портфели, но диктовать условия будем мы, так как власть будет в наших руках. В наших руках Московский гарнизон».

Я, естественно, заинтересовался у Енукидзе, как понимать его заявление о том, что и «Московский гарнизон в наших руках». Енукидзе сообщил мне, что Корк, командующий в то время Московским военным округом, целиком с нами.

Вопрос: С кем с нами? С правыми?

Ягода: Корк являлся участником заговора правых, но имел самостоятельную группу среди военных, которая объединяла троцкистов. Я знаю, что помощник Корка по командованию Московским военным округом Горбачев тоже являлся участником заговора, хотя он и троцкист. Среди военных вообще блок троцкистов, зиновьевцев и правых был заключен на более крепкой организационной основе, и в общем заговоре против Советской власти они выступали как единая группа.

Вопрос. Кого еще из участников группы военных вы знаете?

Ягода: Лично я связи с военными не имел. Моя осведомленность о них идет от Енукидзе. Я говорил уже о Корке и Горбачеве. Я знаю, что были и другие военные, участники заговора (Примаков, Путна, Шмидт и др.), но это стало мне известно значительно позже уже по материалам следствия или от Воловича (о Примакове).

Я хочу здесь заявить, что в конце 1933 года Енукидзе в одной из бесед говорил мне о Тухачевском как о человеке, на которого они ориентируются и который будет с нами. Но это был единственный разговор о Тухачевском, очень неопределенный, и я опасаясь показывать о нем более определенно.

Вопрос. Чего вы опасаетесь? От вас требуется показывать то, что вы знаете? А то, что вы говорите о Тухачевском, нелепо и неопределенно? Что именно говорил вам Енукидзе о нем? Говорите яснее.

Ягода: В одной из бесед о военной группе нашего заговора я обратил внимание Енукидзе на то, что Корк не такая крупная и авторитетная в военном мире фигура, вокруг которой можно собрать все оппозиционные группы в армии, что следовало бы подобрать более авторитетную фигуру...

И тогда Енукидзе мне заявил, что такая фигура имеется, назвав Тухачевского. На мой вопрос, завербован ли Тухачевский, Енукидзе ответил, что это не так просто и

что вся военная группа ориентируется на Тухачевского как на своего будущего руководителя. Я допускаю мысль, что Енукидзе мне ничего более определенного не говорил, потому что не во всем мне доверял. Но это только мое предположение.

Вопрос. А к разговору о Тухачевском, о его роли в заговоре вы возвращались когда-либо, при встречах с Енукидзе?

Ягода: Нет».

Обратим внимание на то, что Ягода не оговаривает Тухачевского. Фактически он не говорит лишнего и о Енукидзе. Он лишь излагает лично ему известную информацию, то, о чем может свидетельствовать сам. Но посмотрим на логику его показаний с высоты времени. Период с 1931 по 1934 год был этапом осуществления коллективизации, когда никто не мог знать, что из сельскохозяйственной реформы в итоге выйдет. Удержится ли правящая власть, если страна вдруг разразится взрывом крестьянских восстаний и бунтом недовольного продовольственным обеспечением города?

Февральская революция 1917 года практически началась с волнений из-за недостатка хлеба в столице. С бунта работниц, которым надоело стоять в очередях, и сразу же нашлись силы, сумевшие «отменить» трехсотлетнюю монархию. Свержение советской власти в СССР тоже стало результатом спровоцированного продовольственного кризиса, вычистившего под метлу полки столичных магазинов, и немедленно появились люди, возжаждавшие порулить штурвалом государства.

Но для участника февральской революции Енукидзе, занимавшего с декабря 1922 года пост секретаря высшего органа государственной власти — Президиума ЦИК СССР, второго человека после Калинина и постоянно проживавшего в Кремле, даже не требовалось менять квартиру, чтобы добраться до этого руля. При удобном случае разве можно было отказаться от такого заманчивого соблазна? Но в начале 30-х годов людей, озабоченных проблемой государственной власти, была тьма. Впрочем, и в начале нового века разве не бегали по московским улицам шныри из развалившегося правительства Ельцина, желающие еще раз поиграть в больших политиков. Но приведем еще несколько фрагментов из протокола допроса Ягоды.

«Вопрос: (...) Вы все время говорите, что военная группа является составной частью общего заговора, была связана с Енукидзе. Нам не ясно, о каком общем заговоре вы говорите, и не совсем понятна роль Енукидзе. Почему военная группа, объединяющая и троцкистов и правых, была связана с Енукидзе?

Ответ: (...) Существующее представление о том, что разгромленные центры троцкистско-зиновьевского блока, первый и второй, разгромленные нами центры правых, заговоры в НКВД и группа военных, о которой я здесь говорил, что все это разрозненные, не связанные между собой самостоятельные организации, ведущие борьбу против Советской власти, — такое представление неверное и не соответствует действительному положению вещей.

На самом деле было не так. На протяжении 1931—1933 годов внутри Советского Союза был организован единый контрреволюционный заговор против

коммунистической партии и против Советской власти по общей программе борьбы за свержение Советской власти и реставрации капитализма на территории СССР. Заговор этот объединил все антисоветские партии и группы как внутри Союза, так и вне его.

Вопрос: Какие антисоветские партии и группы вошли в этот заговор?

Ответ: В заговоре принимали участие следующие партии и группы, которые имели свои собственные организации: 1) троцкисты; 2) зиновьевцы; 3) правые; 4) группа военных; 5) организация в НКВД; 6) меньшевики; 7) эсеры.

Вопрос: Откуда это вам известно? (...)

Ответ: Я понимаю всю ответственность моего заявления... Я уже говорил, что зимой 1932—1933 года Енукидзе сообщил мне об оформлении блока между троцкистами и зиновьевцами и о том, что в блок в этот вошли также правые. Мы беседовали тогда с Енукидзе о реальных наших силах и о перспективах захвата власти. Коснулись также программных и организационных вопросов будущего правительства. Тогда-то Енукидзе и информировал меня о том, что блок троцкистов и правых, по существу, охватывает собой все антисоветские силы в стране. Я помню, что Енукидзе, взяв карандаш, на листе бумаги составил перечень этих сил и разъяснил мне роль каждой из них в заговоре.

О троцкистах и зиновьевцах он говорил, что их организации почти целиком слились, что внутренние трения существуют, но в общем заговоре они выступают как единая организация, которая руководствуется указаниями Троцкого из эмиграции. Он говорил мне, что центр их блока в общем блоке заговора представлен Пятаковым и Каменевым. «Правые в данное время, — говорил Енукидзе, — наиболее сильны. У центра правых, помимо соглашения с троцкистско-зиновьевским центром, существует контакт с меньшевиками и эсерами».

С меньшевиками контакт установил Рыков (о связи Рыкова с закордонным блоком меньшевиков через Николаевского я знал до разговора с Енукидзе, и об этом я уже говорил). С эсерами контакт установил Бухарин. В центре заговора правые представлены Томским, Рыковым и самим Енукидзе. Наконец, группу военных, очень сильную группу, имеющую свой центр, представляет в центре заговора Корк.

Вопрос: А от заговора в НКВД кто входил в этот центр?

Ответ: Енукидзе предлагал мне войти в состав центра заговора, но я от этого категорически отказался. Я заявил ему, что не могу принимать участие ни в каких совещаниях, не могу встречаться ни с кем из участников центра. Я согласен включить свою организацию в этот общий заговор, но так, чтобы об этом никто не знал, кроме него (Енукидзе), а связь с центром буду осуществлять только через Енукидзе.

Вопрос: Вашими показаниями, таким образом, устанавливается, что в 1932—1933 годах в стране был организован единый заговор для свержения Советской власти,

был создан центр вашего общего заговора, куда вошли: 1) Каменев, Пятаков от блока троцкистско-зиновьевской организации; 2) Рыков, Томский представляли центр организации правых, меньшевиков и эсеров; 3) Енукидзе, который представлял в этом центре правых, а также заговор в НКВД; 4) Корк, представитель заговорщической группы среди военных. Так это?

Ответ: Да, так.

Вопрос: И это вы знаете от Енукидзе?

Ответ: Да, от Енукидзе.

Вопрос: Центр этот собирался?

Ответ: Да, собирался.

Вопрос: Когда, где, сколько раз?

Ответ: Мне известно только о двух совещаниях общего центра заговора. Информировал меня о них Енукидзе.

Вопрос: Что он вам говорил? Когда?

Ответ: За месяц до начала XVII съезда партии мне позвонил Енукидзе и просил срочно к нему заехать в ЦК. Я поехал. Енукидзе сообщил мне, что вчера состоялось совещание центра заговора, на котором Рыков от имени правых внес предложение произвести государственный переворот с арестом всех делегатов XVII съезда партии и с немедленным созданием нового правительства из состава правых и троцкистско-зиновьевского блока.

Енукидзе рассказывал, что вокруг этого вопроса на совещании разгорелись большие прения. От имени троцкистско-зиновьевского блока против такого плана возражали Каменев и Пятаков. Каменев заявлял, что это неосуществимая идея, что придется столкнуться с огромным сопротивлением в стране и что это очень рискованное предложение. Енукидзе охарактеризовал поведение Каменева, как поведение болтливой труса, на словах мечущего гром и молнию, умеющего посылать убийц из-под угла, но не способного на решительные действия.

Пятаков говорил, что он не может принять участие в решении этого вопроса без соответствующих инструкций от Троцкого, а так как получение инструкций займет много времени, он отказывается от участия в осуществлении этого плана. Ввиду того, что по этому вопросу не было достигнуто общего мнения, вопрос этот был снят.

Вопрос: Что вам говорил Енукидзе о плане ареста XVII съезда партии? Как конкретно это предполагалось осуществить?

Ответ: Об этом говорил Рыков, когда вносил свое предложение. Он говорил, что центр правых может осуществить арест всего съезда силами гарнизона Кремля, окружив Кремль военными частями Московского гарнизона.

Вопрос: Какое участие в осуществлении ареста состава XVII съезда партии должны были принять вы?

Ответ: Предварительной договоренности со мной не было. Енукидзе мне говорил, что если б план этот был принят, то большая работа легла бы на меня, и что об этом до совещания он имел разговор с Рыковым и Томским.

Вопрос: Значит, план свержения Советской власти путем ареста состава XVII съезда партии был принят предварительно центром правых?

Ответ: Да, несомненно. От имени центра правых Рыков и вносил это предложение на совещании центра заговора.

Вопрос: И не состоялось это только потому, что Каменев «струсил», а Пятаков не имел инструкций от Троцкого?

Ответ: Не состоялось потому, что не было достигнуто! единодушия по этому вопросу. Возражали троцкисты и зиновьевцы.

Вопрос: Тут что-то неясно. Вы показываете, что план ареста XVII съезда партии был принят центром правых, что Рыков, внося это предложение на совещании центра заговора, заявил, что правые могут осуществить этот план собственными силами — гарнизоном Кремля, частями Московского военного округа, при участии заговорщиков из НКВД. Почему же это не было сделано?

Ответ: Я уже говорил, что троцкисты и зиновьевцы возражали против этого плана.

Вопрос: Но правые могли это сделать сами, без троцкистов и зиновьевцев?

Ответ: В среде центра правых по этому вопросу также не было полного единодушия: был против, или, вернее, колебался Бухарин. Енукидзе говорил мне, что на совещании центра правых Бухарин пытался доказать, что политическая ситуация в стране не такова, что переворот может произойти без дополнительных столкновений, и выступал против плана переворота. Возможно, что в связи с этим правые без поддержки зиновьевцев и троцкистов и без внутреннего единства сами не пошли на осуществление своего плана переворота.

Вопрос: А как лично вы относились к этому плану?

Ответ: Предварительного моего мнения никто не спрашивал. Рыков, должно быть, не сомневался, что я окажу полную поддержку этому плану. Меня об этом плане информировал Енукидзе после того, как план ареста XVII съезда партии был отвергнут центром заговора.

Вопрос: Но когда вы беседовали с Енукидзе, вы высказывали ему свое отношение к этому делу?

Ответ: Енукидзе я ничего не говорил. Но разговор этот произвел на меня большое впечатление. К этому времени в самом аппарате б. ОГПУ сколько-нибудь сильной организации у меня еще не было. Я только приступил к ее созданию. Если бы план был принят и потребовалось участие в осуществлении его, то я оказался бы в дураках и реальной силы выставить не сумел бы. Поэтому меня лично удовлетворила та информация, что до дела не дошло.

Наряду с этим меня напугало, что центр заговора реально ставит вопрос о государственном перевороте, и он может быть осуществлен без меня и так, что я

останусь на задних ролях. Это обстоятельство и решило вопрос о необходимости форсирования организации собственной своей силы в ОГПУ-НКВД, и с этого момента начинается создание самостоятельной заговорщической организации внутри НКВД. В разговоре с Енукидзе я ему об этом, конечно, ничего не говорил. Я заявил только, что о таких делах впредь прошу договариваться со мной предварительно и не ставить меня в известность постфактум»⁵¹.

Глава 9. О печенье и папиросах

В этот же день, 19 мая, состоялся и очередной допрос комкора Фельдмана, которого арестовали 15 мая — на следующий день после Корка. С Тухачевским Бориса Фельдмана связывала не только личная дружба, но и «боевое» прошлое. Во время подавления «антоновского восстания» Фельдман командовал в Тамбове «Экспедиционным корпусом», а в период пребывания Тухачевского на посту командующего Ленинградским ВО он служил его начальником штаба. С 1934 года, когда Тухачевского назначили заместителем наркома обороны, Фельдман стал начальником Управления по комнатному составу РККА и членом Военного Совета при наркомате обороны.

И, работая под руководством Гамарника, именно Фельдман непосредственно координировал расстановку в войсках «великих полководцев», но в момент ареста он уже месяц находился на должности заместителя командующего Московским ВО.

Сразу после ареста Фельдман написал заявление следователю Ушакову: «Вы и [начальник] особого отдела т. Леплевский, который также беседовал со мною, предъявили обвинение в участии в военно-троцкистской антисоветской организации и предлагаете встать на путь чистосердечного раскаяния. Прошу ознакомить меня с фактами, изобличающими меня в участии в вышеназванной организации. После этого *мне легче будет разобраться в этом вопросе*».

Действительно, после ознакомления с показаниями других подследственных с собственными проблемами «генерал» разобрался быстро. На допросе 16 мая Фельдман показал, что «в военнотроцкистскую организацию его вовлек в 1934 году Примаков», а 19 мая в числе участников военно-троцкистской организации подследственный назвал более 40 командиров и политработников армии.

Между тем капитан ГБ Зиновий Ушаков (настоящая фамилия — Ушамирский) первоначально скептически отнесся к аресту комкора. Позже в собственноручных показаниях в октябре 1938 года Ушаков писал: «Так как на Фельдмана было лишь одно косвенное показание от некоего Медведева, я даже выразил удивление, почему мне не дали более важную фигуру с конкретной целью».

Однако Зиновий Маркович уже вскоре изменил свое мнение. Ушаков продолжал: «Придерживаясь принципа тщательного изучения личного дела и связей

⁵¹ ЦА ФСБ РФ. Ф.Н-13614. Т. 2. Л. 117-148.

арестованных, я достал из штаба дело Фельдмана и начал изучать его. В результате я пришел к выводу, что Фельдман связан интимной дружбой с Тухачевским, Якиром и рядом др. крупных командиров и имеет семью в Америке, с которой поддерживает связь.

Я понял, что Фельдман связан по заговору с Тухачевским, и вызвал его 19.V. рано утром для допроса. Но в это время меня вызвали к Леплевскому на оперативное совещание... Как только окончилось совещание, я... вызвал Фельдмана. К вечеру 19 мая было написано Фельдманом на мое имя известное показание о военном заговоре с участием Тухачевского, Якира, Эйдемана и др., на основании которого состоялось 21 или 22 мая решение ЦК ВКП(б) об аресте Тухачевского и ряда др.»

И уже на следующий день Ежов писал Сталину: «Направляю Вам протокол допроса Фельдмана Б. М., бывшего начальника Управления по начсоставу РККА, от 19 мая с. г. Фельдман показал, что он является участником военно-троцкистского заговора и был завербован Тухачевским М.Н. в начале 1932 года. Названные Фельдманом участники заговора: начальник штаба Закавказского военного округа Савицкий, заместитель командующего Приволжским] ВО Кутяков, быв. начальник школы ВЦИК Егоров, начальник инженерной академии РККА Смолин, быв. пом. нач. инженерного управления Максимов и быв. зам. нач. автобронетанкового управления Ольшанский — арестованы. Прошу обсудить вопрос об аресте остальных участников заговора, названных Фельдманом».

Поскольку показания Фельдмана почти 80 лет были засекречены, приведем их без больших сокращений: «Протокол допроса Б. М. Фельдмана от 19.05.1937.

ФЕЛЬДМАН Борис Миронович, родился в 1890 г., член ВКП(б) с 1919 г., имеет высшее военное образование, комкор, бывший начальник Управления по начсоставу РККА, до ареста заместитель командвойск Московского военного округа.

Вопрос: Вы обвиняетесь в участии в военно-троцкистском заговоре. Вы признаете себя виновным в этом?

Ответ: Да, признаю себя виновным в участии в военно-троцкистском заговоре. Хочу сообщить следствию, что до сих пор неискренне рассказал обо всей подлой, предательской работе моей и других участников заговора. Несмотря на то что я, будучи арестован 15 мая, на другой же день сделал заявление, что состою в антисоветской организации, все же до сегодняшнего дня я пытался ограничить свою роль и скрыть наиболее существенные факты, относящиеся к заговору, и людей, принимавших участие в нем.

Вопрос: Расскажите подробно, кем, когда и при каких обстоятельствах вы были вовлечены в военно-троцкистский заговор?

Ответ: В военно-троцкистский заговор я был вовлечен в начале 1932 г. в Москве ТУХАЧЕВСКИМ Михаилом Николаевичем. Вовлечению меня в эту организацию предшествовала обработка со стороны ТУХАЧЕВСКОГО, когда я был в Ленинграде в должности начальника штаба ЛВО, ТУХАЧЕВСКИЙ неоднократно в

беседах со мной выказывал недовольство руководством армии - ВОРОШИЛОВЫМ. Высказывал ряд моментов *о личных обидах, о недооценке его как крупного военного специалиста, о том, что в прошлые годы гражданской войны он, как командовавший фронтами, имел огромные заслуги и его ТРОЦКИЙ высоко ценил, а в теперешней обстановке его отодвигают на задний план.* Эти разговоры происходили в Ленинграде и встречали с моей стороны должное сочувствие и одобрение.

Приехав в конце августа 1931 года в Москву, приблизительно на месяц позже ТУХАЧЕВСКОГО, я был назначен на должность начальника Главного Управления РККА. При встречах и беседах с ТУХАЧЕВСКИМ в Москве он мне говорил, что хотя он вернулся обратно к руководству армией, все же к нему осталось прежнее отношение со стороны Наркома и руководства и что он намеревается, не ограничиваясь только разговорами, перейти к определенным действиям. Когда я спросил: какие это действия, он сказал мне, что в армии имеет много своих сторонников, у которых он пользуется большим доверием, и он намерен объединить вокруг себя этих командиров для борьбы против армейского руководства. Я, естественно, поинтересовался у него: на какой базе он сумеет этих командиров объединить, на что ТУХАЧЕВСКИЙ мне ответил, что *среди высшего командного состава имеется много командиров — бывших троцкистов и вообще недовольных,* которых можно объединить для борьбы против партии и правительства, и назвал мне ряд таких командиров из бывших троцкистов.

ТУХАЧЕВСКИЙ предложил мне принять участие в этой борьбе.

Вопрос: Вы дали ТУХАЧЕВСКОМУ свое согласие?

Ответ: Да, находясь в течение нескольких лет под его большим влиянием, я дал согласие на участие в этой контрреволюционной работе. Через короткий срок после указанного выше разговора и после того, как я согласился принять участие в борьбе против руководства партии, ТУХАЧЕВСКИЙ в начале 1932 г. в своем кабинете сообщил мне о существовании военной контрреволюционной троцкистской организации, изложил мне ее программу и задачи и назвал целый ряд участников.

Вопрос: Что говорил Вам ТУХАЧЕВСКИЙ о практических задачах и установках?

Ответ: ТУХАЧЕВСКИЙ мне говорил, что основной задачей является создание в армии крепкой организации, которая должна в нужный момент служить вооруженной силой для свержения существующей власти и прихода на смену этой власти ТРОЦКОГО.

Он мне говорил, что практическая работа должна заключаться в подборе надежных командиров, соответствующей их расстановке в центральном аппарате Наркомата обороны и на периферии, в военных округах, что берется ставка на снижение темпов разворота вооружения в армии, главным образом артиллерийского. По словам ТУХАЧЕВСКОГО, это необходимо для того, чтобы в случае войны вызвать заминку на фронте, чем будут созданы благоприятные условия для вооруженного переворота внутри страны.

ТУХАЧЕВСКИЙ также говорил, что налаживается сугубо конспиративная связь с представителями гражданской троцкистской организации, в первую очередь по линии военной промышленности, и что налаживается непосредственная связь с ТРОЦКИМ, по директивам которого он, ТУХАЧЕВСКИЙ, будет действовать.

Вопрос: Кого Вам назвал ТУХАЧЕВСКИЙ как участников военно-троцкистского заговора?

Ответ: В начале 1932 г. ТУХАЧЕВСКИЙ мне назвал участников военно-троцкистского заговора ПУТНА, ПРИМАКОВА, начальника Артиллерийского Управления ЕФИМОВА. Позже, в конце 1932 г. или начале 1933 г., ТУХАЧЕВСКИЙ мне дополнительно назвал ГАРЬКАВОВОГО, ТУРОВСКОГО, ЗЮКА, ШМИДТА, ВАСИЛЕНКО, ПОТАПОВА и других, фамилии которых сейчас не помню.

Вопрос: Какие Вы лично получали указания от ТУХАЧЕВСКОГО по антисоветской практической работе и что Вами было сделано?

Ответ: Мне лично ТУХАЧЕВСКИЙ дал указание при подборе людей на командные должности выдвигать бывших троцкистов и завербовать небольшую, но надежную группу людей из работников центрального аппарата Наркомата обороны, указав, что весьма полезно втянуть несколько работников из Инженерного управления, Химического, Мото-Мех. управления и Штаба РККА. Я обещал постепенно присматриваться к определенным людям, наметить и вовлечь их в организацию.

Вопрос. Кого Вы лично привлекли в организацию?

Ответ: Я завербовал в организацию САВИЦКОГО в 1933 г., бывшего помощника начальника Инженерного управления МАКСИМОВА в 1933 году, начальника 3-го Отдела АППОГУ в 1934 г., ОЛЬШАНСКОГО в том же 1934г. и начальника Инженерной академии СМОЛИНА. Кроме перечисленных людей мною завербованы в организацию в конце 1934 г. бывший начальник школы ВЦИК ЕГОРОВ и КУТЯКОВ, о котором мне сообщил ТУХАЧЕВСКИЙ, что он его подготовил, а я завершил его вербовку в начале 1935 г. По Московскому военному округу я завербовал начальника штаба СТЕПАНОВА.

Кроме этих людей я имел поручение от ТУХАЧЕВСКОГО обработать и вовлечь в организацию начальника Химического Управления ФИШМАНА и заместителя начальника штаба РККА ЛЕВИЧЕВА.

Вопрос. Вам удалось их завербовать?

Ответ: Завербовать их мне не удалось. Я не смог завербовать ЛЕВИЧЕВА потому, что он в 1932 г. был тяжело болен, потом уехал на заграничную работу в Берлин, а по приезде я с ним не говорил.

ФИШМАНА, как бывшего члена ЦК эсеров, мне казалось, будет нетрудно завербовать, но, однако, после нескольких разговоров с ним, во время которых я пробовал прощупать его политическое настроение, я от этого отказался. Возможно, что его завербовал ТУХАЧЕВСКИЙ, но я этого не знаю.

Вопрос: Вы не назвали всех участников организации. Предлагаю дать по этому поводу полные и правдивые показания.

Ответ: Сообщаю следствию, что ТУХАЧЕВСКИЙ мне назвал в разное время еще следующих участников военного заговора: командующего Киевским военным округом ЯКИРА, бывшего командующего Московским военным округом КОРКА, бывшего командующего Уральским военным округом ГАРЬКАВОВОГО, бывшего помощника начальника Управления боевой подготовки УГРЮМОВА, бывшего заместителя начальника Управления боевой подготовки ЧАЙКОВСКОГО, начальника Киевской пехотной школы БЕЛОГО.

УГРЮМОВ и ЧАЙКОВСКИЙ по просьбе ТУХАЧЕВСКОГО были продвинуты мною на эти должности, и он мне говорил, что опирается на них в своей антисоветской работе.

В 1935 г. ТУХАЧЕВСКИЙ говорил мне о том, что ему удалось привлечь к работе в нашей организации председателя Центрального Совета Осоавиахима ЭЙДЕМАНА и что это очень важный участок для развертывания контрреволюционной работы в общественных организациях Осоавиахима.

Вопрос: Расскажите следствию подробно, что Вам говорил ТУХАЧЕВСКИЙ о ЯКИРЕ и КОРКЕ?

Ответ: О ЯКИРЕ со мной ТУХАЧЕВСКИЙ говорил неоднократно как о человеке, с которым он близко связан, причем указывал, что ЯКИР, ведущий все время фронт против Штаба РККА, мог бы стать участником организации и его единомышленником. Он говорил, что ЯКИР пользуется большим доверием и авторитетом среди начальствующего состава, что его участие в заговоре очень ценно и что он, ТУХАЧЕВСКИЙ, обязательно вовлечет его в заговор.

В конце 1933 г. или начале 1934 г. ТУХАЧЕВСКИЙ проинформировал меня, что он завербовал ЯКИРА в организацию, но подчеркнул, что мне необходимо держаться в отношении его сугубо осторожно и не подавать вида, что я знаю о его роли в организации и что ЯКИР будет вести соответствующую работу по Украинскому военному округу. При этом он предложил мне всемерно поддерживать все предложения ЯКИРА в части продвижения и расстановки его кандидатов, я же помог ЯКИРУ продвинуть его людей — бывших троцкистов: БУТЫРСКОГО — сперва на должность заместителя начальника штаба УВО, ГЕРМОНИУСА, ДАВОСА и некоторых других, фамилии коих по памяти назвать не могу, но я всегда поддерживал предложения ЯКИРА и выдвигаемые им кандидатуры.

Должен добавить, что ЯКИР добивался и добился назначения в качестве начальника Строительно-квартирного Управления РККА ЛЕВИНЗОНА, бывшего троцкиста, командира запаса, который раньше ни в каких строительных организациях не работал и никакого опыта в строительстве не имел. Результаты строительства под руководством ЛЕВИНЗОНА таковы, что дело жилищного строительства, в особенности в связи с развертыванием новых частей, доведено до

такого состояния, что это способствовало порождению недовольства начсостава и этим самым создавалось еще больше благоприятных условий для вербовки новых людей в военную троцкистскую организацию.

Что касается привлечения КОРКА к военному заговору, то ТУХАЧЕВСКИЙ информировал меня, примерно в тех же сроках, что и о ЯКИРЕ, как об участнике заговора. В отношении КОРКА ТУХАЧЕВСКИЙ сказал, что он проводит работу по Московскому военному округу и темпы боевой подготовки Московского округа самые отсталые по сравнению с другими округами.

Хочу сообщить следствию, что в одном из разговоров с ТУХАЧЕВСКИМ я задал ему вопрос — был ли у него разговор с УБОРЕВИЧЕМ о вовлечении его в организацию. Этот вопрос я задал ТУХАЧЕВСКОМУ, зная, во-первых, что он лично очень близок с УБОРЕВИЧЕМ, и, во-вторых, что УБОРЕВИЧ, так же как и ЯКИР, занимает линии фронды против центрального аппарата, что особенно выявилося в 1933 году, в связи с огромной аварийностью в БВО по линии авиации, когда УБОРЕВИЧ вместо того, чтобы самому ставить вопрос о недопустимом поведении КУШАКОВА (начальник ВВС БВО), его усиленно поддерживал. ТУХАЧЕВСКИЙ от прямого ответа уклонился. Должен добавить, что КУШАКОВ, по словам ПРИМАКОВА, являлся членом военной троцкистской организации.

Вопрос: Продолжайте Ваши показания об известных Вам участниках заговора.

Ответ: Со слов ПРИМАКОВА, с которым я неоднократно беседовал о работе организации, я знал, что ему удалось в Ленинграде вовлечь в организацию ДРАГИЛЕВА - бывшего начальника ПВО ЛВО, ПРИМАКОВ также мне назвал, как своих людей, привлеченных им непосредственно: КОШЕЛЕВА — бывшего начальника штаба корпуса и БАЮШИ. Со слов завербованного мною СМОЛИНА, им были вовлечены в организацию: бывший начальник морского факультета Инженерной академии СЕЛИВАНОВ и преподаватель ГОРОДСКОЙ.

Со слов ГАРЬКАВОГО во время разговора с ним в 1935 г. мне известно, что в работе военно-троцкистской организации по УралВО участвует командир 65-й дивизии ГАВРЮШЕНКО, начальник инженерных войск ВЕЛЕЖЕВ и кто-то из Квартирно-строительного отдела, фамилию не помню.

ГАРЬКАВЫЙ мне говорил, что у него есть группа людей, которую ему передал ПРИМАКОВ, как бывший командир 13-го корпуса.

Вопрос: С кем из названных Вами участников организации Вы имели разговоры по вопросам, связанным с делами организации?

Ответ: Не считая ТУХАЧЕВСКОГО, ПРИМАКОВА и ГАРЬКАВОГО, а также людей, непосредственно мной завербованных, я имел разговоры о делах организации со следующими ее участниками: в 1935 г. имел разговоры со ШМИДТОМ в Москве в моем служебном кабинете, где я интересовался, как у него протекает работа с людьми, и он мне сообщил, что у него в бригаде имеется группа людей, им завербованная и работающая по его указанию. Он мне назвал несколько

фамилий, но поскольку это командиры среднего и старшего звеньев, фамилии их я не помню.

ТУРОВСКИЙ имел со мной разговор в связи с переводом ЗЮКА в Харьковский округ, что ЗЮК в своей дивизии (25-й) вербует людей главным образом среди недовольных и у него работа подвигается вперед.

В начале 1936 г., в связи с назначением ВАСИЛЕНКО в Уральский округ, я ему в осторожной форме намекнул о необходимости связаться с ГАРЬКАВЫМ. О назначении ВАСИЛЕНКО в УралВО я предупредил ГАРЬКАВОВОГО, что к нему едет ВАСИЛЕНКО в качестве заместителя.

С ЕФИМОВЫМ я чаще разговаривал о делах организации. Он меня информировал о людях, привлеченных им и работавших по его заданию. Из названных им людей я помню: начальника отдела АУ ДРОЗДОВА и начальника Отдела базы ОЛЫШЕВСКОГО.

ЕФИМОВ рассказал мне, что очень остро стоит вопрос с боекомплектностью на складах и разработкой систем дивизионной и корпусной артиллерии и приборов управления огнем, что они по количеству не обеспечивают развертывания должным образом артиллерийской программы. Это острое положение образовалось как результат вредительской работы ЕФИМОВА, которую он проводил по директиве ТУХАЧЕВСКОГО.

Вопрос: Что Вам говорил ТУХАЧЕВСКИЙ о состоянии артиллерийского и инженерного вооружения в связи с задачами организаций?

Ответ: ТУХАЧЕВСКИЙ неоднократно меня информировал о том, что работа по срыву артиллерийского и инженерного вооружения идет так, как им намечено, то есть идет по пути количественного занижения заказов промышленности по линии срыва обеспечения армии новыми образцами.

В ноябре 1933 г. он мне рассказывал, что у него, ТУХАЧЕВСКОГО, имеется связь и договоренность с ПЯТАКОВЫМ по вопросу занижения наших заказов, с необходимостью затяжки выполнения изготовления новых артиллерийских систем.

ТУХАЧЕВСКИЙ говорил, что *он усиленно добивался протаскивания идеи о новой структуре стрелковой дивизии в 7-8 тысяч человек*, что принятие такой схемы привело бы примерно на год — два к большой организационной ломке в армии и что это входило в его расчеты как руководителя военной организации. Что касается боевой подготовки в армии, то ТУХАЧЕВСКИЙ говорил мне, что развивается большое очковитительство и особенно в стрелковой подготовке, которой руководил член организации ВАСИЛЕНКО.

ТУХАЧЕВСКИЙ неоднократно подчеркивал о необходимости иметь своего ответственного человека в штабе, через которого можно было бы влиять на организационную работу.

Вопрос: Что рассказывал Вам ТУХАЧЕВСКИЙ о своей связи с ПЯТАКОВЫМ?

Ответ: В 1932 или начале 1933 г. ТУХАЧЕВСКИЙ мне рассказал, что в области промышленности подрывную работу ведет ПЯТАКОВ, с которым он

непосредственно связан и что эта связь весьма конспиративна. Тут же он мне указал о том, что его работа в области вооружения РККА контактирует с работой ПЯТАКОВА по оборонной промышленности.

Вопрос. Говорил ли Вам ТУХАЧЕВСКИЙ о своей непосредственной связи с ТРОЦКИМ?

Ответ: ТУХАЧЕВСКИЙ мне говорил еще в 1932 г., что он имеет связь с ТРОЦКИМ, от которого получает директивы по работе, но тогда он мне не назвал лица, через которого эти директивы идут к нему и информация от него к ТРОЦКОМУ. В 1934 г., в связи с назначением ПУТНЫ в качестве военного атташе в Лондон, ТУХАЧЕВСКИЙ сказал, что он через ПУТНУ будет держать связь с ТРОЦКИМ. В 1935 г., в один из приездов ПУТНЫ в Москву, ТУХАЧЕВСКИЙ рассказал мне о том, что ПУТНА привез от ТРОЦКОГО директиву (письменно или устно, я не могу сказать, он мне этого не сказал) о том, что военная организация должна чрезвычайно законспирировать свою связь с гражданской троцкистской организацией, что военная организация должна продолжать собирать силы и расставлять людей и быть готовой к действиям, особенно в случае войны, которая приближается.

Вопрос. Расскажите о встречах и непосредственных разговорах с ПРИМАКОВЫМ.

Ответ: Должен сообщить, что ТУХАЧЕВСКИЙ добивался перевода ПРИМАКОВА из СКВО в Москву, считая его активным человеком, и что с его приездом работа усилится. ПРИМАКОВ был переведен в Москву в 1934 г. и был назначен заместителем инспектора по высшим военно-учебным заведениям. По приезде ПРИМАКОВА в кабинете у ТУХАЧЕВСКОГО между ТУХАЧЕВСКИМ, ПРИМАКОВЫМ и мною происходил разговор, где мы говорили о работе ПРИМАКОВА, что он должен сосредоточить внимание на снижении темпов боевой подготовки в Академии. Действительно, в этой области ПРИМАКОВ успешно проводил работу. Подобные встречи вместе с ТУХАЧЕВСКИМ и ПРИМАКОВЫМ по делам организации в течение 1934 г. были несколько раз. При встречах ПРИМАКОВ информировал, как у него идет работа по Академии, что в связи с пересмотром программы и установками, которые он дает, происходит большое недовольство его работой в Академии. ТУХАЧЕВСКИЙ информировал о той работе, которая ведется в отношении снижения наших военных заказов. Я информировал о своей работе по вербовке новых людей и расстановке троцкистских кадров.

Вопрос: Был ли у Вас разговор с ТУХАЧЕВСКИМ об организации в связи с процессом троцкистско-зиновьевского центра?

Ответ: Узнав об участии в раскрытой организации ШМИДТА и КУЗЬМИЧЕВА, я был крайне удивлен и взволнован этим обстоятельством, так как, по информации ТУХАЧЕВСКОГО, связь между военной организацией и гражданской поддерживалась только им, ТУХАЧЕВСКИМ, через ПЯТАКОВА.

В то время я был в отпуску. По приезде в Москву я узнал дополнительно, что арестованы ПРИМАКОВ, ПУТНА и ЗЮК, и я обратился к ТУХАЧЕВСКОМУ за разъяснением, как могли эти военные быть непосредственно связаны с гражданской организацией и как это получилось. ТУХАЧЕВСКИЙ ответил, что он сам этим чрезвычайно поражен и удручен, но что он это объясняет следующим: что ШМИДТ и КУЗЬМИЧЕВ могли быть представителями гражданской троцкистской организации втянуты на Украине непосредственно, а ЗЮК, ПРИМАКОВ и ПУТНА были выявлены как участники организации по показаниям ШМИДТА и КУЗЬМИЧЕВА. ТУХАЧЕВСКИЙ сказал, что сейчас, в связи с этим, необходима еще большая конспиративность, чтобы сохранить существующую военную организацию.

Вопрос: Расскажите о Вашем разговоре с ТУХАЧЕВСКИМ в связи с процессом параллельного антисоветского троцкистского центра.

Ответ: Незадолго до приезда ТУХАЧЕВСКИЙ говорил мне, что ему известно о том, что ТУРОВСКИЙ и ПРИМАКОВ не сознаются и что РАДЕК, как выразился ТУХАЧЕВСКИЙ, чертыхается, а поэтому не приходится нам особенно беспокоиться за провал. В период же процесса параллельного центра между мною и ТУХАЧЕВСКИМ, в его служебном кабинете, был разговор о том, чем угрожает нам этот процесс и что нам делать в дальнейшем. ТУХАЧЕВСКИЙ был очень удручен провалом ПЯТАКОВА, высказывал боязнь, что ПЯТАКОВ или кто-нибудь другой даст нить на военную организацию, что в связи с этим работу необходимо временно приостановить, выжидая окончательного выяснения последствий процесса.

ТУХАЧЕВСКИЙ обнадеживал себя тем, что на самом процессе вопрос о военной организации не стоял, хотя РАДЕК называл его фамилию, но о его роли ничего не сказал. ТУХАЧЕВСКИЙ мне говорил, что сейчас очень опасный момент, что надо быть особо осторожными и временно свернуться.

Рассказывая мне о поведении арестованных на следствии, ТУХАЧЕВСКИЙ сказал, что он предпринимает шаги для облегчения положения ТУРОВСКОГО и добивается его реабилитации.

Вопрос: Поскольку Вы, как начальник Командного Управления РККА, знали об арестах участников организации, которые происходили за последнее время, разговаривали ли Вы с ТУХАЧЕВСКИМ об этих арестах?

Ответ: Да. Когда ТУХАЧЕВСКИЙ возвратился из отпуска в марте 1937 г., он имел со мной разговор по поводу ареста ГАРЬКАВОВОГО. Я, в свою очередь, информировал его об арестах ряда других людей. Мне ТУХАЧЕВСКИЙ сказал, что эти аресты являются сигналом для нашей военной организации, к разгрому которой органы НКВД приступили, и говорил мне, что так как не исключена возможность арестов других участников организации, находящихся в Москве, то необходимо при арестах держать соответствующую линию и не раскрывать все карты и всех участников организации.

Допрос прерывается.

Показания записаны с моих слов правильно и мною прочитаны.

ФЕЛЬДМАН

Допросили:

Начальник 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР

комиссар государственной безопасности 2-го ранга

ЛЕПЛЕВСКИЙ

Помощник начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД

капитан государственной безопасности УШАКОВ».

Хотя в числе лиц, вовлеченных в заговор, Фельдман не упомянул Гамарника, но 20 мая 1-й заместитель Наркома обороны и Председателя Военного совета, начальник Главного политического управления РККА был снят со всех постов. Ни для кого не было секретом, что военачальники Фельдмана, так или иначе, принадлежали к выдвиженцам начальника Политуправления, которым он покровительствовал.

Но дело было деликатное. Поэтому его не арестовали, а лишь назначили членом Военного совета Среднеазиатского ВО. На следующий день были арестованы начальники управления боевой подготовки РККА и управления связи РККА, комкоры Чайковский и поляк Лонгва, а также другие названные Фельдманом военные.

К последней декаде мая в расследовании наступила кульминация. И даже появился пафос в оценках ситуации самими допрашиваемыми. На допросе 21 мая Примаков говорил: «...Блок троцкистов с правыми и организация общего изменнического антисоветского военного заговора привели к объединению всех контрреволюционных сил в РККА... с их платформой восстановления капитализма, зиновьевцев и троцкистов — с их террористическими установками — с общей целью бороться за власть вооруженным путем... Этот антисоветский политический блок и военный заговор, возглавляемый лично подлым фашистом Троцким, руками военного заговора должен был обрушить на СССР все неисчислимы бедствия военной измены и самого черного предательства во время войны...

Троцкизм, в течение ряда лет руководивший контрреволюционной борьбой против руководства партии и правительства и против строительства социализма в нашей стране, шедший гнусным путем через поддержку кулацкого саботажа в 1930-1932 годах, через террористическое подлое убийство т. Кирова в 1934 году, пришел со своими террористическими установками к фашистскому блоку с правыми внутри страны и прямо поступил на службу к гитлеровскому генеральному штабу».

Примаков тоже перечислил новых, «известных ему участников заговора». В их числе он назвал и Б. С. Горбачева, являвшегося с марта 1937 года заместителем командующего Уральским ВО. Примаков показал: «Горбачев, комкор, (бывший) заместитель командующего войсками МВО, известен мне со слов Геккера, который сообщил мне, что Горбачев связан с Сокольниковым и Тухачевским. Личный

контакт с Горбачевым я не устанавливал. Геккер сообщил мне, что он в хороших отношениях с Горбачевым, который часто бывает у Сокольниковых».

Напомним, что Г.Я. Сокольников (Гирш Янкелевич Бриллиант) в 1929-1932 годах был полпредом в Великобритании, позже — заместителем министра иностранных дел, а в январе 1937 года он предстал в качестве подсудимого на открытом процессе по делу параллельного антисоветского центра. В протоколе допроса Примакова отмечалось: «Геккер, комкор, начальник отдела внешних сношений НКО, стал известен мне, как участник заговора, со слов Сергеева (начальник кафедры Военной академии им. Фрунзе. — *К.Р.*). Установив с ним личный контакт, я узнал, что он лично связан с Сокольниковым, Корком, Тухачевским. Он сообщил мне в разговоре, что аппарат внешних сношений обслуживает Тухачевского и обеспечивает ему связь с заграницей — с кем и как, он мне не рассказал, я полагал, что с Троцким».

Следует пояснить и то, что бывший штаб-ротмистр царской армии еврей А.И. Геккер уже в начале 1920 года стал начальником штаба внутренних войск республики; тогда в его подчинении находились концентрационные лагеря. Позже, в качестве военного атташе, он работал в Китае и Турции, а с 1934 года занял пост *начальника отдела внешних сношений* Разведупра РККА. Через Геккера Тухачевский и члены его центра осуществляли связь с военным руководством Германии; и именно он устраивал поездки «полководцев» в Берлин, для присутствия на маневрах Вермахта.

21 мая все мировые средства информации сообщили о сенсационном событии. Советский летчик Михаил Водопьянов высадил на Северном полюсе первую высокоширотную полярную экспедицию «Север-1» в составе Папанина, Ширшова, Федорова и Кренкеля. С этого момента по февраль 1938 года отважная четверка станет предметом пристального внимания как советской, так и мировой общественности. Взволнованный этим сообщением, летчик Валерий Чкалов позвонил Молотову, чтобы выяснить: каково же мнение Сталина о желании его экипажа лететь в Северную Америку. Чкалов сообщил, что его самолет к полету готов, и, выслушав его, Молотов пообещал, что этот вопрос будет обсужден в ближайшее время.

Но совсем иные чувства будоражили в эти дни умы людей в воинских гимнастерках. После отстранения с поста заместителя наркома обороны Тухачевский стал добиваться встречи со Сталиным. Как позже рассказывал бывший член ВЦИК Кулябко, рекомендовавший Тухачевского в 1918 году в партию, он узнал о назначении своего приятеля командующим ПриВО из газет. Он отправился на квартиру Тухачевского. И при свидании маршал рассказал Кулябко, что «в ЦК партии ему сообщили: причиной его перевода в Куйбышев является то обстоятельство, что его знакомая Кузьмина и бывший порученец оказались шпионами и арестованы».

Впрочем, как писала вдова Фельдмана, упадническое настроение Тухачевского проявлялось еще до отстранения с поста. Она отмечала, что «в последние месяцы жизни он потреблял коньяк больше обычного». В Куйбышев Тухачевский прибыл в собственном салон-вагоне. Сразу после приезда он принял участие в работе окружной партконференции. И хотя его появление на вечернем заседании в президиуме встретили привычно щекочущими самолюбие аплодисментами, это уже не волновало тщеславного военного.

Вечером следующего дня ему предстояло выступить перед областным активом; и утром он снова сидел на сцене. Генерал-лейтенант Ермолин вспоминал, что таким он не видел Тухачевского никогда: «Виски поседели, глаза припухли. Иногда он опускал веки, словно от режущего света. Голова опущена, пальцы непроизвольно перебирают карандаши...» Для плохого настроения у нового командующего округом была веская причина. Накануне телефонным звонком из Москвы ему сообщили об аресте его ближайшего друга Бориса Фельдмана. Однако выступление Тухачевского на конференции не состоялось.

Представив членам Политбюро показания Корка и Фельдмана о подготовке военного переворота, Ежов запросил санкцию на новые аресты. Он получил ее сразу. 22 мая были арестованы: комкоры Ефимов, Аппога и председатель Центрального совета Осоавиахима Р.П. Эйдеман. В этот же день в Куйбышеве был арестован и сам Тухачевский. Но НКВД собирал под свое крыло не только военных. 22 мая арестовали начальника центрального управления народно-хозяйственного учета Краваля, а 24-го числа — председателя Совнаркома Белоруссии Голодеда.

Тухачевского задержали в приемной первого секретаря Куйбышевского обкома партии, куда он пришел для встречи с Постышевым. Арестом руководил «Рудольф Карлович Нельке, старый большевик, честнейший человек, работавший полномочным представителем НКВД». Распахнув дверь в приемную, Тухачевский помедлил и, не входя, долгим взглядом обвел всех присутствующих, а потом, махнув рукой, переступил порог. К нему подошел Нельке и, представившись, сказал, что получил приказ об аресте. Не произнося ни слова, Тухачевский сел в кресло, и тут же послали за гражданской одеждой. Когда привезли одежду, арестованному предложили переодеться, но он, никак не реагируя, продолжал молча сидеть в кресле.

Присутствующим пришлось самим снимать с него мундир с маршальскими звездами, который он надел лишь полтора года назад. К подъехавшей оперативной машине его вывели уже через черный ход. Об аресте Тухачевского Ежов известил членов Политбюро только после того, как бывший маршал был доставлен в Москву и помещен во внутреннюю тюрьму НКВД, в камеру № 94. Поэтому именно в этот день Политбюро вынесло Постановление:

«Поставить на голосование членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК следующее предложение: «ЦК ВКП получил данные, изобличающие члена ЦК ВКП Рудзутака и кандидата ЦК ВКП Тухачевского в участии в антисоветском

троцкистско-право-заговорщическом блоке и шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии. В связи с этим Политбюро ЦК ВКП ставит на голосование членов и кандидатов ЦК ВКП предложение об исключении из партии Рудзутака и Тухачевского и передаче их дела в Наркомвнудел».

Но к этому времени дел у профессионалов госбезопасности было невпроворот. 26 мая очередной допрос Ягоды начальник 4-го отдела ГУГБ капитан ГБ Коган и оперуполномоченный 4-го отдела лейтенант ГБ Лернер начали с рассмотрения обстоятельств убийства Кирова. Но, по его ходу, Ягода сделал и другие признания: «Весь 1935 год я тормозил, саботировал, оттягивал требование ЦК громить центры троцкистско-зиновьевских организаций и правых. Когда по прямому заданию Сталина я вынужден был заняться делом «Клубок», я долго тянул, переключал следствие от действительных виновников, организаторов заговора в Кремле — Енукидзе и др., «на мелких сошек» — уборщиц и служащих и тем самым спас свое положение.(...)

Поэтому было бы неосторожно с моей стороны продолжать свои встречи с Енукидзе именно в этот период, когда шло следствие по делу «Клубок». (...) Но Енукидзе, должно быть, не очень в меня верил и опасался, что я его могу окончательно провалить. Поэтому он *прислал Карахана для разговора со мной. А до этого по его поручению со мной говорил Петерсон.*

Вопрос. О чем Вы беседовали с Петерсоном?

Ответ: ...Весной 1935 года Петерсон... заявил, что Енукидзе сам обеспокоен материалами о заговоре, которые попали в НКВД. Он говорил мне, что некоторые факты об их заговорщицкой деятельности, которые прорывались в стенах Кремля, он их задержал у себя... Я ознакомил его с данными НКВД, сказал ему, что особых причин к беспокойству нет, что я стараюсь выгородить его и Енукидзе. (...)

В следствии я действительно покрыл Петерсона, но мне надо было его скомпрометировать, чтобы снять его с работы коменданта Кремля. *Я все время стремился захватить охрану Кремля в свои руки, а это был удобный предлог. И мне это полностью удалось.* Кроме того, я сообщил тогда же в ЦК, что Петерсон подслушивает правительственные разговоры по кремлевским телефонам (кабинет Петерсона находился рядом с телефонной станцией)... Петерсон был после этого снят, вместе с ним из Кремля была выведена школа ЦИК. В Кремль были введены войска НКВД».

В продолжение ответов на вопросы следствия Ягода отметил: «На одном из допросов я уже показал, что к планам нашего заговора на государственный переворот только внутренними силами прибавилась ориентировка на немцев, вернее на фашистскую Германию, как на союзника в деле свержения Советской власти.

...В 1935 году перспектива войны со стороны окрепшей Германии против Советского Союза нарастала с каждым днем. В связи с этим надо было забежать вперед *и договориться с ними.* Енукидзе мне говорил, что Троцкий за границей

установил контакт с германскими правительственными кругами, что сам Енукидзе тоже имеет линию связи с немцами. (...) И именно в связи с этим роль Сокольникова в общем центре заговора, являющегося одновременно заместителем Наркоминдела, имела особое значение потому, что через него могла быть налажена связь с официальными кругами Германии».

Ягода пояснял следователю, что во взглядах на сотрудничество «с германскими правительственными кругами у троцкистов и зиновьевцев, с одной стороны, и у правых, с другой стороны, были свои особые, различные линии». Это привлекло внимание капитана ГБ Когана.

Вопрос: Чем они отличаются и откуда вы знаете?

Ягода: Об этом мне говорил Карахан... в 1935 году. (...) Троцкистско-зиновьевская часть нашего центра вела переговоры с германскими правительственными кругами через находящегося в эмиграции Троцкого... готового все отдать, лишь бы скорее свергнуть Советскую власть и вернуться в Россию.

Иначе к делу относились мы, правые. *Мы не являлись сторонниками полного раздела России, как это делал Троцкий. Мы считали, что силы наши в стране довольно значительны и можем в переговорах с немцами выступить как равная сторона.* Если дозволено на фоне наших преступных и изменнических дел употребить слово «патриотизм», то некоторая доля этого патриотизма в нас, правых, все же сохранилась. (...)

Связь с немцами у Карахана существовала давно. И эту уже установленную линию связи центр правых использовал как реальную линию, предложив Карахану вступить с германскими правительственными кругами в официальные переговоры. Я уже показывал, что *Карахан после этого был в Берлине, виделся там с Надольным и Гессом (или с Геббельсом) и, как он мне говорил, уже в 1936 году добился значительных уступок от немцев.*

Вопрос: Каких уступок?

Ягода: Уступок от кабальных условий, на основе которых было достигнуто соглашение с Троцким. ...Карахан говорил о двух вариантах соглашения: один, если центр заговора приходит к власти самостоятельно без помощи немцев; второй, если заговорщикам в их приходе к власти помогут немецкие штыки во время войны.

При первом варианте речь шла о следующих условиях: 1) Разрыв СССР договоров о союзе с Францией и Чехословакией; 2) заключение военного и экономического союзов с Германией; 3) ликвидация Коминтерна; предоставление Германии (права) на долголетние концессии источников химического сырья СССР (Кольского полуострова, нефтяных источников и прочее); 5) *установление в СССР такого политического и экономического строя, который гарантирует германским фирмам полную возможность развития своей частной инициативы на территории СССР.*

При втором варианте, т.е. при приходе к власти в военное время при помощи немцев, оставались в силе те же условия, плюс какие-то территориальные уступки,

но какие именно, я не помню. Об этом должен подробнее и точнее показать сам Карахан».

В материалах по реабилитации Тухачевского, представленных в 1960 году комиссией под председательством Н. Шверника (члены комиссии А. Шелепин, З. Сердюк, Н. Миронов, Р. Руденко, В. Семичастный), указывается: «Следствием по делу Тухачевского непосредственно руководил Ежов; в качестве следователей им были использованы *вышколенные фальсификаторы* Леплевский, Ушаков и другие. Эти лица, *потеряв понятия о человеческом облике, не считались с выбором средств для достижения цели, применяли различного рода моральные и физические пытки, чтобы сломить волю арестованных и добиться ложных показаний...* Тухачевский 26 мая 1937 года написал следующее заявление:

«Народному комиссару внутренних дел Н. И. Ежову. Будучи арестован 22-го мая, прибыв в Москву 24-го, впервые **был допрошен 25-го и сегодня, 26 мая, заявляю, что признаю наличие антисоветского военно-троцкистского заговора и то, что я был во главе его** (курсив и подчеркивание мои. — К. Р.). Обязуюсь самостоятельно изложить следствию все касающееся заговора, не утаивая никого из его участников, ни одного факта и документа..

Основание заговора относится к 1930-му году. Участие в нем принимали: Фельдман, Алафузо, Примаков, Путна и др., о чем подробно покажу дополнительно. Тухачевский».

Цитируемое выше утверждение о применении *«моральных и физических пыток»* нельзя воспринимать как свидетельство умственной неполноценности членов хрущевской комиссии. Наоборот, совершенно очевидно, что такое утверждение является осмысленной грязной фальсификацией хрущевских клеветов, впоследствии тысячекратно повторенной другими клеветниками.

Но обратим внимание на всю логику хронологии событий. Как видно из заявления самого Тухачевского, до 25 мая он *вообще не допрашивался*. Поэтому применить физические меры воздействия, о которых с «гневом» и «состраданием» писали хрущевские «шестёркодесятники», у следователей не было не только необходимости, но и возможности. Впрочем, такой необходимости не было и 26 числа, поскольку арестованный заявил о своей готовности сделать чистосердечные признания, *«касающиеся заговора, не утаивая никого из его участников...»*.

Более того, только после доклада Ежова о доставке Тухачевского в Москву опросом членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК, проведенным 25-26 мая, Сталин подписал постановление: «На основании данных, изобличающих члена ЦК ВКП(б) Рудзутака и кандидата в члены ЦК ВКП(б) Тухачевского в участии в антисоветском троцкистско-правом заговорщическом блоке и шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии, исключить из партии Рудзутака и Тухачевского и передать их дела в Наркомвнудел»⁵².

⁵² ЦА ФСБ Ф. Н-13614. Т. 2. Л. 146-167.

Поэтому следствие началось почти шаблонно. С того, что арестованному были даны очные ставки с Примаковым, Путной и Фельдманом, которые назвали его руководителем заговора. При этом прежде, чем «расколоться», Тухачевский, как и его подельники, попросил ознакомить его *с показаниями других подследственных*.

Накануне, 25 мая, заявление на имя Ежова написал и председатель Центрального совета Осоавиахима Эйдеман, арестованный 22 мая — во время работы Московской партийной конференции. Он тоже сообщил *«о согласии помочь следствию в раскрытии преступления»*.

То есть подследственные не демонстрировали оригинальности в способах самозащиты. И уже 26 мая Тухачевский написал на имя Ежова еще одно заявление: *«Мне были даны очные ставки с Примаковым, Путной и Фельдманом, которые обвиняют меня как руководителя антисоветского военно-троцкистского заговора. Прошу представить мне еще пару показаний других участников этого заговора, которые также обвиняют меня. Обязуюсь дать чистосердечные показания без малейшего утаивания чего-либо из своей вины в этом деле, а равно и вины других лиц заговора»*.

Конечно, объявив о готовности сделать признания, Тухачевский не собирался «лезть как кур в ошип» и раскрывать всю свою подноготную. Амбициозный человек, он был не борцом, а реалистом и хотел знать объем информации, которым располагает следствие. Подтверждением такого поведения Тухачевского в этот период может служить заявление Фельдмана:

«Я догадывался наверняка, что Тухачевский арестован, но я думал, что он, попав в руки следствия, все сам расскажет — этим хоть немного искупит свою тяжелую вину перед государством, но, увидев его на очной ставке, услышал от него, что он все отрицает и что я все выдумал...»

Впрочем, утверждения, будто бы следователи применяли к «великим полководцам» меры физического воздействия, «выбивая» из них признания, — просто нелепы. Зачем бить подследственных, если они сами «рвутся» дать показания? Со стороны следователей это явилось бы проявлением идиотизма. Насилие могло даже обозлить подследственных, укрепив волю, конечно, если она была. Профессионалы знают, что *людей ломает не истязание, а боязнь неизвестности*.

Поэтому просьбу подследственного удовлетворили. Следователь Зиновий Ушаков (Ушамирский) объяснял столь скорое признание тем, что он выложил Тухачевскому все материалы, которыми располагал, включая и показания сообщников. И, внимательно их изучив, бывший маршал понял, что ему не вывернуться, поэтому на дальнейших допросах он назвал несколько десятков имен заговорщиков.

Поражает другое. Тухачевский «заговорил» на первом же допросе, а по ходу следствия вообще сдал всех! Все названные им военные были *арестованы, а позже расстреляны*. То есть он сыграл роль *не только провокатора, вовлекшего своих*

сообщников в заговор, *но и предателя*, сдавшего их на заклятие. При своем огромном честолюбии, склонности к азартной интриге, в которой ему выпадала роль авторитетного лидера, в процессе следствия он демонстрировал полное равнодушие к судьбам тех, кто вольно или невольно стал соучастником его преступления. В протоколе допроса Тухачевского от 26 мая 1937 года указывается:

«Вопрос. Вы обвиняетесь в том, что возглавляли антисоветский военно-троцкистский заговор. Признаете ли себя виновным?

Ответ. Как я уже указал в своем заявлении на имя народного комиссара Внутренних Дел СССР тов. Ежова, я возглавлял контрреволюционный военный заговор, в чем полностью признаю себя виновным. Целью заговора являлось свержение существующей власти вооруженным путем и реставрация капитализма...

...Наша антисоветская военная организация в армии была связана с троцкистско-зиновьевским центром и правыми заговорщиками и в своих планах *намечала захват власти путем совершения так называемого дворцового переворота*, то есть захвата правительства и ЦК ВКП(б) в Кремле или же путем искусственного создания поражения на фронтах во время войны, чем вызвать замешательство в стране и поднять вооруженное восстание...

...Я считаю, что Троцкий мог знать... что я возглавляю антисоветский военный заговор, и это послужило для него основанием направить ко мне Ромма... Сообщаю следствию, что в 1935 г. Путьна привез мне записку от Седова (приемный сын Троцкого. — *К.Р.*), в которой говорилось о том, что Троцкий считает очень желательным установление мною более близкой связи с троцкистскими командирскими кадрами. *Я через Путьна устно ответил согласием*, записку же Седова я сжег» (ЦА ФСБ РФ, АСД № Р-9000 на Тухачевского М.Н. и др. «Следственное дело». Протокол допроса Тухачевского. От 26 мая 1937 года. Т. 1. Л. 15-19.).

Конечно, бывший маршал не был самоубийцей и не спешил раскрывать всю подноготную действий заговорщиков. Об этом свидетельствует протокол допроса Тухачевского от 27 мая: «...Должен сказать, что на допросе 26 мая я был неискренен и *не хотел выдать советской власти всех планов военно-троцкистского заговора, назвать всех известных мне участников* и вскрыть всю вредительскую, диверсионную и шпионскую работу, проведенную нами.

...Еще задолго до возникновения антисоветского военно-троцкистского заговора я в течение ряда лет группировал вокруг себя враждебно настроенных к соввласти, недовольных своим положением командиров и фрондировал с ними против руководства партии и правительства. Поэтому, когда в 1932 г. мною была получена директива от Троцкого о создании антисоветской организации в армии, у меня уже фактически были готовые преданные кадры, на которые я мог опереться в этой работе.

...Путна устно мне передал, что Троцким установлена непосредственная связь с германским фашистским правительством и генеральным штабом...

...В 1932 г. мною лично была установлена связь с представителем германского генерального штаба генералом Адамом. До этого Адам в конце 1931 г. приезжал в Советский Союз, и сопровождавший его офицер германского генерального штаба Нидермайер усиленно обрабатывал меня в плоскости установления с ними близких, как он говорил, отношений. Я отнесся к этому сочувственно. Когда я в 1932 г. во время германских маневров встретился с генералом Адамом, то по его просьбе передал ему сведения о размере вооружений Красной армии, сообщив, что к моменту войны мы будем иметь до 150 дивизий»⁵³.

Контакты Тухачевского с руководителем Рейхсвера С. Адамом происходили во время его поездок на маневры в Германию, а немецкий разведчик Нидермайер в указанный период являлся официальным представителем Рейхсвера и встречался с заместителем наркома как официальное лицо. Поэтому, не горя желанием открывать действительное содержание связей с немцами, подследственный переводил стрелку на менее опасные темы, чем работа на иностранную державу. В этот день он написал заявление:

«Помощнику нач-ка 5-го Отдела ГУГБ НВД Ушакову

Будучи *следствием изобличен* в том, что я возглавлял антисоветский военно-троцкистский заговор, *мне ничего другого не оставалось, как признать свою вину* перед советской властью, что я и сделал 26-го мая.

Но так как мои преступления безмерно велики и подлы, поскольку я лично и организация, которую я возглавлял, занималась вредительством, диверсией, шпионажем и *изменяла Родине*, я не мог встать на путь чистосердечного признания всех фактов, относящихся к заговору. Поэтому я избрал путь двурушничества и под видом раскаяния думал ограничить свои показания о заговоре, *сохранив в тайне наиболее важные факты, а главное, участников заговора*.

Эта *новая подлость...* была развенчана следствием... Я решил на этот раз окончательно и бесповоротно вполне честно сознаться во всех моих антигосударственных преступлениях, назвать всех известных мне участников заговора, выдать все его планы. Прошу предоставить мне возможность, ввиду многочисленности фактов, о которых я должен показывать, *продиктовать мои показания стенографистке*, причем заверяю Вас *честным словом*, что ни одного факта не утаю, и у Вас не будет ни теперь, ни позже никакого основания упрекнуть меня в неискренности данного моего заявления. Тухачевский. 27.5.37»⁵⁴.

Сделав такое заявление, далее подследственный сдавал своих подельников, уже не обременяя себя моральными проблемами. Рассказывая 27 мая о составе заговора, он показал, что «в число центра входили: он, Тухачевский, С. С. Каменев,

⁵³ ЦА ФСБ РФ, АСД № Р-9000 на Тухачевского М.Н. и др. Т. «Судебное производство».

⁵⁴ ЦА ФСБ РФ. АСД № Р-9000 Заявление от арестованного Тухачевского М.Н. от 27 мая 1937 г. Т. 1. Л. 22-22 об.

Фельдман, Эйдеман», а также Примаков «после его приезда в Москву из Северо-Кавказского военного округа». Он пояснил, что «связь между военным центром и организацией правых поддерживалась им через Горбачева и Петерсона, которые были связаны с Енукидзе, Ягодой, Бухариным и Рыковым». Связь с Троцким установил сам через Ромма, а с одним из руководителей центра Пятаковым был связан лично.

Он сдавал своих подельников без жалости. На вопрос: «Кто им лично был завербован в заговор?» — Тухачевский ответил: в 1932 году — Фельдман, Смолин, Алафузо; в 1933 году — Ефимов, Путна, Эйдеман и Вакулич; в 1934 году - Якир, Горбачев, Примаков, Аппога, Василенко, Белицкий; в 1935 году — Корк, Сергеев, Чайковский, Вольпе; в 1936 году - Инно. Кроме перечисленных лиц, он назвал среди завербованных бывшего заместителя начальника ВВС РККА Наумова и начальника Научно-исследовательского химического института РККА Рохинсона.

В этот же день Тухачевский сделал признания и о террористических намерениях заговорщиков. Он показал: «Одновременно готовились террористические акты против членов Политбюро ЦК ВКП(б). Основных террористических групп было три: одна из них возглавлялась Горбачевым, в нее входили Егоров и Петерсон; вторая возглавлялась Туровским, в нее входили Шмидт и Зюк. Эта группа готовила совершение террористического акта против Ворошилова. Третья группа была организована Примаковым в бытность его в Ленинграде».

Реагируя на предложение следователя «назвать всех известных ему заговорщиков», Тухачевский показал, что в заговор вовлечены: комдивы Савицкий (нач. штаба ЗакВО), Давидовский (командир 11-го механизированного корпуса) — со слов Фельдмана, Кутяков, Воронков (командир формируемой химической дивизии ПВО), Егоров (начальник Военной школы имени ВЦИК), Петерсон (со слов Горбачева), Лапин, Д. Шмидт, Туровский, Зюк, Розылко, Ольшевский, Козицкий, Тухарели, Ольшанский, Щеглов и др.

Вглядываясь в пространные списки фамилий военных, названных Тухачевским и его подельниками, не может не возникнуть естественное недоумение. В чьей голове вообще могла позже возникнуть даже мысль о реабилитации участников группы Тухачевского? Ведь если даже допустить, что заговора не было, то уже сама выдача следствию других лиц является преступлением. По юридическим меркам это оговор и клевета. Но по моральным - подлость.

28 мая в Москве был арестован командующий Закавказским военным округом И. Э. Якир, а на следующий День в Вязьме та же участь постигла командующего Белорусским военным округом Уборевича. Участник расследования Зиновий Ушаков позже так описал свой успех: «Я переехал с Леплевским в Москву, в декабре 1936 г. ... я буквально с первых дней поставил диагноз о существовании в РККА и Флоте военно-троцкистской организации, разработал четкий план ее вскрытия; и первый же получил такое показание от бывшего командующего Каспийской военной флотилией Закупнева... я шел уверенно к раскрытию

антисоветского военного заговора. В то же время я также уверенно шел по другому отделению на Эйдемана и тут также не ошибся.

Ну, о том, что Фельдман Б. М. у меня сознался в участии в антисоветском военном заговоре, на основании чего 22 числа того же месяца начались аресты Ефимова и др., говорить не приходится. 25 мая мне дали допрашивать Тухачевского, который сознался 26-го, а 30 я получил Якира. Ведя один, *без помощников* эту тройку и имея указание, что через несколько дней дело должно быть закончено для слушания, я, *почты не ложась спать*, вытаскивал от них побольше фактов, побольше заговорщиков»⁵⁵.

Действительно, Зиновию Ушакову было трудно. Меня показания, подследственный стремился сбить его с толку. Очередное «покаяние» Тухачевский написал 29 мая. В нем он признавался, что, «несмотря на его обещание говорить правду, *он снова дал неправильную информацию*». Впрочем, недостатка информации к этому времени у следственного аппарата уже не было. Офицерам ГБ оказалось достаточно четырех дней, чтобы набрать претендентов на скамью подсудимых, причем не для одного процесса.

Арестованный одновременно с Тухачевским 22 мая 1937 года литовец Эйдеман первоначально был доставлен во внутреннюю тюрьму НКВД, а на следующий день его перевели в Лефортовскую. 25 мая он написал заявление на имя Ежова. Как и его сообщники, в нем он сообщал о своей согласии «помочь следствию» в раскрытии преступления.

Следствие по делу Эйдемана вел майор ГБ Агас. Агас (Мойсыф) Вениамин Соломонович родился в семье еврея-приказчика, и в 1905—1907 годах жил с отцом в США. Работу в органах ГПУ УССР он начал в 1925 году.

В мае 1931 года его перевели в центр, назначив помощником начальника ЭКО ПП ОГПУ по Московской области. В феврале 1933 года он стал секретарем заместителя председателя ОГПУ, а с 10.07.34 по 28.01.37 год - секретарь заместителя наркома внутренних дел Агранова. В январе 1937 года он получил пост заместителя начальника 5-го отделения ГУГБ, на котором прибыл до 28 марта 38 года.

А в 1937 году протокол допроса Эйдемана Ежов направил Сталину, Молотову, Ворошилову и Кагановичу 28 мая. Нарком писал в сопроводительном письме: «Направляю протокол допроса Эйдемана Р. П., бывшего председателя Центрального Совета Осоавиахима СССР, от 27 мая с. г. Эйдеман показал, что был вовлечен в антисоветский военно-троцкистский заговор Тухачевским и проводил активную вредительскую работу. Как участников военно-троцкистского заговора Эйдеман назвал Фельдмана, Ефимова, Петерсона, Корка, Горбачева, Фишмана, Осеяна и Вольпе. (...)Прошу санкции на арест всех названных Эйдеманом участников заговора в системе «Осоавиахима». Далее были перечислены, фамилии еще 13 работников Осоавиахима, названных Эйдеманом.

⁵⁵ Материалы комиссии под председательством Н. Шверника 1960 г.

В тот же день, 28 мая, «по приезде в Москву» из Ленинграда, арестовали и командарма 1-го ранга Якира, ранее, с мая 1935 года, занимавшего пост командующего Киевским военным округом, а на следующий день на станции Вязьма был арестован другой командарм 1-го ранга — командующий Белорусским ВО Уборевич, ехавший в Москву из Смоленска в салон-вагоне своего поезда. Доставленные во внутреннюю тюрьму НКВД Якир и Уборевич содержались в одиночных камерах за литерными номерами.

Но, еще не зная об аресте своих сообщников, глава заговора расширял свои признания. В протоколе допроса Тухачевского от 29 мая 1937 года зафиксировано: «...Военный заговор возник в 1932 г. и возглавлялся руководимым мною центром. Должен сообщить следствию, что еще задолго до этого я участвовал в антисоветских группировках и являлся агентом германской разведки.

С 1928 года я был связан с правыми. Енукидзе, знавший меня с давних пор и будучи осведомлен о моих антисоветских настроениях, в одном из разговоров сказал мне, что политика Сталина может привести страну к гибели и что смычка между рабочими и крестьянами может быть разорвана. В связи с этим Енукидзе указывал, что программа Бухарина, Рыкова и Томского является вполне правильной и что правые не сдадут своих позиций без боя. В оценке положения я согласился с Енукидзе и обещал поддерживать с ним связь, информируя его о настроениях командного, политического и красноармейского состава Красной Армии. В то время я командовал Ленинградским военным округом...

Во время 16 съезда партии Енукидзе говорил мне, что хотя генеральная линия партии и победила, но что деятельность правых не прекращается и они организованно уходят в подполье... После этого я стал отбирать и группировать на платформе несогласия с генеральной линией партии недовольные элементы командного и политического состава... Ромм рассказал мне, что Троцкий ожидает прихода к власти Гитлера и что он рассчитывает на помощь Гитлера в борьбе Троцкого против Советской власти»⁵⁶.

30 мая дополнил ранее данные показания и сам Енукидзе. Он сообщил, что еще в 1932 году узнал от Томского, что по решению блока создан «единый центр [штаб] военных организаций [в рядах РККА], в который входили Корк, Путна и Примаков во главе с Тухачевским»². Связь с «военным центром» он поддерживал через Корка³. Но уже накануне допроса Енукидзе, 29 мая, Тухачевский написал через следователя Ушакова (Ушамирского) новое заявление: «Народному комиссару Внутренних дел СССР Н. И. Ежову.

Обличенный следствием в том, что я, несмотря на свое обещание сообщать следователю исключительно правду, в предыдущих показаниях неправильно сообщил по вопросу о начале своей антисоветской работы, настоящим заявляю, что хочу исправить эту свою ошибку.

⁵⁶ЦА ФСБ РФ АСД № Р-9000. «Следственное дело». Протокол допроса Тухачевского от 29 мая 1937 г. Т. 1. Л. 42-44.

Еще в 1928-ом г. я был втянут Енукидзе в правую организацию. В 1934-ом г. я лично связался с Бухариным.

С немцами я установил шпионскую связь с 1925-ого г., когда я ездил в Германию на учения и маневры и где установил связь с капитаном фон Цюлловым. ...При поездке в 1936-ом г. в Лондон Путна устроил мне свидание с Седовым, и я имел разговор о пораженческих планах и об увязке действий антисоветского военно-троцкистского заговора и германского генерального штаба с генералом Румштедт, представителем германского фашистского правительства.

Помимо этого в Лондоне я имел встречу с командующим эстонской армией генералом Лайдонером и с американским журналистом в кабинете у Путна (фамилии не помню), приехавшим из фашистской Германии и являющимся гитлеровским агентом. Разговор шел о задачах германского фашизма в войне против СССР. В Париже я встретился с Титулеску, с которым обсуждал вопрос о характере возможных действий германо-польско-румынских войск в войне против СССР.

Я был связан, по заговору, с Фельдманом, Каменевым С. С., Якиром, Эйдеманом, Енукидзе, Бухариным, Караханом, Пятаковым, Смирновым И. Н., Ягодой, Осепяном и рядом других.

Впервые на всем этапе следствия, в течение четырех дней, я заявляю вполне искренне, что ничего не буду скрывать от следствия. Тухачевский 29.5.37»⁵⁷.

И без какой-либо паузы 30 мая, опросом членов и кандидатов в члены ЦК, было оформлено постановление: «Утвердить следующее предложение Политбюро ЦК: Ввиду поступивших в ЦК ВКП данных, изобличающих члена ЦК ВКП Якира и кандидата в члены ЦК ВКП Уборевича в участии в военно-фашистском троцкистско-правом заговоре и в шпионской деятельности в пользу Германии, Японии и Польши, исключить их из рядов ВКП и передать их дела в Наркомвнудел».

Уже сама хронология событий, с сопутствующей ей секретной перепиской, свидетельствует о спонтанности арестов, осуществлявшихся по мере появления в ходе следствия новых показаний. Можно ли в таком случае подозревать следователей и руководителей государства в «необоснованности» репрессивных мер? Можно ли даже просто гипотетически предположить, что профессионалы госбезопасности без достаточных оснований хватили «генералов» высокого ранга? А руководство страны, якобы «зная», что НКВД производит необоснованные аресты, давало санкции на неправовые меры? Нет, следствие велось по всем правилам профессионального сыска, и специалистам с Лубянки не было необходимости заниматься фальсификацией фактов.

Для выяснения истины они применяли совсем другие приемы. 30 мая стало днем очных ставок. В этот день, в связи с новыми арестами, следователи устроили Ионе

⁵⁷ ЦА ФСБ РФ, АСД № Р-9000 на Тухачевского М.Н. и др. «Следственное дело». Заявление от арестованного Тухачевского М.Н. от 29 мая 1937 г. Т. 1. Л. 37-38.

Якиру и Августу Корку очную «встречу» с Тухачевским. Ее проводили начальники отделов ГУГБ: особого — комиссар ГБ 2-го ранга Израиль Моисеевич Леплевский, 4-го — майор ГБ Михаил Иосифович Литвин и начальник 6-го отделения этого же отдела капитан госбезопасности Глебов (настоящая фамилия - Юфа). Присутствовали Ежов и его заместитель Фриновский.

Правда, на ней между поделщиками возникли некоторые разногласия. Если эстонец Корк показал, что в состав центра заговора входили он, Корк, Якир и Эйдеман, то Тухачевский называл верхушку центра в числе: он, Тухачевский, Каменев, Фельдман и Эйдеман. В протоколе очной ставки между Корком и Тухачевским от 30 мая 1937 года указывается:

«Вопрос Корку: Чем вы объясняете, что Тухачевский... все-таки не выдает Уборевича?

Ответ: ...Очевидно, у Тухачевского есть надежда на то, что не все провалено, не вся наша организация раскрыта, что, очевидно, нужно оставить корни отдельных важных лиц, которые в связи с общим большим провалом все-таки смогут продолжить через некоторый промежуток времени нашу контрреволюционную заговорщическую работу, особенно на западном фронте.

Ответ Тухачевского: Корк неверно показывает о целом ряде фактов. Я объясняю ряд неточностей, которые допускает Корк здесь, на следствии, тем, что он не вполне точно уяснил себе его личную роль в нашем военном заговоре... Я Корка организационно в наш заговор не вовлекал...

Вопрос Корку. Вам отводилась серьезная роль в правотроцкистской военной организации и к этой роли Вас привлек Тухачевский?

Ответ: Безусловно.

Вопрос Корку: Почему Тухачевский ваше положение в организации, ваше отношение к центру заговора представляет в совершенно ином свете?

Ответ: ...В моих интересах было бы *ухватиться сейчас* за то, что Тухачевский сказал про меня лично, но так как я с самого начала встал на путь чистосердечного признания, то я категорически отрицаю все, что Тухачевский сказал в отношении меня и состава центра заговора... Тухачевский почему-то меня и Уборевича хочет отвести от этого дела. Почему Тухачевский хочет сохранить Уборевича, я высказал свои соображения. Может быть, и в отношении меня у Тухачевского те же соображения, но я, ставши на путь признаний, не могу сейчас замазывать ту роль, которую я выполнял под руководством Тухачевского.

Вопрос Тухачевскому: ...Вы по каким-то соображениям роль Корка смазываете, так же как и скрываете роль Уборевича....

Ответ: ...Путает или забывает Корк, — не знаю.

Вопрос Тухачевскому. Показания Корка более последовательны, чем ваши. Но не в этом в конце концов дело. Мы хотим знать правду, как было на самом деле?

Ответ. Корк имел возможность больше меня восстановить эти факты: он раньше меня арестован»⁵⁸.

На основе этого эпизода все апологеты бывшего «маршала» подчеркивают якобы нестыковку показаний подследственных и почти «крах» следствия: Тухачевский был «неудобен» — следствие дало сбой. Такой вывод выглядел бы комично, если бы в действительности эти кажущиеся противоречия не имели для подследственных принципиального значения. Дело в том, что Корк имел в виду, можно сказать, первую стадию заговора, когда к 1931 году в среде правых возникла мысль о совершении «дворцового переворота». А Тухачевский в свою очередь хотел отмежеваться от участия в подготовке «переворота» уже в то время и относил свою активную деятельность в заговоре *на более поздний период*.

Впрочем, вопрос «о дворцовом перевороте» был рассмотрен в тот же день, 30 мая, когда очную ставку с Корком дали и Уборевичу. Ее, уже без Ежова и Фриновского, провела та же команда следователей и помощник Леплевского — майор госбезопасности Карелин. На этой «встрече», подтверждая ранее сделанные признания, Корк показал, что в еще «июле 1931 г. он был завербован секретарем ЦИК СССР А.С. Енукидзе *в состав военной организации*, а спустя несколько месяцев Тухачевский сказал ему, что в организацию входят также Уборевич, Якир и Эйдеман».

Корк рассказывал, что примерно в октябре того же года он получил от Тухачевского поручение — пойти на квартиру к Уборевичу и поговорить с ним о новых кадрах для организации. Там он застал своего помощника по материально-техническому обеспечению Д.И. Косича, и они втроем обсуждали вопрос о кадрах. Корк также показал, что при очередных встречах с Енукидзе последний сообщил ему, что *план переворота в Кремле* при помощи вооруженной силы — школы ВЦИК — *согласован с Тухачевским*.

Рассказывая о встречах, проходивших у Тухачевского в 1932-1935 годах, Корк сообщил, что на них присутствовали Тухачевский, он, Корк, Уборевич, Эйдеман и не всегда Якир. При этом он пояснил, что «вопрос осуществления переворота в Кремле принял затяжной характер. Сигнала о выступлении, который должны были дать Рыков и Бухарин, почему-то не было». Поэтому на новых встречах заговорщики рассматривали «темы пораженческого характера».

Одно из таких «сборищ», как называл их Корк, состоялось в начале 1935 года, когда военный атташе в Англии Путна «привез свежие сведения из Германии. Во встрече участвовали: Тухачевский, Корк, Уборевич, Якир, Эйдеман. Обсуждался вопрос, как осуществить пораженческий план. На этом сборище, — отмечал Корк, — Тухачевский сказал нам, что до сих пор он вел переговоры на эту тему разрозненно, т.е. разговаривал с нами отдельно, как с основными руководителями

⁵⁸ ЦА ФСБ РФ. АСД № Р-9000. Протокол очной ставки между Корком А.И. и Тухачевским М.Н. от 30.05.1937. Т. 1 Л. 78-85.

заговора, а теперь хочет поговорить с нами вместе. Уборевич на этом совещании полностью согласился с теми установками, которые выдвинул Тухачевский.

Он (Уборевич) тогда сказал Корку, что тот во время войны будет командовать армией на правом фланге Западного фронта и что эта армия будет наступать в общем направлении на Ригу. В ходе боевых действий левый фланг и тылы армии будут поставлены под удар противника со стороны Вильно, обеспечив тем самым поражение»⁵⁹.

Однако Уборевич отрицал все сказанное Корком. Так, в частности, он сослался на то, что в оперативном плане Белорусского округа 1935 года нет направления выхода армий на Ригу. На этот довод Корк резонно заявил: «Что касается вопросов оперативного плана, то разве можно было бы допустить, чтобы те соображения, которые я, Уборевич, Якир под руководством Тухачевского составляли, мы могли бы включить в письменную разработку. *Ведь тогда нас точно бы разоблачили*».

В этот предпоследний день весны в кабинетах архитектурно строгого здания на Лубянке арестованные имели неограниченную возможность долго смотреть друг другу в глаза. На состоявшейся в тот же день очной ставке с Якиром Корк заявил, что «уже в 1931 г. он и Якир вошли в руководящую группу военного заговора по свержению сталинского руководства». Осенью того же года заговорщикам стало известно, что «правые решили осуществить в Кремле переворот при помощи вооруженной силы — школы имени ВЦИК. Поскольку осуществление этого плана по разным причинам откладывалось, то он (Корк) и Якир, встречаясь у Тухачевского, неоднократно обсуждали вопросы военного заговора в целом, детали замыслов о перевороте в Кремле, подрывной работе в Красной Армии».

Как и Уборевич, первоначально Якир эти показания Корка отверг. Он даже возмутился: «Я всегда знал, что Корк очень нехороший человек, чтобы не сказать более крепко, но я никогда не мог предположить, что он просто провокатор».

Однако настырного эстонца не смутило это «возмущение» подельника. На вопрос следователя, кого он знает из членов военной организации в Москве, Корк назвал Петерсона, Косича, Ошлея и Веклевича. Он показал, что в отношении командующих военными округами «глава их организации Тухачевский обещал говорить с ними отдельно, рассматривая как опору военного заговора на местах. В Киевском военном округе такой опорой был Якир». На вопрос следователя Якиру «Подтверждает ли он показания Корка?» тот ответил: «Категорически отрицаю и буду дальше отрицать»

Но «долго» отрицать эти факты Якир не стал. Проведя бессонную ночь, после доверительной беседы со своим «единородпем» следователем Зиновием Ушаковым, уже на следующий день (31 мая) Якир написал заявление Ежову: «Я хочу... *помочь*

⁵⁹ Здесь и далее цит. по: *Черушев Н.* «Невиновных не бывает» М., 2004. С. 260-280.

ускорить следствие, рассказать все о заговоре и заслужить право на то, что советское правительство поверит в мое полное разоружение».

Подследственный так объяснял мотивы, по которым он решился на признания: «Тридцатого мая Вы лично с исчерпывающей ясностью следственными материалами доказали полную безнадежность дальнейшего запирательства с моей стороны... Я в своих показаниях расскажу о всех делах и лицах правотроцкистского заговора, известных мне, с тем, чтобы помочь до конца разгромить эту подлую организацию». Дальше, уже с «чистой» совестью, Якир выполнял свое обещание. В последующие семь дней Ушаковым были получены от Якира *«шесть собственноручных показаний и оформлены два протокола его допросов»*. Однако эти документы до сих пор остаются засекреченными. Поэтому оставим читателю право самому сделать вывод: почему они так тщательно скрываются?

Но, как пишет военный историк Н. Черушев, на последовавших допросах Якир показал, что «в 1933 году (он) был вовлечен Тухачевским в заговор и ознакомлен с его целями и задачами. В конце 1934 года Тухачевский, при встрече с ним, (Якиром) и Уборевичем, посвятил их в планы Кремлевского переворота, который намечался на 1936 год, когда Гитлер должен будет закончить подготовку к войне. Тогда же Тухачевский назвал непосредственных организаторов заговора: Енукидзе, Н. Г. Егорова и еще «каких-то чекистов», среди которых Якир смог запомнить только фамилию еврея Паукера.

Итак, уже после первых допросов все арестованные стали делать признания, и все-таки наиболее старательно сотрудничал со следствием Борис Фельдман. Этот крупный высокий мужчина, косая сажень в плечах и более ста килограммов веса, демонстрировал исключительную лояльность, скорее даже услужливость.

В этом отношении представляет интерес следующая записка Фельдмана: «Помощнику начальника 5 отдела ГУГБ НКВД Союза ССР тов. Ушакову. Зиновий Маркович! Начало и концовку заявления я написал по собственному усмотрению. (...) Благодарю за Ваше внимание и заботливость — я получил 29-го печенье, яблоки, папиросы и сегодня папиросы, откуда, от кого, не говорят, но я-то знаю, от кого. Фельдман. 31.V.37 г.».

Если предположить, что Фельдман за папиросы «продал» Тухачевского, то последнему следовало сомневаться, с кем связываться... Но какие же «пытки»? «Избиения» — «кровь» на потолке? О каких «костоломах» с Лубянки историки рассказывали всему миру более полувека? Интеллигентные люди... которым от души хочется сделать признания. Заговорщик Фельдман просто сам рвется к сотрудничеству со следствием.

В этом пространном заявлении Фельдман пишет: «После очной ставки с арестованным Тухачевским М.Н. (25 мая) и написания мною последних показаний от 23 мая Вы обещали вызвать меня к себе для сообщения (дачи) всех тех дополнительных фактов, относящихся к контрреволюционной деятельности армейской организации, которые я восстановлю в своей памяти. *Не дождавшись*

вызова и после краткого разговора с Вами сегодня ночью я решил написать Вам из камеры, изложив новые обстоятельства, касающиеся заговора, о которых вспомнил за последние дни...»

Конечно, участники военного заговора не были борцами, вдохновленными идеей. Они хватались за любую соломинку. В приложении к записке Фельдман с подобострастием пишет: «Изложив Вам все факты, о которых я вспомнил за последние дни, все же прошу Вас, т. Ушаков, вызвать меня лично к Вам. Я хочу через вас или т. Леплевского передать народному комиссару внутренних дел Союза ССР тов. Ежову, что я готов, если это нужно для Красной Армии, выступить перед кем угодно и где угодно и рассказать все, что я знаю о военном заговоре.

И это чистилище (как Вы называли чистилищем мою очную ставку с Тухачевским) я готов пройти. Показать всем вам, которые протягивают мне руку помощи, чтобы вытянуть меня из грязного омуты, что Вы не ошиблись, определив на первом же допросе, что Фельдман не закоренелый, неисправимый враг, над коим не стоит поработать, потрудиться, чтобы он раскаялся и помог следствию ударить по заговору. Последнее мое обращение прошу передать и тов. Ворошилову. Б. Фельдман. 31.V.1937 г.».

Начальника отдела внешних сношений НКО еврея А. И. Геккера, на причастность которого к заговору Примаков указал 21 мая, арестовали 30-го числа. Уже через день (1 июня) в заявлении на имя Ежова Геккер признал себя виновным и назвал своим вербовщиком Тухачевского. На последовавших допросах 1 и 9 июня он подтвердил показания, добавив, что был в близких отношениях с Серебряковым и Сокольниковым и разделял взгляды правых — Рыкова, Бухарина. Геккер показал, что знал о Тухачевском как главе центра заговора военных и по его поручению установил связь с генеральными штабами Германии и Японии.

Абсурд в том, что этих названных и других подобных им слабых и безвольных людей, без малейшего сожаления сдающих друг друга в «руки» следствия, конъюнктурная пропаганда возвела в ранг «великих полководцев». Блудливо утверждая, будто бы в том случае если бы Сталин «не уничтожил» этих военачальников, то Красная Армия не понесла бы тех неудач, которые она потерпела на первом этапе войны.

Трудно сказать, почему в это время сразу не арестовали одного из идеологов заговора начальника Политуправления РККА Гамарника. Правда, 30 мая Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о его увольнении с должности. В решении отмечалось: «Отстранить т. Гамарника и Аронштама (родственника жены Тухачевского. — *К.Р.*) от работы в Наркомате обороны и исключить их из состава Военного Совета, как работников, находившихся в тесной групповой связи с Якиром, исключенным ныне из партии за участие в военно-фашистском заговоре».

Но когда на следующий день, 31 мая, по приказу Ворошилова к Гамарнику явились заместитель начальника Политуправления А. Булин и начальник управления делами Наркомата обороны И. Смородинов, чтобы объявить приказ об

увольнении из Красной Армии, Гамарник застрелился. Он пустил в себя пулю сразу после ухода посетителей. У него уже не оставалось иллюзий в отношении своего будущего. Вскоре были арестованы его ближайшие сотрудники. М. В. Сангурского, который пользовался покровительством Гамарника и был заместителем командующего Дальневосточным фронтом Блюхера, арестовали 1 июня.

Глава 10. Германские связи

Если 30 мая сложилось в вереницу очных ставок, то 31-е число можно назвать днем заявлений или «моментом истины»; правда, Уборевич написал свое — лишь 1 июня. В нем он признал, что является членом антисоветского военного заговора и намерен правдиво изложить все обстоятельства, связанные с его участниками. «Заговор, — указывал бывший командующий Белорусским военным округом, — возник в 1934 году», и тогда же его «вовлек в заговор Тухачевский». Этот документ на имя Ежова, изложенный на 19 страницах, позже был представлен на совещании Военного совета. Уборевич пояснял, что заговору предшествовала «военная групповщина», направленная против единства в армии и лично против Ворошилова. В результате он (Уборевич) сблизился с Тухачевским, а тот свел его с Якиром, который был в близких отношениях с Гамарником».

Он отмечал, что «антисоветские настроения в этой группе росли, а после прихода к власти в Германии Гитлера у него, Уборевича, Тухачевского и Якира появилось неверие в военную мощь Советского государства и они считали, что в будущей войне с Германией и Японией, а также с Польшей Красная Армия потерпит поражение». И все-таки, говоря о возникновении заговора лишь в конце 1934 года, Уборевич указывал на момент *собственного вхождения в число его участников*. Он отмечал, что это был период, когда их (заговорщиков) «неверие переросло в пораженчество». И это послужило толчком к тому, что Тухачевский, Якир, Уборевич «начали проводить активную контрреволюционную работу, направленную на создание условий, обеспечивающих поражение Красной Армии в будущей войне».

Уборевич писал, что до его включения в состав центра Тухачевский говорил о существовании заговора «лишь намеками», и делает отсюда вывод, что тот, видимо, «не доверял ему». Решающий разговор состоялся в 1935 году. Тогда Тухачевский заявил, что «*на троцкистов и правых следует смотреть как на попутчиков, а в действительности же он думает о своей единоличной диктатуре*». Тогда же Тухачевский сказал ему и о сроках государственного переворота, который «приурочен к возникновению войны с Германией, Японией и Польшей».

Уборевич указал, что после Киевских маневров «в конце 1935 г. Тухачевский в присутствии Якира рассказал о другом варианте государственного переворота - в условиях войны». План Тухачевского сводился к тому, что «верные заговорщикам воинские части неожиданным налетом арестовывают членов правительства и

руководство ВКП(б). Хотя подробностей Тухачевский при этом им с Якиром не излагал, но назвал людей, игравших руководящую роль в заговоре: Якир, Гамарник, Корк, Эйдеман».

В числе других участников заговора Тухачевский назвал Уборевичу «сотрудников центрального аппарата Наркомата и Генерального штаба Роговского, Белецкого, Ольшанского, Аппогу, Левичева и начальника штаба Киевского военного округа Кучинского». Признаваясь в собственной вербовке заговорщиков, Уборевич назвал еще десять человек. В их числе были: начальник штаба руководимого им Белорусского военного округа комдив Бобров, командир 5-го стрелкового корпуса комдив Казанский, бывший начальник ВВС округа комкор Лапин, командир 2-го стрелкового корпуса комдив Эюзь-Яковенко и бывший его начальник штаба округа комдив Мерецков.

Итак, не прошло и недели после первого допроса Тухачевского, как все арестованные дали признательные показания. Они признали, что составили заговор с целью свержения существовавшей власти. Подтвердили, что для достижения своих интересов пошли на сделку с чужеземцами, разработав «План поражения» в случае нашествия иноземных врагов. То есть фактически сознались в нарушении военной присяги. Разве это не признание в измене стране и ее народу?

Однако подследственные не только признали свое участие в заговоре, - они привели в показаниях сотни фамилий лиц, вовлеченных в заговор; и все названные ими соучастники будут расстреляны! То есть, «сдав» их, организаторы переворота совершили низкое предательство по отношению к соучастникам готовившегося переворота. Но если они лишь оклеветали своих армейских коллег, то это выглядит еще безнравственнее. Хуже, чем трусость, — это подлость негодяев, спасавших свою собственную шкуру. Как ни крути, а поступки членов «команды» Тухачевского аморальны и преступны по любым меркам.

Обращает на себя внимание то, что следователи-профессионалы не спешили проводить первые допросы арестованных. Тухачевский, арестованный 22 мая, не допрашивался — до 25-го, а Фельдман, выразивший готовность давать показания уже 15 мая, попал к следователю только 19-го числа. И это не было случайностью. Такая «выдержка» делалась умышленно, с расчетом на то, что, оказавшись в первый раз в жизни в одиночной камере, изолированной от внешнего мира, арестованный пребывал в состоянии стресса, когда минуты тянутся как вечность. Полная изоляция, отчаяние от потери перспектив дальнейшей своей судьбы заставляли тысячу раз «прокручивать» в подсознании обстоятельства, вызвавшие заключение.

В мучительных душевных пытках от ощущения неизвестности воля быстро иссякает, ломается, и, когда арестованного вызывают на допрос, он воспринимает встречу со следователем почти как обретенное благо. Однако та поспешность, с которой стал давать показания Тухачевский, поразила даже специалистов НКВД. Следователь Ушаков-Ушамирский, который вел дело Тухачевского, рассказал: «Я

его пальцем не тронул и был поражен, что такой сильный физически и духовно (маршал, герой войны) так сразу во всем признался».

Но есть и другая причина слабости, приведшая заговорщиков к признаниям. Эти люди не прошли царские тюрьмы, подобно революционерам-профессионалам. «Командуя» воинскими соединениями, они сами не ходили в штыковую атаку, у них не было возможности закалить свое мужество. Они были и дилетантами политической борьбы, да и бороться им было не за что — у них отсутствовала идея, высокий смысл, ради которого можно было пойти с гордо поднятой головой на эшафот. Единственное, что какой-то период могло удерживать их от разоблачения подельников, была робкая попытка не демонстрировать собственную трусость. Но когда следователи *предоставляли им уличающие показания других подследственных*, они «сливали» признания, уже не испытывая «угрызений совести». Предательство уже не ущемляло остатки стыда за проявленное малодушие. Теперь, услужливо сдавая сообщников, заговорщики выгораживали только себя.

В следственном деле сохранились собственные показания Тухачевского, «написанные его рукой на 143 страницах»! Они «аккуратно разделены на несколько глав, с подпунктами, исправлениями и вставками. Написаны они четким почерком со всеми знаками препинания, абзацами и примечаниями. В них он последовательно, поэтапно и скрупулезно вскрывает детали заговора». Свой «эпистолярный труд» он завершил 1 июня.

Тухачевский предварил его пояснением: «Настойчиво и неоднократно пытался отрицать как свое участие в заговоре, так и отдельные факты моей антисоветской деятельности, но под давлением улики следствия я должен был признать свою вину. В настоящих показаниях я излагаю свою антисоветскую деятельность в последовательном порядке». Обусловливая хронологическую линию, он писал: «В 1928 году я был освобожден от должности начальника штаба РККА и назначен командующим войсками ЛВО.

Будучи *недоволен своим положением и отношением ко мне со стороны руководства армии*, я стал искать связи с толмачевцами. Прежде всего я связался с Марголиным... Я договорился с ним, что мы будем поддерживать связь и... выявлять несогласных с политикой партии работников».

Речь идет о слушателях курсов усовершенствования высшего политсостава при Военно-политической академии имени Толмачева. Борясь за место под солнцем, еще в октябре 1927 года «комиссары» открыто выступили против введения в армии единоначалия, ущемлявшего карьерные интересы политработников. Летом 1928 года «во время полевых занятий» Тухачевский вошел в контакт с командиром 11-й стрелковой дивизии евреем Туровским, тоже голосовавшим «за толмачевскую резолюцию». Тухачевский писал: «Туровский указал мне на командира полка Зюка... Я переговорил с Зюком и также условился с ним о связях и выявлении недовольных.

Зимой с 1928 по 1929 год... во время одной из сессий ЦИКа со мной заговорил Енукидзе... слышавший о моем недовольстве своим положением и о том, что я фрондировал против руководства армией. Енукидзе говорил о том, что политика Сталина ведет к опасности разрыва смычки между рабочим классом и крестьянством, что правые предлагают более верный путь развития... Я рассказал Енукидзе... о большом числе комсостава, не согласного с генеральной линией партии, и о том, что я установил связи с рядом командиров и политработников, не согласных с политикой партии. Енукидзе ответил, что я поступаю вполне правильно... Я продолжал информировать Енукидзе о моей работе...»

Конечно, военного, считавшего себя непризнанным «гигантом» военной мысли, меньше всего волновала проблема «смычки между рабочим классом и крестьянством». Прежде всего он интересовался собственной карьерой. Как уже говорилось ранее, стремясь выделиться, в 1929 году он написал записку об оснащении армии 50 000 танками и 40 000 самолетами.

«Резкая критика, которой подверглась моя записка, — продолжал он, — меня крайне возмутила, и поэтому, когда на XVI съезде партии Енукидзе имел второй разговор, я весьма охотно принимал его установки. Енукидзе говорил... что правые хотя и побеждены, но не сложили оружия, перенеся свою деятельность в подполье. (...) Енукидзе сказал, что он связан с руководящей верхушкой правых и что я буду от него получать дальнейшие директивы»⁶⁰.

Напомним, что в это время отстранения от власти Сталина жаждали не только правые. 21 октября 1928 года «В письме друзьям» Троцкий указывал: «В СССР может сложиться военный заговор и армия может положить конец большевистскому режиму». Намек был более чем прозрачным. Однако Лейба Бронштейн поспешил с выводами. В действительности «репетиции» заговора начались лишь в 1931 году. Именно в это лето на даче Томского в Болшеве состоялось совещание правых, на котором в числе участников присутствовали Фома (А. П. Смирнов) и Ягода. Тогда же работник Главтрансмаша троцкист И. Н. Смирнов, а через него и Пятаков встретились в Берлине с сыном Троцкого Львом Седовым.

В июле 1931 года Тухачевского вернули из Ленинграда в Москву и назначили на должность заместителя наркома по военным и морским делам и начальником вооружения РККА, однако он не забыл о своих «обидах». Он писал в показаниях: «Недовольство отношением ко мне со стороны армейского руководства все еще *продолжало иметь место*, о чем я неоднократно разговаривал с Фельдманом, Якиром, Уборевичем, Эйдманом и др.»

Конечно, Тухачевский лукавил, сводя смысл разговоров только к «брюзжанию». Правда, следует признать, что в это время он действительно был не столь активен, как другие руководители правых. Он мог претендовать лишь на первую скрипку, но

⁶⁰ Показания Тухачевского М. Н. от 1 июня 1937 года. Цит. по: *Сойма В.* Запрещенный Сталин. С. 150-151.

не на руководство всем оркестром заговорщиков. По предложению Рыкова роль непосредственного политического руководителя «дворцового переворота» взял на себя секретарь ЦИК Енукидзе, который уже в июле 1931 года завербовал в состав участников переворота командующего Московским военным округом эстонца Августа Корка и коменданта Московского Кремля латыша Рудольфа Петерсона. Причем сценарий путча не был оригинальным.

На допросе 20 мая 1937 года Петерсон показал: «общий замысел Енукидзе по осуществлению «дворцового переворота» сводился к тому, чтобы работавшие в Кремле члены организации правых произвели нападение на руководителей партии и правительства и *либо изолировали их, либо уничтожили*. План переворота мыслился путем вербовки работников Кремля в организацию правых и использования их служебного положения для устранения руководителей ВКП(б)».

Бросается в глаза, что верхушку заговорщиков составляли люди не коренных национальностей страны, а выходцы из Прибалтики, и в этом была определенная логика. Но более важным являлось само служебное положение военных. Командующий Московским военным округом Август Корк одновременно был и начальником гарнизона Москвы, которому по вопросам внешней охраны подчинялся комендант Кремля Петерсон.

В протоколе допроса Корка от 26 мая 1937 года указано: «Для захвата власти при помощи вооруженной силы, которая выделена для этой цели военной организацией... Мы рассчитывали для этого использовать школу ВЦИК». Корк показал, что сигнал о выступлении должен был поступить от Енукидзе, который лидерами правых, в лице Рыкова и Бухарина, был назначен руководителем этой операции.

Обсуждение акции заговорщики провели летом 1931 года, а в начале осени они уточнили детали. Корк показал на допросе, что это произошло, когда он *«проводил инспекторскую стрельбу»* курсантов школы, находившихся в лагерях под Москвой. После окончания стрельб и ухода курсантов в бараки на стрельбище остались: командующий войсками МВО Корк, комендант Кремля Петерсон, начальник школы Горбачев и его заместитель, он же начальник учебного отдела, Егоров. Захват Кремля и членов правительства заговорщики намеревались осуществить в ночное время. При обсуждении плана начальник школы ЦИК Горбачев *«предложил на случай перестрелки со стороны членов правительства либо выключить свет, либо бросить в зал заседания дымовую шашку»*⁶¹.

В написанных собственноручно показаниях Тухачевский благоразумно умолчал, что он узнал о готовившемся перевороте еще на стадии его зарождения, но Корк не забыл такие «мелочи». 30 мая 1937 года на очной ставке со своим подельником он показал: «Я с Тухачевским *еще в 1931 году* вел разговор в отношении военного

⁶¹Цит. по: Черушев Н. «Невиновных не бывает». Чекисты против военных 1918-1953. М., 2004. С. 260.

переворота в Кремле»⁶². Правда, в это время Тухачевский еще не решался претендовать на пост диктатора, но он явно не желал оставаться в роли постороннего. Примерно в октябре того же года, рассказывал Корк на следствии, «я получил от Тухачевского поручение пойти на квартиру к Уборевичу» для обсуждения вопроса о привлечении *«новых кадров для организации»*, пока еще незначительной по численности. По словам Корка, на дальнейших встречах с Енукидзе последний тоже сообщил ему, что план переворота в Кремле при помощи вооруженной силы (школы ВЦИК) согласован с Тухачевским.

Впрочем, в отличие от других соучастников, именно в это время у Тухачевского появилась возможность не оставаться в роли исполнителя чужих замыслов, он хотел быть более значимой фигурой. Дело в том, что зимой 1931/1932 года на приеме в Москве состоялось его знакомство с *начальником германского генерального штаба генералом Адамом и сопровождавшим его офицером штаба Нидермайером*. После обеда, данного в честь гостя Ворошиловым, Нидермайер, отмечено в показаниях Тухачевского, «очень ухаживал за мной... говорил о необходимости наличия между Красной Армией и рейхсвером самых тесных отношений». К разговору присоединился генерал Адам, и беседа с ним создала условия для того, чтобы уже в 1932 году, по персональному приглашению немцев, Тухачевский поехал за границу для присутствия на «германских маневрах».

Кайзеровская Германия имела сплоченный офицерский корпус, традиционно комплектовавшийся «из прусского юнкерства» и представлявший собой «замкнутую касту» еще до начала Первой мировой войны. И когда в 20-е годы возникло советско-германское сотрудничество, немцы начали усиленно прививать России идеологию своего «военно-политического государственного режима». Она была сформулирована в свое время фон Сектом. Полковник Фишер писал руководителю «Ц-МО» Лит-Томсену: «Мы (рейхсвер) более всего заинтересованы в том, чтобы приобрести еще большее влияние на русскую армию, воздушный флот и флот».

В контактах военных двух стран сразу же приняла самое активное участие и германская разведка — Абвер. У самых истоков этого сотрудничества стоял известный разведчик полковник Вальтер Николаи. Служил в Абвере и руководитель «ГЕФУ» майор Чунке, а техническим директором общества «Юнкере» являлся Шуберт, во время империалистической войны служивший начальником разведотдела Восточной армии. В связи с появлением в Советской России большого количества немецких промышленников, коммерсантов, обществ и концессий в циркуляре ОГПУ отмечалось:

«...Личный состав этих предприятий *подбирается в большинстве своем из бывших офицеров германской армии и, отчасти, из офицеров бывшего германского*

⁶² Там же. С. 269-270.

генерального штаба. Во главе этих предприятий очень часто мы видим лиц, живших ранее в России, которые до и во время революции привлекались к ответственности по подозрению в шпионаже. По имеющимся и проверенным нами закордонным сведениям, в штабе фашистских организаций Германии имеются точные сведения о состоянии, вооружении, расположении и настроении нашей Красной Армии».

Впрочем, у немцев сохранилось в России множество агентов еще со времен Гражданской войны. И многочисленным немецким специалистам, приехавшим на работу в СССР, не стоило труда восстановить с ними прежние связи. Бывший германский посол в Москве Брокдорф-Ранцау писал в своих мемуарах:

«По меньшей мере пять тысяч немецких специалистов работали на промышленных предприятиях, рассеянных по всей огромной стране Советов.... Эти инженеры были ценным источником информации. Наиболее крупные из них поддерживали тесный контакт с посольством и консульствами. Благодаря им мы были хорошо информированы не только об экономическом развитии страны, но и по другим вопросам, например о настроении населения и внутренних событиях. Я не думаю, чтобы когда-нибудь любая другая страна располагала столь обширным информационным материалом, как Германия в те годы»⁶³.

Как отмечает В. Колесников, наиболее регулярно с ответственными работниками РККА общался Нидермайер. Он поддерживал тесные контакты с начальником управления ВВС Петром Барановым, его замом Яковом Алкснисом, начальником военно-химического управления Яковом Фишманом. «По службе Нидермайер часто встречался с Тухачевским, Уборевичем, Якиром, Корком, Блюхером, с начальником Разведупра Арвидом Зейботом, а позже с его преемником Яном Берзиным». Примечательно, что на допросах в НКВД многие подследственные «часто называли своим вербовщиком Нидермайера».

Конечно, не все контакты военных из окружения генерала фон Секта и германофилов из рядов Красной Армии были шпионскими. За рюмкой коньяка они превращались почти в дружеские, особенно в тех случаях, когда взаимные встречи получали продолжение. Так, в 1925 году заместитель начальника Штаба РККА Тухачевский был приглашен на германские маневры, а на маневрах РККА присутствовала группа офицеров рейхсвера. В сентябре 1926 года в СССР побывали два офицера рейхсвера — обер-лейтенант Гельмут Вильберг, ритмейстер Пауль Ешоннек, а затем — и шеф ветеринарной инспекции рейхсвера доктор Пец. В этом же году восемь краскомов РККА присутствовали на маневрах в Деберице и Мекленбурге. А в августе — сентябре 1927 года шесть офицеров рейхсвера во главе с полковником Хансом Хальмом посетили очередные маневры войск Красной Армии. После их завершения Тухачевский и командующий Киевским военным округом Якир дали прием в честь немецких гостей.

⁶³ Колесников В. Тайная миссия Нидермайера // Служба безопасности. 1993. № 3-4.

В том же августе 27-го с ответным визитом в Германию отправились восемь высокопоставленных советских военачальников. Среди них были: начальник штаба Северо-Кавказского военного округа Иван Федько, начальник командного управления в военном комиссариате Николай Куйбышев, корпусной командир Иван Дубовой и специалисты в области газовой войны и кавалерии Ян Жигур и Михаил Баторский. Позже у коллег рейхсвера побывал начальник транспортного отдела Штаба РККА Борис Барский. В целом за 1927 год Советский Союз посетило 25 немецких офицеров, а Германию — 27 краскомов.

В это же время стала складываться практика кратковременного обучения советских военачальников в немецких военных учебных заведениях. Впервые на учебу в Германию в ноябре 1927 года выехали: командующий СКВО командарм 1-го ранга Уборевич, а на 3,5 месяца — начальник Академии им. Фрунзе комкор Р.П. Эйдемман и начальник III управления Штаба РККА комкор Э.Ф. Аппога. Вместе с немецкими слушателями они присутствовали на лекциях академических курсов рейхсвера, посещали казармы, знакомились с зимним обучением в частях войск, с организацией управления армией и ее снабжения. Уборевич провел в Германии 13 месяцев и участвовал и в штабных учениях рейхсвера, проводимых под руководством Бломберга, в апреле 1928 года.

После возвращения в итоговом докладе Уборевич подробно описал учебу, маневры, полевые поездки, а в 1929 году он был назначен начальником вооружений РККА в ранге зампреда РВС. В 1928 году Германию посетили следующие две группы командиров. В одну вошли Эйдемман, Аппога, Тодорский и Корк. Последний сопровождал группу краскомов в качестве советского военного атташе в Германии. В другую группу входили Якир, Федько и Бобров.

В декабре 1928 года для обучения в академии генерального штаба Германии отправилось еще пятеро советских военных. Командующий Украинским военным округом Иона Якир, командир шестого корпуса Жан Зомберг и начальник отдела I (оперативного) управления Штаба РККА Василий Степанов побыли там год, а Ян Лацис и Роман Лонгва — полгода. Особенно понравился немцам Якир; по завершении курса он получил подарок от президента Гинденбурга — книгу Альфреда фон Шлифена «Канны» с дарственной надписью. В качестве ответного визита почти год был гостем Штаба Красной Армии генерал-майор Ганс Хальм.

В 1928 году в СССР прибыл полковник Хильмар фон Миттельбергер, который ознакомился с Военной академией им. Фрунзе, военными училищами в Ленинграде и Первой пролетарской дивизией в Москве. В этом же году в Германии побывали командующие ВВС четырех западных военных округов: Петр Межероуп, Александр Кожевников, Феликс Ингаунис и Иван Павлов. По плану 1929 года различные маневры в СССР должны были посетить 14 германских офицеров. В июле первая группа побывала на маневрах под Харьковом и Новочеркасском, а прибывшая в сентябре группа подполковника Германа Гейера посетила Ленинград.

Там немцы «встретились с командующим военным округом Михаилом Тухачевским и начальником его штаба Борисом Фельдманом».

В 1929 году на маневры рейхсвера выехали: командующий Белорусским военным округом Александр Егоров, корпусной командир Михаил Калмыков, командир 24-й дивизии Евгений Даненберг и начальник Ленинградской артиллерийской школы Алексей Федотов. А с 1930 года немцы получили возможность не только присутствовать на маневрах и встречаться с советскими военачальниками, но и знакомиться с отдельными подразделениями.

Так, в течение 1930 года «генерал-майор Хальм неоднократно приезжал в 24-ю дивизию Украинского военного округа — как в зимний городок, так и в летние лагеря». Он же бывал в 10-й летной бригаде Московского военного округа, а капитан Генрих Ашенбреннер — в 20-й летной бригаде в Харькове. В 1930 году старший лейтенант кавалерии Лео Гейер фон Швеппенбург, майор Вальтер Бешнитт и капитан артиллерии Курт Крузе изучали работу танковой школы в Казани. Соответственно командующий Северо-Кавказским округом Иван Белов получил возможность присутствовать «на маневрах 1-й дивизии в Восточной Пруссии».

Но основным событием года стало посещение СССР Вильгельмом Адамом. Этому визиту предшествовала сентябрьская поездка в СССР трех руководителей отделений его ведомства: полковников Ганса Файге, Вильгельма Кейтеля и Вальтера фон Браухича. В то же время референт военной техники в отделении фон Браухича майор Вальтер Модель провел несколько недель в частях Красной Армии, в том числе в 9-й дивизии в Ростове-на-Дону. Тогда же в Германии побывали заместитель начальника ВВС РККА Алкснис и начальник штаба ВВС Меженинов, которых в поездке сопровождал генерал-майор Миттельбергер. Параллельно корпусные командиры Борис Горбачев, Семен Тимошенко и начальник курсов «Выстрел» Борис Ушинский посетили школы рейхсвера.

В апреле 1930 года в учебную командировку на курсы сухопутных войск в Германию выезжала группа краскомов в составе Э.Д. Лепина, М. Н. Драйера и Э.Я. Админа. С декабря 1930 по июнь 1931 года на II и III академических курсах рейхсвера обучались командующие: Северокавказским военным округом Е. П. Белов и Среднеазиатским ВО П. Е. Дыбенко, Белорусским — А.И. Егоров и другие. В последней группе, обучавшейся в Германии с декабря 1932 по июль 1933 года, были четыре краскома: командующий Сибирским военным округом М. К. Левандовский, комкор Дубовой, Примаков и С. С. Урицкий.

Описывая занятия и посещения военных училищ в Дрездене, Ютеборге, Мюнхене, Ганновере, Вюнсдорфе, Куммерсдорфе, руководитель группы Левандовский в докладах и письмах Наркому обороны «подводил Ворошилова к выводу» о том, что «германская армия на сегодняшнем ее этапе *не является показательной* для нашего командира».

Правда, в письме Ворошилову от 10 апреля 1933 года, подписанном членами всей группы, в том числе Левандовским и советским военным атташе в Германии В. Н. Левичевым, по итогам посещения нескольких военных школ рейхсвера указывалось:

«В области моторизации артиллерийского оружия и средств связи немцы стоят гораздо выше, чем это нам показывают (...). Наши вузы являются кузницей *массового производства*, у них — *поштучного* — *строго по заказу* (...). У нас в школах есть тенденция самоподготовку превращать в коллективную, бригадную подготовку. Для командира же совершенно необходимо воспитать навыки к самостоятельной работе. В немецкой школе на это делается большой упор, и действительно получают в результате вполне самостоятельных командиров». Однако применить этот опыт обучения в Красной Армии позже никто из обучавшихся даже не пытался.

Начиная с 1927 и по 1933 год включительно еще одной формой контактов военачальников двух стран стали взаимные поездки на полевые, тактические занятия и маневры РККА и рейхсвера. В июле 1927 года в Германию приезжали заместитель Председателя РВС Уншлихт, в 1930 году — начальник Черноморского флота В. М. Орлов и, опять же, заместитель Председателя РВС и начальник вооружений Уборевич. С подобной же целью в мае 1928 года в СССР выезжали заместитель начальника генштаба рейхсвера полковник Х. фон Миттельбергер.

С 19 августа по 17 сентября 1928 года в СССР находилась делегация во главе с начальником штаба рейхсвера Тэломбергом. С ним приехал начальник войскового отдела, что равнозначно уровню начальника Генштаба, генерал-майор Вернер фон Бломберг. «В состав делегации входили генерал Э. фон Бусше-Иппенбург, командиры полков полковники Фр. Кохенхаузен, Э. Кестринг, майор В. Бешнит (разведка), капитаны Х. Хельмих (разведка), О. Хартман (контрразведка) и адъютант Бломберга — К. Галленкамп. Целями визита являлись: осмотр военных школ в Казани, Липецке и «Томки», а также установление личных контактов с ведущими руководителями РККА и изучение Красной Армии.

Затем делегация Бломберга присутствовала на воздушных маневрах под Гомелем и на маневрах УВО под Киевом. В Москве и Ленинграде Бломберг встретился практически со всеми руководителями РККА (наркомвоенмор Ворошилов, начальник Штаба РККА Шапошников, начальник УВВС Баранов, начальник ВОХИМУ Фишман, новый командующий ЛВО Тухачевский, зам. командующего УВО Блюхер)».

В 1929 году в СССР приезжал новый начальник генштаба генерал К. фон Хаммерштайн-Экворт; в 1930 году - полковник Х. Хальм и генерал В. Хайе, а также инспектор транспортных войск рейхсвера полковник О. фон Штюльпнагель. В 1931 году состоялись визиты преемника Хаммерштайна генерала В. Адама, в 1933 году — начальника вооружений генерала А. фон Боккельберга.

Во время своего посещения СССР в мае 1928 года заместитель Бломберга полковник Миттельбергер изучал не только состояние РККА, но и политические взгляды советских командиров. В своем отчете особое внимание он уделил начальнику Штаба Тухачевскому, занимавшему этот пост с ноября 1925 года по май 1928 года. Характеризуя его как «честолюбивого человека», Миттельбергер писал: «Общеизвестно, что он является коммунистом лишь по оппортунистическим причинам. Здесь отдают должное и его личному мужеству, способности рискнуть и отойти от коммунизма, если в ходе дальнейшего развития событий ему это показалось бы целесообразным».

Отмечая, что в Советском Союзе наблюдается «отход армейских офицеров от коммунистической идеологии», Миттельбергер отводил решающую роль Красной Армии в случае переворота в СССР. О Тухачевском он записал, что его отставка с поста начальника Штаба РККА объясняется несогласием правительства с его высказываниями о превентивной войне против Польши и опасениями, что он мог бы возглавить переворот в СССР.

Еще один германский полковник, Х. Хальм, приехавший в СССР в 1926 и в 1927 годах, дважды побывал на осенних маневрах РККА. С 15 сентября 1929 года началась его вторая полугодовая «миссия» в Москве — теперь уже в качестве советника по всем тактико-оперативным вопросам. В своем отчете от 2 ноября о Военной академии им. Фрунзе, составленном на основе трехнедельного пребывания в ней, из числа руководства и профессорского состава академии он отметил А. Свечина, А. И. Верховского, И. И. Вацетиса, Ф.Ф. Новицкого и др. бывших офицеров царской армии. Однако он невысоко оценил работу академии в целом. По его мнению, «на самых ответственных преподавательских постах» академия не располагала профессорско-преподавательским составом *с опытом руководства соединениями всех родов войск в мирное либо в военное время*.

Поскольку Гражданская война тоже не давала такого опыта, то по завершении обучения слушатели академии уходили в армию без хорошо *«натренированных способностей командира»*.

То есть, по мнению германского профессионала, академия не обеспечивала полноценной подготовки современных военачальников. Хальма делал вывод: «Надо было бы вести, прежде всего, подготовку руководителей по другому руслу». К мнению Хальма в Штабе РККА прислушались, и в 1930 году в академии в качестве преподавателей военной истории 2-3-го курсов начали работать германские майоры: будущий генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс, К. Бреннеке и Г.-Х. Райнхардт. По распоряжению военного министерства Германии они в течение трех лет, с 1930 по 1933 год, работали в СССР в качестве военных советников. Занятия по тактической подготовке в академии тоже вели будущие генерал-фельдмаршалы, а тогда подполковник В. Кейтель и майор В. Модель.

В августе — сентябре 1929 года по приглашению советского правительства в СССР почти 6 недель находился еще один перспективный немецкий профессионал

— Хаммерштайн. Группа «Хаммерштайна-Кюленталья» осмотрела рейхсверовские «объекты» в Липецке, Казани и «Томку», а также несколько советских военных объектов, в том числе Центральный военный химический полигон (ЦВХП) в Шиханах (близ г. Вольска), и почти две недели немцы провели на осенних маневрах УВО под Киевом. Став позже главнокомандующим рейхсвера, Хаммерштайн занимал этот пост почти четыре года — до конца января 1934 года.

Новый начальник штаба рейхсвера генерал Адам, сменивший в 1930 году генерал-полковника Хаммерштайна, прибыл в СССР с официальным визитом в ноябре 1931 года. Его сопровождали подполковник Э. фон Манштейн и капитан Хофмайстер. Адам посетил в Москве Военную академию, школу ВЦИК, военную школу в Харькове и ряд войсковых подразделений РККА, в числе которых были кавалерийский и танковый полки, харьковская воздушная бригада, моторизованный разведотряд в Киеве. 11 ноября 1931 года на обеде в Кремле, устроенном Ворошиловым в честь генерала Адама, присутствовали с женами Енукидзе, Крестинский, Тухачевский, Егоров, Корк.

С германской стороны, тоже с женами, были посол Дирксен, советники Хильгер и Твардовский, полковник Кестринг, а также подполковник Манштейн и капитан Хофмайстер. На этом обеде Адам и Дирксен и имели продолжительную беседу с Тухачевским, назначенным в июне 1931 года начальником вооружений РККА.

С 1932 года интенсивность контактов между германскими и советскими военными стала возрастать. Весной для обсуждения технических вопросов в СССР приехали генерал-лейтенант Миттельбергер, капитан Ешоннек и полковник Фишер. С такой же целью в Германию отправились инспектор ВВС Василий Хрипин и начальник управления механизации и моторизации РККА Иннокентий Халепский. В сентябре войска Северо-Кавказского военного округа посетили 8 немецких офицеров. В числе членов делегации были полковники комендант Кенигсберга Вальтер Хейц, начальник пехотной школы в Дрездене Вальтер Шрот и подполковник Эрих фон Манштейн. Там вместе с членами итальянской военной миссии они наблюдали высадку парашютистов в горах возле Тбилиси.

Беседа Адама и Дирксена с Тухачевским во время приема в Кремле обусловила то, что вскоре после вступления Ф. фон Папена на пост рейхсканцлера, в сентябре 1932 года, в Германию была приглашена советская военная делегация во главе с начальником вооружений РККА Тухачевским. В состав делегации вошли начальник Управления по комначсоставу Борис Фельдман, руководитель управления боевой подготовки Александр Седакин, командующий МВО Борис Горбачев и другие командиры. Они вместе с военным атташе СССР в Германии Яковом Зюзь-Яковенко присутствовали на сентябрьских маневрах рейхсвера в районе Франкфурта-на-Одере.

Цель осенних маневров рейхсвера состояла в разработке способов борьбы в случае войны с Польшей, которая, по замыслу маневров, «используя незащищенную границу с Силезией», вторглась большими силами и по широкому

фронту в Германию, создав непосредственную угрозу Берлину. На маневрах присутствовало все руководство рейхсвера, включая президента Германии фельдмаршала Гинденбурга. Были приглашены все военные атташе и представители иностранных государств, за исключением Польши, Франции, Бельгии, Сербии. Итальянскую армию представлял помощник начальника Генштаба Монти.

Тухачевскому немцы уделили подчеркнутое внимание, «и в машине, и в поле, и за столом» ему предоставлялось «первое и почетное место». Во время поездки Тухачевский встретился с высшим военным руководством Германии Адамом, Шляйхером и Хаммерштайном, а также был принят президентом Германии фельдмаршалом П. фон Гинденбургом. Такое почтительное отношение щекотало самолюбие тщеславного военного, оказавшегося в центре заинтересованности немецких профессионалов.

Тем более что он и его окружение почувствовали особое, кастовое положение руководителей армии в Германии. «Немецкий офицер, — писал Фельдман в отчете, — профессионал, мастер высокого класса»... «Немецкий буржуа и интеллигент любит военщину, любит рейхсвер»⁶⁴. Судя по отчету Фельдмана, на Тухачевского и его сопровождение большое впечатление произвели «высокая степень моторизации и телефонизации рейхсвера, хорошая выучка солдат и офицеров, их спокойно-равнодушное отношение к маневрам, достоинство, с которым держатся старшие офицеры».

После разбора маневров во Франкфурте, в котором участвовали Гинденбург и Хаммерштайн, делегация Тухачевского отбыла в Берлин, где задержалась на три дня. Затем Тухачевский и Фельдман посетили Кенигсбергский полигон, аэродром в Темпельхофе и заводы Сименса, а Седякин — пехотную школу в Дрездене. В конце ноября в Германию приехали начальник отдела ПВО Генштаба Михаил Медведев и комбриг Сергей Чернобровкин, посетившие немецких летчиков. Это далеко не полный перечень дружественных визитов, приведенных в работе Манфреда Цейдлера, вышедшей в Мюнхене в 1993 году, — «Рейхсвер и Красная Армия. 1920-1933 гг.». По немецким подсчетам, в 1926-1933 годах в Германии побывало 143 командира РККА.

Пребывание Тухачевского в Германии в 1932 году составило почти 4 недели — с 18 сентября по 12 октября. Но естественно, что контакты военных высокого ранга не ограничивались официальными мероприятиями. «Личное общение, приемы и ужины, прогулки и дружеские попойки, во время которых за долгими разговорами на полупьяную, а чаще совсем пьяную голову добывалась информация, прощупывалась почва, устанавливались связи».

Трудно сказать, насколько далеко заходили советские и немецкие профессионалы в застольных беседах. Возрастала ли дружественность от количества выпитого

⁶⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 5. Л. 25-50.

коньяка и шампанского? Касались ли обсуждаемые темы вопросов политики? Говорили ли об общности интересов и задач? Или военные рассуждали только о лошадях и женщинах?

Как бы то ни было, но традиционно особое, даже независимое положение военной элиты в германском обществе не могло не дать обильную пищу для размышления и советским краскомам. Тем более что 1932 год, ставший труднейшим моментом периода коллективизации, мог склонить чашу весов власти в СССР в любую сторону. И если бы противостояние кулацкой деревни аграрным реформам, проводимым правительством, было активно поддержано лидерами правой оппозиции, то армия могла стать единственным аргументом реальной политики и в СССР. Таким же убедительным, как позиция германского генералитета, уже в начале следующего года поддержавшего приход к власти Гитлера.

Но, чтобы «не гадать на кофейной гуще» и не строить произвольные предположения, сошлемся на уже известную информацию. В своих показаниях Тухачевский пишет: «В 1932 году я продолжал неоднократные разговоры наедине с Фельдманом. Я предложил ему организовать на платформе правых взглядов военную группу, которая могла бы... *принимать необходимые меры*. Фельдман согласился, и таким образом было положено начало антисоветскому военно-троцкистскому заговору. Я сообщил Фельдману, что мною установлена связь с Енукидзе, который представляет руководящую верхушку правых».

Конечно, подследственный не собирался раскрывать следствию всю подноготную своей деятельности. Он избегал деталей, опуская содержание замыслов и конкретных действий заговорщиков. Но чтобы создать видимость искренности признаний, он называл фамилии десятков людей, вовлеченных им в заговор. Бесцеремонно сдавая их на заклатие, он фактически готовил черновики расстрельных приговоров и не испытывал угрызений совести.

Так, он охотно признается: в 1932 году, во время поездки в отпуск на Кавказ, завербовал командарма РККА (бывшего подпоручика царской армии) И. И. Смолина: «Я предложил ему вступить в группу, которую я нелегально сколачиваю в армии». В числе других командиров, вовлеченных в заговор в это время, он называет начальника Штаба РККА М. И. Алафузо (бывшего капитана царской армии) и заместителя начальника ВВС А. К. Наумова.

Но он не мог аргументированно опровергнуть показания других свидетелей и поэтому был вынужден подтвердить свидетельство корреспондента ТАСС в Женеве и Париже Ромма и своего подельника Фельдмана. Тухачевский писал в показаниях:

«После отпуска на Кавказе я был командирован на большие германские маневры. Среди командированных был Фельдман. В пути вместе со мной оказался и Ромм, которому Троцкий поручил связаться со мной. Ромм передал мне, что Троцкий активизировал свою работу как за границей, в борьбе с Коминтерном, так и в СССР, где троцкистские кадры подбираются и организуются. ...Ромм передал, что *Троцкий*

просит меня взять на себя задачу по собиранию троцкистских кадров в армии. Между прочим, Ромм сообщил мне, что Троцкий надеется на приход к власти Гитлера, а также на то, что Гитлер поддержит его, Троцкого, в борьбе с Советской властью»⁶⁵.

На такую связь указывал сам Фельдман. 23 мая 1937 года он написал следователю: «Предполагаю, что Тухачевский сносился с Троцким через Ромма. В 1932 г., когда я ехал в Германию вместе с Тухачевским, последний познакомил меня с Роммом в вагоне. Перед отходом поезда из Москвы Тухачевский и Ромм о чем-то *таинственно разговаривали на платформе станции*. Судя по тому, как Тухачевский уединялся с Роммом, встречался в Берлине, я заключаю, что Ромм являлся связующим звеном между Тухачевским и Троцким».

Однако, признав эти факты и упомянув о банкете, данном после окончания маневров в честь гостей главнокомандующим рейхсвера Гаммерштейном, Тухачевский не стал распространяться о содержании своей доверительной беседы с начальником германского генерального штаба генералом Адамом.

Он лукавил и в том, что вербовку в заговор командующего МВО эстонца Корка отнес к лету 1933 года во время «опытных учений» под Москвой. Правда, отмежевываясь от предшествующих событий, он благоразумно указал: «Я тогда не знал, что Корк уже был завербован Енукидзе. Я сообщил Корку, что имею связь с Троцким и правыми, и поставил ему задачу вербовать новых членов в МВО». Поэтому на очной ставке, состоявшейся 30 мая 1937 года, «настырный эстонец» разоблачил ложь бывшего начальника. Корк возмущенно показал:

«Я с Тухачевским еще в 1931 году вел разговор в отношении переворота в Кремле. Тухачевский мне заявил то, о чем я первоначально узнал от Енукидзе еще в июне 1931 года. Т. е. о том, что правыми намечен контрреволюционный переворот в Кремле, опираясь на школу ВЦИК, и что в это дело втянуты Петерсон, Горбачев и Егоров. Тухачевский мне подтвердил, что мы должны предусмотреть как первый шаг в конечном плане наших действий, — это переворот в Кремле. *Разговор об этом у меня с Тухачевским произошел в 1931 году»⁶⁶.*

Во избежание неясности скажем еще раз, что знакомство Корка с Тухачевским, как и еще одного кандидата в число «расстрелянных полководцев» — Уборевича, нельзя отнести к шапочному. И тот и другой уже в 1923-1924 годах занимали должности помощников командующего Западным фронтом. Но еще до этого Уборевич «повоевал» вместе с будущим главой заговора при подавлении восстания тамбовских крестьян. Признавшись во вступлении в число заговорщиков, Корк рассказывал следователям, что в дальнейшем, в 1932-1933 годах, он неоднократно встречался у Тухачевского с Уборевичем, когда тот приезжал из Смоленска на заседания Реввоенсовета. Сборы у Тухачевского продолжались в 1934-1935 годах.

⁶⁵ Там же. С. 151-152.

⁶⁶ Цит. по: *Черушев Н.* «Невиновных не бывает». Чекисты против военных 1918-1953. С. 267 - 268.

Кроме Тухачевского, на этих «встречах присутствовали он, Корк, Уборевич, Эйдеман и не всегда Якир». Корк отмечал: так как к этому времени вопрос об осуществлении переворота в Кремле «принял затяжной характер, а сигнала о начале выступления, который должны были дать Рыков и Бухарин, почему-то не было», то поэтому на этих встречах обсуждались проблемы пораженческого характера.

В историографии утвердилось наивное мнение, будто бы после назначения Гитлера 30 января 1933 года на пост рейхсканцлера весь мир воспринимал его как демоническую личность. В действительности это лишь закостенелый штамп. Наоборот, до сентября 1939 года на Западе, да и в остальном мире, новый лидер Германии рассматривался как политическая фигура, способная спасти цивилизацию от нашествия «сталинского большевизма».

Что касается Тухачевского, то он воспринял возвышение Гитлера почти восторженно. Так, 13 мая 1933 года на прощальном приеме германской военной делегации расчувствовавшийся маршал сделал многозначительное заявление: «Всегда думайте вот о чем: вы и мы, Германия и СССР, *можем диктовать свои условия всему миру, если будем вместе*».

Пикантность в том, что эта мысль была оглашена уже после поджога Рейхстага и обвинения гитлеровской пропагандой в этом коммунистов, уже после официального прекращения советско-германского сотрудничества. Кто уполномочил заместителя наркома произнести такие слова? Никто! Он говорил лишь о том, о чем мечтал сам, Но не слишком ли много позволял себе бывший подпоручик? Развивая свою мысль, он пояснял: «Не забывайте, что *нас разделяет наша политика, а не наши чувства, чувства дружбы Красной Армии к рейхсверу*». Нет необходимости доказывать, что «кандидата в наполеончики» не устраивала не политика Гитлера, а политика Сталина. Как раз против Вождя и его политики «полководец» готовил тайный заговор.

К тому, что симпатии Тухачевского целиком были отданы Германии, существовали определенные причины. Как сказано выше, уже с середины 20-х годов он достаточно продолжительно общался с германскими генералами и офицерами. Он даже давал коллегам свои советы. В отчете начальника вооружений германской армии генерала В. фон Боккельберга отмечается: в мае 1933 года Тухачевский «на завтрак в узком кругу *неоднократно подчеркивал, что для того, чтобы Германии выйти из затруднительной политической ситуации, он желает ей как можно скорее иметь воздушный флот в составе 2000 бомбовозов*».

Конечно, это не было предложением забросать бомбами СССР. До такой мысли Тухачевский еще не додумался. Идеей фикс «гениального» стратега было желание наказать Польшу. Наголову разгромленный поляками в годы Гражданской войны, он страстно мечтал взять реванш. Он жаждал «войти» в Варшаву победителем. Еще в 1932 году он разработал план по разгрому Польши, в котором предусматривалось нанесение «ударов тяжелой авиации по району Варшавы».

Но он не отторгал и возможность приобрести союзников. В своих показаниях от 1 июля 1937 года он писал, что на банкете, данном после окончания германских маневров «главнокомандующим Рейхсвера Гаммерштейном, генерал Адам вновь возобновил со мной разговоры, начатые на банкете в Москве... Генерал Адам подчеркивал серьезность, с которой он относится к обороноспособности Польши, и напирал на необходимость со стороны СССР самых действенных мер *к подготовке войны*».

Обратим внимание на эту фразу. Речь идет не об отражении военной агрессии со стороны поляков, а именно о действиях по «*подготовке войны*», т.е. о нападении на Польшу. И это не было оговоркой. Как раз на этом замысле и строился «План поражения», который разрабатывали Тухачевский и его подельники. Суть замысла состояла в том, что, нанеся «опережающий» удар по полякам, Красная Армия потерпит поражение, и тогда «подключившиеся» к войне немцы создадут условия, при которых Тухачевский и антисталинские силы придут к власти в СССР.

В этом случае у «маршала» появлялась блестящая перспектива, Объединившись с генералами рейхсвера, он получал возможность стать диктатором и осуществить свою заветную мечту, высказанную на прощальном банкете, — «*диктовать свои условия всему миру*». Однако амбициозный «полководец-подпоручик» не был круглым идиотом и отдавал себе отчет в том, что на пути к власти он не мог повторить успех самоуверенного ефрейтора. В отличие от Гитлера он не был ни признанным политиком, ни даже приличным оратором. Поэтому он оставлял роль идеолога политикам, себе он первоначально презентовал лишь полководческие лавры, а там — чем черт не шутит... Ведь и почитаемый им Наполеон не сразу стал императором Франции.

И все-таки приход Гитлера к власти воодушевил его. Симптоматично, что именно в 1933 году Тухачевский активизирует свою деятельность по вербовке единомышленников. Он пишет в своих показаниях: «По возвращении с Дальнего Востока Путны и Горбачева, кажется, это было в 1933 году, я разговаривал с каждым из них в отдельности. Путна быстро признал, что он связан с Троцким и со Смирновым. Я предложил ему вступить в заговор, сказав, что по этому вопросу имеются прямые указания Троцкого. Путна сразу же согласился»⁶⁷.

Вступление в группу Тухачевского командира корпуса, бывшего прапорщика царской армии литовца Витовта Путны имело практическую значимость. «В дальнейшем, — пояснял Тухачевский — при его назначении военным атташе перед ним была поставлена задача держать связь между Троцким и центром военно-троцкистского заговора. Если не ошибаюсь, около этого же времени я имел разговор со Смирновым И.Н., который сказал мне, что он по директивам Троцкого

⁶⁷ Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 года. Цит. по: *Сойма В.* Запрещенный Сталин. С. 153.

стремится дезорганизовать подготовку мобилизации промышленности в области производства снарядов»⁶⁸.

Тухачевский действительно путает. Разговор с Иваном Никитичем у него состоялся несколько раньше, поскольку 14 января 1933 года начальник управления новостроек Наркомата тяжелой промышленности И.Н. Смирнов был арестован, а в апреле ОСО приговорило его к пяти годам лагерей. А вот вовлечение в состав группы заговорщиков заместителя командующего МВО Бориса Горбачева действительно произошло в 1933 году. Тухачевский пишет: «На мое приглашение вступить в ряды заговора он... сообщил, что им организуется так называемый дворцовый переворот и что у него есть связь с Петерсоном, комендантом Кремля, Егоровым, начальником школы ВЦИК, а также с Енукидзе».

Впрочем, в это время в планах противников Сталина произошла своеобразная трансформация намерений. Неосуществившаяся идея дворцового переворота перманентно перетекала в иные варианты борьбы со Сталиным и его окружением. Тухачевский продолжал: «Примерно в этот же период, т.е. в 1933 — 1934 годы, ко мне в Москве зашел Ромм и передал, что должен сообщить мне новое задание Троцкого. Троцкий указывал, что нельзя ограничиваться только вербовкой и организацией кадров, что нужна более действенная программа, что германский фашизм окажет троцкистам помощь в борьбе с руководством Сталина. И что поэтому военный заговор должен снабжать данными германский генеральный штаб, а также работавший с ним рука об руку японский генеральный штаб, проводить вредительство в армии, готовить диверсии и террористические акты против членов правительства. Эти установки Троцкого я сообщил нашему центру заговора»⁶⁹.

В начале зимы 1933 года, после опытных учений, у Тухачевского состоялся длительный разговор с заместителем наркома С.С. Каменевым. Бывший полковник царской армии, занимавший во время Гражданской войны высшие посты в РККА, в июле 1934 года Каменев был понижен с должности заместителя наркома до начальника управления ПВО, и это задело самолюбие военачальника. Тухачевский писал: «Я начал говорить об ошибках армейского и партийного руководства, Каменев стал вторить моим словам, и я предложил ему стать участником заговора. Каменев сразу же согласился. Я сказал ему, что мы будем считать его членом центра заговора, сообщил ему мои разговоры с Енукидзе и Бухариным, а также с Роммом».

Выполняя установки Троцкого на вредительство, Тухачевский стал собирать в число членов своей команды и военных, связанных с оборонной промышленностью. Он пишет: «Первоначально Каменеву была поставлена задача

⁶⁸ Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 года. Цит. по: Сойма В. Запрещенный Сталин. С. 153.

⁶⁹ Там же.

вредить в области военного хозяйства, которым он руководил как третий заместитель наркома. Затем большую вредительскую работу Каменев развернул как начальник ПВО.

Противовоздушная оборона таких важных объектов, как Москва, Ленинград, Киев, Баку, проводилась им таким образом, чтобы площадь, прикрываемая зенитным многослойным огнем, не соответствовала наличным артиллерийским средствам. Чтобы аэростаты заграждения имелись в недостаточном числе, чтобы сеть ВНОС имела не собственную подводку, а базировалась на сети Наркома связи, и т.п.»⁷⁰. Примечательно, что в 1936 году, после начавшихся арестов военных, Каменев застрелился. Его прах с почестями захоронили в Кремлевской стене, и только после показаний Тухачевского будет установлена его причастность к заговору военных.

К этому же 1933 году Тухачевский отнес вербовку руководителя военного НИИ Рохинсона, который по его поручению «вовлек в заговор и привлек к вредительской работе Гендлера и Либермана». Еще одной жертвой его планов стал бывший поручик царской армии, а в описываемое время начальник Главного артиллерийского управления (ГАУ) Ефимов.

«Фельдман, — писал Тухачевский, — неоднократно говорил мне о том, что Ефимов настроен враждебно к политике партии. Я использовал улучшение наших отношений и однажды заговорил с ним у себя в кабинете о плохой организации промышленности, о плохих настроениях в армии и т.п. Ефимов охотно вступил в разговор, критикуя партийное руководство. Я сказал Ефимову, что как правые, так и троцкисты сходятся на необходимости организовать подпольную работу, чтобы сменить партийное руководство, что армия в стороне оставаться не может, и предложил ему, Ефимову, вступить в военную группу, Ефимов согласился»⁷¹.

Впрочем, в своих показаниях Тухачевский не скрывает, что при вербовке сообщников он намеренно делал ставку на «недовольных». К таковым относился и участник штурма Зимнего украинец Виталий Примаков, являвшийся некоторое время поручением Троцкого, а позже командовал 1-м корпусом червонного казачества. В 20-е годы он стал начальником Высшей кавалерийской школы в Ленинграде, затем — военным атташе в Афганистане и Японии. Однако он явно не тянул на звание «великого полководца», и поэтому в 1933 году его назначили *лишь заместителем инспектора высших учебных заведений*. Тухачевский писал, что вовлечение в заговор Примакова тоже «состоялось в 1933 или 1934 году, когда Примаков был переведен в Москву». Примаков сообщил, что он связан троцкистской деятельностью с Казанским, Курковым, Шмидтом и Зюком⁷².

⁷⁰ Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 года. Цит. по: Сойма В. Запрещенный Сталин. С. 149.

⁷¹ Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 года. Цит. по: Сойма В. Запрещенный Сталин. С. 152.

⁷² Там же. С. 156-165

Симптоматично, что в центре руководства заговором военных сложился перевес прибалтов. Видимо, это связано с происхождением самого Тухачевского. Прапорщик Первой мировой войны литовец Роберт Эйдеман (настоящая фамилия — Эйдеманис), ответственный редактор журнала «Война и революция», занявший с 1932 года еще и пост председателя Центрального совета Осоавиахима, тоже мог причислить себя к *недооцененным личностям*. Причем литовского «полководца» Тухачевский вовлек в заговор лично и в числе первых — ещё в 1932 году. В связи с новыми установками Троцкого Эйдеман попросил дать ему директивы о его деятельности в Осоавиахиме. Тухачевский отметил в показаниях: «Обсудив этот вопрос в центре, мы поставили основной задачей увязку его вредительской работы с Каменевым с тем, чтобы, кроме плохой защиты объектов в отношении ПВО, была дезорганизована и общественная деятельность по ПХВО»⁷³.

В продолжение своих показаний Тухачевский пишет: «В зиму 1933 на 1934 год Пятаков передал мне, что Троцкий ставит задачу обеспечить поражение СССР в войне, хотя бы для этого пришлось отдать немцам Украину, а японцам Приморье. На подготовку поражения должны быть сосредоточены все силы как внутри СССР, так и вне; так, в частности, Пятаков сказал, что Троцкий ведет решительную линию на насаждение своих людей в Коминтерне. Пятаков сказал при этом, что, конечно, эти условия означают реставрацию капитализма в стране»⁷⁴.

Таким образом, к концу 1933 года, т.е. к тому времени, когда Гитлер усиленно упрочивал свою власть, в СССР уже сложилось ядро военного заговора против Сталина. Тухачевский указывал: «По мере получения директив Троцкого о развертывании вредительской, шпионской, диверсионной и террористической деятельности, центр заговора, в который, кроме меня, входили по мере вступления в заговор Фельдман, Эйдеман, Каменев, Примаков, Уборевич, Якир, с которым был тесно связаны Гамарник и Корк, давал различным участникам заговора установки для их деятельности, вытекающие из указанных директив.

Члены центра редко собирались в полном составе, исходя из соображений конспирации. Чаще всего собирались отдельные члены, которым по каким-либо служебным делам приходилось встречаться. Таким образом, развивая свою платформу, от поддержки правых в борьбе против генеральной линии партии, присоединяя к этому в дальнейшем троцкистские лозунги, в конечном счете антисоветский военно-троцкистский заговор встал на путь контрреволюционного свержения Советской власти, террора, шпионажа»⁷⁵.

Касаясь вредительской деятельности участников организации, подследственный писал: «В 1934 году Ефимову была поставлена задача организовать вредительство

⁷³ Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 года. Цит. по: Сойма В. Запрещенный Сталин. С. 156.

⁷⁴ Там же. С. 156-157.

⁷⁵ Там же. С. 156

по линии артиллерийского управления. В частности, в области некомплектного приема элементов от промышленности, приема продукции без соблюдения чертежей литера и т.д., а также было предложено передать немцам данные о численности наших запасов артиллерийских выстрелов. Помимо того в зиму 1935-1936 года я поставил Ефимову и Ольшевскому задачу подготовить на время войны диверсионные взрывы наиболее крупных артиллерийских складов».

В качестве примера он привел и сообщение Туровского о передаче Саблиным польской разведке планов Летичевского укрепрайона и передаче Алафузо полякам и немцам данных «об авиации и мех. соединениях, а также организации ПВО в БВО И КВО». К 1935 году Тухачевский отнес вовлечение в заговор Белицкого, которому он поручил «помогать Эйдеману в осуществлении его вредительских задач», а также Геккера и Чайковского. Позже он завербовал Ольшанского, Сергеева и ряд других военных.

То есть уже к концу 1934 года вокруг группы Тухачевского сформировался достаточно широкий круг военных высокого ранга, способный активно поддержать любое политическое течение, готовое решиться на открытое свержение правящей власти. Наиболее реальной силой для осуществления переворота могли стать правые, опиравшиеся на аппарат Центрального Исполнительного Комитета. Оставалось лишь дожидаться удобного момента.

Однако отстранение в 1935 году Енукидзе с поста секретаря ВЦИК спутало карты не только правых, но и военных заговорщиков. Тухачевский писал: «В 1935 году, поднимаясь по лестнице на заседание пленума ЦК, я встретил последнего, и он сказал, что в связи с его делом, конечно, весьма осложняется подготовка «дворцового переворота», но в связи с тем, что в этом деле участвует верхушка НКВД, он, Енукидзе, надеется, что дело не замрет». По признанию Тухачевского, при этом разговоре Енукидзе посоветовал ему связаться с его доверенным человеком Караханом.

В принципе в этот момент, когда охрана Кремля оказалась в руках Ягоды, шансы заговорщиков даже увеличились. Тухачевский пишет: «На банкете по случаю 60-летия Калинина (в ноябре 1935 г.) Ягода спросил меня: «Ну, как дела, главный из борцов?», а в 1936 году во время парада на Красной площади сказал: «В случае надобности военные должны уметь подбросить силы к Москве», в чем я понял намек на поддержку «дворцового переворота».

Еще в 1934 году к заговорщикам присоединился командующий Украинским военным округом Якир. Тухачевский писал, что «Уборевич и Якир раскритиковали состав центра заговора. Они находили этот состав слишком «беспартийным». Якир считал необходимым усиление не только центра, но даже рядового состава людьми с большим партийным и политическим весом. Ставил Якир и вопрос о том, не правильнее ли центру военно-троцкистского заговора слиться с центром правых или троцкистов. ...Я указал Якиру, что для придания большего аналитического веса

военному заговору следовало бы втянуть в заговор побольше политических работников и что эту задачу лучше всех сумеет выполнить он, Якир»⁷⁶.

Вскоре заговорщики нашли общий язык и с начальником Политуправления РККА, первым заместителем наркома обороны Гамарником. «В 1935 году, — пишет Тухачевский, — я был однажды в кабинете Гамарника, последний сказал мне, что он от Якира и Уборевича знает о военном заговоре и будет ему содействовать, особенно по линии вредительства на Дальнем Востоке. Гамарник указал, что он *не будет принимать официального участия в центре заговора, но будет держать с ним связь через меня, Якира и Уборевича*». Сын мелкого конторского служащего иудейского вероисповедания 41-летний Ян Гамарник (настоящее имя — Яков Пудикович) родился в Житомире, а вырос в Одессе. Его отношения с сыном провизора из Кишинева Ионой Якиром сложились в 20-е годы, во время совместной работы на Украине. В 1930 году его назначили начальником Политуправления РККА, заместителем Наркома обороны и председателем Реввоенсовета.

После смещения в 1935 году Петерсона с поста коменданта Московского Кремля на эту должность был назначен комдив П.П. Ткалун, ставший очередным объектом для вербовки заговорщиками. На допросе 22 октября 1937 года бывший нарком финансов СССР Г.Ф. Гринько показан: «... Мне известно от Гамарника и Бубнова, что военные заговорщики подготавливали ввод вооруженного отряда в Кремль для ареста руководителей партии, причем с их же слов знаю, что шла успешная работа по вербовке для этого дела Ткалуна»⁷⁷.

И все-таки дело с осуществлением «дворцового переворота» затормозилось. Тухачевский пояснял: «...Успехи, достигнутые за последние годы в строительстве социализма, были настолько очевидны, что нельзя было рассчитывать на какое-либо восстание с участием сколько-нибудь широких слоев населения. Политико-моральное состояние красноармейских масс было на высоком уровне. Невозможно было допустить и мысли, чтобы участникам заговора удалось повести за собой целую часть на выполнение преступной задачи. Надежды Примакова на то, что ему удастся повести за собой механизированные войска ПВО, представлялись больше фантазией.

После убийства Кирова террор стал делом чрезвычайно сложным и трудным благодаря мерам предосторожности, принятым правительством. Это наглядно доказывала и неудача террористической организации Шмидта на Киевских маневрах». (Речь идет о планах убийства Ворошилова. - *К.Р.*) Таким образом, единственно реальным представлялся «дворцовый переворот», подготавливаемый совместно с работниками НКВД, и, наконец, изменение положения могло наступить в результате тяжелой напряженной войны в СССР, особенно в случае поражения».

⁷⁶ Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 года. Цит. по: Сойма В. Запрещенный Сталин. С. 157-158.

⁷⁷ ЦА ФСБ АСД. П.П. Ткалун. Т. 1. Л. 15-16. Цит по: Черушев Н. Невиновных не бывает. С. 284.

Фактически это признание того, что заговорщики уже не могли рассчитывать на массовую поддержку ни армии, ни народа. Поэтому Тухачевский, как и Троцкий, строил свои планы исходя из ориентации на внешние силы. В заявлении, написанном на 19 страницах 4 июня 1937 года на имя Ежова, Уборевич показал, что, говоря ему о сроках государственного переворота, Тухачевский сказал: он приурочен к возникновению войны (СССР) с Германией, Японией и Польшей.

Уборевич писал, что «в конце 1935 г., после Киевских маневров, Тухачевский в присутствии Якира рассказал о плане государственного переворота в условиях войны. Этот план сводился к тому, что верные заговорщикам воинские части неожиданным налетом арестовывают членов правительства и руководство ВКП(б). Правда, подробностей этого варианта Тухачевский не излагал». Но он перечислил людей, играющих руководящую роль в заговоре: Якира, Гамарника, Корка, Эйдемана. Среди других участников он назвал сотрудников центрального аппарата Наркомата и генерального штаба: Роговского, Белицкого, Ольшанского, Аппогу, Левичева, а также начальника штаба Киевского военного округа Д.А. Кучинского.

Теперь приурочивание захвата власти к началу войны становилось почти основной идеей заговорщиков как внутри страны, так и за рубежом. Говоря об обсуждении вопроса отношений с немцами и «о возможных условиях предстоящей войны», Тухачевский пишет в показаниях от 1 июня: «Осенью 1935 года ко мне зашел Путна и передал мне записку от Седова, в которой Седов от имени Троцкого настаивал на более энергичном вовлечении троцкистских кадров в военный заговор и на более активном развертывании своей деятельности.

Я сказал Путне, чтобы он передал, что все это будет выполнено. Путна дополнительно сообщил мне, что Троцкий установил непосредственную связь с гитлеровским правительством и генеральным штабом и что центру антисоветского военного заговора ставится задача подготовки поражения на тех фронтах, где будут действовать германские армии».

Тухачевский лукавит, указывая, что Путна передал ему записку только от Седова. Сам Путна на допросе заявил, что, «находясь в сентябре 1935 г. в Лондоне и узнав о вызове в Москву, он сообщил об этом в Париж сыну Троцкого — Седову. От последнего с нарочным был доставлен пакет, в котором находились записка Седова к Путне и «доверительное письмо, написанное и подписанное лично Троцким» для Тухачевского. Выполняя задание Седова, он — Путна в первых числах октября 1935 г. вручил Тухачевскому письмо Троцкого. Ознакомившись с письмом, Тухачевский просил Путну «передать устно, что Троцкий может на него рассчитывать».

В это же время аналогичное послание Троцкого получили Пятаков и Карл Радек. На процессе антисоветского троцкистского центра 23-30 января 1937 года последний огласил его содержание: «Первый вариант — это возможность прихода

до войны, второй вариант, — во время войны»⁷⁸. Впрочем, Тухачевский и сам пояснял смысл полученных директив: «В зиму с 1935 на 1936 год, как я уже упоминал, я имел разговор с Пятаковым, в котором последний сообщил мне установку Троцкого на обеспечение безусловного поражения Советского Союза в войне с Гитлером и Японией и о вероятном отторжении от СССР Украины и Приморья. Эти указания говорили о том, что необходимо установить связь с немцами, чтобы определить, где они собираются двинуть свои армии и где надлежит готовить поражение советских войск»⁷⁹.

Признав, что планы Троцкого были приняты как руководство к действию, Тухачевский писал: «Перед центром военного заговора встал вопрос о том, как организовать связь с иностранцами и особо с германским ген. штабом во время войны. Такие связи были намечены». Естественно, что, готовя военный переворот, Тухачевский был просто обязан заручиться гарантиями о поддержке заговорщиков внешними силами, и в первую очередь со стороны Германии. Словно облегчая такую возможность, в дело вмешался случай. 20 января 1936 года в Сандринхеме скончался английский король Георг V, и Тухачевского направили в Лондон на его похороны.

В своих письменных показаниях Тухачевский весьма скупо излагает детали своего вояжа за границу. Он лишь указывает: «Во время похоронной процессии, сначала пешком, а затем поездом, со мной заговорил генерал Румштедт — глава военной делегации от гитлеровского правительства». В действительности речь идет о главе германской военной делегации Герде Рунштедте — генерале наиболее близком к Гансу фон Секту и одновременно являвшемся другом главнокомандующего сухопутными войсками Вермахта генерала Вернера фон Фрича. Примечательно и то, что в состав германской делегации, присутствовавшей на похоронах, также входил и Гейр фон Швеппенбург — военный атташе Германии в Великобритании, который поддерживал дружеские отношения с подельником Тухачевского — военным атташе СССР в Великобритании К.В. Путной. Причем Гейр фон Швеппенбург, как и Рунштедт, входил в состав германских заговорщиков.

«Очевидно, — продолжал Тухачевский, — германский генеральный штаб уже был информирован Троцким, т.к. Румштедт прямо заявил мне, что германский генеральный штаб знает о том, что я состою главой военного заговора в Красной Армии и что ему, Румштедту, поручено поговорить со мной о взаимно интересующих нас вопросах.

Я подтвердил его сведения о военном заговоре и о том, что я стою во главе его. Я сказал Румштедту, что меня очень интересуют два вопроса: на каком направлении

⁷⁸ Процесс антисоветского троцкистского центра (23-30 января 1937 года). Цит по: *Лобанов М. Сталин: в воспоминаниях современников и документах.* М., 2002. С. 289.

⁷⁹ Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 года. Цит. по: *Сойма В. Запрещенный Сталин.* С. 159.

следует ожидать наступления германских армий в случае войны с СССР, а также в каком году следует ожидать германской интервенции».

Если бы дальше Тухачевский сообщил, что германский генерал дал ему ответ на эти поистине идиотские вопросы, то стало бы ясно, что он врет. Можно ли представить, что профессиональный военный мог рассчитывать на то, что другой профессионал — вот так ни за что, ни про что, — за понюшку табаку выдаст (даже заговорщику) секретнейшую информацию?

Но Тухачевский пишет: «Румштедт уклончиво ответил на первый вопрос, сказав, что направление построения германских сил ему неизвестно, но что он имеет директиву передать, что главным театром военных действий, где надлежит готовить поражение красных армий, является Украина. По вопросу о годе интервенции Румштедт сказал, что определить его трудно». Вот это уже похоже на правду. И все-таки Тухачевский лгал следствию, сведя рассказ о контактах с немцами лишь до такого разговора. Так, Тухачевский умолчал и о том, что еще по дороге в Лондон он останавливался в Варшаве и Берлине. На встречах с польскими и немецкими военными он не скрывал своего недовольства руководством СССР и преклонения перед Вермахтом. Он не пишет ничего и о других эпизодах этой поездки. Поэтому прервем признания «полководца» и вернемся к началу 1936 года.

Глава 11. «План поражения»

В опубликованных сведениях о биографии Тухачевского нет никаких пояснений о причинах, по которым уже в начале 1936 года новоиспеченного «маршала» сняли с должности начальника вооружений РККА и назначили начальником Управления по боевой подготовке. Однако сегодня можно оценить круг его обязанностей в соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 22.11.34 об утверждении: «Положение о НКО СССР... Глава 4. Начальник вооружений РККА 28. Начальник вооружений РККА руководит, на основе указаний Народного комиссара обороны Союза ССР, всей работой по осуществлению строительства системы вооружения РККА и разработкой вопросов совершенствования вооружения и техники РККА.

На начальника вооружений РККА возлагается: а) ответственность за комплектное и наиболее эффективное размещение в конструкциях авиационного, бронетанкового, артиллерийского, химического и технического вооружения;

б) вооружение самолетов артиллерийскими башнями, турелями, бомбодержателями, магазинами, пушками, автоматами, пулеметами, бомбами, ПУАО, химоборудованием, радио-, телемеханическими установками и пр.;

в) вооружение танков и бронемашин башнями, подъемными и поворотными механизмами, пушками, пулеметами, ПУАО, химоборудованием, радио, телемеханическими установками, инженерно-саперным оборудованием и пр.;

г) руководство и наблюдение за разработкой новых образцов и видов вооружения, их усовершенствованием и постановкой на производство после принятия их на вооружение РККА;

д) разработка планов научно-исследовательских, изобретательских и конструкторских работ Народного комиссариата обороны в области вооружения РККА;

е) инспектирование состояния хранения, сбережения средств вооружения и военной техники во всех частях, управлениях, учреждениях, вузах, академиях и складах РККА;

ж) составление планов заказов промышленности на вооружение и техническое имущество, контроль за выполнением заказов и планирование текущего снабжения по группе подчиненных ему управлений;

з) накопление мобилизационных запасов вооружения;

и) руководство стандартизацией во всех управлениях Наркомата обороны.

29. Начальник вооружений РККА руководит возложенной на него работой через начальников соответствующих управлений Наркомата обороны, подчиняющихся ему в области всех вопросов вооружений РККА.

Непосредственно начальнику вооружений РККА подчиняются:

а) Артиллерийское управление РККА,

б) Химическое управление РККА,

в) Управление связи РККА,

г) Управление телемеханики РККА,

д) отдел изобретений, е) отдел стандартизации»⁸⁰.

Обширный круг обязанностей, однако апологеты Тухачевского не приводят ни одного примера, свидетельствующего о его роли в развитии вооружения, но судя по тому, что накануне войны армия не имела хороших средств связи, вина за это упущение лежит и на «растерянном полководце». Впрочем, что достойного мог сделать человек, не имевший технического образования? Поэтому у Сталина были все основания, чтобы снять Тухачевского с непосильной должности.

Мягко говоря, Вождь разочаровался в способности Тухачевского приносить на этом поприще пользу. Похоже, что амбициозного, но бесполезного человека переставляют как вещь, которая бесполезна, но ее жалко бросить. Но что такое «боевая подготовка»?

Натаскивание личного состава на приобретение навыков при выполнении определенных упражнений: стрельбе по мишени, вождению техники, прыжкам с парашютом и прочим профессиональным «премудростям». Впрочем, даже этим должен был заниматься не сам начальник Управления; его задачей являлась лишь организация системы такой подготовки. Выходит, что, осознав бесперспективность

⁸⁰ Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937-1941. М., 1994. Т. 13.

использования военного «фантазера» на «технической» должности, Сталин передвинул его на пост, где практически было нечего делать.

Правда, отстранив «маршала-подпоручика» с ответственного поста, он все же решил «посластить» неприятную пилюлю. Отставного военачальника решили использовать в чисто декоративной роли — в качестве представителя СССР на похоронах английского короля Георга V, но, безусловно, Сталин отправлял его в вояж не для того, чтобы тот мог от души покутить в великосветских салонах.

В Лондон Тухачевский прибыл 26 января. О впечатлении, которое произвел приезд в Англию советской делегации, бывший царский посол в Великобритании Е.В. Саблин писал Маклакову 1 февраля 1936 г.: «Общее внимание привлекал к себе маршал Тухачевский. Он поразил всех своей выправкой и шагистикой. Литвинов вчера уехал, Тухачевский остался и поехал осматривать военные заводы. От этого осмотра англичане ожидают великие и богатые милости в виде заказов».

Непонятно, каким образом Тухачевский мог поразить британскую прессу «своей выправкой и шагистикой»? Судя по газетным фотографиям, за границей он ходил в гражданской одежде. Советский посол в Великобритании Майский писал: «В Лондоне Тухачевский посетил военного министра, министра авиации, начальника штаба военно-морских сил. Помню его разговор с видным английским генералом Диллом, который одно время был начальником генерального штаба. Главной темой этого разговора *оказались воздушные десанты*».

Дело в том, что годом ранее Майский показал англичанам советский фильм о «больших» киевских маневрах 1935 года, в котором впервые были запечатлены кадры о выбросе большого воздушного десанта с боевой техникой. В отличие от большинства участников просмотра, воспринявших этот фильм скептически, пожилому генералу «новинка определенно нравилась, хотя заявить об этом открыто он не решался». При встрече с Тухачевским «Дилл первым вспомнил о фильме и стал его расхваливать».

Тухачевский и Дилл вспоминали различные прецеденты из военной истории, обсуждали, что могло бы произойти, если бы командующие в такой-то войне или таком-то сражении имели к своим услугам воздушные десанты, какие изменения должно внести это новшество в стратегию и тактику современных боевых действий. Когда разговор «закончился, англичанин подошел ко мне и заявил без всяких обиняков: «Светлая голова у вашего маршала! Если в Красной Армии много таких командиров, я меняю свое прежнее мнение о ее качествах»⁸¹.

Кроме престарелого генерала, Тухачевский побывал у лорда Свинтона, возглавлявшего авиацию, и военного министра Великобритании Дафф-Купера. Такие ритуальные визиты, уложившиеся в рамки дипломатического протокола, не дали ничего конкретного ни в улучшении советско-британских отношений, ни в выяснении позиции военных по отношению к Советскому Союзу и его армии.

⁸¹ Чему свидетели мы были. Переписка бывших царских дипломатов 1934-1940 годов. Кн. 1. М., 1998. С. 372, 381.

Видимо, по этой причине 5 февраля Майский пригласил Дафф-Купера на завтрак в советское полпредство. На встрече присутствовали Тухачевский и военный атташе в Великобритании Путна. Майский сообщал в Москву: «Никого посторонних не было. Поэтому имелась возможность поговорить с военным министром *на серьезные темы более откровенно*». Беседа «носила специальный характер (затронуты были вопросы вооружения армий, система воздушной защиты Лондона и т.д.)... В заключение Д. Купер задал т. Тухачевскому и мне ряд вопросов, касающихся размеров вооружения, техники и т.д. Красной Армии. Состояние Красной Армии его чрезвычайно интересует»⁸².

Но и на этой встрече никаких конкретных предложений по сотрудничеству между Британскими вооруженными силами и Красной Армией со стороны военного министра Англии не последовало. Практически так ничего не решив и никого не удивив, 9 февраля Тухачевский выехал из Лондона в Париж. Здесь, уже на следующий день, его принял начальник Генерального штаба французской армии генерал Гамелен.

На фотографии опубликованной в газете, рядом с генералом, облаченным в военный мундир, Тухачевский выгладит как хорошо упитанный мужчина в длинном пальто и шляпе, похожей на «котелок» филера сыска царских времен. В своих воспоминаниях Гамелен писал: «Будучи во время войны военнопленным в Германии, он (Тухачевский) наладил там отношения с некоторыми французскими офицерами. ...Я пригласил некоторых из них на обед — это обеспечило очень непринужденную атмосферу»⁸³. На эту встречу Тухачевского с французскими офицерами-приятелями набралось около 20 человек.

Банкет прошел в ресторане «Ларю», на улице Руаяль. Среди приятелей Тухачевского присутствовал и полковник граф Робьен. Известно, что в разговоре с Робьеном гость интересовался, «действительно ли один из руководителей РОВС, генерал Скоблин, имеет хорошие связи с германскими спецслужбами». В Париже Тухачевский встречался и «со старым приятелем капитаном Н.Н. Ганецким». С ним он тоже говорил о возможности встречи с руководством РОВС.

Прибытие Тухачевского во Францию не прошло незамеченным для белой эмиграции. 13 февраля в газете «Возрождение» появилась статья: «Красный маршал. К пребыванию Тухачевского в Париже». Ее автором был заместитель главного редактора газеты, бывший мичман Гвардейского экипажа Н.Н. Алексеев. Почти с панегирической восторженностью автор писал: «Тухачевский искренне исповедует российскую великодержавность, но он *отнюдь не славянофил-восточник*... Простонародье презирает. Пропитан традицией. (...) Карьера для него

⁸²Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Военным Министром Великобритании Купером. 5 февраля 1936 г. // Документы внешней политики. Т. 18. С. 62.

⁸³ Документы внешней политики. Т. 18. С. 62. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Военным Министром Великобритании Купером. 5 февраля 1936г.

— дороже и выше всего. Тухачевский мечтает быть великим. Хочет быть им. И твердо уверен, что будет, если не сорвется.

Коммунистическая партия и партийный билет для Тухачевского лишь средство. Он глубоко индивидуален и ненавидит стадо. «Народ — сволочь. Такой народ расстреливать можно и нужно без конца» — таково его мнение. Под Уфой в июне 1918 г. по личному распоряжению Тухачевского было расстреляно около 20 тысяч белых, но когда было надо, он так же беспощадно расстреливал и своих красногвардейцев и красноармейцев. «Антоновщина» была подавлена Тухачевским. В его распоряжении были курсанты, венгры, латыши, аэропланы и танки. Тухачевский решил задачу подавления крестьянского бунта просто — стереть с лица земли все села восставшего района».

Примечательно, что вскоре после публикации этой статьи, в феврале 1936 года, сам Алексеев был арестован французскими спецслужбами по подозрению в шпионаже в пользу Германии. Он провел в предварительном заключении полтора года, и только после расстрела Тухачевского в августе 1937 года его освободили из заключения.

Итак, на банкете со старыми приятелями Тухачевский выяснял возможность выхода на германское политическое и военное руководство. И, как пишет Минаков, одним из тех, кто был способен реально организовать такую встречу, мог оказаться бывший «александровец» генерал А.А. фон Лампе, являвшийся представителем РОВС в Берлине. Окончивший в 1913 году Николаевскую академию Генерального штаба, в конце Гражданской войны Лампе служил в группе войск генерала Врангеля начальником оперативного отдела и генерал-квартирмейстером Кавказской армии. В 1924 году он возглавил 2-й отдел РОВС в Берлине, а с 1938 года стал руководителем РОВС в Германии.

Точных данных о том, встречался ли Тухачевский с руководителями РОВС, нет. Известно лишь, что после расстрела Тухачевского и его подельников в письме от 17 июня 1937 года имевший немецкие корни генерал фон Лампе писал заместителю председателя РОВС Кусонскому: «Тухачевский был типичный карьерист революционного времени. Большевиком он, вероятно, не был, но *и национальная Россия ему была совершенно безразлична. Ему нужна была власть, и за пять минут до ее достижения он закончил свое существование*»⁸⁴.

Антисоветский «Русский общевойсковой союз» (РОВС), ставший преемником Белой армии после ее бегства из Крыма, был далеко не безобидной и отнюдь не благотворительной организацией. Оказавшись за границей, не оставлявшие надежд на реставрацию и возвращение в Россию, его руководители взяли своим лозунгом «формулу» генерала Врангеля: «*Хоть с чертом, но против большевиков*». И в ожидании подходящего «дьявола», готового купить продажные души, руководство РОВСа уже с первых дней эмиграции создавало кадетские корпуса и средние

⁸⁴ Письмо А.А. Лампе П.А. Кусонскому от 17 июня 1937 г. ЦГАОР. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 61.

военные учебные заведения «для подготовки *борцов против Советской России*». Кроме того, практически во всех странах русского зарубежья для военно-политической подготовки организовывались и гражданские молодежные организации.

Но главной объединяющей структурой белой эмиграции являлся РОВС. После смерти в 1928 году Врангеля «великий князь Николай Николаевич назначил его председателем генерала Кутепова. Убежденный антисоветчик, Кутепов окружал себя активными сторонниками *разведывательно-диверсионных операций против СССР*». В структуре РОВСа был создан «Фонд спасения России великого князя Николая Николаевича Романова» — особая казна для ведения политической и подрывной работы в России. В приказе по организации от 11 ноября 1930 года говорилось: «Будем верить, что недалеко то время, когда чинам РОВС, усиленным всеми способными носить оружие русскими людьми, проживающими за рубежом, предстоит принять участие в том *новом этапе Белой борьбы*, который уже *возникает на территории СССР*».

К 1937 году РОВС имел 13 отделов, объединявших около 30 тыс. человек. Пристально следя за положением дел в РККА и за членами «подпольных структур в Советской России», военная эмиграция возлагала большие надежды на внутренний раскол в Красной Армии. Поэтому перед членами организации ставилась задача: «*проникать... в Красную Армию, обращая особое внимание на связь с отдельными лицами из ее командного состава*». С этой же целью, еще до прихода к власти Гитлера, фон Лампе вступил в переговоры с представителем руководства нацистской партии — «по вопросу *о совместных действиях против большевиков*». В октябре 1933 года он сообщил соратникам: начальник Восточного отдела А. Розенберг выразил настоятельное желание получить от РОВСа план его действий *совместно с германскими национал-социалистами «в направлении усиления при помощи немцев внутренней работы в России... а потом и возможной интервенционной деятельности в широком масштабе*».

Одновременно один из руководителей мюнхенской организации «Ауфбау», белогвардейский генерал В. Бискупский был назначен нацистскими властями начальником Управления делами русской эмиграции в Германии. В 1938 году в самостоятельную организацию был выделен 2-й (германский) отдел, возглавляемый генерал-майором А.А. фон Лампе. Новая организация стала называться Объединением Русских Воинских Союзов. Фактически подменив собой РОВС, руководимое Лампе объединение стало центром русских военных организаций на территории Германии и оккупированных ею стран.

Позже, накануне нападения Германии на СССР, 21 мая 1941 года, фон Лампе обратился с письмом к главнокомандующему сухопутными силами вермахта фельдмаршалу Вальтеру фон Браухичу: «Мы твердо верим, что... германская армия будет бороться не с Россией, а с овладевшей ею... коммунистической властью. ...И потому теперь... я ставлю себя и возглавляемое мной ОРВС в распоряжение

Германского Верховного Командования». Поэтому известие о начале войны военная эмиграция встретила восторженно. Уже 6 июля 1941 года активисты Белой армии провели собрание, посвященное «военной борьбе Германии с иудобольшевизмом и начавшемуся освобождению русского народа от красного ига».

Однако, упоенные победами на Восточном фронте, в 1941 году немцы потеряли интерес к белогвардейским шакалам. И 1 августа Лампе получил ответ, гласивший, что «в настоящее время чины Объединения не могут быть применены в германской армии». Поэтому разочарованный генерал был вынужден объявить в своем приказе по ОРВС № 46 от 17 августа 1941 года: «Чины Объединения не связаны более... обязательством, предоставляю каждому право... послужить делу освобождения Родины - путем использования в индивидуальном порядке... возможностей».

Возможности оказались различными. Многим белогвардейцам удалось «примкнуть к германской армии в качестве переводчиков, специалистов военно-строительных и транспортных организаций (Тодта и Шпеера), инструкторов для работы с пленными красноармейцами, из числа которых формировались охранные и антипартизанские подразделения». Так, уже в июле 1941 года при штабе немецкой группы армий «Север» для сбора дополнительной информации о противнике был создан 1-й русский зарубежный батальон. Его организатором стал офицер императорской гвардии, начальник штаба Варшавского подотдела РОВСа штабс-капитан Б.А. Смысловский, служивший перед началом войны сотрудником Абвера в чине зондерфюрера «К» под псевдонимом фон Регенау. Только в одном «Русском охранном корпусе» в Сербии насчитывалось свыше 17 тысяч» белогвардейцев.

Однако после поражения под Москвой немцы уже не брезговали услугами предателей, готовых повоевать на Восточном фронте. Зимой 1941/1942 года берлинский эмигрант радиоинженер С. Н. Иванов (являвшийся перед войной в Германии представителем «Всероссийской национал-революционной партии») собрал инициативную группу «по формированию в прифронтовой полосе Русской национальной народной армии (РННА)». В марте 1942 года Иванов добился встречи с командующим группой армий «Центр» фельдмаршалом Г. фон Клюге и получил разрешение на набор в лагерях военнопленных для создания особой русской части. Идея заключалась в том, чтобы, выступив против Красной Армии, вызвать «массовый переход на свою сторону ее бойцов и командиров и создать армию, которая поведет борьбу за освобождение России от большевизма».

Однако представители Абвера унифицировали задачу. В целях разложения Красной Армии и организации перехода ее частей на сторону Вермахта они возложили на новую часть задачу подготовки и заброса в советский тыл диверсантов. Местом формирования «русского батальона специального назначения» — «подразделения Абвера 203» или «Граукопф» - стал расположенный близ Орши поселок Осинторф.

Военнопленных организаторы РННА набирали из лагерей в Борисове, Смоленске, Рославле и Вязьме. И к середине августа 1942-го численность РННА составляла 1500 солдат и офицеров, размещавшихся в трех учебных лагерях. «Личный состав носил советское обмундирование с погонами и бело-синекрасными кокардами, а знаменем стал русский трехцветный флаг». Иванов разъяснял личному составу, что «Москву будут брать не немцы и не японцы, а мы, русские, своими руками будем брать ее и *восстанавливать свои порядки*». Боевое крещение белогвардейская «армия» получила в мае 1942 года — в операции против действовавшего в окружении в районе Вязьмы кавалерийского корпуса генерала П.А. Белова. Позже группы численностью 150-200 человек направлялись в тыл Красной Армии, а «остальные подразделения РННА привлекались к участию в антипартизанских операциях».

С марта 1942 года в Белграде для десантной операции в районе Новороссийска стал формироваться сводно-гвардейский полк Добровольческой армии под командованием бывшего капитана М.А. Семенова. Позже для проведения карательных операций в странах Европы немцы предпочитали использовать казачьи части «Объединенного совета Дона, Кубани и Терека», возглавляемого Красновым, Стариковым, Шкуро, Улагаем, Агеевым и другими генералами.

Но вернемся во Францию 1936 года. Еще один официальный обед в Париже, на котором Тухачевский произвел яркое впечатление, состоялся в советском посольстве. На нем он изумил европейских дипломатов открытым восхвалением Германии. Участник банкета — заведующий отделом печати румынского посольства в Париже Э. Шаканак Эссез записал слова «маршала».

Сидя за столом рядом с румынским министром иностранных дел Титулеску, Тухачевский заявил: «Напрасно, господин министр, вы связываете свою карьеру и судьбу своей страны с судьбами таких конченных государств, как Великобритания и Франция. *Мы должны ориентироваться на новую Германию*. Германии, по крайней мере в течение некоторого времени, *будет принадлежать гегемония на Европейском континенте*. Я уверен, что Гитлер означает для нас *всех спасение*».

Присутствовавшая на этом обеде французская журналистка Женевьева Табуи писала в своей книге «Меня называют Кассандрой»: «В последний раз я видела Тухачевского... после похорон короля Георга V. На обеде в советском посольстве русский маршал много разговаривал с Политисом, Титулеску, Эррио и Бонкуром. Он только что побывал в Германии и рассыпался в похвалах нацистам. Сидя справа от меня и говоря о воздушном пакте между великими державами и Гитлером, он не переставал повторять: « *Они уже непобедимы, мадам Табуи*».

Почему он говорил с такой уверенностью? Не потому ли, что ему вскружил голову сердечный прием, оказанный ему немецкими дипломатами, которым нетрудно было договориться с этим представителем старой русской школы? Так или иначе, в этот вечер не я одна была встревожена его откровенным энтузиазмом.

Один из гостей, крупный дипломат, проворчал мне на ухо, когда мы покидали посольство: «Надеюсь, что не все русские думают так».

Нет, Тухачевскому «вскружил голову» не только сердечный прием немцев. Его пьянили те блестящие перспективы, которые рисовались после бесед с германскими генералами, и, видимо, выпитое на банкете вино. Симптоматично, что все известные и шокирующие своим смыслом его заявления прозвучали во время застолий. Складывается впечатление, что «полководец» подтверждал известную поговорку о причинах, по которой пьяный ум порой не сдерживает длинный язык.

Вернувшись из поездки в Лондон, Тухачевский принял участие в стратегической военной игре, организованной Генеральным штабом РККА. В её ходе Якир командовал польскими, а Тухачевский германскими армиями. Он писал в показаниях: «Эта игра дала нам возможность продумать оперативные возможности... для обеих сторон как в целом, так и на отдельных направлениях, для отдельных участников заговора. (...) Я дал задание Якиру и Уборевичу на тщательную проработку оперативного плана на Украине и в Белоруссии и *разработку вредительских мероприятий, облегчающих поражение наших войск*».

Тухачевский был не единственным из участников заговора, кто был связан с германскими генералами. В январе того же 1936 года в командировку в Чехословакию выехал и командарм 1-го ранга Иероним Уборевич. По пути в Прагу он встретился в Варшаве с помощником военного атташе Германии в Польше майором Кинцелем. На этой встрече он приватно попросил о приглашении на военные маневры в Германию.

Он получил его вскоре после весенней военной штабной игры, в ходе которой Тухачевский уточнял реальность «Плана поражения» со своими поделщиками. На германские учения Уборевича пригласил сам главнокомандующий сухопутными войсками Вермахта генерал-полковник барон Вернер фон Фрич. Маневры состоялись в начале осени 1936 года в Бад Киссингене, а после их завершения в Германском генштабе тоже прошли командно-штабные игры, «изучавшие ту же ситуацию, которую рассматривали участники заговора Тухачевского».

Примечательно, что к моменту нападения на СССР в 1941 году «друг Уборевича» полковник Эберхарт Кинцель возглавит в Германском генштабе службу *по контролю за деятельностью разведки на русском направлении*. Причем именно его доклад «*об укрепленных районах СССР на границе, боевом расписании советских войск, мобилизационных мерах СССР, промышленных резервах... послужил основанием для более тщательной доработки «Плана Барбаросса*». Случайно ли это?

О том, что под влиянием спиртного у Тухачевского «развязывался язык», существует и еще одно свидетельство. На следующий день после празднования 1 Мая 1937 года, когда военные руководители и правительство собрались за столом на праздничном обеде, в состоянии алкогольной эйфории он вновь решился на очередной застольный демарш.

Позже, на заседании Военного совета 1 июня 1937 года, Ворошилов рассказывал: «В прошлом году, в мае месяце, у меня на квартире Тухачевский бросил мне и Буденному обвинение, в присутствии т.т. Сталина, Молотова и многих других, в том, что я якобы группирую вокруг себя небольшую кучку людей, с ними веду, направляю всю политику и т.д. Тов. Сталин тогда же сказал, что надо перестать препираться частным образом, нужно устроить заседание Полит[б]юро и на этом заседании подробно разобрать в чем тут дело. Потом на второй день Тухачевский отказался от всего сказанного...» Трудно сказать: был ли «маршал» слабонервным или рядом не оказалось вина?

Однако хлестаковская болтливость Тухачевского не осталась незамеченной уже в 1937 году, когда в Европе стали циркулировать слухи о противостоянии военных советскому правительству. После посещения им столицы Франции в белоэмигрантских кругах Парижа заговорили о его связях с германским Вермахтом. Президент Чехословакии Бенеш в беседе с советским полпредом Александровым 7 июля 1937 года утверждал, что во Франции о сближении Тухачевского с Вермахтом *поняли из бесед, которые он вел в Париже*, где останавливался в начале 1936 года во время поездки на похороны Георга V.

«Бенеш, — сообщал Александров в Москву, — под большим секретом заявил мне следующее: во время пребывания Тухачевского во Франции в прошлом году Тухачевский вел разговоры совершенно частного характера *со своими личными друзьями-французами*. Эти разговоры точно известны французскому правительству, а от последнего и Бенешу. В этих разговорах Тухачевский весьма серьезно развивал тему возможности советско-германского сотрудничества и при Гитлере... Бенеш утверждает, что эти разговоры несколько обеспокоили Францию».

О процессах, происходивших в Красной Армии, писал из Берлина и один из лучших разведчиков, работавший под журналистской «крышей», — корреспондент «Правды» А. Климов. В его письме от 16 января 1937 года, переданном через редактора «Правды» Мехлиса, говорилось: «Мне стало известно, что среди высших офицерских кругов здесь довольно упорно говорят о связях и работе германских фашистов в верхушке командного состава Красной Армии в Москве.

Этим делом по личному поручению Гитлера занимается будто бы Розенберг. Речь идет о *кружках* в Кр. Ар., объединяющих антисемитски и религиозно настроенных людей. В этой связи называлось даже имя Тухачевского... Источник, на который сослался мой информатор: полковник воздушного министерства Лидендер. Он монархически настроенный человек, не симпатизирует нац.-соц., был близок к Секту...»

Сообщения о готовящемся перевороте в СССР поступили и непосредственно из самой Франции. 17 марта 1937 года советский полпред в Париже Потемкин сообщил: «Даладье, пригласивший меня к себе, сообщил следующее: 1) Из якобы серьезного французского источника он недавно узнал о расчетах германских кругов *подготовить государственный переворот при содействии враждебных нынешнему*

советскому строю элементов из командного состава Красной Армии. После смены режима в СССР Германия заключит с Россией военный союз против Франции...

Даладье добавил, что те же сведения о замыслах Германии получены военным министерством *из русских эмигрантских кругов*, в которых имеется по данному вопросу две позиции. Непримиримые белогвардейцы готовы поддержать германский план, оборонцы же резко высказываются против...» Итак, в начале 1937 года слухи о брожении в армейских кругах СССР расползались по всей Европе. В сообщении, датированном 18 мая 1937 года, советский военный атташе в Эстонии полковник Тупиков сообщил о разговоре с начальником эстонской военной разведки Маазингом, который был тесно связан с британской «Интеллидженс сервис», а также с немцами.

Тупиков писал: «Месяца два назад (март 1937 г.) в разговоре со мной Маазинг сказал: он думает, что, по его данным, история с Ягодой и троцкистские процессы должны в скором времени коснуться и армии. Персонально он ни на кого не напирал, но назвал маршала Тухачевского... Вследствие того, что эта фамилия склонялась многократно в зарубежной прессе, я тогда этому не придал значения.

Но в конце апреля разговор на эту тему возник вновь, и Маазинг сказал, что у него имеются проверенные данные, что маршала Тухачевского снимут тотчас после поездки на коронацию в Лондон... На мое замечание, что из всего этого меня больше всего могло бы интересовать, откуда к нему идут эти сведения, Маазинг ответил, что я его подстрекаю испортить отношения с друзьями...»

Тупиков характеризовал Маазинга как политически умного, ловкого и культурного маклера, держащего нос по ветру. Он был докладчиком и советником по внешнеполитическим вопросам у высших генералов эстонской армии Лайдонера и Реека и пользовался большим влиянием в правительственных кругах. Детально излагая «теоретические» воззрения Маазинга на события в СССР, Тупиков сообщал, что борьба троцкистов за власть, «с его точки зрения, захватывает армию, *внутри которой растут претензии на то, чтобы стать господином положения в стране*». В разговоре с Тупиковым Маазинг упомянул Тухачевского — как *представителя сторонников военной диктатуры*, поставив его в ряд с германским генералом Людендорфом и эстонским генералом Рееком.

Через два дня после ареста Тухачевского, 26 мая 1937 года, Ворошилов направил сообщение Туликова Сталину, Молотову, Кагановичу, Ежову. Примечательно, что на документе Сталин написал: «т. Молотову, т. Ворошилову. Следует выяснить, почему наш военатташе счел нужным сообщить нам о Тухачевском «через 2 месяца», а *не сразу*». Позже, в своих объяснениях Ворошилову, Тупиков уточнил ряд деталей своих разговоров с Маазингом. Так, в частности, он отметил, что в марте 1937 года, отвечая на его «вопрос об источниках этой информации, Маазинг заявил, что последние сведения он получил от начальника русского отдела разведки *английского генерального штаба*».

Но и это не все. Уже в начале 1937 года наркому обороны Ворошилову из НКВД было направлено сообщение: «3-м отделом ГУГБ сфотографирован документ на японском языке, идущий транзитом из Польши в Японию диппочтой и исходящий от японского военного атташе в Польше Савда Сигеру, в адрес лично начальника Главного управления генерального штаба Японии Накадзима Тецудзо. Письмо написано почерком помощника военного атташе в Польше Арно. Текст документа следующий:

«Об установлении связи с видным советским деятелем. 12 апреля 1937 года. Военный атташе в Польше Савда Сигеру. По вопросу, указанному в заголовке, удалось установить связь с тайным посланцем маршала Красной Армии Тухачевского. Суть беседы заключается в том, чтобы обсудить (2 иероглифа и один знак непонятны) относительно известного Вам тайного посланца от Красной Армии № 304». Перевод этого документа был сделан бывшим работником ИНО НКВД Р. Н. Кимом, передавшим «дела в Токио» Рихарду Зорге.

Итак, информация о заговоре военных поступала из разных источников, и она не могла не навести на размышления. Однако заговорщики и сами понимали, что опасность разоблачения не исключена. Тухачевский писал в признаниях: «Завербованных было много. Однако, несмотря на внушения о необходимости соблюдения строжайшей конспирации, таковая постоянно нарушалась. *От одних участников заговора узнавали данные, которые должны были знать только другие, и т.п. Все создавало угрозу провала*»⁸⁵.

Допрос Тухачевского 1 июля 1937 года вели начальник 5-го отдела Главного Управления ГБ НКВД, комиссар государственной безопасности Леплевский и помощник начальника 5-го отдела Зиновий Ушаков. К этому времени подследственный собственноручно уже написал пространственные признания. В них он отмечал, что во время апрельской военно-стратегической игры 1936 года, по рассмотрению «возможного развертывания операций немцев и поляков против БВО и КВО... и получив незадолго до этого установку от германского генерального штаба через генерала Рундштедта на подготовку поражения на Украинском театре военных действий, *я обсудил все эти вопросы сейчас же после игры с Якиром и Уборевичем, а в общих чертах и с прочими членами центра*».

Логично предположить, что, излагая на многих страницах эту часть показаний, Тухачевский рассчитывал на то, что демонстрация им «аналитического» мышления «стратега» вызовет у руководства страны признание его ведущим военным специалистом и поможет ему сохранить жизнь. Однако он сам назвал эту часть показаний «План поражения»! И уже в преамбуле своего «признания» он заложил мину замедленного действия, которая взорвется летом 1941 года.

Бывший маршал писал: «Если подойти к вопросу о возможных замыслах Гитлера в отношении войны против СССР, то *вряд ли можно допустить, чтобы Гитлер мог*

⁸⁵ Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 года. Цит. по: *Сойма В.* Запрещенный Сталин. С. 158.

серьезно надеяться на разгром СССР. Максимум на что Гитлер может надеяться, это на отторжение от СССР отдельных территорий». Допуская, что немцы могут без труда захватить Эстонию, Латвию и Литву, продолжив действия против Ленинграда, он констатировал, что это немцам ничего не даст. Так же с ходу он отверг и «второе возможное направление германской интервенции при договоренности с поляками — белорусское». Он утверждал:

«Белорусский театр военных действий только в том случае получает для Германии решающее значение, если Гитлер поставит перед собой задачу полного разгрома СССР с походом на Москву. Однако я считаю такую задачу совершенно фантастической». Ирония истории в том, что в действительной войне немцы начали осуществлять именно такую «фантастическую» задачу.

Но тогда где «полководческое» предвидение, о котором так много говорили поклонники расстрелянного «гения»? Мелко мысливший доморощенный «стратег» не только не понял психологии Гитлера, но и широты мышления германских военачальников. Поэтому, исходя из ложных предпосылок, после некоторых рассуждений о событиях, которые могут предшествовать началу войны, «лубянский посиделец» делает и упрощенный вывод: *«Итак, территорией, за которую Германия, вероятнее всего, будет драться, является Украина. Следовательно, на этом театре военных действий вероятно появление главных сил германских армий».*

Говоря о замыслах заговорщиков, Тухачевский пояснял: «Учитывая директиву Троцкого о подготовке поражения того фронта, где будут действовать немцы, а также указание генерала Румштедта, что подготовку поражения надо организовать на Украинском фронте, я предложил Якиру облегчить немцам задачу путем диверсионно-вредительской сдачи Летичевского укрепленного района, комендантом которого был участник заговора Саблин.

В случае сдачи Летичевского района немцы легко могли обойти Новгород-Волынский и Житомирские укрепленные районы с юга и, таким образом, опрокинуть всю систему пограничных с Польшей укрепленных районов КВО. Вместе с тем я считал, что если подготовить подрыв ж. д. мостов на Березине и Днепре, в тыл Белорусского фронта, в тот момент, когда немцы начнут обходить фланг Белорусского фронта, то задача поражения будет выполнена еще более решительно. (...)

В связи с такой обстановкой на Уборевича была возложена задача так разрабатывать планы Белорусского фронта, чтобы расстройством ж. д. перевозок, перегруппировкой тыла и группировкой войск еще более перенапрячь уязвимые места действующего оперативного плана. На Якира были возложены те же задачи, что и на Уборевича...»

В изложении Тухачевского смысл «Плана поражения» представляется лишь как ослабление сил Красной Армии. Таких, как ввод на отдельных участках будущего театра военных действий войск, «поддержанных лишь слабо вооруженными

механизированными бригадами, без всякого участия пехоты. (...) Засылка горючего для авиации и механизированных соединений *не туда*, где это горючее требуется. Размещение ремонтных организаций с таким расчетом, чтобы кругооборот ремонта затягивался. Плохая организация службы ВНОС, что будет затруднять своевременный вылет и прибытие к месту боя истребительной авиации». И прочие мелкие пакости.

Примечательно, что, по оценке «полководца», вредительской была «слабая забота об организации оперативной связи *по тяжелым проводам*, что неизбежно вызовет *излишнюю работу раций* и раскрытие мест стоянки штабов». То есть он не просто пренебрегал применением радиостанций в управлении войсками, а считал это «*вредительством*»! Именно в силу такого, действительно вредительского подхода к делу накануне войны Красная Армия окажется *без радиосвязи*, что станет одной из основных причин поражений 1941 года.

Однако преступное «наследие» Тухачевского даже не в том, что, исходя из личных амбиций, вовлекая военных в политическую авантюру, он привел их на эшафот. И не в том, что, называя следователям фамилии десятков соучастников, он исполнил роль провокатора и предателя. Свое признание от 1 июля подследственный завершил абзацем: «Помимо упоминавшихся ранее участников антисоветского военно-троцкистского заговора, лично мною вовлеченных в организацию, я слышал от других членов заговора о принадлежности к заговору:

Савицкого, Довтдовского, Кутякова, Козицкого, Тухарели, Ольшанского, Ольшевского, Щеглова, Егорова (школа ВЦИК), Лаврова (ПВО), Хрусталева, Азарова, Янкеля, Либермана, Гендлера, Саблина, Кашеева, Осепяна, Ермана, Липина (кокоря), Лапина (инженера), Сатина, Железнякова, Ермана, Кражевского, Татайчика, Бодашкова, Артамонова, Воронкова, Петерсона, Шмидта, Зюка, Розынка, Куркова, Казанского, Угрюмова.

Показания об оперативном поражении Красной Армии и вредительской работе в РККА изложу в отдельных протоколах»⁸⁶.

И все-таки это лишь нравственная сторона его преступления. Главное в том, что проповедуемые им военные доктрины в корне не соответствовали практике будущей войны! Некомпетентный и склонный к авантюризму человек, он сыграл крайне негативную роль в боевой подготовке и обучении войск, в оснащении армии средствами противотанковой обороны и современными средствами связи. Преступной была вся предложенная им тактика ведения боевых действий. Как показала война, опора на марши легких колесных танков по территории противника и заброска в тыл врага массового десанта оказались бесперспективными играми. В результате абсолютно не умевшая воевать в обороне и не имевшая средств для организации обороны армия и попала в коллапс 1941 года. Она превратилась в

⁸⁶ Показания Тухачевского от 1 июня 1937 г. цит. по: *Сойма В.* Запрещенный Сталин. С. 161.

неуправляемую машину, которая, неся невосполнимые потери, под напором врага пятилась вплоть до Москвы.

Конечно, Тухачевский хотел жить и, предлагая свою доктрину вступления в войну, рассчитывал на снисхождение. Поэтому он стремился продемонстрировать, как ему казалось, высокий уровень своего стратегического мышления. Он пытался показать, будто бы видел, как можно успешно противостоять агрессии. Поэтому, указав на слабые стороны существовавшего в то время оперативного плана, он писал:

«Обратная картина» (для выигрыша войны) будет в случае «развертывания на наших западных границах *большого числа механизированных, кавалерийских и стрелковых соединений* в штатах, близких к штатам военного времени, а также размещения в БВО и КВО *крупных авиационных сил*».

Эти мероприятия позволили нам в свою очередь поставить вопрос о том, *чтобы сразу же после объявления войны вторгнуться в Западную Белоруссию и на Украину и дезорганизовать район сосредоточения противника* (курсивы и подчеркивание мои. — К.Р.), отнеся таковой глубоко в (его) тыл...»

Тухачевский поясняет свою мысль: «**Если война вспыхнет неожиданно** и поляки не будут иметь в своем распоряжении предмобилизационного периода, то действия наших армий вторжения будут носить еще более решительный характер.

Само собой понятно, что быстрые действия армий *вторжения*, поддержанные сильной авиацией, могут сорвать эти мобилизационные перевозки и поставят мобилизуемую польскую армию в очень тяжелое положение. Далее, операции *вторжения* дезорганизуют аэродромную полосу приграничной полосы противника, заставляя его отнести развертывание своей авиации в глубину... Таким образом, операции *вторжения* срывают сроки сосредоточения противника, если война началась без предмобилизационного периода, что наносит ощутимый удар по польской мобилизации; наконец, *операции вторжения* наиболее надежно обеспечивают собственное стратегическое сосредоточение».

Правда, выдвинув такую доктрину, Тухачевский сразу же оговаривается: «Уборевич указывает на то, что **вредительством являются операции вторжения**, если они имеют разрыв во времени с окончанием сосредоточения главных сил». Но он сразу же отвергает такое предположение: «*Это не правильное, ошибочное заключение*. Операции вторжения именно потому и принимаются, что запаздывает стратегическое сосредоточение *и его надо обеспечить заблаговременным вторжением*. В зависимости от успехов сосредоточения на том или другом фронте части армий вторжения могут быть поддержаны соединениями из состава главных сил и смогут обеспечить этим последним более удобные рубежи развертывания».

Более того, Тухачевский уверяет: «Однако же если такое удержание за собой территории противника армиями вторжения *не удастся*, то их задачу *следует считать выполненной*, если они растянут и оттеснят назад сосредоточение

противника и тем самым обеспечат бесперебойность собственного стратегического сосредоточения».

Ирония истории в том, что в 1941 году не Тухачевский, а другой «великий» полководец — Жуков педантично и с эпигонской точностью воспроизвел задуманную Тухачевским идею — схему «вторжения» в планах отражения агрессии Красной Армией. Это и обусловило трагедию начала войны! И именно в соответствии с планом Тухачевского - Жукова накануне войны Генеральный штаб произвел сосредоточение «на наших западных границах большого числа механизированных (танковых)... и стрелковых соединений в штатах, близких к штатам военного времени».

Именно в соответствии со схемой Тухачевского начали действовать с началом войны войска Красной Армии, намереваясь нанести контрудары для «вторжения» на территорию противника. Однако, даже имея подавляющий перевес в количестве танков, самолетов и артиллерии, они потерпели поражение. Именно поклонник Тухачевского Жуков, ставший в 1940 году начальником Штаба РККА, окажется рабом тактических концепций изменников. Человек, не обладавший военными талантами, держиморда и солдафон, Жуков принял к исполнению пораженческий план начала войны Тухачевского. Он не увидел его коварного дна. Того, что видел Уборевич.

Он не понял, что это был «План поражения» — *при любой раскладке сил*. В результате, имея подавляющее превосходство в танках, самолетах и артиллерии, начальник Генерального штаба Жуков поставил Красную Армию под сокрушительный удар. А страну — перед бездной катастрофы!

Но подытожим события. Допросив Тухачевского впервые 24 мая, в течение восьми дней следствие получило от него признательные показания, которые были подтверждены и дополнены его подельниками. В ходе следствия заговорщики назвали сотни фамилий военных, причастных к заговору, и все эти люди позже будут расстреляны.

Глава 12. Военный совет

В тот день, когда Тухачевский закончил изложение своих показаний, 1 июня в Кремле начало работу расширенное заседание Военного совета при наркомобороны с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б). Кроме постоянных членов на нем присутствовало 116 военных работников, приглашенных с мест и из центрального аппарата НКО. Перед началом работы все участники были ознакомлены с показаниями Тухачевского, Якира и других заговорщиков.

Присутствовавший на этом совещании Конюхов вспоминал: «После завтрака нас пригласили в Малый зал ЦИК СССР. Нарком внутренних дел СССР Ежов и... Леплевский (начальник Особого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД. — *К.Р.*) раздали нам «собственноручные» показания Тухачевского, Якира, Корка, Фельдмана, Путны, Эйдемана. Показаний Уборевича

еще не было. По мере ознакомления с «показаниями» наше мрачное настроение перерастало в гнев против заговорщиков государственного переворота и измены Родине. И только после ознакомления с показаниями... в присутствии членов Политбюро ЦК ВКП(б) маршал А. И. Егоров открыл заседание Военного совета».

С докладом «О раскрытом органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА» выступил Ворошилов. Выступление наркома начиналось с заявления о том, что «органами Наркомвнудела раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго законспирированная контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии...».

Он пояснял: «О том, что эти люди — Тухачевский, Якир, Уборевич и ряд других — были между собой близки, это мы знали, это не было секретом. Но от близости, даже от такой групповой близости до контрреволюции очень далеко... Я, как народный комиссар... откровенно должен сказать, что не только не замечал подлых предателей, но даже когда некоторых из них (Горбачева, Фельдмана и др.) уже начали разоблачать, я не хотел верить, что это люди, как казалось, безукоризненно работавшие, способны были на столь чудовищные преступления. Моя вина в этом огромна».

Сталин выступил на Военном совете 2 июня. Его выступление было необычным. Он воздерживался от резких оценок, и, даже сама форма подачи им информации носила характер импровизации, доверительного разговора, прерываемого репликами с мест и обменом мнений. Он как бы рассуждал вслух, словно взвешивая характер происшедшего на весах логики. Вглядываясь в зал, он говорил:

«Вижу на ваших лицах мрачность и некоторую растерянность. Понимаю, что тяжело слышать такие обвинения в адрес людей, с которыми мы десятки лет работали рука об руку и которые теперь оказались изменниками Родины. Но омрачаться и огорчаться не надо.

Явление хоть и неприятное, но вполне закономерное. В самом деле: почему иностранные разведки должны интересоваться областью сельского хозяйства, состоянием транспорта и оставить где-то в стороне Красную Армию».

Сталин начал выступление с тройного повторения призыва «изучить». И продолжил: «В том, что военно-политический заговор существовал против Советской власти, теперь, я надеюсь, никто не сомневается.

Факт, *такая уйма показаний* (курсивы мои. — К.Р.) *самых преступников и наблюдения со стороны товарищей, которые работают на местах, такая масса их, что, несомненно, здесь имеет место военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансирувавшийся германскими фашистами.*

Оценивая предыдущие выступления, он продолжал: «Ругают людей: одних мерзавцами, других - чудаками, третьих - помещиками.

Но сама по себе ругань ничего не дает. Для того чтобы это зло с корнем вырвать и положить ему конец, надо его изучить, спокойно изучить, изучить его корни, вскрыть и наметить средства, чтобы впредь таких безобразий ни в нашей стране, ни вокруг нас не повторялось.

...Прежде всего, обратите внимание, что за люди стояли во главе военно-политического заговора. Я не беру тех, которые уже расстреляны (речь шла об участниках предыдущих процессов. — *К.Р.*), я беру тех, которые недавно еще были на воле. Троцкий, Рыков, Бухарин — это, так сказать, политические руководители. К ним я отношу Рудзутака, который также стоял во главе и очень хитро работал, путал все, а всего-навсего оказался немецким шпионом.

Карахан, Енукидзе. Дальше идут Ягода, Тухачевский — по военной линии, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник - 13 человек.

Что это за люди? Это очень интересно знать. Это — ядро военно-политического заговора, ядро, которое имело систематические сношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером, и которое приспособляло всю свою работу к вкусам и заказам со стороны германских фашистов. Что это за люди?»

Это было продолжительное выступление. И оно не было похоже ни на одно из ранее произнесенных им. Поэтому обратим внимание на очевидный парадокс. По версии противников Сталина, он, чуть ли не лично, спланировал весь ход репрессий в отношении «героических» полководцев. И вдруг, в момент кульминации, когда, казалось бы, нужно заклеить изменников, он начинает рассуждать перед высшим составом армии не о том, что арестованы враги, а о том, «что это за люди?».

В его рассуждениях нет злонамеренной обдуманности в обвинении заговорщиков. Наоборот, уже из содержания выступления очевидно, что даже у него к этому моменту еще не сложилась целостная концепция в оценке случившегося. Скорее Сталина можно упрекнуть в заземлении ситуации. Суммируя аналитически информацию, он отвергает социально-политические мотивы: «Вот здесь выступал т. Кулик, который говорил, что Тухачевский стал врагом народа якобы потому, что он бывший помещик».

Сталин назвал такую точку зрения неправильной, поскольку «она биологическая, а не социальная. (...) Поэтому общая мерка, что это не сын батрака, — это старая мерка, к отдельным лицам не применимая. Это не марксистский подход...

Есть у вас еще другая, тоже не правильная ходячая точка зрения. Часто говорят: в 1922 году такой-то голосовал за Троцкого. Тоже неправильно. Человек мог быть молодым, просто не разбирался, был задира. Дзержинский голосовал за Троцкого, не только голосовал, а открыто Троцкого поддерживал при Ленине против Ленина. Это вы знаете? Он не был человеком, который мог бы оставаться пассивным в чем-либо. Это был очень активный троцкист и все ГПУ он хотел поднять в защиту Троцкого. Это ему не удалось...

Так что эта вторая ходячая, имеющая большое распространение среди вас и в партии вообще точка зрения, она тоже не правильна... Самое лучшее судить о людях по их делам, по их работе. Были люди, которые колебались, потом отошли; открыто, честно и в одних рядах с нами очень хорошо дерутся с троцкистами.

...Скажу больше. Я знаю некоторых не троцкистов, они не были троцкистами, но и нам от них большой пользы не было. Они по-казенному голосовали за партию. *Большая ли цена такому ленинцу?*

И наоборот, были люди, которые топорщились, сомневались, не все признали правильным. И не было у них достаточной доли трусости, чтобы скрыть свои колебания, они голосовали против линии партии, а потом перешли на нашу сторону.

...Нужна третья точка зрения при характеристике лидеров этого ядра заговора. Эта точка зрения характеристики людей по их делам за ряд лет.

...Я пересчитал 13 человек. Повторяю: Троцкий, Рыков, Бухарин, Енукидзе, Карахан, Рудзутак, Ягода, Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник. Из них 10 человек — шпионы».

Не подвергая сомнению вывод Вождя, «пересчитаем» и мы. В числе перечисленных людей: 5 — евреи, 2 — латыши, 2 — русские, 1 — эстонец, 1 — литовец, 1 — армянин, 1 — с польско-литовскими корнями. То есть большинство названных лиц не принадлежит к коренной нации страны.

Но Сталин продолжал: «Троцкий организовал группу, которую прямо натаскивал, поучал: давайте сведения немцам, чтобы они мне поверили, что у меня, Троцкого, есть люди. Давайте диверсии, крушения, чтобы мне, Троцкому, японцы и немцы поверили, что у меня есть сила.

Человек, который проповедовал среди своих людей необходимость заниматься шпионажем, потому, что мы, дескать, троцкисты, должны иметь блок с немецкими фашистами. Стало быть, у нас должно быть сотрудничество, стало быть, мы должны помогать (им) так же, как они нам помогают в случае нужды. Сейчас от них требуют помощи по части информации — давайте информацию.

Вы помните показания Радека, вы помните показания Лившица, вы помните показания Сокольников — давали информацию. Это и есть шпионаж. Троцкий — организатор шпионов из людей, либо состоявших в нашей партии, либо находящихся вокруг нашей партии, — обершпион».

Однако, обозначив логику падения оппозиционеров, Сталин не спешит мазать всех одной краской и даже делает поправки:

«*Рыков*. У нас нет данных, что сам информировал немцев, но он поощрял эту информацию через своих людей. С ним очень тесно связаны Енукидзе и Карахан, оба оказались шпионами. Карахан с 1927 и с 1927 года — Енукидзе. Мы знаем, через кого они получали секретные сведения, через кого доставляли эти сведения,

— через такого-то человека из германского посольства в Москве. Знаем. Рыков знал все это. *У нас нет данных, что он сам шпион.*

Бухарин. У нас нет данных, что он сам информировал, но с ним были связаны очень крепко и Енукидзе, и Карахан, и Рудзутак, они им советовали - информируйте; сами (они сведения) не доставляли.

Гамарник. У нас нет данных, что он сам информировал, но все его друзья, ближайšie друзья: Уборевич, особенно Якир, Тухачевский — занимались систематической информацией немецкого генерального штаба.

Ягода — шпион... Он сообщал немцам, кто из работников ГПУ имеет такие-то пороки. Чекистов таких он посылал за границу для отдыха. За эти пороки хватала этих людей немецкая разведка и завербовывала, возвращались они завербованными. Ягода говорил им: я знаю, что вас немцы завербовали, как хотите, либо вы мои люди, личные, и работаете так, как я хочу, слепо, либо я передаю в ЦК, что вы германские шпионы.

Так он поступил с Гаем — немецко-японским шпионом. Он это сам признал. Эти люди сами признаются. Так он поступил с Воловичем — немецкий шпион, сам признается. Так поступил с Паукером — шпион немецкий, давнишний, с 1923 года. Значит Ягода. Дальше Тухачевский. Вы читали его показания.

Голоса: Да, читали.

Сталин: Он оперативный план наш, оперативный план — наше святое святых передал немецкому рейхсверу. Имел свидания с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион.

Для благовидности на Западе этих жуликов из западноевропейских цивилизованных стран называют информаторами, а мы просто по-русски знаем, что это просто шпион.

Якир систематически информировал немецкий штаб. Он выдумал себе эту болезнь печени. Может быть, он выдумал себе эту болезнь, а может быть, она у него действительно была. Он ездил туда лечиться.

Уборевич — не только с друзьями, с товарищами, но и отдельно сам лично информировал (В частности, Э. Кинцеля. - *К.Р.*). Карахан — немецкий шпион. Эйдеман — немецкий шпион. Карахан — информировал немецкий штаб, начиная с того времени, когда он был у нас военным атташе в Германии.

Рудзутак. Я уже говорил о том, что он не признает, что он шпион, но у нас есть все данные. Знаем, кому он передавал сведения.

Есть одна разведчица опытная в Германии, в Берлине... Жозефина Гензи... Она красивая женщина. Разведчица старая. Она завербовала Карахана. Завербовала на бабской части. Она завербовала Енукидзе.

Она помогла завербовать Тухачевского. Она держит в руках Рудзутака. Это очень опытная разведчица, Жозефина Гензи. Будто бы она сама датчанка, на службе немецкого рейхсвера. Красивая, очень охотно на всякие предложения мужчин идет, а потом гробит...»

Сталин знал, о чем говорил. Обвинение им Тухачевского в передаче немцам мобилизационного плана основывалось на информации, полученной от дочери американского посла в Берлине — Марты Додд. Ее отец Улиам Додд поддерживал личные отношения с ближайшим соратником Гитлера Эрнстом Ханфштенгелем по кличке Путци. Именно Ханфштенгелю Тухачевский и передал советский мобилизационный план на 1936/37 год. Сталин не называл на совещании Ханфштенгеля. И лишь спустя три месяца после его выступления, 30 августа 1937 года, газета «Эко де Пари» огласила этот факт в статье «Что же происходит в России?».

Сталин продолжал: «Ядро, состоящее из 10 патентованных шпионов и 3 патентованных подстрекателей шпионов. Ясно, что сама логика этих людей зависит от германского Рейхсвера (курсивы мои. — К.Р.). Если они будут выполнять приказания германского Рейхсвера, ясно, что Рейхсвер будет толкать этих людей сюда. Вот подоплека заговора.

Это военно-политический заговор. Это собственноручное сочинение германского Рейхсвера. Я думаю, эти люди являются марионетками и куклами в руках Рейхсвера. Рейхсвер хочет, чтобы у нас был заговор, и эти господа взялись за заговор. Рейхсвер хочет, чтобы эти господа систематически доставляли им военные секреты, и эти господа сообщали им военные секреты.

Рейхсвер хочет, чтобы существующее правительство было снято, перебито, и они взялись за дело, но не удалось. Рейхсвер хотел, чтобы в случае войны было все готово, чтобы армия перешла к вредительству с тем, чтобы армия не была готова к обороне, этого хотел Рейхсвер — и они это готовили.

...Заговор этот имеет... не столько внутреннюю почву, сколько внешние условия. Не столько политику по внутренней линии в нашей стране, сколько политику германского Рейхсвера. Хотели из СССР сделать вторую Испанию, для этого нашли себе и завербовали шпииков».

Объясняя суть военно-политического заговора, Сталин 11 раз методично повторяет термин «Рейхсвер». Между тем он прекрасно знал, что с середины марта 1935 года название «Рейхсвер» в Германии официально было заменено на «Вермахт». Однако он настойчиво употребляет термин, утративший свои функции два с лишним года назад. В связи с этим А. Б. Мартиросян пишет: «Сталин четко показывает, что он прекрасно знает, что именно «рейхсверовские» германские генералы являются партнерами заговора Тухачевского... что это давняя, корнями уходящая еще в догитлеровский период история».

Впрочем, генералы Рейхсвера не теряли амбициозного «маршала» из поля зрения и после прихода к власти нацистов. «Высшие чины германского генштаба, включая главнокомандующего сухопутными войсками Германии (Chef der Heeresleitung)

генерал-оберста Вернера фон Фрича, в тот момент были замешаны в попытке сформировать союз с советскими военными»⁸⁷.

В 1974 году британским историком Фредериком Л. Карстеном в досье Министерства иностранных дел Германии (N(ational) A(rchives) microfilm series) был обнаружен документ, свидетельствующий еще об одном «застольном» высказывании Тухачевского осенью 1932 года, во время банкета по случаю завершения в Германии маневров (den vojjaehrigen deutschen Herbstmanoevern).

В нем констатируется: «Как всегда, в вермахте сейчас предпринимаются усилия, которые нацелены на возможность союза с русской армией. Аргумент прост: о русской армии нельзя позаботиться с помощью силы, потому этого следует добиться дружбой. Фрич, адмирал Редер и даже генерал фон Райхенау, по слухам, являются сторонниками этого плана. Бломберг считается явно второстепенной (фигурой). Однако сторонники таких усилий в основном находятся среди представителей более молодой школы Генерального штаба.

Когда маршал Тухачевский был в Берлине по случаю прошлогодних осенних маневров, в ответ на тост генерал-полковника Фрича о русской армии в Вюрцбурге он предложил тост за германскую армию как борца со всемирным еврейством и за генерала Геринга. Борьба за власть, которая в настоящее время идет в России, вполне возможно закончится падением Сталина и утверждением военной диктатуры, что отслеживается вермахтом с самым пристальным вниманием и с нескрываемым сочувствием к подобному исходу».

Правда, вместе с соратниками по Рейхсверу барон Вернер фон Фрич в 1934-1938 годах активно способствовал перевооружению Германии. После прихода к власти Гитлера он был назначен главой Верховного командования сухопутных войск и затем главнокомандующим сухопутными войсками, а 20 апреля 1936 года Гитлер произвел его в генерал-полковники.

Бывший германский стальной магнат, король тяжелой промышленности Рура и один из первых членов нацистской партии Фриц Тиссен в своей книге «Я платил Гитлеру» писал: «Фрич всегда защищал союз с Россией, хотя и с некоммунистической Россией. Были попытки установить отношения между Фричем и русским генералиссимусом Тухачевским. Оба сходились в одном: *каждый хотел свергнуть диктатора в своей стране*»⁸⁸.

Немецкий историк С. Хафнер тоже обращает внимание на возможность подобного оборота событий: «Можно сказать с уверенностью: в Берлине, так же, как и в Москве, за девять месяцев с июня 1937 г. по февраль 1938 г. исчезли из рядов командования почти все традиционные носители германо-русской военной дружбы периода Рапалло, а в Москве — и из рядов живущих. Если и была

⁸⁷ Grover Furr. Montclair State University New Jersey, USA. Russian History. 13, Nos. 2-3, Summer-Fall 1986 [1988], pp. 293-308.

⁸⁸ Fritz Thyssen. I Paid Hitler (New York: Cooperative Pub., 1941), p. 163.

возможность совместного военного переворота против Гитлера и Сталина, то в эти девять месяцев она прекратила свое существование»⁸⁹.

Конечно, Тиссен перебрал, «возведя» расстрелянного заговорщика в «генералиссимусы», однако шашни с германскими военными не изменили симпатий Тухачевского к нацизму. Об этом свидетельствует уже то, что в связи с успешной оккупацией нацистами Рейнской области в марте 1936 года он лично «поздравил военного атташе Германии в Москве генерала Эрнста Кестринга».

Впрочем, сотрудничество с нацистами было присуще практически всей Европе. Еще в 1935 году в Париже вышла книга «Коричневая сеть. Как работают гитлеровские агенты за границей, готовя войну». В ней описывалась работа 48 тысяч агентов. И говорилось, что заграничная организация национал-социалистической партии Германии имеет 400 отделений. То есть нацисты серьезно готовили «пятые колонны» во всех странах. Описывая в своих мемуарах свое психологическое состояние к 1 сентября 1939 года, т.е. к началу войны в Европе, Черчилль признается:

«Было известно, что в то время в Англии имелось двадцать тысяч организованных германских нацистов. Яростная волна вредительства и убийств как прелюдия к войне лишь соответствовала бы их прежнему поведению в других дружественных странах. В то время у меня не было официальной охраны, и мне не хотелось ее просить. Однако я считал себя достаточно видной фигурой, чтобы принять меры предосторожности. Я располагал достаточными сведениями, чтобы убедиться, что Гитлер считает меня врагом. Мой бывший детектив из Скотланд-Ярда инспектор Томпсон был в то время в отставке. Я предложил ему приехать ко мне и взять с собой пистолет. Я достал свое оружие, которое было надежным. Пока один из нас спал, другой бодрствовал. Таким образом, никто не мог бы застать нас врасплох. В те часы я знал, что, если вспыхнет война, — а кто мог сомневаться в этом? — на меня падет тяжелое бремя»⁹⁰.

Но вернемся на заседание Военного совета. Выступление Сталина было выдержанным. Он не спешил с обобщениями. Тем более, с обличающим выводами. Он часто даже поправлялся в деталях. «Тухачевский, — говорил он, — выделяется особо; он играл роль благородного человека, на мелкие пакости не способного, воспитанного человека.

Мы его считали неплохим военным, я его считал не плохим военным. Я спрашивал его: как вы могли в течение трех месяцев довести численность дивизии до 7 тысяч человек. Что это? Профан, не военный человек. Что за дивизия в 7 тысяч человек? Это либо дивизия без артиллерии, либо это дивизия с артиллерией без прикрытия. Вообще это не дивизия, это — срам. Как может быть такая дивизия?

Я у Тухачевского спрашивал: как вы, человек, называющий себя знатоком этого дела, как вы можете настаивать, чтобы численность дивизии довести до 7 тысяч

⁸⁹ Цит. по: Дьяков Ю., Бушуева Т. Фашистский меч ковался в СССР. С. 363-364.

⁹⁰ У. Черчилль. Вторая мировая война. Т. 1. С. 183.

человек. И, вместе с тем требовать, чтобы у нас в дивизии было 60... 40 гаубиц и 20 пушек, чтобы мы имели столько-то танкового вооружения, такую-то артиллерию, столько-то минометов.

Здесь одно из двух — либо вы должны всю эту технику к черту убрать и одних стрелков поставить, либо вы должны только технику оставить. Он мне говорит: «Тов. Сталин, это увлечение». Это не увлечение, это вредительство, проводимое по приказам германского Рейхсвера...»

Вождь не терпел дилетантов, непрофессионалов, людей, которые не умели по деловому решать вопросы. Он отказывал в признании заговорщиков людьми, способными на поступок. Действительно, действовавшие исподтишка, они оказались неспособны к острой политической игре. Оценивая самоубийство Гамарника, Сталин продолжал: «Если бы он был контрреволюционером от начала до конца, то он не поступил бы так; потому, что я бы на его месте, будучи последовательным контрреволюционером, попросил бы сначала свидания со Сталиным, сначала уложил бы его, а потом бы убил себя. Так контрреволюционеры поступают.

Эти же люди были не что иное, как невольники германского Рейхсвера. Завербованные шпионы. И эти невольники должны были катиться по пути заговора, по пути шпионажа, по пути отдачи Ленинграда, Украины и т.д. Рейхсвер, как могучая сила, берет себе в невольники, в рабы слабых людей, а слабые люди должны действовать, как им прикажут. Невольник есть невольник. ...Тут дело не в политике, никто о политике их не спрашивал. Они были невольниками в руках германского Рейхсвера.

Те командовали, давали приказы, а эти в поте лица их выполняли. Этим дуракам казалось, что мы такие слепые, что ничего не видим. Они, видите ли, хотят арестовать правительство в Кремле. (...) Они хотят в Московском гарнизоне иметь своих людей и вообще поднять войска. Они полагали, что никто ничего не заметит... Оказалось, что мы кое-что видели. И вот эти невольники германского рейхсвера сидят теперь в тюрьме и плачут. Политики! Руководители!»

Конечно, Сталин не мог не задуматься о мотивах людей, вставших на путь измены. Но он размышляет и о другой стороне медали: «Второй вопрос — почему этим господам так легко удалось завербовать столько людей. Вот мы человек 300 — 400 по военной линии арестовали. Среди них есть хорошие люди. Как их завербовали?

Сказать, что это способные, талантливые люди, я не могу... Тогда почему же им удалось так легко вербовать людей?

Это очень серьезный вопрос. Я думаю, что они тут действовали таким путем. Недоволен человек чем-либо, например, недоволен тем, что он бывший троцкист или зиновьевец и его не так свободно выдвигают на более высокий пост. Либо недоволен тем, что он человек неспособный, не управляется с делами и его за это понижают в должности, а он считает себя очень способным.

Очень трудно иногда человеку понять меру своих сил, меру своих плюсов и минусов. *Иногда человек думает, что он гениален и поэтому обижен, когда его не ценят*».

То был тонкий анализ человеческой породы. Но верно определив психологические причины недовольства и употребив иронию, Сталин довел оценку событий до поступков комической выходки: «Начинали с малого — с идеологической группировки, а потом шли дальше. Вели разговоры такие: вот, ребята, дело такое. ГПУ у нас в руках. Ягода в руках. Кремль у нас в руках, так как Петерсон с нами. Московский округ, Корк и Горбачев тоже у нас. Все у нас. Либо сейчас прояви себя, либо завтра, когда мы придем к власти - ты останешься на бобах.

И многие слабые, не стойкие люди думали, что дело это реальное, черт побери, оно будто бы даже выгодное. Этак прозеваешь, за это время арестуют правительство, захватят Московский гарнизон и всякая такая штука, а ты останешься на мели (веселое оживление в зале).

Точно так рассуждает в своих показаниях Петерсон. Он разводит руками и говорит: дело это реальное, как тут не завербоваться? (Веселое оживление в зале.) Оказалось дело не такое уж реальное...»

Однако Сталин не сводил дело к шутке. Более того, он признал, что с разоблачением заговора затянули. И объясняя: «почему мы так странно прошляпили это дело?» — он указал на притупление чувства «политической бдительности...» и на то, что «у нас нет настоящей разведки... Мы эту сторону прозевали. Все потому, что у нас разведка плоха, и в этой области мы оказались битыми, как мальчишки».

Он не выбирал слова с привычной тщательностью и даже не пытался удержать направление своего выступления. Его мысль развивалась свободно, как течет поток, естественно обходящий препятствия. Разве так говорил бы он, если бы обвинения в заговоре были сфальсифицированы и заранее обдуманы? Неужели бы он не нашел слов, раскаленным железом разящих? Вместо этого он скрупулезно взвешивает случившееся на весах почти житейской логики, стремясь отделить зерна от плевел. Он ищет допущенные просчеты, ошибки, которые надлежало исправить.

Словно размышляя вслух, он продолжал: «Еще недостаток, — в отношении проверки людей сверху. Не проверяют. Мы для чего создали генеральный штаб? Для того чтобы он проверял командующих округами. А чем он занимался?»

Сталин говорил об элементарных вещах, которые должны быть аксиомой для любого дела, а уж тем более для армии. Но ведь люди часто не понимают элементарного. Остановившись на роли Генерального штаба, который по классическому определению должен быть мозгом армии, Сталин говорит об ответственности. Он подчеркивал: «Генштаб должен знать все, если он хочет действительно практически руководить делом. Я не вижу признаков того, чтобы генштаб стоял на высоте с точки зрения подбора людей. ...Очень важным вопросом

является, как расставить кадры. В военном деле принято так: есть приказ — должен подчиниться.

Если во главе этого дела стоит мерзавец, он может все запутать... Военная дисциплина строже, чем дисциплина в партии. Человека назначают на пост, он командует, он главная сила, его должны слушаться все. Тут надо проявлять особую осторожность при назначении людей».

Одной из проблем, которая волновала его все эти годы, являлись «кадры». Он продолжал: «Так же не обращали должного внимания на то, что на посту начальника командного управления подряд за ряд лет сидели: Гарькавый, Савицкий, Фельдман, Ефимов. ...У них какая уловка практиковалась? Требуется военный атташе, представляют семь кандидатур, шесть дураков и один свой, он среди дураков выглядит умницей (смех). Возвращают бумаги на этих шесть человек - не годятся, а седьмого посылают.

У них было много возможностей. Когда предоставляются кандидатуры шестнадцати дураков и одного умного, поневоле его подпишешь. На это дело нужно обратить особое внимание».

Он привел примеры и того, как на начальственные должности назначались «пьяницы», но люди с «выправкой». Но могли ли эти «полководцы», входившие в состав заговора военных, заслонить страну в 1941 году? Много ли потерял народ, лишившись таких «талантливых» людей?

К моменту выступления Сталина из числа военных, примкнувших к заговору, было арестовано около 400 человек. И в том, что такой группе было по силам свержение правительства, не может быть сомнений. Когда Ельцин громил законный «парламент», избранный населением страны, он обошелся лишь пятью офицерами-танкистами, расстрелявшими из орудий здание Верховного Совета.

Сталин не был намерен героизировать заговорщиков. Комментируя их замыслы, он иронически указывает: «Если бы вы прочитали их план, как они хотели захватить Кремль, как они хотели обмануть школу ВЦИК. Одних они хотели обмануть, сунуть в одно место, других — в другое, третьих — в третье и сказать, чтобы охраняли Кремль, что надо защищать Кремль, а внутри они должны были арестовать правительство, Днем, конечно, лучше, когда собираются арестовывать, но как это можно сделать днем? ...Люди начнут стрелять, а это опасно. Поэтому решили лучше ночью (смех). Но ночью тоже опасно, опять начнут стрелять».

Практически он интерпретировал показания комкора Корка, зафиксированные в протоколе допроса от 26 мая. Конечно, он умышленно оттенял деревенскую примитивность замыслов заговорщиков, не имевших политической базы и рассчитывавших лишь на банальный путч:

«Слабенькие, несчастные люди, оторванные от народных масс, не рассчитывающие на поддержку народа, на поддержку армии. Боящиеся армии и прятавшиеся от армии и от народа. Они рассчитывали на германцев и на всякие

махинации: как бы школу ВЦИК в Кремле надуть, как бы охрану надуть, шум в гарнизоне произвести. На армию они не рассчитывали, вот в чем их слабость. В этом же наша сила.

Говорят, как же — такая масса командного состава выбывает из строя, Я вижу кое у кого смущение, как их заменить.

Голоса: Чепуха, чудесные люди есть.

Сталин: В нашей армии непочатый край талантов. В нашей стране, в нашей партии, в нашей армии непочатый край талантов. Не надо бояться выдвигать людей, смелее выдвигайте снизу...»

Конечно, в этом пространным и лишь выборочно процитированном выступлении Сталин умышленно упростил ситуацию, фактически приземлил ее. Удар последовал с неожиданной стороны, и в этот период ни он, ни следствие еще не знали полностью действительных масштабов заговора. Многие сторонники заговорщиков могли находиться здесь же, в зале. Поэтому он поступил как осторожный человек — не выдал своих намерений, но и не солгал.

В своем выступлении он тонко отделил руководителей заговора от примкнувших соучастников. Первых он обличил в шпионаже, поставив их за грань политической борьбы. Лишив их, таким образом, ореола авантюрного благородства. Причем он представил их не «классическими» шпионами - по убеждениям и даже не платными агентами, а людьми, *пойманными на компромате*, — невольниками. Вторых, «обвинив» их в простодушии и наивности, выставив почти дурачками. Но в действительности именно так и обстояло дело. Это был тот развенчивающий случай, когда, взглянув глазами трезвого человека, можно было увидеть «голого короля». Одновременно это была своеобразная подсказка условий «разоружения» тем, кто еще не был разоблачен.

Заседание Военного Совета продолжалось три дня. Ни для кого не было секретом, что Тухачевский всегда претендовал на высокое положение в военной иерархии. Поддерживая с этой целью свой имидж, недалекий, но тщеславный человек, он часто выступал на совещаниях с политизированными речами. Гротескно насыщенным набором иностранных слов, не всегда удачно втискиваемых в текст, но внешне создававших впечатление некой «культурности» говорливого военного. Таким же вычурно корявым языком он писал и свои многочисленные статьи, вставляя в них мысли, выловленные им в профессиональных зарубежных публикациях.

Как уже говорилось ранее, Тухачевский всегда занимался саморекламой, преувеличивая свои заслуги, и такое перетаскивание одеяла на себя не оставалось незамеченным. Выступая 3 июня 1937 года на заседании Военного Совета, Буденный говорил: «Тухачевского вот я как знаю. В операциях под Ростовом, уже после потрясения Деникина, мы с Климент Ефремовичем видели, что неправильно используют 1-ю конную армию. Подняли скандал, что конармия, которая расколола

фронт Деникина, здесь на Батайских *болотах гибнет*. Подняли скандал против Шорина командующего. Вместо Шорина приехал Тухачевский.

...Тухачевский дает директиву окружить Деникина в Ейске, как будто Деникин сидит со своим войском в Ейске. Для этого бросают конармию через Богаевскую. Мы *не подчинились этой директиве...*

Деникин отступает, бежит. Таким образом, меня и К.Е. *нужно было расстрелять за то, что мы не выполнили приказа командующего фронтом, разбили противника не согласно его приказа в Ейском округе, а разбили его там, где нужно*. Но противник разбит, а раз противник разбит, то победителей не судят.

При чем тут Тухачевский? Тухачевский *приписывает это себе, что он приехал на Северо-Кавказский фронт и разгромил противника*. Знали ли, что этот человек даже не был в состоянии написать приказа, который бы разгромил противника? Знали. После этого Тухачевский назначается командующим Западного фронта против поляков... (он) *проваливает всю Советско-польскую кампанию*. Так? (Голоса. Правильно). За это нужно было повесить человека по меньшей мере. (Оживление в зале.)

...Нет, Тухачевский у нас начинает прогрессировать: пишет книжку «Поход на Вислу» и этим самым маскирует свои подлые дела. Причем сознательно делает эти дела. А почему сознательно? Что такое Тухачевский? Он пришел из плена делать социальную революцию к нам, попадает в Ленинград, там в Смольном как раз формировали красногвардейские отряды. Он явился и предложил Ленину: «Я хочу участвовать в революции, хотя я офицер Семеновского полка». Отсюда, *теперь* мне становится ясным, что это шпион не 27 г., а это шпион, присланный немцами сюда к нам, чтобы участвовать не в революции, а в шпионаже за нами. Сейчас это становится понятно. Уборевич тоже из плена пришел.

...Дальше, Тухачевский командовал последнее время Ленинградским ВО, перед назначением зам. наркома. *Все знали, что округ провалил*. Так сложились обстоятельства, что надо было его назначить. Сами выдвигали, примиренчески относились к этим людям, которых видно было с начала до конца, что они враги»⁹¹.

Семен Михайлович был вправе возмущаться непорядочностью «маршала», укравшего у него чернильным пером сочинителя победу над Деникиным, но дело заключалось не только в присвоении чужих заслуг. Выступая на Военном Совете, заместитель наркома и начальник по ВВС Алкснис говорил: «Разве не было известно, что собираются по квартирам, пьянствуют, это все было известно. Я во всяком случае об этом знал. Я к этому не примыкал. Я прямо заявляю, Тухачевский пытался меня несколько раз пригласить себе на квартиру. Я не ходил. И недавно, когда был парад на Красной площади, Тухачевский стучает меня по плечу и говорит: тут холодно, зайдем на квартиру, закусим. Я не хотел, сказал, что мне некогда... Я к этой группировке никогда не примыкал».

91 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165, д. 60. ЦК ВКП(б). Совещания Военного Совета 1-4 июня 1937 г. Л. 140-145.

Ворошилов тоже был информирован об этих застольях. На заседании Военного Совета он признал: «Относительно Тухачевского. Тухачевского я политически высоко не ценил, не считал его большевиком, а барчонком и т.д. Но я считал его знатоком военного дела, любящим и болеющим за военное дело... Я видел, что это человек — пьянчужка, морально разложившийся до последней степени субъект, но политически служит нам верой и правдой. Я был еще тогда таким идиотом, что не сделал из этого других выводов и... не подумал, что моральное разложение здесь уже переросло в политическую измену и предательство...»⁹²

Глава 13. Суд идёт

Подготовка судебного процесса над верхушкой заговора военных началась 5 июня. Из большой группы арестованных в мае были отобраны восемь. Днём раньше постановлением Президиума ЦИК СССР был утвержден состав судей: Алкснис, Белов, Блюхер, Буденный, Горячев, Дыбенко, Каширин и начальник Генштаба командарм 1-го ранга Б. М. Шапошников.

7 июня было предъявлено обвинение по ст.ст. 58-1 «б», 58-3, 58-4, 58-6 и 58-9 УК РСФСР (измена Родине, шпионаж, террор и т.п.) Примакову, а на следующий день — Тухачевскому, Якиру, Уборевичу, Корку, Фельдману и Путне. 9 июня Вышинский и помощник Главного военного прокурора Суббоцкий, в присутствии следователей НКВД, провели короткие допросы арестованных, заверив прокурорскими подписями достоверность их показаний, данных на следствии. Суббоцкий объявил об окончании следствия и разрешении обратиться с заявлениями.

Раскаялись все. Якир 9 июня писал на имя Сталина: «Родной и близкий тов. Сталин. Я смею к Вам обращаться, ибо я все сказал, все отдал и мне кажется, что я *снова честный* (курсивы мои. — *К.Р.*), преданный партии, государству, народу боец, каким я был многие годы. Вся моя сознательная жизнь прошла в самоотверженной честной работе на виду партии, ее руководителей — потом провал в кошмар, в непоправимый ужас предательства... Следствие закончено. Мне предъявлено *обвинение в государственной измене, я признал свою вину, я полностью раскаялся*. Я верю безгранично в правоту и целесообразность решения суда и правительства... *Теперь я честен каждым своим словом, я умру со словами любви к Вам, партии и стране, с безграничной верой в победу коммунизма*».

Унизительное по форме и противоречивое по смыслу, это заявление было беспринципно. Признаваясь в измене и заявляя о раскаянии, Якир уверяет в своей «честности». В чем его «честность»? По существу, он предал дважды: сначала вступив в заговор, затем сдав своих сообщников.

Может ли такое заявление вызвать жалость? Оно не могло вызвать ничего, кроме брезгливости, как проявление малодушия перед страхом смерти. Такие чувства и

92 Там же. Л. 114-185.

отразили увековечившие его резолюции. И хотя они и суровы, но тоже искренни: «Мой архив Ст.»; «Подлец и проститутка. И. Ст.»; «Совершенно точное определение. К. Ворошилов»; «Молотов». Еще более эмоциональна фраза «единородца» Якира: «Мерзавцу: «сволочи и б... одна кара — смертная казнь. Л. Каганович».

9 июня Тухачевский признался в своем заявлении:

«Начальнику 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР
Вейлевскому, пом. начальника 5-го отдела ГУБ
НКВД СССР Ушакову

В дополнение к очной ставке, данной мне сегодня ночью с Якиром... показываю, что я снимаю свое отрицание участия Игоревича в заговоре... Я не смог сразу же признать на очной ставке правоты показаний Якира, ТНК. мне неудобно было отказаться от своих слов, которые я ранее говорил как на допросах, так и на очной ставке с Горком. Тухачевский. 9.6.37».

В этот же день Генеральный прокурор и помощник главного военного прокурора провели допрос Тухачевского. В протоколе отмечено: «Свои показания, данные на предварительном следствии о своем руководящем участии в военно-троцкистском заговоре, о своих связях с немцами, о своем участии в прошлом в различных антисоветских группировках, я полностью подтверждаю. Я признаю себя виновным в том, что я сообщил германской разведке секретные сведения и данные, касающиеся обороны СССР. Я подтверждаю также свои связи с Троцким и Домбалем.

Задачи военного заговора состояли в проведении указаний троцкистов и правых, направленных к свержению советской власти. Я виновен также в подготовке поражения Красной Армии и СССР в войне, т.е. в совершении государственной измены. Мною был разработан план организации поражения в войне... Я признаю себя виновным в том, что я фактически после 1932 г. был агентом германской разведки. Также я виновен в контрреволюционных связях с Енукидзе. В составе центра военно-троцкистского заговора, кроме меня, были Якир, Уборевич, Эйдеман, Фельдман, С. С. Каменев и Гамарник. Близок к нему был и Примаков.

Никаких претензий к следствию я не имею. Тухачевский.

Допросили — помощник главного военного прокурора
Суббоцкий

Прокурор Союза ССР Вышинский»⁹³.

В этот же день Генеральный прокурор подписал обвинительное заключение, а в 22 часа 45 минут, в присутствии Молотова и Ежова, Вышинского принял Сталин. А на следующий день, 10 июня, Тухачевский написал очередное признание, сдав

⁹³ЦА ФСБ РФ. АСД №Р-9000. Т.1. Протокол допроса Тухачевского от 9 июня 1937 г. Л. 111.

следствию еще группу военных: «Помощнику Начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР Ушакову.

Так как я заявил о том, что решил искренне и чистосердечно давать показания о всем, что мне известно по поводу антисоветского военного заговора, то я, вспомнив фамилии участников заговора, не названных мною ранее, сообщаю их следствию дополнительно. Мне известны следующие участники заговора: Левинзон, Аронштам, Векличев, Окунев... Клочко, Германович⁹⁴. Помимо того уточняю, что хотя четкие задания по подготовке поражения на территории БВО и КВО и относятся к весне 1936-го г., но и до этого, в 1935-ом г., между участниками центра военного заговора происходили обсуждения вопросов оперативного вредительства, т.е. по существу, пораженческой деятельности.

Прошу приобщить к делу эти мои дополнительные показания. Тухачевский. 10.6.37»⁹⁵.

Для рассмотрения дела Пленум Верховного суда СССР постановил образовать Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР в составе: Ульриха, Алксниса, Блюхера, Буденного, Шапошникова, Белова, Дыбенко, Каширина и Горячева. 10 июня подготовительное заседание Специального судебного присутствия вынесло определение об утверждении обвинительного заключения, и его копии секретарем суда были вручены всем обвиняемым. Закрытое судебное заседание началось 11 июня. Оно проходило на втором этаже здания на Никольской улице, расположенного по левую сторону от Кремля. Судьи расположились за столом, стоящим посередине сцены. Восемь подсудимых находились за барьером-перегородкой; на стуле, выдвинутом вперед, сидел Тухачевский. В зале для публики присутствовало около пятидесяти человек — в основном из лиц высшего командного состава. Председательствовал армвоенюрист В. В. Ульрих. В обвинительном заключении отмечалось:

«В апреле-мае 1937 года органами НКВД был раскрыт и ликвидирован в г. Москве военно-троцкистский заговор, направленный *на свержение советского правительства и захват власти*, в целях восстановления в СССР власти помещиков и капиталистов и отрыва от СССР части территории в пользу Германии и Японии.

Как установлено предварительным следствием, наиболее активными участниками этого заговора являлись бывш. Заместитель Народного Комиссара Обороны СССР — Тухачевский М.Н., быв. Начальник Политуправления РККА Гамарник Я. Б., бывшие командующие Киевского и Белорусского военных округов Якир Н.Э. и Уборевич И. П., б. председатель Центрального Совета Осоавиахима

⁹⁴Аронштам Лазарь Наумович — армейский комиссар 2-го ранга, нач. политупр. Московского ВО. Векличев Георгий Иванович — арм. комиссар 2-го ранга, член Воен. Совета Северо-Кавказского ВО. Окунев Г.С. — член Воен. Совета Тихоокеанского флота, арм. комиссар 2-го ранга. Клочко Иван Гаврилович — комбриг, начальник военно-исторического отдела Генштаба. Германович Маркиан Яковлевич — комкор, заместитель командующего Ленинградского ВО.

⁹⁵ЦА ФСБ РФ Д. Р-9000. Заявление Тухачевского М.Н. от 10 июня 1937 г. Т. 1. Л. 122-123.

Эйдеман Р.П., быв. Командарм 2 ранга Корк А.И., б. начальник Управления по начсоставу РККА Фельдман Б.М., б. зам. командующего войсками Ленинградского военного округа Примаков В.М. и б. атташе при полпредстве СССР в Великобритании Путна В. К. Как установлено следствием, все указанные выше обвиняемые являлись членами антисоветской троцкистской военной организации, действовавшей под руководством «центра» в составе: покончившего самоубийством Гамарника Я. Б. и обвиняемых по настоящему делу Тухачевского М.Н., Якира И. Э., Уборевича И. П., Корка А.И., Эйдемана Р.П. и Фельдмана Б.М.

Как видно из собственных признаний обвиняемых и показаний ряда свидетелей, военно-троцкистская организация находилась в теснейшей связи с антисоветским троцкистским центром и его главными руководителями — врагами народа Л. Троцким, Л. Седовым, Пятаковым Г.Л., Лившицем Я.А., Серебряковым Л. П. и др., с антисоветской группой правых Бухарина-Рыкова, а также с военными кругами Германии, и действовала под непосредственным руководством германского генерального штаба и его агента врага народа Л. Троцкого, совершая по их прямым указаниям вредительские акты в целях подрыва мощи Красной Армии.(...)

Поставив своей преступной целью *насильственный захват власти* и возлагая свои главные надежды на помощь иностранных агрессоров, и в частности фашистской Германии, военно-троцкистская организация и возглавлявшие эту организацию изменники и предатели в лице Тухачевского, Якира, Уборевича и других обвиняемых по настоящему делу ставили свою ставку на предстоящее нападение на СССР капиталистических интервентов и на поражение СССР в предстоящей войне.

Вся изменническая, вредительская и подрывная деятельность этих заговорщиков была направлена на подготовку предательского разгрома наших армий и поражение СССР.

В этих целях *нарушившие воинский долг и присягу и изменившие* родине руководители указанной военно-троцкистской организации — Тухачевский, Якир, Путна и др., обвиняемые по настоящему делу, вошли в преступную антигосударственную связь с военными кругами Германии, систематически передавали германскому генеральному штабу сведения, касающиеся организации, вооружения и снабжения Красной Армии, составляющие важнейшую государственную тайну, и другие сведения шпионского характера, совместно и по указаниям германского генерального штаба разработали планы поражения наших армий и совершали другие изменнические действия в пользу Германии и Польши.

Следствием установлено, что обвиняемый Тухачевский *передал во время германских маневров в 1932 г. немецкому генералу... секретные сведения о размерах вооружения Красной Армии*. Во время посещения СССР германским генералом... обв. Тухачевский передал последнему *секретные сведения о мощности ряда военных заводов...* В 1935 г. обв. Тухачевский через обв. Путну передал германскому генеральному штабу *секретные сведения о состоянии авиации и*

механизированных войск в Белорусском и Киевском военных округах, об организации в этих округах противовоздушной обороны, о сосредоточении наших войск на западных границах. В том же 1935 г. польской разведке были переданы планы Летичевского укрепленного района. Тогда же были переданы немцам сведения о количестве накопленных огнеприпасов, о количестве командного состава запаса и т.д. и т.п.

Не ограничиваясь этим, обв. Тухачевский разработал план поражения Красной Армии и согласовал этот план с представителем германского генерального штаба... В 1936 г. обв. Тухачевский использовал в преступных изменнических целях свое официальное пребывание в Лондоне и передал германскому генералу... *материалы о дислокации войск Белорусского и Киевского военных округов.*

Следствием установлено, что обв. Тухачевский, Якир, Уборевич и другие члены «центра» этой организации при разработке различных вариантов развертывания войск Красной Армии во время войны неизменно исходили из одной задачи - *обеспечить поражение и разгром наших армий, привести СССР к военному поражению.*

Обв. Тухачевский, Якир, Уборевич признали, что на специальных совещаниях в 1935 г. у обв. Тухачевского ими был разработан подробный оперативный план поражения Красной Армии в предполагавшейся войне на основных направлениях наступления польско-германских армий. Этой основной задаче была фактически подчинена вся деятельность обвиняемых по настоящему делу, этих агентов германской разведки, изменников, вероломно обманувших партию и правительство и пробравшихся на ответственные командные посты в Красной Армии... Не удовлетворяясь, однако, этими позорными актами государственной измены, Тухачевский, Якир, Уборевич и другие обвиняемые по настоящему делу систематически осуществляли вредительство, особенно в укрепленных районах и по линии военных железнодорожных сообщений.

Следствием и, в частности, показаниями обв. Тухачевского, Корка, Эйдемана, Примакова установлено, что одновременно военно-троцкистская организация подготавливала совершение террористических актов против членов Политбюро ЦК ВКП(б) и советского правительства и организовала ряд диверсионных групп преимущественно на предприятиях оборонного значения.

Организуя эти террористические и диверсионные группы, троцкистские предатели, пробравшиеся в ряды командного состава Красной Армии, параллельно подготовили план вооруженного «захвата Кремля» и ареста руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Во всех указанных преступлениях все обвиняемые полностью сознались. Прокурор Союза ССР Вышинский»⁹⁶.

⁹⁶ ЦА ФСБ РФ, АСД № Р-9000 на Тухачевского М.Н. и др. Т. «Судебное производство». Обвинительное заключение от 9 июня 1937 г. Л. 11-14.

После зачтения обвинительного заключения, отвечая на вопросы председателя суда, *все подсудимые заявили о признании себя виновными.* В ходе судебного заседания *они подтвердили те показания, которые дали на следствии,* но каждый пытался вызвать у судей сочувствие. Якир в своем выступлении на процессе всячески подчеркивал роль Тухачевского в организации заговора. Допрос Тухачевского и Уборевича прошел в форме вопросов и ответов, как и исследование деятельности Примакова и Путны.

Примечательно, что стенографический отчет процесса до сих пор *не опубликован.* То есть вокруг дела о заговоре военных сложилась абсурдная ситуация. При наличии документов о *признательных показаниях подсудимых,* со времен Хрущева и по наши дни, конъюнктурная пропаганда скрывает логику слушания дела, на основании которой был вынесен приговор. Что это, если не умышленное сокрытие истины? Даже те авторы, которые, видимо, знакомы с какими-то документами, а обычно это апологеты расстрелянных «маршалов», ограничиваются скудным цитированием фрагментов дела, вырванных из его контекста. Так, известен лишь фрагмент следственного диалога члена суда Дыбенко с Тухачевским:

«Дыбенко. Вы когда-либо считали себя членом нашей партии?»

Тухачевский. Да.

Дыбенко. Вы преследовали поражение нашей армии; в 1921 году Вы вызывали диверсанта Путна, чтобы усилить восстание под Кронштадтом; ...в 1918 году, как Вы говорите, приехали в Россию, бежав из плена. Мне кажется, что Вы не бежали из плена, а приехали как немецкий шпион.

Тухачевский. Я убежал из Германии до Октябрьской революции, поэтому такую задачу — как разложение советской армии, я получить не мог.

Дыбенко. Вы сами пишете в своих показаниях, что Вы с 1925 года вели шпионскую работу в пользу Польши и Германии. О шпионской деятельности было известно вашему руководящему центру — Уборевичу, который пригласил вас в Париже зайти на могилу Наполеона, и известно было Якиру. Считаете ли вы, что Якир являлся не только вредителем, но и прямым шпионом, связанным с немецким генеральным штабом?

Тухачевский. Да, каждый член центра несет такую ответственность.

Дыбенко. Что значит — несет ответственность?

Тухачевский. Является шпионом.

Дыбенко. Подсудимый Тухачевский, как Вы можете сочетать эту измену, предательство и шпионаж с 1929 г. с тем, что Вы носили партийный билет? И как Вы могли ответить положительно на мой вопрос, считали ли Вы себя членом партии?

Подсудимый Тухачевский. Я повторяю, что эта работа началась с Уборевичем и Якиром не с 1929 года, а значительно позже — с 1932 года. Конечно, здесь есть раздвоение: с одной стороны, у меня была горячая любовь к Красной армии, горячая любовь к отечеству, которое с гражданской войны я защищал, но, вместе с

тем, логика борьбы затянула меня в эти глубочайшие преступления, в которых я признаю себя виновным.

Член суда Дыбенко. Как можно сочетать горячую любовь к родине с изменой и предательством? (...)

Тухачевский. Повторяю, что логика борьбы, когда становишься на неправильный путь, ведет к предательству и измене»⁹⁷.

То есть подсудимый стремиться представить свою заговорщицкую деятельность как проявление неких идейных убеждений, основанных на любви к родине, армии и отечеству. Но это были лишь слова. В действительности его устремления основывались на других предпосылках. В своих собственноручных показаниях Тухачевский признавался, что после освобождения с поста начальника штаба РККА, ощущая себя незаслуженно обиженным, он сошелся с людьми, у которых были «сильны протроцкистские настроения».

У него на квартире регулярно собирались и приятели, тоже не удовлетворенные своим служебным положением. Конечно, они не хотели открыто признаться, что для обеспечения собственной карьеры руководствуются чисто шкурными, личными интересами. Поэтому, в дружеских застольных компаниях, они много говорили о политике. В Тухачевском они видели фигуру, способную помочь осуществлению их затаенных намерений; и тщеславному человеку льстило признание его достоинств.

В принципе, поначалу, он удовлетворился бы постом наркома обороны, и когда Сталину доложили о брожении в армейской среде, он не стал «осаживать» амбициозного военного. Вождь ценил инициативных людей и не только дал «фрондеру» шанс проявить себя, предоставив ему ответственный пост, но выделил его, символически присвоив звание маршала. Однако корм оказался не в коня.

Амбициозный человек, Тухачевский не умел кропотливо заниматься деловой организационной работой. Не имевший технического образования, в развитии военной техники он отдавал предпочтение прожектерским проектам. А в боевой подготовке войск увлекся рекламными играми с высадкой десанта и маршбросками. Как всякий дилетант, начитавшись литературы о прошлых войнах, он мнил себя стратегом и мысленно уже примерял на себя шляпу Наполеона. Предвоенные контакты с германскими коллегами и поездки за границу упрочили уверенность в его предназначении: стать не только исполнителем чужих указаний, но и самому «творить» мировую политику.

Он видел усиливающуюся роль Германии в стремлении к мировому господству. И, как многие оппозиционеры, не верил в то, что в случае войны Красная Армия сможет противостоять агрессии. Как это ни может показаться парадоксальным, но Тухачевский был прав. Если бы совместное нападение Германии, Польши и Японии на СССР произошло в 1937 году, то армия не смогла бы противостоять агрессии. В

⁹⁷ ЦА ФСБ РФ, АСД № Р-9000 на Тухачевского. Т. 17. Л. 70а, 76-77.

это время современной армии фактически еще не было, а промышленность не производила достаточного количества танков, самолетов и другой военной техники.

Поэтому Тухачевский и его подельники заранее сделали ставку на победителя. Их выбору способствовали и непосредственные личные контакты заговорщиков с коллегами из Рейхсвера и, стремясь поддержать свой имидж в глазах профессионалов, заговорщики охотно делились «с немецкими друзьями» секретными сведениями.

На процессе Тухачевскому был задан вопрос: *«Председатель. Какие цели Вы преследовали, информируя германских офицеров о мероприятиях Красной Армии?»*

Тухачевский. Это вытекало из наших разговоров о совместных задачах по поражению Польши. До прихода Гитлера к власти у нас были тесные отношения с Германским генеральным штабом...»

Могли ли налаженные в застольных беседах «дружеские» отношения стать антагонистическими после прихода к власти Гитлера? Для этого не было причин. Впрочем, даже в 1937 году Гитлер еще не был тем Гитлером, каким мир станет воспринимать его после 1 сентября 1939 года. Германский канцлер еще не имел всей полноты власти и целиком зависел от своего генералитета. Поэтому, несмотря на события в Испании, ни у немецких, ни у советских военных не было необходимости смотреть друг на друга сквозь перекрестия в окулярах оружейных прицелов. Наоборот, несогласие с политической линией руководства своих стран даже объединяло их, а «за дружбу» нужно было платить.

В своих показаниях Тухачевский признался, что и в 1936 году, через Путну, — он передал немцам: «сведения о состоянии авиации ПВО и мехвойск в Белорусском и Киевском военных округах и о графиках сосредоточения войск на западных границах». В показаниях Путны тоже говорилось, что от Тухачевского он также получил сведения: *«о состоянии и перспективах вооружения РККА»* и *«о состоянии военной промышленности СССР»*. На вопрос председателя суда о том, откуда к нему поступили сведения об авиации, Тухачевский ответил: «От Алафузо».

Впрочем, в вопросах политики у заговорщиков был более опытный руководитель, чем заместитель наркома обороны. На процессе состоялся и такой диалог между председателем суда Ульрихом и подсудимым.

«Председатель. Как организован был центр военной организации, по чьей директиве и какие задачи это центр ставил?»

Тухачевский. Центр составил, развиваясь, одновременно. В центр входили помимо меня — Гамарник, Каменев С.С., Уборевич, Якир, Фельдман, Эйдеман, затем Примаков и Корк. Центр не выбирался, но названная группа наиболее часто встречалась.

Председатель. С какого года принимал участие в этом центре Гамарник?

Тухачевский. С 1934 г.

Вопрос. Чем Вы объясняете, что в Ваших показаниях фамилия Гамарника сначала не упоминалась?

Тухачевский. Я сначала не все показывал следствию, о чем я сказал. В дальнейшем я показывал все...

Председатель. Какие были взаимоотношения внутри центра между Вами и Гамарником? *Вы считались руководителем!*

Тухачевский. Я был по западным делам, Гамарник по восточным.

Председатель. Значит, Вы были руководителем организации по западному театру военных действий. Но кто чей признавал авторитет? Вы Гамарника или Гамарник Ваш?

Тухачевский. Я бы сказал, что здесь было как бы *двоецентрие*.

Председатель. Вы считаете себя руководителем центра? Это проходит красной нитью по всем показаниям.

Тухачевский. Гамарник вступил в центр позже, *но авторитет его был выше, чем у меня*⁹⁸.

Могли ли после таких признаний у членов суда возникнуть сомнения в наличии заговора? Впрочем, у судей было достаточно материала для оценки вины подсудимых. Корк начал свои признания заявлением: «Я попросил бы, гр-н председатель, позволить мне вкратце... рассказать то, что мне известно как члену центра то, что я делал. Я думаю, это будет полезно не только суду, но и всем тем командирам, которые здесь присутствуют». Его «краткая» разоблачительная речь *«заняла 20 листов стенограммы суда»*.

Примаков заявил, что он «прошел все стадии борьбы с партией, вплоть до вооруженного восстания». На вопрос председательствующего: «На какие силы Вы рассчитывали? Ведь с вами танковая бригада не пошла. Вы завербовали только командира бригады» — он ответил молчанием. Заискивающую готовность к даче показаний демонстрировал Фельдман, *его выступление заняло 12 листов стенограммы*. Гнетущая атмосфера царила и в зале, где сидели приглашенные, и за барьером, где находились обвиняемые.

Запасной член суда командарм 1-го ранга И. Белов так описал свои впечатления в записке Ворошилову: «Глаза всей этой банды ничего не выражали такого, чтобы по ним можно было судить о бездонной подлости сидящих на скамье подсудимых. Облик в целом у каждого из них... был неестественный.

Печать смерти уже лежала на всех лицах. В основном цвет лица был так называемый землистый... Тухачевский старался сохранить свой «аристократизм» и свое превосходство над другими... Пытался он демонстрировать и свой широкий оперативный кругозор. Он пытался бить на чувства судей некоторыми напоминаниями о прошлой совместной работе и хорошим отношением с большинством из состава суда. Он пытался и процесс завести на путь (оценки) его роли, как положительной, и свою предательскую роль свести к пустячкам...

⁹⁸ ЦА ФСБ РФ. АСД № Р-9000 на Тухачевского М.Н. и др. Т. 17. Л. 49.

Уборевич растерялся больше первых двух. Он выглядел в своем штатском костюмчике, без воротничка и галстука, босяком... Корк хотя и был в штатском, но выглядел как всегда по-солдатски... Фельдман старался бить на полную откровенность. Упрекнув своих собратьев по процессу, что они как институтки боятся называть вещи своими именами, занимались шпионажем самым обыкновенным, а здесь хотят превратить это в легальное общение с иностранными офицерами.

Эйдеман. Этот тип выглядел более жалко, чем все. Фигура смякла до отказа, он с трудом держался на ногах, он не говорил, а лепетал... Путьна только немного похудел, да и не было обычной самоуверенности в голосе...

Последние слова все говорили коротко. Дольше тянули Корк и Фельдман. Пощады просили Фельдман и Корк. Фельдман даже договорился до следующего: «Где же забота о живом человеке, если нас не помилуют». Остальные все говорили, что смерти мало за такие преступления... Клялись в любви к Родине, к партии, к вождю народов т. Сталину...»

Пожалуй, наиболее ярким было последнее слово Примакова. Его зафиксировала сохранившаяся стенограмма: «Я должен сказать последнюю правду о нашем заговоре... Из кого состоит заговор? Кого объединило фашистское знамя Троцкого? Оно объединило все контрреволюционные элементы, все, что было контрреволюционного в Красной Армии...

Какие средства выбрал этот заговор? Все средства: измена, предательство, поражение своей страны, вредительство, шпионаж, террор. Для каких целей? Для восстановления капитализма.

Какие же силы собрал заговор для того, чтобы выполнить этот план? Я назвал следствию больше 70 человек — заговорщиков, которых я завербовал сам или знал по ходу заговора... Я составил себе суждение о социальном лице заговора, т. е. из каких групп состоит наш заговор, руководство, центр заговора.

Состав заговора из людей, у которых нет глубоких корней в нашей Советской стране потому, что у каждого из них есть своя вторая родина. У каждого персонально есть семья за границей. У Якира — родня в Бессарабии, у Путьны и Уборевича — в Литве, Фельдман связан с Южной Америкой не меньше, чем с Одессой, Эйдеман связан с Прибалтикой не меньше, чем с нашей страной...»

Любопытно, что Тухачевский был единственным, кто перед судом не стал писать покаянное письмо Сталину и не просил о пощаде. Что это? Подтверждение признания своей вины? Или осознание безнадежности такой затеи? Наверное, и то и другое. Однако существует еще одна, чисто психологическая причина. Несмотря на фрондерство и заскоки, именно Сталин способствовал возвышению Тухачевского и прощал ему многое. И, организовав заговор, амбициозный военный фактически не просто предал Вождя — он совершил подлость. Глава заговорщиков не мог не осознавать моральной подоплеки своих действий. Видимо, поэтому, пытаясь заслужить прощение, он с такой скрупулезностью сдал всех соучастников измены.

Однако у него хватило ума понять, что просьба о помиловании выглядела бы лицемерием.

Поэтому, сохраняя остатки респектабельности, свои покаянные мысли Тухачевский высказал в последнем слове: «Я хочу сделать вывод, что в условиях победы социализма в нашей стране всякая группировка *становится антисоветской группировкой*. (...)

Всякая антисоветская группировка сливается с гнуснейшим троцкизмом, гнуснейшим течением правых. А так как базы для этих сил нет в нашей стране, то *волей-неволей эти группировки скатываются дальше, на связь с фашизмом, на связь с германским генеральным штабом*. Вот в чем гибель этой контрреволюционной работы, которая *по существу* была направлена к реставрации капитализма в нашей стране.

Я считаю, что в такой обстановке, как сейчас, когда перед советской страной стоят гигантские задачи по охране своих границ, когда предстоит большая, тяжелая и изнурительная война, в этих условиях *не должно быть пощады врагу*. Я считаю, что наша армия должна быть едина, сколочена и сплочена вокруг *своего наркома Климентия Ефремовича Ворошилова, вокруг великого Сталина, вокруг народа и нашей великой партии*.

Я хочу заверить суд, что полностью, целиком оторвался от всего того гнусного, контрреволюционного и от той гнусной контрреволюционной работы, в которую я вошел... Я хочу сказать, что я Гражданскую войну провел как честный советский гражданин, как честный красноармеец, как честный командир Красной Армии. Не щадя своих сил, дрался за Советскую власть. И после Гражданской войны делал то же самое.

Но путь группировки, стащившей меня на путь подлого правого оппортунизма и трижды проклятого троцкизма, который привел к связи с фашизмом и японским генеральным штабом, все же не убил во мне любви к нашей армии, любви к нашей советской стране, *и, делая это подлое контрреволюционное дело, я тоже раздваивался...*

Преступление настолько тяжело, что говорить о пощаде трудно, но я прошу суд верить мне, что я полностью открылся, что *тайн у меня нет перед советской властью, нет перед партией*. И если мне суждено умереть, я умру с чувством глубокой любви к нашей стране, к нашей партии, к наркому Ворошилову и великому Сталину»⁹⁹.

Нужны ли комментарии к сказанному Тухачевским практически на пороге эшафота? Перед смертью не лгут. Он признался в измене и раскаялся. Возможно, что в душе он все же рассчитывал на снисхождение, но мог ли суд принять во внимание раскаяния заговорщиков? В 23 часа 35 минут 11 июня председательствующим Ульрихом был оглашен приговор. Все восемь подсудимых

⁹⁹ Кантор Ю. Михаил Тухачевский... Известия, 21 февраля 2004 г.

приговаривались к расстрелу «с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества и лишением присвоенных им воинских званий». В ночь на 12 июня Ульрих подписал предписание коменданту Военной коллегии Верховного суда СССР Игнатьеву — немедленно привести приговор о расстреле в исполнение. Акт о расстреле был подписан присутствовавшими при исполнении приговора Вышинским, Ульрихом, Цесарским, а также Игнатьевым и комендантом НКВД Блохиным.

Конечно, Тухачевский и его подельники не занимались рутинной шпионской работой в ее классическом понимании. Они не шарили по сейфам и столам Наркомата обороны и не фотографировали секретные карты. Их контакты с представителями германского штаба имели иную подоплеку, более значимую, чем передача информации о технических характеристиках вооружения. Объединенные личными и политическими мотивами и имевшие конечной целью захват власти, заговорщики искали надежных союзников.

И уже после казни заговорщиков 24 июня 1937 года немецкий военный журнал «Дейче Вер» сделал вывод: «Тухачевский хотел быть «русским Наполеоном», который рано раскрыл свои карты, либо же как всегда его предали в последний момент». Однако скороспелому маршалу не было необходимости копировать французского лидера. История давала ему иные примеры для подражания. Более близкие во времени и реально воплощенные в амбициозных устремлениях таких его современников, как Муссолини в Италии, Франко в Испании, Гитлер в Германии.

Но мог ли Тухачевский действительно совершить переворот и стать диктатором? Мог ли он стать полководцем? Безусловно — нет. Фантаст и игрок, мечтавший сам сыграть ва-банк, он не имел для этого ни талантов, ни азарта к риску. Он никогда по-настоящему не понюхал пороха. Его боевой опыт короткого пребывания в окопах Первой мировой закончился позорным пленением, но и во время Гражданской войны, командуя армией и фронтом, он никогда не ходил в атаку. Он управлял войсками из штаба — на расстоянии десятков и сотен километров от мест боев. Правда, он бывал на учениях, но и это были маневры на штабных картах.

Только невежественные или конъюнктурные сочинители могли легкомысленно причислить расстрелянного заговорщика к рангу полководца. Окончив за два года пехотное училище, все свои представления о военном искусстве он приобрел из литературы. Из книг, описывающих полководцев античных и средневековых войн.

Однако самое главное — он не был организатором. Находясь на должности заместителя наркома обороны, он не оставил после себя никакого следа в развитии армии, способного засвидетельствовать его полководческие дарования. Лаконичную характеристику деятельности Тухачевского дал на Военном совете Сталин — «профан», а Вождь умел разбираться в деловых качествах людей.

На том же совете Буденный заметил, что Тухачевский даже *«не умел сам писать приказы»* — их составляли «офицеры» его штаба. А «командующий» лишь дополнял их литературными пассажами вроде призывов: «На Запад... на Варшаву

— марш!» Нет смысла говорить и о таких фигурах, как евреи Гамарник и Фельдман, практически занимавшихся «начальствующим составом» — кадрами РККА. Не вписывается в полководцы и латыш Эйдеман, отличившийся в ходе Гражданской войны карательными экспедициями и подавлением выступлений в тылу Красной Армии. Уже с 1932 года он только председатель Центрального совета Осоавиахима — организации, занимавшейся всего лишь подготовкой призывников.

Не блеснули «полководческим» даром, кроме подавления Тамбовского восстания, ни еврей Якир, ни литовец Уборевич. Дальнейшую военную карьеру они сделали благодаря лишь тому, что *по году* поучились в Германии. В то время, когда в военном искусстве еще не было даже концепции о стратегической значимости танков и самолетов, которые стали решающими инструментами новой войны. Могла ли эта учеба добавить опыт «полководцам»?

Военная слава не украсила ни литовца Путну, ни эстонца Корка. То, что они какое-то время были военными атташе в различных странах, тоже не принесло им лавров, как и украинцу Примакову. Бывший военный советник в Китае, атташе в Афганистане и Японии, позже он только *инспектор высших учебных заведений РККА*.

Все они почти юнцами «примкнули» к революции. В 1917 году Тухачевскому, Якиру и Уборевичу было лишь по 21 году, Эйдеману — 19, Примакову — 20, а Гамарнику — 23 года; правда, Фельдману — 27. Позже — каратели крестьянских восстаний, атташе, начальники отделов кадров — вечные замы. Но что могли дать стране в будущем эти генералы чиновничьей карьеры — комкоры и командармы высоких начальственных кабинетов?

Суд закончился в 23.35. Еще накануне процесса поздно вечером 10 июня, в 23 часа 30 минут, Сталин в присутствии Молотова и Ежова принял Вышинского и главного редактора «Правды» Мехлиса. В опубликованном 11 июня материале «Правды» извещалось об окончании следствия и предстоящем судебном процессе по делу Тухачевского и других военных. В нем констатировалось, что подсудимые обвиняются в «*нарушении воинского долга (присяги), измене Родине, измене народам СССР, измене Рабоче-Крестьянской Красной Армии*».

Причем в официальном сообщении не упоминалось не только о шпионаже, но и о «военно-политическом заговоре». Слово «заговор» было заменено понятием «*измена*». И это не случайно. Хотя, выступая на Военном Совете, Сталин и говорил о заговорщиках: «Это агентура германского Рейхсвера», но ни следствие, ни суд не стали делать акцент на этой стороне вины подсудимых. Их обвинили в ином: *в измене и нарушении присяги*. А слово «шпионы» в деле заговорщиков фигурировало как термин, близкий к сути предательства.

Конечно, сговор с лидерами и силовыми службами иностранной державы о политической поддержке государственного переворота, и, в случае его удачи, обещание удовлетворения территориальных интересов иностранной стороны не является «классической» агентурной деятельностью. Тухачевского и его

подельников резоннее назвать коллаборационистами. От французского слова «collaboration» — сотрудничество. По современным понятиям это «агенты влияния». Еще точнее характер такой подрывной предательской деятельности определяет термин «пятая колонна».

Но Сталин не стал вдаваться в тонкости лингвистической философии и, говоря о сотрудничестве заговорщиков с Рейхсвером, называл их всем понятным русским словом «шпионы». Между тем такое логическое обобщение, как лингвистический, языковой казус, привел к потрясающему парадоксу. Существует устоявшееся мнение, будто бы лица, осужденные по делу «военно-троцкистского заговора», были реабилитированы. На самом деле и *юридически, и морально такая реабилитация не произошла!*

Она была проведена формально из пропагандистских соображений. Поэтому якобы обнаруженную «необоснованность осуждения» и последовавшую реабилитацию официальная пропаганда 60-х годов объясняла лишь непричастностью преступников к шпионажу! Обвинения *в измене и нарушении воинской присяги прокуратурой исследованы не были.* Более того, о заговоре военных хрущевская пропаганда вообще не упоминала. Построив аргументацию решения о реабилитации Тухачевского и его подельников только на выводе о непричастности их к шпионажу, компетентные органы совершили юридический подлог!

В действительности они не освободили расстрелянных заговорщиков от ответственности за преступления, по которым те были осуждены. Следовательно, *по правовым меркам такая «реабилитация» — не действительна!* Нельзя реабилитировать осужденных преступников на основе отрицания обвинения, которое им при определении меры пресечения *даже не предъявлялось!* Отсюда следует логический вывод: приговор Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР от 11 июня 1937 года в отношении военных заговорщиков «де-юре» и «де-факто» *до сих пор остается в силе!*

Более того, позже история с реабилитацией превратилась в комедию. В июле 1964 года комиссия, возглавляемая председателем Комиссии партийного контроля Н. М. Шверником, представляя Хрущеву справку по делу Тухачевского и его подельников, совершила новый подлог. В материалах вообще не упоминалось о заговоре, и это не было случайностью. Дело в том, что двое из авторов материала — председатель КГБ СССР А. Н. Шелепин и сменивший его на этом посту В. Е. Семичастный во время подготовки справки *сами участвовали в заговоре против ее адресата* — первого секретаря Хрущева.

Поэтому они никак не могли допустить того, чтобы внимание Хрущева было привлечено «к признакам и механизмам заговоров, даже на историческом материале 20-летней давности». Осенью Хрущева отстранили от власти. Вот уж действительно история повторяется дважды: сначала как трагедия, затем как банальный фарс. «Никита» влип в то же дерьмо, которое сам размазал.

В выступлении на Военном совете 2 июня в числе заговорщиков Сталин упомянул и дипломата Карахана. Армянин Лев Карахан (Карахнян) родился в Тифлисе в семье присяжного поверенного из Кутаисской губернии и в 1904-м вступил в РСДРП как меньшевик. С 1912 года он участвовал в профсоюзном движении в Санкт-Петербурге, где он примкнул к организации объединенных социал-демократов.

После Февральской революции он стал членом Думы Петроградского района, а в августе 1917 года в числе «межрайонцев» был принят в РСДРП (б) и вошел в состав членов Президиума Петросовета, председателем которого стал Троцкий. С Лейбой Бронштейном в ноябре Карахан участвовал в мирных переговорах в Брест-Литовске как секретарь делегации и в марте 1918 года занял пост заместителя народного комиссара иностранных дел РСФСР.

С начала 20-х годов Карахан работал полпредом в Польше и Китае, а с 1925 по 1927 год — председатель ВСНХ СССР. В 1927-1930 годах и с 1934 года — заместитель председателя Госплана. С 1927 года он был заместителем народного комиссара иностранных дел СССР. Однако в 1934 году его освободили с этого поста и направили полпредом в Турцию. 3 мая 1937 года его отозвали в Москву, где и арестовали. Очередной допрос Карахана состоялся именно в день проведения Военного Совета, но спецсообщение о его результатах Ежов направил Сталину только 19 июня. То есть через день после публикации статьи Троцкого. О том, что Вождь внимательно отнесся к этому документу, свидетельствует его рукописная помета на первом листе: «Важно».

«№ 57951 Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

Направляю протокол допроса Карахана Л. М. от 2. VI-37 г.

Народный комиссар внутр. дел СССР

Генеральный комиссар госуд. безопасности Н. ЕЖОВ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Арестованного Карахана Льва Михайловича

от 2 июня 1937 года

Вопрос: В ранее данных показаниях Вы называли ряд лиц, принявших участие в антисоветском заговоре. Следствие располагает данными о том, что Вы скрыли ряд государственных преступников и их предательскую деятельность. Предлагаем назвать всех лиц, коих Вы указали в своих показаниях.

Ответ: Я действительно скрыл ряд известных мне лиц из **высшего командования РККА, которые принимали участие в антисоветском заговоре. Мне известно, что активными участниками заговорщической деятельности были ТУХАЕВСКИЙ, ЯКИР, УБОРЕВИЧ и КОРК** (подчеркивания Сталина). Кроме них, к деятельности антисоветского заговора было привлечено значительное

количество военных, однако фамилии их мне неизвестны, так как я считал для себя достаточным знание того, что вышеназванные мною лица принимают участие в заговоре. Это вызывалось также и необходимостью конспирации. **О том, что в заговоре принимают участие и другие руководящие работники РККА, я знаю от ЯГОДЫ и ТУХАЧЕВСКОГО.**

Немецкие правительственные круги были также информированы об участии военных в заговоре. И здесь я считаю необходимым указать на то обстоятельство, что в первую свою встречу с генералом МИЛЬХОМ в Будапеште он мне прямо заявил, что в предстоящей войне Германии с СССР последний в короткий срок времени будет иметь большой прорыв в артиллерийском хозяйстве.

Об участии в заговоре ТУХАЧЕВСКОГО, ЯКИРА я знаю из своих личных преступных отношений с ними. **О том, что КОРК и УБОРЕВИЧ являются участниками заговора, я знаю от ЯГОДЫ и ТУХАЧЕВСКОГО.**

Вопрос: Когда Вам впервые стало известно об участии ТУХАЧЕВСКОГО в антисоветском заговоре?

Ответ: Я это узнал впервые во время своей предпоследней встречи с ЯГОДОЙ перед отъездом в Турцию, если мне память не изменяет - в октябре 1934 года ЯГОДА мне сказал, что в заговоре принимает участие большая группа военных работников и что возглавляет военную организацию заговора ТУХАЧЕВСКИЙ.

Вопрос: Когда Вы лично связались с ТУХАЧЕВСКИМ по вопросам заговора?

Ответ: Осенью 1935 года я приехал в Москву из Парижа. После беседы с ЯГОДОЙ о своих переговорах с генералом МИЛЬХОМ мы решили, что **по военным вопросам мне необходимо встретиться с ТУХАЧЕВСКИМ для того, чтобы якобы изложить ему подробно точку зрения германского генерального штаба рейхсвера и спросить его совета о дальнейшем направлении военных переговоров с германским правительством.**

Тут же из кабинета ЯГОДЫ я позвонил ТУХАЧЕВСКОМУ и заявил ему, что я хочу с ним встретиться, причем указал, что говорю из кабинета ЯГОДЫ. ТУХАЧЕВСКИЙ изъявил согласие на встречу, и я прямо от ЯГОДЫ поехал к нему в наркомат Обороны. Беседа состоялась в его кабинете. ТУХАЧЕВСКИЙ знал о том, что я веду переговоры с германским правительством и наш разговор, касающийся контрреволюционной деятельности заговора, не имел каких-либо прощупывающих моментов: прямо перешли к делу.

Во время беседы ТУХАЧЕВСКИЙ все время подчеркивал, что он все больше и больше убеждается в том, что даже самая успешная деятельность заговора внутри СССР не будет иметь успеха без серьезной внешней помощи. **Прямое объявление войны Германией СССР он считал наиболее верным средством: причем по его подсчетам и предложениям выходило так, что через самый короткий промежуток времени Германия нанесет катастрофический удар СССР, так как большое количество высших командных должностей в Красной Армии занято заговорщиками, которые помогут немцам добиться этого успеха.**

В результате поражения СССР и реализации, таким образом, планов заговора к власти придут заговорщики, которые заключат мир с Германией, а вероятнее всего, и военный союз, с тем чтобы совместно с Германией начать военный поход против Франции. Это, по заявлению ТУХАЧЕВСКОГО, программа-максимум, которая в ближайшее время едва ли осуществима, так как немцы не готовы к прямому объявлению войны СССР. Поэтому более реальным является тот план помощи Германии заговорщикам, который предлагал генерал МИЛЬХ».

Следует пояснить, что будущий немецкий генерал-фельдмаршал (с 19 июля 1940 г.) и заместитель Геринга, Эрхард Мильх (Erhard Milch) родился в семье аптекарей Антона и Клары Мильх. Поскольку его отец был евреем, то ему было отказано в зачислении в Императорский военно-морской флот. Он поступил фанен-юнкером в артиллерийский полк и в 1911 году получил звание лейтенанта. В Первую мировую войну он служил в артиллерии, а с июля 1915 года — в авиации. В августе 1918 года его произвели в капитаны; он был награжден Железными крестами 2-й и 1-й степени, и к окончанию войны он стал и. о. командира 6-го авиаполка.

В 1920 году Мильх ушел в отставку и на следующий год начал работу в авиационной компании «Юнкере». В 1928-м «благодаря своим интригам и жесткости в устранении конкурентов» стал главным исполнительным директором «Люфтганзы». Приобретя капитал и влияние, уже с конца 1920-х годов он наладил связи с нацистским движением. Гитлеру он подарил отличный самолет, а Герингу каждый месяц переводил из фонда компании 1000 марок.

Поэтому после прихода нацистов к власти уже 28 января 1933 года Геринг приехал к Мильху домой, чтобы сделать ему предложение занять пост статс-секретаря министерства авиации. Он привез Мильха к самому Гитлеру, который сказал: *«Я не знаю вас слишком хорошо, но вы человек, который смыслит в своем деле, а у нас в партии имеется совсем мало людей, которые разбираются в авиации так же, как вы. Вы должны пойти на эту работу. Речь идет не о деле партии. Речь идет о деле Германии — и для Германии необходимо, чтобы вы взялись за выполнение этой задачи»*. Как впоследствии утверждал сам Мильх, только после этих слов фюрера он решил дать свое согласие на назначение¹⁰⁰.

Получив пост имперского секретаря по авиации, с 1933 года за 5 лет Мильх прошел путь от оберста до генерал-оберста. Причем стараниями Геринга была прикрыта даже его «расовая неполноценность». Специальное расследование «установило», что Эрхард Мильх не принадлежал к евреям, а являлся «плодом внебрачной связи его матери с арийцем — бароном Германом фон Биром». Поскольку дело было шито белыми нитками, то даже сам Геринг шутил в узком кругу: «Да, мы сделали из Мильха ублюдка, зато ублюдка аристократического».

Мильх быстро освоился в роли сына барона, а когда 15 ноября 1941 года в Берлине застрелился начальник Технического управления министерства авиации

¹⁰⁰ Гротов Г. Рейхсмаршал Геринг. М., 2005. С. 234-236.

Эрнст Удет, то свежее испеченный «барон» занял его место. После войны, во время Нюрнбергского процесса, Мильх содержался в лагере Дахау. Выступая свидетелем на процессе, он стал одним из самых яростных защитников Геринга. В 1947 году за причастность к депортации иностранных рабочих его судили и приговорили к пожизненному заключению. Но уже в 1951 году срок сократили до 15 лет, а в 1955-м вообще освободили досрочно.

В дальнейшем он работал промышленным консультантом, и незадолго до смерти ему вернули отобранный при аресте маршалский жезл. Умер Эрхард Мильх в немецком городе Вупперталь на 80-м году жизни.

Но вернемся к показаниям Карахана. Он пояснял на допросе: **«ТУХАЧЕВСКИЙ подчеркнул, что он лично считал более целесообразным южный вариант, т.е. тот, который мог бы иметь место, если б Германия, овладев Чехословакией, утвердилась бы в дальнейшем в Румынии, имея морскую базу в Болгарии.**

Он считал южный вариант более подходящим, ибо на Украине почва для действий антисоветского заговора более благоприятная, чем в Ленинграде. ТУХАЧЕВСКИЙ мне заявил, что на Украине заговорщики более организованны, что там удалось создать сильную военную организацию, которую возглавляет ЯКИР, и, во-вторых, стратегически для Германии более удобен удар на юг СССР, так как это даст возможность наступления как с моря, так и с суши.

Когда я сказал ТУХАЧЕВСКОМУ, что генерал МИЛЬХ сообщил мне, что немцы усилили свою работу в Турции и Персии против СССР и готовятся к диверсионной работе на нашей территории, он не придал этому большого значения, указав, что диверсионная деятельность на азиатской границе не даст необходимого эффекта для успеха заговора, а что успех нашего дела решает стратегическое вмешательство германских вооруженных сил.

Во время беседы с ТУХАЧЕВСКИМ последний сказал мне, что было бы весьма важно заранее выяснить — **в каких размерах немцы могли бы оказать помощь авиацией и другими военными соединениями.** В этой связи он заявил, что им обращено серьезное внимание на подбор людей в противовоздушной обороне СССР, что этим подбором участники заговора занимались до последнего времени недостаточно серьезно, а это необходимо для расстройств отражения нападения немецких самолетов, создания паники среди населения и неверия в силы РККА, что повлечет политическую деморализацию и расстройство тыла.

В этой беседе ТУХАЧЕВСКИЙ несколько раз указывал, что с точки зрения заговора наиболее подготовлены Украинский и Белорусский военные округа, где во главе организации сидят такие крупные военные работники, как ЯКИР и УБОРЕВИЧ.

****Перейдя к вопросу связи во время войны, он мне сказал, что связь с немцами будет поддерживаться по радио и, насколько ему известно, ЯГОДА в этом отношении принял необходимые меры — выработаны коды, шифры и пр**.**

ТУХАЧЕВСКИЙ разработал следующий план оказания помощи немцам, который центр заговора считал необходимым для поддержки немецкого наступления против СССР, а именно:

а) передача планов стратегического развертывания Красной Армии на Западном и Дальневосточном фронтах театра войны; в укрепленных центрах;

в) выступления в тылу отдельных частей, руководимых заговорщиками, и, наконец;

г) совершение различного рода диверсионных актов в тылу армии — разрушение узловых станций, взрыв мостов и др. имеющие целью затруднить продвижение частей Красной Армии к развертыванию стратегических операций.

Вопрос: Сообщите более подробно, что именно рассказывал Вам ТУХАЧЕВСКИЙ о южном варианте нападения Германии на СССР?

Ответ: В основном это сводилось к следующему: по мнению ТУХАЧЕВСКОГО, удар на юго-восток является наиболее выгодным для Германии: она легко и в короткий срок времени может захватить Чехословакию и, во всяком случае, сломить ее сопротивление прежде, чем кто-либо придет к ней на помощь. И тогда, имея, с одной стороны, дружественную Польшу, а с другой — дружественные Австрию и Венгрию, она легко приберет к рукам Румынию, что, по мнению ТУХАЧЕВСКОГО, сразу даст Германии громадное стратегическое преимущество против СССР. Германия получает огромную сырьевую базу и нефть, которую она может выкачать в нужном ей количестве. Кроме всех этих преимуществ, этот план дает возможность Германии создать как морские, так и авиационные базы в непосредственной близости к территории СССР.

Таким образом, кроме Болгарии Германия станет одной ногой в Румынии, что сразу изменит соотношение сил на Черном море.

Как я уже выше указал, ТУХАЧЕВСКИЙ считал этот вариант наиболее надежным и успешным. В этой связи я хочу сообщить следствию, что и генерал МИЛЬХ, говоря о возможных вариантах наступления Германии на СССР, заявил: ****«Организация германских морских баз в Болгарии может быть организована только под видом болгарских морских баз, которые в случае открытой войны Германии против СССР или законспирированной помощи контрреволюционному заговору могли бы быть использованы как базы для германского флота****. Сама Болгария, не нарушая договоров, запрещающих ее вооружаться, не может создать своего собственного флота».

На конференции в Монтре Турция приняла запрещение прохода подводных лодок в Черном море, каковое запрещение для подводных лодок вошло в конвенцию. Таким образом, переброску подводных лодок в морские базы Болгарии Германия предполагает сделать, перекинув подводные лодки в разобранном виде или по железной дороге или коммерческими пароходами, которые не останавливаются в проливах и не подвергаются контролю. Все эти соображения

МИЛЬХА я изложил в подробностях ТУХАЧЕВСКОМУ. На этом моя беседа с ним закончилась.

Вопрос. Выше Вы указали, что находились с ЯКИРОМ в преступных отношениях. Сообщите, в чем заключалась их преступность и все что Вам известно о контрреволюционной деятельности ЯКИРА?

Ответ: **Об участии ЯКИРА в антисоветском заговоре я впервые узнал от ЯГОДЫ в начале 1935 года. ЯГОДА мне заявил, что ЯКИР является одним из руководителей военной группы заговорщиков и что всю свою преступную деятельность он контактирует с ТУХАЧЕВСКИМ.**

Осенью того же 1935 г. я имел личную встречу с ЯКИРОМ в Париже, где полностью рассказал ему о содержании моих переговоров с генералом МИЛЬХОМ.

На мои расспросы о ходе подготовки заговора на Украине ЯКИР мне сообщил, что ему удалось привлечь к деятельности заговора группу военных, занимающих большое положение в армии.

Вопрос: Какие фамилии назвал Вам ЯКИР?

Ответ: Фамилий я у него не спрашивал, так как считал для себя достаточно убедительным это сообщение ЯКИРА.

Вопрос: Вы скрываете этих лиц. Не может быть, чтобы ЯКИР не сообщил Вам фамилии своих сообщников.

Ответ: Я еще раз заявляю, что фамилии сообщников ЯКИРА я не знал.

Вопрос: Какие сроки намечал центр заговора для совместного выступления с германскими военными частями?

Ответ: Вся подготовка вооруженного выступления и одновременного физического уничтожения руководства ЦК ВКП(б) и правительства была намечена центром заговора на весну-лето 1937 года.

Записано с моих слов правильно и мною прочитано — КАРАХАН.

Допросили:

Начальник 1-го отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД —

капитан государственной безопасности — ЯРЦЕВ

Заместитель начальника 14-го отделения 3-го отдела ГУГБ

старший лейтенант государственной безопасности —

ПЕТРОВ»¹⁰¹.

Кроме подчеркивания карандашом, на полях сохранились и рукописные пометы Сталина: *** «взять Ягodu под удар», ***_*** «допросить Аппогу (крепко)», ****_**** «отозвать из Болгарии Раскольниковa».

Эти лаконичные фразы свидетельствуют больше, чем сам протокол допроса. Они говорят о внутренней логике Вождя; он не режиссировал «спектакль», искусственно множа число «врагов». То были закипевшие гневные слова. Он желал знать истинные мотивы и замыслы этих двурושествовавших людей, которые, занимая на

¹⁰¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 309. Л. 123-130. Цит по: Фонд А.Н. Яковлева. Лубянка. Док № 102.

государственной службе ответственные посты, встали на путь измены. И за этим стояло не простое любопытство. Интересы государства требовали, чтобы государственные конюшни были очищены от всего вредного хлама.

Следует сказать, что Эрхард Мильх, упоминаемый в показаниях Карахана, уже перед войной показал себя очень талантливым организатором. «Он аннулировал старые неудачные проекты и сделал ставку на старые, но проверенные Me-110, Me-109, Ju-88 и He-111». Он сумел значительно поднять производственные показатели, и к 1944 году производство одних только одномоторных истребителей в Германии достигло 23 805 самолетов.

Глава 14. «Полководец» Уборевич и соратники

Но если еврей Э. Мильх до конца войны верой и правдой служил Гитлеру, то чем прославили себя расстрелянные «великие полководцы»? Командарм 1-го ранга литовец Иероним Уборевич в 1930-1931 годах был начальником вооружений РККА, а с июня 1931-го он командующий войсками Белорусского военного округа. Г. Жуков, служивший под его командованием, писал:

«Это был *настоящий советский военачальник*, в совершенстве освоивший оперативно-тактическое искусство. Он был в полном смысле слова военный человек. Внешний вид, умение держаться, способность коротко излагать свои мысли — все говорило о том, что И.П. Уборевич *незаурядный военный руководитель*. В войсках он появлялся тогда, когда его меньше всего ждали. Каждый его приезд обычно начинался с подъема частей по боевой тревоге и завершался тактическими учениями или командирской учебой... Но *он умел так быстро и так точно показать тебе и другим твои ошибки, твою неправоту в том или ином вопросе*, что это держало людей в напряжении».

Но, по-видимому, Уборевич умел признавать и свои собственные ошибки. В письме Наркому внутренних дел Ежову 9 июня 1937 года он писал: «Я знал, что Тухачевский давно ненавидит Ворошилова, что *Тухачевский честолюбец и интриган, но все это я скрывал от партии — наоборот, где только можно, хвалил и поддерживал Тухачевского*. Военный авторитет Тухачевского был для меня непререкаем. Мне казалось, что он правильно и настойчиво ставит новейшие наболевшие вопросы. Теперь только мне ясно видно, *что в его постановке не было ни исторической, ни современной научной базы — был авантюризм, безрасчетность и вредительство*»¹⁰².

Однако хвалебные дифирамбы Жукова, сочиненные задним числом, плохо стыкуются с реальной деятельностью Уборевича, как военачальника, возглавлявшего один из важнейших округов на западной границе страны. После

¹⁰² Цит по: Брондаренко А. Как в СССР возник «военно-фашистский заговор». Красная звезда. 15 июня 2002.

расстрела Тухачевского и его подельников НКВД осуществило комплексную проверку состояния авиации РККА. Одно из спецсообщений «о состоянии ВВС в Белорусском Военном округе по итогам обследования УНКВД Западной области» Ежов представил в Кремль 15 июля 1937 года:

«№ 58479 Сов. секретно

Тов. СТАЛИНУ

Направляю копию записки начальника УНКВД по Западной области т. КАРУЦКОГО о недочетах в состоянии военно-воздушных сил Белорусского Военного округа.

(...)

Материалами 5-го отдела УГБ НКВД по Западной области устанавливаются крупнейшие недочеты в состоянии военно-воздушных сил Белорусского военного округа, значительно снижающих боевую готовность авиационных частей.

1. В авиачастях округа имеется значительный *некомплект* (курсивы мои. — *К.Р.*) самолетов — из 1977 самолетов, положенных по штату, налицо 1417 и недостает 560, таким образом, некомплект достигает 28%.

По отдельным типам самолетов некомплект еще более значителен — из положенных по штату 221 самолета СБ (скоростные бомбардировщики) налицо 56, вместо 98 самолетов ССС (штурмовики) налицо 56.

Материальная часть самолетов, особенно в 5-й и 9-й авиабригадах (самолеты ТБ-3 М 17 и ТБ М 34), крайне изношена и неоднократно ремонтировалась, значительная часть истребительной авиации, вооруженной самолетами И-16 М-25 и И-16 М-22, *в силу конструктивных недочетов не эксплуатируется или эксплуатируется ограниченно — только по прямой*. В 132 авиабригаде из 88 самолетов И-16 М-25 только 30 самолетов *могут производить полеты и только по прямой*. В 83 авиабригаде из 166 самолетов этой же системы к полету годны 120, также *только по прямой*. В 142 авиабригаде 69 самолетов И-16 М 22 требуют замены ручки управления, изношены и только часть их после приведения в порядок может быть допущена к дальнейшей эксплуатации.

Штурмовая авиация - из 355 самолетов Р-5 219 имеют налет свыше 400 часов, самолетный парк значительно изношен.

2. Самолеты, выпущенные промышленностью, *имеют серьезные дефекты* — на самолетах И-16 при эксплуатации их ломаются ручки управления и отваливается в воздухе консольная часть плоскости, что привело уже к нескольким катастрофам. На самолетах Р-3ЕТ вскоре после получения их от промышленности потребовалась замена тросов, на самолетах ТБ-3 требуется замена подмоторных рам, вопрос этот *по вине промышленности* тянется в течение года.

3. Снабжение запасными частями авиасоединений округа *по вине центра и отдела снабжения ВВС округа* проводится исключительно плохо — запасные части высылаются нерегулярно, беспланово. Значительное количество запасных частей не высылается вовсе, отсутствие в авиасоединениях необходимого количества и

ассортимента запасных частей, помимо того, что способствует быстрому изнашиванию самолето-моторного парка, ни в коей мере не гарантирует даже в мирных условиях вылет частей в полном составе. Изношенность материальной части и задержка ее ремонта вследствие неправильного использования имеющихся в округе ресурсов запасных частей ведет к срыву подготовки летно-подъемного состава.

Со стороны начальника снабжения штаба ВВС Ступина зафиксированы многочисленные факты *прямого вредительства* в снабжении запасными частями авиасоединений.

4. Вскрывается вредительство в строительстве оперативных аэродромов — большинство аэродромов построены в треугольнике Орша-Минск-Жлобин-Орша. Совершенно отсутствуют аэродромы на правом фланге и слабо развита аэродромная сеть на левом фланге. Такое дислоцирование аэродромов лишает нашу авиацию возможности маневрировать как в глубину, так и по фронту, приводит к скученности авиации на указанном выше треугольнике и ставит ее под удар воздушного противника.

Большинство аэродромов по своим размерам и почвенным условиям *не могут принять скоростную авиацию, не говоря уже о тяжелых кораблях*. На аэродромах отсутствуют мобилизационные запасы горючего и боекомплекты бомб; и таким образом в первые дни войны боевое перемещение авиации будет затруднено.

5. Мобилизационная готовность частей, мобработка в штабе ВВС округа находится в состоянии развала. Расчеты по обеспечению частей главнейшими видами имущества не уточнены, учет непзапасов не закончен, укомплектование частей начсоставом запаса не произведено.

Приведенные данные, свидетельствующие о крупнейших недочетах в состоянии военно-воздушных сил Белорусского военного округа, с несомненностью указывают на наличие вредительства как в авиационной промышленности, так и в руководстве ВВС БВО. Виновниками в проведении вредительства считаю:

1. Командующего военно-воздушными силами БВО комдива Чернобровкина С. А. В 1923 году, будучи на курсах летнабов, Чернобровкин голосовал за троцкистскую резолюцию, предложенную троцкистом Кушаковым, и возражал против его исключения из партии (Кушаков был начальником ВВС БВО, проходит по показаниям как участник военно-фашистского заговора). До мая 1937 года Чернобровкин это обстоятельство скрывал. (...)

О том, что Чернобровкин как троцкист был известен руководителям военно-фашистской организации, свидетельствуют показания Фельдмана: «Я имел в виду заняться вербовками в Управлении ВВС, но не осуществил этого, но я наблюдал, что и там идет расстановка троцкистов соответственно интересам заговора. Так, например, Чернобровкин — начальник ВВС БВО».

Арестованный Левичев в своих показаниях указывает, что со слов Уборевича Чернобровкин ему известен как участник заговора. Анализ деятельности

Чернобровкина указывает на то, что вредительство проводилось в строительстве оперативных аэродромов и в снабжении самолетов запасными частями и *не могло не быть неизвестно* Чернобровкину и проводилось с его участием.

2. Начальник штаба ВВС БВО майор Кроленко Н. И. *Он был назначен начальником штаба ВВС непосредственно Уборевичем в 1936 году и пользовался его исключительным покровительством. Представлялся Уборевичем к награждению орденом, ордена не получил, но дважды в 1936 г. награждался золотыми часами.*

До назначения на должность начальника штаба ВВС Кроленко являлся начальником 7-го отдела штаба БВО, ведающего подготовкой театра военных действий для авиации. Вредительское дислоцирование оперативных аэродромов и хаос в состоянии мобилизационной работы частей ВВС БВО являются результатом деятельности Кроленко.

3. Нач. отдела снабжения и вооружения штаба ВВС БВО бригадента Ступина.

Приведенные выше данные о состоянии снабжения запасными частями авиасоединения округа, об исключительной изношенности материальной части и о полной необорудованности оперативных аэродромов к снабжению авиации на военное время указывают на явное вредительство в этих вопросах со стороны Ступина.

Вредительская деятельность Ступина отмечается с 1936 года, о чем сообщалось в 5-й отдел ГУГБ. Ступин по агентурным данным является человеком антисоветски настроенным, проявляющим пораженческие настроения. *Несмотря на крупнейшие недостатки в его работе, он был по представлению Уборевича награжден орденом Красной звезды.*

Прошу санкционировать арест — начальника ВВС БВО Чернобровкина С.А., начальника штаба ВВС БВО Кроленко Н. И., начальника отдела снабжения ВВС БВО Ступина Б. М.

Приложение: рапорт начальника УГБ УНКВД Западной области о состоянии военно-воздушных сил БВО.

Начальник УНКВД по Западной области

Комиссар государственной безопасности III ранга

КОРУЦКИЙ»¹⁰³.

Спецсообщение Ежова Сталин переслал Наркому обороны с короткой резолюцией на первом листе: «Т. Ворошилову. Каруцкий требует ареста. 1. Чернобровкина. 2. Кроленко. 3. Ступина». Обратим внимание, что Сталин не берет на себя роль судьи. Фактически он лишь констатирует факт, давая наркому право самому разобраться с безобразиями в собственном ведомстве.

¹⁰³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 314. Л. 69-75. Цит по: Фонд А.Н. Яковлева. Лубянка. Док № 129.

Конечно, можно предположить, что, несмотря на свое троцкистское прошлое, перечисленные генералом ГБ Коруцким командиры не занимались прямым вредительством, а лишь преступно не выполняли свои должностные обязанности. Но разве это могло смягчить вину военных чиновников за преступный развал авиации в Белорусском ВО? И чем же занимался «великий полководец» Уборевич, пять лет командовавший округом?

Впрочем, в заявлении Якира Ежову от 31 мая 1937 года отмечено: «На одном из совещаний осенью 1934 года Уборевич и я докладывали *о результатах вербовки людей и первых результатах по вредительской работе*. Я поставил тогда перед Тухачевским вопрос о том, что в целях усиления вредительской работы в укрепленных районах хорошо было бы, если бы он обеспечил *задержку поставки ряда элементов оборудования укрепленных районов, в частности противохимического*. Это сильно ослабило бы все укрепленные районы».

Несомненно, что своя доля ответственности за безобразное состояние авиации в БВО лежала и на заместителе Ворошилова, командарме 2-го ранга Якове Алкснисе, являвшемся с 1931 года начальником ВВС РККА, но его арестуют лишь в ноябре, и для этого появятся свои объективные причины.

Следует сказать, что в Уголовном кодексе РСФСР от 1934 года термин «вредительство» не употреблялся. Но действиям, подпадающим под определение «тайно проводимый саботаж некоего дела», было посвящено несколько пунктов статьи 58. Обязательным условием привлечения к ответственности за вредительство являлось наличие в действиях виновного специальной цели — ослабления Советского государства.

А статья 58-14 уточняла: «Контрреволюционный саботаж, то есть *сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленное небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата*, влечет за собой лишение свободы на срок не ниже одного года, с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, *вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела с конфискацией имущества*».

Конечно, до преступного состояния авиация округа была доведена не только стараниями Уборевича. Еще с 1932 года соратником и помощником командующего по ВВС Белорусского ВО и ОКВД являлся латыш комкор Альберт Янович Лапин (наст. фамилия — Лапиньш). Он тоже относился к «старой гвардии». Участие в Гражданской войне 19-летний «полководец» начал комиссаром различных штабов на Восточном фронте. Позже командовал полком, дивизией и в 1920-м под руководством Тухачевского участвовал в советско-польской войне. С декабря 1921 по май 1922 года Лапиньш командовал войсками Забайкальского военного округа. С 1927 года он начальник управления Штаба РККА, начальник Управления по боевой подготовке Сухопутных войск, с 1931 года — Управления боевой подготовки Штаба РККА. В 1932 году командующий ВВС Белорусского ВО, а с

1935 года — командующий ВВС ОКДВА и член Военного Совета при наркомате обороны СССР.

Лапина сняли с поста уже осенью 1936 года, но арестовали его лишь 17 мая 37-го, а на следующий день после завершения Военного Совета Сталину поступило Спецсообщение Ежова:

«04.06.1937, № 57705, Совершенно секретно (...)

Направляю второй протокол допроса арестованного участника антисоветского военно-троцкистского заговора ЛАПИНА А.Я.

Указываемые ЛАПИНЫМ как участники заговора САНГУРСКИЙ, ДЗЫЗА арестованы.

Прошу санкции на арест остальных участников заговора, названных ЛАПИНЫМ.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
ЕЖОВ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Лапина Альберта Яновича от 23 мая 1937 г. 1899 г. рождения, член ВКП(б) с 1917 года, последняя должность в РККА — пом. командующего ОКДВА по авиации, с ноября 1936 г. в распоряжении НКО. Комкор.

Вопрос: На допросе 19 мая с.г., перечисляя участников троцкистского военного заговора, Вы скрыли от следствия ряд лиц, лично Вами завербованных. Следствие требует от Вас правдивых показаний.

Ответ: Признаю, что действительно дал не исчерпывающие показания и в целях умаления своей вины перед партией и советской властью пытался скрыть от следствия свою организационную работу, проводимую мною по заданию контрреволюционной троцкистской организации, участником которой я являлся. Помимо завербованных мною в контрреволюционную троцкистскую организацию: ДЗЫЗЫ — пом. командующего ОКДВА, ПАШКОВСКОГО — командира 18 стрелкового корпуса, УРАЛОВА — командира 110 авиабригады и КУТОВОГО — командира 12-й авиаэскадрильи, о чем я показал на допросе 19 мая с.г., мною в разное время были завербованы следующие лица: — 1) нач. ВВС Приморской группы ОКДВА, комдив ФЛОРОВСКИЙ, 2) флаг-штурман штаба ВВС ОКДВА капитан БОГДАНОВ, 3) командир 301 легкбомбардировочной эскадрильи, майор КОПЧЕНОВ.

Вопрос: В своих показаниях от 19 мая с.г. вы показали, что ФЛОРОВСКИЙ в контрреволюционную организацию был завербован ПУТНОЙ, а теперь показываете, что он завербован Вами. Скажите точно, кто завербовал ФЛОРОВСКОГО - ПУТНА или Вы?

Ответ: ФЛОРОВСКИЙ в нашу контрреволюционную организацию завербован не ПУТНА, а мною.

Вопрос. Почему вы на предыдущих допросах дали неверные показания в части вербовки ФЛОРОВСКОГО в контрреволюционную троцкистскую организацию?

Ответ. Зная, что контрреволюционную деятельность ФЛОРОВСКОГО мне скрыть от следствия не удастся, т.к. ФЛОРОВСКИЙ проводил большую вредительскую работу, я решил ФЛОРОВСКОГО, как участника организации, не скрывать, т.к. был уверен, что следствие это установит. Но в целях умаления своей руководящей роли в троцкистском военном заговоре я дал неверные показания, указав, что ФЛОРОВСКИЙ завербован не мною, а ПУТНА.

Вопрос. Когда и при каких обстоятельствах вы привлекли ФЛОРОВСКОГО к участию в военном заговоре?

Ответ. ФЛОРОВСКИЙ был мною завербован в первой половине 1935 года в гор. Никольск-Уссурийске, куда я прилетел по служебным делам.

Зная, что ФЛОРОВСКИЙ в 1924 г. и в более поздние годы стоял на троцкистских позициях и что он в прошлом находился в приятельских отношениях с ПРИМАКОВЫМ, у которого он *служил в корпусе на командной должности*, я решил это использовать и завербовать его в контрреволюционную троцкистскую организацию.

Бывая по роду своей службы в Никольск-Уссурийске, я стал обрабатывать ФЛОРОВСКОГО в контрреволюционном троцкистском направлении. В одну из наших совместных бесед с ФЛОРОВСКИМ я заявил ему, что им интересуются некоторые троцкисты, которые хотят с ним установить связь. Вначале он отвечал неопределенно. Я обработку ФЛОРОВСКОГО усилил. В одну из наших последующих бесед ФЛОРОВСКИЙ мне сказал, что он *стоит на старых троцкистских позициях* и готов возобновить борьбу с ВКП(б). После этого он мною был завербован в контрреволюционную троцкистскую организацию.

При вербовке я заявил ФЛОРОВСКОМУ, что в ОКДВА существует контрреволюционная троцкистская организация, которая вовлекает в организацию старых троцкистов, готовых принять практическое участие в борьбе за свержение советской власти. В разговоре с ФЛОРОВСКИМ о положении в Южном Приморье я нарисовал, в соответствии с установками ПУТНА, ему такую картину, из которой видно было, что в будущей войне перевес на стороне японской армии и что хозяевами положения будут японцы. ФЛОРОВСКИЙ с моими пораженческими доводами согласился, после чего я ему заявил, что если он понимает обстановку, то надо сделать из этого определенные выводы, и добавил, что троцкистская организация нашла выход из этого положения и что: «Если поражение нависло, то надо идти навстречу этому поражению и вести работу по подготовке свержения советской власти». После того как ФЛОРОВСКИЙ согласился принять участие в военном троцкистском заговоре, я ему, говоря о составе нашей организации, назвал как участников организации ДЗЫЗУ, БАЛАКИРЕВА и САНГУРСКОГО.

Получив согласие ФЛОРОВСКОГО на участие в военном заговоре, я рассказал ему об основных установках нашей контрреволюционной организации, которые

сводятся к следующему: — 1) вести работу по ослаблению военной мощи Красной Армии с тем, чтобы в период войны добиться поражения сов. власти; 2) организация диверсий и вредительства; 3) осуществление террористических актов над руководителями ВКП(б) и советского правительства; 4) шпионаж в пользу иностранных разведывательных органов.

Эти установки ФЛОРОВСКИЙ одобрил и принял. Исходя из общих установок контрреволюционной троцкистской организации, я перед ФЛОРОВСКИМ поставил следующие задачи: — 1) готовить кадры контрреволюционной организации, для чего он должен вовлекать в организацию новых участников и 2) организовать вредительство и диверсии в частях ВВС ОКДВА.

Вопрос. Что Вам известно о практической деятельности ФЛОРОВСКОГО, как участника троцкистского заговора?

Ответ: Встречаясь с ФЛОРОВСКИМ одновременно в 1935 и 1936 гг., он меня информировал о своей контрреволюционной деятельности и рассказал, что им завербованы следующие лица: — 1) командир 29-й авиаэскадрильи ИВАНОВ, 2) командир 19-го авиаотряда в Галенках (фамилию забыл), 3) нач. опер, части Спасской бригады КОЧЕНОВСКИЙ, 4) инженер Барановского аэродрома, прикомандированный к штабу ВВС Приморской группы - МАРЧЕНКО.

Информируя меня о своей вредительской деятельности, ФЛОРОВСКИЙ говорил, что он вредительство в частях ВВС осуществляет путем срыва боевой подготовки.

Показателем того, что ФЛОРОВСКИЙ точно проводил в жизнь установки организации, может являться то, что в 1935 и 1936 гг. в Приморской группе катастроф и аварий было в 2-3 раза больше, чем в других соединениях и частях ОКДВА. Кроме того, ФЛОРОВСКИМ было сорвано аэродромное строительство, так, например, он сорвал строительство следующих аэродромов: Бильмановского, Кремовского и Даубихинского, которые, вместо того, чтобы быть готовыми к осени 1936 г., — не закончены и в данное время. В Спасске ФЛОРОВСКИЙ затянул строительство авиамастерских больше чем на один год.

Вопрос. Когда и при каких обстоятельствах Вами были привлечены к участию в военном троцкистском заговоре БОГДАНОВ и КОПЧЕНОВ?

Ответ: Флаг-штурман ВВС ОКДВА — капитан БОГДАНОВ в нашу контрреволюционную троцкистскую организацию был завербован мною в конце 1935 или начале 1936 г. в моем служебном кабинете в гор. Хабаровске.

В 1935 г., бывая в Бочкаревской бригаде, где в это время работал БОГДАНОВ, я узнал, что он боится увольнения из РККА и исключения из рядов ВКП(б) в связи с тем, что он командованием и парторганизацией разоблачен как кулак, скрывавший свое социальное происхождение. Я решил это использовать в целях вовлечения его в организацию. Тогда же я обратился к БОГДАНОВУ и сказал, что хочу иметь в его лице преданного мне человека и что намерен перевести его для работы в штаб ВВС ОКДВА. В целях создания определенного настроения у БОГДАНОВА, я ему сказал, что хотя и стоит вопрос о его увольнении из рядов РККА, все же, как это мне ни

было трудно, я добьюсь его перевода к себе в аппарат. После того, как БОГДАНОВ мне заявил о своей преданности, я ему сказал, что в дальнейшем он мною будет использован для контрреволюционной работы. БОГДАНОВ согласился, заявив, что даже если ему придется путем борьбы с советской властью доказать свою преданность мне, он готов и на это. (...)

Майор КОПЧЕНОВ, как участник военного троцкистского заговора, был мною завербован при следующих обстоятельствах. Изучая работу 3-й легкомоббардировочной эскадрильи, я обратил внимание на наличие в эскадрилье большого количества аварий. В 1935 г., в одну из таких бесед с КОПЧЕНОВЫМ на аэродроме его эскадрильи в Бочкареве или Поздеевке (сейчас точно не помню), я ему прямо заявил: «Аварии у Вас не случайны и происходят они потому, что вы троцкист и проводите на практике контрреволюционную работу». КОПЧЕНОВ стал отнекиваться и объяснять аварии объективными обстоятельствами. Я на него «нажал» и сказал, что если он будет со мной искренним, этот вопрос можно уладить, на что со стороны КОПЧЕНОВА последовал следующий ответ: «Я Вас понимаю и готов идти Вам навстречу». Тогда я прямо поставил перед КОПЧЕНОВЫМ вопрос о его участии в контрреволюционной троцкистской организации, существующей на ДВ. Он согласился.

Когда я КОПЧЕНОВУ говорил, что путем пораженчества наша организация намерена повести работу по свержению советской власти, то КОПЧЕНОВ мне заметил, что это единственно правильный путь и что других способов к свержению советской власти он не видит.

Я поставил перед КОПЧЕНОВЫМ две практические задачи: — 1) продолжение аварий, 2) вербовка в организацию новых участников.

Как выполнена КОПЧЕНОВЫМ моя установка о вербовке новых участников в контрреволюционную троцкистскую организацию, мне неизвестно, количество же аварий в эскадрилье после его вербовки в организацию возросло.

Вопрос: Выше Вы показали, что, ставя в известность ФЛОРОВСКОГО о составе контрреволюционной троцкистской организации, Вы, как участник организации, назвали САНГУРСКОГО и БАЛАКИРЕВА. Дайте показания, что Вам известно о САНГУРСКОМ и БАЛАКИРЕВЕ, как участниках военного заговора?

Ответ: Незадолго до своего отъезда из ОКДВА, в конце 1934 г. после посещения ОКДВА зам. наркома обороны ГАМАРНИКОМ и нач. Генштаба РККА ЕГОРОВЫМ, ПУТНА, встречу со мною в Хабаровске или Никольск-Уссурийске (точно не помню), заявил мне, что его, наверно, скоро снимут с работы. Как своего преемника по контрреволюционной троцкистской организации, ПУТНА назвал комкора САНГУРСКОГО, зам. командующего ОКДВА, который будет на ДВ возглавлять нашу контрреволюционную организацию.

Также со слов САНГУРСКОГО мне известно, что участником военного троцкистского заговора является и начальник штаба Приморской группы ОКДВА комдив БАЛАКИРЕВ, который руководит организацией в Южном Приморье.

(Еврей Сангурский М. В. с 1924 года был командиром 1-го стрелкового корпуса Ленинградского ВО, в 1925-1927 годах — военный советник в Китае; в 1929-1937 годах — заместитель командующего ОКДВА Блюхера. 31.05.1937 года комкор был уволен из РККА, а 1 июня арестован. — К. Р.)

Вопрос: Кто еще известны Вам, как участники военного троцкистского заговора?

Ответ: От САНГУРСКОГО мне известно, что участниками военного троцкистского заговора являются: 1) нач. СКО ОКДВА — КАЩЕЕВ, 2) командир 1-й стрелковой дивизии — комбриг ФИРСОВ, 3) комендант Полтавского укрепленного района, комбриг ПЕТРУШИН. (...)

Комкором ПАШКОВСКИМ для участия в военном троцкистском заговоре завербованы: 1) комендант Благовещенского укрепрайона КРУГЛОВ (комдив или комбриг — по званию); 2) нач. Бочкаревского стройучастка, капитан УДАРЦЕВ. (...)

По словам ПАШКОВСКОГО, КРУГЛОВ в соответствии с установками контрреволюционной организации проводил практическую контрреволюционную работу.

О вербовке УДАРЦЕВА в контрреволюционную организацию ПАШКОВСКИЙ сообщил мне весной 1936 г. на его квартире, заявив, что УДАРЦЕВ практически осуществляет вредительство на стройках.

В 1936 г., во время одной из бесед с САНГУРСКИМ, последний, информируя меня о работе организации, назвал как участников военного троцкистского заговора следующих лиц: 1) нач. отдела боевой подготовки штаба ОКДВА, комбрига СУХОМЛИНА; 2) врид начальника 1-го отдела штаба ОКДВА, майора РОТМИСТРОВА.

Вопрос. Кто руководил работой контрреволюционной военной троцкистской организации на ДВ?

Ответ: Как я уже показал ранее, до отъезда с ДВ, руководил контрреволюционной военной троцкистской организацией ОКДВА — ПУТНА. ПУТНА входил во всесоюзный военный троцкистский центр и был представителем этого центра на ДВ.

После отъезда ПУТНА с ДВ руководство организации перешло к САНГУРСКОМУ. С 1935 г. САНГУРСКИЙ осуществлял общее руководство организацией, давал установки по контрреволюционной работе и был связан с японскими разведывательными органами.

В военный центр контрреволюционной троцкистской организации в ОКДВА входили: 1) САНГУРСКИЙ - общее руководство; 2) БАЛАКИРЕВ — руководил контрреволюционной работой на территории Южного Приморья; 3) я — ЛАПИН — осуществлял руководство контрреволюционной работой по военно-воздушным силам и частям 18-го стрелкового корпуса; 4) ДЗЫЗА и КАЩЕЕВ — руководили вредительской и другой контрреволюционной работой в области военного строительства в ОКДВА.

Кроме того, со слов САНГУРСКОГО мне известно, что кроме него связь с японской разведкой поддерживал и БАЛАКИРЕВ.

Вопрос: Какими шпионскими сведениями снабжала Ваша контрреволюционная организация японские разведорганы?

Ответ: Как ПУТНА, так и САНГУРСКИЙ мне говорили, что японскому командованию они передали достаточно полные сведения о Дальне-Восточной Красной Армии. Какие конкретно переданы японцам шпионские сведения — мне неизвестно.

Вопрос: Вы показали, что контрреволюционная троцкистская организация приурочивала выступление против советской власти к началу войны. Дайте показания, как практически намечалось осуществление этого выступления?

Ответ: Наша контрреволюционная троцкистская организация в ОКДВА основной расчет делала на решительные выступления против советской власти во время войны. До начала войны контрреволюционная организация должна была накапливать силы путем расширения состава организации, широко развернуть вредительскую и диверсионную деятельность на стройках, железнодорожном транспорте, органах связи, складах горючего и боеприпасов с целью их уничтожения. (...)

Как ПУТНА, так и САНГУРСКИЙ мне говорили о том, что во время войны, в соответствующий момент, который наметит руководство организации, участники организации должны будут физически уничтожить (расстрелять) руководителей войсковых и армейских соединений, преданных советской власти.

Кроме того, наша военная троцкистская организация должна была возглавить контрреволюционное восстание в тылу, в целях чего часть участников организации должна была быть направлена в места скопления антисоветского элемента.

Вопрос: Какая практически диверсионная работа проведена Вами, как участником военного троцкистского заговора, в военно-воздушных силах ОКДВА?

Ответ: Моя диверсионная работа заключалась в организации катастроф в ВВС ОКДВА. К числу катастроф, вызванных контрреволюционной работой участников организации, относится: 1) катастрофа в Спасской бригаде, 2) катастрофа ВЛАСОВА в Хабаровской бригаде, 3) катастрофа в авиаотряде МЕТЕЛКИНА в 3-й легкомоббардировочной эскадрилье, 4) катастрофа в 31 эскадрилье и другие.

В вышеуказанных катастрофах погибло 6 человек. Из всех катастроф в частях ВВС за 1934-1936 гг. не менее 25% является результатом диверсионной работы нашей организации.

Вопрос: На кого из участников контрреволюционной организации были возложены диверсионные функции?

Ответ: Каждый из участников нашей контрреволюционной военной троцкистской организации диверсионную работу должен был проводить. Широкая диверсионная деятельность нашей организации приурочивалась к началу военных действий с Японией.

Вопрос: Дайте показания о террористической деятельности контрреволюционной троцкистской организации?

Ответ: (...) В 1934 г. ПУТНА в беседе со мною выдвигал вопрос организации террористического акта над наркомом обороны ВОРОШИЛОВЫМ, в случае его приезда на ДВ. Выполнение террористического акта над ВОРОШИЛОВЫМ на себя взять я отказался.

Вопросы террора в последующем также обсуждались нами. В начале 1936 г. в Хабаровске вопрос организации терактов над руководителями ВКП(б) и советского правительства обсуждал со мною ДЗЫЗА и руководитель военного центра троцкистской организации в ОКДВА САНГУРСКИЙ. САНГУРСКИЙ говорил, что БАЛАКИРЕВ и особенно КАЩЕЕВ требуют, чтобы наша организация совершила теракт над командующим ОКДВА БЛЮХЕРОМ. Причем САНГУРСКИЙ говорил, что совершение теракта над БЛЮХЕРОМ берет на себя КАЩЕЕВ. Допрос прерван.

Читал, записано с моих слов верно — ЛАПИИ

Допросили:

Зам. нач. 5-го отдела ГУГБ НКВД майор

госбезопасности — АГАС

Помощник начальника 3-го отделения 5-го отдела

ГУГБ

лейтенант госбезопасности — ОРЕШНИКОВ»¹⁰⁴.

На первом листе документа имеется помета Сталина: «Важно». На втором протоколе допроса Лапина рукописная помета Сталина: «Шесть вопросов Лапину: 1) Кто именно из авиапромышленников состоял в заговоре? 2) Состоял ли в заговоре Берзин, который перенял от Таирова развед. органы на Дальнем Востоке? 3) Продолжает ли Таиров подрывную работу в МНР? 4) Кто из работников Дерибаса состоит в заговоре? 5) Состоит ли Виннер в МНР в заговоре? 6) Как обстоит дело с окружной войсковой разведкой на Украине, в Белоруссии, в Ленинграде? Не связывала ли она троцкистов с Польшей, так же как наша разведка на Дальнем Востоке связывала троцкистов с японцами».

Однако то состояние, в каком находились военно-воздушные силы на Дальнем Востоке, оказалось еще более трагичным, чем могло показаться из показаний Лапина. 23 июня 1937 года Нарком НКВД представил в Кремль спецсообщение № 58658:

«СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

Направляю протокол допроса арестованного участника антисоветского военно-троцкистского заговора ФЛОРОВСКОГО И.Д. — бывшего *начальника военно-воздушных сил Приморской группы войск* (курсивы мои. — К.Р.) ОКДВА - от 19 июня 1937 года. (...)

¹⁰⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 306. Л. 77-89. Цит по: alexanderyakovlev.org

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА И.Д. ФЛОРОВСКОГО

от 19 июня 1937 г.

Начальник воздушных сил Приморской группы войск, комдив чл. ВКП(б) с 1917 года.

Вопрос. На предыдущих допросах Вы показали, что перед Вами была поставлена задача членом военно-троцкистского заговора ЛАПИНЫМ, вредительскими мероприятиями сорвать военную готовность авиачастей Приморской группы. Вы это задание выполнили.

Ответ: Да, выполнил. В результате проведенных вредительских актов лично мною, а также участниками военно-троцкистского заговора **ЮНГМЕЙСТЕРОМ, ГЛАЗУНОВЫМ, МИРОНОВЫМ** (подчеркивания Сталина. - К.Р.) и др. авиационные части Примгруппы в 1935-36 г.г. были приведены в небоеспособное состояние, и эти части справиться с задачами отражения действий японской авиации не смогли бы.

Вопрос: Следствие констатирует, что Вы как участник военно-троцкистского заговора по заданию своей организации проводили вредительскую подрывную работу в целях разложения РККА в случае вооруженного ее столкновения с японской армией.

Ответ: Да. Директиву о создании всех необходимых условий поражения РККА в войне с Японией я получил и этим указанием ЛАПИНА руководствовался в проводимой мною подрывной работе.

Вопрос: Какими вредительскими методами работы вы привели авиачасти Примгруппы в небоеспособное состояние?

Ответ: В первую очередь уничтожением материальной части самолетов. В этих целях на основании вредительской директивы ЛАПИНА я запрещал командирам частей хранить самолеты в палатках.

Таким способом **в 1935 году истребительной эскадрильи из 48 самолетов типа И-15 и М-25, за три месяца — май**¹⁰⁵, июнь и июль были приведены в негодность 30 самолетов. Эти самолеты от дождя и солнца приходили в негодное состояние, так как вся **перкалевая обтяжка** и деревянные **лонжероны** и нервюры плоскостей и стабилизаторы разрушались. В летном составе и в техническом началась паника.

На мой запрос по телеграфу к ЛАПИНУ, что делать дальше с самолетами 31-ИЭ, я получил телеграфное распоряжение от САНГУРСКОГО: «...полеты прекратить, а оставшиеся годные самолеты подвергнуть осмотру и **ремонт**у». Я приказал вскрыть полотно на плоскостях и стабилизаторах. Таким образом, к половине августа 1935 года из 48 самолетов И-15, полученных в начале 1935 года, *не осталось ни одного годного к полётам. Летчики не летали, часть была направлена в отпуск, и эскадрилья, как боевая единица, была снята из боевого состава авиации Приморской группы* (курсивы мои. — К.Р.).

¹⁰⁵ ** _ ** обведено кругом И.В. Сталиным

К ремонту самолетов не могли приступить в эскадрилье, так как не было ремонтного материала. Не помню какого числа, донесение о выходе из строя самолетов 31-ИЭ было послано на имя наркома обороны за подписью командующего группой ФЕДЬКО. На это донесение очень быстро поступило от наркома Обороны указание, что из Москвы выезжает специальная бригада рабочих с ремонтным материалом для восстановления самолетов. Такая бригада прибыла очень быстро и также быстро восстановила 25-28 самолетов.

Однако к исходу летнего периода 1935 года вредительской работой по уничтожению самолетов нашей организацией было сделано следующее:

- 1) В 3-м аэрофотоотряде из десяти штатных самолетов Р-5 осталось годных к полетам три, а остальные сгнили и требовали капитального ремонта.
- 2) В 28-м легко-бомб. эск. из 28 самолетов осталось **10 самолетов.**
- 3) В 29-м легко-бом. эск. из 31 самолетов осталось 13-14 самолетов.
- 4) В 30-й штурмовой эск. из 31 самолета осталось **12-13 самолетов.**
- 5) В 12-й разведов. эскадрилье из 19 самолетов осталось **7 самолетов.**
- 6) В 8-й эскадрилье из 29 самолетов осталось 11 самолетов.
- 7) В 29-м авиационном отряде из 10 самолетов осталось 4 самолета.
- 8) В 8-м авиационном отряде из 10 самолетов осталось 4 самолета.
- 9) В 165-м авиационном отряде из 20 самолетов осталось 2 самолета.
- 10) В 187-м отряде из 10 самолетов осталось 3 самолета.

****Таким образом, около 75% боевых самолетов было выведено из строя. Фактически авиация к концу сентября 1935 года была не боеспособна. Полностью сохранились самолеты только в 7-й и 20-й истребительных эскадрильях. В этих частях самолеты хранились в ангарах**.**

****Службы самолетов в частях были совершенно разрушены**.** Во-первых, потому, что ЛАПИН из года в год, т.е. в 1934, 1935 гг. и частично в 1936 году снимал из титульных списков строительство мастерских отдельно стоящим частям.

****Во-вторых, организация ремонта была совершенно расстроена неподачей из армейского авиационного склада № 6, расположенного в Хабаровске, ремонтных материалов. Бывшие начальники снабжения воздушных сил ОКДВА ВЕЗЛОМЦЕВ и БУКОВЦЕВ**** в интересах нашей военно-троцкистской организации построили снабжение так, что никогда к сроку не поступали аэролаки, авиационная фанера, поршни, шурупы, оцинкованные гвозди, нитки, перкаль, кисти для красок, авиационный лес, цветной и черный металл, так что самолеты из-за каких-либо шурупов или фанеры по 4-5 месяцев стояли в мастерских 5-й авиационной бригады и не могли выйти на аэродромы для испытания и поступить в часть для заполнения убыли.

ВЕЗЛОМЦЕВ и БУКОВЦЕВ, являясь начальниками снабжения ВВС ОКДВА и будучи хорошими знатоками дела снабжения авиации, удачно и с успехом окончательно развалили специальный авиационный тыл. Если бы началась война

между СССР и Японией, то полный неуспех и неудача авиации Приморской группы были подготовлены*.

Вопрос: Расскажите о подрывной вредительской деятельности, проводимой участниками военно-троцкистского заговора в области боевой подготовки авиачастей?

Ответ: ...Прежде всего, мы старались затормозить ход боевой подготовки и в этих целях зимний или летний периоды мы начинали с опозданием по срокам, а заканчивали также ранее тех сроков, которые были указаны приказом наркома обороны.

ЛАПИН, я - ФЛОРОВСКИЙ, ЮНГМЕЙСТЕР, МИРОНОВ и ГЛАЗУНОВ вредительство в этом направлении проводили под предлогом отсутствия авиабензина или негодности летного поля. Затягивались также сроки подготовки материальной части, что также сокращало по времени периоды боевой подготовки.

Одним из элементов нашей вредительской деятельности был особый метод боевой подготовки, как одиночных летчиков, так и целых частей. Это вызывало периодами вспышку не только аварийности, но и гибель летного состава вместе с самолетами.

****Вновь прибывшие летчики и наблюдатели выпускались в воздух без предварительной и тщательной боевой индивидуальной их подготовки на земле**.**

Форсированная боевая подготовка находила живой отклик и среди летного состава, который, кстати сказать, не любил заниматься теоретическими вопросами на земле, уклонялся от работы в классах (которые были плохо оборудованы) по изучению материальной части. Горячее рвение летного состава в воздух и пренебрежительное его отношение к учебе на земле дало нам возможность умело замаскировать нашу вредительскую деятельность.

Приказы наркома обороны в вопросах ликвидации «ухарства» нами не выполнялись. Категорически запрещалось вести боевые стрельбы по земным и воздушным мишеням в непосредственной близости у границ летного поля. В результате такого нарушения в 1934 г. 23 декабря в 8-й штурмовой эскадрилье в Жариково над аэродромом столкнулось два самолета Р-5, в результате разбилось два самолета и погибло четыре человека. Очень часто гибли самолеты и летчики из-за того, что мы в практике стрельб по земным мишеням под предлогом в погоне за большим процентом попаданий разрешали летному составу выводить самолеты из пикирования ниже тех высот, которые указаны инструкциями по огневой подготовке.

За 1935 и 1936 годы в авиачастях Приморской группы было около 75 аварий самолетов, до 45 аварий моторов, около 160 вынужденных посадок и 13 катастроф с гибелью 14 человек. Огромное количество мелких поломок около 200 общим числом, невыходы на старт и возвращение самолетов со старта, которых за 1935 и 1936 гг. было до 300 случаев, указывает на то, что в деле подготовки материальной части нами нанесен большой удар и, главным образом, по 51 авиабригаде, как

основному авиационному соединению в составе авиации Приморской группы. ****Вредительскую работу в области эксплуатации и подготовки материальной части вел участник организации инженер бригады ГРУЦЕВ**.**

Кроме этого, ЛАПИНЫМ был составлен так называемый «комплекс летной работы», этот комплекс имел в виду приковать летные части в своей боевой подготовке к аэродрому. ****Приказы наркома обороны учить и готовить части вне своих основных аэродромов, втягивать летный состав в длительные полеты днем и ночью не выполнялись**.** Все командиры были связаны «комплексом летной работы». Этот комплекс в частях называли «комплекс ЛАПИНА», ЛАПИНУ удалось этот комплекс провести при поддержке САНГУРСКОГО. На летно-тактические учения всегда привлекали крайне ограниченное количество летного состава, это делалось с той целью, чтобы не готовить всю массу личного состава. Подготовка ко всем учениям проводилась под руководством ЛАПИНА, а в самой подготовке отсутствовала целеустремленность в духе приказов НКО. (...)

Поверхностный характер учений не давал должной учебной нагрузки участникам учений.

В вопросах оперативной подготовки авиации ЛАПИН очень часто ссылался на ТУХАЧЕВСКОГО, называя его одним из оперативно грамотных из всех военных работников. Большинство проводимых военных игр имело целью привить командному составу мысль, что авиацию для удара по авиации Японии или другим целям нужно использовать пошелонно, а не массированно, как это требует приказ НКО и инструкция по самостоятельным действиям авиации. (...)

В интересах военно-троцкистской организации в 1934, 1935 и 1936 гг. не проводилось совместных учений между авиацией ОКДВА и ТОФ по отработке элементов оперативного взаимодействия на случай войны. Таких учений совместных было одно в августе 1935 г. ...

Вопрос: Что Вам известно о вредительстве участников военно-троцкистского заговора в тяжелой авиации?

Ответ: Установка на невозможность оперативного использования тяжелой авиации на Дальневосточном театре военных действий ЛАПИНЫМ проводилась активно. Основными его мотивами было: крайне дождливое лето на ДВК, обилие туманов и ограниченное количество земельных участков, годных под аэродромы. Что касается зимнего периода, то ЛАПИН считал, что зимой подготавливать тяжелые самолеты типа ТБ-3 к полетам очень трудно, да кроме этого требуется много времени. Считаю, что на этом основании в составе *****Приморской группы нет ни одной единицы тяжелой авиации, как видно ЛАПИНУ удалось провести свою точку зрения.** На самом же деле в Приморье в районе, заключенном между пунктами Уссури, К-Рыболов, Константиновка, Ворошилов, Тарасовка, Сысоевка, Большой Ключ и Уссури, имеются прекрасные условия для расположения тяжелой

авиации, тем более что и климатические условия Приморья обеспечивают успешные действия тяжелой авиации***¹⁰⁶.

Установка ЛАПИНА на невозможность использования тяжелой авиации на ДВК привела к тому, что 5-й авиадесантный полк, расположенный в Мучной, не имеет положенной тяжелой авиации.

В составе полка числятся 26 тяжелая эскадрилья, которая в данное время не укомплектована личным составом. Вместо 12 самолетов типа ТБ-3, полученных по табели, имеются только четыре самолета ТБ-3.

Таким образом, бойцы парашютисты 5-го авиаполка не могут быть использованы в составе всей своей массы во время войны. На 4-х самолетах ТБ-3 авиадесантный полк не поднять. За 1935 и 1936 гг. не было ни одного случая подъема в воздух сразу всего авиаполка.

В 1935 и 1936 гг. 5-й авиаполк вместо 1000 парашютов имел только 200 штук. Авиадесантный полк формируется с 1 мая 1936 года и по настоящее время не устроен. Нет складов для парашютов, вооружения, огнеприпасов, нет учебной базы, отсутствуют квартиры для командного состава, казармы, гаражи и др. специальные здания.

Вопрос: Кто из участников военно-троцкистского заговора проводил вредительство в авиастроительстве?

Ответ: Ангарное строительство в Приморье было начато по прямому указанию НКО в 1936 году, а до этого времени ДЗЫЗА и ЛАПИН, а также и САНГУРСКИЙ умело снимали из титулов деньги или, вернее, заявки командиров частей на постройку ангаров.

Касаясь технической стороны в деле постройки ангаров, должен указать, что КАЩЕЕВ, ДЗЫЗА и БЕККЕР под предлогом якобы неопытности технического персонала на участках с большим эффектом для дела военно-троцкистской организации, сорвали строительство ангаров.

На десяти аэродромах: Уссури, Ляличи, Кремово, Ворошиловский аэродром, Барановский аэродром, Голенка, Вознесенское, Хорольское и К-Рыболов — ангары в 1936 г. к исходу ноября были построены, но пользоваться этими ангарами, частично зимой 1936/37 гг., а главным образом весной 1937 года, нельзя было.

Те ангары, которые были покрыты толью, ветром эту кровлю сорвало. Ангары текли и самолеты мокли. Сильные ветры Приморья на многих ангарах сорвали крышу из финской стружки, в К-Рыболове один ангар завалило ветром. Местность около ангаров осенью не была спланирована, остались канавы и ямы. Весной 1937 года вода после таяния снега, а позднее и дождевая вода собиралась около ангаров. Вывод самолетов из ангаров стал невозможен обычной командой в составе 19 человек, время на выкатку одного самолета затрачивали до одного часа. Таким образом, ангары превратились в ловушку для самолетов.

¹⁰⁶ ***-*** отмечено И. В. Сталиным кругом на полях.

****По тревоге уже ни одна эскадрилья в весеннее время не могла быть в стартовой готовности за один час десять минут**.** В этих новых условиях потребовалось затратить 5-7 часов, чтобы подготовить эскадрилью к вылету. Кроме этого, ангары и до последнего дня, т.е. до моего ареста, не имели ворот. В зимнее время снег, гонимый сильнейшим ветром, образовывал в ангарах большие сугробы, это также решительно снижало боевую подготовку авиации и зимой.

Ворота в ангарах не были построены потому, что *отсутствовали металлические ролики*. По этому вопросу ДЗЫЗА вел переписку с нач. СКУ РККА ЛЕВИНЗОНОМ, но последний роликов не отпустил до сих пор. В бытность ГАМАРНИКА осенью 1936 года в Приморье к нему обращались командиры частей с вопросом, когда будут ролики, на это был ответ, что ролики скоро будут отгружены.

Подобные обращения к ГАМАРНИКУ были в Спасске, Хвалинке и в Даубихе, т.е. на всех тех аэродромах, где ГАМАРНИК был.

В течение зимы 1936 и 1937 г.г. ролики так и не поступали. Приказ НКО, решительно требовавший построить ангары в 1936 году, был весьма умело обойден членами нашей военной троцкистской организации. Построены были, в сущности, не ангары, а *сарай для неизвестного назначения*. ДЗЫЗА и БЕККЕР на требование командиров частей скорее дать им полноценные ангары зачастую никаких ответов не давали или ограничивались посылкой комиссии для осмотра хода постройки ангаров. На Спасском аэродроме ангары настолько вредительски были построены, что в данное время они совершенно заново перестраиваются.

****Параллельно с ходом работы по уничтожению самолетов активно шла работа по приведению в негодность существующих аэродромов**.**

В данное время все аэродромы имеют почти на всей своей площади много трамплинов, канавок, борозд, кочек в осадочных местах, где в свое время засыпались ямы при первоначальной планировке аэродромов. В 1934-1935 и в 1936 годах ЛАПИН исключал из заявок на строительство денежные средства на содержание аэродромов. Особо опасны аэродромы для ночных полетов. Все эти неровности, которые указаны выше, усугубляют ошибку летчика при взлете и посадке. Часты были случаи поломок, аварий самолетов по этим причинам.

Почти на всех аэродромах отсутствуют водосборные и водоотводящие каналы. В осеннее и весеннее время после дождей вода устремляется на летные поля с прилегающей к границам аэродрома местности. Потоки воды в одном месте небольшую канавку превращают в овраг, а в другом месте собираются лужи, вследствие чего на длительное время аэродромы выходили из строя даже для легких самолетов. Это создает увеличенный по времени нелетный период для авиации.

Таким образом, и в этом, как будто бы, небольшом недосмотре, был заложен глубокий смысл военно-троцкистской организации: привести к бездействию авиацию Красной Армии в период вооруженного столкновения. (...)

Кроме этого, многие аэродромы построены на заниженных местах, где почва медленно просыхает. Во время войны если авиация попадет на такой аэродром и

застанет ее приморский дождепад, то нужно до пяти дней с солнцем и ветром, чтобы осушить такой аэродром, без этого авиация будет бездействовать в ответственный и решающий период боевой операции.

Заниженными аэродромами являются Старая Бильмановка, Вознесенское, Абрамовка, Ворошиловский аэродром, Воскресенка, Варпаховка, Березовка и Уссури.

Эти аэродромы требуют дренажных работ, аэродромы же в Варпаховке и в Березовке построены на местности с явным признаком болота. В летнее время эти аэродромы просыхают не более как на два месяца, а при дождливом лете совершенно негодны. Аэродромы в Уссури, Липивцы, Жариково, Кремово, Ворошиловский аэродром и Старая Сысоевка выбраны на ограниченных участках местности. К границам этих аэродромов подходят овраги и болота. Расширение их невозможно, а если и посылно, то требуется до 3-5 миллионов рублей на земляные работы.

Подобные аэродромы выбирались с целью не дать возможности работать на этих полях скоростным самолетам, у которых, как известно, повышенная посадочная скорость, а отсюда и увеличенный пробег самолета.

****К основным оперативным**** аэродромам Ильинское, К-Рыболов, Ключи, Жариково, Поповка, Хорольское, Липовцы, Галенка, Покровка, Новожаство, Бильмановка, Старое и Новое Вознесенское, Абрамовка, Кремово, Осиповка, Ширяево, Ляличи, Манзовка, Мучная, Спасский аэродромный узел, Антоновка, Шмаковка и Уссури подъездных путей не имеется. Весной и осенью, а также и в дождливое время дороги к этим аэродромам размякают и совершенно становятся непроходимыми для транспорта. И в этом деле члены нашей организации обходили вопрос в титулах по дорожному строительству. Нам удалось убедить многих в том, что авиация летает не по дорогам, а по воздуху и не следует вкладывать в землю огромные средства, в то время как эти деньги можно обратить на другие нужды.

Настойчиво проводя линию в том, чтобы ******не строить подъездные пути******, мы с нашей организацией решили крайне важную задачу. На случай войны и по ходу отдельных операций авиация Приморья и часть Приамурья (т.е. та, которая должна прибыть в Приморье в первый день и последующие дни войны) терпела бы огромное поражение при своем перебазировании.

Летные эшелоны могли бы со своих основных аэродромов перелететь на оперативные, но тыл каждой эскадрильи весной и осенью и в дождливое лето никоим образом не может выбраться со своего основного аэродрома. Если ты с основного аэродрома и вырвешься, то к оперативному аэродрому этому тылу не подъехать.

Таким образом, каждая эскадрилья была бы разорвана пополам. В этом случае тыл не может оказать никакой помощи летному эшелону, находящемуся на оперативном аэродроме. Отсутствие построенных подъездных путей подготовило полную гибель авиации Приморья и прибывающей авиации из Приамурья.

Вопрос: Расскажите, в каких условиях хранятся мобзапасы бомб авиачастей Примгруппы?

Ответ: Под предлогом того, что авиабомбы иметь всегда наготове для подвески под самолетом, ЛАПИН указал, что бомбы в складах не хранить, а держать их на аэродромах *под открытым небом*. **Начальник артиллерии РОГОВ** это умело использовал для прикрытия своих вредительских действий. РОГОВ хранил под открытым небом бомбы на артскладах в Халкидоне, Галенка и разъезде Партизан. На оперативных аэродромах в Ильинске, К-Рыболов, Жариков, Старая и Новая Бильмановка, Покровка и Мучная хранится с 1934 и 1935 гг. **около ста двадцати вагонов бомб**. На складах Халкидон и Галенка *хранится под открытым небом около 50 вагонов бомб*.

О порядке подобного хранения авиабомб хорошо знал САНГУРСКИЙ и БАЛАКИРЕВ. Я и РОГОВ о наших таких действиях с бомбами лично познакомили БАЛАКИРЕВА, последний предлагал сделать завоз бомб и на остальные аэродромы. Члены военно-троцкистского заговора ДЗЫЗА, БЕККЕР и ЛАПИН из заявок на 1935 г. на постройку бомбохранилищ на аэродромах вычеркнули заявленную сумму денег. В 1936 году снова командиры частей внесли в заявку требование на постройку бомбохранилищ. Эти деньги в 1936 году были утверждены, а в середине 1936 года *личным распоряжением ГАМАРНИКА* с авиационного строительства *было снято свыше 20 миллионов рублей*, в эту сумму входили все те деньги, намеченные на постройку бомбоскладов.

Хранение бомб под открытым небом значительную часть последних привело к негодности, стала появляться ржавчина на корпусах. *Бомбы стали терять из-за раздутия корпусов нормальный полет при сбрасывании с самолета, нем нарушается точность попадания в цель*. Надо считать, что бомба не будет давать положенного ей взрывного действия.

****Имеющийся авиасклад № 252 также не обеспечивает нормального хранения авиабомб****. Этот склад начал формироваться в начале 1934 года, а строительство развернулось только во второй половине 1935 года. Хранилища для склада построены недоброкачественно. Из-под пола хранилища выступает подпочвенная вода, что вызывает сырость. Вентиляция в хранилищах отсутствует. Все это требует очень частой пересушки имущества, чтобы уберечь его от порчи. Противопожарные водоемы построены настолько вредительски, что *вода в них не держится и уходит в почву*. Электроосветительная линия, положенная от электростанции цементного завода, разрушилась весной 1937 года, и в данное время света на складе нет.

Электрокабель, проложенный под железнодорожным мостом в грунте, технически при прокладке выполнен вредительски. Весенний разлив ручья (не имеющий названия) потоком своей воды *разрушил под мостом кабель*. Подача тока прекратилась. Не обошлось без человеческих жертв. В апреле 1937 года один из красноармейцев склада, стоящих на посту у моста по охране электрокабеля, *был убит, наступив на кусок проволоки, торчавшей из земли*. В своей вредительской

работе члены нашей военно-троцкистской организации КАЩЕЕВ, ДЗЫЗА и БЕККЕР держали под особым своим вниманием этот склад.

В 1935 и 1936 гг. из ассигнованных сумм на строительство склада они, т.е. КАЩЕЕВ, ДЗЫЗА и БЕККЕР, *сняли около одного миллиона рублей*. Делалось это под предлогом недостатка рабочей силы, а последняя перебрасывалась с одного строительного участка на другой, также под предлогом усиления участка рабочей силой.

Вопрос: В каком состоянии находится метеорологическая служба в авиачастях Примгруппы?

Ответ: Я, ЛАПИН, МИРОНОВ, ГЛАЗУНОВ и ЮНГМЕЙСТЕР хорошо учитывали в своей вредительской работе необходимость разрушить эту службу. Хотя у меня точных данных нет, но полагаю, что и в гражданской сети метеослужбы на ДВК также есть люди, завербованные военно-троцкистской организацией. Для метеостанций в 1934, 1935 и 1936 гг. не построено ни одного специального здания. Нет такого здания ни в штабе ВВС группы, нет таких зданий и в частях.

Денежные средства штаб ВВС ОКДВА на оборудование метеостанции не отпускал в нужной потребности для частей. Снабжение водородом и шарами-пилотами шло с большими перебоями. Командиры частей, производя ночные или дневные полеты, знали о состоянии погоды только над своим аэродромом, а что делается в радиусе 10-15 км, не было известно. *Это приводило к гибели материальной части и к смертельным жертвам летного состава.*

23 августа 1934 г. под руководством ЮНГМЕЙСТЕРА на аэродроме в Мучной в 28-й эскадрилье было выпущено в воздух 11 самолетов с опытными летчиками и наблюдателями. Около 24 часов 23 августа разразился большой силы тайфун с обильным дождепадом. Самолеты разметало по разным местам Приморья. Один экипаж бросило на землю, погиб летчик и наблюдатель. Второй самолет сел у бухты Ольги, и спустя некоторое время разливом потока горной реки самолет унесло в море, экипаж остался жив. Третий экипаж вынужденно сел у Амурского залива, два самолета сели в долине реки Даубихе, шестой экипаж едва не залетел в Маньчжурию, но, восстановив ориентировку, сел севернее Спасска, остальные самолеты имели вынужденные посадки на аэродромы Спасского узла. В это время я еще не состоял в военной троцкистско-фашистской организации и при расследовании причин данного происшествия весьма ярким виновником выглядел бывший ****Ком. 51-й авиабригады ЮНГМЕЙСТЕР**. Я в то время перед ЛАПИНЫМ и бывшим военным прокурором** Приморской группы МАЛКИНЫМ требовал предания суду ЮНГМЕЙСТЕРА.

Этим моим требованиям ЛАПИН был недоволен. Суду были преданы начальник метеостанции 51-й аб. и пом. нач. штаба 51-й аб. КОЧАНОВСКИЙ. После моего вступления в члены военного троцкистского заговора мне сразу стало понятным,

почему ЮНГМЕЙСТЕР не был поддержан ЛАПИНЫМ в моем ходатайстве о предании его суду. ЛАПИН мне тоже как-то напомнил об этом случае.

****Разрушением метеослужбы подготавливалось активное поражение авиации ОКДВА в предстоящей войне с Японией****. В настоящее время крайне плохо работает связь телефонная, телеграфная и радио по обеспечению частей данными о состоянии погоды. За 1935 и 1936 гг. было немало случаев, *когда из-за несвоевременной и неточной информации о погоде подвергались риску не только отдельные самолеты, но и целые соединения*. Только опытность штурманского состава, высокая техника полета старых летчиков избавляла их от гибели. Молодые летчики и наблюдатели, попадавшие в неожиданно трудные метеоусловия, ломали самолеты, а иногда и сами погибали.

В 1937 году 24 мая из района Кремово вылетели в Хабаровск 21 самолет. Метеосводка Хабаровской станции давала на всем протяжении хорошее состояние погоды. В действительности хорошая погода была только до параллели станции Вяземская, севернее и до Хабаровска шел обильно мелкий дождь и стоял сплошной туман. 18 самолетов вернулись обратно, а 3 самолета сели на крайне плохом летном поле, примитивно оборудованной посадочной площадке у станции Вяземская. В этот день право руководить вылетом взял на себя Хабаровск. Во время войны авиация ОКДВА, вылетев всей своей массой на уничтожение японской авиации или других целей, может сама не дойти до этих целей и погибнуть из-за плохо подготовленной метеослужбы. Неожиданный шквал, тайфун, буран, метель, туман или сильный дождепад может привести и большую массу самолетов, находящихся в воздухе, к такому же исходу, как и те небольшие группы самолетов, о которых здесь шла речь.

Протокол читал, записано с моих слов правильно —
ФЛОРОВСКИЙ.

Допросил:

Нач. ОО ГУГБ НКВД 19-го Стрелкового Корпуса —
Ст. лейтенант госбезопасности КОСТЮК»¹⁰⁷.

На первом листе сохранилась рукописная помета Сталина: «Очень важное. Значит на Дальнем Востоке наша авиация в тяжелом состоянии».

Вождь с особой любовью относился к авиации. В завершение военного парада 1 мая 1937 года над Красной площадью традиционно прошли эскадрильи самолётов, а «Красная Пятёрка» выполнила подряд девять «мертвых петель» и другие фигуры высшего пилотажа. Был показан и встречный учебный воздушный бой. В этот же день в Испанию двумя партиями 30 и 31 шт. были направлены самолеты СБ.

Однако, несмотря на постоянное внимание Сталина к авиастроению, дела в этой отрасли обстояли далеко не блестяще. В войсках происходили частые аварии, в том числе и с человеческими жертвами; машины, поступавшие с предприятий, имели

¹⁰⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 316. Л. 50-61. Цит по: Фонд А.Н. Яковлева. Лубянка. Док. № 146.

дефекты, а война в Испании показала, что новые самолеты, поставляемые франкистам немцами, по некоторым параметрам превосходили советские. В декабре 1936 года, с созданием Народного комиссариата оборонной промышленности (НКОП), из состава тяжелой промышленности оборонная была выделена в самостоятельную отрасль. 8 декабря ее руководителем был назначен Моисей Рухимович.

Доклад нового наркома НКОП «О мерах ликвидации и предупреждения вредительства в оборонной промышленности» Политбюро ЦК ВКП(б) заслушало 17 мая 1937 года. Все «просчеты в этом вопросе Рухимович свалил на предшественников», и ему было поручено к 5 апреля подготовить план мероприятий «по разоблачению и предупреждению вредительства и шпионажа» и доложить результаты проверки исполнения мобплана СНК и ЦК ВКП(б). 22 июня заместителем начальника ВВС был назначен бывший пехотный политрук еврей Яков Смушкевич, самодеятельно выучившийся летать в 1921 году. А 23 июля специальной правительственной комиссии в составе Межлаука, Рухимовича и Алксниса было поручено изыскать возможность для выпуска 1000 самолетов Р-10.

Моисей Львович Рухимович с полным основанием мог быть причислен к когорте «старой гвардии». Революционную деятельность он начал в 1904 году в организации «Бунд». Как и многие «революционеры», в 1906-1909 годах он был в эмиграции, а с февраля 1917 года стал членом Харьковского комитета РСДРП(б). В 1917-1919 годах Рухимович — народный комиссар по военным делам Донецко-Криворожской советской республики, военный комиссар Центрального управления по формированию Красной Армии Украинской ССР. Не менее разнообразен и дальнейший его «послужной» список.

С 1919 по 1926 год он успел поработать на разных постах: член РВС 14-й армии, председатель Донецкого губисполкома, управляющий трестом «Донуголь». В 1925 году он стал председателем ВСНХ Украинской ССР, а с 1926 года — заместитель председателя ВСНХ СССР. 11 июня 1930 года Рухимович занял пост наркома путей сообщений СССР, однако 2 октября следующего года он был снят с должности и понижен до управляющего трестом «Кузбассуголь». Вновь востребованным он оказался в июне 1934 г., когда его назначили заместителем наркома тяжелой промышленности СССР, курировавшим вопросы «оборонки», а с 8 декабря 1936 года занял пост народного комиссара оборонной промышленности. Однако на этом месте он продержался меньше года; 15 октября 37-го Рухимовича сняли с должности, а на следующий день арестовали. Об обвинениях, предъявленных подследственному, можно судить по спецсообщению № 10680 от 8 февраля 1938 года:

«Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

Направляю *второй протокол* (курсивы мои. — *К.Р.*) допроса бывшего Наркома оборонной промышленности РУХИМОВИЧА Моисея Львовича от 31-го января 1938 г.

...Вопрос: На предыдущих допросах Вы многое скрыли от следствия. Вы не назвали ряд участников антисоветской организации, преступная деятельность которых вам достаточно известна, равно как и не все сказали лично о своей враждебной работе. Намерены ли вы рассказать все полностью, ничего не скрывая от следствия?

Ответ: Я не имею ничего добавить к ранее данным показаниям.

Вопрос: Напрасно. Поймите, РУХИМОВИЧ, что Ваша попытка сохранить резервы участников подпольной антисоветской организации обречена на явный провал. Большинство из них уже арестовано и называют ряд фактов из Вашей предательской практики, которые вы от нас скрывали.

Ответ: Я повторяю, что ничего не скрывал от следствия и все мне известное самым добросовестным образом рассказал. Я прошу учесть, что после всего того, что я уже сообщил о себе, вряд ли есть смысл что-либо скрывать.

Вопрос: Хорошо, тогда расскажите о Вашей преступной связи с ПЯТАКОВЫМ.

Ответ: Я заявил уже, что с ПЯТАКОВЫМ по антисоветской работе связан не был. Я был его личным врагом.

Вопрос: В таком случае мы опять вынуждены уличать Вас, РУХИМОВИЧ. Вам зачитываются показания арестованного ФИЛИМОНОВА Наума Гавриловича, бывшего начальника Главэнергопрома, где ФИЛИМОНОВ заявляет о том, что был связан с Вами по антисоветской деятельности.

Подтверждаете ли вы, что знали ФИЛИМОНОВА как участника организации?

Ответ: Да, подтверждаю. Я был связан с ФИЛИМОНОВЫМ по вредительству, сам лично давал ему вредительские задания и знал о его причастности к антисоветской организации правых.

Вопрос: С какого времени вы были связаны с ФИЛИМОНОВЫМ по преступной работе?

Ответ: Я связался с ФИЛИМОНОВЫМ во второй половине 1936 года.

Вопрос: Каким образом Вы с ним связались?

Ответ: Я сейчас не помню.

Вопрос: Вы продолжаете линию, взятую с самого начала допроса. Эта линия заключается в стремлении лгать до тех пор, пока можно. Когда вы не в состоянии придумать какой-либо лжи, чтобы скрыть от следствия действительное положение вещей, Вы ссылаетесь на притупление памяти.

Прочтите сами выдержку из показаний ФИЛИМОНОВА, где он говорит о том, что с Вами его связал ПЯТАКОВ. Что Вы скажете сейчас?

Ответ: Мне остается только признать правильность показаний ФИЛИМОНОВА. Я готов рассказать о своей связи с ПЯТАКОВЫМ.

Вопрос: Почему вы до сих пор не сделали этого?

Ответ: Мне кажется, это понятно и без моих объяснений. Я хотел преуменьшить количество своих преступлений.

Вопрос: Когда Вы связались с ПЯТАКОВЫМ по антисоветской деятельности?

Ответ: Я по антисоветской деятельности связался с ПЯТАКОВЫМ вскоре после своего назначения заместителем Наркома тяжелой промышленности по топливу.

Как я уже показал ранее, для осуществления подрывной работы в нефтяной промышленности мною был привлечен БАРИНОВ. От БАРИНОВА я впервые определенно узнал о том, что ПЯТАКОВ является организатором вредительства в тяжелой промышленности и что он руководил вредительской деятельностью БАРИНОВА.

Сведения, сообщенные мне БАРИНОВЫМ, нашли полное подтверждение в моих наблюдениях за работой ПЯТАКОВА. Я не мог не видеть *так называемых «промахов», стоивших государству многих миллионов рублей и тормозивших развитие промышленности.* Сразу же после того мне стало достоверно известно об антисоветской деятельности ПЯТАКОВА, я доложил об этом РЫКОВУ.

РЫКОВ заявил мне, что ему об этом хорошо известно и что он сам хотел уже информировать меня о том, что в Наркомтяжпроме действует организация, возглавляемая ПЯТАКОВЫМ. (...)

Вопрос: О запасном центре правых в этом протоколе Вы будете допрошены еще более подробно, чем раньше. Пока же рассказывайте о Вашей связи с ПЯТАКОВЫМ.

Ответ: Я уже и ранее знал от РЫКОВА о блоках правых с троцкистами. В этой же беседе я получил от РЫКОВА указание установить самый тесный контакт с ПЯТАКОВЫМ и его организацией, усилить таким образом подрывную работу в Наркомате, вырвать из-под влияния троцкистов правые формирования в НКТП (здесь я впервые узнал как об участниках организации правых о КРУГЛИКОВЕ и СЕРЕБРОВСКОМ). (...)

Вопрос: Где и когда состоялась описанная Вами беседа с РЫКОВЫМ?

Ответ: Эта беседа состоялась у меня на квартире в сентябре-октябре 1934 года.

Вопрос: Каким образом вы выполнили указания РЫКОВА?

Ответ: Успешное разрешение поставленной передо мной РЫКОВЫМ задачи требовало, прежде всего, восстановления хороших отношений с ПЯТАКОВЫМ, так как я до 1934 года был с ним не в ладах.

Воспользовавшись одной из деловых встреч с ПЯТАКОВЫМ в его кабинете, я заявил ему, что имею поручение РЫКОВА установить с ним связь по антисоветской линии. ПЯТАКОВ сказал, что ждал уже моего разговора на эту тему и очень рад, что, наконец, имеет возможность говорить со мной, не ощущая с моей стороны неприязни по отношению к себе.

Он заявил, что моя вредительская работа не только поможет расшатать основы советской тяжелой промышленности, но и сделает более крепким и надежным правотроцкистский блок в системе НКТП, так как ему трудно объединить

разношерстную антисоветскую публику в троцкистскую организацию. Здесь же ПЯТАКОВ заявил мне, что ему удалось сформировать нечто вроде наркоматского центра правых в тяжелой промышленности. Этот центр, куда входили КРУГЛИКОВ, СЕРЕБРОВСКИЙ, КАННЕР, ОСИПОВ-ШМИДТ и к которому примыкал СМИРНОВ (госплановский), возглавил кадры правых в тяжелой промышленности, но действует недостаточно активно, ибо не имеет должного руководства со стороны центра организации правых.

Мы договорились с ПЯТАКОВЫМ, что я на первых порах направляю свою деятельность на создание вредительской организации в топливной промышленности Союза и постепенно, входя в курс, буду распространять свои вредительские действия на другие отрасли тяжелой промышленности. ПЯТАКОВ же взял на себя подрывную работу в химии и военной промышленности, которая, как он говорил, решает вопросы войны и должна из орудия победы превратиться в средство поражения Советского Союза. (...)

Как известно, убийство С. М. КИРОВА и последовавший за ним арест КАМЕНЕВА и ЗИНОВЬЕВА вынудили ПЯТАКОВА к двурушническому выступлению в печати. После этих событий ПЯТАКОВ неоднократно говорил мне, что положение его стало весьма нетвердым, что он «ходит по лезвию кинжала» и именно эти обстоятельства вынудили его информировать меня о принадлежности к троцкистской организации ряда работников НКТП.

Вопрос: Кого назвал Вам ПЯТАКОВ?

Ответ: Он назвал мне как участников организации целый ряд лиц, в том числе МЯСНИКОВА, БАБАЕВА, ТОДОРСКОГО, СЕДАШЕВА, ИВАНЧЕНКО, ХАРИТОНЕНКО, ТАТАРИЙСКОГО, НЕКРАСОВА, ФИЛИМОНОВА, ПЕТРОВСКОГО (Электрозавод), РАСКИНА, АЛЬПЕРОВИЧА.

Вопрос: Вы были связаны с кем-либо из этих людей лично?

Ответ: Лично я был связан по антисоветской работе только с РАСКИНЫМ, через которого проводил нужные мне назначения. Должен был связаться после ареста ПЯТАКОВА и с другими, но сделать этого не смог, так как не позволили развернувшиеся события.

Вопрос: Что именно помешало Вам связаться с этими людьми после ареста ПЯТАКОВА?

Ответ: До процесса над ПЯТАКОВЫМ я не предпринимал никаких шагов к установлению связи с участниками его организации, так как не знал, кто из них может быть арестован. Я решил отложить это до того времени, когда пройдет волна арестов троцкистов с тем, чтобы не напрасно рисковать провалом.

Но вскоре я был назначен наркомом оборонной промышленности и основной своей задачей поставил — разворот подрывной работы в НКОП.

Хочу напомнить, что в предыдущих показаниях я сообщил о своей связи с троцкистской группой ТОДОРСКОГО, о принадлежности которой к антисоветской организации я узнал также от ПЯТАКОВА.

Вопрос: Расскажите, каким образом вы установили связь с КРУГЛИКОВЫМ, СЕРЕБРОВСКИМ, СМИРНОВЫМ и другими участниками антисоветского центра в НКТП?

Ответ: С этим центром я был связан через КРУГЛИКОВА. О его причастности к антисоветской организации правых и о существовании центра правых в НКТП я узнал сначала от РЫКОВА, а потом от ПЯТАКОВА. Связался с КРУГЛИКОВЫМ я в начале 1935 года и с тех пор руководил подрывной деятельностью этого центра через КРУГЛИКОВА в планировании, СЕРЕБРОВСКОГО в золотой промышленности, КАННЕР в черной металлургии. Лично я был связан только с КРУГЛИКОВЫМ и СМИРНОВЫМ. Через них давал вредительские установки и получал информацию о деятельности этого центра.

Как я уже показал в первом протоколе, от СМИРНОВА я знал о террористической деятельности этого центра.

Вопрос: Теперь расскажите о подрывной деятельности в оборонной промышленности, которую вы вели совместно с ПЯТАКОВЫМ и после его ареста в частности. Какое вредительство проведено Вами в области мобилизационных планов?

Ответ: Предприятия оборонной промышленности в результате вредительской деятельности ПЯТАКОВА и СМИРНОВА, а потом и моей *не имели настоящего мобплана*. С 1934 года существовал так называемый мобплан «М-3», который в связи с быстрой моторизацией армии, с развертыванием армии и новыми сложными задачами, поставленными перед армией с точки зрения тактической, ни в коем случае *не учитывал нужд и потребностей НКО на военное время*. Больше того: на предприятиях и мобплан «М-3» фактически не существовал, а был *только на бумаге*. Вопрос *относительно обеспечения определенным количеством инструментов, необходимых приспособлений, запасов сырья и прочего ни на одном из заводов, как правило, не был разрешен*.

Достаточно сказать, что сам план «М-3» настолько устарел, что уже в 1937 году он требовал корректиров в сторону увеличения примерно *в два с лишним раза*.

Кроме обеспечения материальной части мобплана ни на одном из заводов оборонной промышленности не существовало плана удовлетворения рабочей силой на случай войны. Не был даже разработан план использования рабочей силы с точки зрения смен в течение суток.

Организуя это вредительство, ПЯТАКОВ и я имели в виду создать хаос и путаницу в мобилизационный период, что исходило из установок правых и троцкистов на поражение СССР в будущей войне.

Вопрос. В чем выразилось лично Ваше участие в этом вредительстве?

Ответ: Я виновен здесь в том, что саботировал поставку, продвижение и разрешение вопроса о составлении нового мобплана, таким образом продолжая вредительство ПЯТАКОВА в этом направлении.

Вопрос: Дайте показания о вредительстве в области капитального строительства и производства артиллерийских и снарядных предприятий.

Ответ: ПЯТАКОВ и ПАВЛУНОВСКИЙ, опираясь на созданную ПЯТАКОВЫМ троцкистскую организацию, провели большую вредительскую работу в области капитального строительства в военной промышленности, *совершенно дезорганизовав это военное строительство.* В частности, в связи с моторизацией в армии потребность в артиллерии резко должна быть увеличена.

Несмотря на огромный рост требований со стороны Наркомата обороны к артиллерии, за все 5-6 лет работы ПЯТАКОВА было построено *лишь два новых артиллерийских завода № 8 и № 92.* По существу же *в артиллерии осталась старая база, стоящая чуть выше довоенного уровня, которая в случае войны поставила бы в исключительно тяжелые условия развертывания артиллерийских частей армии.*

Также в значительной степени *было дезорганизовано производство снарядов.* Здесь вредительство проводилось по двум линиям: во-первых, производство снарядов базировалось *на старом изношенном парке станков и на маломощных заводах,* и, во-вторых, операции по изготовлению снарядов, которые обыкновенно производятся на различных заводах, были организованы таким образом, что срок изготовления снаряда вместе с заряджением продолжался *от 3,5 до 5 месяцев.*

Это достигалось тем, что не были организованы районные центры или кусты близкой подачи корпусов к снаряжательным заводам и к соответствующим складским базам Наркомата обороны и не было соответствующей базы новых мощных станков и аппаратов для механизации снаряжения. Все это было проделано *с целью сократить до минимума производство снарядов на случай войны.*

На протяжении 5-6 лет всячески саботировалось производство снарядов без внутренней обработки, которая радикально уменьшает как количество станков, потребных для производства снарядов, так и часть рабочих на военное время.

В области изготовления снарядов большое вредительство проведено по срыву производства снарядов *из сталистых чугунов и литых из стали.* Оба эти способа применялись немцами и французами еще во время мировой войны, удачно разработаны в короткий срок в Испании и значительно удешевляют стоимость снарядов.

Вопрос о производстве литых снарядов и снарядов из сталистых чугунов был поднят одним ленинградским профессором, и я вынужден был поставить их производство. Одновременно мною было дано указание МАРТИНОВИЧУ тормозить работы по производству снарядов из сталистого чугуна под тем предлогом, что это производство будет поставлено на строящемся в Липецке заводе.

Таким образом, *я умышленно сорвал* в 1937 году освоение весьма дешевого и рентабельного способа производства снарядов.

Вопрос. Расскажите о вредительстве на заводах пороховой промышленности.

Ответ: В этой отрасли огромную вредительскую работу провели ПЯТАКОВ, ПАВЛУНОВСКИЙ и КОТТ.

За последние четыре года было несколько точек строительства пороховых заводов, и затем эти точки неоднократно ставились на консервацию и до 1937 года. То есть до момента вскрытия вредительства *ни одна из новых точек не была закончена, ни один из заводов по искусственному волокну для обеспечения нужд пороховой промышленности во время войны не был построен и ни один из действующих пороховых заводов не был реконструирован.* Не были ликвидированы диспропорции отдельных цехов для получения большей мощности на существующих предприятиях.

В частности, завод № 100 в районе Алексино (Московская область) строится четыре года и до 1937 года *был на полконсервации;* на заводе № 101 (Каменской), начатом в 1934 году, до 1937 года почти ничего не было сделано в области промышленного строительства; то же и на заводе № 98 в Перми, *хотя средств по всем этим заводам вкладывалось немало.*

В этой отрасли я продолжил вредительство ПЯТАКОВА по всем заводам, кроме Каменского (№ 101) и Кемеровского, куда мне пришлось отпустить средства с тем, чтобы создать видимость моего стремления что-то сделать в области налаживания пороховой промышленности».

Далее подобным же образом допрашиваемый комментировал замораживание производства отравляющих веществ и противогазов. Он пояснял: «Все противогазы, изготовленные до 1937 года, пробиваются соответствующими видами отравляющих веществ, изобретенных и поставленных в производство в Германии и других странах в последние годы. И являются негодными. Этот вид вредительства во время войны мог бы иметь решающее значение для поражения Красной Армии. Так как буквально все бойцы могли бы быть поражены сильными отравляющими веществами и очутились бы на положении войск царской армии в тот момент, когда отравляющие вещества были применены впервые во время войны, то есть армия была бы совершенно беззащитной.

Это вредительство было вскрыто и вопрос о ликвидации его последствий стоял на Комиссии обороны в августе месяце 1937 года. Я не мог ничего сделать и вынужден был поставить работы по усовершенствованию противогаса для людей. (...)

Вредительство, осуществляемое на протяжении пяти-шести лет ПЯТАКОВЫМ и ПАВЛУНОВСКИМ, выразилось также в строительстве военных заводов, даже с горячими цехами, и особенно авиационных заводов, с деревянными перекрытиями. Этим облегчалась возможность диверсий во время войны путем поджогов цехов с деревянными перекрытиями и создавалась возможность пожаров в мирное время.

Было специальное указание СТАЛИНА о замене этих перекрытий железными, однако я умышленно сорвал эту работу, заменив в 1937 году (лишь) 8-10% деревянных перекрытий. (...)

Вредительство было организовано также и в области применения заменителей цветных металлов во время войны. Тут саботаж в области применения заменителей на предприятиях оборонной промышленности выразился, прежде всего, в нежелании со стороны Наркомата обороны (ЕФИМОВА) применять, а со стороны ПАВЛУНОВСКОГО производить и сдавать железные патроны вместо латунных или биметаллических.

Одновременно срывалась работа по внедрению железной гильзы для снарядов вместо латунной. Практика мировой войны показала, что больших войн нельзя вести без заменителей, так как изготовление большого количества снарядов лимитируется наличием цветных металлов. (...)

Вопрос: Вы ничего не сказали о вредительской концентрации предприятий оборонной промышленности на границах СССР.

Ответ: Вы совершенно правы. Свыше 20% рабочих, занятых в оборонной промышленности, сконцентрировано в Ленинграде, на заводах, производящих важнейшую оборонную продукцию. Как, например, все морские приборы, почти вся радиотехника, капсульное производство, производство оптических приборов и производство изделий точной механики. Как известно, Ленинград подвержен воздушным налетам противника, так как он расположен в непосредственной близости к границе. Таким образом, *все эти предприятия находятся под прямой угрозой разрушения, что грозит армии лишением важнейшей оборонной продукции.*

Вопрос. Еще какие вредительские акты имели место в оборонной промышленности?

Ответ: Помимо изложенного, фактом вредительства на протяжении последних лет является *срыв строительства ремонтных баз для нужд авиации, артиллерии и танков.* Особенно срывалась эта работа на предприятиях Востока. В частности, в Хабаровске сорвано строительство завода № 106 *по ремонту артиллерии*, который начал строиться еще с 1933 года и не закончен до настоящего времени. Завод № 105 *по ремонту танков* начался строительством в 1934 году и не закончен по настоящее время; *не построены ремонтные заводы по авиации* на Дальнем Востоке; не построена ремонтная база в Европейской части Союза для обеспечения Западного фронта.

Таким образом, авиационный, танковый и артиллерийский парки были бы значительно ослаблены *на военное время*, так как *самолеты, танки и пушки*, даже с небольшим повреждением, вынуждены были бы выходить из строя.

Большое вредительство проведено в области обеспечения нужд армии *патронами и пиротехникой.* Все расчеты умышленно велись на основе старого способа ведения войны, и поэтому новых баз, новых заводов по патронному производству и сырьевой базы для пиротехники не ставили, в результате чего к 1937 году оборонная промышленность вышла со старой базой патронных заводов, при полном отсутствии пиротехники. А какое значение имеет пиротехника сейчас, всем

известно, особенно осветительные снаряды и патроны, зажигательные снаряды и патроны и трассирующие снаряды и патроны.

Вредительство Госпланом и ПЯТАКОВЫМ проводилось по линии *торможения развития броневых заводов* для того, чтобы сорвать строительство большого морского флота, ни Ижора, ни Мариуполь не получали никакого развития. Также не развивался завод *по изготовлению танковой брони*. Также вредительски тормозились капитальные работы для обеспечения нужд Красной Армии по линии *аккумуляторной промышленности и по радиотехнике*.

Для того чтобы сорвать капитальное строительство в оборонной промышленности и избавиться от какого бы то ни было контроля, ПЯТАКОВЫМ и ПАВЛУНОВСКИМ культивировалось на протяжении ряда лет правило: на военных заводах вести работы *без каких бы то ни было проектов и без смет*. В результате чего к началу 1937 года по предприятиям оборонной промышленности не был утвержден ни один проект и не было никакой сметы на строящиеся новые объекты и на реконструкцию действующих.

Одновременно ПЯТАКОВ ставил в Комиссии обороны ряд вопросов об увеличении капиталовложений, в результате чего в 1937 году по всем предыдущим решениям необходимо было в оборонную промышленность ассигновать 6 миллиардов рублей, причем ПЯТАКОВ добился утверждения высшими инстанциями 5,4 миллиардов рублей. Эта сумма ни в коей степени не могла быть освоена, так как до этого времени капиталовложения не превышали 1,4 миллиарда рублей.

Помимо того что этим вредительским актом ПЯТАКОВ хотел омертвить колоссальные капиталы, намереваясь построить коробки корпусов, зная заранее о невозможности их оснащения оборудованием в течение одного года, он хотел этим дезорганизовать и все народное хозяйство, так как изъятие шести миллиардов рублей из бюджета вызвало бы отлив средств из других отраслей народного хозяйства и необходимость выпуска большой эмиссии.

Помимо вредительства в капитальном строительстве заводов оборонной промышленности ПЯТАКОВЫМ, ПАВЛУНОВСКИМ и рядом других участников организации троцкистов и правых проводилась подрывная работа в области эксплуатации действующих заводов. Так, например, если взять работу заводов аккумуляторной промышленности на протяжении последних 5-6 лет, то даже непосвященному человеку становится совершенно ясным, что в области этих отраслей промышленности проведена колоссальная подрывная работа. *Заводы аккумуляторной промышленности совершенно не оснащены какой-либо техникой и представляют собой мастерские, работающие на старинных рецептурах и выпускающие почти полностью бракованную продукцию*.

Наиболее болезненно вредительство в аккумуляторном деле отразилось в 1937 году и должно было отразиться во время войны на подводном флоте, который *до настоящего времени не имеет аккумуляторных батарей, обеспечивающих*

боеспособность подводной лодки. О качестве аккумуляторных батарей, изготовляемых заводом им. Лейтенанта Шмидта и Саратовским заводом свинцовых аккумуляторов, могут свидетельствовать хотя бы такие факты, как неоднократные взрывы на подводных лодках в результате чрезмерного выделения газов из аккумуляторных батарей.

Для меня было совершенно ясно, что в Ленинграде, на заводе им. Лейтенанта Шмидта и в Центральной аккумуляторной лаборатории, работают вредители. На заводе им. Лейтенанта Шмидта по договору работал итальянец СКАИНИ.

Этот итальянец, оказавший заводу существенную помощь в производстве аккумуляторных баков, по существу, тормозил производство аккумуляторных пластин, оправдывая бездеятельность требованиями разъединения аммонийного и порошкового процессов. *На протяжении всего времени существования завода на нем никогда не производились хорошие батареи.*

В ЦАЛе (Центральная аккумуляторная лаборатория) были получены рецептура и технологический процесс фирмы АФА. Этот материал был получен в мае 1936 года. Однако *до настоящего времени выпуск батарей по этой рецептуре не освоен.* Чтобы наладить это дело, требовалось мое энергичное вмешательство. Я же с целью сорвать производство аккумуляторов передоверил его ПРОСКУРОВСКОМУ, который в аккумуляторном деле ничего не смыслит и справиться с ним не может.

Вопрос: Вы ничего не сказали о состоянии производства танков.

Ответ: Я должен заявить следствию, что большое влияние на проектировку, разработку конструкции и строительство танков со стороны Наркомата обороны имел аппарат АБТУ во главе с ХАЛЕПСКИМ. Я не имею сведений о том, является ли ХАЛЕПСКИЙ участником организации правых или троцкистов, но его деятельность свидетельствует о том, что *развитие танкового производства и новых типов танков тормозилось аппаратом ХАЛЕПСКОГО-АБТУ.*

Одновременно срывали работу по линии оборонной промышленности — НЕЙМАН, бывший начальником танкового треста, конструктор ГИНЗБУРГ, проектировавший машину Т-46 под руководством БАРЫКОВА. Вредительство в этой области выразилось в следующем.

Почти ежемесячно в конструкции танков вносились те или иные изменения и добавления, в связи с чем сам танк значительно утяжелялся, перегружался всевозможными дополнительными приборами, утяжеление доходило против начального образца на 40-50% и больше, *причем сам мотор, коробка скоростей и ходовые части, как правило, не усиливались, в результате чего танк становился слишком тяжелым и небоеспособным.* Таким именно образом проектировался танк Т-46, который в результате *был доведен до абсурда,* и правительство в 1937 году сняло его с производства.

Мне было известно, что НКВД имеет материал на БАРЫКОВА и ставит вопрос о его аресте.

Я принял у себя БАРЫКОВА, но не рискнул связаться с ним по антисоветской деятельности, а просто оставил на работе, считая, что он и без меня будет продолжать вредительство, решив одновременно установить с ним связь, предварительно изучив его поближе.

Одновременно для текущего производства уже действующих или принятых на вооружение танков тоже, как правило, АБТУ (ХАЛЕПСКИЙ) вносились десятки изменений (иные технические условия). Причем все это делалось непосредственно по договоренности с директором предприятий и нарушало нормальный выпуск танков.

Так, благодаря внесенным хаотическим дополнениям, изменившим резко технологический процесс, на харьковском танковом заводе на протяжении почти 6 месяцев не выпускались танки. Такая же картина наблюдалась и в Ленинграде, на заводе им. Ворошилова, где выпускается танк Т-26.

Вопрос. Теперь дайте показания о вредительстве в радиопромышленности.

Ответ: Здесь я должен сообщить следствию следующее.

Вредительство в радиопромышленности имеет место на протяжении ряда лет, но особенно ярко оно вскрылось сейчас, при проверке использования технической помощи американской фирмы «Радио-Корпорейшен». За договор с этой фирмой заплатили большое количество валюты и имели возможность на протяжении этого времени перенести на наши заводы самую новейшую последнюю технику по радиоделу. Между тем, хотя договор существует уже около полутора лет и сотни молодых инженеров были посланы в Америку для изучения этого дела, до сих пор почти ничего не сделано в этой области.

Вначале по линии этого договора вредил ЛЮТОВ — бывший начальник 5-го Управления. После него всю работу срывал нынешний начальник 5-го Управления СИНЯВСКИЙ, привлеченный мною в организацию правых.

За исключением установки некоторых ниток по производству металлических ламп в Ленинграде на «Светлане» и закупки оборудования для Воронежского завода по производству радиоприемников и радиол, ничего не сделано. Достаточно сказать, что договор на конденсаторы (а это существенная часть радиотехники) дополнительно был заключен лишь в июле 1937 года, то есть с опозданием больше чем на год.

Но самым важным фактом вредительства по радиотехнике является то, что *армия до настоящего времени не имеет боевой радиостанции для истребителей*. Здесь по моим прямым указаниям вредил СИНЯВСКИЙ.

Большое вредительство произведено в области морского судостроения, причем организовано оно МУКЛЕВИЧЕМ совместно с ПЯТАКОВЫМ и УВМС (ОРЛОВ) и выразилось в следующем.

На крейсер *была запроектирована броня бортовая в 50 мм*, явно вредительски, и только решением правительства в 1937 году это вредительство было исправлено. На

самом крейсере организовано управление стрельбы одновременно из трех пушек, что при заклинивании могло бы вывести из строя сразу все три орудия.

На самом крейсере внутренний барабан башенки от стенок внешнего барабана расположен на расстоянии 20 мм, в то время когда на иностранных судах минимальное расстояние между внутренним барабаном и внешним составляет около 70 мм. Заклинивание этого барабана также *выводит из строя башенную систему*.

Крупным вредительством было строительство эсминцев (миноносцы), где машинное отделение было расположено линейным порядком вместо эшелонного порядка, в результате чего эсминец имел вдвое меньшую живучесть, так как при попадании торпеды в машинное отделение весь эсминец выходил из строя.

Правительство в 1937 году при рассмотрении этого вопроса предложило дальнейшее строительство вести эшелонным способом для ликвидации последствий вредительства.

Еще один вид вредительства, проводившийся МУКЛЕВИЧЕМ за последние годы, сводился к строительству тральных судов, не могущих тралить без балласта.

Вопрос. Все, что вы до настоящего времени показывали о вредительстве в оборонной промышленности, в большей части касается ПЯТАКОВА и его организации. Вам следует рассказать и о людях, завербованных Вами для проведения в жизнь предложенных Вами же установок правого центра на вредительство в оборонной промышленности.

Ответ: Для того чтобы не показаться неискренним, я хочу рассказать следствию о той обстановке, в которую я попал, придя в оборонную промышленность.

Дело в том, что вредительская деятельность ПЯТАКОВА буквально лезла наружу. Когда стало ясно, что воевать с базой, доведенной до такого состояния, невозможно, Комиссия обороны фактически возглавила оборонную промышленность.

Вербовать людей и развернуть вредительство так же широко, как я это сделал в топливной промышленности, значило наверняка провалиться. Здесь было невозможно даже сохранить промышленность в том состоянии, до которого довел ее ПЯТАКОВ, так как каждый мало-мальски важный вопрос я не мог решить без постановки его на Комиссии обороны.

Да и сам я, занявшись подготовкой террористических актов, решил вредить в оборонной промышленности как можно осторожнее с тем, чтобы на первых порах не скомпрометировать себя.

Это было тем более необходимо, что топливная промышленность, которой я до того времени руководил, находилась в результате моей вредительской деятельности *в полуразрушенном состоянии и не обеспечивала потребностей страны в топливе*.

Исходя из этих соображений, я инициативно поднимал вопросы о необходимости упорядочения работы отдельных заводов и прилагал все усилия к тому, чтобы *создать видимость напряженной организационной работы с моей стороны и*

оградить себя от подозрений, и одновременно, как я показал выше, делал все от меня зависящее, чтобы тормозить развитие оборонной промышленности.

Устанавливать антисоветские связи и вербовать новых участников организации мешало еще и то обстоятельство, что перед арестом ПЯТАКОВА и моим назначением в НКОП последовал ряд арестов директоров военных заводов, которые были известны мне как участники троцкистской организации. Так, например, были арестованы директор завода «Баррикады» — БУДНЯК, директор завода «Большевик» — РУДА, начальник строительства завода № 179 в Новосибирске — БЕЛОВ, директор заводов Марта в Николаеве — СТЕПАНОВ и другие.

Вопрос. На предыдущем допросе вы показали, что в разговоре с БАУМАНОМ Вы обосновали необходимость вредительства тем, что антисоветские кадры, участвуя во вредительстве, сохраняют свою боеспособность. Сейчас же у Вас получается, что вы отказались от расширения своих организационных связей и вредили главным образом, используя свое служебное положение.

Объясните это противоречие.

Ответ: Здесь нет никакого противоречия. Из моих показаний видно, что я использовал ряд участников пятаковской организации для вредительства в оборонной промышленности.

КАЦВА, с которым я связался по террору и который помимо этого по прямым моим заданиям срывал оснащение станками и оборудованием завода № 19. Такую же работу по заводу №... проводил под моим руководством троцкист ШАБАШВИЛИ, о котором, как об участнике организации, я знал от ПЯТАКОВА.

В результате вредительства КАЦВЫ и ШАБАШВИЛИ срывался долгое время выпуск весьма важных самолетов ДБ-3.

В результате вредительства, организованного по моим указаниям ПОЛЗУХИНЫМ, директором завода № 42, срывалось производство часов, которым был занят трубочный завод в мирное время.

Но я не мог в короткий срок пребывания в НКОП, при условии разгрома троцкистских кадров и повышения бдительности, провести большую организационную работу, тем более что огромная часть моего внимания была направлена на организацию и подготовку террористических актов, особенно теракта 7 ноября 1937 года. Подготовка ГОРСКОГО, установление связи с ТОДОРСКИМ, наблюдения за подготовкой теракта отняли много внимания.

Это дело отвлекло от большого разворота вредительской работы, так как террор в этот период времени, как я уже показывал, был наиболее решающим фактором в подпольной работе центра, и в частности лично моей антисоветской деятельности.

Вопрос: Теперь скажите, РУХИМОВИЧ, кого из участников антисоветского центра правых Вы скрыли?

Ответ: Я никого не скрыл. В данных мною показаниях изложена вся моя антисоветская деятельность. Я рассказал все, и больше мне показывать не о чем.

Вопрос. Мы еще раз отмечаем Ваше упорное стремление сохранить продолжателей своей подлой работы. Однако Ваши старания напрасны, еще один известный Вам участник центра правых арестован и дает показания о своей преступной работе.

Прекратите, наконец, ненужное упорство. Кто еще является участником антисоветского центра, в который Вы входили, кроме лиц, ранее названных Вами?

Ответ: Хорошо, я расскажу об этом следствию. *Четвертым участником антисоветского центра правых, возглавившего организацию после провала БУХАРИНА и РЫКОВА, являлся МЕЖЛАУК Валерий Иванович.*

Вопрос. Но, может быть, Вы снова провоцируете следствие?

Ответ: Вы же говорите, что еще один член центра арестован и что он дает показания. Никто другой, кроме МЕЖЛАУКА, не может давать показаний о том, что он участник центра.

Я говорю правду, и вы это хорошо знаете.

Вопрос. В таком случае расскажите, что Вам известно о предательской работе МЕЖЛАУКА.

Ответ: Я уже сказал, он являлся четвертым, наиболее законспирированным членом центра правых. Об антисоветской деятельности МЕЖЛАУКА знало сравнительно мало людей, и поэтому я не ожидал, что он будет разоблачен так скоро.

МЕЖЛАУК должен был возглавить всю работу антисоветской организации в случае провала БАУМАНА, БУБНОВА и меня.

Вопрос. Поэтому Вы и не давали о нем показаний?

Ответ: Да, я хотел сохранить его и остатки организации.

Вопрос: Вы лично с МЕЖЛАУКОМ были связаны?

Ответ: Конечно.

Вопрос: Как вы с ним связались?

Ответ: Я знал от РЫКОВА и БУХАРИНА, что МЕЖЛАУК, не являясь участником организации правых, покрывал ряд известных ему фактов антисоветской деятельности БУХАРИНА и участников его «школки», в которой МЕЖЛАУК принимал участие в 1926 году.

Из разговора МЕЖЛАУКА с БУХАРИНЫМ, АНТИПОВЫМ и другими лидерами правых было известно, что МЕЖЛАУК им сочувствует, на деле, как и все правые, вредит в Госплане, но сторонится организации, как считал БУХАРИН, из осторожности.

Мне было поручено переговорить с МЕЖЛАУКОМ, предложив ему принять участие в организационной деятельности. Такой разговор с МЕЖЛАУКОМ у меня состоялся в начале 1935 года. С этого времени МЕЖЛАУК стал одним из руководящих деятелей антисоветской организации правых и возглавил вредительскую работу в Госплане.

Именно благодаря МЕЖЛАУКУ стало возможным широкое вредительство в области плана, о котором я показал ранее. СМИРНОВ, показанный мною как руководитель Госплановской антисоветской организации, действовал по прямым указаниям МЕЖЛАУКА.

Вопрос: Деятельность МЕЖЛАУКА ограничилась Госпланом?

Ответ: Нет, МЕЖЛАУК участвовал в вынесении основных решений центра. Ему хорошо была известна заговорщическая деятельность БУХАРИНА, РЫКОВА, ЯГОДЫ.

Он участвовал в принятии решений о развитии террористической деятельности после провала БУХАРИНА, РЫКОВА, ЯГОДЫ и самоубийства ТОМСКОГО. Ему было известно о моей лично террористической деятельности, и в частности о подготовке террористического акта 7 ноября 1937 года, которая велась мной.

Должен оговориться, что в детали ведшейся мною подготовки террористического акта МЕЖЛАУКА я не посвящал, сообщив ему лишь о том, что такой акт готовился.

Вопрос: Что еще Вам известно об организационных связях МЕЖЛАУКА?

Ответ: Я хотел бы сообщить следствию, что МЕЖЛАУК и БАУМАН по национальности являются латышами и были связаны с латышской организацией национально- фашистского типа.

Вопрос: Что Вы знаете о деятельности этой латышской организации?

Ответ: Я уже показал, что связь с латышами осуществляли БАУМАН и МЕЖЛАУК. Поэтому подробно о составе и действиях этой организации должны рассказать они. Мне только известно, что возглавляли эту организацию РУДЗУТАК и АЛКСНИС. Организация была крепко связана с латышской и немецкой разведками и имела довольно большие контрреволюционные кадры.

В частности, в плане «дворцового переворота» должны были быть использованы вооруженные отряды боевой латышской организации.

Вопрос: Это все, что вы можете показать об антисоветской деятельности МЕЖЛАУКА?

Ответ: Я мог бы изложить много о его практической деятельности в Госплане, но об этом я уже говорил, не называя фамилии МЕЖЛАУКА.

Все сказанное мною о вредительстве в плане относится к МЕЖЛАУКУ в большей степени, чем к СМИРНОВУ, ибо последний не мог сделать и не делал ни одного шага без МЕЖЛАУКА.

Показания записаны с моих слов правильно и мною прочитаны.

РУХИМОВИЧ

Допросили:

Начальник 14-го отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД капитан государственной безопасности ДАГАНСКИЙ

Помощник начальника 14-го отделения 3-го отдела ГУГБ лейтенант государственной безопасности МЕШИК»¹⁰⁸.

На первом листе имеется рукописная резолюция Сталина: «Т.т. Молотову, Ворошилову, Кагановичу Л., Микояну, Чубарю, Кагановичу М., Жданову, Кулику, Ванникову, Бондарю. Показание Рухимовича заслуживает внимания, т.к. дает возможность облегчить дело ликвидации вредительства по оборонной промышленности. И. Сталин». Зачеркнуто: «Важно. Прочесть».

Упомянутый Рухимовичем Валерий Иванович Межлаук родился в Харькове в семье учителя, образование получил на историко-филологическом и юридическом факультете. В РСДРП вступил как меньшевик. В феврале-марте 1918 года он был наркомом финансов Донецко-Криворожской республики. В январе-июне 1919 года — нарком и зам наркома по военным делам Украины, а позже — член РВС различных армий. В 1921-1922 годах зам главного комиссара путей сообщения, позже — в 1926-1927 годах — председатель Главметалла ВСНХ, а в 1928—1931 годах заместитель председателя ВСНХ.

С ноября 1931 года он заместитель председателя, а с апреля 1934-го по 25 февраля 1937 года — 1-й заместитель председателя и с 7 октября по 1 декабря этого же года — председатель Государственной плановой комиссии СНК. С февраля 1937 года был наркомом тяжелой промышленности СССР, в августе-сентябре — нарком машиностроения СССР. Его арестовали 1 декабря.

Глава 15. «Большие манёвры»

В начале 30-х годов Тухачевский экспериментировал не только с созданием колесных «бронированных тракторов». Увлечшись «теорией глубокого боя» и созданием военно-воздушных и воздушно-десантных войск, он задумал внедрение в армии «летающих танков» — конструкций «двойного назначения для быстрой доставки танков по воздуху, а также «цеппелинов» для транспортировки танков».

Ориентируясь на опыт применения «цеппелинов-бомбардировщиков» в годы Первой мировой войны, Тухачевский решил использовать военные дирижабли в качестве «гигантских грузовых кораблей (авиаматок), которые должны были транспортировать танки, либо доставлять истребители — относительно небольшого радиуса действия — к зоне боевых действий и обратно на аэродромы».

Проектам в области дирижаблестроения был посвящен доклад Тухачевского, представленный Ворошилову 14 декабря 1930 г.¹⁰⁹. На первый взгляд такой замысел выглядел поистине впечатляющим: тысячи сверкающих «алюминием» гигантских дирижаблей, медленно проплывающих в голубом небе, транспортируют в тыл противника танки и истребители. Правда, трудно сказать: сколько из них, под огнем

¹⁰⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 332. Л. 61, 71-86. Цит по: Фонд А. Н. Яковлева. Лубянка.

¹⁰⁹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 693. Л. 163-164.

зенитной артиллерии, могли долететь до цели, но полководец, видимо, об этом даже не задумывался.

Поэтому дофантазируем это мы. Картина могла быть еще более устрашающей, если бы, прикрывая себя на пути следования от глаз зенитчиков противника, тысячи дирижаблей выставили дымовые завесы. Тогда враг не видел бы не только дирижабли, но даже солнце и само голубое небо!

Но и это было не все. В начале 30-х годов, увлекшись еще одной фантастической идеей, Тухачевский создал особые условия для развития «смелых военно-воздушных проектов Павла Гроховского»¹¹⁰. Дело в том, что комкор Гроховский изобрел «уникальную конструкцию» «летающего танка» для использования в боевых условиях «глубокой операции». Еще одной его идеей стало конструирование особого высотного планера для нападения с воздуха («стратопланера»). Работа над всеми этими проектами велась при активной поддержке и в тесном контакте с Тухачевским¹¹¹.

11 июня 1932 года в газете «Красная звезда» была опубликована статья об «аэротанке» Кристи. И хотя в январе 1933 года УММ докладывало Тухачевскому, что у американского конструктора Кристи нет законченных чертежей «летающего танка», в особенности его двигательного отсека¹¹², он не успокоился. О трех конкурсных проектах и экспериментах Тухачевского с «летающими танками» рассказывалось в докладе Управления моторизации и механизации 31 мая 1933 года¹¹³.

Конечно, наивная увлеченность заместителя наркома обороны фантастическими проектами, прежде всего, объяснялась отсутствием технического образования. Но свидетельствовало ли это о его якобы «природном» даре полководца? Ведь никому не придет в голову назвать великими полководцами Жюль Верна, «придумавшего» подводную лодку «Наутилус», или Алексея Толстого с его «Гиперболоидом инженера Гарина». То, что возвеличивает писателя-фантаста, заставляет скептически воспринимать военного, рассчитывающего, как барон Мюнхаузен совершит полет на пушечном ядре.

Впрочем, все экстравагантные замыслы Тухачевского не были плодами собственных умозаключений. Почитывая иностранные журналы, он охотно подхватывал чужие идеи. Так, познакомившись «с новаторскими работами генерал-майора Джона Фуллера о действиях механизированных войск», Тухачевский «развил свою собственную теорию». 20 июня 1932 года «Красная звезда» опубликовала статью «Неудачные попытки Фуллера перепрыгнуть через себя», подписанную псевдонимом «Тау». В этой статье Тухачевский подверг Фуллера «критике за то, что тот не развил свою концепцию механизации с учетом новейшей техники». Он выдвигал идею «авиа-мех-моторизации» и предлагал *использование*

¹¹⁰ Чутко И. Богиня удачи комдива Гроховского. М., 1989. С. 141, 300.

¹¹¹ РГАНТД. Ф.Р-1. Оп. 47-5. Д. 2514. Л. 1-3; Д.2633. Л.2-9.

¹¹² РГВА. Ф.33988. Оп. 3. Д. 285. Л. 11-11об.

¹¹³ РГВА. Ф. 31811. Оп. 3. Д. 211. Л. 444 об.

военно-воздушных и воздушно-десантных войск совместно с новыми броневыми в качестве развития оперативной концепции.

Как уже говорилось, после визита в Германию осенью 1932 года, сообщая о маневрах, состоявшихся во Франкфурте-на-Одере, Тухачевский скептически оценил состояние германской армии. По его мнению, «ей не хватает понимания особенностей современной войны». Руководство Рейхсвера, писал он, не может представить себе новых форм сражения, вытекающих из существования новых видов вооружения: авиации, танков, автоматических винтовок и т.д. Правда, позже, после посещения немецкого военного завода, он изменил свое мнение о возможностях Германии.

Обратим внимание на то, что, в отличие от РККА, командование Вермахта получило возможность реального строительства современной армии только с приходом к власти нацистов. Точнее, лишь в 1936 году, когда в нарушение условий Версальского договора Гитлер принял программу перевооружения. До этого немцы в основном занимались совершенствованием подготовки всех рангов военачальников. В вопросах совершенствования обучения младшего командного состава, управления войсками и обеспечения потребностей армии немцы отставали.

Повторим и то, что в начале 1936 года, после отстранения Тухачевского с поста начальника вооружений, ему поручили заниматься *боевой подготовкой* в РККА. В округах, прилежащих к западной границе, ее обеспечивали командармы 1-го ранга Уборевич и Якир, считающиеся «самыми талантливыми из военачальников, пострадавших от репрессий». Они первыми должны были вступить в бой с германским Вермахтом.

Очередная серия маневров Белорусского и Киевского военных округов, которыми командовали Уборевич и Якир, состоялась в 1936 году. В конце августа были проведены «Большие маневры» в БВО — Полоцкие, а в сентябре в КВО — Шепетовские. В начале октября под Полоцком прошли еще и тактические учения. Их целью являлось *«усвоение теории глубокой операции и глубокого боя, за счет массированного применения техники и взаимодействия всех родов войск — пехоты, кавалерии, артиллерии, танков, авиации и воздушного десанта»*.

На то, что в действительности показали эти «Большие маневры», обратил внимание кандидат исторических наук Андрей Смирнов. Приведем фрагменты его статьи: *«Эскадрильи легких бомбардировщиков и штурмовиков Р-5, ССС и Р-Зет, которые должны были расчистить путь наступающим танкам, сделать этого, по существу, не смогли. Их взаимодействие с механизированными бригадами и полками «не удавалось» (БВО), «терялось совершенно или осуществлялось эпизодически» (КВО): подводила организация связи между авиационными и танковыми штабами. В КВО хромало и взаимодействие танков с артиллерией (...) Танкисты Якира и Уборевича наступали вслепую — разведка у них была плохо организована, не проявляла активности и (по оценке наблюдавшего за маневрами*

начальника Управления боевой подготовки (УБП) РККА командарма 2-го ранга А.И. Седякина) *«была недееспособна»*.

В результате Т-26 из 15-й и 17-й мехбригад КВО неоднократно наносили удар *«по пустому месту»*. БТ-5 и БТ-7 из 5-й и 21-й мехбригад БВО *не смогли обнаружить засады* (противника)... Т-28 из 1-й танковой бригады БВО *«внезапно» (!) очутились перед полосой танковых ловушек и надолбов* и вынуждены были резко отвернуть в сторону — на еще не разведанный участок местности, где и *застряли*. *«В действительности, — заключил комбриг В. Ф. Герасимов из УБП, — они были бы уничтожены»*. (...)

Вслепую танки действовали и непосредственно в «бою» — тут уже сказалась слабая выучка танкистов, *не умевших ориентироваться и вести наблюдение* из танка. А недостаточная подготовка механиков-водителей приводила к тому, что боевые порядки атакующих танковых частей *«быстро расстраивались»*

...Командиры взводов, рот и батальонов, *не освоившие навыков радиосвязи* и поэтому не умели наладить управление своими подразделениями. По этой же причине батальоны 15-й мехбригады на Шепетовских маневрах постоянно запаздывали с выполнением приказа на атаку, *вступали в бой разрозненно*.

Но еще большие потери в реальном бою с немцами понесла бы пехота Якира и Уборевича. Во-первых, она *«всюду»* шла в атаку на пулеметы «противника» не редкими цепями, а густыми *«толпами из отделений»*. «При таких построениях атака была бы сорвана в действительности, захлебнулась в крови, — констатировал А.И. Седякин, сам участвовавший в подобных атаках в 1916-м и пять раз повисавший тогда на немецкой проволоке. — Причина: *бойцы одиночные, отделения и взводы недоучены»*¹¹⁴.

В наступлении бойцы инстинктивно *жались друг к другу*, а слабо подготовленные командиры отделений и взводов не умели восстановить уставный боевой порядок.

Таким «толпам» не помогли бы и танки непосредственной поддержки пехоты, тем более что в КВО... *ни пехотинцы, ни танкисты взаимодействовать друг с другом не умели*¹¹⁵. Не спасла бы и артиллерийская поддержка атаки, тем более что в КВО «вопрос взаимодействия артиллерии с пехотой и танками» еще к лету 1937 года являлся «самым слабым», а в БВО артиллерийскую поддержку атаки часто вообще игнорировали¹¹⁶.

Что касается пехоты Уборевича, то *она вообще не умела вести наступательный ближний бой*. На маневрах 1936 года ее «наступление» заключалось в равномерном движении вперед... отделения, взводы и роты *шли в атаку, игнорируя огонь обороны, они не подготавливали свою атаку пулеметным огнем, не практиковали залегание и перебежки, самоокапывание, не метали гранат*. (...)

¹¹⁴ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 31983. Оп. 2. Д. 213. Л. 47.

¹¹⁵ РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 213. Там же. Л. 68.

¹¹⁶ Оружие победы. Под ред. В. Новикова. Изд. 2-е. М., 1987. С. 190.

Впрочем, эффективно подготовить свою атаку огнем пехота БВО и КВО все равно не смогла бы: как и вся Красная армия накануне 1937 года, *бойцы плохо стреляли из ручного пулемета ДП* — основного автоматического оружия мелких подразделений. (...) Наступавшая пехота Уборевича совершенно не заботилась об охране своих флангов — «даже путем наблюдения»! (...) Пехота Уборевича сплошь и рядом наступала вслепую, *совершенно не заботясь об организации разведки*. «Не привилась», по оценке А. И. Седякина, разведка и в стрелковых дивизиях Якира — «у всех сверху донизу»\

...Подводя итог работе войск БВО и КВО на Белорусских и Полесских маневрах, А. И. Седякин вскрыл главный порок РККА «эпохи» Тухачевского, Якира и Уборевича: «Тактическая выучка войск, особенно бойца, отделения, взвода, машины, танкового взвода, роты, не удовлетворяет меня. А ведь они-то и будут драться, брать в бою победу, успех «за рога». Еще нагляднее выразил эту мысль (уже после расстрела «талантливых военачальников» 21 ноября 1937 г.) С. М. Буденный: «Мы подчас витаем в очень больших оперативно-стратегических масштабах, а чем мы будем оперировать, *если рота не годится, взвод не годится, отделение не годится?*» (...)»¹¹⁷

Слабую выучку одиночного бойца, отделения, взвода и роты, неумение командиров управлять огнем и «полное отсутствие взаимодействия огня и движения», когда «основной (и почти единственной) командой является громкое «*Вперед*», повторяемое всеми от ком[андира] батальона до командира отделения», войска БВО также демонстрировали еще в 35-м.

Но могло ли обучение войск быть лучше? Напомним, что Тухачевский фактически закончил лишь *двухгодичный* Александровский военный пехотный «техникум». Не имели высшего профессионального образования и другие расстрелянные «полководцы». Поэтому неудовлетворительное обучение в действующих частях Красной Армии в первую очередь объяснялось недостатком образования у самих армейских руководителей.

Бывший подпоручик царской армии, командующий БВО Уборевич, как и Тухачевский, тоже закончил лишь Константиновское училище. Тем не менее он получил представление о практике подготовки военнослужащих. Однако проверяющие отмечали «безобразную постановку обучения бойцов и младших командиров» во вверенном ему округе. Документы свидетельствовали, что в его частях «командиры рот, батарей и батальонов *плохо планировали учебу*. Занятия часто срывались; 8-часовой учебный день превращался «в 2^{1/2} - 3 часа учебы, остальное — *уходу, хождению, ожиданию и прочую неорганизованность*. Много бойцов и командиров, — отмечалось в приказе от 2 января 1937 года, — не

117 РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 213. Л. 47.

являются на занятия, а прогуливают время преступно. Масса красноармейцев отвлекалась на всевозможные хозработы»¹¹⁸.

То же самое царило и в КВО у Якира, где «только из-за бестолковой организации занятий по огневой подготовке» у бойцов пропадало «до 35-40 процентов учебного времени». Еще хуже, до безобразия преступно, «великими полководцами» была организована в войсках «методика» обучения. Повсеместно нарушался ее основополагающий принцип: «учить не рассказом, а показом». Имевшиеся «учебные пособия младшим комсоставом упорно не использовались. В 52-м артиллерийском полку БВО в декабре 1936-го даже устройство винтовки изучали *без самой винтовки*, подготовку телефона к выходу в поле — *без телефона...* правила изготовления к заряданию разьясняли *сразу целой шеренге*».

А. Смирнов отмечает: «Вообще, бичом РККА накануне 1937 года была низкая требовательность командиров всех степеней и обусловленные ею многочисленные упрощения и условности в боевой подготовке войск. Бойцам позволяли *не маскироваться на огневом рубеже, не окапываться при задержке наступления*; от пулеметчика *не требовали* самостоятельно выбирать перед стрельбой позицию для пулемета, связиста *не тренировали* в беге и переползании с телефонным аппаратом и катушкой кабеля за спиной и т.д.

Приказы по частям и соединениям округов Якира и Уборевича пестрят фактами *упрощения правил курса стрельб* — тут и демаскирование окопов «противника» белым песком, и демонстрация движущейся мишени в течение не 5, а 10 секунд, и многое другое...

45-й мехкорпус, так *восхитивший иностранных наблюдателей* на Киевских маневрах 1935 года, обучался вождению «*на плацу танкодрома на ровной местности*» и, как выяснилось уже в июле 1937 года, даже небольшие препятствия брал «*с большим трудом*»¹¹⁹. Тогда же сменивший Якира командарм 2-го ранга Федько на дивизионных учениях обнаружил, что «все необходимые артиллерийские] данные для поддержки пехоты и танков оказываются очковтирательными, показаны лишь на бумаге и не соответствуют реальной обстановке, поставленным задачам и местности»¹²⁰.

Впрочем, в войсках Уборевича и Якира безобразной была не только боевая выучка, но и все воспитание. Комдив К.П. Подлас, проверявший в октябре 1936 года 110-й стрелковый полк БВО, писал в заключении о комсоставе: «Млад[шие] держатся со старшими фамильярно, распущенно, отставляет ногу, сидя принимает распоряжение, пререкания... Много рваного обмундирования, грязное, небритые, рваные сапоги и т.д.». «Небритые, с грязными воротничками» ходили тогда и средние командиры 44-й и 45-й дивизий КВО».

¹¹⁸ РГВА. Ф. 37928. Оп. 1. Д. 2. Л. 24; Ф. 900. Оп. 1. Д. 269. Л. 161.

¹¹⁹ РГВА. Д. 54. Л. 52-53.

¹²⁰ РГВА. Д. 61. Л. 213.

Напомним, что многие «расстрелянные генералы» неоднократно бывали на учениях в Германии, а часть из них учились там на курсах. Почему они не использовали тот опыт, который сделал немецкую армию организованным, обученным и отлаженным механизмом?

Имевшие многовековой опыт германской военной школы, немецкие генералы не играли в солдатики, они действительно готовили командиров, способных управлять войсками, и это подтвердила первая половина Великой Отечественной войны. Причем, несмотря на обучение в академии германского генерального штаба, красные «полководцы» так и не поняли уроков германской стратегии и тактики — военной доктрины. Более того, советские крайкомы с верхоглядством и пренебрежением смотрели на немецких коллег.

Так, в письме Ворошилову от 19 июля 1933 года «О некоторых политических настроениях в германском рейхсере и некоторых моментах политработы за время нашего пребывания в Германии» Левандовский писал: «Германская армия, не будучи обеспеченной новейшими средствами борьбы, *является армией, уже устаревшей на сегодняшнем этапе и отсталой от передовых в военно-техническом отношении других армий и, конечно, Красной Армии.*

Глубокой операции и глубокого боя *они не проигрывают, не изучают*, и на основании многочисленных частных бесед можно сделать вывод, что *они этих принципов не знают... Об авиадесантах нигде ни разу не упоминалось и совершенно ни одного слова не говорилось.* В частных неоднократных беседах довольно большая руководящая часть офицерства называет авиадесанты «*утопией*».

Однако, как стало ясно в ходе войны, немецкие профессионалы были абсолютно правы. Увлечение Тухачевского и его подельников показными демонстрациями с десантированием являлось делом не только бессмысленным, но и вредным, ненужным в условиях предстоявшей войны. Но Левандовский продолжал сравнение.

«У нас. Моторизованные части в условиях нашей обстановки и учебы являются средством широкого, большого и решающего маневра. Моторизованные соединения, соединенные живой силой, дают возможность концентрированного массового мощного удара живой силой в необходимом месте и в нужное время.

У них. Разницы в использовании моторизованных частей между нашими установками и немецкими нет. Наличие в стране большого количества автомобилей позволяет немцам свободно использовать этот транспорт для широкого маневра, тем более что условие дорог (шоссе) этому благоприятствует. Широкая сеть железных дорог позволяет широко применять комбинированный маневр железных дорог и моторизованного транспорта.

Выводы. Наглядная картина из сопоставления *учебы нашей армии с германской* заставляет сделать следующий вывод: 1. В условиях технически оснащенной армии, многогранности *самой оперативной и тактической учебы*, глубины содержания задач *наша Красная Армия стоит выше германской.*

2. Германская армия на сегодняшнем ее этапе *не является показательной для нашего командира*¹²¹.

И так считал не один Левандовский, подобным образом рассуждали многие. Такая порочная практика обучения продолжалась и в последующие годы. Документы свидетельствуют, что пороки боевой подготовки войск Уборевича и Якира были типичными для РККА середины 30-х годов. То же самое было и в Московском военном округе у командующего Корка и в Особой Краснознаменной Дальневосточной армии Блюхера.

А. Смирнов делает закономерный вывод: «Таким образом, командиры, репрессированные в 37-м, *не сумели подготовить Красную армию к войне с Германией, ибо не сумели обучить свои войска. И корни катастрофы 41-го года уходят не в 37-й...*»

Чем же занимались «великие полководцы» после Гражданской войны на протяжении 16 лет? Что оставили после себя эти «полководцы»? Кроме дач, построенных их подчиненными, они не оставили абсолютно ничего: ни обученной навыкам военного дела армии, ни шедевров тактического искусства в ведении наступления и обороны, ни умения управления войсками с помощью радиосвязи.

Они скрипели подошвами генеральских сапог, выходя на трибуны пленумов и совещаний, обещая разгромить любого врага, решившегося посягнуть на границы страны. Они сытно ели народный хлеб и получали привилегии. И в это же время, в служебных кабинетах и на товарищеских застольях, они фрондировали против руководства страны и разрабатывали планы захвата власти.

Впрочем, современники понимали ситуацию. Умный, проницательный и хорошо информированный американский посол в Москве Джозеф Девис 28 июля 1937 года послал президенту Рузвельту шифрограмму за № 457. В ней он сообщал: «В то время как внешний мир благодаря печати верит, что процесс это фабрикация... — мы знаем, что это не так, и, может быть, хорошо, что внешний мир думает так... Что касается дела Тухачевского — то корсиканская опасность пока что *ликвидирована*».

В общей сложности по причастности к военному заговору было арестовано 980 командиров и политработников, в том числе 29 комбригов, 37 комдивов, 21 Комкон, 16 полковых комиссаров, 17 бригадных и 7 дивизионных комиссаров.

Но в 1937-1938 годах были ликвидированы не только участники и пособники прямого заговора против руководства страны. Фактически в СССР произошла ликвидация пятой колонны. В этом заключались как историческая необходимость, так и объективная правота действий Сталина. Именно принятие чрезвычайных мер позже обеспечило возможность выиграть тяжелейшую войну.

В ноябре 1941 года британская газета «Санди экспресс» писала об опубликованной в это время статье Дж. Девиса. Через несколько дней после нападения Гитлера на Советскую Россию Девиса спросили: «А что вы скажете

¹²¹ РГВА. Ф.33987. О. 3. Д. 505. Л. 46-78.

относительно членов пятой колонны в России?» Он ответил: «У них таких нет, они их расстреляли». Девис пишет далее, что значительная часть всего остального мира считала тогда, что знаменитые чистки 1935-1938 годов являются возмутительными примерами варварства, неблагодарности и проявлением истерии. Однако в настоящее время стало очевидным, что они «свидетельствовали о поразительной дальновидности Сталина и его близких соратников».

Заявляя, что советское сопротивление, «свидетелями которого мы в настоящее время являемся», было бы «сведено к нулю, если бы Сталин и его соратники не убрали предательские элементы», Девис в заключение указывает, что «это является таким уроком, над которым следует призадуматься другим свободолюбивым народам».

Еще одним результатом предвоенной чистки стала дезорганизация работы германской разведки. Начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Типпельскирх в книге «Роковые решения» пишет: «Определить хотя бы приблизительно военную мощь Советского Союза было почти невозможно. Шпионаж не находил для себя в Советском Союзе никакого поля деятельности. У немецкого Генерального штаба было лишь приблизительное представление о том, на что способен Советский Союз во время войны».

Но сошлемся на свидетельства людей, совершенно не склонных к возвеличиванию советского Вождя. Уже 17 сентября 1941 года Гитлер заявил на секретном совещании: «Мы открыли дверь в Россию, не зная, что за ней находится. Абвер не справляется со многими из своих задач». В ходе войны нацистские лидеры неоднократно возвращались к теме репрессий в СССР. В дневнике Геббельса сохранилась запись от 8 мая 1943 года: «Шла конференция рейхсляйтеров и гауляйтеров... Фюрер вспомнил случай с Тухачевским и выразил мнение, что мы были полностью неправы, когда поверили, что таким способом Сталин уничтожит Красную Армию. Верным было обратное: Сталин избавился от оппозиции в Красной Армии и, таким образом, положил конец пораженчеству»¹²².

Еще один лидер Третьего Рейха — Гиммлер, выступая 4 октября 1943 года в Позене, тоже признался: «Когда в Москве шли большие показательные процессы (я полагаю, это было в 1937 или 1938 году) и были казнены бывший царский кадет, а впоследствии большевистский генерал Тухачевский и другие генералы, все мы в Европе, включая и нас, членов [нацистской] партии и СС, придерживались мнения, что большевистская система и Сталин здесь совершили одну из своих самых больших ошибок. Оценив так ситуацию, мы сами себя сильно обманули. Мы можем правдиво и уверенно заявить об этом. Я полагаю, что Россия не выдержала бы все

¹²² Joseph Goebbels, *The Goebbels Diaries: 1942-1943*, ed. & tr. Louis P. Lochner (Garden City, N.Y.: Doubleday, 1948), p. 355.

эти два года войны — а сейчас она уже на третьем, — если бы сохранила бывших царских генералов»¹²³.

Конечно, возведение нацистскими лидерами дореволюционных «подпоручиков» в ранг «царских генералов» свидетельствует об ограниченности информации у Гитлера и его окружения. Однако, начиная с Хрущева, на протяжении многих десятилетий официальная пропаганда еще более цинично манипулировала общественным мнением. И, развращенный демократической демагогией, обыватель тупо верил, будто бы накануне войны Красная Армия действительно была «обезглавлена» и Сталин уничтожил «40 тысяч полководцев».

Причем, стеновая о жертвах «тоталитарного режима» и размазывая сопли по страницам пасквилей, пишущая интеллигенция не приводила никакой статистики. И уж тем более не упоминала о том, что еще на февральско-мартовском Пленуме 1937 года Ворошилов откровенно сообщил о проведенной чистке в армии. Он говорил: «Мы без шума — это и не нужно было — *выбросили большое количество негодных людей*, в том числе и троцкистско-зиновьевского охвостья, и всякого подозрительного, недоброкачественного элемента...

За время с 1924 года... за 12 лет уволено из армии около *47 тысяч человек начсостава*. (За это же время призвано в армию из запаса 21 тысяча человек.) Только за последние три года — 1934-1936 включительно — уволено из армии по разным причинам, преимущественно негодных... около *22 тысяч человек*, из них 5 тысяч человек как явные оппозиционеры».

Под чисткой Ворошилов подразумевает все увольнения из армии: *за выслугу лет, по состоянию здоровья, за профнепригодность, моральное разложение, пьянство и другие мотивы*. Он пояснял: «Пусть вас не пугает такая цифра, потому что тут были не только враги, тут были и просто *барахло*, и *часть хороших людей, подлежащих сокращению*».

Конечно, освобождение армии от малограмотных и непригодных людей являлось закономерной тенденцией. Но иначе быть и не могло. Балласт армии был не нужен, ей требовались свежие силы. Поэтому нарком отмечал: «Готовим мы наши кадры усиленно и в большом количестве. Армия имеет 12 академий и 1 ветеринарный институт с 11 тысячами слушателей, 75 военных школ, в которых обучается 65 тысяч курсантов и слушателей. За 12 лет школы дали *134 700 человек командиров и разных начальников*... Академии за тот же период дали *13 тысяч командиров, инженеров и других специалистов*».

Нарком не скрывал и того, что службу в войсках продолжали и бывшие оппозиционеры: «Из числа бывших троцкистов и зиновьевцев и исключенных в разное время из партии оставлено в армии 155 человек. Кроме того, в армии находятся на различных должностях 545 человек бывших участников антипартийных группировок, получивших новые партбилеты. Всего, таким

¹²³ Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal (Nuremberg, 1949), Vol. 29, p. 111.

образом, в армии имеется без партбилетов и с партбилетами бывших троцкистов и зиновьевцев и правых **700 человек**».

Следует подчеркнуть, что сам Сталин не имел прямого отношения к этой внутриармейской кадровой политике, обусловленной объективными причинами. Более того, обоснованно или нет проводилась чистка, от секретаря ЦК это не зависело и не могло зависеть. Подбор и смена кадров входили в компетенцию наркомата обороны, и в первую очередь *руководителей политических его органов*. Поэтому обратим внимание на важный момент. С октября 1929 года непосредственным организатором всех чисток и репрессий в армии являлся начальник Политуправления РККА Янкель Гамарник. Мимо него не мог пройти ни один арест. Наоборот, для ареста военнослужащих органами ОГПУ-НКВД прежде всего требовалось разрешение Гамарника. Причем он не только санкционировал удаление командных кадров по представлению органами госбезопасности, но и сам инициировал увольнение командиров.

Именно после его назначения на должность руководителя политорганов в 1930-1931 годах была проведена одна из первых масштабных чисток, известная как операция «Весна» — крупная волна арестов военнослужащих из числа бывших царских офицеров и генералов. По этому делу подверглись аресту более 3000 военспецов РККА. Эта акция против «золотопогонников» затронула в первую очередь профессорско-преподавательский состав военных академий, где нашли работу многие бывшие офицеры и генералы, имевшие опыт Первой мировой и Гражданской войн.

Так, в Военной академии имени Фрунзе были арестованы служившие в РККА бывшие генералы царской армии: генерал-лейтенант А. Снесарев; генерал-майоры: А. Верховский, Н. Владиславский-Крешкин, М. Бонч-Бруевич, С. Лукирский, Е. Смысловский, А. Лингау, Н. Сапожников, В. Гатовский, А. Плевнев. Аресту подверглись бывшие полковники — А. Голубинцев, К. Беседовский, В. Сухов, подполковник С. Бежанов, капитаны С. Пугачев, И. Высоцкий и др.

В 1931 году каток репрессий прошелся и по строевым частям и соединениям армии. Особенно в Украинском военном округе, которым командовал Якир, где были сильно задеты дивизионные и полковые звенья. Так, среди командиров стрелковых полков пострадали бывшие царские офицеры: В. Левицкий, М. Самуйлов, Г. Дремов, Н. Ушаков, А. Федотов, Н. Александров; артиллерийских полков — И. Иванов, А. Подьянский, А. Юцковский. Всего по делу «Весна» на Украине прошло 343 офицера, 328 из них были приговорены к расстрелу и различным срокам заключения. Естественно, что эта чистка не могла пройти без прямого участия в ней командующего округом Якира.

Но вернемся назад. Чистка армейских кадров, начавшаяся с 1 мая 1937 года, растянулась до осени. В ноябре 1937 года, по результатам расследования дел арестованных военных, НКВД представил членам Политбюро список, озаглавленный «Москва-центр». Он содержал 292 фамилии лиц, подлежавших

передаче на рассмотрение Военной коллегией Верховного Суда СССР, с предложением о применении к ним высшей меры наказания.

Среди лиц, представляемых к осуждению, были: начальник Военно-Морских сил Орлов, заместитель начальника Генерального штаба Левичев. Начальники: Управления боевой подготовки РККА Каширин, Санитарного управления РККА Баранов, Военно-морской академии Лудри и Военно-политической — Иппо; командующий Харьковским ВО — Дубовой, пом. начальника Главного разведуправления — Абрамов-Миров, зам. наркома оборонной промышленности — Муклевич и ряд других военных высокого ранга.

Но можно ли назвать этих военных полководцами? Фактически это были армейские чиновники — представители корпуса бюрократии из военного аппарата. Права, спустя год после расстрела руководителей заговора, в июле 1938 года, Военная Коллегией Верховного Суда СССР приговорила к расстрелу еще 138 военнослужащих, принадлежавших к высшему начальствующему составу.

Среди осужденных оказались следующие начальники: Управления по комначсоставу Наркомата обороны Булин, нач. ВВС Алкснис, штаба ВВС РККА Лавров, Военно-Морских сил Викторов, Главного управления погранвойск Кручинкин, Разведывательного управления Я. Берзин, Управления ПВО Седякин, Академии Генштаба Кучинский, командующий авиацией Особого назначения Хрипин. В числе осужденных были политработники, члены Военных советов: Северного флота Байрачный, Тихоокеанского — Окунев, авиации Особого назначения Гринберг, Среднеазиатского — Баузер, Харьковского — Озолин.

В число лиц, подлежащих суду Военной коллегии, попали и командующие войсками военных округов: Белорусским — Белов, Ленинградским — Дыбенко, Уральским - Гайлит, Северо-Кавказским — Грибов, Среднеазиатским — Грязнов, Закавказским — Куйбышев, Забайкальским — Великанов, начальник ВВС Особой Дальневосточной армии Ингаунис, командующий Амурской военной флотилией Кадацкий-Руднев, командир 5-го авиакорпуса Коханский, командир 4-го казачьего корпуса Косогов, командир 3-го кавалерийского корпуса Сердич.

Но как бы ни относиться к репрессиям того периода вообще, и к профессионалам НКВД в частности, а практика следствия не была судом Линча, по правилам которого переселенцы Америки затягивали петлю на шее осужденного. Следствие велось несколькими профессионалами. Каждый арестованный подвергался допросам, очным ставкам с лицами, давшими на него показания. Протоколы допросов с их признаниями обязательно подписывались подследственными. Заключение об их вине рассматривались руководителями центрального аппарата НКВД и только после этого передавались в судебные органы.

Конечно, можно допустить, что в каких-то случаях, чтобы добиться признания, следователи применяли специальные методы многочасового непрерывного допроса и даже угрожали арестованным. Но подобного рода практика существовала и в других странах. Достаточно почитать детективы Жоржа Сименона, в которых

комиссар Мегрэ со своими сотрудниками устраивал ночью «вертушку». То есть не давал допрашиваемому спать, пока тот не признается в содеянном. Но разве и в XXI веке спецслужбы США не применяют особые формы допроса, как это делалось в тюрьме Гуантанамо?

В публикации, помещенной в Интернете 14.05.2004 г., «Бывшие заключенные Гуантанамо рассказали о зверствах надзирателей» сообщалось: «Подробности издевательств граждане Великобритании Шафик Расул и Асиф Икбал, освобожденные из заключения 8 марта 2004 года, изложили в открытом письме президенту США и членам Сената США. По словам освобожденных пленников, их заставляли раздеваться, приковывали к полу тюремных помещений, травили собаками и заставляли слушать оглушающую музыку. Один из узников был избит охранниками, когда проходил в тюремной больнице период восстановления после хирургической операции. Они пинали его в живот и били лицом об пол»¹²⁴.

Можно привести и другие примеры, но есть ли в том необходимость? Во второй половине XX и уже в начале нового века обыватель увидел множество хроникальных свидетельств американского гуманизма, запечатленного на киноплёнках и кассетах видеокамер. При бомбардировках крестьян Северной Кореи и во Вьетнаме, при терроре в отношении Сербии и Ирака, на американском и африканском континентах — везде, по всему миру, где появляется американский полосатый флаг, символизирующий все пороки демократии.

К разряду «великих полководцев» и жертв репрессий конъюнктурная пропаганда относила и командарма 2-го ранга Павла Дыбенко. Сын крестьянина, балтийский матрос, анархист, он был даже более легендарной личностью, чем Тухачевский, Якир, Уборевич и другие репрессированные военачальники. Еще в апреле 1917 года его избрали председателем «Центробалта», а с октября до марта 1918 года он занимал пост народного комиссара по морским делам. Он принимал активное участие в подготовке флота к Октябрьскому вооруженному восстанию, командовал красными отрядами в Гатчине и Красном Селе и арестовал Краснова. Когда в феврале, после срыва Троцким переговоров в Брест-Литовске, немцы начали наступление, Дыбенко командовал отрядом моряков под Нарвой. Однако его отряд был разбит, Дыбенко сдал город и бежал в Самару, за что в мае 1918 года был отдан под суд.

Его оправдали, но исключили из партии, и под псевдонимом Алексей Воронов он отправился на подпольную работу в оккупированную немецкими войсками Украину. Однако, побыв две недели в Одессе и не связавшись с подпольем, Дыбенко уехал в Крым, где через десять дней «подполья» он был арестован как «большевистский лидер». В тюрьме его держали в кандалах, но через месяц, в конце августа, советское правительство обменяло Дыбенко на нескольких пленных немецких офицеров.

¹²⁴ <http://news.flexcom.ru>

С ноября — Дыбенко командир полка, вскоре он становится командиром бригады, а через некоторое время — командиром 1-й Заднепровской дивизии, насчитывавшей десять тысяч бойцов. В соединение входили бригады Махно и Григорьева. А с весны следующего года он уже командующий Крымской армией и нарком по военным и морским делам Крымской советской республики.

Во время штурма Кронштадта 17 марта 1921 года Дыбенко возглавил сводную кавалерийскую дивизию и после ликвидации восстания он стал комендантом крепости. Позже, под общим командованием Тухачевского, он участвовал и в подавлении крестьянского мятежа в Тамбовской губернии. За участие в этих операциях его наградили двумя орденами Красного Знамени.

В отличие от Тухачевского Дыбенко за год экстерном, «как особо талантливый», закончил Военную академию. С сентября 1920-го по май 1921 года он - слушатель младшего курса, а с октября по июнь 1922-го — старшего курса Военной академии РККА. 1922 году его восстановили в РКП(б) с зачетом партстажа с 1912 года. В это же время он женился на А.М. Коллонтай.

Правда, как вспоминала его жена, это она «писала комдиву во время его учебы в академии все контрольные и дипломную работу о роли полководца в военных действиях». В Одессе, где находился штаб дивизии, Дыбенко с женой поселились на Дерибасовской улице, в шикарном номере лучшей гостиницы «Пассаж», где целый этаж, на котором они жили, «был завален конфискованной антикварной мебелью, картинами, коврами»; в их распоряжении «находилось несколько выездов и авто».

Впрочем, Коллонтай тоже не только корпела над контрольными. В 1922 году она претерпела очередное политическое фиаско. Она приняла участие в «рабочей оппозиции», которая очень быстро была разгромлена, и «железный Феликс» предложил расстрелять или пересажать всех ее участников. От греха подальше, Коллонтай уехала к мужу в Одессу, но здесь их революционный роман потерпел полное фиаско. Пока Александра Михайловна крутила шашни с оппозицией, молодой «генерал» пил и гулял, и его кутежи надолго запомнились одесситам. Насмотревшись «на выходки мужа», она потребовала немедленного развода. Дыбенко «на коленях» пытался вымолить прощение: обещал «исправиться», клялся порвать «с Валькой» и бросить пить. Однажды, в порыве раскаяния и отчаяния, он выхватил револьвер и выстрелил себе в грудь, но пуля попала в орден, и «самоубийца» выжил.

Коллонтай выходила мужа, но решила с ним разойтись и написала письмо к Сталину с просьбой «направить ее куда угодно, по заданию партии». Вождь уважил просьбу соратницы Ленина; Александру Михайловну назначили главой советской дипломатической миссии и торгового представительства в Норвегии. С этого момента началась ее успешная дипломатическая карьера.

Однако и Дыбенко не утратил вкус к жизни. С 1925 года он занимает все более престижные посты — начальника артиллерийского управления РККА, потом

начальника управления снабжения Красной Армии. В 1928 году он становится командующим Среднеазиатским военным округом. Здесь «хозяин Азии», «как любил себя величать» Дыбенко, он «крепкой рукой» наводит порядок — уничтожает банды басмачей и на 500-километровой границе создает погранохрану для борьбы с контрабандой.

В декабре 1930 года вместе с большой группой представителей военной элиты Дыбенко отправляется в командировку в Германию. За пять месяцев пребывания в германской военной академии и частях бундесвера, на военных заводах и полигонах «красные командиры» знакомятся с достижениями европейской военной науки и техники.

В 1933-1936 годах Дыбенко командовал Приволжским военным округом, где у него возник конфликт с собственным заместителем — комкором Иваном Кутяковым. Два «героя Гражданской войны», имевшие по три ордена Красного Знамени, не могли ужиться друг с другом. Вспыльчивый и своенравный Кутяков, служивший еще с Чапаевым, постоянно слал в Москву «доносы» о грубости и пьянстве своего командира. В сущности, он писал правду, но эти «качества» командарма не были секретом для Ворошилова. Однако нарком обороны покровительственно относился к бывшему сослуживцу-первоконнику, к тому же Дыбенко письменно отчитался перед ним, написав обо всех превратностях своей жизни, и получил отпущение грехов.

Однако Ворошилов все же решил развести двух враждовавших «орденоносцев», и когда мае 1937 года было принято решение о перестановках кадров высшего начсостава, командарма 2-го ранга (генерала-армии) перевели командующим Ленинградским военным округом, второго по стратегической значимости. Принимать у Дыбенко Приволжский ВО приехал маршал Тухачевский. И когда последнего арестовали, то Павел Ефимович стал одним из семи членов Специального судебного присутствия, которое 11 июня 1937 года вынесло обвинительный приговор по «делу военных». Под его руководством была проведена и чистка командного и политического состава ЛВО.

Как уже говорилось, в числе бредовых идей Тухачевского и его подельников стало увлечение массовым десантированием. Поэтому в предвоенные годы тратилось много сил и средств на развитие воздушно-десантных войск. В 1935 году на учениях, проводившихся в Киевском военном округе у Якира, выбрасывался парашютный десант в составе 1200 парашютистов и высаживался посадочный десант в составе 2500 человек с боевой техникой. Еще более крупный десант применили в том же году в Белорусском военном округе у Уборевича. Там сбросили 1800 парашютистов и высадили 5700 человек с вооружением и техникой.

Иностранные военные делегации, присутствовавшие на этих учениях, были буквально ошарашены «величиной десантов». Однако, как показала реальная война, сама идея массового десантирования была порочна уже бесперспективностью таких операций. Во-первых, для массовой выброски десантников требовалось огромное

количество крупногабаритных транспортных самолетов, которые легко сбивались истребителями противника. Во-вторых, после десантирования в тыл врага бойцы имели ограниченное количество боеприпасов и продовольствия и были неспособны вести продолжительные боевые действия. По существу, сразу после приземления, оторванные от тыловых служб, они оказывались в условиях окружения.

Но главная их слабость заключалась в том, что даже при удачном проведении выброски десантники не могли изменить стратегической ситуации на фронтах. Они были пригодны лишь для небольших тактических или диверсионных операций, но и там их действия не приносили перелома. Так, в феврале 1942 года, в ходе Ржевско-Вяземской операции, проводимой войсками Западного фронта, по вине Жукова в окружении оказалась 33-я армия М. Г. Ефремова с частями кавалерийского корпуса генерала П.А. Белова. Для поддержки окруженных провели десантирование 4-го воздушно-десантного корпуса.

За шесть ночей было десантировано 7000 человек и около 1500 мест с оружием, боеприпасами и продовольствием. Всего десантировалось около 10 тысяч человек. Однако «растяжка по времени выброски» десанта и сбора его *вследствие разброса на большой площади* привела к тому, что немцы успели принять меры по усилению своих войск, и цели воздушно-десантной операции достигнуты не были.

Говоря иначе, разбросанные на большой территории и не имевшие радиосвязи из единого соединения, десантники превращались в разрозненные команды, блуждавшие в поисках друг друга. Поэтому летом 1942 года, когда сложилась крайне тяжелая обстановка под Сталинградом, Сталин принял решение реформировать десять воздушно-десантных корпусов в стрелковые дивизии и направить их на оборону города. Вот здесь «десантники» с честью выполнили свой долг, и в дальнейшем части и подразделения ВДВ не раз отмечались в приказах Верховного Главнокомандующего.

Следует напомнить, что Дыбенко иронически отзывался об увлечении Тухачевского маневрами с высадкой массовых десантов, указывая, что противник мог легко расстрелять парашютистов еще в воздухе. Поэтому в Приволжском округе с играми в десант он не экспериментировал, но это не спасло его от крупных неприятностей «наследия» Тухачевского. В Ленинградском военном округе авиамотодесантный отряд был организован еще в 1931 году, и осенью 1937 года, при проведении очередных маневров, Дыбенко непосредственно столкнулся с модной экзотикой десантирования.

И поскольку в конечном итоге это не только оборвало карьеру командарма 2-го ранга, но позже привело его на скамью подсудимых, приведем полностью текст ранее не публиковавшихся секретных документов:

«ПРИКАЗ О НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЯХ НА МАНЕВРАХ ЛВО ПРИ
ВЫБРОСКЕ ПАРАШЮТНОГО ДЕСАНТА № 197 10 сентября 1937 г.

9 сентября с. г. на маневрах Ленинградского военного округа по ходу учения была произведена выброска парашютного десанта. Вследствие полного

пренебрежения требованиями Наставления по парашютной подготовке Военно-Воздушных Сил и Курса подготовки выброски и высадки парашютистов ВВС РККА, а также приказа моего № 0169 от 7 декабря 1936 г., категорически запрещающих выброску парашютистов при ветре свыше 6 метров в секунду, выброска парашютного десанта 9 сентября была допущена при силе ветра около 12 метров в секунду.

В результате этого преступного отношения к существующим указаниям погибло 4 бойца и получили разной степени переломы конечностей и ушибы 38 бойцов.

Приказываю:

1. За нарушение моего приказа № 0169 от 7 декабря 1936 г., Наставления по парашютной подготовке Военно-Воздушных Сил и Курса подготовки выброски и высадки парашютистов ВВС РККА командующего войсками Ленинградского военного округа командарма 2 ранга т. Дыбенко П. Е. от занимаемой должности немедленно отстранить и зачислить в мое распоряжение.(...)

3. Моему заместителю по ВВС командарму 2 ранга т. Алкснису Я. И. вместе с заместителем начальника ПУ РККА армейским комиссаром 2 ранга т. Булиным А. С., начальником группы контроля комдивом т. Черепановым и специалистами парашютно-десантного дела т. т. Чернышевым, Петровым и Кайтановым на месте произвести тщательное расследование этого возмутительного случая и всех обстоятельств гибели и ранения бойцов-парашютистов.

Результаты расследования с выводами и предложениями т. Алкснису представить мне 13 сентября 1937 г.

*Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского
Союза К. Ворошилов»¹²⁵.*

Расследование «обстоятельств гибели и ранения бойцов-парашютистов» 3-й авиадесантной бригады было проведено без промедления. Помимо заместителя Наркома обороны Алксниса и начальника Политуправления РККА Булина в нем участвовали: начальник группы контроля НКО комдив Черепанов А. И., специалисты парашютно-десантного дела капитан Петров и воентехник 1-го ранга Чернышев. Жертв и пострадавших оказалось больше, чем указывалось первоначально. По его результатам вышел:

«ПРИКАЗ О ПРИВЛЕЧЕНИИ К СУДЕБНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАЛОЖЕНИИ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВЗЫСКАНИЙ НА ВИНОВНИКОВ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ НА МАНЕВРАХ ЛВО ПРИ ВЫБРОСКЕ ПАРАШЮТНОГО ДЕСАНТА

№ 202 19 сентября 1937 г. (...)

Расследование установило, что:

¹²⁵ Ф. 4. Оп. 15. Д. 14. Л. 303. Типогр. экз.

1. Гибель и ранение парашютистов при выброске парашютного десанта являются следствием плохой организации, нечеткого проведения, плохого руководства парашютно-десантной операцией и преступного нарушения требований моего приказа № 0169 1936 г.

2. Главной причиной катастрофы является полное игнорирование командованием всех степеней силы ветра, имеющей решающее значение при приземлении парашютистов:

а) командование округа назначило время выброски десанта на 14—15 часов, когда ветер, как правило, бывает наиболее сильный, вместо утра или вечера, когда метеоусловия бывают наиболее благоприятные;

б) выброска всей массы парашютистов была произведена в усложненных условиях погоды: ветер 9—12 метров в секунду на пересеченной местности, причем все бойцы помимо оружия имели еще полное боевое снаряжение, с которым прыгали впервые.

3. На площадке, на месте выброски десанта, был и Военный совет (командарм 2 ранга т. Дыбенко и комбриг т. Магер), и д. командующего ВВС ЛВО комдив т. Тестов и командир 3 адб — руководитель десантной операции комбриг т. Зайцев. Однако, несмотря на усиление ветра до 9—10 метров в секунду с порывами до 12 метров в секунду, *никто из них не принял решения о запрете выброски, несмотря на явную необходимость запретить выброску десанта и произвести высадку или вернуть его назад.* Роль начальников, находящихся на площадке и обязанных руководить авиадесантной операцией, свелась к роли простых зрителей.

Благодаря всей этой неорганизованности, растяжке кораблей в строю эскадрильи, плохому расчету штурманов, запаздыванию начала выброски на отдельных кораблях эскадрильи, задержке выброски парашютистов с кораблей до трех минут парашютисты приземлялись на площади *до 8 км по фронту и в глубину.* Многие из них в районе площадки Пустынки попали на валуны, торфяные болота, кустарники и другие препятствия. Вследствие сильного порывистого ветра (11—12 метров в секунду) *парашютистов сильно ударяло о землю, нанося ранения и увечья; ряд бойцов и командиров, не успевших погасить парашюты, протаскивало до 2-х км.*

В результате этой выброски **999 парашютистов пострадало 59 бойцов и командиров-парашютистов, в том числе 4 убитых, 8 человек с переломами бедер, из них 3 с осколочными переломами, 6 человек с сотрясением мозга, 5 случаев растяжений, 5 вывихов, в остальных 30 случаях — легкие ушибы и растяжения.**

Приказываю:

1. **Командира 3 адб комбрига т. Зайцева, на которого было возложено командование всей воздушно-десантной операцией и который:**

а) не принял к точному исполнению требований моего приказа № 0169 1936 г. как при подготовке, так и при проведении воздушно-десантной операции;

б) зная Наставление и Курс парашютно-десантной подготовки, неоднократно допускал нарушение их в процессе обучения парашютистов;

в) ввел в заблуждение комдива т. Тестова и Военный совет округа сознательно ложным докладом о возможности выброски парашютистов при ветре до 8 метров в секунду;

г) *прибыв на площадку выброски, преступно самоустранился от командования парашютно-десантной операцией и не принял никаких мер к отмене выброски парашютистов, имея все средства для отмены (радиосвязь для передани распоряжений с земли в воздух и наземные знаки запрета);*

д) не проверил знания и твердого усвоения сигналов для выброски и для отмены выброски до вылета кораблей, —

отстранить от занимаемой должности и отдать под суд Военного трибунала.

2. Комиссара 3 адб бригадного комиссара т. Россет, который, зная, что Наставление и Курс парашютно-десантной подготовки запрещают сбрасывать парашютистов при ветре более 6 метров в секунду, не боролся против имевших место в бригаде отступлений и в день операции не принял мер к предотвращению выброски, —

от должности отстранить и назначить на низшую должность.

Этой мерой взыскания в отношении т. Россет ограничиваюсь только потому, что он в момент выброски находился в воздухе на У-2.

3. Начальника штаба 3 адб полковника т. Ешурина, который:

а) допустил нарушение требований моего приказа № 0169 1936 г.;

б) зная требования Наставления и Курса, запрещающие выброску парашютистов при ветре свыше 6 метров в секунду, не только не принял мер к предотвращению выброски десанта при большом ветре, но, наоборот, ввел в заблуждение всех к нему обращавшихся с докладом и справкой, что выброска возможна при ветре 8 метров в секунду;

в) не проверил до конца усвоения штурманами сигналов о запрещении выброски;

г) послал аэролога на площадку выброски вместо метеоролога или даже начальника метеостанции в целях обеспечения надлежащего наблюдения за силой ветра на площадке, —

отстранить от занимаемой должности и отдать под суд Военного трибунала.

4. Начальника штаба ВВС ЛВО полковника т. Маковского, который не изучил мой приказ № 0169 1936 г., Наставление и Курс о парашютно-десантной подготовке, слепо доверился справке полковника т. Ешурина о том, что прыгать можно при ветре до 8 метров в секунду, и дал указание полковнику т. Ешурину предупредить парашютистов, что прыгать придется при большом ветре, —

сместить на должность двумя разрядами ниже.

Не отдаю т. Маковского под суд только потому, что в должность начальника штаба он вступил за 20 дней до начала учений округа.

5. И. д. командующего ВВС ЛВО комдива т. Тестова, который:

а) не принял к точному руководству и исполнению моего приказа № 0169 1936 г., не читал и не изучил Наставление и Курс парашютно-десантной подготовки, не проверил лично подготовку к проведению предстоящей авиадесантной операции до конца;

б) ввел в заблуждение Военный совет ложным докладом о возможности выброски парашютистов при ветре до 8 метров в секунду, сам не проверив действующих на этот счет указаний;

в) присутствуя на площадке и наблюдая усиление ветра, самоустранился от руководства парашютно-десантной операцией и не доложил Военному совету о необходимости отмены выброски десанта, а, наоборот, убеждал Военный совет о возможности выброски десанта в данной обстановке, —

от должности отстранить и отдать под суд Военного трибунала.

6. Члену Военного Совета ЛВО комбригу т. Магер, который, зная о предстоящей большой авиадесантной операции на маневрах, не ознакомился лично с моим приказом № 0169 1936 г. и действующими Наставлением и Курсом по подготовке парашютистов, а слепо доверился справке товарищей Тестова и Зайцева о возможности выброски парашютистов при ветре 8 метров в секунду и лично не проверил ход подготовки, —

объявляю строгий выговор и предупреждаю, что впредь за подобное упущение он будет отстранен от должности и отдан под суд Военного трибунала.

7. Во изменение приказа моего № 197 от 10 сентября с. г. в отношении командующего войсками ЛВО командарма 2 ранга т. Дыбенко Правительством признано возможным *ограничиться* на этот раз наложением на т. Дыбенко властью народного комиссара обороны *дисциплинарного взыскания*.

Кроме того, Правительство поручило мне предупредить т. Дыбенко (что мною сделано лично 17 сентября с. г.), что впредь за допущенные нарушения существующих приказов, наставлений и положений НКО он, как и любой командир РККА, *будет отдан под суд Военного трибунала*.

На основании этого решения Правительства **командующему войсками ЛВО командарму 2 ранга т. Дыбенко**, который:

а) приняв решение осуществить большую десантную операцию, не удосужился ознакомиться и принять к руководству и исполнению мой приказ № 0169 1936 г. и действующие Наставление и Курс парашютно-десантной подготовки и не добился их точного исполнения подчиненными;

б) лично на месте не проверил требований моего приказа № 0169 1936 г. по подготовке бойцов-парашютистов к предстоящим маневрам-учениям;

в) будучи на площадке, не отменил выброску парашютистов, несмотря на видимое усиление ветра, — объявляю строгий выговор с предупреждением. Приказ прочесть всему командному составу войсковых частей РККА.

Конечно, бывший матрос и кавалерист Дыбенко мог бы при необходимости «поспорить и побороться» с бурей, но с «Наставлением о парашютно-десантной подготовке» спорить было невозможно. Следует подчеркнуть, что практичные немцы не применяли выброски массовых десантов, а советские военачальники не теряли надежды на использование десантников по их прямому назначению — в качестве пехоты с парашютами. Второй крупной воздушно-десантной операцией во время Великой Отечественной войны стала Днепровская, проведенная советским командованием в сентябре 1943 года, с целью содействия войскам Воронежского фронта при форсировании Днепра.

Для десантирования трех бригад общей численностью около 10 000 человек выделялось более двухсот самолетов и планеров, что обеспечивало реальную возможность осуществить выброску десанта в течение двух ночей. Однако и здесь при планировании и организации подготовки к десантированию были допущены ошибки. Из-за плохой погоды и организации десантирование сопровождали большие трудности: задержки сосредоточения самолетов в исходный район для десантирования, неудовлетворительная организация заправки топливом, слабое штурманское обеспечение и ошибки разведки в оценке обстановки в районе десантирования, куда противник к моменту выброски подтянул три дивизии.

За одну ночь, с 24 на 25 сентября, была почти полностью десантирована 3 вдбр и часть сил 5 вдбр общей численностью около 4600 человек. Однако из-за неточной выброски десантники *оказались разбросаны* по огромной территории и были обречены на самостоятельные действия в тылу противника мелкими группами. Поэтому немцы уничтожили большую часть этих разрозненных групп, и поставленную задачу десантники выполнить не смогли.

Трагедия на маневрах 1937 года сыграла плохую роль в судьбе командующего ЛВО. Его дело было рассмотрено партийной комиссией. Его уволили из РККА и назначили управляющим «Камлессплава». 25 января 1938 года в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР было отмечено, что он «морально-бытово разложился... давал очень плохой пример подчиненным».

Однако он уже попал в поле зрения НКВД, которому стали известны его «контакты с американскими представителями». Удалось установить, что Дыбенко просил «американцев» материально помочь родной сестре, которая проживала в США. 26 февраля 1938 года его арестовали в Свердловске. На следствии, продолжавшемся пять месяцев, он признал себя виновным в участии в антисоветском, троцкистском заговоре и 29 июля был приговорен к смертной казни.

Как уже говорилось выше, уже с начала 1937 года главную роль в чистке армии играли политические органы, а с восстановлением в мае института военных

¹²⁶ Ф. 4. Оп. 15. Д. 14. Л. 308-309. Типогр. экз.

комиссаров такая тенденция еще более усилилась. Причем, решая кадровые вопросы совместно с военкоматами, командование округов не оглядывалось даже на Наркомат обороны. Может показаться парадоксом, но принятие новой Конституции, четко обозначившей прямую выборность в государственных и партийных структурах, вызвало радикализацию общественного сознания.

Если провести аналогию, то подобное повторилось в годы перестройки, когда, провозгласив так называемую «гласность», Горбачев призвал к выборам руководителей предприятий. Высокое положение руководителей уже не защищало их от метаморфоз общественного мнения. Радикализация оценок не могла обойти и армию, являющуюся отражением настроений всех слоев населения. Люди, защищенные номенклатурными гарантиями, теперь уже не воспринимались как особая каста, находившаяся вне поля критики.

Глава 16. Как Сталин «ковал меч Красной Армии»

Уже к 1927 году разрыв дипломатических отношений с Лондоном и резкое обострение международной обстановки поставили руководство СССР перед опасностью возможной агрессии со стороны Польши, Финляндии и Румынии вместе с лимитрофами, т.е. с прибалтийскими государствами. Об этом свидетельствовали многие факты. Еще в 1925—1926 годах на международной конференции в Локарно англо-французские дипломаты лихорадочно договаривались о совместных действиях против Советской России. Ее разгром планировался при участии Белой армии Врангеля, насчитывающей 100 тысяч человек, красновских казаков, расквартированных с 1921 года на Балканах, а также при финансовой и военно-политической поддержке со стороны других стран Запада.

«За совместный поход» открыто ратовал премьер Франции Пуанкаре. В Берлине покончить с большевизмом призывали газеты. 3 января 1926 года лондонская «Морнинг пост» опубликовала письмо за подписью сэра Генри Детердинга, в котором он заявлял: «Через несколько месяцев Россия вернется к цивилизации, но при новом и лучшем правительстве, нежели царское». И если бы силы, вынашивающие план интервенции, довели свои замыслы до конца, они вполне могли осуществиться успешно.

На 1 января 1926 года численность РККА составляла всего 610 тысяч человек, что лишь незначительно превышало численность польской армии. При этом если Красная Армия имела 60 танков, 100 броневозов и около 1000 устаревших, в основном «деревянных самолетов», то только одна Польша «располагала приблизительно 200 танками, 60 броневозами и 500 самолетами».

Уместно напомнить, что во время Первой мировой войны, имея «полукратное численное превосходство над Германией и ее союзниками, Россия была вынуждена отдать немцам значительную часть своих западных территорий».

Причиной этого прежде всего стало то, что военная промышленность царской «России не могла обеспечить армию необходимым количеством винтовок, снарядов, патронов...». Причем значительное количество вооружения она закупала у союзников по Антанте.

Начатая сразу после Гражданской войны «новая экономическая политика», в определенном смысле на время «притушила» продовольственную проблему. Но, как показали дальнейшие события, в действительности нэп оказался лишь временной передышкой в условиях мирного времени. Уже в 1929 году, из-за саботажа деревни, в стране возник «хлебный кризис». Все свидетельствовало о том, что для дальнейшего развития государства и обеспечения его безопасности были необходимы коренные преобразования не только экономики, но и всего уклада жизни населения.

Поэтому нет и не может быть никаких сомнений, что и победа в Великой Отечественной войне не была бы достигнута, если бы накануне нацистской агрессии Сталин не осуществил триаду кардинальных реформ: коллективизацию, индустриализацию и культурную революцию. Основой задуманной Вождем широкомасштабной программы стали «Сталинские пятилетки». Именно они позволили решить весь громадный комплекс проблем, связанных с преобразованием отсталой аграрной страны в мощную аграрно-промышленную державу.

Результат оказался поистине фантастический. Причем все это было осуществлено «с чистого листа» за каких-то десять—пятнадцать лет. К слову напомнить, что ни брежневский период правления, ни идиотская горбачевская «перестройка», ни ельцинская грабительская «приватизация» не дали стране тех результатов, которые принесли «Сталинские пятилетки». И возникает естественный вопрос: а как Сталину вообще удалось провести индустриализацию советской экономики, если «у него не было ни квалифицированных кадров, ни новейших технологий, ни современных заводов»?

К тому же у России была и еще одна особенность. Если в Англии уже к началу XX века 70% населения жило в городах, во Франции — 40%, а в Германии — 30%, то в царской России к 1913 году доля городского населения составляла всего 15%. Основная масса населения жила в деревнях. В то же время для создания тяжелой и, в частности, военной промышленности требовались десятки миллионов грамотных рабочих и инженерно-технических специалистов. И эту кадровую проблему нельзя было решить иначе, кроме как за счет «раскрестьянивания деревни».

И Вождь решил ее. Коллективизация не только высвободила миллионы крестьян от непроизводительного ручного труда и обеспечила механизацию сельского хозяйства. Вчерашние безграмотные деревенские жители пришли в города, где встали у современных станков и производств, а часть из них, получив специальное и высшее образование, возглавила тысячи заводов и цехов, НИИ и КБ, стала

офицерами и генералами Красной Армии. Для миллионов людей жизнь обрела совершенно иной смысл и содержание.

К разработке первого плана развития народного хозяйства Госплан и ВСНХ приступили еще в период нэпа, — в 1926 году. К началу 1929 года было подготовлено два варианта — «отправной и оптимальный». Отправной — «минимальный» — план строился с учетом возможного падения сельскохозяйственного производства в результате засухи. Однако утвержденный в мае 1929 года V Всесоюзным съездом Советов первый 5-летний план развития народного хозяйства включал «оптимальный» вариант. Рассчитанные на период с 1 октября 1928 года до 1 октября 1933 года, задания первой пятилетки предусматривали сбалансированное развитие всего народного хозяйства. Намечалось осуществить крупномасштабное создание новых отраслей промышленности, возвести сотни крупных индустриальных центров, обеспечить строительство новых предприятий, современных городов и рабочих поселков.

Модернизации подлежали и вооруженные силы. Задача по строительству современной армии была поставлена правительством еще в июле 1928 года, когда Совнарком принял первый пятилетний план развития РККА на 1928—1932 годы. Первоначально предусматривалось оснастить войска бронесилами в 1000 танков. Но 15 июля 1929 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О состоянии обороны страны», и в нем была представлена развернутая программа военного строительства, направленная на коренную техническую реконструкцию армии, авиации и флота.

НКВМ СССР было поручено на основе новых опытных образцов вооружить армию современными типами артиллерии, средствами химзащиты, танками, бронемашинами, наладить серийный выпуск самолетов и авиамоторов. Это постановление и легло в основу первого 5-летнего плана военного строительства, предусматривавшего создание новых технических войск, моторизацию РККА, массовую подготовку технических кадров. Одновременно было решено поставить на вооружение армии 3500 танков трех типов и утвердить разработанную 5-летнюю программу артиллерийского перевооружения РККА.

Конечно, этот план неслучайно совпал с 1-й пятилеткой. Сталин не принадлежал к прожектерам и прекрасно понимал, что создание хорошо вооруженной и боеспособной армии невозможно без мощной военно-промышленной базы. В ноябре 1929 года было создано Управление механизации и моторизации (УММ) РККА. Специальным постановлением Реввоенсовета было предусмотрено создание различных типов танков: танкетка, средний и большой (тяжелый) танки, а также их тактико-технические характеристики.

В это же время были намечены меры по подготовке инженерно-технических кадров старшего армейского состава. Для этого на базе Военной академии им. Фрунзе был создан ряд специализированных военных академий — Военно-техническая, Артиллерийская, Военно-химическая, Военно-инженерная и др. Это

позволило увеличить количество слушателей высших военных учебных заведений с 3,2 тысячи в 1928 году до 16,5 тысячи в 1932 году.

23 января 1930 г. РВС утвердил программу развития самолетостроения. Главное внимание было уделено бомбардировочной и истребительной авиации. За годы первой пятилетки количество истребителей в ВВС увеличилось более чем в 3 раза, а тяжелых бомбардировщиков — почти в 8. К концу 1932 года 96% истребителей и 97% тяжелых бомбардировщиков строились на отечественных предприятиях. Уже к началу второй пятилетки советская оборонная промышленность имела 6 крупных самолетостроительных и 4 моторостроительных завода, мощность которых в военное время могла быть увеличена вдвое¹²⁷.

До сих пор в историографии бытует примитивное мнение, будто бы Вождь «не доверял» дореволюционным «спецам». Существование такого мифа является проявлением невежества людей, тиражирующих такую глупость. В действительности он как никто другой остро ощущал потребность в высококвалифицированных специалистах. Без них постановка задач индустриализации и коллективизации осталась бы пустой болтовней.

Сталин трезво и здраво смотрел на вещи. Еще на XV съезде партии, говоря о «недовольстве среди известных слоев интеллигенции», Сталин пояснял: «Было бы ошибочно думать, что весь служивый элемент, вся интеллигенция переживает состояние недовольства, состояние ропота или брожения». Он высоко оценил роль технической интеллигенции в крупнейших стройках страны — Волховстрое, Днепрострое, Туркестанской дороге, в строительстве Волго-Дона и «новых гигантов заводов».

И, прекрасно понимая психологические мотивы настоящих специалистов, указал, что для них «это есть не только вопрос о куске хлеба, *это есть вместе с тем дело чести, дело творчества* (курсивы мои. — К. Р.), сближающее их с рабочим классом, с Советской властью». Выступая 16 мая 1928 года на VIII съезде комсомола, Сталин так пояснял кадровую проблему: «Конечно, у нас есть старые специалисты по строительству, промышленности. Но, во-первых, *их мало у нас*, во-вторых, не все они хотят строить новую промышленность, в-третьих, многие из них *не понимают новых задач строительства*, в-четвертых, значительная часть из них *уже состарилась и выходит в тираж*. Чтобы двинуть дело вперед, надо создать новые кадры специалистов из людей рабочего класса, из коммунистов и комсомольцев».

Поэтому Генеральный секретарь призывал молодежь начать массовый поход в науку: «овладеть наукой, выковать новые кадры большевиков — специалистов по всем отраслям знаний». Он подчеркивал: «*Чтобы строить, надо знать, надо овладеть наукой. А чтобы знать, надо учиться. Учиться упорно, терпеливо. Учиться у всех — и у врагов, и у друзей, особенно у врагов. Учиться, стиснув зубы,*

¹²⁷ Архив МО. Ф. 35. Оп. 1618. Л. 58. Л. 42.

не боясь, что враги будут смеяться над нами, над нашим невежеством, над нашей отсталостью». Позже, уже в начале 30-х годов, он обобщит свою мысль в ясный для каждого знаменитый лозунг: *«Кадры решают все!»*

Конечно, взяв курс на индустриализацию и культурную революцию, Сталин прекрасно понимал, что после мировой и Гражданской войн российские научные и конструкторские школы значительно отстали в развитии промышленных отраслей от передовых капиталистических стран. Мастерство рабочего и инженера, ученого и конструктора складывается годами, но он не мог ждать того момента, пока в стране появятся грамотные специалисты. Он прекрасно осознавал и то, что решить задачу модернизации самостоятельно, без привлечения мирового опыта, государство не сможет. Для этого не было ни необходимого оборудования, ни требуемых технологий, ни проектных и конструкторских кадров.

Фактически перед Сталиным встала почти неразрешимая проблема: как в кратчайшие сроки обеспечить создание в стране современной промышленности? И, как человек трезвого и реалистического ума, он нашел блестящий выход из сложного положения. После смерти Вождя историки замалчивали тот факт, что практически вся основа советской индустрии, созданной во время первой пятилетки, была *закуплена за рубежом*.

И это при том, что свободных денег для покупки заводов и технологий на Западе у разоренного мировой и Гражданской войнами молодого Советского государства не было, Советскому правительству было далеко не просто изыскать средства для осуществления модернизации промышленности. Для этого приходилось прибегать к различным мерам. В том числе и к вывозу предметов искусства и золота. Однако это не дало ощутимых результатов. Поэтому в 1926 году было выпущено 2 выигрышных и 2 процентных займа. Кроме того, в августе 1927 года среди городского населения был размещен 1-й заем индустриализации в 200 млн. рублей¹²⁸ и даже расширена продажа населению водки — доход от реализации которой составил 500 млн рублей.

Однако и этого было недостаточно. «Внутренние» средства шли на материалы и строительство производственных зданий и сооружений, а для приобретения за рубежом машин, оборудования, технологии требовалась валюта. История как любая форма пропаганды конъюнктурна. Поэтому до сих пор считается, что закупки иностранного оборудования и технологий якобы были осуществлены за счет изъятия зерна у деревни. В действительности это не более чем ложь, умышленно запущенная в обиход антисталинистами.

Зерновой экспорт не мог обеспечить страну валютой! Даже в «благополучном» 1929 году он не покрывал импорт, а в 1930 году вообще *произошел обвал цен на сырье и сельхозпродукцию*. На Чикагской бирже цена тонны пшеницы с 65—68

¹²⁸ Орлов И. Противоречия индустриализации: попытки индустриализации в рамках нэпа/Россия нэповская (Россия. XX век. Исследования). М., 2002. С. 386-387.

долларов упала до 8—12 долларов. То есть произошло почти то же, что в 90-е годы прошлого века: когда на мировом рынке упали цены на нефть, то это способствовало развалу государства, созданного Сталиным.

Следует подчеркнуть и то, что еще до начала коллективизации более 70% получаемого у крестьян зерна шло на внутреннее потребление — на нужды продовольственного обеспечения: армии, городов и самих строек пятилетки. Так, в 1928 году доходы от продажи хлеба составляла лишь 3% в составе общего экспорта. В то время как экспорт нефти и нефтепродуктов составлял 16%, леса и пиломатериалов — 13%, а пушнины — 17%. Кроме этого, экспортировался жмых, лен, марганец, сахар и др.¹²⁹.

Поэтому для закупок оборудования и машин за рубежом советское правительство широко использовало «не банальную международную торговлю», а кредиты. Вывоз за рубеж хлеба Сталин рассматривал прежде всего как тактический маневр, способный убедить Запад в *кредитоспособности* Советского государства. В начале августа 1930 года в письме Молотову Сталин писал: «...Договор с Италией — плюс. За ней потянется Германия. Кстати, как дело с германскими кредитами? Форсируйте вывоз хлеба вовсю. В этом теперь гвоздь. Если хлеб вывезем, *кредиты будут*»¹³⁰.

Об этом же свидетельствует и письмо Сталина Молотову от 24 августа 1930 года: «*Надо бы* поднять (теперь же) норму ежедневного вывоза до 3—4 миллионов] пудов минимум. *Иначе рискуем остаться без наших новых металлургических и машиностроительных* (Автозавод, Челябинский и пр.) заводов. Найдутся мудрецы, которые предложат подождать с вывозом, пока цены на хлеб на международном] рынке не подымутся до «высшей точки». Таких мудрецов немало в Наркомторге. Этих мудрецов надо гнать в шею, *ибо они тянут нас в капкан*. Чтобы ждать, надо иметь валютн[ые] резервы. А у нас их нет. Чтобы ждать, *надо иметь обеспеченные позиции* на международном] хлебн[ом] рынке. *А у нас нет уже там давно никаких позиций*, — *мы их только завоевываем* теперь, пользуясь специфически благоприятными для нас условиями, создавшимися в данный момент. Словом, нужно бешено форсировать вывоз хлеба».

Однако даже в 1930 году, когда импорт промышленного оборудования в СССР имел максимум, стоимость импорта, перекрываемого за счет экспорта зерна, составляла только 19,4%. При этом на экспорт шло *лишь* 6,2% от валового сбора зерна, или 30,4% от объема зерна. Для сравнения скажем, что в 1909—1913 годах доля зерна в общем объеме экспорта России была *в два раза выше* и составляла 40,2%, или 13,9% от валового сбора зерна. Наибольшую выручку за вывоз хлеба удалось получить лишь в 1930 году — 883 млн руб. В последующие годы цены на зерно на мировом рынке резко упали.

¹²⁹ Журнал «Советская торговля». № 50 //Бакулин С. Внешняя торговля СССР. М., 1928. С. 9.

¹³⁰ Письма И. В. Сталина В.М. Молотову 1925-1936 гг. М., 2001. С. 194.

В 1932—1933 годах экспорт хлеба дал всего 389 млн руб., в то время как вывоз лесоматериалов принес почти 700 млн, а в 1933 году только продажа пушнины позволила *выручить средств больше, чем за вывезенный хлеб*. Таким образом, распространяя байки об экспорте хлеба, как причине продовольственных трудностей зимой с 1932 на 1933 год, историки просто водят обывателя за нос.

Сталин неслучайно рассчитывал именно на немецкие кредиты. Еще в 1925 году Германия предоставила СССР краткосрочный кредит в 100 млн марок, а в апреле 1926 года открыла кредитную линию в размере 300 млн марок сроком на 4 года. В 1931 году Берлин предоставил СССР долгосрочный кредит 300 млн марок сроком на 21 месяц. Под эти кредиты и наличную форму оплаты только в 1931—1932 годах СССР разместил в Германии заказы на машины и промышленное оборудование на сумму в 760 млн марок. Уже в 1931 году советский импорт из Германии достиг 1,8 млрд руб., а в 1932 году он составил 1,4 млрд руб. Удельный вес Германии во всем советском импорте составлял в 1931 году 37%, в 1932 году — 47%. То были рекордные цифры.

При этом Советский Союз занимал первое место в германском экспорте машин; доля Германии в импорте СССР выросла с 23,7% в 1930 году до 46,5% в 1932 году. В 1932 году 43% всех немецких экспортированных машин было продано в СССР. Основная часть задолженности Германии со стороны СССР была покрыта поставками золота и передачей иностранных девиз по активному балансу советской внешней торговли с другими странами.

Современные исследования показывают, что в 1925—1933 годах из Германии в СССР было поставлено товаров на сумму 3,703 млрд марок, а завезено из СССР на сумму в 2,976 млрд марок. Профицит внешней торговли немецкого бизнеса составил 726,6 млн марок. Пик германского экспорта пришелся на 1929—1932 годы, когда профицит торговли Германии с Советской Россией достиг 736,5 млн марок. Немецкое кредитование не прекратилось даже после прихода к власти нацистов.

В 1935 году консорциум банков Германии предоставил кредит советскому торгпредству в Берлине на сумму 200 млн марок. Причем поставки советских товаров должны были начаться только с конца 1940 года, а закончиться в 1943 году. Поэтому с началом войны последний кредит в размере 150 млн марок не был возвращен. За 9 лет СССР получил из Германии кредитов на 900 млн марок, что составляло 300—320 млн долларов США¹³¹. Говоря образно: «советский меч» обороны Сталин «ковал» за немецкие деньги.

Еще одной линией кредитования индустриализации стали деньги частных предпринимателей Америки. Именно по таким кредитам осуществляла большую часть своих закупок в США советская офшорная компания «Амторг». 26 ноября 1927 года в Главном концессионном совете при СНК СССР был подписан договор с

¹³¹ Шевяков А. Советско-германские экономические связи в предвоенные годы // Социологические исследования, 1995. № 5. С. 13—25.

американским предпринимателем Фаркуаром. Он предусматривал предоставление Советскому правительству 6-летнего кредита на 40 млн долларов для переоборудования Макеевского металлургического завода¹³². В том же году в Вене состоялось подписание договора между Внешторгбанком СССР и американским бизнесменом Виктором Фриманом на открытие кредитной линии в 50 млн. долларов под обеспечение советским экспортом.

В 1928 году, когда экспорт из СССР составил 327, 43 млн. долларов США, то импорт был в 422, 35 млн., а разница частично покрывалась за счет продаж золота. В 1927—1929 годах его вывезли на 390 млн. рублей, что дало около 195 млн. долларов¹³³. Конечно, Сталин не упускал и иные возможности, обеспечивающие модернизацию советской промышленности и ее экономики.

Кроме Америки и Германии СССР получал кредиты и у других стран. Так, в конце 20-х и первой половине 30-х годов Великобритания ежегодно кредитовала советские закупки на сумму до 20—25 млн. фунтов стерлингов. В 1936 году Англия предоставила СССР кредит в 10 млн. фунтов стерлингов. Кредит в 200 млн. лир под советские закупки в 1930 году и 350 млн лир в 1931 году предоставила Италия. В 1935 году кредит на сумму в 250 млн. крон предоставила СССР Чехословакия, а в 1940-м СССР получил кредит в размере 100 млн. крон и от Швеции.

Пожалуй, приведенной краткой сухой статистики достаточно, чтобы понять, что Сталин действительно был великим организатором и не мог строить экономическую политику лишь на продаже за границу зерна, как это десятилетиями утверждали высоколобые «интеллигенты». Социалистическую собственность он создавал на средства капиталистов. Еще одной особенностью его трезвой и взвешенной политики являлось то, что он осознавал объективную истину: страна никогда не станет промышленной державой, если при модернизации она не использует весь накопленный мировой опыт.

Однако до 1934 года официальных связей между СССР и промышленно развитой Америкой не было. Зато страна обладала лучшей «валютой», которую можно было использовать в современном мире. Напомним, что свою революционную деятельность Сталин начинал в Батуми и Баку, поэтому он не понаслышке знал о роли «черного золота» в мировой экономике.

Еще в 1921 году американская компания «Standard Oil Co» построила в СССР нефтеперерабатывающий завод. Позже эти контакты были возобновлены, и в 1927 году эта же фирма предоставила кредит в 75 млн долларов под поставки бакинской нефти компании «Вакуум Ойл» и в 1928 году запустила керосиновый завод. Весной этого же года было объявлено о заключении различных контрактов с американскими компаниями «Standard Oil Company of York» и «Vacuum Oil Company» на ежегодную закупку советских нефтепродуктов на общую сумму 10

¹³² Материалы III научно-практической конференции «Дискуссионные проблемы российской истории в вузовском и школьном курсах». Арзамас, 1998.

¹³³ community.livejournal.com/su_industria/42105.html

млн. долларов. В 1930 году американские установки для крекинга нефти системы «Jenkins» начали работать в Батуми. 15 крекинг-установок с 1930 по 1932 год поставила американская компания «Winkler-Koch».

К 1930 году в стране было построено 19 нефтеперерабатывающих заводов, и только на одном из них стояло советское оборудование. В 1928—1929 годах на экспорт отправлялось 88% всего производимого в СССР топлива. После начала холодной войны советские историки не афишировали тот факт, что ядро советского военно-промышленного комплекса первых пятилеток было спроектировано и оснащено оборудованием при непосредственном участии инженеров американских фирм.

Между тем Сталин в полной мере использовал потенциал предприимчивых акул США, предприняв решительные шаги к тому, что уже к началу 1-й пятилетки СССР начали кредитовать финансовые учреждения Уолл-стрит. Так, в 1927 году компания «Kuhn Loeb and C^o» предоставила заем для Советского Союза в размере 65 млн. долларов. В 1928 году национальный банк «Rockefeller's Chase National Bank» начал продавать в Америке советские облигации.

Результатом его политики стало то, что из 788 основных объектов индустрии, построенных в СССР в 1926—1927 годах (по разным данным), от 521 до 571 соорудалось при участии американцев. К примеру, металлоконструкции для доменных печей Магнитогорска, включая восемь самых больших печей, спроектировала и поставила американская корпорация «Clearing Mach Corp». Соглашение между «Radio Corporation of America» и советским электротехническим трестом обеспечило возможность обмена патентами и информацией в сфере радиотехники и технической помощи со стороны «Radio Corporation of America».

Серьезные контракты с американскими предпринимателями советские тресты заключили в 1928 году. Важнейшим из них было соглашение между «General Electric» и торговой корпорацией «Амторг». В соответствии с ним «Амторгу» предоставлялся долгосрочный кредит на период в 6 лет для покупки электрического оборудования на общую сумму в 26 млн. долларов США. Для сопровождения контрактов «General Electric» создала в Москве техническое бюро. Именно эта фирма поставила первые пять электрогенераторов для Днепрогэса, установку которых производили тоже американские инженеры.

Американский опыт Вождь использовал и для создания советского автомобилестроения. 31 мая 1929 года Генри Форд и корпорация «Ford Corporation» тракт, позволяющий Советскому Союзу строить в Нижнем Новгороде автомобили «ГАЗ-А» и грузовики «ГАЗ-АА». Строительством завода руководили американские инженеры корпорации Форда, которая поставила и большую часть оборудования. Помощь в организации производства двух с половиной тонных грузовиков «АМО-3» предоставляла компания «Austin», Кливленд, штат Огайо.

В 1932 году компания «Holley Carburetors Co» из Детройта, штат Мичиган, построила в Самаре карбюраторный, моторный завод. Копиями автомобилей

американской фирмы «Autocar» были и грузовики «ЗИС-5» и «ЗИС-6», производимые в Москве, на заводе имени Сталина. Точной копией грузовиков «Ford» образца 1934 года во время войны были грузовики «ГАЗ-М», производимые заводом №1 им. Молотова в Горьком. По проекту завода «Seiberling» в Акроне, штат Огайо, был построен Ярославский завод автопокрышек.

Общеизвестна сталинская фраза, оглашенная им в 1931 году: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет; мы должны пробежать это расстояние за 10—15 лет, иначе нас сомнут». Но советский Вождь не ограничился декларацией. Именно в 1931 году СССР стал самым крупным покупателем машин на мировом рынке. Действуя по продуманному плану, фактически Сталин осуществил научно-техническую революцию. В ходе которой, используя передовой опыт развитых стран, Советский Союз прошел вековой путь технологического прогресса всего за 8-10 лет.

В ходе первой пятилетки было сооружено 1500 промышленных предприятий, включая авиационные, тракторные и автомобильные. Строительством руководили инженеры из США и Великобритании. Так, тракторный и танковый заводы были построены по руководством фирмы «Кадлер» из Детройта. В целом в строительстве советских тракторных заводов принимали участие 80 американских компаний.

Но и это было не все. Накануне войны страна приобрела больше половины германского, английского и третью часть американского экспорта станков. Иностранным оборудованием были оснащены автомобильный завод в Нижнем Новгороде, тракторный гигант в Сталинграде, азотно-туковый комбинат в Березниках, Новокраматорский завод тяжелого машиностроения и ряд других крупных предприятий. На любой большой стройке можно было увидеть американские грузовики и тракторы. В 1929-1932 годах было закуплено более 500 экскаваторов, но уже к концу первой пятилетки было выпущено 85 отечественных.

Конечно, помощь западных компаний была небескорытна. Сталинская индустриализация совпала по времени с мировым финансовым кризисом, обрушившим в 1929 году финансовые биржи Нью-Йорка. И выполнение советских заказов оказалось выходом из тяжелого положения не только для иностранных фирм, но и для их персонала. В 1930 году в СССР работало 4,5 тысячи зарубежных рабочих, техников и инженеров, курировавших строительство и монтаж оборудования.

Они оказали существенную помощь в строительстве, пуске и освоении новых производств, а также в обучении советского персонала по обслуживанию оборудования. Иностранцы, отличившиеся на этом поприще, даже были награждены орденами СССР. Наибольшее количество зарубежных специалистов и рабочих, занятых на предприятиях Наркомтяжпрома, было на 1 января 1933 года — 6550 человек. Однако уже начиная с 1934 года число иностранных специалистов пошло на убыль, и на 1 января 1935 года по Наркомтяжпрому было зафиксировано:

немцев — 1719 человек, австрийцев — 871, чехословаков — 542, американцев — 308 человек.

Вождь не скрывал той роли, которую сыграли в ходе индустриализации иностранные фирмы. Наоборот, в июне 1944 года, в разговоре с послом США Гарриманом, Сталин подчеркнул, что «две трети советской тяжелой промышленности было построено компаниями США, а остальное построили Германия, Франция, Великобритания и Италия». Предпринятые им меры быстро принесли свои результаты. Уже в 1932 году СССР отказался от ввоза тракторов из-за границы, а в 1934 г. Кировский завод в Ленинграде приступил к выпуску пропашного трактора «Универсал», ставшего первым отечественным трактором, экспортируемым за границу. За десять предвоенных лет было выпущено около 700 тыс. тракторов, что составило 40% *от их мирового производства*.

Наряду с общей программой модернизации промышленности, на основе зарубежного опыта Сталин и Советское правительство целенаправленно совершенствовали оборонные отрасли. Еще 10 октября 1928 года в Москве было заключено соглашение между советским Государственным оружейно-пулеметным трестом и фирмой «Карл Вальтер» (оружейный завод в Тюрингии). В соответствии с соглашением после уплаты суммы в 120 тыс. марок фирма обязалась оказать тресту полное техническое содействие в организации производства по нарезке стволов для мелкокалиберных ружей. Специалисты треста приняли участие и в организации опытов по нарезке стволов трехлинейных винтовок и пулеметов, проводимых самой фирмой.

Одновременно трест получал право посылать в течение трех лет своих специалистов для изучения производства по нарезке стволов на станках фирмы «Вальтер». Немцы обязывались предоставить им возможность ознакомиться с соответствующей документацией и детально изучить технологию изготовления инструментов, используемых при нарезке стволов и производстве оружия.

В марте—апреле 1929 года по поручению руководства страны заместитель начальника ВВС РККА Алкснис провел переговоры с представителями фирмы «БМВ» о закупке 200 авиамоторов «БМВ VI» и 102 истребителей «НД 37» у фирмы «Хайнкель». Было закуплено 100 моторов и 20 гидросамолетов «Дорнье-Валь». К началу августа 1929 года общая сумма средств, выделенных на военные закупки в Германии, составила около 7,2 млн руб. Основные заказы были сделаны по линии «Авиатреста», «Орудартреста», «ВОХИМ-треста», «Оружейно-пулеметного треста»¹³⁴.

В эти же годы осуществлялись контакты с германскими фирмами в области развития металлургии. Еще 17 июня 1929 года Государственное объединение машиностроительных заводов («Гомза») заключило договор о технической помощи по специальным сталям с фирмой «Круппа». Контракт обошелся в 1,15 млн

¹³⁴ РГВА. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 112. Л. 18-19.

американских долларов, которые выплачивались по частям вплоть до 1939 года. При этом немецкая фирма обязалась предоставить специалистам «Гомзы» подробные наставления своих заводов и лабораторий относительно методов и способов производства специальных марок сталей. Для этого «Гомза» получала право ежегодно направлять до 30 инженеров на немецкую фирму для обучения.

К середине 30-х годов практику в Германии прошло более 100 человек. Одним из практикантов, учившихся на сталелитейном заводе «Круппа» в Эссене, оказался будущий нарком черной металлургии, а затем — судостроения СССР И. Ф. Тевосян. В 1939—1940 годах, после подписания пакта «Молотова—Риббентропа», уже будучи наркомом, Тевосян вновь активно участвовал в налаживании военно-промышленного сотрудничества СССР с Германией¹³⁵.

Серьезные успехи советской промышленности не остались вне внимания западных наблюдателей. Начальник вооружений германского рейхсвера генерал Боккельберг, посетивший СССР в мае 1933 года, в докладе о поездке отмечал: «1) ЦАГИ оставил очень хорошее впечатление... ГАЗ № 1 (б. Дукс) — 4500 рабочих. Прекрасно оборудованный завод. Химкомбинат Бобрики архисовременное предприятие... Авиазавод — Александровск — 5000 рабочих... Современный завод, хорошее руководство, полностью нагружен...

2) Вновь построенные промышленные предприятия всюду оставляют исключительно хорошее впечатление. Советский Союз в ближайшие 10 лет достигнет цели — полного освобождения от иностранной зависимости. 3) Совместная работа с Красной армией и советской военной промышленностью, учитывая грандиозность советских планов, крайне желательна не только по военно-политическим соображениям, но и по военно-техническим».

Успехи Советского Союза действительно впечатляли. Выступая 7 января 1933 года на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) с докладом «Итоги первой пятилетки», И. В. Сталин перечислил те новые отрасли промышленности, которые возникли в СССР благодаря именно форсированной индустриализации. В числе новых видов промышленности он назвал: тракторную, автомобильную, химическую, авиационную, станкостроительную, энергетическую и производство сельскохозяйственных машин. Он пояснял:

«И мы не только создали эти новые громадные отрасли промышленности, но мы их создали в таком масштабе и в таких размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии. Наконец, все это привело к тому, что из страны слабой и не подготовленной к обороне Советский Союз превратился в страну могучую в смысле обороноспособности, в страну, готовую ко всяким случайностям, в страну, способную производить в массовом масштабе все современные орудия обороны и снабдить ими свою армию в случае нападения извне».

¹³⁵ *Zeidler Manfred. Op. cit. S. 230, 236.*

Да, рост тяжелой промышленности СССР в 1928—1940 годах осуществлялся поистине гигантскими темпами. Они были в 2—3 раза выше, чем за 13 лет развития России — в 1900—1913 годах перед Первой мировой войной. В целом в годы первых пятилеток в стране было построено свыше 9 тыс. предприятий. «За 12 лет сталинской индустриализации годовое производство чугуна и стали увеличилось в 4—5 раз (с 3—4 млн. т до 15—18 млн. т), угля почти в 5 раз (с 35 до 166 млн. т)».

Уже в конце 30-х годов по объемам промышленного производства Советский Союз «вышел на 1-е место в Европе и 2-е место в мире после США. За 6 лет — с 1929 по 1935 год — он сумел поднять выплавку чугуна с 4,3 до 12,5 млн. т», на что «США понадобилось 18 лет». К концу 30-х годов СССР стал первой страной в мире по молодости станочного парка и одной из 3—4 стран, способных производить любой вид промышленной продукции, доступной в данное время человечеству.

За период с 1928 по 1937 год промышленное производство выросло в 2,5—3,5 раза, то есть на 10,5—16% в год. Выпуск машинного оборудования в среднем увеличивался на 27,4% в год. К концу второй пятилетки по объему промышленной продукции СССР занял второе место в мире, уступая лишь США. К 1940 году в стране было построено около 9000 новых заводов.

Самыми знаменитыми среди новостроек стали два металлургических комбината: Магнитогорский — на Урале и Кузнецкий территориальный комплекс — угольно-металлургическая база страны в Западной Сибири. Были введены в строй предприятия химической, энергетической, нефтяной и других отраслей.

СССР стал единственной развитой страной, где была ликвидирована безработица. Если в начале коллективизации в сельском хозяйстве было занято 80 млн человек, то в 1933 году осталось 56 млн. Остальные 24 млн пошли на заводы, стройки, пополнили ряды военных, а молодежь подалась в город — на учебу в средних и высших учебных заведениях. Причем среди мигрантов были и выходцы из кулацких семей.

Ведомая твердой рукой Вождя, страна вступила в гонку со временем; она обгоняла время, и это меняло весь образ жизни всего населения, наполняя ее новым смыслом и содержанием. Призыв: «Время — вперед!» являлся не пропагандистским лозунгом. Индустриализация привела к значительному росту рабочего класса и инженерно-технических специалистов — с 9 млн. в 1928 году до 24 млн. в 1940 году. С 500 тысяч до 2,5 млн. человек возросла численность инженеров и техников. Если в 1913 году в России было 1,9 млн. специалистов с высшим и средним специальным образованием, то к 1941 году их численность возросла в 2,7 раза и составила 5,13 млн. В 1914 году в высших учебных заведениях обучалось 127 тысяч студентов, а в 1940 году их численность достигла 811 тысяч. За 1920—1940 годы обучение грамоте прошло около 60 млн. человек взрослого населения. В 1930 году в СССР было введено всеобщее начальное, а в городах обязательное семилетнее образование. Только школы фабрично-заводского ученичества за 1929—1940 годы подготовили свыше 2,3 млн. квалифицированных рабочих.

Именно Сталин заложил фундамент советской науки. Так, уже 29 августа 1930 года был создан Московский авиационный институт, а 3 декабря 1930 года открыт Институт авиационных моторов, с 1932 года — Центральный институт авиационного моторостроения (ЦИАМ). 6 декабря 1940 года был открыт Московский авиационный технологический институт; с 1928 по 1937 год вузы и техникумы страны подготовили около 2 млн. специалистов.

Конечно, эффективная перестройка промышленности была бы невозможна без реформы системы ее управления. В том же 1932 году громоздкий и неэффективный Высший совет народного хозяйства был разделен на наркоматы тяжелой, легкой и лесной промышленности. В первый, а точнее, в Главное военно-мобилизационное управление Народного комиссариата тяжелой промышленности (НКТП), вошла вся военная промышленность. Как и другие главки, ГВМУ имело трехступенчатую структуру: главк — трест — завод. В числе трестов были «Авиатрест, Орудийно-арсенальное объединение (Орударс), оружейно-пулеметный трест (Ружпультрест), объединение «Патрубвзрыв», занятое производством патронов и снарядов, и Военно-химический трест».

В целом в состав этих ведомств входило 127 предприятий. Больше всего — 41 предприятие — подчинялось Авиатресту. При 45 предприятиях имелись конструкторские бюро, которые в 1933 году в режиме секретности были целиком переведены на военные рельсы. ГВМУ работало в прямом контакте с Наркоматом обороны, который и заказывал требующиеся виды оружия. А уже готовую продукцию принимали комиссии из представителей Народного комиссариата обороны, НКТП и самого завода-изготовителя. В 1935 году Авиатрест был выделен в самостоятельное Главное управление авиапромышленности, подчиненное непосредственно наркомату. Таким же образом функционировало и Главное управление судостроения, большинство заводов которого тоже перешло на выпуск военной продукции, и Ружпультрест, занимавшийся конструированием и производством и стрелкового оружия на заводах в Туле, Ижевске и Коврове.

Чтобы избавить оборонное ведомство от малых и неэффективных производств, к 1934 году число предприятий в двух оборонных главках сократили со 127 до 94, сосредоточив производство на крупных заводах. Среди предприятий, переданных в ведение ГВМУ, были заводы им. Молотова, «Большевик», «Баррикады», «Двигатель» и «Прогресс». В ведении главка оказался также ряд заводов, не входивших прежде в оборонную отрасль. Это обуславливалось тем, что производство сложной военной техники требовало координации технологического процесса многих предприятий — так, в производстве только танка Т-26 участвовало 23 завода. В их числе были завод им. Ворошилова, Ижорский завод, «Большевик» и «Красный Октябрь».

Очередной шаг в реформе управления оборонными отраслями был совершен в 1935 году. Единое ГВМУ было упразднено, а его предприятия подчинены двум новым главкам Наркомата тяжелой промышленности — Главному управлению

военной промышленности и Главному управлению боеприпасов. В их ведении находилось соответственно 18 и 21 предприятие, а всего оборонная отрасль включала в себя 71 предприятие. В новых главках система трестов была упразднена и сохранялась только в авиастроении, где в состав ГУАП входили: самолетостроительный, моторный и другие тресты, включавшие в свою структуру 24 завода. Реорганизация военной промышленности завершилась 8 декабря 1936 года, когда был создан самостоятельный Наркомат оборонной промышленности.

Однако Сталина не удовлетворили такие преобразования. Он продолжал искать наиболее оптимальный вариант управления оборонной промышленностью, и после Большой чистки в ее структуре произошла новая реорганизация. За два месяца до XVIII съезда ВКП(б), 11 января

— года, НКОП разделили на наркоматы: вооружений и боеприпасов, авиационной и судостроительной промышленности. Теперь Наркомат вооружений, которому подчинялись 25 заводов, включал три главных управления, занимавшиеся производством артиллерийских орудий, военной оптики и патронов. Его наркомом стал Б.Л. Ванников, а перед войной его сменил Д. Ф. Устинов.

Состоявший из четырех ГУ Наркомат боеприпасов руководил выпуском снарядов, авиабомб, пороха и мин. До марта 1941 года его наркомом был И. П. Сергеев, затем — П. Н. Горемыкин. Наркоматом авиапромышленности первоначально руководил М. М. Каганович. Однако в начале

— года, когда за развал работы его отстранили с поста, наркомом стал 37-летний А. И. Шахурин. Первоначально два Главных управления наркомата занимались производством истребителей и бомбардировщиков, но накануне войны создали главк, занимавшийся и капитальным строительством. При его участии было начато сооружение девяти новых авиастроительных и шести авиадвигательных заводов. Кроме того, в ведение НКАП в 1940—1941 годах было передано и 60 невоенных заводов.

Перед войной предприятия танкостроения перешли в ведение образованного в 1939 году Наркомата среднего машиностроения, составив особый главк — Главспецмаш, которому подчинялись 12 заводов. В их число входили такие гиганты индустрии, как Сталинградский и Челябинский тракторные заводы. Кроме танков НКСМ занимался также производством автомобилей и сельскохозяйственной техники, но с началом войны большинство предприятий ведомства были переданы новому Наркомату танковой промышленности. В ведении НКСМ остались четыре завода, выпускавшие для армии грузовые и легковые автомобили. Наркомат общего машиностроения, который до войны занимался выпуском оборудования для полиграфии, легкой и пищевой промышленности, в ноябре 1941 года был преобразован в Наркомат минометного вооружения.

Сталин понимал, что предстоявшая война станет «войной моторов». Поэтому перед Наркоматом топливной промышленности поставили задачу увеличить выпуск бензина, авиационного и дизельного топлива к 1937 году вдвое. Одновременно был организован новый трест — «Бензоскладострой», в обязанности которого входило

строительство топливных баз для заправки техники в западных районах страны. В годы третьей пятилетки ускоренное развитие получили химическая промышленность и металлургия, особенно производство специальных сталей. Одновременно предпринимались меры по созданию сырьевой базы для добычи и производства чугуна, стали, цветных металлов и минералов.

В результате мероприятий, осуществленных в годы сталинских пятилеток, накануне войны оборонная промышленность могла выпускать более 6 тыс. танков и около 10 тыс. самолетов в год, что в 1,5 раза превышало мощности танковой и авиационной промышленности гитлеровской Германии. В СССР был создан целый комплекс новых видов боевой техники и вооружений. Таких как танки КВ и Т-34, самолеты МиГ-3, Ил-2, Як-1, Пе-2 и др., реактивная установка залпового огня БМ-13 («Катюша»), 76-мм и другие артиллерийские орудия. На востоке страны строились заводы-дублеры, создавались стратегические запасы.

Уже в годы Гражданской войны, занимаясь организацией новых фронтов и их руководством, Сталин как никто другой осознал значимость тыла. В 1920 году, накануне советско-польской войны, в статье «Новый поход Антанты в Россию», опубликованной «Правдой» 25-26 мая, он писал: «Ни одна армия в мире не может победить (речь идет, конечно, о длительной и прочной победе) без устойчивого тыла. Тыл для фронта - первое дело, ибо он, и только он, питает фронт не только всеми видами довольствия, но и людьми — бойцами, настроениями, идеями. Неустойчивый, а еще более враждебный тыл обязательно превращает в неустойчивую и рыхлую массу самую лучшую, самую сплоченную армию...»

Приобретенный опыт руководства государством еще больше убедил его в том, что без прочного тыла, способного обеспечить армию современным вооружением, орудиями, танками и самолетами, без продовольственного и вещевого снабжения, без соответствующей морально- идеологической поддержки победить в войне невозможно. В отличие от ослепленных самоуверенностью военных профессионалов, Сталин не рассчитывал на «легкую» победу и в новой назревавшей войне.

Поэтому, осуществляя крупные закупки зарубежного оборудования, продолжавшиеся вплоть до начала Великой Отечественной войны, его целью было не только расширение текущего военного производства, но и создание запасов уникального и дефицитного оборудования и сырья — государственных резервов, позволяющих вести длительную затяжную кампанию. Именно предусмотрительность Сталина обеспечила стране тот потенциал, который позже, на протяжении четырех военных лет, являлся третьим советским фронтом.

При этом для обеспечения перехода от гражданского производства к военному в стране была создана разветвленная и строго централизованная система мобилизационной подготовки экономики. Специальные мобилизационные структуры были созданы начиная от всех высших институтов государственной власти и управления до каждого отдельного предприятия. Уже к маю 1932 года в

них было задействовано 45 тыс. человек. Эта система государственного планирования и партийного контроля сверху донизу идеально обеспечивала интеграцию гражданской промышленности в военную.

Она стала прекрасной школой для управления экономикой в условиях мобилизации. Повышению эффективности мобилизационной подготовки способствовали и регулярные учения по ее переводу на военное положение. В отличие от дилетанта Тухачевского, предлагавшего руководству страны за один 1931 год произвести 50 000 танков и такое же количество примитивных самолетов, Сталин прекрасно понимал, что любая техника морально устаревает. Поэтому «по проекту пятилетнего плана производство боевых самолетов планировалось сократить с 3515 единиц в 1933 году до 2000 единиц в 1937 году, танков — соответственно с 4220 до 2800 машин.

Одновременно в 1932 году мобилизационные мощности по выпуску этих видов вооружения предусматривалось умножить с тем, чтобы в случае начала войны можно было резко увеличить производство вооружения и техники. Именно эта система мобилизационной подготовки обеспечила победу СССР в годы Второй мировой войны. В 1941 году она позволила не только эвакуировать предприятия с захваченных немцами территорий и в кратчайшие сроки восстановить, а затем и приумножить производство военной продукции.

Несмотря на колоссальный урон в результате вторжения, промышленность СССР смогла произвести намного больше вооружения, чем германская. Так, уже в 1941 году она выпустила на 4 тысячи, а в 1942 году на 10 тыс. самолетов больше, чем Германия. В 1941 году производство танков в СССР составило 6590 машин против 3256 у немцев, а в 1942 году — соответственно 24 688 против 4098 танков. Уже в 1943 году производство танков и самолетов в СССР было вдвое больше, чем в Германии, орудий — в четыре раза, минометов — в пять раз.

Конечно, хотя накануне предстоявшей войны армия целенаправленно оснащалась танками, самолетами и артиллерией, к 1935 году главной ударной силой Вооруженных сил РККА оставались стрелковые войска. Их штатная численность составляла 394 тыс. человек¹³⁶. В состав стрелковых войск входили: управления корпусов, дивизий и бригад, стрелковые и зенитно-пулеметные части, батальонная, полковая, дивизионная, корпусная и зенитная артиллерия, войсковая конница, части связи, инженерные части, автомобильные части, танковые части, химические части, авиационные части, судебные органы, прочие (тыловые) части и учреждения¹³⁷.

К январю 1935 года в составе РККА насчитывалось 20 управлений стрелковых корпусов, 84 стрелковых дивизии, 1 стрелковая бригада и 2 территориальных отдельных стрелковых полка. В целом это составляло 150 дивизий и 2 бригады. Все эти соединения и части были распределены по всей территории СССР, между 8 военными округами — Московский, Ленинградский, Белорусский, Украинский,

¹³⁶ РГВА. Ф. 4044. Оп.1. Д. 1569. Л.2.

¹³⁷ РГВА. Ф. 25871. Оп. 2. Д.514. Л.225.

Северо-Кавказский, Приволжский, Средне-Азиатский, Сибирский ВО и двумя армиями — Кавказская Краснознаменная и Особая Краснознаменная Дальневосточная армии.

14 апреля 1935 года начальник Штаба РККА А.в И. Егоров подготовил доклад по развитию Вооруженных сил на 1936-1938 годы. В нем отмечался большой рост вооружений во всем «буржуазном лагере» и то, что выявившийся германо-польский блок в первую очередь направлен против СССР. Это заставляло руководство РККА рассматривать Западный театр военных действий в «качестве актуального фронта». Предполагалось, что уже в 1936 году германо-польский блок во взаимодействии с Финляндией может выставить до 120 пехотных дивизий, а к 1938-1939 годам совместно с Японией — до 250 пехотных дивизий и 20 пехотных бригад.

Исходя из необходимости иметь в случае войны на Западе 140 стрелковых дивизий, Штаб РККА предлагал сформировать 12 соединений нового типа, в качестве кадровых стрелковых дивизий укрепленных районов численностью до 7000 человек, включив в них гарнизоны 7 УРов. Одновременно намечалось перевести на кадровое положение 29 стрелковых дивизий, в числе всех дивизии БВО и 17 дивизий УВО, дислоцированных на правом берегу Украины, усилив их до 7-тысячного состава. В целом предполагалось иметь в мирное время в составе РККА 100 стрелковых дивизий и 175 — после мобилизационного развертывания. В итоге численность стрелковых войск должна была увеличиться на 210 000 человек и достигнуть 604 тысяч.

Данный план был принят за основу, и в мае 1935 года, с изменениями, он был утвержден постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Увеличение числа стрелковых дивизий намечалось до 100 к 1.1.1937 и до 106 — к 1.1.1938. В результате реализации намеченных мероприятий подверглись реформе как органы высшего военного управления, так и структура стрелковых войск.

17 мая 1935 года была радикально изменена военно-административная система РККА. Вместо 8 военных округов и 2 отдельных армий создавались 13 военных округов — Московский, Ленинградский, Белорусский, Киевский, Харьковский, Северо-Кавказский, Закавказский, Средне-Азиатский, Приволжский, Уральский, Сибирский, Забайкальский и Дальневосточный.

Все лето и осень 1935 года Наркомат обороны и штабы военных округов вели работу по вопросам оптимального размещения и развертывания новых соединений, подготовки новых штатов и особенно по реорганизации войск укрепленных районов. Начавшаяся реформа армии сопровождалась и другими организационными мерами. Решением Политбюро от 5 сентября с 22-го числа Штаб РККА был переименован в Генеральный штаб, а на следующий день «Правда» опубликовала постановление ЦК и Совнаркома «О введении персональных военных званий начальствующего состава РККА» и об утверждении положения «О прохождении воинской службы командным и начальствующим составом РККА».

22 ноября 1935 года был создан Военный совет при наркомате обороны, а 3 декабря в армии была введена новая форма и знаки отличия на петлицах и рукавах. Сержантам и старшинам — треугольнички, лейтенантам — кубики. Старшим офицерам полагались прямоугольные знаки отличия, прозванные в обиходе «шпалами»: капитану — одна «шпала», майору — две, полковнику — три. Правда, в 1935 году руководство наркомата не решилось на возвращение генеральских званий. Это произойдет в 1940 году. Пока же вместо них появились звания: комбриг (равно полковнику) — один ромб, комдив (генерал-майору) — два ромба, комкор (генерал-лейтенанту) — три ромба, командарм 2-го ранга (генерал-полковнику) — четыре ромба, командарм 1-го ранга (генерал армии) — четыре ромба и звезда.

Фактически эти звания соответствовали занимаемым высшим *должностям* в армии. Говоря иначе, это свидетельствовало о том «чиновничьем» положении, которое занимали военнослужащие в армейской иерархии. Это же относилось и к званиям маршалов. Свои звания появились и у политработников. В их числе: младший политрук (равно лейтенанту), старший политрук (капитану), батальонный комиссар (майору), полковой комиссар (полковнику), бригадный комиссар (комбригу), дивизионный комиссар (генерал-майору), корпусной комиссар (генерал-лейтенанту), армейский комиссар 2-го ранга (генерал-полковнику), армейский комиссар 1-го ранга (генералу армии).

Следует сказать, что впоследствии такая иерархическая субординация политработников дала основания для спекуляции историков, запустивших в обиход миф «об уничтожении» накануне войны «40-ка тысяч полководцев» — элиты «командного состава Красной Армии». Впервые эта инсинуация была озвучена в докладе Хрущева с трибуны XX съезда КПСС:

«Весьма тяжкие последствия, особенно для начального периода войны, имело так же то обстоятельство, что на протяжении 1937-1941 годов в результате подозрительности Сталина по клеветническим обвинениям истреблены были многочисленные кадры армейских командиров и политработников. На протяжении этих лет репрессировано было несколько слоев командных кадров, начиная буквально от роты и батальона и до высших армейских центров, в том числе почти полностью были уничтожены те командные кадры, которые получили какой-то опыт ведения войны в Испании и на Дальнем Востоке¹³⁸».

Не будем рассматривать, что дал военным хоть «какой-то» опыт «войны в Испании» и боев у озера Хасан и у реки Халхин-Гол. Абсурд в том, что спустя 50 лет практически эту же мысль навязывают выпускникам российских школ преподаватели истории! Так, авторы «пособия для учителя» «Методические рекомендации. История России XX — начало XXI века» для 11-го класса Ю. А. Щетинов, Л. В. Жукова пишут:

¹³⁸ Доклад Хрущева О культе личности и его последствиях. XX съезду КПСС. Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 148.

*«Огромный урон боеспособности армии нанесли сталинские «чистки». Только с мая 1937 г. по сентябрь 1938 г. репрессиям подверглись почти все командиры дивизий и бригад, все командиры корпусов и командующие войсками военных округов, большинство *политработников корпусов, дивизий и бригад*, около половины командиров полков. Из 733 человек высшего *командно-политического состава* Вооруженных сил (от комбрига до маршала) погибло 579.*

Армия оказалась в руках военачальников, чьи знания и стратегическое мышление соответствовали уровню Первой мировой и Гражданской войн, либо поспешно выдвинутых малоопытных командиров (в силу резкого увеличения численности воинских частей в предвоенные годы). К началу 1941 г. только 7% из их числа имели высшее военное образование».

Обратим внимание на очевидные нелепости, если не сказать идиотизм, логики авторов пособия. Из сказанного вытекает, что вследствие репрессий 733 военачальников «высшего *командно-политического состава*» армия оказалась в руках *неграмотных командиров*, чьи «*знания и стратегическое мышление соответствовали уровню Первой мировой и Гражданской войн*». Но, во-первых, даже думающий школьник вправе спросить учителя: а *какие знания и опыт* были у репрессированных военачальников? И на каких войнах, кроме Гражданской, совершенствовали свое «стратегическое мышление» Тухачевский, Якир, Уборевич и другие расстрелянные «полководцы»?

И, во-вторых, где нарком Ворошилов мог взять «опытных» военных? И откуда Наркомат обороны черпал «*поспешно выдвинутых малоопытных командиров*»? Но сошлемся на мнение профессионалов, более компетентных, чем преподаватели истории. О том, что в действительности представляли собой «истребленные» командные кадры РККА, свидетельствует оценка специалистов германской разведки, сделанная в начале 1933 года:

*«Общая оценка армии. Значение армии в общем поднялось до такой степени, что она в состоянии вести оборонительную войну против любого противника. При нападении на Красную Армию современных европейских армий великих держав возможная победа их на сегодня может быть поставлена под вопрос. При своем *численном превосходстве* Красная Армия в состоянии вести победоносную наступательную войну против своих непосредственных соседей на Западе (Польша, Румыния)...»*

То есть речь идет о *численности* и армии. Казалось бы, что такое мнение говорило о хорошем качественном состоянии кадрового состава РККА и давало основание для оптимизма. Однако германские специалисты сделали из сказанного противоположный вывод:

*«...В основном строительство вооруженных сил закончено. Теперь, очевидно, настало время *по созданию инициативного и волевого командира всех степеней*. Однако... налицо опасность, что *это не удастся своевременно провести* и что средний командный состав застынет *на схеме и букве устава*. До сих пор армия*

страдает тем, что, *начиная от командира взвода и кончая командиром полка, командир не является еще полноценным. В своей массе они способны лишь решать задачи унтер-офицера. Несмотря на все мероприятия, проблема о командире Красной Армии еще не разрешена...*¹³⁹

Германские аналитики оказались правы. Как уже говорилось выше, неудовлетворительная боевая подготовка войск БВО и КВО выявилась на Белорусских, Полесских и других маневрах в 1935-1937 годах. Расстрелянные Тухачевский, Уборевич, Якир и другие «великие полководцы» кропотливую и грамотную выучку войск заменяли показухой. С марш-бросками и высадкой воздушных десантов. Когда «основной и почти единственной командой являлось громкое *«Вперед»*, повторяемое всеми от командира батальона до командира отделения».

Вместо обучения отдельных бойцов и командиров взаимодействию воинских подразделений, умению ориентироваться и поддерживать связь в бою, осуществлять управление подразделениями и войсками «гении» рисовали на картах стратегические планы грандиозных прорывов во фронтовых масштабах. И эта начетническая система будет ахиллесовой пятой Красной Армии в течение всей первой половины Великой Отечественной войны.

Порочность такой боевой подготовки войск выявилась уже в приграничных боях на Халхин-Голе и у озера Хасан, а впоследствии и в период советско-финской войны. К слову сказать, что Хрущев лгал, заявляя об уничтожении кадров из участников Гражданской войны в Испании. Как раз к этой категории «испанских» военачальников принадлежал Д. Павлов, возглавивший накануне войны Западный фронт. Участниками советско-финской войны были нарком обороны маршал Тимошенко, командующие Северо-Западным фронтом генерал-полковник Ф. И. Кузнецов и Юго-Западным — генерал-лейтенант М. П. Кирпонос. Военный опыт операции на Халхин-Голе имел Жуков, назначенный в 1940 году начальником Генерального штаба. Однако никто из этих военачальников не блеснул полководческим талантом в начале Великой Отечественной войны.

Но посмотрим на проблему в ином ракурсе. Кто готовил будущих полководцев в германской армии, завоевавших в ходе начала Второй мировой войны пол-Европы и значительную часть территории СССР? Следует напомнить, что в соответствии с условиями Версальского договора в Германии всеобщая воинская повинность отменялась, а состав германских вооруженных сил был ограничен 100-тысячной сухопутной армией и малочисленным военно-морским флотом. Германии было запрещено иметь Генеральный штаб, военную авиацию, подводные лодки, крупные боевые корабли, зенитную и тяжелую артиллерию, а также химическое оружие.

Решающий шаг на пути развертывания вооруженных сил для осуществления агрессивных акций был сделан 16 марта 1935 года, когда в Германии вышел закон о

¹³⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 457. Л. 41-43.

создании Вермахта (Wehrmacht) и была введена всеобщая воинская повинность. Министерство Рейхсвера было преобразовано в Имперское военное министерство, а практическое руководство всеми видами вооруженных сил осуществлял военный министр генерал Бломберг. Вермахт включал сухопутную армию, военно-морской и военно-воздушный флоты, имевшие собственные главные командования.

«Берлинер Берзенцайтунг» писала 9 мая: «Ложный путь, приведший к вере в маленькие, хорошо оснащенные армии, которые основаны на долгосрочной службе, окончен. Как и в Первую мировую войну, в новой войне придется считаться с вооруженной силой нации, то есть с многомиллионными армиями».

21 мая 1935 года был принят закон, определявший призывной контингент, сроки службы, обязанности и права военнослужащих. Первоначально срок службы в армии был установлен в один год. Однако по настоянию главного командования сухопутной армии с 24 августа 1936 года срок действительной службы был увеличен до двух лет. 16 марта 1935 года германское правительство объявило, что оно доводит количество сухопутной армии мирного времени до 36 дивизий, объединенных в 12 армейских корпусов. О составе сухопутных сил фашистской Германии свидетельствует следующая таблица¹⁴⁰.

Соединения	Количество	
	1932	1935
Пехотные дивизии	7	24
Танковые дивизии	—	3
Кавалерийские дивизии	3	2
Кавалерийские бригады	—	1
Горнострелковые бригады	-	1
Всего	10	31

В 1935 году было создано 11 корпусных и 3 окружных военных командования. Численность сухопутных сил достигла 300 тысяч, превысив в три раза количество, определенное Версальским договором. С учетом военно-морского и военно-воздушного флотов и всех вспомогательных войск личный состав достиг 900 тысяч.

В связи с тем, что в Рейхсвере служило всего 4 тыс. офицеров, резкое увеличение численности вооруженных сил не могло не создать кадровую проблему. Для ее ре-

¹⁴⁰ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945. М., 1956. Т. I. С. 18, 25, 28.

шения на службу начали призываться офицеры из запаса, демобилизованные чуть ли не 20 лет назад. Одновременно в офицеры стали производиться находившиеся ранее в рядах Рейхсвера фельдфебели и унтер-офицеры. Поэтому к началу Второй мировой войны у подавляющего числа немецких командиров стаж службы *в офицерских должностях не превышал 5- 7 лет*. Еще меньше было офицеров, окончивших какие-то специальные учебные заведения.

Причем базой для формирования массовой армии служил не только Рейхсвер, но и полиция. Организованная по армейскому принципу, она проходила регулярную боевую подготовку. Именно из полиции для Вермахта было взято около 2500 офицеров¹⁴¹. Но главным образом Вермахт пополнялся за счет кадров различных военизированных организаций, примыкавших к нацистской партии: СА, гитлерюгенда, национал-социалистских автомобильного и авиационного корпусов, спортивных обществ.

Важным резервом армии стала молодежная организация гитлерюгенд, к началу войны насчитывавшая до 8 млн. юношей. Эта организация имела свои части и подразделения, а её члены носили униформу и имели ранги и звания. Под руководством офицеров-инструкторов они обучались стрелковому делу. Один из руководителей гитлерюгенда заявил: «С течением времени мы хотим добиться того, чтобы немецкие школьники так же уверенно обращались с оружием, как с пером».

Военной подготовкой допризывников и демобилизованных, помимо выполнения охранно-полицейских функций, занимались и отряды СА. Прежде чем вступить в Вермахт, молодежь должна была пройти военное обучение по вооружению и боевой подготовке в отрядах СА или других военизированных организациях. К началу 1936 года в СА имелось 34 специальных соединения, насчитывавших до 320 тыс. человек, каждое из которых по численности приближалось к пехотной дивизии.

Подготовку кадров для танковых и моторизованных войск осуществлял и нацистский автомобильный корпус. Охватывающий до 400 тыс. автомобилистов, он имел мощную техническую учебную базу: 26 автомотошкол и 23 отдельные мотогруппы. В его распоряжении было около 150 тыс. автомашин и мотоциклов. Благодаря этой организации *в течение двух лет* немцам удалось создать три танковые дивизии, вооруженные легкими танками Т-1 и Т-II.

В конце 1933 года германское правительство приняло решение увеличить к 1 октября 1935 года парк ВВС до 1610 боевых самолетов. Из них почти 50% должны были составить бомбардировщики, разведчиков — 30%, истребителей — 12%, самолетов морской авиации — 6%. Личный состав ВВС готовился в летных школах гражданской авиации и многочисленных спортивных союзах. Спортивные общества и клубы были объединены в «Германский союз спортивной авиации»; они и подготовили основу немецкого авиационного корпуса. Только общество

¹⁴¹ Там же. С. 33.

«Спортфлюг» и его филиалы подготовили к 1933 году 3200 летчиков и 17 тыс. планеристов.

Программу строительства ВВС Министерство авиации, руководимое Герингом, приняло в июле 1934 года. Она предусматривала создание военно-воздушных сил в составе 4021 самолета, из которых *половину составляли учебные машины*. Поэтому авиационные предприятия должны были поставить дополнительно 894 бомбардировщика, 245 истребителей, 662 самолета-разведчика, 153 самолета морской авиации¹⁴². Эта программа стала проводиться в жизнь, и 10 марта 1935 года Геринг официально объявил о решении германского правительства создать военно-воздушные силы. К тому времени Германия имела 2500 самолетов, правда, только 800 из них были боевыми. Тем не менее было сформировано 20 боевых эскадрилий, в том числе 4 истребительные, 7 бомбардировочных, 5 разведывательных; 20 эскадрилий имелось при летных училищах¹⁴³.

Глава 17. Выдвиженцы Гамарника

Но посмотрим внимательнее и на «полководцев», возглавлявших до Большой чистки Красную Армию. В июле 1931 года в состав советской военной элиты входило 47 человек. Председатель РВС СССР и Нарком К.Е. Ворошилов, его заместители Гамарник и Тухачевский. Среди других «генералов» РККА были: С. С. Каменев, А.И. Егоров, В. К. Триандафиллов, В. И. Левичев, Б.М. Фельдман, И. Э. Якир, И. П. Уборевич, А.И. Корк, И. И. Гарькавый, С. П. Урицкий, С.М. Белицкий, Б.М. Шапошников, П. Е. Дыбенко, В. К. Блюхер, В. К. Путна и др.

По данным, приведенным С.Т. Минаковым в работе «Советская военная элита в политической борьбе 20-30-х годов», в числе этих командиров, оказавшихся «во главе армии, 25 были русские, 6 украинцев, 6 евреев, 4 поляка, 3 литовца, 1 латыш, 1 эстонец, 1 немец и 1 грек. (...) По образовательному цензу 14 человек были кадровыми офицерами старой русской армии; 23 — офицеры военного времени; 6 — служили солдатами и матросами и 5 не служили. 10 — генштабисты старой армии. 15 прослушали курс в германской Военной академии. 44 были членами партии».

В историографии утвердилось мнение, будто бы довоенные репрессии носили исключительно «политический характер». Конечно, это не так, но, безусловно, что политические органы играли первостепенную роль в комплектовании кадрового состава армии. Без поддержки политических органов ни один военачальник не мог рассчитывать на престижную должность в армейской иерархии и уж тем более на осуществление дальнейшей карьеры. Как говорилось выше, с октября 1929 года до

¹⁴² Ibid. S. 57.

¹⁴³ Auf antisowjetischen Kriegskurs. S. 389-390.

середины мая 1937 года пост начальника Политуправления РККА занимал армейский комиссар 1-го ранга Яков Гамарник.

Именно он на протяжении семи с половиной лет руководил как назначениями, так и всеми чистками в армии. Уже вскоре после его вступления на пост в 1930—1931 годах подверглись репрессиям служившие в РККА бывшие офицеры и генералы царской армии. В процессе операции «Весна», проведенной ОГПУ совместно с политорганами, было арестовано свыше 3 тысяч бывших военспецов. Арестам, заключению и даже расстрелам подверглись многие известные в период Гражданской войны и в 20-е годы «военспецы-генштабисты». В их числе оказались: А. Снесарев, А. Свечин, П. Сытин, Ф. Новицкий, А. Верховский, Н. Соллогуб, А. Балтийский, Г. Потапов, Д. Зуев, Ю. Гравицкий, Н. Морозов, А. Гутор, А. Базаревский и др.

С этого времени «генштабистов старой армии» вытеснили новые выдвиженцы. По данным Минакова, «с 1928 по 1931 г. номенклатурный состав военной элиты обновился более чем наполовину, а начиная с 1924 г. по 1931 г. - примерно на 80,6%». С 1934 года влияние Гамарника на кадровую политику еще более усилилось, когда с его подачи Управление по начальствующему составу ГУРККА оказалось в руках Бориса Фельдмана. Уже к 1937 году на высших должностях руководителей Управлений РККА, военных округов и частей оказалось значительное количество людей той же национальности, что и главные «кадровики». То были давние друзья по Гражданской войне, давние соратники, единомышленники в служебных вопросах.

Именно эти выдвиженцы Гамарника и Фельдмана составят специфическую когорту «великих полководцев», о которых будут лить слезы «дети оттепели» с «Арбата». Обратим внимание на то, что, за исключением поделщиков Тухачевского, советская историография не называла поименно военачальников, ставших «жертвами репрессий», не упоминались и занимаемые должности. Историки цинично пересчитывали «полководцев» как товар, арифметически — по званиям: «3 из 5-ти», «15 из 17-ти»...

Такое банальное повторение знаков отличия на петлицах напоминает тавро, которым владельцы скота метят свое стадо. И это не было случайностью. Пораженный «генеральской» звездностью, обыватель сразу впадал в гипнотический транс и, подобно известному бравому Швейку, готов был сразу взять под козырек. Однако существовала еще одна причина для безымянной панихиды по «жертвам репрессий». Дело в том, что в числе репрессированных военных с высокими званиями оказалось значительное число людей еврейской национальности, а по идеологическим мотивам правящие верхи не афишировали такую особенность.

Но чтобы не уподобляться простакам, принимающим ходячие мифы за чистую монету и увидеть в событиях 37-го года какую-то логику, посмотрим: чем же «полководили» военачальники, расстрелянные в 1937-1941 годах? Из публикации «Евреи в руководстве СССР» (www.beseder.co.il) обнаруживается, что высшую

ступень в армейской иерархии занимали начальники управлений наркомата обороны:

1. «Полководцы» штабных кабинетов

Фельдман Б.М. — начальник Управления начсостава РККА.
Перцовский З.Д. — зам. нач. финансов. Отд. Наркомата обороны.
Ткачев М.Л. - нач. группы контроля при наркомате обороны СССР.
Барский Б.Е. — нач. 3-го управления Генерального штаба.
Геккер А. Н. — нач. отдела внешних сношений Генштаба.
Уншлихт И.С. — начальник снабжения РККА.
Смушкевич Я. В. — начальник ВВС, зам наркома обороны.
Розенгольц А.П. — начальник управлен. ВВС Наркомата обороны.
Штерн Г.М. — начальник управления ПВО Наркомата обороны.
Ольшанский М. М. — зам. нач. Автобронетанкового управл. РККА.
Железняков Л. М. — нач. науч-технич. отд. Артиллерийск. управ.
Илатовский Н.А. — пом. нач. отдела баз Гл. Артиллер. управления.
Угрюмов Л. Я. — зам. нач. Управл. боевой подготовки РККА.
Аскольдов Я.Л. — нач. Главного военно-инж. упр. РККА.
Медников М.Л. - нач. Управления тылового снабжения РККА.
Левензон Ф.Я. — нач. Строительно-квартирного управления РККА.
Рейнер Б. А. — пом. начальника Санитарного управления РККА.
Зарайский А.Н. — пом. нач. отдела Санитарного управл. РККА.
Киверцев А.Ю. (Китаер А.) — нач. Управл. военно-строит. работ.
Угрюмов Л.Я. — зам. нач. Управления боевой подготовки РККА.
Вольпе А.М. — начальник Администрат.-мобилизационного упр.
Кальпус Б.А. — инспектор физподготовки и спорта РККА.

Кто же из этих военных — сотрудников Наркомата обороны, имевших высокие звания комкоров и комдивов (т.е. генерал-лейтенантов и генерал-майоров) — мог стать Суворовым или Кутузовым 1941 года? Все они — лишь обычные чиновники, каких можно было обнаружить в аппарате любого гражданского ведомства, но, безусловно, «полководцами» не были ни финансист Перцовский, ни инспектор физподготовки Кальпус. Впрочем, сложно найти «гениев-стратегов» и в военных кругах, где среди репрессированных «полководцев» оказались:

Демба А. И. — зам. командующего войсками Киевского ВО.
Певзнер И. Б. — нач. отд. продовольст. фуражного снабжения КВО.
Туровский С.А. — зам. командующего Харьковским ВО.
Бреслав Б. Е. — командующий войсками Московского ВО.
Германович М. Я. — зам. командующего Ленинградским ВО.
Драгилев В. Г. — нач. ПВО Ленинградского военного округа.
Давидовский Я. Л. — зам командуют. Забайкальским воен. окр.
Попок Я. А. — член Военного Совета Закавказского воен. округа.

Рубинов Я. Г. — начальник штаба Забайкальского воен. округа.
Сангурский М. В. — зам. команд. Особой Дальневосточ. армией.
Бобров Б. И. — начальник штаба Белорусского воен. округа.
Лиханский К.К. — начальник ПВО Белорусского военного округа.
Зафран И. И. — начфин. Приволжского военного округа.
Островский А. И. — зам. нач. штаба Ленинградского ВО.
Крук И. М. - нач. штаба 3-го отдела Северо-Кавказского ВО.
Кособуцкий И. С. — нач. штаба Новгород-Волынск. укреп. р-на.
Печерский Е.С. — командующий войсками особого назначения.
Блюм И. Э. - нач. артиллерии Уральского военного округа.
Беккер С. И. — пом. команд. Приморск. группы войск по матчасти.
Таль Б.М. - командир 25-й кавдивизии им. Чапаева.
Зюк М. О. — командир 25-й стрелковой дивизии.
Казанский Е.С. — командир 5-го стрелкового корпуса Бел. ВО.
Полунов М.Л. — командир 2-й Белорусской стрелковой дивизии.
Данненберг Е.Е. - командир 52-й стрелковой дивизии.
Каган М.А. — командир авиационной бригады.
Колчук Ф.С. - командир эксплуатац. Железнодорож. бригады.
Тантелевский Е.Б. — командир 23-й тяжелобомбардир. бригады.
Бакши М.М. — командир 7-го механизированного корпуса.
Лабас А.А. — нач. штаба 45-го механизированного корпуса.
Шмидт Д.А. (Гутман Д.А.) - ком. 8-й механизир. бригады.
Пугачевский П. О. — военный комендант г. Ленинграда.
Горин Г. И. - военком 26-го стрелкового корпуса.
Панцержанский Э.С. — флагман 1-го ранга (вице-адмирал).
Разгон И. Б. - помощник командующего Черноморским флотом.
Рашевич Ф. К. — инженер-флагман 3-го ранга (контр- адмирал).
Массер П. В. — инженер-флагман 3-го ранга.
Гордон Л. М. - комендант Кронштадтской крепости¹⁴⁴.

Очевидно, что помимо перечисленных военачальников среди арестованных было много людей и других национальностей. Причем не все арестованные были расстреляны, часть из них благополучно провела войну в лагерях. В этом отношении характерна судьба В. К. Васнецовича. Владислав Константинович прибыл на Дальний Восток, на должность командира полка в конце 20-х годов, после окончания Военной академии имени М. В. Фрунзе. В ОКДВА он дослужился до начальника штаба. Примечательно, что в первый раз комдива арестовали не в 37-м, а 1 марта 1938 года. В обвинительном заключении, составленном в Хабаровске следователями особого отдела 2 ОКА, говорилось: «Находясь в 40 сд, Васнецович

¹⁴⁴ Здесь и далее списки фамилий по: «Евреи в руководстве СССР (1917-1991)». www.beseder.co.il

возглавлял подрывную деятельность других заговорщиков и в частях этой дивизии, направляя ее на срыв боевой готовности частей дивизии и Барабашского укрепленного района...

В антисоветский военный заговор Васнецович в 40 сд завербовал: Захарченко Я.Я., Ковалева С. Т., Чиркунова И. И., Аксенова Д.А. и Маркова В.И., что подтверждается показаниям и указанных участников заговора, а в отношении вербовки Ковалева также очной ставкой ему с Васнецовичем. Допрошенный в качестве обвиняемого Васнецович на следствии признал себя виновным в предъявленном ему обвинении и показал, что он: «В антисоветский военный заговор был завербован в 1933 году бывшим командующим войсками Приморской группы Путна...»

Казалось бы, что после такого обвинения судьба комдива была предрешена. Однако в середине февраля 1940 года, *за недоказанностью вины*, Васнецовича — вместе с Я.З. Покусом, Г.Д. Стельмахом и другими руководящими работниками ОКДВА - освободили. Его восстановили в партии, в кадрах армии и назначили на должность старшего преподавателя кафедры тактики Военной академии имени М. В. Фрунзе. Ему вернули и орден Красной Звезды, полученный *за достигнутые успехи в деле руководства боевой и политической подготовкой* в частях и подразделениях 40-й стрелковой дивизии.

Трудно сказать, какой вклад внес Владислав Константинович в обучение *тактике* слушателей академии, но через год после освобождения, 15 февраля 1941 года, он был вновь арестован. Его доставили в Сухановскую тюрьму, где следователи 3-го Управления НКВ СССР лейтенант госбезопасности Добротин и младший лейтенант госбезопасности Комаров начали допросы по новому делу. В основном оно было связано с деятельностью бывшего командующего ОКДВА маршала Блюхера, и подследственный признал «значительный кусок не своих прегрешений».

На суде 16 июля 1941 года Васнецович говорил: «Мне было известно, что *Блюхер пьянствовал, по несколько суток не выходил на службу, и вся его деятельность была направлена на подрыв боеспособности Дальневосточной армии. Я, как командир Красной Армии, не только не сигнализировал об этих безобразиях, но и выполнял... преступный приказ Блюхера...* Мне также не было известно, являлся ли Блюхер участником этого заговора...»

Войну бывший комдив провел в лагере. И в мае 1951 года, в заявлении на имя И. В. Сталина о пересмотре дела, он писал: «Я признавал и признаю себя виновным в неумышленном пособничестве вражеской деятельности Блюхера, б(ывшего) командующего ОКДВА, а также в антисоветском поведении на следствии в 1938 г. Я не привожу причин, объясняющих это позорное поведение, потому что считаю неуместным подобие какого-либо оправдания. Весь позор за период своей совместной деятельности с Блюхером... я переживаю до сих пор и считаю заслуженным то наказание, которое отбываю...».

О причинах отстранения Блюхера от командования Дальневосточной армией в августе 1938 года — после событий на озере Хасан — следует говорить отдельно. Поэтому обратим внимание на другую особенность чистки армии. Среди репрессированных военных оказалось много лиц с командирскими званиями, занимавших престижные руководящие должности в военных учебных заведениях. И приведем информацию из уже упоминаемого источника:

2. «Полководцы» военной «науки»

Славин И.Е. — нач. управл. военно-учебных заведений РККА.
Шифрес Я.Л. — нач. Военно-хозяйственной академии РККА.
Авиновецкий Я.Л. — нач. Химической академии РККА.
Немерзелли (Немерзон) И. Ф. — нач. Военно-полит. академии.
Иппо Б.М. — начальник Военно-политической академии.
Нижечек И. С. — зам. нач. Военно-политической академии.
Годес М. С. — нач. кафедры Военно-политической академии.
Розенблюм К. И. — нач. кафедры Военно-политич. академии.
Плотников И. С. — старш. руков. кафедры Военно-полит. акад.
Леонидов Л. О. — руковод. кафедры Военно-политич. академ.
Ховкин А.Б. — нач. курса Военно-политической академии.
Либерман Б. П. — препод. политэкон. Военно-политич. акад.
Цалькович И. М. — нач. штаба Военно-воздушной академии.
Лавиновский Б.Я. — нач. кафедры тактики Военно-возд. акад.
Кит-Войтенко И. П. — нач. штаба Военной акад. им. М. В. Фрунзе.
Замилацкий Г.С. — преподаватель Военной академ. им. Фрунзе.
Смоленский Я.Л. — военком Военно-возд. акад. им. Жуковского.
Беттихер Н. И. — рук. кафедр. тактики Артиллерийск. академии.
Козловский Д.Е. — старший преподав. Артиллерийской академии.
Козаровский Я. И. — старш. руковод. Электротехнич. академии.
Рабинович И. Ю. - пом. нач. по политчасти Военно- инж. академии.
Рабинович С. З. — дивиз. комис., военком Военно- морской академии.
Скороходов А.К. — комиссар факультета Военно-инженерн. академии.
Лазаревич В. С. — нач. кафедры тактики и боевого упр. трансп. акад.
Шмай-Крейцберг А.И. — нач. бронетанк. курсов усоверш. комсостава.
Вейнерович И.М. — нач. политотд. Арт. курсов усоверш. начсост.
Фрумин С.М. - нач. Государственного института физкультуры.
Белый С.О. — начальник военной школы им. С.С. Каменева.
Машенджинов Б. Я. — нач. школы техников спецслужб ВВС.
Левит К.Д. — пом. по политчасти нач. Московской артилл. школы.
Росман И.Д. — нач. Московской артиллерийской школы.
Марков Г. Н. — пом. по политчасти военно-учебн. завед. Киевск. ВО.
Хайт Н.М. — нач. научно-исследовательского химич. института ВМС.

Любович А. М. — начальник связи РККА.

Милейковский И.М. - начальник НИИ войск связи РККА.

Гурвич А.И. — нач. НИИ по технике связи Развед. Управл.¹⁴⁵.

Пожалуй, даже нет смысла разбираться, как *«полководили»* армией начальники военно-политических академий, школ и кафедр военных учреждений, но в том, что эти единокорпусники Гамарника и Фельдмана оказались на престижных должностях в военных учебных заведениях, был не перст судьбы и не природные таланты. Ничто так не способствует продвижению по служебной лестнице, как своевременная поддержка вышестоящим руководителем, особенно если того связывает с подчиненным нечто большее, чем игра в покер или любовь к литературе.

В публикациях нет сведений о причинах ареста начальника связи РККА Любовича и НИИ войск связи Милейковского; однако известно, что именно отсутствие связи при управлении войсками стало одной из главных причин неудач армии на начальном этапе войны.

Еще одним из известных «полководцев», просидевшим всю войну в лагере, оказался и комкор А.И. Тодорский. Он вступил в РКП(б) в 1918 году и тогда же написал книгу «Год войны с винтовкой и плугом», отмеченную В. И. Лениным. После окончания в 1927 году Военной академии имени М. В. Фрунзе он служил командиром стрелкового корпуса, помощником командующего Белорусским военным округом, начальником и комиссаром Военно-воздушной академии. В 1936 году его назначили начальником Управления военно-учебных заведений. Дстойный пост имела и его жена Рузя Иосифовна, возглавлявшая техническое бюро № 7 Наркомата оборонной промышленности.

И тем не менее Тодорский относил себя к разряду «обиженных». Хотя должность начальника управления была значимой и заметной, он считал себя вправе рассчитывать на большее - к примеру, на пост командующего округом. Да и звание «комкор» он находил для себя недостаточно престижным. В книге «Красная армия на Голгофе» Н. Черушев иронизирует по этому поводу: «Подумать только - на Военно-хозяйственной академии мало кому известный Шифрес получил четыре ромба, а ему, которого цитировал сам Ленин, дали всего лишь три».

Однако в повышении начальственного статуса комкору не смог помочь даже «свой человек» — главный кадровик Красной Армии Борис Фельдман. Прекрасные отношения с Фельдманом, — как с Якиром, Корком и Эйдемманом, — у Тодорского сложились еще с 1928 года, когда они вместе находились в командировке в Германии. Видимо, поэтому ни на следствии, ни на судебном процессе ни Фельдман, ни Тухачевский не назвали его фамилии.

На вопрос, давал ли он еще кому-либо, кроме Наумова, Лапина и Хрусталева, задания по вредительству в системе воздушного флота, Тухачевский ответил: «Нет». На дополнительные вопросы: «А по центральному аппарату?», «А на

¹⁴⁵ Там же.

местах?», ответ был тот же — «Нет». Тем не менее позже все подследственные в своих показаниях будут называть Тодорского доверенным человеком Фельдмана. Однако, перечисляя на следствии десятки военных, вовлеченных им в заговор, сам Фельдман имени Тодорского нигде не указал — «ни в качестве начальника Военно-воздушной академии, ни в качестве руководителя УВВУЗа». Поэтому после расстрела заговорщиков «Александр Иванович мог спать спокойно».

Между тем, пишет Н. Черушев, пока в течение 1937-1938 годов Тодорский находился на свободе — «трудился, отдыхал и даже пьянствовал, на него поступали показания лиц, арестованных за участие в военном заговоре, возглавляемом Тухачевским. Это не считая тех доносов, которые шли по оперативным каналам». К моменту ареста комкора «показания на него, как соучастника военного заговора, дали 12 человек из числа высшего ком-начсостава. В папке у следователя Баранова имелись свидетельства Е. С. Казанского, А.И. Сатина, Н.А. Ефимова, А.С. Булина, А.И. Седякина, М. Л. Ткачева, В. М. Орлова, М.М. Ланда, И.Я. Хорошилова, И.Л. Карпеля, М.А. Пантелеева».

В основном они касались деятельности Тодорского на посту начальника Военно-воздушной академии имени Жуковского и УВВУЗа. А в показаниях Карпеля и Пантелеева — однокурсников Александра Ивановича по Военной академии РККА — он характеризовался и еще «активным троцкистом».

Видимо, поэтому в июле 1938 года Тодорского сняли с поста начальника Военно-воздушной академии; 16 сентября его уволили из рядов РККА, а через два дня арестовали. 20 декабря он предстал на судебном процессе Военной коллегии Верховного Суда СССР. Отрицая часть обвинений, он признал участие «в заговоре, вербовке для него членов и вредительстве в Воздушной академии и УВ-ВУЗе», за что был приговорен «к 15 годам заключения в ИТЛ». Войну Красная Армия выиграла без него. Поэтому после освобождения он писал книги и очерки о «жертвах» репрессий, в том числе и о Тухачевском, которого еще в 1930 году даже призывал расстрелять за провал операции под Варшавой. Умер Тодорский в Москве на 71-м году жизни в 1965 году.

В принципе в том, что среди сотрудников учебных заведений было много людей, разделявших взгляды оппозиции и желавших поиграть в большую политику, не было ничего исключительного. «Интеллигентам» вообще свойственно стремление примкнуть к перспективному лидеру, в надежде на гарантии для обустройства собственного благополучия. Но еще больше «полководцев», озабоченных своей карьерой, было среди политических руководителей — в рядах комиссарского корпуса, где выдвигенцы Гамарника заняли главенствующее положение.

Начав свое восхождение на этажи власти еще с Гражданской войны, они считали вправе подняться на ступень выше, чем занимали. Как и гражданских государственных и партийных чиновников, в первую очередь их тоже волновали интересы собственной карьеры; возможность обрести более престижные посты в

служебной иерархии. Но их личные позиции далеко не всегда были на стороне Сталина и его окружения.

Тем более что они не могли не заметить тенденцию, при которой основными фигурантами нашумевших процессов стали люди одной с ними национальности. Не решаясь говорить об этом публично, в узком кругу сослуживцев и людей, близких им по менталитету, они активно обсуждали такие темы, не скрывая своих убеждений. Как и того, что при возможности они готовы примкнуть к любому заговору, отвечавшему их собственным интересам. Зачем иметь убеждения, если о них нельзя даже «почесать языком»?

Однако человеческая натура такова, что после того как гром прогремел, когда повеяло запахом арестантских камер и расстрельных подвалов, большинству стало уже не до идеологических убеждений и национальных приоритетов. На воре горит шапка, а напуганный еретик стремится показать себя «большим католиком, чем римский папа». Рассчитывая получить «индульгенцию», теперь политработники спешили сдавать своих коллег, не стесняясь при этом доносить и на своих «единородцев».

Так, корпусные комиссары-евреи — заместитель начальника политуправления ЛВО И.М. Гринберг и член того же политуправления И. Ф. Немерзелли — сообщали наркому обороны о ряде фактов, «подозрительных действиях и связях с разоблаченными врагами народа — начальника Управления ВУЗа И. Е. Славина». В письме от 5 июня 1937 года Немерзелли писал, что Славин «был теснейшим образом связан узами личной дружбы с врагами народа Гамарником, Тухачевским, Фельдманом, Яки-ром, Гарькавым. Славин сам часто хвастался дружбой и своими связями»¹⁴⁶.

Однако на донос чиновников политуправления Ворошилов не отреагировал, и арест армейского комиссара 2-го ранга Славина (настоящая фамилия — Бас) состоялся по другим причинам. Только спустя три месяца — 5 октября, когда в НКВД на него уже появились показания большой группы подследственных. В том числе:

— заместителей начальника ПУРККА армейских комиссаров 2-го ранга А.С. Булина и Г.А. Осепяна, ответственного редактора газеты «Красная звезда» — М.М. Ланда; комкоров *командующего войсками САВО* — И. К. Грязнова и заместителя начальника *Генерального штаба* — С.А. Меженинова;

— корпусных комиссаров: *начальника политуправления СКВО* И. Г. Неронова, *члена Военного Совета АОН* И.М. Гринберга, *члена Военного Совета МВО* — Б.У. Троянкера, *заместителя начальника политуправления КВО* — М. Л. Хороша;

— *командира 2-го стрелкового корпуса* — комдива Я. И. Зюзь-Яковенко; *начальника политотдела Краснознаменной Амурской флотилии, бывшего начальника отдела кадров ПУРККА* — дивизионного комиссара В. С. Винокурова;

¹⁴⁶ АГВП. НП 16210-37. Л. 104.

начальника политотдела 32-й механизированной бригады — бригадного комиссара И. И. Андреева; заместителя начальника агитационно-пропагандистского отдела ПУРККА — полкового комиссара В. М. Берлина.

Некий парадокс и в том, что дело Славина, содержащегося в Лефортовской тюрьме, тоже вели следователи одной с ним национальности: комиссар ГБ Николаев- Журид, Агас и Листенгурт. Возможно, поэтому в собственноручно написанных показаниях Иосиф Еремеевич признался, что «в антисоветский заговор был завербован Гамарником в 1934 году»¹⁴⁷. Но можно ли подозревать, что эти признания были «выбиты» у подсудимого? Нет, такого просто не может быть!

Причем Славин в своих показаниях сообщил, что помимо застрелившегося Гамарника «в военно-политический центр» также входили: «армейские комиссары 2-го ранга Осепян, Булин, Ланда и корпусной комиссар Троянker. Ближе к нему стояли такие видные политработники РККА, как армейский комиссар 2-го ранга Б. М. Иппо — начальник Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева и Г.Е. Писманик — заместитель начальника политуправления БВО».

Среди лиц, завербованных в заговор лично им, Славин назвал еще четырех евреев: Я. Ф. Генина — помполита Артиллерийской академии, М. И. Арша — начальника политотдела 20-й стрелковой дивизии, З. К. Цейтлина — начпо- дива 10-й стрелковой, Л. И. Идельсона — начподива 16-й стрелковой, И. М. Гринберга — зам. нач. Политуправления Ленинградского военного округа. А также своего бывшего заместителя по авиации в ЛВО Н.Ф. Артеменко — заместителя начальника УВУЗа и М.Ф. Березкина — помощника начальника ВВС РККА по политчасти¹⁴⁸.

О собственных методах вербовки в заговор Славин показал: «Указывая Аршу и Цейтлину на то, что мне известно об их участии в троцкистско-зиновьевской оппозиции, я говорил им о трудном положении бывших оппозиционеров в партии, о недоверии к ним со стороны парторганизаций, подчеркивая, что все это является результатом неправильной политики ЦК партии.

Убедившись, что они являются старыми троцкистами и что они пойдут на вербовку, я ставил перед каждым из них вопрос о необходимости борьбы с руководством партии, а затем рассказал им о существовании антисоветского военного заговора. Получив их согласие на вступление в военно-политическую организацию, я сказал им, что *не только сохранию их на занимаемых должностях, но и продвину на высшие должности в интересах заговора...*»¹⁴⁹

Можно ли не верить таким вполне логичным признаниям? Однако получается довольно любопытная ситуация: евреи дают показания на евреев, а их следственные

¹⁴⁷ АГВП. НП 16210-37. Л. 132.

¹⁴⁸ ЦА ФСБ. АСД И.Е. Славина. Л. 27-45.

¹⁴⁹ Л. 27-45.

дела ведут люди одной с ними нации. Суд над бывшим комиссаром состоялся 15 марта 1938 года. В ходе судебного заседания Иосиф Еремеевич «виновным себя признал и подтвердил свои показания, данные им на предварительном следствии». Бригада Военной коллегии в составе Ульриха, Жадна, Кандыбина приговорила Славина к расстрелу, с конфискацией имущества и лишением присвоенного ему воинского звания¹⁵⁰.

Как уже говорилось, утверждая, будто бы накануне войны Сталин «обезглавил армию», антисталинисты используют «бесфамильную» статистику. Примером такого сравнения престижных званий и безликих «цифр» является бездумное повторение, что в 1937-1938 годах: «из 2 армейских комиссаров 1-го ранга (равно генералу армии. — К. Р.) расстреляно 2; из 15 армейских комиссаров 2-го ранга (генерал-полковник) — 15; из 36 бригадных комиссаров (между генерал-майором и полковником) — 34».

Что это: пренебрежение к «жертвам репрессий»? Или отсутствие информации? Но, похоже, — проблема в другом. Как пишет Арон Шнеер, «среди расстрелянных в годы репрессий политработников в звании от бригадного до армейского комиссара оказалось 84 еврея. И это не считая полковых и батальонных комиссаров»¹⁵¹. То есть лукавство состояло в том, что официальная пропаганда старалась не афишировать национальную особенность чистки.

И лишь недавно появилась информация, позволяющая посмотреть на случившееся без цензурной подоплеки. Так, ссылаясь на материалы книги Ф.Д. Свердлова «Евреи — генералы вооруженных сил СССР...», Шнеер пишет: «В годы террора погибли 180 евреев из числа тех, кто мог получить генеральские звания, введенные в мае 1940 г. Среди них были: командарм 1-го ранга, армейский комиссар 1-го ранга, 5 армейских комиссаров II-го ранга, 4 комкора, 9 корпусных комиссаров, 2 корвоенюриста, 9 комдивов, 26 дивизионных комиссаров, 2 дивинтенданта, 1 дивврач, 4 диввоенюриста, 22 комбрига, 43 бригадных комиссара, 7 бригаженеров, 5 бригаинтендантов, 2 инженер-флагмана II-го ранга, 8 бригврачей, 18 бригвоенюристов плюс 11 человек уже не находившихся к моменту расправы в кадрах РККА».

Это действительно так, и у слишком впечатлительного читателя сразу может возникнуть желание обвинить Вождя в «юдофобии» или «антисемитизме». Такие утверждения уже встречаются в публикациях «на помойке» Интернета. Но чтобы сразу пресечь такую примитивную логику, вновь сошлемся на того же А. Шнеера. По его подсчетам, в 1939 году «среди военнослужащих, занимавших в армии *командные и политические должности*, было 6447 евреев. В том числе: младшие командиры (от младших лейтенантов и *политруков*), старшие командиры (от майора до полковника, батальонные и полковые *комиссары*) и высший командный

¹⁵⁰ АГВП. НП 16210-37. Л. 133.

¹⁵¹ Арон Шнеер www.jewniverse.ru

и *политический состав* (комбриги и командармы, бригадные комиссары и армейские комиссары разных рангов)».

Но если даже после «Большой чистки» административно-командные и политические посты в армии занимало 6447 человек, принадлежавших к определенной национальности, то Сталина никоим образом нельзя обвинить в антисемитизме. Впрочем, уже сама советская идеология была интернациональной, и Вождь осознанно осуществлял такую политику. И о том, что он не был антисемитом, свидетельствует уже само назначение Гамарника начальником Политуправления, причем вторым кандидатом на этот пост, по его мнению, являлся Якир.

Несомненно, что Сталин был вправе рассчитывать на лояльность и даже личную преданность со стороны военачальников, которым оказал доверие. Более того, до разоблачения военного заговора он никоим образом не препятствовал той кадровой политике, которую проводили Гамарник и его сподвижники, продвигавшие на командные и особенно на высокие политические должности людей, с которыми они были связаны национальными корнями.

Следует сказать, что публично Гамарник демонстрировал исключительное преклонение перед Сталиным. Его выступление на февральско-мартовском пленуме 1937 года выглядит как образец неприкрытой лести, доходящей до подобострастия. Он закончил его заявлением:

«Я должен сказать в заключение, что для меня, я думаю, что и для всех членов пленума, доклад т. Сталина явился *замечательным уроком* воспитания по вопросам партийной работы, внутренней и внешней политики нашей партии. Я *прямо* должен сказать, что этот доклад *поднял нас всех на целую голову* в политическом понимании всех стоящих на пленуме вопросов и стоящих перед партией задач. Тов. Сталин *крепко вооружил нас* для борьбы во всей государственной работе, в работе Красной армии, для борьбы против внутренних и внешних врагов нашего народа, против врагов социализма».

Но известно, что «от любви до ненависти — всего шаг», а затем недалеко и до предательства. Столь же угоднические манеры были присущи и будущему «борцу» с «культом личности» Никите Хрущеву. Поэтому посмотрим на фигуру Гамарника в другом ракурсе. Еще до этого пленума, 14 января 1937 года, из аппарата Управления начальственно-командного состава начальнику Политуправления поступил на подпись проект документа:

«Секретно»

Заместителю народного комиссара

обороны СССР

армейскому комиссару 1-го ранга

Тов. Гамарнику Я. Б.

Во исполнение Ваших указаний о введении условного шифра в отношении лиц начсостава, увольняемым по политическим причинам, докладываю:

Наиболее приемлемым вариантом, не нарушающим положение о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА, является установление особой нумерации приказа. После номера приказа проставляются буквы «ОУ» (особый учет). В остальном форма приказа ничем не будет отличаться от обычных приказов по личному составу.

Внешне эти приказы будут иметь вид: «Приказ» Народного Комиссара Обороны Союза ССР по личному составу армии № 115/оу г. Москва

Командир взвода № стрелкового полка лейтенант Семенов Иван Семенович освобождается от занимаемой должности и увольняется в запас РККА по ст. 43 п. «б» «Положения о прохождении службы командным начальствующим составом РККА со званием лейтенант запаса».

Все уволенные по приказам НКО с данным шифром будут *браться на особый учет* с тем, чтобы не приписывать их в переменный состав тер. частей, не призывать в РККА по отдельным заданиям и нарядам и не направлять их в войска в начальный период войны. В случае утверждения Вами этого мероприятия я дам соответствующие указания командующим войсками военных округов (флотов).

Начальник УНКС Фельдман».

Кроме того, в приказе говорилось: «Выявить всех родившихся, проживающих или имеющих родственников в Германии, Польше и других иностранных государствах и наличие связи с ними». На первый взгляд увольнение с таким «шифром Фельдмана» отвечало задачам очищения армии от неблагонадежных элементов.

Однако действительный смысл чистки, планируемой Гамарником и Фельдманом, выявился позже, когда в РККА был восстановлен институт военных комиссаров. Известно, что лишь тот обладает и реальной властью, кто располагает правом расстановки кадров. Гамарник знал эту истину, и, заняв осенью 1929 года пост начальника Политуправления, уже вскоре он инициировал репрессии в отношении большого количества бывших царских офицеров.

Осуществление этой акции уже тогда позволило ему расставить на высокие командные должности своих выдвиженцев, но теперь задуманная им многоходовая партия преследовала более далекие цели. Начальник Политуправления намеревался получить полный контроль над армией. Тонкость его замысла состояла в том, что такую возможность он получал при прямой поддержке и согласии со стороны ЦК и правительства. Причем внешне это выглядело как мера, обеспечивающая повышение профессионального и политического уровня профессионалов.

Рассуждая о событиях 37-го года, историки лишь мимоходом упоминают о введении в РККА института военных комиссаров, упуская при этом тот факт, что такое решение было принято на основании совместного постановления Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 10 мая 1937 года.

В подписанном в этот же день приказе наркома обороны СССР Ворошилова № 77 «О создании Военных советов военных округов и установлении института военных комиссаров в РККА» предписывалось: *«Установить институт военных комиссаров во всех войсковых частях (начиная с полка и выше), штабах, управлениях и учреждениях РККА»*¹⁵².

Текст приказа включал «Положение о военных комиссарах РККА», разработанное Политуправлением РККА и утвержденное Председателем ЦИК М. Калинин и Председателем СНК В. Молотовым. В нем указывалось:

«1. Для политического руководства и непосредственного проведения партийно-политической работы в войсковых частях, соединениях, учебных заведениях, учреждениях и управлениях РККА Народным комиссаром обороны СССР *по представлению Политического управления РККА* назначаются военные комиссары.

2. Военный комиссар и командир (начальник) несут полную ответственность за воспитание красноармейца и *всего начальствующего состава* в духе беззаветной преданности Родине и Советской власти и *беспощадной борьбы с врагами народа*.

3. Военный комиссар наравне с командиром (начальником) отвечает за политико-моральное состояние части, за выполнение воинского долга и проведение военной дисциплины всем личным составом части снизу доверху, за боевую, оперативную и мобилизационную готовность, за состояние вооружения и войскового хозяйства части (соединения, управления, учреждения и пр.).

4. *Военный комиссар совместно с командиром обязан оградить вверенную ему воинскую часть (соединение, управление, учреждение и пр.)* от проникновения и появления в ней врагов народа, шпионов, диверсантов, вредителей, пресекая немедленно и решительно всякие действия, могущие нанести вред РККА. (...)

6. Военный комиссар должен повседневно и всесторонне *изучать* личный состав своей части (соединения, управления, учреждения и пр.), знать настроения, нужды и запросы красноармейцев и начальствующего состава. (...)

9. Военный комиссар систематически в установленном порядке информирует командира (начальника) своей части (соединения, управления, учреждения и пр.), *вышестоящих комиссара и политоргана* о политико-моральном состоянии части и о мерах, принятых к устранению отрицательных явлений.

10. Военный комиссар вместе с командиром (начальником) аттестует командный и начальствующий состав части (соединения, управления, учреждения и пр.) и *составляет на каждого из них подробную политическую характеристику*. Аттестации подписывает командир (начальник) и военком части (соединения, управления, учреждения и пр.).

Назначения и представления к назначению, к награждению и присвоению очередных военных званий, а также смещения командного и начальствующего

¹⁵² РГВА. Ф. 4. Оп. 15. д. 15. Л. 157. Типографский экземпляр.

состава производятся командиром (начальником) и военным комиссаром совместно.

11. Военный комиссар в своей деятельности руководствуется приказами и распоряжениями Народного комиссара обороны СССР, *Политического управления РККА*, а также *приказами и указаниями тех военных советов, военкомов и политорганов, которым он подчинен по службе.* (...)

*Председатель
Центрального Исполнительного Комитета СССР
М. Калинин
Председатель Совета Народных Комиссаров СССР
В. Молотов*

*Секретарь Центрального Исполнительного Комитета
СССР Л. Горкин»¹⁵³.*

Как следует из содержания документа, формально принятое решение регламентировало проведение в армии кардинальной реформы, чтобы на основе всеобщей *аттестации командного и начальствующего* состава освободить вооруженные силы от политически вредных и профессионально непригодных военнослужащих. В принципе такая работа могла быть осуществлена силами ПОПУПРа и политработников в войсках.

Тогда зачем Гамарнику понадобилось «пробивать» в ЦК и правительстве решение об организации новой структуры? Для чего это было нужно? Или, говоря иначе: кому это было выгодно? Нетрудно догадаться, что с введением института комиссаров влияние Гамарника на армию возрастало многократно. Причем в лице военкомов у него появлялась возможность не только прямого и оперативного влияния на командный состав.

Теперь в его распоряжении появлялся аппарат, превышающий по составу немногочисленных сотрудников особых отделов. И, обладая таким ресурсом, начальник Политуправления имел возможность поддержать любой антиправительственный заговор — как штыками, так и пушками. Подобно тому, как «советские» генералы встали на сторону Ельцина при свержении Горбачева и расстреле Верховного Совета РСФСР.

Примечательно, что «вопрос НКО об увольнении военнослужащих» и связанные с этим проблемы Политбюро ЦК рассмотрело еще *в конце марта* (ПБ от 29.III.37 г., пр. № 47, п. 102). О том, что первоначально намечаемая чистка не имела репрессивного характера, свидетельствует приказ Ворошилова «О трудоустройстве лиц командного состава, уволенных из РККА» от 31 июля 1937 года. В нем предписывалось:

¹⁵³ Ф. 46 Оп. 1. Д. 14. Л. 230-231. Типогр. экз.

«В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 29.III.37 г. обязать обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий *обеспечить размещение на работу по предприятиям и учреждениям хозяйственных наркоматов лиц комнатного состава, уволенных из РККА*, в том числе и уволенных, как исключенных из партии по политическим мотивам.

Организовать для этой цели при облисполкомах, крайисполкомах и Совнаркомах республик особые комиссии с участием представителя Военного Совета соответствующего военного округа»¹⁵⁴.

То есть между решением о чистке и указанием о трудоустройстве уволенных образовалась длительная пауза, и это было обусловлено объективными причинами. Дело в том, что через шесть дней после заседания Политбюро, рассмотревшего «вопрос НКО», был арестован Ягода, а вскоре события вообще повернули в совершенно другое русло.

И вместо того, чтобы заниматься обеспечением уволенных из армии командиров работой, у правительства и органов госбезопасности возникла необходимость по размещению их в тюремных камерах. То, что паническое самоубийство Гамарника после ареста Фельдмана, Тухачевского, Якира и других заговорщиков имело логическую закономерность, подтверждают и недавно рассекреченные документы.

Сын бухгалтера комиссар государственной безопасности 1-го ранга Всеволод Балицкий начинал революционную деятельность как меньшевик в 1913 году. После призыва в армию он получил звание прапорщика и в феврале 1917-го был избран председателем полкового комитета 114-го запасного полка. В декабре 1918 года он был введен в состав коллегии Всеукраинской ЧК (ВУЧК) и позже работал на различных должностях в этом ведомстве.

Трудно установить, с какого времени возникла связь Гамарника с Балицким? Но когда в начале 20-х годов он занимал пост председателя Киевского губкома КП(б)У, губревкома и губисполкома, то Балицкий был заместителем председателя Центрального управления ЧК и командующим войсками ВУЧК. С сентября 1923-го он председатель ГПУ Украины, а с 31.6.1931 г. по 1934 год — заместитель председателя ОГПУ при СНК СССР. Одновременно с осени 1932-го особоуполномоченный ОГПУ на Украине, а с февраля следующего года — председатель ГПУ. С 15 июля 1934 года — нарком внутренних дел Украины.

Дача, которую «построил» себе Балицкий, сегодня находится практически в центре Киева. Она представляла собой роскошное двухэтажное каменное здание, расположенное в живописном парке, среди высоких деревьев и окруженное комплексом парковых мостов, беседок, скульптур и искусственных озер. Ее обустройство обошлось государству не в один миллион рублей. Позже здесь поселился Хрущев. «Никита Сергеевич любил читать газету на террасе,

¹⁵⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 316. Л. 231. Там же.

прогуливаться по парку, обустроенному с царской роскошью, — в маленьком замке над обрывом жили медведи, по парку ходили павлины».

Однако в 1937 году Балицкому пришлось оставить и Киев, и роскошную дачу. 11 мая его перевели начальником Управления НКВД на Дальний Восток, где 7 июля арестовали. А 21-го числа записка Фриновского о заявлении Балицкого Ежову попала на стол Сталина.

«СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

Посылаю Вам заявление арестованного Балицкого В. от 17 июля с.г.

Зам. народного комиссара внутренних дел СССР (Фриновский)

Народному комиссару внутренних дел СССР Генеральному Комиссару

Государственной безопасности Н. И. ЕЖОВУ от арестованного

Балицкого В.А.

ЗАЯВЛЕНИЕ

14-го июля 1937 года я подал на Ваше имя заявление. Сейчас я должен от этого заявления полностью отказаться не потому, конечно, что я принял много вины на себя, а потому, что в этом заявлении я гнусно обманул Вас. В этой записке я подло двурушнически пытался представить Вам себя как человека, который только лишь объективно виноват в том, что невольно способствовал антисоветской деятельности врагов народа.

После долгого раздумья я пришел к выводу, что все равно я буду неизбежно разоблачен следствием, а потому я решил рассказать, как я самым гнусным образом обманывал партию и правительство, доверивших мне крупный государственный пост. Преступления мои перед страной огромны, я после многолетней честной работы очутился в стане самых худших врагов партии и народа.

О том, какая конкретно враждебная работа проводилась мною, я подробно изложу следствию.

В настоящей же записке я попытаюсь изложить основные моменты моей преступной деятельности.

1. Прежде всего я прямо заявляю — я участник антисоветского троцкистско-фашистского военного заговора*. В этот заговор я вовлечен ЯКИРОМ после известной обработки в конце 1935 года.

2. Украинский центр военного заговора состоял из следующих лиц: ЯКИРА, ПОПОВА Н.Н., ШЕЛЕХЕСА, ВЕГЕРА, ДЕМЧЕНКО и меня, БАЛИЦКОГО.

По линии восходящей наш украинский заговор входил в состав всесоюзного антисоветского военного заговора, который руководился ГАМАРНИКОМ и ТУХАЧЕВСКИМ, причем руководящая роль во всесоюзном военно-фашистском заговоре принадлежала не ТУХАЧЕВСКОМУ, а ГАМАРНИКУ.

ГАМАРНИК в свою очередь был связан с руководящими центрами троцкистов и правых. По линии нисходящей во всех областях Украины среди руководящих

партийных и советских работников имелись участники заговора, главным образом люди из числа бывших троцкистов и правых.

3. (...) Наш заговор *был военным в том смысле*, что руководство в центре и на Украине шло по линии военной (ГАМАРНИК — ЯКИР). По существу же он был связан с рядом гражданских троцкистских и правых линий.

4.** Параллельно нашему заговору и в тесной увязке с ним действовала антисоветская украинская националистическая организация во главе с ХВЫЛЕЙ, ТРИЛИССКИМ И ЛИСОВИКОМ**¹⁵⁵. Украинская националистическая организация была связана с украинскими антисоветскими центрами в Германии и Польше.

5. Основными целями заговора было: свержение центрального руководства партией и страной вооруженным путем. Если бы это до начала войны осуществить не удалось, то в задачи заговора входило создать все необходимые условия для поражения Советского Союза в войне с Германией, Японией и Польшей.

В этих целях по линии армейской проводилась широкая вредительская работа по ослаблению мощи Красной Армии на основных стратегических направлениях (Новоград — Волынск — Житомир), Коростеньское направление, Летичевский укрепленный район.

Работа руководимого мною Народного Комиссариата Внутренних дел УССР в своих главных оперативных направлениях была также поставлена на службу этим задачам заговора.

6. Участники заговора:

а) военные: нач. штаба КВО комдив БУТЫРСКИЙ, зам. комвойск ХВО комкор ТУРОВСКИЙ, нач. Политупр. КВО — АМЕЛИН, его заместитель ОРЛОВ, командир корпуса комдив ГРИГОРЬЕВ, командир корпуса комдив ДЕМИЧЕВ, командир корпуса комкор ГЕРМОНИУС, комбриг ЗЮКА, комкор САБЛИН;

б) чекисты: б. мой заместитель **ИВАНОВ Василий**, быв. мой заместитель по милиции **БАЧИНСКИЙ**, бывший нач. Особого Отдела **АЛЕКСАНДРОВСКИЙ**, начальник транспортного отдела **ПИСЬМЕННЫЙ**, нач. Харьковского обл. управления **МАЗО**, нач. Одесского областного управления **РОЗАНОВ**.

По моему указанию БАЧИНСКИЙ должен был обработать и завербовать в заговор начальника Киевского областного управления **ШАРОВА**. О том, завербовал ли БАЧИНСКИЙ ШАРОВА, я у БАЧИНСКОГО спросить не успел. В этом заявлении я лишь кратко остановился на основных моментах преступной деятельности и заговора.

Я, несомненно, не вспомнил, а потому и не назвал всех известных мне участников заговора. На следствии я приложу все старания к тому, чтобы с

155 ** __ ** И. В. Сталиным обведено карандашом в кружок.

максимальной полнотой вскрыть всю нашу преступную деятельность и всех заговорщиков.

17 июля 1937 г. В. БАЛИЦКИЙ»¹⁵⁶.

Глава 18. Политруки и прокуроры

В любые времена находятся простаки либо плохо информированные люди, которые, не разбираясь в реальных событиях, принимают на веру мифы, распространяемые конъюнктурной пропагандой. Еще с хрущевских времен репрессированных политработников скопом причисляют к «невинным жертвам». Между тем в действительности вплоть до 1939 года именно они, от чиновников Политуправления — разного ранга «комиссаров» — и до помощников командиров по политчасти, руководили чисткой РККА. Именно политические руководители «фильтровали» армейские кадры; на партийных собраниях и заседаниях партийных комиссий, — разделяя их на чистых и не чистых и иницируя увольнение из армии, как командиров, так и своих коллег, «запутавшихся в связях с антисоветскими элементами».

И если в ходе этой кампании был допущен переход за грань здравого смысла, то в первую очередь вина за это лежит именно на политработниках. Абсурд в том, что этих партийных функционеров, непосредственно проводивших репрессии в армии, простодушные люди до сих пор причисляют к рангу «полководцев». Конечно, трудно «вспомнить поименно» всех этих людей, ныне занесенных в списки «Мемориала» в качестве «жертв сталинских» репрессий. Поэтому остановим свое внимание на круге выдвиженцев Гамарника, связанных с ним национальным происхождением. Поскольку именно за «уничтожение» именно этих чиновников, а не за «Ванек и Манек» «дети Арбата» и предъявляют главный «счет» Сталину. Среди тех, кто с 1929 и до 1939 года активно участвовал в чистке армии, были:

3. «Полководцы» партийной карьеры

Гамарник Я. Б. — начальник Политуправления РККА.

Шубин И. Г. — нач. отдела Политуправления РККА.

Троянкер Б. У. — нач. отдела Политуправления РККА.

Пивоваров М.Е. — нач. отдела кадров Политуправления РККА.

Пугачевский Б. И. — старший инспектор Политуправления РККА.

Щеголев Л. И. — старший инспектор Политуправления РККА.

Круглов-Ланда А.М. — старший инспектор Политупр. РККА.

Александров А.С. — нач. отдела матобеспеч. Политупр РККА.

Рейзин С. Б. — нач. культ. просвет. отдела Политупр. РККА.

Александров (Каганович) А.С. — нач. отд. снабжен. Политупр.

¹⁵⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 316. Л. 8-12. Цит. по: Фонд А.Яковлева. Лубянка. Док. № 144.

Аронштам Л. Н. — нач. политупр. Особой дальневост. армии.
Рабинович С. З. — зам. нач. политуправления Балтфлота.
Орлов Н. И. — зам. нач. политупр. Киевского военного округа.
Савко Н.А. — зам. нач. политупр. Харьковского военного округа.
Рабичев Н.Н. — зам. нач. политупр. войск Украины и Крыма.
Бергер М. П. — зам. нач. политупр. Приволжского военного округа.
Баузер Ф. Д. — зам. нач. политупр. Среднеазиатского военного округа.
Вайнерос И.Д. — зам. начальника политуправления ОКДВА.
Писманник Г.Е. — зам. нач. политупр. Белорусского воен. округа.
Кролевецкий Г. М. — нач. политотдела Забайкальского укреп. р-на.
Зельдович М.Е. — зам. команд. по политчасти стрелков. корпуса.
Грубер Л. Я. — пом. командира стрелк. корпуса по политчасти.
Карин (Крутянский) Т.Я. — корпусной комиссар (ген.-лейтенант).
Кольцов (Фридлянд) М.Е. — корпусной комиссар.
Славин М.Л. — дивизионный комиссар (генерал- майор).
Генин Я. Ф. — дивизионный комиссар.
Маер Я. И. — дивизионный комиссар.
Мустафин И. А. — дивизионный комиссар.
Марков Г. Н. — дивиз. комис., военком военно-учебн. завед. КВО.
Зельдович М.Е. — дивиз. комиссар, комиссар 2-го стрелк. корпуса.
Коган И.Л. — дивиз. комиссар, военком пункта ПВО Ленинграда.
Иофин Л. П. — бригадный комиссар.
Масевичкий И. Е. — бригадный комиссар.
Сухотин С. М. — бригадный комиссар.
Фельдман П. М. — пом. команд. механизир. корпуса по политчасти.
Якубовский Л. Г. — пом. команд. по политчасти стрелк. корпуса.
Коган А.И. — нач. политотдела 2-й стрелковой дивизии.
Поздунский А.М. — нач. политотдела 7-й стрелковой дивизии.
Васькович И. Н. — нач. политотдела 9-й стрелковой дивизии.
Каган Л. Г. — нач. политотдела 21-й стрелковой дивизии.
Медовый Д.И. — нач. политотдела 37-й стрелковой дивизии.
Черняк Г.И. — нач. политотдела 46-й стрелковой дивизии.
Геронимус А.А. — нач. политотдела 52-й стрелковой дивизии.
Левин А.Я. — нач. политотдела 1-й кавказской стрелк. дивизии.
Дракохруст А.Г. - нач. политотдела 5-й механизир. бригады.
Фельдман П.М. — помполит 7-го механизированного корпуса.
Майзелис Л. М. — пом. по политчасти Владивосток. воен. порта.
Горин Г. И. - комиссар корпуса военно-строительных частей.
Рыбинский И. И. — нач. политотдела 5-й железнодорож. бригады.
Субоцкий М.М. — нач. политотдела бригады крейсеров ВМФ.
Фельдман П.М. — нач. политуправления Черноморского флота.

Володарский Е.Я. - нач. политотдела 9-й военной школы.
Орловский И.Я. — нач. политотдела 1-й военной школы пилотов.
Усатый Ф.И. - начальник политотдела 3-й авиабригады.
Лосев М.А. — нач. политотдела 9-й авиационной бригады.
Гамбург Б.А. — пом. командира по политчасти авиабригады.
Немировский С.Б. - нач. политотдела 256-й авиационной бригады.
Черный Г.С. — начальник политотдела школы морских летчиков.
Рабинович С. З. — зам. нач. Политуправления Балтийского флота.
Кимбар Ю.Ю. — ком-дир минного сектора спецкурсов комсост.

Безусловно, это далеко не полный список работников политорганов, выдвинутых Гамарником на ответственные посты за время своего руководства идеологическим ведомством РККА. Таких функционеров насчитывалось тысячи, и можно даже заподозрить, что армией командовали не «генералы», а «комиссары». Однако следует ли относить к «полководцам» начальника культурно-просветительного отдела Политуправления РККА, бригадного комиссара Рейзина Семена Борисовича, арестованного 4 июля 1937 года и приговоренного ВКВС к расстрелу 10.09.37 г. Впрочем, многие из политработников вообще не имели отношения к армии.

Так, дивкомиссар (генерал-майор) Мейсак Сильвестр Яковлевич являлся заместителем начальника политотдела Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД; то есть «полководил» частями, охранявшими лагерь ГУЛАГа. Другой бригадный комиссар — Шапиро Самуил Григорьевич — служил «полководцем» на строительстве Центрального театра Красной Армии. Бригкомиссар Фрумин Семен Михайлович был начальником Государственного центрального института физической культуры. Причем не военного, а гражданского. А «невинно погибший» дивкомиссар Кальпус Борис Александрович подвизался на посту заместителя председателя Комитета по делам физкультуры и спорта при СНК СССР.

И все-таки зададим риторические вопросы: дошли бы немцы до Москвы в 1941 году, если бы не расстреляли помощника начальника по политчасти Военно-инженерной академии Рабиновича? Или ответственного редактора газеты «Красная звезда» Ланда? Или помощника командира по политчасти Владивостокского военного порта Майзелиса? Или корпусного комиссара, а на самом деле популярного журналиста М. Е. Кольцова (Фридлянда)?

О мировоззренческой позиции оплаканного интеллигентами журналиста свидетельствовала апологетическая статья, опубликованная газетой «Правда» 8 марта 1938 года. В ней Кольцов характеризовал наркома НКВД Ежова как *«чудесного несгибаемого большевика, который, дни и ночи не вставая из-за стола, стремительно распутывает и режет нити фашистского заговора»*.

Ворошилов направил статью Сталину с пометкой: «Прошу посмотреть и сказать, можно ли и нужно ли печатать. Мне статья не нравится». Как отреагировал Вождь на публикацию «комиссара-журналиста», не известно. Но то, что Кольцова отзовут

из Испании, а в декабре арестуют, не имело связи с его журналистской деятельностью.

Сравнительно недавно стало известно, что на судьбу Кольцова-Фридлянда повлияло письмо Сталину, направленное Андре Марти. В нем Генеральный комиссар интербригад в Испании писал:

«Мне приходилось уже и раньше, товарищ Сталин, обращать Ваше внимание на те сферы деятельности Кольцова, которые вовсе *не являются прерогативой корреспондента, но самочинно узурпированы им...* Но в данный момент я бы хотел обратить Ваше внимание на более серьезные обстоятельства, которые, надеюсь, и Вы, товарищ Сталин, расцените как граничащие с преступлением.

1. Кольцов вместе со своим неизменным спутником Мальро *вошел в контакт с местной троцкистской организацией ПОУМ*. Если учесть давние симпатии Кольцова к Троцкому, эти контакты не носят случайный характер. 2. Так называемая «гражданская жена» Кольцова Мария Остен... является, у меня лично в этом никаких сомнений, засекреченным агентом германской разведки»¹⁵⁷. Мог ли Сталин игнорировать обращение столь влиятельного деятеля Коминтерна?

В сочинениях, фальсифицирующих историю, существует принципиальное заблуждение, будто бы в пик чистки 1937 года Политуправление армии возглавлял Лев Мехлис. Так, Солженицын в книге «Двести лет вместе» пишет: «Главное Политическое управление Красной армии после самоубийства надежного Гамарника перешло в надежные руки Мехлиса...» На самом деле Лев Захарович возглавил ПУРККА только в декабре 1937 года, а до этого, с июня, чисткой руководил армейский комиссар 1-го ранга (фактически генерал армии) А.П. Смирнов. В октябре, оставаясь начальником Политуправления РККА, он был назначен заместителем наркома обороны. За день до нового года он стал членом правительства СССР в должности народного комиссара вновь образованного наркомата Военно-морского флота, но ненадолго. Спустя шесть месяцев, 30 июня 1938 года, Смирнова, руководившего деятельностью всего политического корпуса на пике чистки, арестовали, а 22 февраля 1939 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к высшей мере наказания.

Среди «полководцев» аппарата Политического управления в ранге генералов, осуществлявших в разное время чистку армии, были:

Армейские комиссары 2-го ранга (равно генерал-полковнику):

Булин Антон Степанович. С 1935 года — начальник политуправления Белорусского ВО, в 1937 году — начальник Управления по командному и начальствующему составу РККА. Арестован 5 ноября 1937 года. Приговорен ВКВС СССР 28.07.1938 г.

¹⁵⁷ Цит. по: Громов Е. Сталин: искусство и власть. М., 2003. С. 319.

Иппо Борис Михайлович, еврей — член Военного Совета Среднеазиатского военного округа. Арестован 30 июля 1937 года. Приговорен к расстрелу Военной Коллегией 26 ноября 1937 года.

Ланда Михаил Маркович, еврей — ответственный редактор газеты «Красная звезда». Арестован 5 ноября 1937 года. Приговорен к расстрелу В. К. 28 июля 1938 года.

Аронштам Лазарь Наумович, еврей. В 1936-1937 годах начальник Политуправления Московского ВО, а в 1937 году — Приволжского ВО. Арестован 31 мая 1937 года, приговорен ВКВС 25 марта 1938 года к ВМН.

Векличев Георгий Иванович, украинец. В 1930-1936 годах начальник Политуправления Московского ВО, 1936-1937 годах — начальник политуправления Северо-Кавказского ВО. Арестован 7 июня 1937 года. Приговорен ВКВС СССР 8 января 1938 года.

Мезис Август Иванович, латыш. В 1933-1937 годах — начальник ПУ Приволжского ВО, в 1937-1938 годах — начальник ПУ Белорусского ВО. Арестован 26 ноября 1937 года. Приговорен ВКВС СССР 21.04.1938 г.

Славин-(Бас) Иосиф Еремеевич, еврей. В 1930-1935 годах — начальник ПУ Ленинградского ВО, 1935-1937 годах начальник УВУЗ РККА. Арестован 5 октября 1937 года. Приговорен ВКВС СССР 15.03.1938 г.

Шифрес Александр Львович, еврей. В 1926-1928 годах начальник отдела печати ПУ РККА, в 1934-35 гг. — начальник ПУ Северо-Кавказского ВО, в 1935-1937 годах — начальник Военно-хозяйственной академии. Арестован 13 ноября 1937 года, приговорен ВКВС 25.09.1938 г.

Корпусные комиссары (в ранге генерал-лейтенанта):

Хорош Мордух Лейбович, еврей, — заместитель начальника Политуправления Киевского военного округа. Арестован 9 августа 1937 года. Приговорен к расстрелу В. К. 15 октября 1937 года.

Гринберг Исаак Моисеевич, еврей, — член Военного Совета Авиации особого назначения (АОН). Арестован 26 ноября 1937 года. Приговорен к расстрелу В.К 29 июля 1938 года.

Немерзелли Иосиф Фаддеевич, еврей, — начальник Военно-политической академии имени Толмачева. Арестован 5 декабря 1937 года УНКВД по Ленинградской области. Приговорен к расстрелу В. К. 21 сентября 1938 года.

Дивизионные комиссары (в ранге генерал-майора):

Бартер Моисей Павлович, еврей. В 1931-1932 годах - заместитель начальника Военно-технической академии по политчасти, в 1935-1937 годах — заместитель начальника Политуправления Приволжского ВО. Арест 04.10.37 г., приговор ВКВС 16.05.38 г. ВМН.

Писманик Григорий Ефимович, еврей — В 1935-1937 годах — заместитель начальника, в 1937 году — начальник Политуправления Белорусского ВО. Арестован 26 ноября 1937 года, приговор ВКВС 29.04.38 г.

Бригадные комиссары:

Идельсон Лев Исаакович, еврей, — начальник политотдела 16-й стрелковой дивизии. Арестован 26 августа 1937 года. Приговорен к 8 годам ИТЛ Особым Совещанием при НКВД СССР 27 июля 1939 года.

Цейтлин Залман Карпелевич, еврей, — начальник политотдела 10-й стрелковой дивизии. Приговорен к расстрелу В. К. 2 ноября 1938 года.

Арш Марк Исаакович, еврей — начальник политотдела 20-й стрелковой дивизии. Арестован 26 августа 1937 года УНКВД по Вологодской области. Приговорен к расстрелу Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР 9 октября 1938 года.

Полковой комиссар (равно полковнику): Берлин Владимир Маркович - заместитель начальника агитационно-пропагандистского отдела ПУРККА. Арестован 16 сентября 1937 года. Приговорен к расстрелу Военной коллегией 15 марта 1938 года.

Именно эти «генералы партийной карьеры» многие годы возглавляли и координировали процесс очищения армии на протяжении 30-х годов. Как раз под их непосредственным руководством занимались фильтрацией кадров армии начальники политотделов воинских соединений и частей, помощники командиров по политчасти и военные комиссары.

После того как постепенно стали приоткрываться ранее засекреченные архивы и реальная картина минувшего, написанная черными красками, стала обретать различаемые контуры, в общественном мнении возник вопрос: кто же в таком случае «палачи», а кто «жертвы»?

К «жертвам» 1937 года обычно относят и командарма 2-го ранга И. Н. Дубового. 21-летний сын украинского крестьянина, он вступил в партию летом 1917 года в Иркутске, где окончил школу прапорщиков. Позже был начальником 44-й дивизии на Украине, где с августа 1919 года, после ее слияния с 1-й Украинской дивизии Щорса, стал заместителем командира. Когда Щорс был убит, Дубовой вновь стал начальником 44-й.

После окончания Гражданской войны он продолжал командовать дивизией, а с 1924 года — корпусом. В 1929 года - он — помощник и заместитель командующего, а с 1935 года - командующий войсками Харьковского военного округа. По свидетельству жены, «рыжий, с красивой бородой» командующий «сильно пил». Пожалуй, красота бороды — преувеличение. Борода Ивана Наумовича была мощной: при его расплывшемся теле и большой голове это делало его похожим либо на спившегося попа, либо на загулявшего атамана.

Но, конечно, приятель Якира 21 августа был арестован не за пьянство. На суде Иван Наумович «признал себя участником заговора и даже признался в организации убийства Щорса», и 28 июля 1938 года. Военная Коллегия Верховного суда СССР приговорила его к смертной казни. Еще до этого чистке подвергся и состав Харьковского военного округа. О кадровой перетряске штатов «великих

полководцев» можно судить по отчету, поступавшему в Москву из *Политического управления округа* в октябре 1937 года. То есть вскоре после ареста Дубового. В документе отмечается:

«...За истекший год личный состав округа значительно очистился от *враждебных и негодных элементов*. По политическим мотивам уволено из РККА комначсостава 810 чел., из них разоблачены как враги народа и *арестованы* органами НКВД 260 чел. Из числа красноармейского состава и младших командиров *по политическим и политико-моральным мотивам уволено* из РККА 457 чел.».

Из отчета очевидно: во-первых, не все уволенные из армии командиры были арестованы, и, во-вторых, более половины из уволенных военных являлись *рядовыми или младшими командирами*, т.е. принадлежали у сержантскому составу. Как отмечается в отчете, чисткой руководили именно политические органы.

«...*Парторганизации частей округа* разоблачили и изгнали из своих рядов за период с 1.1.37 г. по 1.X.37 г. больше 150 троцкистов, зиновьевцев, правых, контрреволюционных националистов, причем характерно, что если в I квартале исключено 10, во II-м — 26, то в III-м лишь ОПК исключено 97 чел. Разоблачены и изгнаны враги народа, пролезшие на ответственные командные посты и *руководство полторганов*:

Куницкий — б[ывший] к[оманди]р 23 сд (стрелковой дивизии); Ванаг — нач. факультетов ВХА; Зубок — б. к-р 30 сд; Колосов — нач[альник] факультетов ВХА; Обы- сов — б. к-р 80 сд; Соколов — б[ывший] НТХВО; Рога- лев — б. к-р 7 ск; Дубовой — б. командующий]войск ХВО; Незлин — нач. полит, отд. училища червон[ных] старшин; Ауссем — б. заместитель. НШ ХВО; Кожевников — б. нач. ПУХВО; Рассадин — нач. полит, отд[ела] 75 сд (стрелковой дивизии); Евгеньев — б. нач. шт[аба]. 7 ск; Ларин — секретарь ОПК; Мочалов — б. нач. шт[аба]. 14 ск; Скулаченко — нач. АБТВ ХВО; Шмаков — б. нач. шт. 7 ск; Блуашвши — б. нач. ПУХВО; Круль — нач. политотдела, отд. 25 сд; Кавалере - б. военком 7 ск; Градусов — б. военком 41 сд; Лагздин — нач. военно-пол[итического], учил [ища]; Котляров - инструктор ПУХВО; Суслов — б. военком ВХА Карпис — б. нач. Харьковского окруж[ного]. Дома Красной Армии».

Собственно говоря, в приведенном списке лишь двоих можно отнести к рангу военачальников: Куницкого — командира стрелковой дивизии и самого Дубового. Остальные — это военкомы, начальники штабов, работники разных учреждений и политотделов. В отчете указано:

«...За 1937 г. *исключено из партии и уволено из армии* (по сост. на 15.X. 1937 г.) **115 политработников**, занимавших следующие должности: зам. нач. пуокр (политуправления. — *К. Р.*) - 1 отсебр. партбюро полков — 4 нач. отделов пуокр (политуправления округа. — *К. Р.*) — 2 отсебр. партбюро батальонов — 1 редактор окружн[ой], газ[еты]. — 1 отсебр. партбюро эскадрилий — 1 инструктор пуокр (политуправления округа. — *К. Р.*) 4 инструкторов пропаганды - 3 нач. полит, отделов — 4 нач. клубов полка - 7 нач. ДКА — 1 политруков рог — 33 военкомов

полков — 7 зав. библиотек полков — 4 военкомов складов - 2 отсекар. комс[омольского] бюро — 5 военкомов строшп-ва — 1 зам. нач. полит. отделов — 3 инструкт. пол. отд. див. - 8 секр. окр. парт. комис. — 1 военкомов бот-нов — 7 военкомов КУКС зап. — нач. кафедр — 2 отсекар. партбюро курсов — 1 преподав. ВУЗов — б. нач. П[олит] У[правления] ХВО — 2 инструкт. ПКП курсов — 1 нач. ПВ ПУ - 1 и другие».

Из приведенного документа очевидно, что помимо ближайшего окружения командующего округом основной контингент уволенных из армии составляли разных уровней *политработники*. Причем освободившиеся места сразу же были заняты выдвиженцами. Как сообщается в документе: «Вместо уволенных, а также на замещение вакантных должностей выдвинуто за это же время 87 чел. из курсантов школ:

а) военкомов батальонов - 9; б) военкомов эскадрилий — 2 из политруков: а) военкомов полков и отд. батальонов — 15; б) инструкторов политотделов - 31; в) нач. полит. отдела — 2 из комиссаров бат-нов: а) военкомов полков — 7; б) нач. полит. отдела — 2 из военкомов полков: а) нач. полит. отд. дивизий — 5; б) военком., дивиз. и школ — 3. Других работников — 19 чел.».

Итак, в Харьковском военном округе должности уволенных и арестованных политработников были сразу же заняты новыми людьми из числа выдвиженцев. Конечно, чистка коснулась не только политработников. В целом в РККА (с 1 ноября 1937-го по 13 февраля 1938 года) было выдвинуто *на высшие должности* 1360 человек.

Естественно, что на присвоение нового звания и повышение в должности могли рассчитывать военные, уже имевшие соответствующее предшествующее звание и профессиональный опыт. Говоря иначе, «лейтенант» не мог сразу стать «майором». По данным Н. Черушева, за этот же период в целом по РККА «звание «комкор» получили 5 человек, «комдив» - 14 чел., «комбриг» - 9 чел., «полковник» — 54 чел., «майор» — 243 чел., «капитан» - 563 чел.»¹⁵⁸. То есть - 883 человека. При этом были *«повышены в воинских званиях и назначены на новые, более высокие должности — 11 136 человек»*.

И этот процесс обновления командного состава имел свою естественную закономерность. Уже в 1936 году в армии служило «13 тыс. лиц начсостава, имевших *академическое образование*» и по праву жаждавших повышения своего служебного положения. 13 тысяч профессионалов, горящих желанием проколоть дырки в своих петлицах и получить прибавку к должностному окладу.

Тогда о каком «разгроме» армии может вообще идти речь? Правда, манипулирующие лишь формальными званиями уволенных из армии командиров, антисталинисты упорно подчеркивают, что «в процессе чистки *из 397 командиров*

¹⁵⁸ Н. Черушев. 1937 год: Элита Красной Армии на Голгофе. М., 2003.

бригад «репрессировано» 337 комбригов; то есть почти 79% наличного состава комбригов».

И, прочтя подобную информацию, читатель сделает логический вывод, будто бы в результате репрессий своих командиров лишилось 337 бригад! Страшная цифра! Но не будем устраивать истерику и обратим внимание на очевидный парадокс. Если в процессе чистки было «репрессировано 337 командиров бригад, то почему звание комбригов получили только *9 человек?*

Дело в том, что эти военные не командовали бригадами. Они лишь получали зарплату, соответствующую такому званию. Следует пояснить, что военные соединения — бригады стали распространяться во время Гражданской войны в кавалерии, где первоначально основными структурными единицами были сотни, эскадроны, отряды и полки. Позже от отдельных соединений начался переход к формированию бригад, а затем дивизий, корпусов и армий. Кавалерийский корпус состоял из двух кавалерийских дивизий, каждая из которых имела 4-6 полков, артиллерию и технические подразделения. В 1929 году сухопутные войска имели 14 кавалерийских дивизий и *семь отдельных бригад.*

Однако в ходе последующей реформы кавалерия как род войск стала сокращаться. И когда начали формироваться новые механизированные части, то понятие «бригада» было перенесено и на эти соединения. Видимо, это было связано с тем, что первоначально командные кадры этого рода войск комплектовались из бывших кавалеристов. Уже в 1929 году в РККА было создано Управление механизации и моторизации, и был сформирован опытный механизированный полк, который на следующий год преобразовали в механизированную *бригаду.*

В 1932 году началось объединение механизированных бригад в механизированные корпуса. К началу 1936-го в РККА имелось 4 механизированных корпуса, 6 отдельных бригад и 15 механизированных полков в кавалерийских дивизиях. Конечно, новому роду войск требовались собственные кадры с техническими знаниями, и к этому времени учебные заведения РККА уже подготовили профессионально обученных командиров. В 1937 году Центральное управление механизации и моторизации было переименовано в Автобронетанковое управление Красной Армии, а в 1938 году механизированные корпуса преобразовали в танковые. К началу 1939 года в Красной Армии насчитывалось 4 танковых корпуса, 24 отдельных легких танковых бригады с танками БТ и Т-26 и 4 тяжелых танковых бригады с танками Т-28 и Т-35, а также 3 химические (огнеметные) бригады. Другая часть танковых подразделений входила в состав стрелковых и кавалерийских соединений.

В конце 1939 года Главный военный совет принял решение расформировать танковые корпуса и ввести в войсках однотипную организацию танковых соединений — бригад резерва Главного командования. В мирное время предполагалось иметь 32 танковые бригады и 10 отдельных танковых полков. Кроме них в сухопутных войсках намечалось сформировать вновь 15

моторизованных дивизий, включавших по два мотострелковых и один танковый полк.

По данным Н. П. Золотова и С.И. Исаева, опубликованным в «Военно-историческом журнале», на 1 июня 1941 года всего в РККА было 23106 танка¹⁵⁹. На 22 июня 1941 года в войсках имелось 23 140 танков всех типов (у Германии — 5694).

Но вернемся к комбригам. То, что процессе чистки *«из 397 командиров бригад из армии было уволено 337 комбригов»*, т.е. почти 79% наличного состава комбригов, совершенно не означало «уничтожения» командиров. По мере сокращения кавалерии часть бывших кавалеристов сумела пристроиться на иные административные и политические должности. В качестве начальников курсов, руководителей военных школ, работников снабжения, военруков, комиссаров, политруков и других армейских «чиновников».

В 1940 году, за ненадобностью, это звание было вообще упразднено. Именно в силу этих причин в ходе чистки звания комбригов и получило только *9 человек*. Причем по меньшей мере 68 несправедливо уволенных комбригов, занимавших строевые командирские должности, позже восстановили в армии, о чем речь пойдет позже, но при этом они получили уже новые звания.

Подобная спекуляция историков «на званиях» относилась и к другим категориям военных. Так, имея воинское звание комкора, М. Магер никогда не командовал корпусом. Всю Гражданскую войну он провел в должности комиссара разных соединений, а в момент ареста являлся членом военного совета Ленинградского ВО. Таких «полководцев» было немало. Кроме того, среди лиц, удаленных в процессе «Большой чистки» из армии, было значительное количество военнослужащих: из политического, юридического, медицинского, ветеринарного и административного состава, которые в иностранных вооруженных силах не занимали офицерских должностей.

Более того, большинство из них даже не служили в армии. Так, расстрелянный 15 сентября 1938 года белорус Абрамович С. И. не имел отношения к Красной Армии, поскольку исполнял обязанности начальника штаба и начальника 3-го отдела Западно-Сибирского округа войск НКВД. Он был «штабным служащим» внутренних войск и строил свою карьеру в Наркомате внутренних дел.

Не служил в РККА и белорус комбриг Войтенков М. К. Он работал заместителем начальника *Главного управления военного снабжения* НКВД. Расстрелянный в феврале 1939 года комбриг Горшенин П. С. вообще был секретарем ЦК ВЛКСМ и председателем Центрального Совета Осоавиахима. Еще одна «жертва репрессий» — комбриг Дейч Марк Семенович являлся начальником Центрального Аэроклуба им. Косарева.

¹⁵⁹ Н.Золотов, С.Исаев. Боеготовы были... // Военно-исторический журнал, № 11, 1993, с. 75-77.

В НКВД служил и арестованный 26 сентября 1938 года, а в феврале 40-го приговоренный к высшей мере комбриг Дреков Владимир Михайлович, являвшийся в 1934-1938 годах начальником УНКВД Сахалинской области. Комбриг Дьяконов Николай Александрович в 1938 году исполнял обязанности начальника штаба Управления пограничных и внутренних войск НКВД УССР. Другой «загубленный полководец» — комбриг Емельянов Александр Александрович в 1937 работал начальником Управления пожарной охраны НКВД Белорусской ССР и был заместителем начальника Главного управления пожарной охраны НКВД СССР. Таких репрессированных комбригов, служивших не в РККА, а в НКВД — 35 человек. В их числе:

Зарин Александр Дмитриевич — начальник 2-го отдела ГУПВО НКВД СССР;

Келлерман Георгий Георгиевич — заместитель начальника Морского отдела ГУПВО НКВД;

Кимундрис Александр Георгиевич — военрук Коммунистического политико-просветительского института им. Крупской;

Кобелев Павел Георгиевич — в 1937 году — начальник войск НКВД Московского округа, с февраля 1938-го — начальник войск НКВД Северо-Кавказского округа;

Крымский-Ударов Яков Петрович — начальник Высшей школы войск НКВД;

Лепсис Роберт Кришьянович — в 1936-1938 годах помощник начальника ГУПВО НКВД по МТО;

Масловский Адам Александрович — инструктор Управления пограничной охраны МВД Монголии;

Розе Вольдемар Рудольфович — в 1935-1937 годах — начальник особого отдела ГУ ГВФ;

Смирнов Павел Иванович — начальник войск НКВД Азербайджанской ССР;

Федоров Николай Николаевич — начальник 4-го (Особого) отдела ГУГБ НКВД;

Хряпенков Михаил Елисеевич - в 1934-1938 годах — начальник Главного Управления пожарной охраны НКВД СССР;

Барановский Семен Давидович — начальник пограничных войск НКВД Восточно-Сибирского округа.

Таким образом, среди «жертв» репрессий *командиров* обнаруживается немного. На поверку выявляется, что в числе удаленных из РККА оказались «кучи» комиссаров, политработников учебных заведений, физкультурников, строителей, редакторов центральных газет. То есть сотрудников различных учреждений, представителей «новой знати», принадлежавших к среде, в которой всегда существовала внутренняя конкуренция. В ней постоянно кто-то кого-то хотел подсесть, кто-то кого-то обидел, и в этом скопище недовольных применялись разные способы для сведения счетов.

Среди множества мифов, запущенных в 60-е годы прошлого столетия, тиражировалась клевета, представляющая одним их главных «виновником»

необоснованных репрессий Главного прокурора СССР А.Я. Вышинского. Номенклатурная историография «вылепила» из Андрея Януарьевича, выступившего государственным обвинителем на трех на шумевших судебных процессах, образ некоего демона-«подстрекателя». Лживо и мифически приписав ему «создание теории», по которой признания обвиняемого якобы являются «решающим доказательством вины».

И лишь сравнительно недавно стало известно, что в своей главной работе Вышинский декларировал *совершенно обратный принцип*. Он писал: «...было бы ошибочным придавать обвиняемому или подсудимому, вернее, их объяснениям, большее значение, чем они заслуживают этого... В достаточно уже отдаленные времена, в эпоху господства в процессе теории так называемых законных (формальных) доказательств, переоценка значения признаний подсудимого или обвиняемого доходила до такой степени, что признание обвиняемым себя виновным считалось за непреложную, не подлежащую сомнению истину, хотя бы это признание было вырвано у него пыткой, являвшейся в те времена чуть ли не единственным процессуальным доказательством, во всяком случае считавшейся наиболее серьезным доказательством, «царицей доказательств» (*regina probationum*).

...Этот принцип совершенно неприемлем для советского права и судебной практики. Действительно, если другие обстоятельства, установленные по делу, доказывают виновность привлеченного к ответственности лица, то сознание этого лица теряет значение...»

Такая позиция не являлась лишь теоретическими рассуждениями доктора юридических наук, написанными им для узкого круга профессионалов. Выступая на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года, Вышинский резко критиковал действия органов НКВД, возглавлявшегося Ягодой. Основным недостатком в работе следственных органов НКВД и прокуратуры Вышинский считал *«тенденции построить следствие на собственном признании обвиняемого»*.

Он говорил: «Наши следователи очень мало заботятся об объективных доказательствах, о вещественных доказательствах, не говоря уже об экспертизе. Между тем центр *тяжести расследования должен лежать именно в этих объективных доказательствах*. Ведь только при этом условии можно рассчитывать на успешность судебного процесса, на то, что следствие установило истину»¹⁶⁰.

Сегодня, когда стали доступны некоторые из скрываемых ранее документов, уже невозможно манипулировать сознанием обывателя прошлыми инсинуациями. Поэтому, не желая открыто признать правомерность чистки, осуществленной накануне надвигающейся войны, официальная пропаганда пытается внедрить в общественное сознание новые мифы. Наиболее распространенным из них стало голословное утверждение о якобы самой *«тоталитарности советского режима»*.

¹⁶⁰ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года.

В чем же выразилась эта «тоталитарность»? В том, что правящая номенклатура якобы слепо и бездумно следовала «установкам» Вождя? Но разве сегодняшняя политическая элита не заглядывает в рот власть предержащим? Тем не менее несмотря на «предупреждения», оглашаемые с трибун и экранов телевидения, власть не может справиться с захлестнувшими страну с 90-х годов преступлениями.

За два десятилетия, прошедшие с момента свержения Советской власти, правоохранительные органы России так и не смогли укротить преступность. В дополнение к традиционным преступлениям — убийства, воровство и прочее — появились новые, такие как коррупция, чиновничий произвол, продажность судебной системы, взяточничество милиции и работников таможни и другие пороки «демократии», поразившей страну в 90-е годы.

Складывается впечатление, что с реставрацией капитализма Россия превратилась в тоталитарное коррумпированное государство. Термин коррупция, происходящий от латинского *corrumpere* — «растлевать», обычно обозначает «использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды» и наиболее часто применяется по отношению к бюрократическому аппарату и политической элите.

Собственно говоря, в 90-е годы прошлого века сама смена строя в России произошла по коррупционному сценарию. Когда, используя конституционные изменения, при формальной имитации внешних признаков «демократии», национальные клановые группировки обеспечили для себя управляемость результатами референдумов и выборов в органы власти. В итоге при подавлении средствами пропаганды политической конкуренции в стране был сформирован олигархический ельцинский режим, который можно назвать «плебисцитарной диктатурой». Это обусловило то, что в результате коррупционной приватизации, проведенной на той же клановой основе, вся народная собственность оказались в руках олигархов, криминальных и местнических группировок.

Практически признавая это, президент Д. А. Медведев в 2010 году так прокомментировал проблему: *«Коррупция есть в любой стране. Коррупция была и в царское время, а также существовала и в советские времена, хотя была более латентной по вполне понятным причинам. И, конечно, коррупция расцвела махровым цветом после перехода России к современному состоянию устройства экономики и политической системы».*

Действительно, скрытая коррупция, когда должностное лицо могло распоряжаться не принадлежащими ему ресурсами, существовала и в 30-е годы. Однако в СССР особенность коррумпированности состояла не столько в ее скрытости, сколько в особенностях форм проявления. Главным образом она выражалась не в даче и получении взяток, а во внеплановом предоставлении государственных средств и ресурсов, но, еще чаще, - в форме чиновнической клановости и взаимном покровительстве. В продвижении «своих людей» на

служебные должности, позволяющие получать более высокие оклады, персональные дачи, служебные машины, награды, премии и другие привилегии.

Как свидетельствует мировой опыт, при определенных условиях такая форма коррупции способна обусловить «перехват власти узкой группой элиты, обычно военными». «Такие события происходят в виде реакции на слабость и разложение власти, не способной справиться ни с текущими задачами, ни с кризисными ситуациями».

Наиболее реально возможность смены власти в СССР существовала до завершения коллективизации. Когда фактически в стране еще не было социалистического строя, в том понимании состояния экономики, который сложился после реформирования деревни. Можно сказать, что до этого момента страна жила в условиях «ручного» управления. Когда при отсутствии стабильности все решения, принимаемые ЦК и правительством, приходилось корректировать «на ходу», в зависимости от ситуации, складывающейся в стране и за ее рубежами.

Практически все управление осуществлялось исключительно посредством директив, направляемых ЦК партийному руководству на местах. Но там правили не законы, а сложившиеся партийные кланы, живущие по принципам своих представлений о пределах применения властных полномочий. Впрочем, в этот переходный период, когда в стране не было экономической стабильности, иного способа управления и не существовало.

Лишь после того, когда, не только средства производства в промышленности, но и земля стали собственностью народа и у Вождя появились основания заявить о завершении строительства фундамента социалистического государства, появилась возможность приступить к реформированию правовой системы. К слову сказать, что с момента развала Советского государства современная Россия до сих пор тоже живет в условиях «ручного» управления. И если Ельцин подписывал многочисленные «указы», то новый действующий президент дает чиновникам «поручения».

Конечно, Сталин прекрасно понимал, что несовершенной была и существовавшая правоохранительная система, но до принятия новой Советской Конституции 1936 года она и не могла быть иной. Для этого потребовался не только новый Основной закон государства, но и коренное реформирование всей правоохранительной системы. А это было невозможно осуществить в одночасье. Требовался *переходный период*, позволяющий преобразовать всю надстройку государства.

Поэтому, когда 20 июня 1933 году была создана Прокуратура СССР, основной ее задачей стало — *укрепление законности и охрана общественной собственности на всей территории Союза ССР*. Согласно «Положению о прокуратуре СССР», утвержденному постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 декабря 1933 года, ее возглавлял Прокурор СССР, назначаемый Центральным Исполнительным Комитетом. Он имел совещательный голос в заседаниях

Президиума ЦИК СССР, СНК СССР и Совете труда и обороны. Он наделялся правом законодательной инициативы, правом опротестовывать постановления Пленума Верховного суда СССР в Президиум ЦИК СССР. Одновременно Прокурор должен был непосредственно осуществлять *«надзор за законностью и правильностью действий О ГПУ»*. Первым Прокурором СССР был назначен И.А. Акулов, а его заместителем стал А.Я. Вышинский, но с 3 марта 1935 года именно он и возглавил Прокуратуру.

Следующим шагом правоохранительной реформы стало образование в 1934 году общесоюзного Наркомата внутренних дел, в который были включены ОГПУ и Главное управление милиции. Позднее ОГПУ преобразуется в Главное управление госбезопасности, на которое были возложены функции внешней разведки, контрразведки и госбезопасности, а также руководство особыми отделами в армии.

На НКВД возлагалось обеспечение порядка и госбезопасности, охрана общественной собственности, запись актов гражданского состояния, пограничная охрана. В ведении этого ведомства вошли управление шоссейными и грунтовыми дорогами, картография, управление мер и весов, переселенческое и архивное дело.

До 30-х годов места заключения были в ведении республиканских НКВД, но с созданием Главного управления лагерей (ГУЛАГа) НКВД стал распорядителем всех категорий заключенных колоний, лагерей и «спецпоселенцев». Однако привлечение заключенных к трудовой деятельности не давало того эффекта, о котором десятилетиями натруженно писали антисталинисты, — так, в 1937 году НКВД освоил *лишь* 6% всех средств на капитальное строительство. В 1936 году в системе НКВД был образован и новый вид мест заключения — тюрьмы для особо опасных преступников, а 28 ноября был создан тюремный отдел, и его начальником стал Яков Вейншток,

Следует подчеркнуть, что до 1937 года в стране не только не было стройной юридическо-правовой системы, но и во всех ее структурах катастрофически нехватало профессионально подготовленных кадров. Поэтому основные судебные функции фактически исполняли полуграмотные сотрудники ОГПУ, осуществлявшие рассмотрение дел подсудимых «тройками», и, только в 1932 году им было запрещено приговаривать осужденных к высшей мере наказания — это стало прерогативой судебной коллегии ОГПУ. Но в 1934 году была упразднена и она, и теперь, по окончании следствия, все дела должны были направляться в суд.

Но профессиональных специалистов недоставало и в судах. Поэтому при наркомате внутренних дел СССР было сформировано Особое совещание, в состав которого входил Прокурор СССР или его заместитель. Однако и этот административный орган наделялся *более ограниченными судебными полномочиями, чем имела ранее судебная коллегия*. Ему предоставлялось право применять в административном порядке только высылку, ссылку, заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок до 5 лет и высылку за пределы Союза ССР.

Причем разработанное Положение об Особом совещании при НКВД не было изобретением советской юриспруденции. Оно почти дословно повторяло Положение об Особом совещании при МВД Российской империи 1881 года. Конечно, можно посетовать на несовершенство и даже упрощенность правовой системы описываемого периода. Но откуда ей было взяться, если спустя десятилетия в современной России нет ни идеальных законов, ни безупречно справедливой и эффективной правоохранительной системы!

Однако обратим внимание на детерминированность ее реформирования Сталиным. Оно шло параллельно с подготовкой новой Конституции. И с ее принятием 5 декабря 1936 года уже 8-го числа СНК СССР утвердил Положение о Наркомате юстиции СССР. В числе задач, возлагаемых на НКЮ, были следующие:

«Наблюдать за применением судами Положения о судеустройстве, Уголовного, Гражданского и процессуальных кодексов; руководить *организацией* судебной системы, организацией выборов суде на всей территории Союза ССР; осуществлять «ревизию и инструктирование судебных учреждений». Кроме того, Наркомату юстиции была поручена *организация и руководство* военными трибуналами и транспортными судами».

Но коренное изменение судебной системы произошло в августе 1938 года, когда был принят закон «О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик», а к 39-му году вся судебная система государства была приведенная в соответствие с новым административным делением страны. Так, народный суд (в районах) рассматривал большую часть уголовных и гражданских дел. Областные, краевые, окружные суды, суды автономных областей и Верховные суды автономных республик — рассматривали уголовные и гражданские дела, отнесенные к их подсудности, а также кассационные жалобы и протесты на приговоры и решения нарсудов.

Верховный Суд союзной республики рассматривал особо важные дела, и одновременно он мог принять к производству любое дело любого суда на территории республики. Одновременно он рассматривал *кассационные жалобы и протесты на приговоры и решения* областных судов и мог пересматривать дела в порядке надзора. Общесоюзным являлся Верховный Суд СССР. Ему подчинялись суды союзных республик и специальные суд; на него возлагался и надзор за всеми судебными органами СССР. Он имел право отменить приговор или решение любого суда и давать разъяснения по вопросам судебной практики.

И если в процессе «Большой чистки» 1937-1938 годах было допущено осуждение невиновных людей, то в первую очередь, ответственность за допущенный произвол несут как сотрудники НКВД, расследовавшие дела обвиняемых, так и работники прокуратуры, непосредственно дававшие санкции на аресты и осуждение обвиняемых в антигосударственных преступлениях. И посмотрим, что из себя представляли эти кадры.

4. «Полководцы» прокуратуры и юстиции

Наряду со званиями командного состава РККА, Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР № 19/2135 22 сентября 1935 года были введены звания военно-юридического состава. За историю их существования звание армвоенюриста (равно генералу армии) было присвоено двум военнослужащим. Первым в этом звании Постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 ноября 1935 года был утвержден председатель Военной коллегии Верховного суда СССР, поляк Ульрих Василий Васильевич.

Он родился в Риге, где окончил реальное училище, а затем - Рижский политехнический институт. Работал конторщиком, а с 1915 года был на военной службе в качестве рядового саперного батальона; затем в школе прапорщиков получил чин подпоручика. Член РСДРП с 1910 года, после установления советской власти он стал работать заведующим финансовым отделом ВЧК, а с 1919 года — комиссаром штаба войск внутренней охраны.

С начала 20-х годов Ульрих перешел в систему военных трибуналов, а в 1926 году стал председателем, созданной еще в 1924 году Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Объем ее полномочий резко возрос с лета 1934 года, когда коллегии и руководимым ею военным трибуналам было поручено судебное рассмотрение дел и всех гражданских лиц, расследуемых аппаратом особых отделов и других органов НКВД, по обвинению в особо опасных преступлениях (измена Родине, террор, шпионаж, диверсии).

Именно ее суду подлежали и все обвиняемые в преступлениях лица высшего комначполитсостава РККА и РККФ. Именно Ульрих же был председательствующим и Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, осудившего в июне 1937 года Тухачевского и его подельников.

Еще в ноябре 1935 года специальным приказом НКО по личному составу № 0586 от 27 января 1936 года «О присвоении военных званий членам военной коллегии Верховного суда СССР» Ульриху было присвоено персональное военное звание «армвоенюрист». Соответствующие звания получили и другие члены военной коллегии. Один из заместителей Ульриха — И.О. Матулевич — получил звание «корвоенюрист», другой — заместитель И.Т. Никитченко — «диввоенюрист». Это же высокое звание получили и семь членов военной коллегии: И.Т. Голяков, А.Д. Горячев, Я. П. Дмитриев, И. М. Зарянов, П.А. Камерон, А.М. Орлов, Н.М. Рычков. Члену коллегии Я.Я. Рутману было присвоено звание бригвоенюриста.

Именно эти 11 высокопоставленных военных юристов в 1937-1938 годах выносили приговоры лицам высшего комначполитсостава РККА. На местах «социалистическое правосудие» осуществляла широкая сеть военных трибуналов. Председателями трибуналов военных округов и флотов в 1937 году служили: корвоенюрист Л.Я. Плавнек (МВО); диввоенюристы Б.П. Антонов (ОКДВА), Б. И. Иевлев (ПриВО), Г.Г. Кушнирюк (КВО), А.И. Мазюк (ЛВО), Б. В. Миляновский (БВО); бригвоенюристы С. В. Преображенцев (СибВО), Я. К. Жигур (СКВО), А.Ф.

Козловский (ХВО), Г.А. Алексеев (УрВО), А.П. Певцов (ЗакВО), В.Д. Севастьянов (САВО), А.Г. Сенкевич (ЗабВО), К.Л. Стасюлис (ТОФ), В.А. Колпаков.

Председатель Военной коллегии Ульрих был не единственным армвоенюристом, т.е. генералом армии, 22 февраля 1938 года в этом воинском звании был утвержден Розовский Наум Савельевич. Подробности его биографии скрыты плотным туманом, и для этого есть свои основания. Известно лишь то, что он родился в еврейской семье, и в 19 лет в 1917 году он вступил в РСДРП(б). В 1935 году, получив звание корвоенюриста, стал заместителем Главного военного прокурора, а в 1937 году он — уже Главный военный прокурор РККА.

Главная военная прокуратура не входила в состав Наркомата обороны, а подчинялась Генеральному прокурору. Но в связи с тем, что коллегой и ближайшим приятелем Розовского был первый заместитель Вышинского Григорий Роговский, то Наум Савельевич чувствовал себя полным хозяином в своем ведомстве. Под его контролем работали и все военные прокуроры, но он «не реагировал на их сигналы о нарушениях в действиях Особых отделов и других органов НКВД, передавая эти заявления в руки тех же органов». По словам Сувенирова, Розовский превратил военную прокуратуру в «одно из звеньев массового истребления безвинных людей».

Он давал указания на места во всем оказывать поддержку НКВД, «санкции на арест давать безотказно, не мешать производству арестов». Причем Наум Савельевич не только лично санкционировал аресты военачальников, он и передачу завершенных следственных дел в трибуналы. Фактически через руки Розовского «прошел» весь высший командный состав Армии и Флота, все осужденные, как виновные, так и невиновные. Его подпись стояла под всеми приговорами. Кроме того, «по своей должности он был обязан лично присутствовать на расстрелах и сам расстреливать».

Н.С. Розовский имел в своем подчинении огромный штат юристов разных рангов: «В 1936 г. на службе в РККА состояло 883 военно-юридических работников. Из них 228 человек были в званиях среднего начсостава (54 младших военюристов и 174 военюриста); 531 человек — в званиях старшего начсостава (192 военюриста 3 ранга, 139 военюристов 2 ранга и 200 военюристов 1 ранга) и 124 человека — в званиях высшего начсостава (99 бригаденюристов, 21 диввоенюрист, 3 корвоенюриста и 1 армвоенюрист)».

По сведениям того же Сувенирова, «на 1 апреля 1938 г. в военных прокуратурах РККА имелось по штату 256 военных прокуроров, их заместителей и помощников и 244 военных следователя». Причем, положение Розовского было настолько влиятельным, что в июле 1938 года «в целях поднятия престижа в войсках военно-юридических работников», он добился их включения в военно-политический состав.

Но присмотримся и к другим крупным фигурам в правоохранительных ведомствах, о которых бывший прокурор Суверенов не упоминает. Заместителем

председателя Военной коллегии Верховного суда СССР был еврей И.О. Матулевич, имевший звание корвоенюриста (т.е. генерал-полковника). Он входил в состав судебного присутствия на всех громких процессах, таких как: процесс троцкистского центра (23-30 января 1937 г.), бухаринско- троцкистский (12 марта 1938 г.) и т.д. Еще одним корвоенюристом был военный прокурор Московского военного округа Плавнек Леонард Янович.

Среди работников прокуратуры звание диввоенюриста (равное генерал-лейтенанту) имели:

Субоцкий Лев Матвеевич, еврей, в 1935-1937 годах - помощник Главного военного прокурора РККА по пограничной и внутренней охране НКВД, начальник 4-го отдела Главной военной прокуратуры по войскам НКВД и погранохраны. Находился под арестом с 26.09.37 по март 1940 году, в 1941 году — заместитель военного прокурора Южного фронта, награжден орденом Красного Знамени.

Берман Юлий Яковлевич, еврей, в 1935-1937 годах — военный прокурор Московского ВО, арестован 16.01.38. Приговорен ВКВС 15.09.1939. Расстрелян 20.09.39.

Гродко Арон Самуилович, еврей, в 1935-1937 годах — помощник Главного военного прокурора РККА, заместитель Главного военного прокурора РККА, 1937-1938 годах — заместитель наркома юстиции СССР, арестован 3.11.38. Приговорен ВКВС СССР 9.06. 41. Расстрелян 10.06. 41.

Малкис Владимир Иванович, еврей, в 1931-1937 годах — помощник Главного военного прокурора по Дальневосточному краю, военный прокурор ОКДВА; 15 января 1938 года; бывший полковник юстиции был арестован и до 1940 года находился под следствием.

Казаринский Яков Абрамович, еврей, в 1935-1936 годах — помощник Главного военного прокурора РККА, прокурор Главной военной прокуратуры РККА, приговорен ВКВС 08.08.38.

Маллер Лазарь Израилевич, еврей, в 1937 году — председатель военного трибунала Управления пограничной и внутренней охраны УНКВД Дальневосточного края, приговорен к высшая мере 9 июня 1941 года. Бригвоенюрист Китин Илья Григорьевич был председателем военного трибунала Восточно-Сибирской железной дороги, а бригвоенюрист Лapidус Рувим Борисович — военным прокурором Амурской железной дороги.

Таким образом, из приведенной информации обнаруживается, что на пике репрессий в армии этим процессом руководили профессионалы, имеющие общие корни; как указывает А. Шарон, к еврейской национальности принадлежали по меньшей мере:

1 — заместитель наркома юстиции;

1 — заместитель председателя Военной Коллегии Верховного Суда СССР;

1 - главный военный прокурор СССР;

6 - заместителей Главного военного прокурора;

13 - прокуроров военных округов и частей;

3 - помощника прокуроров военных округов;

6 — председателей и заместителей председателей военных трибуналов.

То есть, говоря иначе, 1 из двух армвоенюристов, 2 из 2 корвоенюристов, 27 бригавоенюристов. В целом более 30 человек. Но именно все названные и неназванные профессионалы «чистили» войска от враждебных элементов вплоть до 1939 года. Среди руководителей военной прокуратуры и трибуналов обнаруживаются и такие фигуры:

Савицкий М.Я. — помощник Главн. воен. прокурора РККА.

Шарлот С.Я. — помощник военного прокурора РККА.

Гохенберг М.М. — старш. инсп. Главн. воен. прокуратуры РККА.

Шмулевич В.Г. — воен. прокурор Уральского военного округа.

Ставицкий М. И. — пом. военного прокурора Харьковского ВО.

Маршак М. Г. — заместитель военного прокурора Киевского ВО.

Дубелир Г. Г. — старший пом. военного прокурора Киевского ВО.

Шахтэн Я. М. — воен. прокурор особого железнодорожн. корпуса.

Черноглазов Д. Б. — военный прокурор 6-го стрелкового корпуса.

Рабковский И. Ф. — зам. пред. Воен. трибунала Тихоокеанск. флота.

Лернер М.Я. — зам. председ. Военного трибунала Белорусского ВО.

Баумановский И. В. — зам. пред. Воен. трибунала Сибирского ВО.

Бинненбойм И. В. — воен. прокурор 5-го механизирован. корпуса.

Ботвинник Я. С. — председ. воен. трибунала 5-го стрелк. корпуса.

Конечно, это далеко не полный состав профессионалов, «очищавших» армию, В другом эшелоне ее «фильтрацию» осуществляли 18 евреев — комиссаров государственной безопасности 1-го и 2-го ранга, занимавших высшие должности в аппарате НКВД. В списке награжденных, опубликованном центральной печатью в конце 1937 года к 20-летию ВЧК-ОГПУ-НКВД, из 407 отмеченных сотрудников - 56 евреев (13,8%), 7 латышей (1,7%)» — занимали высшие руководящие посты. Это они определяли логику чистки. Но о том, что в ее ходе «генералы» госбезопасности не щадили и «своих», свидетельствует статистика. По подсчетам Ф.Д. Свердлова в книге «Евреи — генералы вооруженных сил СССР...» 1937-1938 годах было репрессировано:

«180 евреев из числа тех, кто мог получить генеральские звания, введенные в мае 1940 г. Среди них оказались: командарм 1-го ранга, армейский комиссар 1-го ранга, 5 армейских комиссаров II-го ранга, 4 комкора, 9 корпусных комиссаров, 2 корвоенюриста, 9 комдивов, 26 дивизионных комиссаров, 2 дивинтенданта, 1 дивврач, 4 диввоенюриста, 24 комбрига, 43 бригадных комиссара, 7 бригаженеров, 5 бригаинтендантов, 2 инженер-флагмана II-го ранга, 8 бригаврачей, 18 бригавоенюристов плюс 11 человек уже не находившихся... в кадрах РККА»¹⁶¹.

¹⁶¹ Цит по: Арон Шнеер www.jewniverse.ru

А. Шарон в свою очередь почти с пафосом сетует, что «среди репрессированных военачальников, так же как и среди репрессированных политических деятелей, евреи оказались на первом месте. В числе 791 репрессированного высшего военачальника оказалось 234 еврея»¹⁶². Кроме того, в самом НКВД были репрессированы «все 18 комиссаров государственной безопасности первого и второго рангов. Общее число высших офицеров НКВД в период 1937-38 гг. составляло 122 сотрудника, после чистки из них осталось на своей должности - 21. 15 марта 1938 г. был расстрелян бывший Нарком внутренних дел СССР Г. Г. Ягода».

И такая статистика наводит на размышления. Выше уже говорилось, что ведущую роль в начавшейся чистке армейских кадров играли политические органы. И поскольку в ее ходе были допущены перегибы, то кто в этом был виновен? Фактически именно эта проблема стала предметом обсуждения на январском Пленуме ЦК, прошедшем с 11 по 20 января 1938 года. Однако в это время еще ни Сталин, ни другие руководители страны не подвергали сомнению непорочность правоохранительных органов.

Поэтому речь шла лишь о партийных функционерах — разного уровня секретарях региональных организаций, допустивших произвол при исключении членов партии. В постановлении пленума виновниками злоупотреблений были признаны: *«карьеристы-коммунисты, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключенных из партии, на репрессиях против членов, старающихся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем огульных репрессий»*.

И в соответствии с «философией» своего времени такие приспособленцы характеризовались как «провокаторы и враги», старающиеся *«криками о бдительности замаскировать свою враждебность и сохраться в партийных рядах — это во-первых, и во-вторых, стремящиеся путем проведения мер репрессий перебить наши большевистские кадры, посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в наших рядах»*.

В постановлении ничего не говорилось ни об армии, ни о правоохранительных органах. Однако, как показало последующее развитие событий, в этих структурах подобные карьеристические тенденции проявлялись еще более остро. Но о том, что «первый звонок» прозвучал, свидетельствовало последовавшее отстранение с постов и аресты 21 февраля Постышева, 29 апреля Эйхе, 3 мая Косиора, а в апреле Ежова назначили по совместительству наркомом водного транспорта.

В это же время паника охватила «генералов» госбезопасности. Еще 1 января был освобожден со своего поста нарком внутренних дел Украины Израиль Леплевский. В мае покончит жизнь самоубийством начальник управления НКВД по Московской области Каруцкий. Еще через месяц, нелегально перейдя границу, бежал к японцам

¹⁶² Там же.

начальник Дальневосточного управления НКВД старый чекист Г.С. Люшков. Ежову подыскивали замену, и, видимо предвосхищая это, он все чаще пускался в запой. Замену ему - первого секретаря ЦК КП(б) Грузии Л. П. Берию — предложил Маленков.

22 августа Берию назначили 1-м заместителем народного комиссара внутренних дел СССР, 8 сентября он стал начальником 1-го управления НКВД СССР, 11-го ему присвоили звание комиссара государственной безопасности 1-го ранга. А 29 сентября он занял должность начальника Главного управления государственной безопасности НКВД СССР.

Однако Сталин нанес удар не только по партийной и «чекистской» мафиям. О том, в каком направлении он поворачивал руль, свидетельствует совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № П 4387 «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», принятое 17 ноября 1938 года.

В нем отмечалось, что в 1937-1938 годах «органы НКВД проделали большую работу по разгрому врагов народа и очистили СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров из троцкистов, бухаринцев, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, белогвардейцев, беглых кулаков и уголовников, представлявших из себя серьезную опору иностранных разведок в СССР и в особенности разведок Японии, Германии, Польши, Англии и Франции».

Вместе с тем в постановлении указывалось на недопустимые недостатки, «выявленные за последнее время в работе органов НКВД и Прокуратуры». Среди главнейших из них назывались следующие:

«Во-первых, работники НКВД совершенно забросили агентурно-осведомительную работу, предпочитая действовать более упрощенным способом, путем практики массовых арестов, не заботясь при этом о полноте и высоком качестве расследования. (...)

Во-вторых, крупнейшим недостатком работы органов НКВД является глубоко укоренившийся упрощенный порядок расследования, при котором, как правило, следователь ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными (показания свидетелей, акты экспертизы, вещественные доказательства и пр.). (...)

Следственные дела оформляются неряшливо, в дело помещаются черновые, неизвестно кем исправленные и перечеркнутые карандашные записи показаний, помещаются не подписанные допрошенным и не заверенные следователем протоколы показаний, включаются неподписанные и неутвержденные обвинительные заключения и т.п.

Органы Прокуратуры со своей стороны не принимают необходимых мер к устранению этих недостатков, сводя, как правило, свое участие в расследовании к простой регистрации и штампованию следственных материалов. Органы

Прокуратуры не только не устраняют нарушений революционной законности, но фактически узаконивают эти нарушения.

Такого рода безответственным отношением к следственному производству и грубым нарушением установленных законом процессуальных правил нередко умело пользовались пробравшиеся в органы НКВД и Прокуратуры — как в центре, так и на местах — враги народа.

Они сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям и даже вовсе без всяких оснований создавали с провокационной целью «дела» против невинных людей, а в то же время принимали все меры к тому, чтобы укрыть и спасти от разгрома своих соучастников по преступной антисоветской деятельности. Такого рода факты имели место как в центральном аппарате НКВД, так и на местах. (...)

В целях решительного устранения изложенных недостатков и надлежащей организации следственной работы органов НКВД и Прокуратуры — СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

2. Ликвидировать судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а также тройки при областных, краевых и республиканских управлениях РК милиции.

Впредь все дела в точном соответствии с действующими законами о подсудности передавать на рассмотрение судов или Особого Совещания при НКВД СССР.

3. При арестах органам НКВД и Прокуратуры руководствоваться следующим:

а) согласование на аресты производить в строгом соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 июня 1935 года;

б) при истребовании от прокуроров санкций на арест органы НКВД обязаны представлять мотивированное постановление и все обосновывающие необходимость ареста материалы;

в) органы Прокуратуры обязаны тщательно и по существу проверить обоснованность постановлений органов НКВД об арестах, требуя в случае необходимости производства дополнительных следственных действий или представления дополнительных следственных материалов;

г) органы Прокуратуры обязаны не допускать производства арестов без достаточных оснований.

Установить, что за каждый неправильный арест наряду с работниками НКВД несет ответственность и давший санкцию на арест прокурор.

4. Обязать органы НКВД при производстве следствия в точности соблюдать все требования уголовно-процессуальных кодексов.

В частности: (...) 5. Обязать органы Прокуратуры в точности соблюдать требования уголовно-процессуальных кодексов по осуществлению прокурорского надзора за следствием, производимым органами НКВД.

В соответствии с этим обязать прокуроров систематически проверять выполнение следственными органами всех установленных законом правил ведения следствия и немедленно устранять нарушения этих правил; принимать меры к обеспечению за обвиняемым предоставленных ему по закону процессуальных прав и т.п.

6. В связи с возрастающей ролью прокурорского надзора и возложенной на органы Прокуратуры ответственностью за аресты и проводимое органами НКВД следствие признать необходимым:

а) установить, что все прокуроры, осуществляющие надзор за следствием, производимым органами НКВД, утверждаются ЦК ВКП(б) по представлению соответствующих обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий и Прокурора Союза ССР;

б) обязать обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий в месячный срок проверить и представить на утверждение в ЦК ВКП(б) кандидатуры всех прокуроров, осуществляющих надзор за следствием в органах НКВД;

в) обязать Прокурора Союза ССР тов. Вышинского выделить из состава работников центрального аппарата политически проверенных квалифицированных прокуроров для осуществления надзора за следствием, производимым центральным аппаратом НКВД СССР, и в двухмесячный срок представить их на утверждение ЦК ВКП(б).

7. Утвердить мероприятия НКВД СССР по упорядочению следственного производства в органах НКВД, изложенные в приказе от 23 октября 1938 года. В частности, одобрить решение НКВД об организации в оперативных отделах специальных следственных частей. (...)

Установить, что все следователи органов НКВД в центре и на местах назначаются только по приказу народного комиссара внутренних дел СССР.

8. Обязать НКВД СССР и Прокурора Союза ССР дать своим местным органам указания по точному исполнению настоящего постановления. (...)

СНК. СССР и ЦК ВКП(б) предупреждают всех работников НКВД и Прокуратуры, что за малейшее нарушение советских законов и директив партии и правительства каждый работник НКВД и Прокуратуры невзирая на лица будет привлекаться к суровой судебной ответственности.

Председатель Совета народных комиссаров СССР В. Молотов.

Секретарь

Центрального Комитета ВКП(б) И. Сталин».

Однако новый нарком не сразу добрался до самых высоких чиновников. Для этого требовалось время. Только 17 июня 1939 года Берия направил Ворошилову «имеющийся в НКВД СССР компрометирующий материал на работников Главной военной прокуратуры». Он был основан на показаниях ранее арестованных бывших заместителей и помощников Главного военного прокурора:

Гродко, Иосселья и Казаринского, а также бывших прокуроров военных округов: Оганджяняна, Бермана, Малкиса Малютина, Кузнецова.

В сообщении Берии указывалось, что в Главной военной прокуратуре существует еще не выкорчеванная заговорщическая организация, которую возглавляет сам Главный военный прокурор Н. С. Розовский. В нее входят два прокурора ГВП (Л. М. Брайнин и Д. С. Клебанов) и два помощника ГВП (Л.М. Калугин и А.Х. Кузнецов).

Вскоре он был арестован. Следствие длилось почти два года. И только за неделю до начала Отечественной войны он наконец предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР, осудившей его на 10 лет лагерей и 5 лет поражения в политических правах. Но Розовский протянул недолго и умер в ИТЛ в 1942 году. Одновременно с бывшим Главным военным прокурором оказался под следствием и его приятель — заместитель Вышинского.

Судьба заместителя Прокурора Союза ССР Григория Константиновича Рогинского описывается в книге государственных советников юстиции А. Г. Звягинцева и Ю.Г. Орлова «Заговор прокуроров». Именно он курировал органы НКВД, утверждал почти все обвинительные заключения по контрреволюционным делам, участвовал в подготовительных заседаниях Военной коллегии Верховного Суда СССР, присутствовал во время казни лиц, осужденных к расстрелу. А, в отсутствие Вышинского, исполнял и обязанности Прокурора Союза ССР.

Рогинский тоже родился в еврейской семье — в 1895 году в г. Бобруйске и также совершил головокружительную карьеру. До Октябрьской революции он нигде не работал, давая лишь частные уроки. В партию он вступил сразу после революции и уже в 1918 году двадцатитрехлетний коммунист встретился с Н. В. Крыленко, являвшимся тогда Председателем революционного трибунала и главным обвинителем по политическим делам. Эта встреча и определила его жизненный путь. Молодой человек приглянулся «прокурору», и он взял его к себе техническим секретарем.

Григорий быстро завоевал доверие Крыленко и вскоре стал его «правой рукой», выдвинувшись к 1922 году в число основных сотрудников трибунала. Позже он работал в системе Верховного Суда РСФСР: в Ростове-на-Дону, на Дальнем Востоке, а в 1925 году вернулся в Москву, где занял должность прокурора уголовно-судебной коллегии Верховного Суда РСФСР. В 1928 году он стал старшим помощником Прокурора республики. В этом качестве он принимал участие во всех важнейших процессах того времени: шахтинском, промпартии и др.

В 1929-1930 годах Рогинский был прокурором Северо-Кавказского края, затем снова оказался в Москве, и, когда Крыленко занял пост наркома юстиции РСФСР, он ввел своего протеже в коллегия наркомата.

Здесь Рогинский, вплоть до назначения Прокурором РСФСР Вышинского, фактически являлся заместителем Крыленко по прокуратуре. По свидетельству Крыленко, назначение Вышинского прокурором республики Рогинский воспринял «болезненно». «Он считал себя как бы обойденным, — вспоминал Крыленко, — и первое время отношения у них с Вышинским не налаживались...» Однако они

«приработались», и, когда в июле 1933 года Вышинского назначили заместителем Прокурора Союза ССР, он «потянул» за собой и Рогинского.

Первоначально тот занял в прокуратуре должность старшего помощника прокурора, а в апреле 1935 года был утвержден вторым заместителем Прокурора Союза ССР. Легкий на подъем, он часто выезжал в командировки — Дальневосточный край, Закавказье, Украина, Свердловск, Ростов-на-Дону и др. Он стал депутатом Верховного Совета РСФСР, даже получил орден Ленина.

Курируя от прокуратуры НКВД, позже Рогинский быстро нашел общий язык с заместителем Ежова Фриновским. Он бесстрастно утверждал все обвинительные заключения следственных органов, в том числе и на своих бывших сослуживцев. В их числе оказались: первый Прокурор Союза ССР И.А. Акулов, и. о. прокурора республики Ф.Е. Нюрина и ранее «облагодетельствовавший» самого Рогинского нарком юстиции СССР Крыленко,

Вместе с Фриновским он присутствовал на казни Акулова, и, когда приговоренный, обращаясь к заместителю Ежова, сказал: «Ведь вы же знаете, что я не виноват», —Рогинский «стал осыпать бывшего прокурора бранью». Его карьера прервалась в августе 1939-го, после того как Вышинский перешел в Совнарком СССР, новым Прокурором Союза ССР стал Панкратьев. 5 августа 1939 года Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило следующее постановление КПК при ЦК ВКП (б): *«За преступное отношение к жалобам и заявлениям, поступающим в Прокуратуру Союза ССР, т. Рогинского, несущего непосредственную ответственность за работу аппарата по жалобам и заявлениям, снять с работы зам. прокурора СССР. Поручить партколлегии КПК обсудить вопрос о его партийном положении».*

Почти месяц Рогинского не тревожили, но затем, по завершении работы специальной комиссии ЦК, осуществлявшей проверку деятельности бывшего зам. Прокурора СССР 5 сентября 1939 года его арестовали. Постановление на арест, которое вынес помощник начальника следственной части НКВД, утвердил нарком внутренних дел Берия, а санкцию дал прокурор Панкратьев.

В постановлении отмечалось, что «имеющимися материалами в НКВД Рогинский Г. К. достаточно изобличается как один из руководящих участников антисоветской правотроцкистской организации, существующей в органах прокуратуры».

Расследование его дела длилось почти два года. Сначала он только категорически отрицал какую-либо вину, а затем начал симулировать «истерические реакции». Они выражались «в плаксивости, боязни ложиться в кровать из-за того», что на него якобы «падают стены и он проваливается в пропасть». Обследовавшие его в начале января 1940 года врачи констатировали, что он «душевной болезнью не страдает и обнаруживает ряд навязчивых ярких представлений неприятного характера, связанных со сложившейся для него ситуацией».

Следствие продолжилось, и на очной ставке с Рогинским 17 января бывший прокурор Приморской области А.А. Любимов-Гуревич, показал, что Рогинский был

активным участником антисоветской троцкистской организации. Рогинский назвал эти показания «ложью и клеветой». Однако уже в тот же день написал письмо на имя Берии: «Настоящим заявляю, что прекращаю сопротивление следствию и стану на путь признания своей заговорщической работы против Советской власти. Подробные показания дам на следующих допросах. Я должен собраться с мыслями и вспомнить все подробности вражеской работы, как своей, так и своих сообщников».

Однако в протоколе очередного допроса от 9 марта 1940 года, с его слов записано: «Участником антисоветской правотроцкистской организации я никогда не был, поэтому виновным себя в предъявленном мне обвинении я не признаю. Я признаю себя виновным лишь в том, что, работая заместителем Прокурора Союза ССР, я вместе с другими лицами допустил в своей работе ряд преступных, по существу, антисоветских действий, за которые я должен нести уголовную ответственность».

И на вопрос следователя: «В чем же конкретно заключалась ваша антисоветская деятельность в Прокуратуре СССР? — подследственный, «ссылаясь на свое нервное расстройство», не дал конкретного ответа. Он продолжал юлить и просил изменить ему «тюремные условия».

«Вопрос: Из имеющегося у следствия акта психиатрической экспертизы видно, что ваше нервное расстройство — сплошная симуляция. Не валяйте дурака, а приступайте немедленно к показаниям.

Ответ: Я не симулянт. Все мои мысли направлены к тому, чтобы дисциплинировать себя и приступить к показаниям о своей преступной работе. Но я не могу взять себя в руки».

Такую линию защиты Рогинский продолжал и дальше, и только через год, 19 апреля 41-го, он дал признательные показания. Он сообщил, что еще в 1929 году, в период пребывания на Кавказе, у него возникло сомнение в правильности политики партии, а с более позднего времени он, являясь участником правотроцкистской организации, вел активную борьбу с партией и советским правительством «путем проведения подрывной работы в органах прокуратуры». А на допросе, состоявшемся спустя еще два месяца, он признался: «Начиная с 1936 года по заданию организации я проводил вредительскую работу в Прокуратуре Союза ССР по трем линиям, а именно: *по жалобам, по делам прокурорского надзора и по линии санкционирования необоснованных арестов*».

Следствие завершилось только в начале июля 1941 года. И 7-го числа заместитель наркома госбезопасности СССР Кобулов утвердил обвинительное заключение, составленное следователем. В нем указывалось, что Г.К. Рогинский:

«1. Являлся одним из руководящих участников право-троцкистской организации, существовавшей в Прокуратуре СССР, и проводил вредительскую работу, *умышленно извращая революционную законность. Давал необоснованные санкции на массовые аресты и сознательно, с целью вызвать недовольство*

населения против Советской власти, *не принимал никаких мер по жалобам осужденных и их родственников*. 2. Проводил вербовку новых участников в к[онтр]р[еволюционную] организацию, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1а, 17-58-8, 58-7 и 58- 11 УК РСФСР».

Спустя еще день заместитель Прокурора Союза ССР Сафонов наложил на документ резолюцию: «Обвинительное заключение утверждаю. Направить дело в В[оенную] К[оллегию] Верховсуда СССР».

Дело Рогинского слушалось уже во время войны — 29 июля 1941 года. Председательствовал на заседании Кандыбин. Членами суда были военные юристы 1-го ранга Чепцов и Буканов, а секретарем — младший военный юрист Мазуров. После оглашения обвинительного заключения Кандыбиным на вопрос о виновности Рогинский вину «в антисоветской деятельности» не признал. Он заявил: «Я виноват в том, в чем виноваты все прокурорские работники, *проглядевшие вражескую работу органов НКВД в системе суда и прокуратуры*».

Поэтому изобличение подсудимого Кандыбин начал с заявлений, сделанных на следствии бывшим Главным военным прокурором Розовским. Тот оценивал действия своего коллеги и приятеля «как антисоветские». Розовский показывал, что Рогинский «*препятствовал борьбе с фальсификацией следствия*», *не допускал «рассылки на места для расследования жалоб обвиняемых на неправильные методы следствия*».

Однако бывший юрист защищался с казуистическим упорством. Он утверждал, что «о фальсификации дел» ему якобы «не было известно». Поскольку следственные «дела к нему поступали законченными, и он лишь утверждал обвинительные заключения». А о поступлении жалоб заключенных «на противозаконное ведение следствия» знало также и руководство Прокуратуры СССР. С таким же упорством подсудимый отвергал и все предъявленные ему показания: Острогорского, Леплевского, Крыленко, Любимова-Гуревича и др».

В последнем слове Григорий Рогинский заявил: «Граждане судьи, в антисоветских преступлениях я не повинен. (...) Я повинен в том, в чем повинны все работники прокуратуры и суда, что просмотрели вражескую работу некоторых работников НКВД и что к следственным делам относились упрощенчески. Если суд вынесет мне обвинительный приговор, то это будет крупнейшей судебной ошибкой».

Он избежал высшей меры наказания, Суд вынес приговор: «Рогинского Григория Константиновича подвергнуть лишению свободы с отбытием в исправительно-трудовом лагере сроком на пятнадцать лет, с последующим поражением в политических правах на пять лет и с конфискацией всего, лично ему принадлежавшего имущества».

Рогинский не отсидел свой срок, он умер в лагере, а в ноябре 1992 года был реабилитирован. Но зададим наивный вопрос: «Почему?» По той же причине, по которой десятилетиями извращалась история. Негодяи, повязанные как «одной

цепью» с людьми, осуществлявшими произвол в ходе «Большой чистки», связанные с ними родственными, мировоззренческими и национальными корнями, скрыли подлинных преступников. Вину за нарушения законности они клеветнически переложили на Сталина.

Боясь, чтобы правда не просочилась наружу и не называя «имен» действительных преступников, они в десятки раз преувеличивали масштабы репрессий. Они скрывали архивные сведения и сочиняли лживые мифы; они лили крокодильи слезы о «миллионах» репрессированных. Они шаманили на могиле Вождя, спасшего страну и мир от гибели.

Антисталинисты не случайно причисляли к «жертвам политических» репрессий уголовников. По существу, они все были уголовниками — одного поля «Ягода». Очерняя Вождя, они разрушили созданное им государство и украли у народа его собственность, чтобы поделить ее среди своих людей — таких как Березовский, Ходорковский, Гусинский, Абрамович и другие новорусские олигархи. Но перед войной Сталин допустил такого развития событий; он вовремя остановил свору врагов народа.

Под живительную струю очищения попал и заместитель Розовского, диввоенюрист Казаринский Яков Абрамович, которого тоже не расстреляли, а просто «посадили». Газета «Красная звезда» (24 марта 1989 г.) без пиетета рисует портрет «надменного вельможи», у которого в лагере «произошло мгновенное перевоплощение». Он «немедленно продал и дорогую шинель, и мундир тончайшего сукна, и щегольские сапоги. Он сам, без приказа, добывает «вездеходы ЧТЗ», фуфаечку, ватные штаны, бреет череп — под заправского зека подделывается. Командиры, сидящие с ним, плюются: перековался, паскуда! Когда (он) начинал говорить, на лице появлялась заискивающая улыбка, коричневые маленькие глазки бегали настороженно и хитро».

Глава 19. Справка Щаденко

Конечно, чистка армии не являлась прихотью Сталина, как полстолетия утверждали сталинофобы. Она была обусловлена требованиями времени, интересами государства и его народа. Более того, до 1937 года в стране не было настоящей армии, она только создавалась. Рассекреченные данные указывают, что в 1937 году Красная Армия насчитывала 114 300 офицеров, но в 1938-м Красная Армия насчитывала уже 179 тыс. офицеров — на 56% больше, чем в 1937-м.

Как уже говорилось, после расстрела Тухачевского и его подельников на первом этапе чистка армии осуществлялась политическими органами и Военными советами округов, которые спешили возместить прежнюю недостаточную политическую бдительность усилением репрессий против других своих бывших коллег. Однако Ворошилов не был сторонником того, чтобы всех стригли под одну гребенку уже

потому, что при увольнении того или иного командира, наркомату следовало найти ему замену.

Поэтому он остановил Военные советы округов, ретиво чистивших войска. Еще 17 октября 1937 года Ворошилов издал «ПРИКАЗ О ПОРЯДКЕ УВОЛЬНЕНИЯ ИЗ КАДРОВ РККА КОМАНДНОГО И НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА» №. 016. В нем говорилось:

«Устанавливаю следующий порядок увольнения из кадров РККА командного и начальствующего состава РККА.

1. Прекратить увольнение из кадров РККА командного, военно-политического, военно-технического, военно-хозяйственного и административного, военно-медицинского, военно-ветеринарного и военно-юридического состава, в том числе и исключенных из рядов ВКП(б), приказами военных советов округов.

Увольнение из кадров РККА лиц командного и начальствующего состава впредь производить только по получении приказов НКО Союза ССР по личному составу армии.

В тех случаях, когда военный совет округа (армии, флота) по политическим соображениям считает необходимым *немедленное* отстранение от должности военнослужащего, он по телеграфу (телефону) испрашивает на это *разрешение* Народного комиссара обороны.

2. Для проверки и *тщательного изучения материалов* на лиц командного и начальствующего состава, представляемых к увольнению из кадров РККА, создать комиссии:

а) В округах (армиях, флотах) для рассмотрения материалов на лиц командного и начальствующего состава округа (армии, флота).

Состав комиссии: *председатель — заместитель командующего войсками округа (армии, флота), члены — начальник политуправления округа (армии, флота), начальник штаба округа (армии, флота), военный комиссар штаба округа (армии, флота), начальник отдела кадров политического управления округа (армии, флота), начальник соответствующего рода войск и начальник отдела по командному и начальствующему составу округа (армии, флота), он же — секретарь комиссии.*

Материалы, рассмотренные в окружной (армии, флота) комиссии, утверждаются военным советом округа (армии, флота) и представляются на рассмотрение в комиссию при НКО Союза ССР.

б) При Народном комиссаре обороны Союза ССР для рассмотрения материалов, поступивших из окружных (армии, флота) комиссий и управлений НКО Союза ССР.

Состав комиссии: председатель — начальник Управления по начальствующему составу РККА, члены: заместитель начальника Политического управления РККА,

начальник отдела кадров Политического управления РККА и начальник соответствующего рода войск.

Материалы, рассмотренные в комиссии при НКО Союза ССР, представляются мне на утверждение.

3. Окружным комиссиям при рассмотрении материалов на лиц, представляемых к увольнению из кадров РККА, руководствоваться следующим:

а) решение о необходимости увольнения из кадров РККА лиц командного и начальствующего состава должен предшествовать обязательный вызов их в окружную комиссию для личной беседы, ознакомления с ними и проверки всех имеющихся на них материалов:

б) решения комиссии должны быть основаны на тщательно изученных и проверенных данных.

4. Материалы на исключенных из ВКП(б) в комиссиях не рассматриваются, а представляются военными советами округов *в Управление по начсоставу РККА* только после подтверждения исключения из партии партийной инстанцией, в которую апеллирует исключенный из партии (ОПК или парткомиссия ПУ РККА). Увольнение их производится только после приказа НКО.

5. Материалы на командный и начальствующий состав, увольняемый из кадров РККА по болезни, вследствие приговора суда или ареста судебными или следственными органами, в комиссиях не рассматриваются, а направляются военными советами округов (армии, флота) соответственно *в Управление по начальствующему составу РККА или в Политическое управление РККА для объявления в приказах НКО Союза ССР по личному составу армии.*

6. Приказ РВС СССР 1932 г. № 03 отменить.

*Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза
К. Ворошилов»¹⁶³.*

Конечно, издание такого приказа не могло произойти без согласования со Сталиным. Вождь никогда не разбрасывался грамотными профессионалами, о чем свидетельствуют директивы ЦК, сдерживающие ретивость региональных партийных руководителей в арестах директоров предприятий, инженеров и других специалистов.

Однако, передергивая факты и извращая саму логику событий, антисталинисты умышленно не открывали архивы, и только в начале нового столетия был опубликован документ (известный теперь как «Справка Щаденко»). Датируемый апрелем 1940 года, он детально характеризует результаты обновления армии, осуществленного накануне войны. В нем один из заместителей Наркома обороны, начальник Управления по командному и начальствующему составу сообщил Сталину:

¹⁶³ Ф. 4. Оп. 15. Д. 13. Л. 313. Типогр. экз.

«Справка о количестве уволенного командно-начальствующего и политического состава за 1935-1939 гг.

В 1935 г. уволено 6198 чел., или 4,9%. Из них *политсостава* — 987 чел.

В 1936 г. уволено 5677 чел., или 4,2%. Из них *политсостава* — 759 чел.

В 1937 г. уволено 18 658 чел., или 13,1%. Из них *политсостава* — 2194 чел. Из общего числа уволенных:

Мотивы увольнения	Всего было уволено в 1937 г.	Из числа уволенных восстановлено в 1938-1939 гг.	Фактически осталось уволенных
а) Арестованные	4 474	206	4 268
б) Уволены во исполнение решения ЦК ВКП(б) №П47/102 от 29.3.1937 (исключенные из ВКП(б) за связь с заговорщиками	11 104	4 338	6 766
в) Уволены по политико-моральным причинам (пьяницы, морально разложившиеся, расхитители народного достояния)	1 139	109	1030
г) Исключено за смертью, по инвалидности и по болезни	1 941	8	1 933
Всего:	18 658	4 661	13 997
К списочной численности:	13,1%		9,7%

В 1938 г. уволено 16 362 чел., или 9,2%. Из них *политсостава* — 3282 чел. Из общего числа уволенных:

Мотивы увольнения	Всего было уволено в 1938 г.	Из числа уволенных восстановлено в 1939 г.	Фактически осталось уволенных
а) Арестованные	5 032	1 225	3 807
б) Уволены во исполнение решения ЦК ВКП(б) № П47/102 от 29.3.1937 (исключенные из ВКП(б) за связь с заговорщиками)	3 580	2 864	716
в) Уволены по директиве народного комиссара обороны от 24.6.38 № 200/ш (поляки, немцы, латыши, литовцы, финны, эстонцы, корейцы и др., уроженцы заграницы и связанные с ней)	4 138	1 919	2219
г) Уволены во исполнение приказа народного комиссара обороны № 0219-. (пьяницы, морально разложившиеся, расхитители народного достояния)	2 671	321	2 350
д) Исключено за смертью, по инвалидности и по болезни	941	4	937
Всего:	16 362	6 333	10 029
К списочной численности:	9,2%		5,6%

В общем числе уволенных... было большое количество арестовано и уволено *несправедливо*. Поэтому много поступало жалоб в Наркомат обороны, в ЦК ВКП(б) и на имя т. Сталина. Мною *в августе 1938 г.*, была создана специальная комиссия для разбора жалоб уволенных командиров, которая *тщательно проверяла материалы уволенных путем личного вызова их, выезда на места работников Управления, запросов парторганизаций, отдельных коммунистов и командиров, знающих уволенных, через органы НКВД и т.д.*

Комиссией было рассмотрено около *30 тысяч жалоб, ходатайств и заявлений*. В результате восстановлено:

Год	Всего восстано влено	Эти восстановленные были уволены	
		Приказами НКО	Приказа ми округов
Из уволенных в .	4 661	1 703	2 958
Из уволенных в .	6333	2202	4131
Из уволенных в .	184	125	59
Всего:	11 178	4 030	7 148

Кроме того: а) изменена статья увольнения 2416 чел. б) отказано в восстановлении 1889 чел.

Таким образом, фактическая убыль из армии командно-начальствующего и политического состава составляет:

1 За 1936-1937 гг. — 19 674 чел., или 6,9% к списочной численности (в том числе 2827 чел. *политсостава*).

2 За 1938-1939 гг. - 11 723 чел., или 2,3% к списочной численности (в том числе 3515 чел. *политсостава*), т.е. почти в три раза меньше против 1936-1937 гг.

В результате проделанной большой работы армия в значительной мере очистилась от шпионов, диверсантов, заговорщиков, не внушающих политического доверия иностранцев, от пьяниц и тунеядцев, а несправедливо уволенные возвращены в армию. Апрель 1940 г. Е. Щаденко».

Уже сам факт рассмотрения комиссией Щаденко *около 30 тысяч* жалоб свидетельствует, что уволенные не были расстреляны. Ибо для того «чтобы иметь возможность подать жалобу, — *нужно оставаться в числе живых*».

И, как явствует из содержания справки, в целом в 1937-1939 годах были арестованы 9579 человек начсостава — 1457 из них были восстановлены. Причем из девяти с половиной тысяч уволенных 6342 являлись политработниками. По политическим мотивам было уволено 19 106 человек, а восстановлено — 9247 человек. То есть в целом число «репрессированных» офицеров в 1937-1939 годах (без ВВС и флота), составляет: 8122 арестованных и 9859 уволенных из армии.

Причем в числе этих «репрессированных» полководцев, о которых так долго визжали противники Вождя, были «пьяницы, морально разложившиеся,

расхитители народного достояния», а также умершие и уволенные по инвалидности. В приказе Ворошилова «О борьбе с пьянством в РККА» № 0219 от 28 декабря 1938 года приведены «несколько примеров тягчайших преступлений, совершенных в пьяном виде людьми, по недоразумению одетыми в военную форму.

Так, 15 октября во Владивостоке четыре лейтенанта, напившиеся до потери человеческого облика, устроили в ресторане дебош, открыли стрельбу и ранили двух граждан. 18 сентября два лейтенанта железнодорожного полка... в ресторане, передравшись между собой, застрелились. Политрук одной из частей 3 сд, пьяница и буян, обманным путем собрал у младших командиров 425 руб., украл часы и револьвер и дезертировал из части, а спустя несколько дней изнасиловал и убил 13-летнюю девочку»¹⁶⁴.

Ранее уже указывалось, что особое внимание сталинофобов привлекли «комбриги». Поэтому разберемся до конца с этой категорией военачальников. Сегодня уже известно, что «из 337 уволенных из армии комбригов было расстреляно 212 человек (считая 35 комбригов, к РККА никак не относящихся). Из числа остальных 68 было возвращено в строй, 48 - уволено из Красной Армии, но даже не заключено в тюрьмы.

Разбравшийся с этим вопросом Александр Усовский в книге «Иосиф Первый, император всесоюзный» приводит список комбригов, освобожденных из-под ареста и возвращенных на командные должности. Среди этих 68 командиров в звании комбригов:

Алехин Евгений Степанович — комбриг, начальник Объединенной Белорусской военной школы, начальник Минского пехотного училища. Репрессирован в 1938-м, в июне 1941 года освобожден, назначен заместителем командира 33-го стрелкового корпуса, затем командир 9-й запасной стрелковой бригады, в 1942-1943 годах — командир 113-й стрелковой дивизии, в 1943-1945 годах - командир 27-го гвардейского стрелкового корпуса, генерал-майор.

Адамсон Ян Симинович — комбриг, командир 2-й бригады военно-строительного корпуса, репрессирован в 1938-м, в 1940-м освобожден, заместитель командира 112-й стрелковой дивизии.

Белошниченко Кузьма Романович — комбриг, командир 12-й кавалерийской дивизии, репрессирован в 1938-м, в 1940-м освобожден, в 1940-1941 годах в запасе РККА, с июля 1941 года — командир 63-й кавалерийской дивизии.

Благодатов Алексей Васильевич — комбриг, начальник штаба 33-го стрелкового корпуса. Репрессирован 31.07.1938, 11.12.1939 — освобожден, — старший преподаватель Военной академии Генерального штаба, в 1943—1945 годах — заместитель командующего армией, командир 68-го стрелкового корпуса.

Богданов Семен Ильич — комбриг, в 1937-1938 годах - командир 9-й механизированной бригады, репрессирован, освобожден в октябре 1939 года,

¹⁶⁴ Приказы народного комиссара обороны СССР: 1937 — 22 июня 1941 г. / Сост. Емелин А.С. и др. М., 1994. С. 84.

назначен командиром легкотанковой бригады, затем — командир 30-й танковой дивизии, заместитель командующего 10-й армией, командир механизированного, танкового корпусов, в 1943-1945 годах — командующий 2-й танковой армией, маршал бронетанковых войск.

Борисов (Шистер) Аркадий Борисович — комбриг (1935), генерал-майор (09.11.1941), еврей, репрессирован 10.02.1938. 23.01.1941, освобожден, назначен начальником штаба 6-го кавалерийского корпуса, попал в плен и был расстрелян немцами.

Галицкий Кузьма Никитович — комбриг, командир 70-й стрелковой дивизии, репрессирован в июне 1938 года. В мае 1939 года освобожден, в 1939-1941 годах — командир 24-й стрелковой дивизии, командир 67-го стрелкового корпуса, заместитель командующего 1-й Ударной армией, в 1942 году — командующий 3-й Ударной армией, в 1943-1945 годах — командующий 11-й гвардейской армией, Герой Советского Союза.

Гловацкий Николай Михайлович — комбриг, командир 26-й стрелковой дивизии, репрессирован в марте 1938 года. В октябре 1939 года освобожден, помощник командира 43-го стрелкового корпуса.

Григорьев Николай Иванович — комбриг, начальник 4-го отдела штаба ОКДВА, репрессирован 12.03.1938. 11.02.1940 освобожден, преподаватель тактики Военной академии им. Фрунзе, в 1941-1945 годах — начальник отдела укомплектования штаба Карельского фронта, помощник командующего Карельским фронтом, заместитель начальника штаба Карельского фронта, в 1945-1948 годах — заместитель начальника штаба 1-го Дальневосточного фронта и Приморского ВО.

Дзенин Ян Петрович — комбриг, латыш, в 1933-1937 годах — командир 86-й стрелковой дивизии Приволжского ВО. Репрессирован 28.12.1937. 14.01.1940 освобожден, в 1940-1942 годах — старший преподаватель Военной академии Генерального штаба, в 1942-1944 годах — заместитель командующего Сибирского ВО, в 1944-1945 годах — заместитель командующего 49-й армией.

Жабин Николай Иванович — комбриг, в 1935-1938 годах — начальник отдела военной подготовки учащихся Харьковского ВО, репрессирован 01.10.1938. 15.02.1940 освобожден, старший преподаватель Академии Генерального штаба.

Жмаченко Филипп Федосеевич — комбриг, генерал-полковник, начальник отдела боевой подготовки штаба Харьковского ВО, репрессирован в 1939. 1.10.1940-го выпущен, в 1941 году — командир 67-го стрелкового корпуса, в 1941-1942 годах — заместитель командующего 61-й, 40-й армиями, в 1942 году — командующий 3-й армией, в 1942-1943 годах — заместитель командующего 40-й армией, с ноября 1943-го — командующий 47-й армией, в 1943-1945 годах — командующий 40-й армией.

Зайцев Александр Сергеевич — комбриг, в 1936-1937 годах — командир 3-й авиадесантной бригады особого назначения Ленинградского ВО, арестован в 1937 году, освобожден в 1941 году, начальник кафедры ВВС Академии им. Фрунзе.

Зайцев Владимир Александрович комбриг — командир 69-й стрелковой дивизии, репрессирован 06.06.1938. Освобожден 08.12.1939, назначен командиром 78-й стрелковой дивизии. Погиб в бою.

Зыгин Алексей Иванович — комбриг, репрессирован в 1938 году, освобожден 11.08.1939. В 1940-м командир 174-й стрелковой дивизии, в 1941-1942 годах — командир 186-й, 158-й стрелковой дивизии, в 1942-м — командующий 58-й армией, в 1943-м — командующий 39-й армией.

Ищенко Яков Андреевич — комбриг, командир 15-й стрелковой дивизии, репрессирован 27.02.1938. 08.12.1939 освобожден, начальник Сухумского стрелково-пулеметного училища, в 1941-м командир 138-й горнострелковой дивизии, в 1942-м начальник штаба тыла Закавказского фронта, с октября 1942-го — заместитель командующего 46-й армией по тылу, в 1943-1944 годах — заместитель командующего 2-й гвардейской армией по тылу, заместитель начальника тыла 2-го Украинского фронта.

Козлов Петр Михайлович — комбриг, начальник отдела боевой подготовки штаба Киевского Особого ВО, репрессирован, с 1943 года — командир 77-го стрелкового корпуса, Герой Советского Союза. Погиб в бою 17 апреля 1944 года.

Корчиц Владислав Викентьевич — комбриг, поляк, начальник штаба 19-й стрелковой дивизии, начальник штаба 14-го стрелкового корпуса, репрессирован 09.05.1938. 12.01.1940 освобожден, преподаватель Высшей школы штабной службы, преподаватель Военной академии им. Фрунзе, в 1941 году — командир 245-й стрелковой дивизии, в 1942-м — командир 182-й стрелковой дивизии, заместитель командующего 34-й армией, в 1942-1944 годах - начальник штаба 1-й ударной армии, в 1944-

1945 годах — начальник штаба, командующий 1-й армией Войска Польского, в 1945-1953 годах — начальник Генерального штаба Войска Польского, генерал-полковник Советской армии, генерал брони Войска Польского.

Куликов Константин Ефимович — комбриг, в 1937- 1938 годах — командир 39-й стрелковой дивизии, репрессирован в 1938 году, освобожден в 1939-м, в 1939-1941 годах — начальник Днепропетровских курсов усовершенствования комсостава, в 1941-м — командир 196-й стрелковой дивизии, погиб в плену.

Куманин Михаил Федорович — комбриг, в 1934-1938 годах — комендант Совгаванского УР ТОФ, награжден орденом Красного Знамени (1928), репрессирован 05.1938. В августе 1939-го освобожден, в 1939-1940 годах — начальник штаба Северо-Западного УР, в 1940-м — начальник штаба Одесской ВМБ, в 1941-м — командир Батумской ВМБ, в 1941-1943 годах — командир Потийской ВМБ, в 1943-1944 годах — заместитель командующего ЧФ, генерал-лейтенант береговой службы.

Кущев Александр Михайлович — комбриг, начальник штаба 57-го Особого корпуса в МНР, репрессирован — то бишь арестован — в 1939 году (опять же, когда дойдем до Халхин-Гола, поймем, что было, за что: корпус с его нешуточными

боевыми возможностями не смог пресечь японской провокации, действовал вяло, безынициативно; то бишь начальник штаба корпуса за подобную «клякву» просто-напросто обязан был ответить по всей строгости воинских уставов!). Освобожден в 1943 году, в 1943-1945 годах — начальник штаба 5-й ударной армии, генерал-лейтенант.

Лаковников Павел Иванович — комбриг, в 1935-1938 годах — комендант Мурманского УР, репрессирован 06.1938. В январе 1940 года освобожден, в 1940 году — комендант Западного УР, в 1941-м — комендант Ижорского УР КБФ, в 1941-1943 годах — помощник командующего Беломорской военной флотилией по БО и сухопутным войскам, в 1943-1944 годах — начальник Управления БО Беломорской военной флотилии, генерал-лейтенант береговой службы.

Мионов Алексей Матвеевич — комбриг, с 1938-го исполняющий обязанности командующего ВВС ЧФ, репрессирован 08.1938. Освобожден в сентябре 1940 года, в 1940-1941 годах — слушатель Высших курсов ВВС и ПВО, в 1941-1942 годах — начальник Военно-морского авиационного училища им. Леваневского, в 1942-1943 годах — заместитель начальника штаба Управления ВВС ВМФ, в 1943-1944 годах — начальник ПВО СФ, генерал-майор авиации.

Мозолевский Витольд Александрович — комбриг, преподаватель Военной академии им. Фрунзе, репрессирован в октябре 1937 года. В сентябре 1940 года освобожден, старший преподаватель Военной академии им. Фрунзе, в 1941-1943 годах — начальник кафедры Военной академии им. Фрунзе, в 1943-м начальник кафедры военных дисциплин Военно-медицинской академии, в 1944-1949 годах — начальник штаба 121-го стрелкового корпуса, заместитель командира 28-го стрелкового корпуса, в 1949-1951 годах — помощник командующего Одесским ВО по тылу, генерал-лейтенант.

Мухин Владимир Михайлович — комбриг, комендант УР № 111, репрессирован в октябре 1937 года. В октябре 1939 года освобожден, старший преподаватель Военной академии им. Фрунзе, начальник курса Военной академии им. Фрунзе, в 1941 - 1943 годах — начальник курсов военных комиссаров в г.Ташкенте, генерал-майор.

Никитин Иван Семенович — комбриг, в 1933-1937 годах — командир кавалерийской дивизии, репрессирован в мае 1937-го, в январе 1938-го освобожден, в 1938-1940 годах — старший преподаватель Военной академии им. Фрунзе. В 1940-1941 годах — командир 6-го кавалерийского корпуса Белорусского ВО. Погиб в бою 23.06.1941 года (по другим данным, тяжелораненым попал в плен и там скончался).

Подшивалов Владимир Иванович — комбриг, в 1937- 1938 годах — начальник автобронетанковых войск Средне-Азиатского ВО, репрессирован 24.02.1938 года. В 1940-м освобожден, преподаватель Военной академии им. Фрунзе, генерал-майор.

Понеделин Павел Григорьевич — комбриг, репрессирован в 1937 году. В мае 1938-го освобожден, в 1938-1940 годах — начальник штаба 1-го стрелкового

корпуса, в 1940-1941 годах — начальник штаба Ленинградского ВО, в 1941-м — командующий 12-й армией Киевского Особого ВО, Юго-Западного фронта, попал в плен.

Соломатин Михаил Дмитриевич — комбриг, начальник автобронетанковых войск ОКДВА, репрессирован в июле 1938 года, в мае 1939 года освобожден, помощник командира 25-го танкового корпуса по строевой части, командир 15-й моторизованной дивизии, в 1941-м — командир 45-й танковой дивизии, в 1942-м — командир 8-го танкового корпуса, в 1942-1944 годах — командир 1-го механизированного корпуса, в 1944-м — командующий 5-й гвардейской танковой армией, генерал-полковник танковых войск.

Стельмах Григорий Давыдович — комбриг, командир 12-й стрелковой дивизии, репрессирован 12.03.1938. 16.02.1940 года освобожден, старший преподаватель Военной академии Генерального штаба, в 1941-1942 годах — начальник штаба Волховского фронта, погиб в бою 21 декабря 1942 года.

Столярский Станислав Эдуардович — комбриг, в 1935-1938 годах — начальник кафедры ВВС и ПВО Военно-Морской академии, репрессирован 08.1938. В ноябре 1939 года освобожден, в 1939-1940 годах — начальник командно-авиационного факультета Военно-морской академии, в 1940-1941 годах — начальник штаба Военно-морского авиационного училища им. Сталина, в 1941-1943 годах — начальник КУНАС ВВС при ВМАУ им. Сталина, в 1943-1944 годах — начальник штаба Высших офицерских курсов ВВС, генерал-майор авиации.

Сухов Иван Прокофьевич — комбриг, репрессирован в 1938 году. Освобожден в мае 1939 года, преподаватель Военной академии механизации и моторизации, в 1942-м — командир 6-го гвардейского танкового корпуса, в 1944-1945 годах — командир 9-го механизированного корпуса, в 1945-1949 годах — заместитель командующего армией, заместитель начальника Военной академии бронетанковых и механизированных войск, генерал-полковник танковых войск.

Трубников Кузьма Петрович — комбриг, командир 25-й стрелковой дивизии, репрессирован 22.06.1938. 15.02.1940 году освобожден, старший преподаватель курсов «Выстрел», в 1941-м — командир 258-й стрелковой дивизии, командир 217-й стрелковой дивизии, в 1942-1943 годах — заместитель командующего 16-й армией, заместитель командующего Донским, Центральным фронтом, в 1943-м — командующий 10-й гвардейской армией, в 1944-1945 годах — помощник и заместитель командующего 1-го и 2-го Белорусских фронтов, в 1945-1949 годах — заместитель командующего Северной группой войск, 1949-1950 командующий Северной группой войск, генерал-полковник.

Фесенко Павел Григорьевич — комбриг, начальник 4-й военной школы авиатехников, репрессирован 30.07.1938. 19.04.1940 года освобожден, заместитель командира авиационной дивизии.

Яновский Николай Митрофанович — комбриг, начальник 10-го отдела Управления по комначсоставу РККА, репрессирован в 1937-1939 годах, освобожден

начальник Харьковских курсов усовершенствования комсостава запаса, в 1941-1942 годах — начальник интендантского факультета Интендантской академии, в 1942-1944 годах — окружной интендант Сталинградского ВО, заместитель командующего 28-й армией по тылу, в 1944-1945 годах — начальник тыла 2-й гвардейской армии, генерал-майор интендантской службы.

Обвинения в антигосударственной деятельности были сняты и с других категорий военачальников. Так, в процессе чистки в 1937-1938 годах «из 186 наличных командиров дивизий» было арестовано 154. Однако и это не означало, что все они были расстреляны или посажены в лагеря. Причем из 154 репрессированных комдивов расстреляны или умерли в тюрьме только 48 человек. И наоборот, как указывает тот же Александр Усовский, среди возвращенных после проверки в строй, можно увидеть таких известных позже военачальников, как:

«Маршала авиации Астахова Федора Алексеевича, маршала авиации Ворожейкина Григория Алексеевича, генерал-майора Ефремова Михаила Григорьевича, генерал-лейтенанта Ковалева Михаила Прокофьевича, генерал-лейтенанта Козлова Дмитрия Тимофеевича... Маршала Советского Союза Конева Ивана Степановича, генерал-полковника Курдюмова Владимира Николаевича, генерал-майора Лукина Михаила Федоровича... генерал-лейтенанта Веревкина-Рахальского Николая Андреевича, генерал-майора Львова Владимира Николаевича, Маршала Советского Союза Мерецкова Кирилла Афанасьевича, легендарного командира 63-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Петровского Леонида Григорьевича, генерал-полковника Подласа Кузьму Петровича, Маршала Советского Союза Рокоссовского Константина Ксаверьевича, генерал-полковника Смородинова Ивана Васильевича, Маршала Советского Союза Соколовского Василия Даниловича, генерал-лейтенанта Софронова Георгия Павловича, генерала армии Тюленева Ивана Владимировича, генерал-полковника Хозина Михаила Семеновича, генерал-лейтенанта Хмельницкого Рафаила Петровича... генерал-полковника Цветаева Вячеслава Дмитриевича, генерал-лейтенанта Черепанова Александра Ивановича, генерал-лейтенанта Чернышева Виктора Николаевича, генерал-полковника Юшкевича Василия Александровича и еще два десятка комдивов, в 1937-38 годах репрессированных, но войну тем не менее встретивших в рядах РККА — и отнюдь не рядовыми».

Характерно, что освобождение не распространилось на «пожарников, деятелей Осоавиахима, особистов, военруков педагогических институтов» и прочих военных чиновников. Освободили именно «войсковых командиров». Но такая фактическая *реабилитация* совершенно не означала, что все освобожденные военные являлись «великими полководцами». Более того, среди них оказались и предатели.

Так, репрессированный в 1938-м комдив, комендант Тираспольского УР Егоров Евгений Арсентьевич был освобожден в 1939-м и с октября занял пост заместителя командира корпуса, затем — командира 10-го стрелкового корпуса Белорусского

ВО, а с 1940-го он получил звание генерал-майора. Однако, попав позже в плен, он стал сотрудничать с гитлеровцами.

То же произошло и с комбригом Малышкиным Василием Федоровичем. В 1937-1938 годах он, начальник штаба 57-го особого стрелкового корпуса, репрессирован 09.08.1938, освобожден 12.1939. В 1939-1940 годах он - старший преподаватель Военной академии Генерального штаба. В 1941-м — генерал-майор, начальник штаба 19-й армии Западного фронта, попал в плен, где перешел на сторону противника. Сотрудничал в плену с фашистами и бывший генерал-майор М.Ф. Лукин.

Среди антисталинских инсинуаций уже более столетия по страницам различных публикаций кочует миф о «разгроме армии». При очередном переиздании посмертных «мемуаров» Жукова негодяи дополнили этот «труд» лживым утверждением:

«Накануне войны в Красной Армии почти не осталось командиров полков и дивизий с академическим образованием. Более того, многие из них даже не кончали военных училищ, а основная их масса была подготовлена в объеме курсов командного состава» (Т. 1. С. 352).

О *безграмотных* командирах полков писал и небезызвестный «генерал-историк» В. Анфилов. «Последняя проверка, проведенная инспектором пехоты, — говорил в декабре сорокового года на совещании начальник управления боевой подготовки генерал-лейтенант В. Курдюмов, — показала, что из 225 командиров полков, привлеченных на сбор, только 25 человек оказались окончившими военные училища, остальные 200 человек — это люди, *окончившие курсы младших лейтенантов и пришедшие из запаса»*¹⁶⁵.

Генерал Анфилов лгал! Как свидетельствует стенограмма совещания высшего командного и политического состава Красной Армии, состоявшегося 23-31 декабря 1940 года, дважды выступивший на нем генерал-лейтенант В. Н. Курдюмов ничего подобного не говорил. Владимир Николаевич и не мог сказать такую глупость.

Дело в том, что Владимир Николаевич Курдюмов не мог рассчитывать на то, что с началом войны командирами новых полков будут назначаться гражданские «штафирки», даже прошедшие какие-то «сборы». Неужели нельзя было набрать «полковников» из **179 тыс. офицеров служивших в армии в 1938 году?**

И набрали. Уже в сентябре 1939 года в армии численностью свыше 5 миллионов хватало действующих командиров полков, которые позже прошли «учебную» войну с белофиннами, а осенью 1939 года ходили «походом» в Польшу. Но, говоря образно, если требовались новые «боевых полковники», то их набрали не из лейтенантов, а из «подполковников», «майоров». Да из «штабных крыс», в конце концов! То есть «политрук» генерал Афилов не просто извратил проблему, а врал нагло.

¹⁶⁵ Анфилов В. Начало... // Красная звезда. 22 июня 1988. № 143 (19630). С. 2.

Годами протирая в кабинетах свои штаны с генеральскими лампасами, он не мог не знать, что, по данным Главного управления кадров Красной Армии, на 1 января 1941 года из 1833 командиров полков 14% окончили военные академии, 60% — военные училища и лишь 26% имели ускоренное военное образование¹⁶⁶.

Но обратимся вновь к статистике. В 1927 году в армии служило 586 000 человек, а с начала 30-х наблюдается не только постоянный рост численности вооруженных сил, но и качественное их изменение, связанное с появлением новых родов войск.

РОСТ ЧИСЛЕННОСТИ КАДРОВОГО СОСТАВА РККА

1932-1940 гг.	Колич. чел.	1940-1941 гг.	Колич. чел.
на март 1932	604 300	1 апреля 1940	4 416 600
1 января 1937	1 582 057	1 мая 1940	3 990 993
1 января 1938	1 518 090	1 июня 1940	4 055 479
21 февраля 1939	1 910 477	1 сентября 1940	3 423 499
20 сентября 1939	5 289 400	к январю 1941	4 200 000
1 декабря 1939	3 273 400	22 июня 1941	5 080 977
1 января 1940	3 851 700	к 1 июля 1941	10 380 000

То есть если в 1937 году армия составляла 1,5 млн человек, то к июню 1941 года она увеличилась почти в три раза и достигла 5,3 млн. человек. И все-таки велики ли были «потери» армии от состоявшихся чисток? На февральско-мартовском Пленуме ЦК (1937) Ворошилов сообщил, что «армия располагает по штату 206 тысячами человек начальствующего состава». Но уже «к 15 июня 1941 года общая численность командного и начальствующего состава (без политсостава, ВВС, ВМФ и НКВД) составляла по списку 439 143 человека, или 85,2% к штату»¹⁶⁷. То есть увеличение числа командиров произошло более чем в два с лишим раза.

Историк и публицист В. Кожин писал: «Господствует мнение, что в результате репрессий 1937-1938 годов место зрелых и опытных военачальников заняли молодые и неискушенные, и это привело к тяжелейшим поражениям в начале войны. В действительности же на смену погибшим пришли в основном люди того же поколения, но другие — и с иным опытом. Командиров, *выдвинувшимся за счет*

¹⁶⁶ Бородин В. День Победы. К 50-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1996. С. 39.

¹⁶⁷ Шабаетов А. Потери офицерского состава Красной Армии в Великой Отечественной войне // Военно-исторический архив. 1998. № 3. С. 173.

высокого партийного стажа, сменили профессионалы, получившие более основательное образование».

В эти же годы, когда создавалась новая, насыщенная современной техникой армия и началось создание сильного флота, Наркомат обороны уделил особое внимание подготовке командных кадров. К 1939 году в СССР было 14 академий и 6 военных факультетов при гражданских вузах, в которых высшее военное образование получали 20 тыс. слушателей. Число военных училищ достигло 107. Для подготовки высшего командного состава уже в 1936 году была открыта Академия Генерального штаба.

Анализируя качественный уровень подготовки командиров РККА, Г. И. Герасимов пишет: «...В предвоенные годы *наблюдается устойчивая тенденция к увеличению процента офицеров, имеющих академическое образование.* В 1941 году этот процент был наивысшим за весь межвоенный период и равнялся 7,1%. До репрессий, в 1936 году, эта цифра составляла 6,6. Проведенные расчеты показывают, что в период репрессий наблюдался устойчивый рост количества начсостава, имеющего среднее и высшее военное образование.

Так, если академическое образование в 1936 году имело 13 тыс. лиц начсостава, в 1939 году — после фактического окончания репрессий — 23 тыс., то в 1941 году — 28 тыс. офицеров. Военное образование в объеме военной школы имело соответственно 125, 156 и 206 тыс. военнослужащих»¹⁶⁸. Говоря иначе, «если перед началом чистки «среди генералитета количество лиц, имевших академическое образование составляло только 29%, то в 1938 году их было уже 38%, а в 1941 году 52% военачальников имело высшее военное образование»¹⁶⁹.

То есть Большая чистка обеспечила приток в армию свежих сил со средним, высшим и академическим профессиональным образованием. Однако, проанализировав архивные документы, Г. И. Герасимов не просто разрушил представление об ослаблении кадрового состава генералитета. Он огласил статистику, свидетельствующую *о повышении профессионального уровня начальствующего состава* после осуществленной чистки.

Герасимов пишет: «Знакомство с архивными документами, отчетными данными кадровых органов по арестованным и назначенным вместо них военачальникам свидетельствует о росте академического образования по всем основным должностным группам.

Например, в пик репрессий, с 1 мая 1937 года по 15 апреля 1938 года, из 3 арестованных заместителей наркома обороны *ни один не имел академического образования*, из назначенных его имели 2.

1933 из **командующих войсками округов:** арестовано 3 «академика», назначено 8;

¹⁶⁸ Герасимов Г. Действительное влияние репрессий 1937-1938 гг. на офицерский корпус РККА // Российский исторический журнал. 1999. № 1. С. 47.

¹⁶⁹ Военные кадры в годы Великой Отечественной войны. Стат. сб.; РГВА Ф.37837. Оп. 11. Д. 14; Д.1; Оп. 10, Д. 140.

1934 **заместители командующих округами:** арестовано 4 с высшим военным образованием, назначено 6;

1935 **начальники штабов округов** — арестованные не имели академического образования, 4 из 10 назначенных его имели;

1936 **командиры корпусов** — арестовано 12 с высшим военным образованием, назначено 19;

1937 **начальники штабов корпусов** — арестовано 14 «академиков», назначено 22.

И так по всем должностям, за исключением командиров дивизий. 33 арестованных комдива имели академическое образование, а среди назначенных таких было только 27. В целом по высшему командному составу количество назначенных, имеющих высшее военное образование, *превышает* число арестованных с аналогичным образованием на 45%.

Таким образом, репрессии *не снизили образовательный уровень* затронутых ими категорий офицеров, *они повлияли на уровень образования старших и средних офицеров, которые выдвигались на вышестоящие должности.* Архивные данные свидетельствуют о том, что *это были, как правило, наиболее высокоподготовленные командиры»*¹⁷⁰.

Еще более вырос образовательный уровень лиц высшего командного состава — комдивов, комкоров и командармов.

¹⁷⁰ Герасимов Г. Действительное влияние репрессий 1937-1938 гг. на офицерский корпус РККА. С. 48-49.

ХАРАКТЕРИСТИКА КОМАНДИРОВ ОСНОВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ, ЧАСТЕЙ И СОЕДИНЕНИЙ ВОЙСК КРАСНОЙ АРМИИ НА 1.1.1941 г. (%)

	Командиры			
	корпусов (105 чел.)	дивизий и бригад (359 чел.)	полков (1833 чел.)	батальонов (8425 чел.)
по возрасту				
до 35 лет	—	1	9	65
36-40 лет	11	25	53	30
41-45 лет	56	49	33	4
46-50 лет	29	23	5	1
51-55 лет	4	2	—	—
по воинским званиям				
лейтенант	—	—	—	0,1
ст. лейтенант	—	—	—	25,9
капитан	—	—	1,0	58,2
майор	—	—	54,3	13,9
подполковник	—	1,7	23,8	1,4
полковник	1,9	61,3	20,9	0,5
генерал-майор	85,7	37,0	—	—
генерал-лейтенант	12,4	—	—	—
по стажу службы в армии				
до 10 лет	—	—	—	9
11-15 лет	—	3	23	66
16-20 лет	4	15	27	15
21 год и более	96	82	50	10
по военному образованию				
высшее	52	40	14	2
среднее	48	60	60	92
ускоренное	—	—	26	6
без образования	—	—	3	7
по партийности				
члены и кандидаты в члены ВКП(б)	99	98	86	82

Из приведенной статистики очевидно и то, что по формальным признакам наличия образования кадровый состав РККА превосходил уровень германских профессионалов. К началу войны в Красной Армии, даже среди командиров батальонов, 94% имели среднее или высшее образование, а стаж служивших в армии менее 10 лет, был менее чем у 10%. *Половина командиров полков, 82% командиров дивизий и 96% командиров бригад* служили в армии более 20 лет!

Действительно, накануне войны высшее военное руководство страны провело огромную работу, чтобы создать и подготовленный профессиональный офицерский корпус. Способный понимать, как следует профессионально обучать рядовой и сержантский состав и грамотно руководить войсками в бою, выполняя поставленные перед ним боевые задачи.

В период чистки произошло и реформирование кадрового состава политических органов. В 1937 году в дополнение к Главному политуправлению РККА было создано еще и Политуправление РККФ. В июне 1940 года оба управления преобразованы в Главное управление политической пропаганды КА и Главное политическое управление ВМФ. В результате число политруков и комиссаров всех уровней увеличилось с 15 тысяч в 1934 году до 34 тысяч в 1939 году. Это были новые кадры, не связанные с оппозицией.

Впрочем, вспомним старую истину, что «все познается в сравнении», и сошлемся на информацию, лишь недавно попавшую в поле зрения историков. Из 19 гитлеровских фельдмаршалов сухопутных войск в Первую мировую *никто* не имел чина выше майора. Так, причисляемый на Западе к лучшим полководцам гитлеровской Германии будущий танковый «гений» Ромель Первую мировую окончил капитаном в должности командира *роты*. Вторую мировую он начал в 1939 году командиром батальона *личной охраны* Гитлера и только в январе 1941 года получил погоны генерал-майора. Но уже в июне 1942 года, «буквально проскочив 3 генеральских звания», он стал фельдмаршалом. В звании капитана завершил Первую мировую войну и Э. Манштейн, о котором впоследствии Гитлер сказал: «Возможно, Манштейн — это лучшие мозги, какие только произвел на свет корпус генштаба»¹⁷¹.

В отличие от военных стратегов Гитлера, маршал Франции Петен и генералиссимус Гамелен уже в Первой мировой командовали армиями и считались национальными героями. То есть являлись профессионалами с «большим полководческим опытом». Тем не менее в 1940 году они позорно, практически за две недели, проиграли войну с Германией.

Рассматривая биографии германских фельдмаршалов, С. Митчем подчеркивает, что к моменту прихода Гитлера к власти *ни один из фельдмаршалов* не находился на действительной службе более 10 лет. В течение следующих 10 лет Гитлер присвоил чин фельдмаршала 25 высшим офицерам. 23 из них удостоились этого звания *после капитуляции Франции в июне 1940 года*.

Ряд высших чинов Вермахта практически никогда не выезжали в войска. Поэтому они не всегда хорошо знали о положении дел в частях и всю повседневную работу по управлению армией поручали офицерам штаба. Причем к концу войны из 19 фельдмаршалов на действительной службе оставалось всего лишь два. «В целом, — делает заключение С. Митчем, — гитлеровские фельдмаршалы представляли собой плеяду на удивление *посредственных военных деятелей*. А уж гениями науки побеждать их и подавно не назовешь».

Впрочем, к такому же выводу к концу войны пришел и сам Гитлер. Это же признавало и его ближайшее окружение. Так, 16 марта 1945 года Геббельс в своем дневнике сделал следующую запись: «Получается *какая-то чертовщина*: как бы мы

¹⁷¹ Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998.

тщательно ни разрабатывали последние операции, *они не осуществляются*. Причина этого в том, что *с подбором кадров командной верхушки мы с русскими соперничать не можем*».

Но посмотрим на передвоенную чистку под иным углом. Как видно из приведенной статистики, непосредственно командный состав потерял в результате чистки **около 1600 человек**. Нанесло ли это урон боеспособности Красной Армии? Следует напомнить, что 15 января 1959 года Никита Хрущев инициировал сокращение армии на 2 млн 140 тысяч человек солдат и офицеров, что составляло **треть общей численности вооруженных сил**.

В действительности за период с **1955 по 1963** год **армия уменьшилась на три миллиона**, сохранив лишь **2,5** млн человек, и для большинства профессиональных военных увольнение стало большой личной трагедией. Военным профессионалам поломали жизнь. Не имевшие другой профессии, офицеры шли на неквалифицированные работы. Так, некий майор Чиж, «стал самым знатным свинарем», а поскольку уволенные лишались и ведомственного жилья, то прошедшим войну офицерам просто негде было жить. Кроме того, 27 июля 1959 года Совет министров СССР принял постановление о *сокращении пенсий военнослужащим и их семьям*.

Хрущев бесцеремонно расправился не только с кадровыми офицерами, одновременно он затормозил производство новых танков и развитие военной авиации. Еще в 1955 году было принято первое решение — прекратить строительство океанского флота. Моряки до сих пор проклинают за это Хрущева. В 1960 году были отправлены в отставку и несколько военачальников, протестовавших против сокращений в армии. В их числе оказались маршалы Тимошенко, Конев и Соколовский, и никто не вспомнил об их боевом опыте. Министр обороны Жуков отправил в отставку адмирала Кузнецова, а в 1956 году «Никита» выкинул из армии и самого Жукова.

Причем для такого поступка Хрущева, видимо, было основание. Хрущев описал в своих мемуарах, что когда в Генеральном штабе разбирали Жукова и на него «стал нападать генерал Москаленко», то Жуков грубо обрезал: «Ты-то что на меня лезешь? Ведь ты же сам мне говорил: бери власть, бери власть...» Однако невежественные реформы и увольнение из армии маршалов и офицеров все-таки не ослабили саму Советскую армию, которую перед войной и в ее ходе выпестовал Генералиссимус Сталин.

Мощь армии определяется не талантами отдельных личностей, по выражению Троцкого, — «тыкающих спичкой в карту», а мощью промышленности и степенью развития науки государства. Собственно говоря, сам миф об уничтожении перед войной «великих полководцев» — не более чем демагогия кабинетных историков, стремящихся голословно приписать людям, занимавшим престижные посты в армейской иерархии, какие-то особые качества.

Глава 20. Если завтра война

Еще известный немецкий военный теоретик Шлиффен в своем труде «Полководец» писал, что «нахождение у руководства войсками даже в масштабе государства той или иной высокопоставленной личности не делает его полководцем, ибо *полководцем нельзя быть назначенным*, для этого надо обладать соответствующим природным дарованием, талантом, знанием, опытом и личными качествами».

Безусловно, что каждый военный руководитель должен обладать «творческим мышлением, способностью предвидеть развитие военных событий, обладать сильной волей и решительностью, боевым опытом, авторитетом и высокими организаторскими способностями. Именно такие качества позволяют военному руководителю своевременно и правильно оценивать складывающуюся ситуацию и принимать наиболее целесообразные решения в конкретной боевой обстановке. А.М. Василевский по этому поводу писал: «Решающим мерилom успешной полководческой деятельности в годы войны, конечно, является искусство выполнять задачи фронтовых и армейских операций, наносить противнику серьезные поражения».

Однако уже опыт Русско-японской войны 1905 года убедительно показал, что победа в будущих войнах может быть достигнута не стратегическим маневром командиров и даже не мужеством солдат. Она обеспечивается экономическими, промышленными и техническими возможностями государства. Эту аксиому подтвердила и Первая мировая война, а как выяснилось в ходе Великой Отечественной, командование войсками в оперативно-стратегическом масштабе оказалось не по плечу ни одному профессиональному военачальнику.

Негодяи лгали, будто бы «нападение Германии» было для Вождя «шокирующей неожиданностью» и он якобы «впал в растерянность и протрацию». На самом деле уже с первых часов войны он принимал в своем кабинете десятки посетителей — членов Политбюро, партийных и государственных деятелей, высших военачальников, отдавая указания по переводу страны на военный лад. А спустя неделю, когда стало очевидно, что война приобретает затяжной характер, 30 июня он стал еще и Председателем Государственного Комитета Обороны.

О том, что Сталин осознавал неизбежность войны, свидетельствует уже то, что еще накануне ее, сохранив обязанности Генерального секретаря ЦК ВКП(б), он занял пост Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, то есть стал главой Правительства. Еще 24 мая военный вопрос он вынес на заседание Политбюро. Тогда о готовности армии к обороне докладывал начальник Генерального штаба Жуков. В докладе говорилось: «В апреле 1941 года для стрелковых дивизий введен штат военного времени... В марте сего года принято решение о формировании нами 20 механизированных корпусов...

С 1 января по настоящее время Красная Армия получила 29 637 полевых орудий, 52 407 минометов... Войсковая артиллерия приграничных округов в основном укомплектована до штатных норм... С первого января 1939 года по настоящее время Красная Армия получила от промышленности 17 745 боевых самолетов, из них 3719 самолетов нового типа (МиГ-3, ЛаГГ-3, штурмовик Ил-2, пикирующий бомбардировщик Пе-2).

Только в начале 1941 года вооруженные силы получили 2650 самолетов *новых конструкций*, свыше 600 тяжелых танков КВ и 1440 *лучших в мире* средних танков Т-34. К 1 января 1941 года в сухопутных войсках, военной авиации, на флоте насчитывалось более 4 200 тыс. человек...

В связи с угрозой войны принимаются меры по реализации планов прикрытия и стратегического развертывания войск... В марте 1941 года Генеральный штаб закончил разработку мобилизационного плана для промышленности по производству военной продукции на случай войны».

Причем в выступлении на этом расширенном заседании Политбюро и СНК СССР Сталин прямо и без обиняков предупредил: «Обстановка *обостряется с каждым днем*. Очень похоже, что мы *подвергнемся внезапному нападению со стороны фашистской Германии...*». Можно ли было понять его заявление иначе, чем было сказано? Следовало ли пояснять эту мысль?

Но он не ограничился устным предупреждением. Еще 12 мая Сталин приказал сосредоточить соединения второго оперативного эшелона западных приграничных военных округов в районах, предписанных планами прикрытия. Директивой наркома обороны западным приграничным округам предписывалось «с 12 по 15 июня *скрытно вывести дивизии, расположенные в глубине, ближе к государственной границе*»¹⁷².

И в соответствии с планами обороны государственной границы командование приграничных военных округов, под видом учений, приступило к скрытному развертыванию войск. К 15 июня были приведены в движение более половины дивизий, составлявших *второй эшелон и резерв* западных военных округов. Выдвижение на исходные позиции начало около 32 дивизий резерва, что составляло свыше 400 000 военнослужащих.

С 14 по 19 июня командование приграничных округов получило указание к 22 июня вывести фронтовые (армейские) управления *на полевые пункты*. То был сигнал о боевой тревоге. 16 июня ЦК ВКП(б) и СНК СССР принял постановление «Об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов». Передислокация советских войск не осталась незамеченной. В этот же день Геббельс записал в своем дневнике:

«Пример Наполеона не повторится. Русские *сосредоточили свои войска точно на границе*, для нас это наилучшее, что могло произойти. Если бы они были

¹⁷² ЦАМО. Ф. 16А. Оп. 2951. Д. 242. Л. 132-133; Д. 235. Л. 65-66; Д. 261, Л. 20.

рассредоточены подальше, внутри страны, то представляли бы большую опасность...» Однако Геббельс ошибался — не все войска были «точно на границе».

Киевский округ получил приказ на выдвижение к границе стрелковых дивизий второго эшелона 15 июня. Маршал Баграмян пишет в воспоминаниях: «На подготовку к форсированному марш-маневру отдавалось от двух до трех суток. Часть дивизий должна была выступать вечером 17 июня, остальные на сутки позднее. Они забирали с собой все необходимое для боевых действий. В целях скрытности войска должны были двигаться только ночью. Чтобы гитлеровцы не заметили наших перемещений, районы сосредоточения корпусов были выбраны не у самой границы, а в нескольких суточных переходах восточнее»

Но разберемся еще с одной грязной инсинуацией, выплывшей на свет из-под «пера» Г. Жукова. 18 июня на участке фронта 15-го стрелкового корпуса, входившего в состав 5-й армии М. И. Потапова, «появился немецкий перебежчик-фельдфебель. Он показал, что в 4 часа утра 22 июня гитлеровские войска перейдут в наступление на всем протяжении советско-германского фронта».

В своих нечистоплотных сочинениях Жуков «перенесет» этого перебежчика на 21 июня, как причину своего появления вечером этого дня в кабинете Сталина. В действительности Жуков доложил Сталину об информации, полученной от немецкого фельдфебеля именно 18-го числа.

В этот же день из Риги поступило еще одно донесение: «Начальнику оперативного управления генштаба Красной Армии. Начальнику разведуправления генштаба Красной Армии:

На 17 июня 1941 года против ПрибОВО в полосе слева — Сувалки, Лыков, Алленштейн и по глубине — Кенигсберг, Алленштейн установлено: штабов армий 2, штабов армейских корпусов 6, пехотных дивизий 19, мотодивизий 5, бронедивизий 1, танковых полков 5, и 9 отдельных танковых батальонов — всего не менее 2 танковых дивизий, кавалерийских полков 6-7, саперных батальонов 17, самолетов свыше 500».

Далее на четырех страницах шло подробное перечисление штабов номеров полков и батальонов с местами их дислокации. Телеграмма № 3873 была подписана: Кленов, Сафронов¹⁷³.

На информацию немецкого перебежчика-фельдфебеля Сталин отреагировал адекватно. По его указанию 18-19 июня Генштаб *передал во все приграничные округа и флоты приказ о приведении войск в боевую готовность по плану № 2*. Маршал Василевский пишет: «19 июня эти округа получили приказ маскировать аэродромы, воинские части, парки, склады, базы и *рассредоточить* самолеты на аэродромах».

¹⁷³ ЦАМО.Ф. 113А. Оп. 1448. Д. Л. 90-93.

Однако мало кто знает, что уже 18 июня Политбюро приняло «решение преобразовать Прибалтийский, Белорусский и Киевский особые военные округа *во фронты* — Северо-Западный, Западный и Юго-Западный»¹⁷⁴.

Штабы округов отреагировали на приказ Генштаба немедленно. Так, приказ штаба Прибалтийского военного округа от 19 июня обязывал командующих армиями и дивизий:

«1. Руководить оборудованием полосы обороны. Упор на подготовку позиций на основной полосе УР...

2. В предполье закончить работы. Но позиции предполья занимать только в случае нарушения противником госграницы.

Для обеспечения быстрого занятия позиций как в предполье, так и (в) основной оборонительной полосе соответствующие части должны быть в совершенной боевой готовности.

В районах позади своих позиций проверить надежность и быстроту связи с погранчастями.

3. Особое внимание обратить, чтобы не было провокации и паники в наших частях, усилить контроль боевой готовности. Все делать без шума, твердо и спокойно...

4. Минные поля устанавливать по плану командующего армией там, где должны стоять по плану оборонительного строительства. Обратить внимание на полную секретность для противника и безопасность для своих частей. Завалы и другие противотанковые противопехотные препятствия создавать по плану...

6. Выдвигающиеся наши части должны выйти в свои районы укрытия. Учитывать случаи перелета госграницы немецкими самолетами.

Командующий войсками ПриОВО Кузнецов.

Начальник штаба генерал-лейтенант Кленов»¹⁷⁵.

Аналогичные указания о приведении войск в боевую готовность получили и командующие других округов. В директиве начальника Генштаба Жукова командующему ОКВО генералу Кирпоносу говорилось: «Народный комиссар приказал: к 22 06 41 г. управлению выйти в Тернополь... Выделение и *переброску управления фронта содержать в строжайшей тайне*, о чем предупредить личный состав штаба округа».

Одновременно в «*совершенную боевую готовность*» приводились штабы и части армий. В приказе от 18 июня начальника штаба 8-й армии ПриОВО генерал-майора Ларинова указывалось: «Оперативную группу штаба армии перебросить на КП Бугай к утру 19 июня. (...) С нового КП организовать связь с корпусами в течение первой половины дня 19 июня».

Но еще 16 июня пограничные части получили приказ: в случае *начала боевых действий* они переходят в подчинение полевого командования армии. 18-го числа

¹⁷⁴ Жуков Ю. Сталин тайны власти. М., 2005. С. 106.

¹⁷⁵ ЦАМО РФ. Оп. 5564. Д. 1. Л. 1. С. 34-35.

командующий войсками ПрибОВО генерал-полковник Кузнецов подписал директиву. В ней указывалось:

«С целью быстрее приведения в боевую готовность театра военных действий округа приказываю:

4. Командующим 8-й и 11-й армиями:

а) определить на участке каждой армии пункты организации полевых складов, П[ротиво] Т[анковых] мин, В[зрывчатых] В[еществ] и противопехотных заграждений...

б) для постановки минных заграждений определить состав команд... и план работы их...

г) командующим войсками 8-й и 11-й армий — с целью разрушения наиболее ответственных мостов в полосе госграница и тыловая линия Шауляй, Каунас, р. Неман... определить команды подрывников и в ближайших пунктах от них сосредоточить все средства для подрывания».

В этот же день начальник штаба 8-й армии ПрибОВО генерал-майор Ларионов отдал распоряжение: «Оперативную группу штаба армии перебросить на КП Бубяй к утру 19 июня... Выезд произвести скрытно отдельными машинами. С нового КП организовать связь с корпусами в течение первой половины дня 19 июня».

Да, горнисты протрубили сигнал тревоги, и на огромной территории страны — от Балтийского до Черного моря — все пришло в движение. Штабы армий и территориальные управления НКГБ и НКВД, военная контрразведка занимали фронтовые командные пункты. Вблизи границы саперы устанавливали противотанковые препятствия и завалы, минировали проходы, наблюдатели дотов приграничных УРов, через стекла биноклей, просматривали охраняемую полосу государственной границы, а боевые корабли поднимали в котлах пары.

20 июня командующий Краснознаменным Балтийским флотом вице-адмирал Трибуц доложил командующим Ленинградским и Прибалтийским военными округами и начальнику погранвойск: «Части КБФ с 19.06.41 приведены в боевую готовность по плану № 2, развернуты КП, усилена патрульная служба в устье Финского залива и Ирбенского пролива».

Как окажется позже, тихо «без перемен...» было только «на Западном фронте» генерала армии Павлова». Похоже, что только там не ждали войну. На листе 70-м 4-го тома следственного дала по обвинению начальника связи ЗапОВО А. Г. Григорьева записаны его слова, что *«и после телеграммы начальника Генерального штаба от 18 июня войска округа не были приведены в боевую готовность»*.

Однако, несмотря на то что накануне войны Сталин обеспечил превосходство Красной Армии над вероятным противником в танках и самолетах и артиллерии, несмотря на своевременное объявление боевой готовности, ее начало сложилось иначе, чем планировал Генеральный штаб. Что же произошло? Почему война, к которой Сталин усиленно готовил страну и армию уже с начала 30-х годов, началась с неудач?

На эти вопросы нельзя ответить однозначно. Основной особенностью Мировой войны стал «позиционный кризис». Ни отравляющие газы, ни несовершенные танки не стали универсальным тактическим средством для выхода из «позиционного тупика». Они значительно упрощали и ускоряли процедуру прорыва обороны, но правило — «глубина прорыва равна половине от ширины полосы наступления» — было поставлено под сомнение.

После империалистической войны поисками новой тактики занялись военные теоретики всего мира. В Советском Союзе этой теме были посвящены работы В. К. Триандафиллова, в частности его книга «Характер операций современных армий». Общая концепция наступления сводилась к схеме: «пехота при поддержке артиллерии прорывает оборону противника, танки уходят в прорыв, совершают маневр на окружение и, совместно с другими войсками, завершают операцию».

Наиболее пригодным для проведения таких операций был признан танковый корпус, состоявший из танковых и моторизованных дивизий или бригад, а добавление к танкам пехоты, — для непосредственного захвата вражеских объектов и совершавшей марш на автомобилях — и мотопехотных частей привело к образованию механизированных корпусов.

При этом общая схема наступления выглядела так: основное наступление в центре ведет танковый корпус, за ним, в резерве, расположен механизированный. «Армия, в состав которой входит этот корпус, образует «клин» с широким основанием и узкой вершиной. Наступление ударной армии обеспечивается справа и слева действиями подвижных соединений соседних армий, которые ведут наступление на меньшую глубину. Таким образом, при наступлении глубиной порядка 100-150 км фланги центральной группы остаются прикрытыми».

В целом для обеспечения стратегического успеха наступление должно было вестись двумя армиями, осуществлявшими, по классическому примеру «Канн», широкий охват группировки противника с целью ее окружения и разгрома. Практически в чистом виде концепцию «глубокой» операции, т.е. наступление двумя танковыми корпусами, немецкое командование продемонстрировало уже в Польше в кампании 1939 года.

Как пишет Р.А. Исмаилов в Приложении к книге Э. Манштейна «Утерянные победы»: «На юге главный удар наносился силами 10-й армии, в составе которой был 16-й танковый корпус Гепнера (2 танковые и 2 пехотные дивизии), а также 14-й и 15-й механизированные корпуса. Удары 8-й армии и 14-й армии слева и справа обеспечивали действия 10-й армии. (...) На севере действовали 3-я и 4-я армии...» К четвертому числу танковый корпус Гудериана прорвал оборону и вышел к Висле. «К седьмому числу перед немецкими танковыми корпусами уже не оставалось войск противника, и они могли действовать «в пустоте». Дальнейшее наступление велось с целью завершить окружение сил поляков западнее Варшавы, что и было произведено».

Подобную тактику немцы использовали и на полях остальной Европы. Причем «блицкриг» являлся не столько образцом военного искусства, сколько — реализацией идеи опережения в подготовительных мероприятиях, а значит, был символом агрессивной войны. С нанесением первого удара и пренебрежением всеми международным нормам и правилам. Такими, как нарушение нейтралитета Бельгии или Голландии и бомбежками до разрушения Варшавы и Роттердама.

Но среди множества причин, косвенным образом повлиявших на неудачи Красной Армии в 1941 году, есть главная, о которой упорно не говорит невежественная камарилья антисталинистов, сводящая крушение грандиозных передвоенных планов к частностям. Тухачевский не был автором тактики «глубокого сражения», но он почитывал литературу и внес в ее «развитие» собственное новшество.

По-видимому, он читал размышления Клаузевица, о том, что «политика... неотделима от стратегии». Великий немецкий стратег подчеркивал: «Подготовка к нападению или обороне, а также в связи с неминуемыми провокациями или действиями, которые могут быть расценены как провокации, бывает трудно определить, кто является инициатором конфликта. В начальный период войны... очень трудно доказать, кто в действительности является агрессором, а кто — жертвой агрессии».

Поэтому, излагая во время следствия в «Плане поражения», Тухачевский не писал о нанесении удара первыми. Он предлагал иной вариант: *«Сразу же после объявления войны вторгнуться в Белоруссию Западную и на Украину и дезорганизовать район сосредоточения противника, отнеся таковой в глубокий тыл, примерно на линию Гродно-Львов».* Правда, признав, что «Уборевич указывает, что вредительством являются операции вторжения», Тухачевский возражал против такого утверждения.

И хотя к лету 1941 года границы государств изменились, вместо организации упорной обороны, эпигонски повторяя «План поражения» Тухачевского», Жуков — уже на начальной стадии войны — тоже пытался развернуть операции «глубокого сражения». Поклонник Тухачевского и ученик Уборевича, начальник Генштаба использовал эту же тактическую доктрину.

Потому с началом немецкой агрессии десятки механизированных соединений, сосредоточенные в боевой готовности в лагерях и имевшие в своем составе тысячи танков, автомобилей для пехоты, боеприпасов и топлива, двинулись в стремительный марш-бросок по направлению к границе.

Растянувшись длинными «змеями» на дорогах и не вступая в соприкосновение с противником, многокилометровые колонны попали под удар немецкой авиации. Так, на 22 июня 1941 года только 8-й механизированный корпус Юго-Западного фронта генерала Рябышева имел в своем составе: 932 танка, в том числе 89-КВ, 100-Т34, около пятидесяти новых — Т-35. Кроме того, в мехкорпусе насчитывалось 384 бронеавтомобиля, включая и машины с пушками, 172 орудия калибром от 37 до 152

мм, 186 минометов, 5161 автомобиль, 1679 мотоциклов и около 36 тыс. солдат и офицеров. Только в одном этом корпусе было больше танков, чем в *трех механизированных корпусах* Клейста!

Однако в результате такого бестолкового челночного метания туда и обратно — между Львовом-Тернополем— Самбором-Явором-Тернополем — только 26 июня корпус Рябышева вступил в бой в районе Берестечко. Корпус не был разбит в бою — он просто рассыпался в ходе «возвратно-поступательного» 500-километрового марша. Техника, оставшаяся без горючего и запчастей, была подорвана и брошена вдоль бесконечных дорог.

Но в этом бестолковом сценарии не было вины Сталина. 22 июня Жуков направил командующим фронтов директиву № 3 о нанесении контрударов в соответствии с планами Генштаба, разработанными накануне войны. Для координации этого общего наступления на совещании у Сталина, начавшемся после полудня, было принято решение направить на Западный фронт к Павлову маршала Шапошникова и генерала Кулика. Жукову следовало вылететь в Киев, чтобы оттуда, уже вместе с 1-м секретарем ЦК Украины Хрущевым, выехать в штаб Юго-Западного фронта в Тернополь, для руководства наступлением на южном фланге обороны.

Ночью 23 июня Сталин подписал решение об организации Ставки Главного командования под председательством Народного комиссара обороны С. К. Тимошенко. И в первый месяц войны все военные директивы отдавались за его подписью и начальника Генштаба Жукова. В Ставку вошли Сталин и другие высокопоставленные военачальники. В первые недели войны Сталин не вмешивался в оперативные действия военных. Во-первых, у него не было основания, чтобы не доверять профессионалам, а во-вторых, в это время он занимался не менее важными вопросами.

Уже 23 июня был введен в действие мобилизационный план по производству боеприпасов, а Госплану СССР давалось указание подготовить общий мобилизационный народно-хозяйственный план на третий квартал 1941 года, основы которого были разработаны еще до войны. С 24 июня на железных дорогах страны вводился особый график, обеспечивавший первоочередное и скорейшее продвижение воинских эшелонов. Пассажирские перевозки были максимально сокращены. 25 июня принимается решение об увеличении выпуска средних и тяжелых танков, а 27 июня — об ускоренном строительстве новых авиационных заводов.

30 июня Политбюро ЦК партии и Совнарком СССР утвердили представленный Госпланом проект «Общего мобилизационного народнохозяйственного плана на третий квартал 1941 года». Планом предусматривалось увеличение производства военной продукции по сравнению с довоенным уровнем на 20%. Заводы и фабрики, выпускавшие до войны гражданскую продукцию, теперь переключались на производство боевой техники, вооружения, боеприпасов, горючего для танков и

самолетов, специальных тканей для парашютов, обмундирования, снаряжения и других предметов военного снабжения. Имевшиеся ресурсы продовольствия прежде всего направлялись для обеспечения армии и населения, занятого в военной промышленности.

Между тем по своему плану развивалась и операция «Барбаросса». Люфтваффе захватили господство в воздухе, и уже в первый день операции, а танковые соединения групп армий «Центр» и «Север» продвинулись на 35- 50 км, а «Юг» — на 10-20 км. А наступление «глубокого вторжения» по плану Жукова-Тухачевского провалилось, фактически не начавшись.

В течение следующих дней советское командование пыталось организовать сопротивление, однако фронт разваливался во многих местах. Жуков с Хрущевым прибыли в штаб Юго-Западного фронта к вечеру 23-го числа. Однако появление начальника Генштаба не внесло перемены обстановки в положительную сторону. Пробыв трое суток на фронте и не сумев организовать «ответный удар», Жуков лишь усилил сумятицу, а 27-го числа, по вызову Сталина, он выехал обратно в Москву. Еще хуже обстояли дела на Западном фронте.

Но хотя действия советских войск были неорганизованными, темп немецкого наступления стал ослабевать. В наибольшей степени это ощущали не танковые группы, поддерживаемые авиацией и уже вышедшие на оперативный простор, а армейские пехотные корпуса. Они начали отставать. К четвертому дню операции, когда танки продвинулись на глубину 200 км и в полосе группы «Центр» вели бои под Минском, пехота продвинулась всего на 20-40 км.

Поэтому вся классика «глубоких операций», направленная на «добывание слабого или неподготовленного противника», когда у него нет возможности и времени на мобилизацию ресурсов, стала утрачивать свои преимущества от внезапного нападения. Удобная для разгрома любой европейской страны, она оказалась не столь успешной для СССР, сохранившего подвижные резервы.

Германские танки оказались неспособными вести наступление против эшелонированной на стратегическую глубину обороны. Наличие в тылу обороняющихся советских войск танкового резерва противодействовало германским колоннам, вышедшим на оперативный простор. И если средняя скорость наступления немецких бронетанковых войск составила 40-50 км в сутки, то при увеличении глубины темп наступления падал. Поэтому танковые соединения были вынуждены двигаться со скоростью общевойсковых — 20-25 км в сутки.

Однако еще одной «ахиллесовой пятой» Красной Армии стало отсутствие хорошей радиосвязи. Командование фронтов не могло управлять войсками, а Генеральный штаб не получал информации. О захвате немцами Минска Сталин узнал из сообщения английского радио. И, чтобы прояснить ситуацию, он с членами правительства сам отправился в наркомат обороны. Однако там, на требование о докладе обстановки на фронтах, внятного ответа он не получил.

На последовавшую резкую реакцию Сталина в адрес начальника Генштаба Жуков расплакался и выбежал из кабинета. На следующий день, в воскресенье, занявшись подготовкой своего обращения к народу страны по радио, Сталин не появился в Кремле, и это вызвало панику у членов правительства. Они ринулись на сталинскую дачу, и он был удивлен этим шумным визитом. Но последовавший разговор завершился решением о создании еще одного чрезвычайного органа управления страной — Государственного Комитета Оборона (ГКО) под председательством И. В. Сталина.

Конечно, прежде чем выступить публично, ему нужно было самому тщательно осмыслить события, приведя их к общему знаменателю. Его речь прозвучала 3 июля. Сталин начал ее необычно — с обращения «Братья и сестры!», а по ходу выступления дважды называл начавшуюся войну «Отечественной».

В течение всей войны Государственный Комитет Оборона был чрезвычайным органом управления, обладавшим всей полнотой власти в СССР, и в руках Сталина фактически он стал вторым фронтом. Наделенный широкими законодательными, исполнительными и распорядительными функциями, ГКО объединял военное, политическое и хозяйственное руководство страны. В ГКО, из ведения СНК СССР, были переданы наркоматы оборонной промышленности: Наркомавиапром, Наркомтанкопром, Наркомбоеприпасов, Наркомвооружения, Наркомминвооружения, Наркомсудпром и др. Первое постановление ГКО «Об организации производства средних танков Т-34 на заводе «Красное Сормово» было выпущено 1 июля 1941 года.

В число задач ГКО входило руководство деятельностью государственных ведомств и учреждений; мобилизация людских ресурсов страны и промышленности для выпуска вооружений и боеприпасов, организации боевых действий. Посредством ГКО Сталин управлял объемом и сроками поставок промышленностью военной продукции и распределением вооружений; подготовкой резервов и кадров для Вооруженных Сил и промышленности и другими вопросами. В течение войны ГКО принял 9971 постановление. Его постановления и распоряжения имели силу законов военного времени и подлежали беспрекословному исполнению всеми партийными, государственными, военными, хозяйственными и профсоюзными органами.

Для контроля по претворению в жизнь постановлений по выпуску военной продукции был образован корпус уполномоченных — группа постоянных уполномоченных и постоянные комиссии при фронтах. Их члены имели мандаты за подписью Сталина, в которых четко определялись практические задачи. В результате уже в марте 1942 года выпуск военной продукции, только в восточных районах страны, достиг довоенного уровня выпуска на всей территории СССР.

Для проведения эвакуации промышленных предприятий и населения из прифронтовых районов на восток при ГКО были созданы: Совет по делам эвакуации.

Совет по радиолокации; Комитет по разгрузке железных дорог, а позже и «Специальный комитет» по разработке ядерного оружия и т.д.

Как уже говорилось, занимаясь вопросами мобилизации ресурсов для ведения войны, первоначально Сталин не вмешивался в непосредственные действия военных. Однако динамичность военных действий, быстрые и резкие изменения обстановки на огромном фронте требовали высокой оперативности в руководстве войсками. Поэтому перед началом Смоленского сражения с целью обеспечения централизованного и более оперативного управления действиями войск постановлением ГКО СССР от 10 июля 1941 года Ставка Главного Командования была преобразована в Ставку Верховного Командования.

Ее возглавил председатель ГКО Сталин. Этим же постановлением в состав Ставки был введен заместитель народного комиссара обороны маршал Шапошников Б. М. Для непосредственного контроля действиями армий постановлением ГКО от 10 июля были созданы три Главных командования войск по стратегическим направлениям: Северо-Западное направление во главе с маршалом Ворошиловым К. Е. — координация действий Северного и Северо-Западного фронтов, а также Северного и Балтийского флотов; Западное направление во главе с маршалом Тимошенко С. К. — координация действий Западного фронта и Пинской военной флотилии, а позже — Западного фронта, Фронта резервных армий и Центрального фронта; Юго-Западное направление во главе с маршалом Буденным С. М. — координация действий Юго-Западного, Южного, а позже и Брянского фронтов с оперативным подчинением Черноморского флота.

В задачу Главных командований входили изучение и анализ оперативно-стратегической обстановки в полосе направления, координация действий войск на стратегическом направлении, информирование Ставки о положении на фронтах, руководство подготовкой операций в соответствии с планами Ставки.

Собственно говоря, ни ГКО, ни Ставка не были какими-то устоявшимися органами, периодически собиравшимися для коллективного принятия решений. В действительности, когда шла речь о вызове в ГКО или Ставку, это означало вызов к Сталину. Соответственно и принятые решения определялись им. Более того, 8 августа 1941 года И. В. Сталин был назначен Верховным Главнокомандующим. С этого времени Ставка Верховного Командования была переименована в Ставку Верховного Главнокомандования (ВГК). Первоначально в ее состав вошли: Сталин И., Молотов В., Тимошенко С., Буденный С., Ворошилов К., Кузнецов Н., Шапошников Б. и Жуков Г.

Глава 21. Верховный Главнокомандующий

Объем работы, которую выполнял Сталин в течение всей войны, превышал человеческие возможности. Прогнозируя гигантские масштабы назревавшей войны, с ее огромной напряженностью и динамичностью боевых действий, главнокомандующий сухопутными войсками Германии генерал Фрич в 1937 году заявил: «Даже гению стало не под силу охватить во всех деталях совокупность политического и военного руководства, одновременно управлять государством и командовать армией». Сталин справился с этой задачей, достойной гения. Более того, на протяжении всего периода многотрудной и напряженной борьбы он не просто решал все проблемы войны, экономики и политики, а ежедневно, можно сказать ежечасно, управлял ходом их течения, вникая в самые значимые и существенные детали, от которых зависела судьба страны.

Начавшееся с первых минут немецкого вторжения титаническое напряжение, с которым он работал, не ослабевало практически всю войну. Метод его работы требовал высочайшей концентрации сил и внимания. Он вникал во множество деталей, которые могли показаться второстепенным, но именно они зачастую определяли решение задач глобальной стратегии, в зависимости от конкретной ситуации и условий свершавшихся событий.

Причем до этого и никогда позже, в истории цивилизации военное противоборство воюющих сторон не принимало такого пространственного размаха (свыше трех — шести тысяч километров протяженности линии фронтов) и вовлечения в боевые действия многомиллионных армий солдат и офицеров, оснащенных самыми современными средствами вооружения.

Возглавляя одновременно Государственный Комитет Оборона, Центральный Комитет партии, Советское правительство и Ставку, Сталин ежедневно следил за всеми изменениями во фронтовой обстановке, был в курсе всех событий, происходивших в народном хозяйстве страны. Он хорошо знал руководящие кадры и умело использовал их.

Распорядок деятельности Ставки был круглосуточным и определялся регламентом самого Верховного, работавшего, как, правило, в вечернее и ночное время, по 12 — 16 часов в сутки. Начальники Генерального штаба встречались с ним почти ежедневно, а иногда по несколько раз в сутки. Исследователи подсчитали, что «Б. М. Шапошников во вторую половину 1941 года до мая 1942 года был у Верховного Главнокомандующего 98 раз, Г. К. Жуков за 1 месяц и 7 дней встречался со Сталиным 16 раз... Оставаясь за Василевского, А. И. Антонов встречался со Сталиным 238 раз. Кроме этого, Сталин работал со вторыми и даже третьими должностными лицами Генерального штаба».

«Касаясь вопросов связи со Сталиным, — пишет Василевский, — не преувеличу, если скажу, что начиная с весны 1942 года и в последующее время войны я не имел с ним телефонных разговоров лишь в дни выезда его в первых числах августа 1943

года на встречи с командующими войсками Западного и Калининского фронтов и в дни его пребывания на Тегеранской конференции глав правительств трех держав (с последних чисел ноября по 1 декабря 1943 года)».

Конечно, основная задача Сталина, как Верховного Главнокомандующего, «состояла в том, чтобы разрабатывать и ставить стратегические задачи перед войсками, распределять силы и средства между фронтами и направлениями, планировать в целом боевую деятельность армии и флота», используя для этого оперативную и стратегическую информацию Генерального штаба.

Причем у Верховного сложился свой стиль работы. В случае планирования отдельных стратегических операций он создавал своеобразные коллективы, позже названные учеными группами «мозгового штурма». В них входили специалисты Генштаба, командующие фронтами и лица, ответственные за материально-техническое обеспечение. Однако во все детали он вникал непосредственно сам.

Как пишет генерал армии С. М. Штеменко: «При разработке очередной операции И. В. Сталин обычно вызывал начальника Генерального штаба и его заместителя и кропотливо вместе с ними рассматривал оперативно-стратегическую обстановку на всем советско-германском фронте: состояние войск фронтов, данные всех видов разведки и ход подготовки резервов всех родов войск.

Потом в Ставку вызывались начальник тыла Красной Армии, командующие различными родами войск и начальники управлений наркомата обороны, которым предстояло практически обеспечивать данную операцию». То была кропотливая, сложная многодневная работа.

Тщательно и вдумчиво изучив все вопросы, касающиеся оперативно-стратегических возможностей войск, Верховный Главнокомандующий поручал начальнику Генерального штаба: «продумать и рассчитать... возможности для той или для тех операций, которые намечались к проведению. Обычно для этой работы Верховный отводил 4 - 5 дней. По истечении этого срока принималось предварительное решение. После этого Верховный давал задание начальнику Генштаба запросить мнение Военных советов фронтов о предстоящей операции...»¹⁷⁶

Сталин был хорошо осведомлен о положении дел на фронтах. Он своевременно реагировал на изменение обстановки. Через Генштаб он внимательно следил за ходом операций, вносил необходимые коррективы в действия войск, уточнял их, ставил новые задачи, вытекающие из существа сложившейся обстановки. Для достижения целей операции и поставленных войскам задач, в случае необходимости, он производил перегруппировку сил и средств и в особых случаях даже прекращал операцию.

Большое внимание Верховный Главнокомандующий уделял резервам, которые постоянно пополнялись и формировались. Эти резервы служили в его руках

¹⁷⁶ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. М., 1981. С. 276.

мощным орудием — с их помощью он усиливал войска на наиболее важных направлениях, поддерживая развитие наиболее ответственных операций. Для получения объективной информации, контроля и помощи командующим фронтами на местах ведения боевых действий он использовал представителей Ставки.

Этот институт стал своего рода изобретением Сталина в военном искусстве. Маршал А.М. Василевский вспоминал: «Ответственный представитель Ставки всегда назначался Верховным Главнокомандующим и подчинялся лично ему... Представители Ставки, располагая всеми данными о возможностях, замыслах и планах Верховного Главнокомандующего, оказывали существенную помощь командующим фронтами в выработке и принятии наиболее правильных оперативных решений, вытекающих из общего плана стратегической операции»¹⁷⁷.

В беседе с корреспондентом газеты «Комсомольская правда» Василевский пояснял: «Ставка не была неким собирающимся на регулярные заседания органом... За всю войну, если не ошибаюсь, в утвержденном составе Ставка не собралась ни разу... Верховный Главнокомандующий для выработки того или другого оперативно-стратегического решения или для рассмотрения других важных проблем вооруженной борьбы вызывал к себе ответственных лиц, имевших отношение к рассматриваемому вопросу.

Тут могли быть члены и не члены Ставки, но обязательно члены Политбюро, руководители промышленности, вызванные с фронта командующие. Все, что вырабатывалось тут при взаимных консультациях и обсуждениях, немедленно оформлялось в директивы Ставки фронтам. Такая форма работы была эффективной... При чрезвычайных обстоятельствах на том или ином фронте, при подготовке ответственных операций, Сталин посылал на фронт своих представителей»¹⁷⁸.

Верховный Главнокомандующий требовал от своих представителей четких и незамедлительных сообщений о реальном положении дел на фронтах и строго спрашивал за малейшую задержку докладов с мест. Василевский вспоминал, что однажды, замешкавшись с представлением донесения об итогах операции, он получил резкий выговор в письменной форме.

Сталин писал: «...Предупреждаю Вас, что в случае если Вы хоть раз еще позволите забыть о своем долге перед Ставкой, Вы будете отстранены от должности начальника Генерального штаба и отозваны с фронта». К «выговору» Верховного Василевский отнесся с пониманием:

«Сталин был так категоричен не только в отношении меня. Подобную дисциплину он требовал от каждого представителя Ставки... Считаю, что отсутствие какой-либо снисходительности к представителю Ставки было оправдано интересами оперативного руководства вооруженной борьбой. Верховный Главнокомандующий очень внимательно следил за ходом фронтовых событий,

¹⁷⁷ Василевский А. Дело всей жизни. М., 1975. С. 524.

¹⁷⁸ Комсомольская правда 1975. 30 апреля.

быстро реагировал на все изменения в них и твердо держал управление в своих руках».

Жуков, непосредственно наблюдавший работу Сталина, рассказывал писателю К. Симонову, что у Верховного Главнокомандующего «был свой метод овладения конкретным материалом предстоящей операции... Перед началом подготовки той или иной операции, перед вызовом командующих фронтами он заранее встречался с офицерами Генерального штаба — майорами, подполковниками, наблюдавшими за соответствующими оперативными направлениями.

Он вызывал их одного за другим на доклад, работал с ними по полтора, по два часа, уточняя с каждым обстановку, разбирался в ней и ко времени встречи с командующими фронтами, ко времени постановки им новых задач оказывался настолько подготовленным, что порой удивлял их своей осведомленностью...

Его осведомленность была не показной, а действительной, и его предварительная работа с офицерами Генерального штаба для уточнения обстановки перед принятием будущих решений была работа в высшей степени разумной».

Сталинский стиль управления требовал постоянного знания быстро меняющейся обстановки, и в качестве рабочего инструмента он использовал доклады ответственных работников Генштаба. «Доклады Верховному Главнокомандующему, — вспоминал начальник Генштаба С.М. Штеменко, — делались, как правило, три раза в сутки. Первый из них имел место в 10 — 11 часов дня, обычно по телефону. Это выпадало на мою долю...

Между 10 и 11 часами, редко чуть позже, Верховный сам звонил к нам. Иногда здоровался, а чаще прямо спрашивал: «Что нового?» Начальник Оперативного управления докладывал обстановку, переходя от стола к столу с телефонной трубкой у уха. Во всех случаях доклад начинался с фронта, где боевые действия носили наиболее напряженный характер, и, как правило, с самого острого участка. Обстановка излагалась последовательно, за каждый фронт в отдельности в произвольной форме.

Если нашим войскам сопутствовал успех, доклад обычно не прерывался. По телефону были слышны лишь редкое покашливание да чмоканье губами, характерное для курильщика, сосущего трубку. Пропускать в докладе какую-либо армию, если даже в ее полосе за ночь не произошло ничего важного, Сталин не позволял. Он тотчас перебивал докладчика вопросом: «А у Казакова что?» Иногда в ходе доклада Верховный Главнокомандующий давал какое-то указание для передачи на фронт. Оно повторялось вслух, и один из заместителей начальника управления тут же записывал все дословно, а затем оформлял в виде распоряжения или директивы».

Вечером, продолжает Штеменко, в 16 — 17 часов, Сталину «докладывал заместитель начальника Генштаба. А ночью мы ехали к нему в Ставку с итоговым докладом за сутки. Перед тем подготавливалась обстановка на картах масштаба

1: 200 000 отдельно по каждому фронту с показом положения войск до дивизии, а в иных случаях до полка.

Даже досконально зная, где что произошло в течение суток, мы все равно перед каждой поездкой 2 — 3 часа тщательно разбирались в обстановке. Связывались с командующими фронтами и начальниками их штабов, уточняли с ними отдельные детали проходивших или только еще планировавшихся операций, советовались и проверяли через них правильность своих предположений, рассматривали просьбы и заявки фронтов, а в последний час редактировали подготовленные на подпись проекты директив и распоряжений...»

Доклады Генерального штаба Сталину носили установившуюся форму. «Доклад наш, — пишет Штеменко, — начинался с характеристики действий своих войск за истекшие сутки. Никакими предварительными записями не пользовались. Обстановку знали на память, и она была отражена на карте. За торцом стола, в углу, стоял большой глобус...»

Во время этих ежедневных докладов Верховному Главнокомандующему «фронты, армии, танковые и военизированные корпуса назывались по фамилиям командующих и командиров, дивизии — по номерам. Так было установлено Сталиным. Потом мы все привыкли к этому, и в Генштабе придерживались такой же системы»¹⁷⁹.

Такой порядок установился не только потому, что, обладая феноменальной памятью, Сталин точно знал по фамилиям всех командующих фронтами, армиями и корпусами, знал он и фамилии многих командиров дивизий. Это было своеобразным актом уважения и выражение признания конкретным людям, выполнявшим свой долг перед страной и народом. Обладая цепкой памятью, он хорошо помнил сказанное, не упускал случая резко отчитать за забытое. Поэтому штабные документы мы старались готовить со всей тщательностью, на какую были способны в те дни». Маршал артиллерии Н.Д. Яковлев пишет: «Сталин не терпел, когда от него утаивали истинное положение дел».

Однако не сразу и не все даже удержавшиеся на высоких постах руководители того времени отвечали необходимым требованиям. Сталин трезво осознавал ту цену, какую стоила война. Упреки военных мемуаристов, появившиеся в 60-е годы, что порой им не хватало войск и вооружения, — лишь стремление переложить вину за свои просчеты на чужие плечи. Война стоила большой крови, и некоторые «писатели» эту кровь стали смешивать с «грязью». Огульные «обвинения» в якобы повсеместной «необученности» и неподготовленности советских солдат — из набора тех же мелких пакостей.

Конечно, в период войны были ситуации, когда в бой вынужденно бросались наскоро сформированные подразделения и необученные бойцы. Сталин был категорическим противником подобной, пусть даже и вынужденной меры. Так, 27

¹⁷⁹ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. С. 276.

мая 1942 года, в 21 час 50 минут, он телеграфирует Тимошенко, Хрущеву, Баграмяну: «За последние 4 дня Ставка получает от вас все новые и новые заявки по вооружению, по подаче новых дивизий и танковых соединений из резерва Ставки.

Имейте ввиду, что у Ставки нет готовых к бою новых дивизий, что эти дивизии сырые, необученные и бросать их теперь на фронт — значит доставлять врагу легкую победу.

Имейте ввиду, что наши ресурсы по вооружению ограничены, и учтите, что кроме вашего фронта есть еще у нас другие фронты.

Не пора ли вам научиться воевать малой кровью, как это делают немцы? Воевать не числом, а умением. Если вы не научитесь получше управлять войсками, вам не хватит всего вооружения производимого во всей стране.

Учтите все это, если вы хотите когда-либо научиться побеждать врага, а не доставлять ему легкую победу. В противном случае вооружение, получаемое вами от Ставки, будет переходить в руки врага, как это происходит теперь»¹⁸⁰.

Сталин прекрасно осознавал, возможности государства в подготовке резервов, как и то, что подобные «хрущевским» иждивенческие настроения и бахвальство не были в армии редкостью. Такой «болезнью» страдали многие от солдат до маршалов, и он боролся с этой тенденцией. Штеменко сетует, что «бичом в работе Генштаба» было стремление командиров действующих соединений преуменьшить размеры поражений и преувеличить свои успехи. При обнаружении искажения фактов следовали жесткие взыскания: так, «был снят с должности начальник штаба 1-го Украинского фронта за то, что не донес в Генштаб о захвате противником одного важного населенного пункта в надежде, что его удастся вернуть».

Человек неординарный, государственный деятель, политик, обладавший великолепной способностью понимать особенности психологии людей и вынужденный порой из-за недостатка талантливых использовать заурядности, Сталин все же совершенно не терпел лжи. Он не прощал этого порока. Он лучше, чем кто-либо иной, знал, что даже маленькая ложь может повлечь за собой серьезные последствия.

Обычно все вопросы по руководству страной, ее армией, экономикой и политикой военного периода решались в Кремле. Здесь же, в рабочем кабинете Сталина, подписывались приказы и распоряжения Верховного Главнокомандующего.

«Это была, — пишет Жуков, — просторная довольно светлая комната. Обшитые мореным дубом стены, длинный, покрытый зеленым сукном стол. Слева и справа на стенах — портреты Маркса, Энгельса, Ленина. Во время войны появились портреты Суворова и Кутузова. Жесткая мебель, никаких лишних предметов. Огромный глобус помещался в соседней комнате, рядом с ним — стол, на стенах — карты мира. В глубине кабинета, у стены, — рабочий стол И. В. Сталина, всегда

¹⁸⁰ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 16. Л. 19.

заваленный документами, бумагами, картами. Здесь же стояли телефоны ВЧ и внутрикремлевские, лежала стопка отточенных цветных карандашей. И. В. Сталин обычно делал свои пометки синим карандашом, писал быстро, размашисто, но довольно разборчиво. Вход в кабинет был через комнату А.Е. Поскребышева и небольшое помещение начальника личной охраны Верховного. За кабинетом — комната отдыха и комната связи, где стояли телефонные аппараты и Бодо. По ним А.Н. Поскребышев связывал И. В. Сталина с командующими фронтами и представителями ставки при фронтах.

На большом столе работники Генштаба и представители Ставки развешивали карты и по ним докладывали обстановку на фронтах. Докладывали стоя, иногда пользуясь записями. И. В. Сталин слушал, обычно расхаживая по кабинету широким шагом, вразвалку. Время от времени подходил к большому столу и, наклонившись, пристально рассматривал разложенную карту. Иногда он возвращался к своему столу, брал пачку табаку, разрывал ее и медленно набивал трубку».

Являвшийся в то время начальником оперативного отдела Генерального штаба, С. М. Штеменко пишет: «... Сталин не решал и вообще не любил решать важные вопросы войны единолично. Он хорошо понимал необходимость коллективной работы в этой сложной области, признавал авторитеты по той или иной военной проблеме, считался с их мнением и каждому отдавал должное...

Решения Ставки, оформленные документами, подписывались двумя лицами — Верховным Главнокомандующим и начальником Генерального штаба... Были документы за подписью только начальника Генерального штаба. В этом случае обычно делалась оговорка «по поручению Ставки». Один Верховный Главнокомандующий оперативные документы, как правило, не подписывал, кроме тех, в которых он резко критиковал кого-либо из лиц высшего военного руководства (Генштабу, мол, неудобно подписывать такую бумагу и обострять отношения; пусть на меня обижаются). Подписывались им единолично только различные приказы, главным образом административного характера»¹⁸¹.

Сталин сам иногда обращался к ним, и тогда они высказывали свою точку зрения, но, даже не разделяя иную позицию, при таких обсуждениях он не прерывал говорящего, не мешая излагать мнение. Вместе с тем, если эти мысли «какими-то своими частностями, сторонами попадали в орбиту его зрения», то они входили в его выводы и выработанное окончательно решение.

Адмирал Флота, Герой Советского Союза Иван Исаков подчеркивает: «Надо сказать, что он вел заседания по принципу классических военных советов. Очень внимательно, не прерывая, не сбивая, выслушав всех. Причем старался давать слово примерно в порядке старшинства, так, чтобы высказанное предыдущим не сдерживало последующего. И только в конце, выловив все существенное из того,

¹⁸¹ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. С. 276.

что говорилось, отметая крайности, взяв полезное из разных точек зрения, делал резюме, подводил итоги».

Эта деловая коллегиальность обсуждения и единоличное принятие решений являются эталоном таланта и умения Сталина управлять сложными процессами многокомпонентных систем, о которых позже учеными будет написано огромное количество научной литературы. Его метод был стилем демократического управления и руководства. Он нашел свою систему сам — и не облакал ее в заформализованные рамки.

Василевский констатирует, что даже такой значимый коллегиальный орган, как Ставка, не был застывшим образованием. «За более чем 30-месячный, — пишет он, — период моей работы в должности начальника Генерального штаба, а в дальнейшую бытность членом Ставки она полностью в утвержденном ее составе при Верховном Главнокомандующем ни разу не собиралась... Как правило, предварительная наметка стратегического решения и плана его осуществления выработывалась у Верховного Главнокомандующего в узком кругу лиц.

Обычно это были некоторые из членов Политбюро ЦК и ГКО, а из военных — начальник Генерального штаба и его первый заместитель. Нередко эта работа требовала несколько суток. В ходе ее Верховный Главнокомандующий, как правило, вел беседы, получая необходимые справки и советы по разрабатываемым вопросам, с командующими и членами военных советов соответствующих фронтов, с ответственными работниками Наркомата обороны, с наркоматами и особенно руководившими той или иной отраслью промышленности».

В его деятельности не было трафаретности, закомплексованности, спешки и суеты. Планы намечаемых компаний и операций могли меняться в зависимости от внешних обстоятельств. И тогда, отмечает Мерецков, он «снова вызывал командующего фронта в Москву, узнав о частичных изменениях в намечаемой операции...» Сталин предпочитал общаться с людьми, когда это было возможно, лично.

Василевский пишет, что «в результате всестороннего обсуждения принималось решение и утверждался план его проведения, обрабатывались соответствующие директивы фронтам и назначался день встречи в Ставке с командующими, привлекаемыми к реализации намеченных операций. На этой встрече происходило окончательное уточнение плана, устанавливались сроки проведения операций, подписывалась директива Ставки, отправляемая фронтам».

Подобный стиль работы Сталин применял и в руководстве Государственным Комитетом Обороны. «Официальных заседаний ГКО, — пишет Микоян, — Сталин не собирал. Вопросы обычно решались оперативно, по мере возникновения, узким составом Политбюро. В полном составе заседания бывали крайне редко... Собирались поздно вечером или ночью и редко во второй половине дня, как правило, без предварительной рассылки повестки заседания... По одну сторону от него (Сталина), ближе к стене садились: я, Маленков и Вознесенский; напротив нас

— Молотов, Ворошилов и остальные члены Политбюро. У другого конца стены находились все те, кто вызывался для докладов».

Возглавлявший Главное управление тыла Вооруженных сил СССР генерал армии А.В. Хрулев рассказывал историку Куманеву: «Вы, возможно, представляете это так: вот Сталин открыл заседание, предлагает повестку дня, начинает эту повестку обсуждать и т.д. Ничего подобного! Некоторые вопросы он сам ставил, некоторые вопросы у него возникали в процессе обсуждения, и он сразу вызывал: это Хрулева касается, давайте сюда Хрулева; это Яковлева касается, давайте сюда Яковлева... И всем давал задания...

В течение дня принимались десятки решений. Причем не было так, чтобы Государственный Комитет заседал по средам или пятницам, заседания проходили каждый день и в любые часы, после приезда Сталина. Жизнь во всем государственном и военном аппарате была сложная, так что никто не уходил из помещения. Никто не декларировал, что должно быть так, — так сложилось».

Распорядок работы Сталина был круглосуточным и определялся регламентом самого Сталина, работавшего, как, правило, в вечернее и ночное время по 12 — 16 часов в сутки. «Он приезжает, — рассказывает Хрулев, — допустим в 4 часа дня к себе в кабинет в Кремль и начинает вызывать. У него есть список, кого он вызывает. Раз он приехал, то сразу все члены Государственного Комитета врываются к нему. Заранее он их не собирал. Он приезжал, — и тогда Поскребышев начинал всех обзванивать».

Взвалив на свои плечи огромную ношу, Сталин не щадил ни себя, ни других. Вместе с тем отмечает Хрулев: «И в Ставке и в ГКО никакого бюрократизма не было. Это были исключительно оперативные органы... На заседаниях не было никаких стенограмм, никаких протоколов, никаких технических работников. Правда, позднее Сталин дал указания управделами СНК Я. Е. Чадаеву кое- что записывать и стал приглашать его на заседания».

Об атмосфере своеобразной деловой «демократии», царившей вокруг Сталина, и начальник Главного артиллерийского управления РККА маршал артиллерии Н.Д. Яковлев: «...когда Сталин обращался к сидящему (я говорю о нас, военных, бывавших в Ставке), то вставать не следовало. Верховный еще очень не любил, когда говоривший не смотрел ему в глаза. Сам он говорил глуховато, а по телефону тихо...

Работу в Ставке отличала простота, большая интеллигентность. Никаких показных речей, повышенного тона, все разговоры - вполголоса. Помнится, когда И. В. Сталину было присвоено звание Маршала Советского Союза, его по-прежнему следовало именовать «товарищ Сталин». Он не любил, чтобы перед ним вытягивались в струнку, не терпел строевых подходов и отходов».

Сталин проявлял чрезвычайную гибкость в случае возникновения дискуссии при обсуждении важных вопросов, не довольствовался поверхностными результатами и поспешными решениями. «Если на заседании ГКО, — пишет Жуков, — к единому

мнению не приходили, тут же создавалась комиссия из представителей крайних сторон, которой поручалось доложить согласованные предложения».

Работавший во время войны нарком вооружений Д. Ф. Устинов тоже отмечает: «При всей своей властности, суровости, — он живо откликнулся на проявление разумной инициативы, самостоятельности, ценил независимость суждений... он не упреждал присутствующих своим замечанием, оценкой, решением. Зная вес своего слова, Сталин старался до поры не обнаруживать отношения к обсуждаемой проблеме, чаще всего сидел будто бы отрешенно или прохаживался почти бесшумно по кабинету, так что казалось, что он весьма далек от предмета разговора, думает о чем-то своем. И вдруг раздавалась короткая реплика, порой поворачивающая разговор в новое и, как потом зачастую оказывалось, единственно верное русло».

В этом дирижировании решениями проблем было стремление добиться прочувствованного отношения участников к осуществлению принимаемого решения, осознания полной причастности к нему, как осмысленной необходимости. «Зная огромные полномочия, — пишет в своих мемуарах Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян, — и поистине железную властность Сталина, я был изумлен его манерой руководить. Он мог кратко скомандовать: «Отдать корпус!» — и точка. Но Сталин с большим тактом и терпением добивался, чтобы исполнитель сам пришел к выводу о необходимости такого шага».

Вместе с тем в том случае, если соображения Сталина оказывались опровергнуты убедительными доводами, он принимал точку зрения своего оппонента, уступая его логике и целесообразности дела. «Мне, — продолжает Баграмян, — частенько самому приходилось уже в роли командующего фронта разговаривать с Верховным Главнокомандующим, и я убедился, что он прислушивался к мнению подчиненных. Если исполнитель твердо стоял на своем и выдвигал для обоснования своей позиции веские аргументы, Сталин почти всегда уступал»¹⁸².

Маршал артиллерии Н.Д. Яковлев вспоминал: «Слово Верховного было законом. В первый год войны я часто, почти каждый день вызвался а Ставку и убеждался в безукоснительном выполнении всеми его указаний. В разговоре с ним можно было приводить доводы и обоснование своих предложений. Можно было просить согласиться с тем, что можно выполнить, и не соглашаться, если Сталин иногда настаивал на невозможном».

Каждая встреча с Верховным Главнокомандующим надолго западала в память общавшихся с ним людей. «Во время обсуждения предложений командующих, — отмечал в своих воспоминаниях маршал Баграмян, — Верховный был немногословен. Он больше слушал, изредка задавая короткие, точно сформулированные вопросы. У него была идеальная память на цифры, фамилии, названия населенных пунктов, меткие выражения. Сталин был предельно собран...»

¹⁸² Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1977. С. 402.

Помимо крупномасштабных операций в кабинете Сталина ежедневно обсуждались и принимались решения, связанные с положением на фронтах, состоянием армии. «Все, — пишет Василевский, — что вырабатывалось тут при взаимных консультациях и обсуждениях, немедленно оформлялось в директивы Ставки фронтам. Такая форма была эффективной».

Порядок работы с бумагами, рассказывает С. М. Штеменко, был упрощен таким образом, чтобы сократить до предела время от принятия решения до его осуществления. «Часто, — свидетельствует он, — такие распоряжения формулировались прямо в Ставке. Сталин диктовал, я записывал. Потом он заставлял читать текст вслух и при этом вносил поправки. Эти документы, как правило, не перепечатывались на машинке, а прямо в оригинале поступали в находившуюся неподалеку аппаратную узла связи и немедленно передавались на фронты».

Часто важнейшие решения принимались Верховным Главнокомандующим «телефонным разговором или указанием на совещании». В книге «Эпистолярные тайны Великой Отечественной войны (служебные записки советского генерала)» генерал-полковник танковых войск Н. И. Бирюков, являвшийся заместителем начальника Управления бронетанковых и механизированных войск Красной Армии, подчеркивает, что Сталин скрупулезно занимался танковой промышленностью. Он руководил формированием танковых соединений, лично распределял танки, поступающие с заводов, руководил через директоров работой танковых заводов и разработками конструкторов по совершенствованию этого вида вооружения.

Он стал стратегом востребованным временем, и ни один полководец до него не оперировал таким кругом многоплановых задач. «За время Великой Отечественной войны, действующая армия провела 51 стратегическую, более 250 фронтовых и около 1000 армейских операций, из них почти две трети наступательных. Все эти операции и сражения проведены под руководством Ставки Верховного Главнокомандования во главе с И. В. Сталиным... Каждый день перед ним отчитывались более 50 его личных представителей на фронтах. Многие подробности развития военных операций знал только он, только ему были известны военные резервы и их места расположения, новые виды боевой техники. В решении всех стратегических вопросов последнее слово принадлежало И. В. Сталину»¹⁸³.

Сталин возложил на себя должности и Председателя Ставки — Верховного Главнокомандующего (ВГК). Одновременно он был Председателем Государственного Комитета обороны.

Единственным подлинным полководцем этого гигантского противостояния двух сражавшихся идеологических систем оказался сам И. В. Сталин. Он был и Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР; он возглавлял

¹⁸³ Соловьев Б., Суходеев В. Полководец Сталин. М., 2001. С. 91.

Ставку ВГК, утверждая планы операций и лично распределял ресурсы для их обеспечения.

Кандидат исторических наук В. Стрельников пишет: «Как Верховного Главнокомандующего его отличали такие черты, как умение предвидеть развитие стратегической обстановки и охватывать во взаимосвязи военно-политические, экономические, социальные, идеологические и оборонные вопросы; способность выбрать наиболее рациональные способы стратегических действий; соединение воедино усилий фронта и тыла; высокая требовательность и большие организаторские способности; строгость, твердость, жесткость управления и огромная воля к победе»¹⁸⁴.

Кроме Сталина, по существу, только руководители Генерального штаба Шапошников Василевский и Антонов систематически и в полном объеме занимались управлением Вооруженными Силами в стратегическом масштабе.

Особенностью Сталина как полководца стало то, что он сам лично занимался оснащением армии новым вооружением, совмещая в одном лице и «заказчика, и поставщика» военной техники, но с наибольшей полнотой его полководческий талант раскрылся в «самой сложной, высшей области военного искусства — стратегии. Еще накануне войны он сформулировал задачу стратегического планирования: «План стратегии — это план организации решающего удара в том направлении, в котором удар скорее всего может дать максимум результатов»¹⁸⁵.

На совещании 10 июня 1943 года А.С. Яковлев записал наставление Верховного Главнокомандующего по использованию новых форм применения истребительной авиации. «Наша истребительная авиация, — говорил Сталин, — разбросана по отдельным фронтам и не может быть использована концентрированно как ударная сила для решения самостоятельных задач, как, например, завоевание господства в воздухе на том или другом участке фронта. Пока наши истребители в основном взаимодействуют с наземными войсками и самостоятельного значения не имеют...»

Сталин предложил создать несколько специализированных истребительных корпусов, подчиненных Главному Командованию, с тем чтобы использовать эти части для массированных ударов в воздухе на решающих участках фронта»¹⁸⁶. Практически только после этого стратегического решения советская авиация стала господствующей в небе войны.

Вождь никогда не стремился к полководческой карьере — еще в 1925 году он решительно отказался от поста Наркома обороны и принял его в 41-м лишь под неотвратимым давлением обстоятельств. Конечно, до войны он значительно меньше вмешивался в военные вопросы, осознанно доверяя их решение профессионалам, посвятившим этому делу жизнь. Свою роль как руководитель

¹⁸⁴ Стрельников В. «Ориентир», 2005.03.

¹⁸⁵ Сталин И. Соч.Т. 5. С. 163.

¹⁸⁶ Яковлев Л. Цель жизни. М., 1967. С. 326.

государства он видел в обязанности создать такую промышленность, чтобы она полностью удовлетворила запросы армии, и он успешно решил эту задачу.

Уже после советско-финской войны Сталин осознанно и критически стал воспринимать мнение военных специалистов и дальновидно использовал передышку пакта Молотова — Риббенотропа для закупок образцов немецкой военной техники. Это позволило конструкторам создать более совершенное чем у потенциального противника вооружение. Но из числа командированных в Германию военных не нашлось специалистов, которые обратили бы внимание на такие «мелочи», как оптические цейссовские прицелы, дальномеры, средства радиоразведки, авиаразведки и немецкие рации.

Полководческую деятельность Сталина нельзя оценивать обычными, устаревшими мерками, проистекающими из буквального смысла этого понятия — как руководство полками или даже армиями. Сталин по праву получил звание Генералиссимуса, и это звание отвечает той роли, которую ему пришлось сыграть в войне. Вторую мировую войну выиграли не «армии», а Советское государство в целом, но — во главе со Сталиным. Причем сами результаты войны определило не тактическое мастерство участвовавших в ней военачальников, а стратегическая сила оружия. Генералиссимус Сталин победил, поскольку на весы победы он положил более современное и мощное вооружение.

Осмысливая тяжелые уроки 1941 года, он предложил рекомендации по эффективному ведению боев и обучению армии. Среди директив и приказов Верховного Главнокомандующего и Наркома обороны были: «О сущности артиллерийского наступления» (10.01.1942); «Об организации взаимодействия между штабами Сухопутных войск и Флота» (20.04.1942); «Об улучшении радиосвязи» (18.05.1942); «О совершенствовании тактики наступательного боя и боевых порядках» (08.10.1942); «О боевом применении бронетанковых и механизированных войск» (16.10.1942) и многие другие. Так, в директиве «О сущности артиллерийского наступления» Сталин прямо назвал преступлением использование пехоты для атак без предварительного, тщательного и длительного артиллерийского наступления. Иосиф Виссарионович постоянно требовал от генералитета щадить людей!

Но обратимся к мнению немецких специалистов. Г. Гудериан пишет: «В результате провала наступления «Цитадель» мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя... Само собой разумеется, русские поспешили использовать свой успех. И уже больше на Восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику»¹⁸⁷.

¹⁸⁷ Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 1998.

Большое внимание Сталиным уделялось совершенствованию боевой техники, поступавшей на вооружение армии и флота. Гигантская работа в годы войны была проделана по производству военной техники — в решающей сфере экономического противоборства с Германией и ее союзниками. Немецкий генерал Курт Типпельскирх писал: «Сталин смог оснастить свои новые армии гораздо лучше, чем оснащались до того времени русские войска. Вновь созданная по ту сторону Урала или перебазированная туда военная промышленность работала теперь на полную мощность и позволяла обеспечить армию достаточным количеством артиллерии, танков и боеприпасов».

Верховный внимательно прислушивался и к запросам военных. «Во второй половине декабря 1943 года, — вспоминает Д.Ф. Устинов, в тот период нарком вооружения, — И. В. Сталин вызвал в Кремль Малышева, Ванникова, Федоренко и меня, Поздоровавшись с нами, он указал на стулья, стоявшие у длинного стола. После того как мы разместились, Сталин высказал неудовлетворение ходом разработки и установки на танк «Т-34» 85-мм пушки. Мы и сами знали, что дела идут неважно. И, тем не менее, резкая оценка, которую нам давал Сталин, была крайне неприятна...

Вопросы нам И. В. Сталин не задавал. Пройдя несколько раз по кабинету, он подошел к своему столу, взял с него какие-то листы и, повернувшись к нам, стал читать их вслух. Это оказалось письмо командира одной из дивизий действующей армии. И. В. Сталин особо выделил из этого письма то место, где сообщалось, что установленные на танках 45-мм и даже 76-мм пушки не эффективны для борьбы с танками противника, особенно с последними модификациями «тигров».

«Тигры» практически нельзя бить в лоб, — писал комдив. — Приходится пропускать их через себя и стрелять в корму... закончив читать письмо, (Сталин) коротко бросил: «85-мм пушка должна быть установлена на танк «Т-34». С начала следующего года выпускать его только с этой пушкой!.. Сталин еще раз прошелся по кабинету и сказал: «Отправляйтесь немедленно на завод. Для вас на Ярославском вокзале заказан вагон. Он будет прицеплен к очередному отходящему поезду...» Через неделю образцы 85-мм пушки были доработаны и прошли испытания».

Ему было присуще качество «распознавания талантливых людей, умелых организаторов. Он решительно подбирал своих помощников из одаренных и талантливых военачальников, выращивал их и смело ставил на ответственные посты. Среди талантливых военачальников, выдвинувшихся в ходе войны: К. К. Рокоссовский, А. М. Василевский, Н.Ф. Ватугин, И.Д. Черняховский, А. Д. Соколовский, И. С. Конев, И. С. Рыбалко, И. И. Федюнинский, А.Е. Голованов, А.В. Хрулев, М. С. Калинин, А.А. Гречко, К.С. Москаленко, Л.А. Говоров, Р.Я. Малиновский, Ф.И. Толобухин, Н.Н. Воронов, Н. Г. Кузнецов, И. С. Исаков и многие другие военачальники, участвовавшие в сложной и тяжелой «работе», какой стала война, принесшая Великую Победу.

Впрочем, Сталин и сам имел огромный опыт стратегического руководства, полученный в годы Гражданской войны. Являясь членом Реввоенсовета Республики, практически всю войну он был Председателем Военных советов фронтов: Царицынского, Южного, Западного, Юго-Западного фронта. То есть это он руководил разгромом атаманов Краснова и Мамантова, генералов Юденича, Деникина, Врангеля и белополяков. Причем его направляли именно туда, «где в силу ряда причин создавалась смертельная опасность для Красной Армии, где продвижение армий контрреволюции и интервенции грозило самому существованию Советской власти».

Но и после Гражданской войны, занимаясь вопросами развития оборонных производств, Сталин уделял много внимания и сил военным вопросам. Он часами разбирался в особенностях новейших вооружений и военной техники — от линкоров и тяжелых крейсеров до стрелкового оружия. Он регулярно и отнюдь не поверхностно общался с высшими руководителями Красной Армии, с конструкторами систем вооружений, с руководителями оборонно-промышленных производств. Многих современников поражало знание Сталиным деталей тактико-технических характеристик кораблей, самолетов, танков и других видов вооружения.

Сталин был не просто широко образованным человеком, он со знанием дела разбирался в принципиальных военных вопросах, в актуальных проблемах военной теории и науки. Он серьезно изучал труды крупнейшего военного теоретика прусского генштаба Карла Клаузевица, знал произведения Суворова и Наполеона, труды Драгомирова и Мольтке, работы по военному искусству Меринга и многих других военных авторов.

Сталин регулярно читал литературу современных ему авторов как по истории войн и военного искусства, так и профессиональную, касавшуюся вопросов в развитии военного дела на всех трех уровнях: стратегическом, оперативном и тактическом. Об уровне полководческого таланта и знаний Сталина свидетельствует уже то, что, оставшись в Москве с Василевским и восьмью офицерами Генштаба, фактически именно он руководил обороной столицы. Ежедневно отслеживая боевую обстановку, он готовил и направлял резервы командующим Западного фронта Жукову и Калининскому — Коневу.

О деятельности Сталина как Верховного Главнокомандующего А.М. Василевский писал: «О Сталине как о военном руководителе в годы войны необходимо написать правду. Он не был военным человеком, но он обладал гениальным умом. Он умел глубоко проникать в сущность дела и подсказывать военные решения».

Впрочем, Генштаб являлся для Сталина именно рабочим органом, позволявшим на основе сбора информации готовить аналитические предложения по постановке стратегических и тактических задач. Однако он не был «рабом» этого аппарата. За время Великой Отечественной войны Генштаб последовательно возглавляли четыре

военачальника: Жуков Г.К., Шапошников Б. М., Василевский А. М. и генерал армии Антонов А. И. Алексей Иннокентьевич Антонов окончил Военную академию им. М.В.Фрунзе в 1931 г. и Военную академию Генштаба - в 1937-м. С декабря 1942 года он занимал должность первого заместителя начальника Генштаба и начальника Оперативного управления, с мая 1943 года — первого заместителя начальника Генштаба, а с февраля 1945 года — начальника Генштаба Вооруженных Сил СССР.

Подчинение начальника Генштаба РККА непосредственно Верховному Главнокомандующему не устранило подчиненности НГШ Наркому обороны в лице того же Сталина. Все начальники Генштаба в этот период были одновременно заместителями Наркома обороны «по Генштабу». Причем «Сталин весьма сократил и сферу деятельности Генштаба, отняв у него многие функции и подразделения, которые традиционно были неотъемлемой принадлежностью генеральных штабов многих стран, по крайней мере, со времен «большого Генерального штаба» Мольтке-старшего»¹⁸⁸.

Примечательно, что в отличие от Вермахта, где Генеральный штаб сухопутных войск являлся для Гитлера главным органом управления на Восточном фронте, Сталин не создавал специального штаба по руководству Сухопутными войсками. Эта задача возлагалась непосредственно на Наркомат обороны, в том числе на Генштаб.

Зато Сталин вывел из Генерального штаба РККА службу тыла. Создав должность замнаркома по тылу, он назначил ее руководителем генерала А. В. Хрулева, который в 1942-43 годах одновременно был и Наркомом путей сообщения СССР. Причем Хрулев непосредственно подчинялся не начальнику Генштаба, как это было в предвоенные годы, а лично Верховному Главнокомандующему. Сталин вывел из Генштаба и связь. Нарком связи СССР И.Т. Пересыпкин одновременно стал и заместителем Наркома обороны по связи.

В определенный момент из подчинения Генштаба была выведена не только стратегическая разведка, но и оперативная, опирающаяся на разведорганы фронтов. При этом 16 февраля 1942 года, приказом Наркома обороны СССР Сталина статус разведки был повышен: разведуправление ГШ КА было реорганизовано в Главное разведуправление Генштаба¹⁸⁹.

Но уже через восемь с небольшим месяцев после создания в Генштабе ГРУ, 23 октября 1942 года новым приказом Сталин выделил из Генштаба Главное разведуправление (ГРУ), переведя его в непосредственное подчинение Народному комиссару обороны, т.е. лично себе. Но при этом из ГРУ НКО КА изымалась войсковая разведка, которая передавалась в создаваемое в Генштабе Управление войсковой разведки с подчинением ему разведотделов фронтов и армий.

В этот период все более активной и результативной стала и разведывательная деятельность военной контрразведки ГУКР «Смерш», которая также подчинялась

¹⁸⁸ *Кокошин А.* Вопросы стратегического руководства обороной России. М., 2001. С. 22-27.

¹⁸⁹ Приказы народного Комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. - 1942 г. М., 1992. С. 154.

И.В.Сталину, как Наркомату обороны. В результате этих реорганизаций Сталин получил «возможность сопоставлять разведданные, поступавшие сразу из четырех источников: от ГРУ НКО СССР, от политической разведки системы НКВД (НКГБ), разведки «СМЕРШ» и от Генштаба, обладавшего войсковой разведкой. И, разумеется, это была очень непростая задача даже для такого неординарного человека, как И.В.Сталин».

Сталин вывел из состава Генштаба и Оргмобуправление, создав Главупраформ Наркомата обороны. Во главе его он поставил Е.А. Щаденко. Такую же реорганизацию он провел и с Управлением военных сообщений (ВОСО), отвечавшим за воинские перевозки и выполнявшим исключительно важную роль в переброске войск для комплектования фронтов. Теперь Управление стало частью не Генштаба, а Тыла Красной Армии. Причем все эти изменения были произведены Сталиным через 6-8 месяцев после того, как завершилась предыдущая крупная реорганизация Генштаба и Наркомата обороны в целом¹⁹⁰.

В результате этих реорганизаций фактически на протяжении большей части войны — у Генерального Штаба было только Оперативное управление — ядро любого Генштаба. Так сказать «генштаб в Генштабе». Рассредоточив в руках других органов Наркомата обороны ряд традиционных генштабовских функций, Сталин освободил Генштаб от лишних функций. Василевский писал: «Освобождение Генерального Штаба от непосредственного участия в укомплектовании и формировании войск Красной Армии, от управления Тылом вооруженных сил (за ним оставалась лишь право контроля) позволило ему сосредоточить основное внимание на оказании Верховному Главнокомандующему помощи в решении оперативно-стратегических вопросов»¹⁹¹.

В конечном итоге, начиная с лета 1943 года, Советский Союз стал обладать одной из наиболее сильных в мировой истории систем стратегического управления, позволившей разгромить такую грозную, высокоэффективную военную машину, которой обладала гитлеровская Германия.

Умный и дальновидный политик Уинстон Черчилль, выступая 8 сентября 1942 года в палате общин, сказал: «Для России большое счастье, что в час ее страданий во главе ее стоит этот великий и твердый полководец. Сталин является крупной и сильной личностью, соответствующей тем бурным временам, в котором ему приходится жить. Он является человеком неистощимого мужества и силы воли, простым человеком... Прежде всего Сталин является человеком с тем спасительным чувством юмора, который имеет исключительное значение для всех людей и для всех наций, и в особенности для великих людей и великих вождей. Сталин произвел на меня также впечатление человека, обладающего глубокой хладнокровной мудростью с полным отсутствием иллюзий какого-либо рода».

¹⁹⁰ Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы... С. 253—

¹⁹¹ Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1973. С. 125-126.

Но завершить книгу мне хочется цитатой из интервью генерала армии в отставке и президента Академии военных наук Махмута Гареева: «Меня Познер спросил как-то: кто победил Сталин или народ? И даже некоторые большие люди говорят, что победил народ, а руководство к победе не имеет никакого отношения. ... Я не знаю, кто автор этой совершенно безумной идеи, что «советский народ победил в мировой войне вопреки руководству страны, вопреки Сталину».

Это настолько тяжелый бред, что диагноз однозначен: это шизофрения, осложненная ненавистью к стране. Шизофрения не в переносном смысле, по Делезу, так сказать, некая «философская шизофрения», а вполне такая классическая, беспримесная шизофрения медицинского образца.

Мне было бы безумно интересно взглянуть на пациента, на его габитус, на горящие безумием глаза, на неряшливую одежду, на кривую ухмылку «непризнанного гения, знающего себе цену». Ведь где-то это сумасшедшее существо топчет землю? (...) Сегодня... как никогда ясно, что те, кто пытаются оторвать Сталина от Победы, на самом деле хотят переиграть итоги войны. Другой цели у них нет, и СССР в виде победителя их никак не устраивает. (...)

И тем не менее я публично обращаюсь к Медведеву и Путину и почему-то уверен, что им донесут мое обращение: «Господа, нравится вам Сталин или нет, но Сталин был во время войны Главнокомандующим. Со Сталиным во главе страна победила. Невозможно оторвать Главнокомандующего от победы. Это в принципе невозможно, даже если вам этого очень хочется.

Нравится вам Сталин или нет, но именно под руководством Сталина Россия из аграрной полуколонии превратилась в мощнейшую индустриальную державу. Что бы вы ни говорили с трибун, как бы ни пытались фальсифицировать цифры, этот факт неопровержим. Чтоб опровергнуть это, вам придется отказать стране не только в Победе, но также и в полете Гагарина, и в ракетно-ядерном щите, и во всеобщей грамотности. (...)

Забывать стране о них абсолютно невозможно! Вы ведь и сегодня существуете и проедаете то, что было создано под сталинским руководством, тогда как сами пока не создали ничего, даже близко равного по масштабу. Несмотря на то что вы активно способствуете дебилизации населения, вы не сможете выветрить из памяти людей эту правду. (...)

Невозможно, будучи в здравом уме, оторвать Главнокомандующего армии-победительницы от Победы. Невозможно оторвать руководителя страны от его самого успешного периода развития. Невозможно, сколько миллиардов ни вкладывай в это безнадежное пропагандистское предприятие... Господа, поймите: в борьбе со Сталиным вы обречены на поражение. Более того, чем яростнее вы будете бороться со Сталиным, тем более откровенно ничтожными вы сами будете на его фоне выглядеть. Мне искренне жаль вас, господа, если вы не понимаете этой очевидности.

... Очнитесь, прекратите выступать клоунами в угоду ничтожной горстке озлобленных фанатиков-психопатов. Не позорьте державу. Это же просто неприлично для руководителей России нести ту ахинею, что несете вы. Над вами же смеяться будут. Уже смеются...»

Как патриот России и соавтор текста Гимна Российской Федерации я тоже подписываюсь под этим честным заявлением.